ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК

ВОПРОСЫ ХЕТТОЛОГИИ И ХУРРИТОЛОГИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК

ВОПРОСЫ ХЕТТОЛОГИИ И ХУРРИТОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:
И. М. ДЬЯКОНОВ и *Г. В. ЦЕРЕТЕЛИ*

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий сборник - первый из серии, посвященной различным отраслям истории и филологии древнего Востока (хеттологии, ассириологии, урартоведению, шумерологии и др.).

Среди отраслей науки, изучающей древний Восток, хеттология и тесно связанная с ней хурритология сейчас наиболее актуальны. Актуальность их определяется, во-первых тем, что лингвистическое изучение языков древней Малой Азии позволяет решать наиболее важные, узловые вопросы сравнительной грамматики и истории развития как индоевропейской, так и кавказской (иберийско-кавказской) семей языков; во-вторых, тем что древние народы Малой Азии исторически теснейшим образом связаны с народами советского Закавказья.

До недавнего времени в советской науке почти отсутствовали специалисты по древним языкам Малой Азии. Число хеттологов-историков также было незначительным. За последние годы, однако, в СССР удалось подготовить ряд хеттологов и хурритологов, что и позволило издать настоящий сборник, являющийся первым смотром сил молодой советской хеттологии.

Сборник выходит как совместное издание Института народов Азии Академии наук СССР и Института языкознания Академии наук Грузинской ССР. К сожалению, в нем смогли принять участие не все советские хеттологи. Редакция надеется, что в дальнейшем совместная работа всех советских хеттологов и хурритологов будет углублена и расширена.

Сборник посвящен главным образом лингвистическим вопросам, в настоящее время наиболее спорным и дискуссионным. Однако часть статей освещает узловые вопросы социально-экономической истории хеттов и хурритов, публикуются также документы из советских собраний, хотя и написанные по-аккадски, но происходящие из хурритского государства Аррапхи.

Статьи сборника учитывают материалы по 1957 год включительно.

Редакторы выражают особую благодарность И.М.Дунаевской, проделавшей большую работу при подготовке сборника к печати.

И.М.Дьяконов

Г.В.Церетели

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВИУ – И.М.Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту ("Вестник древней истории", 1951, № 2-4).

ВДИ – "Вестник древней истории".

ВЯ – "Вопросы языкознания".

ДАН – "Доклады Академии наук СССР", Серия общественных наук.

ЗВАХ – "Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства", под редакцией И.М.Дьяконова ("Вестник древней истории", 1952, № 3 и 4).

ИРАИМК – "Известия Российской Академии истории материальной культуры".

РЗОА – И.М.Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949.

Ил. – "Илиада".

САЗ – Среднеассирийские законы.

УКН – Г.А.Меликишвили, Урартские клинообразные надписи (ВДИ, 1953, № 1; 1954, № 1).

УТ – Указ Телепину.

ХЗ – Хеттские законы.

AAA – "Annals of archaeology and anthropology".

AASOR – "The annals of the American schools of Oriental research".

ABAW – "Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften", Phil.-hist.Abteilung.

AfO – "Archiv für Orientforschung".

AJA – "American journal of archaeology".

AJPh – "American journal of philology".

AJSL - "American journal of Semitic languages and literatures".

AKA - E.A.W. Budge and L.W.King, Annals of the kings of Assyria, I, London, I902.

A.Götze, AM - A.Götze, Die Annalen des Muršiliš, MVAeG, XXXVIII, Leipzig, I933.

Al. - Der Vertrag des Muwattalis mit Alaksandus von Wilusa (J.Friedrich, Staatsver., II, 50).

Ann. - The Ritual of Anniwiyanis (E.H.Sturtevant and G.Bechtel, A Hittite chrestomathy, Philadelphia, I935).

AO - "Der Alte Orient".

ARAB - D.D.Luckenbill, Ancient records of Assyria and Babylonia, I-II, Chicago, I926-I927.

ARM - G.Dossin, Archives royales de Mari, I. Lettres, Paris, I946.

Ar.Or. - "Archiv orientální".

AT - D.J.Wiseman, The Alalakh tablets, London, I953.

(F.Sommer), AU - F.Sommer, Die Aḫḫijāva-Urkunden (ABAW, Neue Folge, VI, München, I932).

BASOR - "Bulletin of the American schools of Oriental research".

BiOr - "Bibliotheca Orientalis".

BoSt - "Boghazköi-Studien".

BoTU - E.Forrer, Boghaz-Köi Texte in Umschrift (WVDOG, XLI-XLII, Leipzig, I922-I926).

BSL - "Bulletin de la Societé linguistique de Paris".

CH - F.Hrozný, Code Hittite, Paris, I922.

CNRS - P.M.Purves, Commentary on Nuzi real estate in the light of recent studies (JNES, IV,2,I945).

Dup. - "Duppi-Tešup -Vertrag" ("Staatsverträge des Ḫatti-Reiches", I), Leipzig, I926.

F,IuS - E.Forrer, Die Inschriften und Sprachen des Ḫatti-Reiches (ZDMG, Neue Folge, I,2,I922).

Fr,Gotth. - J.Friedrich, Zu einigen altkleinasiatischen Gottheiten (JKF, II,2, I952).

Fr,Entziff. - J.Friedrich, Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen, Heidelberg, I954.

Fr, HW - J.Friedrich, Hethitisches Wörterbuch, Heidelberg, I952.

Fr, SD - J.Friedrich, Kleinasiatische Sprachdenkmäler, Berlin, I932.

J.Friedrich, Staatsver. - J.Friedrich, Staatsverträge des Ḫatti-Reiches in hethitischer Sprache (I - MVAeG, XXXI, 1, I926; II - MVAeG, XXXIV,1,I930).

HG - E.H.Sturtevant and E.A.Hahn, A comparative grammar of the Hittite language, I, New Haven, I95I.

Gilg. - J.Friedrich, Die hethitischen Bruchstücke des Gilgameš-Epos (ZA, Neue Folge, V, 1/3, I929).

F.Sommer - A.Falkenstein, HAB - F.Sommer und A.Falkenstein, Die hethitisch-akkadische Bilingue des Ḫattušili I (Labarna) (ABAW, Neue Folge, XVI, München, I938).

F.Sommer, AU - F.Sommer, Die Aḫḫijāva-Urkunden ("Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften"; phil.-hist.Abteilung, N.F., VI, München, I932).

(A.Götze), Ḫatt. - A.Götze, Ḫattušiliš, Der Bericht über seine Thronbesteigung nebst den Parallelexten, Leipzig, I925 (MVAeG, XXIX,3).

E.Sturtevant, Hitt, - E.Sturtevant and G.Bechtel, Hittite chrestomathy, Philadelphia, I935.

Ḫukk. - Der Vertrag des Šuppiluliumaš mit Ḫukkanaš und den Leuten von Ḫajaša (J.Friedrich, Staatsver., II,S.I06,ff).

HSS - "Harvard Semitic series".

IF - "Indogermanische Forschungen".

(E.H.Sturtevant), IHL - E.H.Sturtevant, The Indo-Hittite laryngeals, Baltimore, I942.

ItH - E.A.Speiser, Introduction to Hurrian (AASOR, XX), New Haven, I94I.

JA - "Journal asiatique".

JAOS - "Journal of the American Oriental society".

JCS - "Journal of cuneiform studies".

JEA - "Journal of Egyptian archaeology".

JEN - E.Chiera, Joint expedition with the Iraq museum at Nuzi ("Publ. of the Baghdad school of Oriental research"), I-V, Paris-Pennsylvania, 1927-1934; VI, by E.R.Lacheman, New Haven, Conn., 1939.

JENu - Unpublished Nuzi tablets in the Oriental institute of the University of Chicago.

JKF, KlF - "Jahrbuch für kleinasiatische Forschung".

JNES - "Journal of Near Eastern studies".

KBo - "Keilschrifttexte aus Boghazköi" (WVDOG, 30,36), Leipzig, 1920-1921.

Kh, PHB - A.Kammenhuber, Die protohattisch-hethitische Bilinguis vom Mond... (ZA, Neue Folge, XVII (51), 1955).

KlF cm. JKF.

KUB - "Keilschrifturkunden aus Boghazköi" ("Staatliche Museen zu Berlin", S. 1921 ff.).

Kup. - "Der Vertrag Muršiliš' II. mit Kupanta-^{d}KAL von Mira und Kuwalija" (J.Friedrich, Staatsver., I, 106).

L, CB - E.Laroche, Une conjuration bilingue Hatti-Hittite (JKF, I,2, 1950).

L, DH - E.Laroche, Recherches sur les noms des dieux hittites, Paris, 1947.

L, EP - E.Laroche, Études "protohittites" (RA, XLI, 1-4,1947).

L, HD - E.Laroche, Hattic deities and their epithets (JCS, I, 3, 1947).

L, OH - E.Laroche, Recueil d'onomastique hittite, Paris, 1951.

LUU - H.Otten, Luvische Texte in Umschrift, Berlin, 1953.

A.Götze, Madd. - A Götze, Madduwattas (MVAeG, XXXII, 1, 1928).

Man. - "Die Reste des Vertrags Mursilis' II mit Manapa-Dattas" (J.Friedrich, Staatsver., II, 5).

MDOG - "Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft".

MIO, MIOF - "Mitteilungen des Instituts für Orientforschung".

A.Götze-H.Pedersen, MS - A.Götze und H.Pedersen, Mursilis'

Sprachlähmung ("Det kgl.Danske Videnskabernes Selskab", hist.-filologiske Meddelelser, XXI, 2, København,1934).

MVAG, MVAeG - "Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft".

A.Götze, NBr - A.Götze, Neue Bruchstücke zum großen Texte des Ḫattušiliš und den Paralleltexten (MVAeG, XXXIII, 2, I930).

NF - "Neue Folge".

NFS - H.Lewy, The Nuzian feudal system ("Orientalia", XI, Roma, I942).

NKDFL - E.A.Speiser, New Kirkuk documents relating to family laws (AASOR, X, I930).

NKDS - A.Saarisalo, New Kirkuk documents, relating to slavery ("Studia Orientalia", 5,3, Helsingforsiae, I934).

NKDSt - E.A.Speiser, New Kirkuk documents relating to security transactions (JAOS, I932-I933, 52,4 M 53,I).

NKRA - P.Koschaker, Neue keilschriftliche Rechtsurkunden aus der El-Amarna-Zeit ("Abhandlungen des Sächsischen Akademie der Wissenschaften", Phil.-hist.Klasse,Leipzig, I928).

NPN - I.J.Gelb, P.M.Purves, A.McRae, Nuzi personal names, Chicago, I943.

NRET - P.R.Steele, Nuzi real estate transactions, New Haven, I943.

NS - Nova series, Nouvelle série.

OLZ - "Orientalistische Literaturzeitung".

Or. - "Orientalia".

(F.Sommer-H.Ehelolf), Pāp. - F.Sommer und H.Ehelolf, Das hethitische Ritual des Pāpanikri von Komana (BoSt,I0,I924).

(O.Gurney), Prayers - O.Gurney, Hittite prayers of Mursili II (AAA,27,I940).

RA - "Revue d'assyriologie et d'archéologie Orientale".

RA XXIII - C.J.Gadd, Tablets from Kirkuk ("Revue d'assyriologie", XXIII, I926).

RHA - "Revue hittite et asianique".

Rg-Véda - Th.Aufrecht, Die Hymnen des Ṛgveda, I-II, 3.Aufl. Berlin,1955.

SAT - D.J.Wiseman, Supplementary copies of Alalakh tablets (JCS, VIII, 1954, 1-30).

SMN - "Semitic museum of Nuzi".

SPAW - "Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften", Phil.-hist.Klasse.

Staatsver. - CM. J.Friedrich, Staatsver.

A.Götze, Tunn. - A.Götze, The Hittite ritual of Tunnawi ("American Oriental series", New Haven, 1938).

TCL IX - G.Contenau, Contrats de Kerkouk (Textes cunéiformes du Louvre, IX), Paris, 1926.

TTKB - "Türk tarih kurumu". Belleten.

TtN - H.Lewy, The titennūtu texts from Nuzi ("Orientalia", X,4, Roma, 1941).

VBoT - A.Götze, Verstreute Boghazköi-Texte, Marburg a.d.Lahn, 1930.

WO - "Die Welt des Orients".

WVDOG - "Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft".

WZKM - "Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes".

ZA, NF - "Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete" (Neue Folge).

ZDMG - "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft".

Э. А. МЕНАБДЕ

О РАБСТВЕ В ХЕТТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В советской науке уже сделаны первые попытки изучения социально-экономической истории Хатти. Ряд ценных высказываний о рабстве у хеттов мы находим в трудах В.В.Струве[1] и Н.М.Никольского[2], В.И.Авдиева[3] и И.М.Дьяконова[4]. Однако, к сожалению, мы все еще не располагаем основательными и всесторонними марксистскими трудами по вопросам рабства у хеттов. Это объясняется главным образом сравнительной молодостью советской хеттологии как науки. В последнее время намечаются пути решения этих кардинальных проблем хеттологии. Основное внимание направлено на изучение отдельных социально-экономических вопросов Хеттского царства.

Значительно больше внимания до сих пор уделялось проблемам хеттологии за рубежом. Однако и в исследованиях зарубежных авторов положению рабов в хеттском обществе отведено весьма мало места. Этой теме специально посвящена всего одна статья югославского ученого В.Коротца[5], который лишь бегло рассматривает ряд во-

---

I. См. работы В.В.Струве: "История Древнего Востока", М., 1940, стр.251-252; "О "гуманности" хеттских законов" (ВДИ, 1947, № 4), стр.11-20; "Очерки социально-экономической истории Древнего Востока", М.-Л., 1934, стр.45-65; "Параграфы 34 и 36 Хеттского Судебника" (ВДИ, 1937, № 1), стр.33-38.

2. В.Н.Дьяков и И.М.Никольский, История древнего мира, М.,1952

3. В.И.Авдиев, История Древнего Востока,М.,1953, стр.339-341.

4. И.М.Дьяконов и Я.М.Магазинер, ЗВАХ, Комментарии к Хеттским Законам (ВДИ, 1952, № 4), стр.285-308.

просов (защита жизни и неприкосновенность личности, власть господина над своим рабом, брак у рабов, способность владеть имуществом и отвечать за свои преступления). В.Коросец приходит к выводу, что "рабы у хеттов были не только объектом права, подобно римским рабам, но и субъектом права" [6]. Такое заключение не может считаться вполне правильным, хотя и нельзя отрицать существенного различия между хеттскими и римскими рабами в том смысле, что первые в отдельных случаях могли обладать известной правоспособностью. Делать отсюда вывод, что хеттское право имело гуманный характер, связанный с проявлениями "индоевропейского духа", неверно. Однако ряд зарубежных ученых - А.Гётце, Л.Делапорт, О.Гэрни, Э.Нейфельд, С.Алп и другие, касаясь вопросов рабства у хеттов, приходит именно к этому выводу [7]. Заметим, что все они исходят из неправильной предпосылки о существовании феодализма у хеттов и, таким образом, фактически считают рабство в Хатти явлением, не определяющим сущность этой общественно-экономической формации. Не следует, конечно, смешивать буржуазное понимание феодализма (как общества, где существуют отношения вассалитета) с марксистским его пониманием.

---

5. V.Korošec, Einige Beiträge zum hethitischen Sklavenrecht ("Festschrift Paul Koschaker", III, Weimar, 1939), S.127-139.Ср.: V.Souček, Einige Bemerkungen über status libertatis und status servitutis im hethitischen Recht ("Charisteria orientalia",Praha, 1956), S.316-320.

6. V.Korošec, Einige Beiträge..., S.128.

7. A.Götze, Kleinasien ("Kulturgeschichte des Alten Orients", III, 1, Handbuch der Altertumswissenschaft, III, 3, Teil 1),München, 1933, S.99-100; L.Delaporte, Les hittites, Paris, 1936, p. 184-185; O.Gurney, The Hittites, Harmondsworth, 1952, p.70-72; E.Neufeld, The Hittite laws, London, 1951, p.119-121, 138-140, 146, 148, 165-166, 186, 194; S.Alp, Die soziale Klasse der NAM.RA-Leute und ihre hethitische Bezeichnung (JKF, I, 2, 1950),S.113-135.

В трудах этих ученых нередко можно встретить заявления о том, что одной из целей государственной власти в Хатти была забота о бедных и обездоленных, благополучие населения и процветание страны [8]. По мнению этих ученых, присущий индоевропейцам "дух демократизма" породил гармонию классов, дал рабам возможность обогащаться и таким образом привел к стушевыванию граней между свободным и рабом [9]. Некоторые видят здесь даже "социальную революцию в действии" [10].

Ясно, что для подобных утверждений нет никаких оснований.

Кроме того, весьма путаны представления буржуазных ученых о социальной структуре хеттского общества, в котором они видят два, три "класса", а то и более [11]

И тем не менее труды западных ученых оказывают нам весьма значительную помощь, ибо они содержат богатый фактический материал, а также ряд бесспорных положений, пренебрегать которыми не должен ни один исследователь.

Институт рабства в хеттском обществе следует рассматривать как главный фактор, определяющий характер хеттского социального организма. Это не означает отрицания роли общественного слоя свободных сельских общинников как основных производителей материальных благ на Древнем Востоке вообще и в Хеттском государстве в частности. В какой-то мере нельзя не согласиться с утвер-

---

8. См., например: A.Götze, Kleinasien, S.84; L.Delaporte, Les hittites, p.I74.

9. A.Götze, Kleinasien, S.99; E.Neufeld, The Hittite laws, p.I46.

IO. A.Scharf und A.Moortgat, Ägypten und Vorderasien im Altertum, München, I950, S.354.

II. См.: E.Neufeld, The Hittite laws, p.II9; R.Follet, Les lois hittites ("Mélanges de l'Université Saint Joseph", XXX, 1, Beyrouth, I953), p.9-IO; G.Contenau, La civilisation des hittites et des hurrites du Mitanni, Paris, I948, p.II5; Dr.Afet, Etilerde Ekonomi Hayati (TTKB, I939, III, 11-I2), S.425.

ждением И.М.Дьяконова, что "в количественном отношении основной фигурой хеттского общества был свободный общинник" [12]. Однако данное положение вряд ли правильно для всех периодов хеттской истории.

На первом этапе становления хеттской государственности правящий класс не был заинтересован в значительном увеличении числа рабов[13], ибо не обладал еще мощным аппаратом для того, чтобы держать в повиновении огромные массы порабощенных людей. В этом и не было большой необходимости: выходившее из состояния перво-

---

12. И.М.Дьяконов и Я.М.Магазинер, Комментарии..., стр. 286. - Иной точки зрения придерживается акад.В.В.Струве, который считает, что "только благодаря переложению всего (курсив мой. - Э.М.) производительного труда на плечи рабов хетты могли вести интенсивную завоевательную политику" /В.В.Струве, Очерки социально-экономической истории Древнего Востока, стр.65/. Однако внимательное изучение Хеттских Законов и других хеттских документов не дает оснований утверждать, что материальные блага в Хатти производились только трудом рабов.

13. См., например, сообщение правителя Куссара Анитты о том, что он, захватив Несу, взял в плен лишь "царя" этой страны, "никому /из жителей/ злого не сделал" (J.Friedrich, Aus dem hethitischen Schrifttum,XXIV, 3, 1925, S.6). Конечно, столь "снисходительное" отношение Анитты к населению побежденной страны продиктовано отнюдь не гуманностью хеттского правителя, ибо несколькими строками ниже автор текста сообщает о безжалостном опустошении покоренных областей, но опять-таки ничего не говорит о захвате пленных (по-видимому, подразумевается, что значительная часть населения уничтожалась).

Разумеется, очень трудно делать какие-либо далекоидущие выводы из единственного документа. Поведение Анитты могло быть продиктовано какими-либо конкретными обстоятельствами. Кроме того, мы вовсе не беремся утверждать, что при Анитте не было случаев

бытнообщинного строя хеттское общество вполне удовлетворяло себя трудом свободных общинников и опиралось на прочность этих общин, т.е. к тому времени еще не созрели экономические условия для применения рабского труда в широких масштабах. С усилением централизации власти в руках правителей Хатти появилось мощное оружие - войско, способное вести длительные завоевательные войны и держать в повиновении эксплуатируемое большинство. Увеличился приток рабов, и стал возрастать удельный вес их труда в экономике страны, особенно в связи с большой потребностью в боеспособном мужском населении для ведения многочисленных войн. Как известно, военные кампании велись в период разгара сельскохозяйственных работ. Поэтому уход основной, наиболее работоспособной части мужского населения на войну требовал ее замены в хозяйстве.

В этих условиях вполне понятен процесс вытеснения труда общинников рабским трудом, который временно мог даже приобрести преобладающее значение. Однако этот процесс никогда не был доведен в Хатти до логического конца. Наибольшее применение рабского труда мы находим в эпоху расцвета Хеттской державы, когда она с успехом вела завоевательные войны[14]. С того же момента,

---

захвата военнопленных. И тем не менее думается, что такой захват в те времена не носил еще систематического и массового характера. Если мы сравним анналы Суппилулиумы и Мурсили II, то мы, несомненно, заметим, что первый захватывал пленных в меньшем количестве, чем Мурсили II, и часто даже уничтожал пленных, когда число их было велико. Поэтому вряд ли наше предположение ошибочно.

14. Если судить по анналам Мурсили II, содержащим наиболее полные данные о захвате пленных, то можно с полным основанием заключить, что число рабов в Хатти составляло сотни тысяч /см.: A.Götze, AM; E.Cavaignac, Les annales de Murŝil, II, RA, XXVI, 4,1929, p.145-188/. Достаточно сказать, что Мурсили II в анналах, дошедших до нас неполностью, около 40 раз говорит о захвате пленных и лишь в пяти случаях называет более или менее точную цифру (в общей сложности минимум 117 530 пленных).

когда усилилось сопротивление хеттской экспансии и цари Хатти (начиная с Хаттусили III) вынуждены были проводить "мирную" политику, приток рабов-военнопленных значительно сократился, что, несомненно, должно было сказаться на социальном составе населения. Число рабов, занятых в экономике страны, резко уменьшилось, большинство бывших воинов должны были вернуться к производительному труду, а сельская община - вновь приобрести относительно (в сравнении с эпохой могущества Хеттского царства) прочное положение, отвоевав ряд утраченных ею позиций.

Сельская община в Хатти проявляет определенную устойчивость, а труд свободных сельских общинников сохраняет свое значение на протяжении почти всей истории хеттского общества. Однако количественное преобладание общинников не играет существенной роли при определении характера хеттского общества. Здесь важно то обстоятельство, что хеттское общество знает два противопоставленных друг другу, антагонистических класса: класс рабов и класс рабовладельцев (к последнему, несомненно, надо причислять всех свободных лиц, хотя значительное их число являлось скорее потенциальными, чем фактическими рабовладельцами). Действительно, такое деление общества и противопоставление класса рабов классу рабовладельцев красной нитью проходит через все три таблицы Хеттских Законов. При этом в Хеттских Законах мы не встречаем дифференцированного подхода (в смысле уголовноправовой ответственности) к различным слоям свободного населения.[15] Конечно, некоторое различие существовало[16], но в данном случае нас интересует вообще факт подчеркнутого противопоставления раба свободному.

Для хеттского общества характерно наличие двух классов: рабовладельцев и рабов. Противоречия обострились именно между этими

---

15. Ср. И.Н.Бороздин, Хеттские законы ("Новый Восток", 1923, кн.4), стр.293; см.также работы В.В.Струве: "Очерки социально-экономической истории Древнего Востока", стр.61; "О "гуманности" хеттских законов", стр.15.

классами. Средние слои населения (в данном случае общинники) пополняли как тот, так и другой класс (главным образом, конечно, класс рабов). И если этот процесс в Хатти, как и вообще на всем Древнем Востоке, не был доведен до логического конца, если мы здесь не имеем таких рабовладельческих государств, как Греция и Рим, то это объясняется недоразвитостью, архаичностью, примитивизмом рабовладельческого общества на Востоке, общества, сохранившего массу пережитков первобытнообщинного строя и отличавшегося во многих отношениях патриархальностью рабства.

I. ИСТОЧНИКИ РАБСТВА

Источники рабства в Хеттском государстве мы делим на две категории: основную и второстепенную. К первой относятся обращение в рабство военнопленных, должников (долговая кабала) и преступников, а также покупка рабов. Ко второй - рабство как результат бракосочетания и кражи или похищения.

Помимо этого, рабство следует рассматривать и во времени. В этом аспекте мы различаем наследственное, пожизненное и временное рабство. В первом случае рабское состояние переходит от отца к сыну, т.е. распространяется на весь род и потомство данного раба; во втором - рабство ограничено жизнью данного (обычно свободнорожденного) лица, а в третьем - оно не выходит за рамки определенного срока.

Изучая источники рабства у хеттов, можно заметить, что основную массу рабов составляли военнопленные. Об этом довольно мно-

---

I6. Так например, при сопоставлении § 3I-33 Указа Телепину и § I73 Хеттских Законов мы видим, что в обоих случаях речь идет об антигосударственных (направленных против царя) действиях, но в первом случае, когда преступником является представитель знати, говорится лишь о персональной ответственности преступника, без конфискации его имущества; во втором же - нарушитель царского решения уничтожается вместе со всем своим "домом" (быть может, здесь имеется в виду рядовой свободный хетт).

гочисленные данные предоставляют нам хеттские письменные документы. Первые, относящиеся к периоду хеттского царя Мурсили I (около 1620-1590 гг. до н.э.) сведения о захватах больших масс военнопленных и обращении их в рабов мы находим в Указе Телепину, в § 9 которого говорится:

"(28) И на город Халпа он пошел, и город Халпа разрушил, пленных(N A M.R A^{MEŠ})и добро города Халпа (29) в город Хаттуса принес. А затем на город Вавилон пошел и город Вавилон разрушил, (30) хурритов разгромил, пленных и добро города Вавилона в город Хаттуса доставил".

Как видно из текста, разграбление чужих стран и захват пленных носят уже не случайный, а систематический характер. Это приводит нас к мысли, что Мурсили I был не первым хеттским царем, захватывавшим пленных в более или менее значительных количествах.

В анналах хеттских царей мы часто встречаем данные о захвате пленных, причем нередко указывается довольно точное их количество и место назначения. Так, хеттский царь Суппилулиума (около 1380-1340 гг. до н.э.) неоднократно указывает в своих анналах[17] на захват многих сотен пленных в самых различных странах. Число этих пленных колеблется от сотни до нескольких тысяч. Суппилулиума, например, сообщает, что в стране Кассу он захватил тысячу пленных, в стране Амка - 3330, в стране Касулахума - 1000 и т.д.[18].

Наиболее полные сведения о захвате пленных содержатся в анналах внука Суппилулиумы - Мурсили II (около 1339-1306 гг. до н.э.). Мурсили II сообщает о захвате им 15,5 тыс.пленных после штурма горы Ариннада, 16 тыс. человек - после похода на Пурунду, 66 тыс. - в покоренной Арцаве и т.д.[19].

---

17. 2 BoTU, 31-44. См. также: H.G.Güterbock, The deeds of Suppiluliuma, JCS, X, 2, 1956, p.41 sq.

18. 2 BoTU, 41, § 5, 36-37; § 12, 42-43; 2 BoTU 42, § 4, 5-7. См.также: E.Cavaignac, Les annales de Šubbiluliuma ("Revue des Études Anciennes", XXXII, 1930), p.238.

Как видим, пленные большими массами поступали в Хатти. При этом следует особо подчеркнуть, что в царских текстах речь в основном шла о тех пленных, которые составляли царскую (государственную) собственность, и обычно умалчивалось о количестве пленных, захваченных военачальниками и отдельными воинами. Мурсили II в следующих словах передает сведения о захвате пленных: "Тех пленных, которых я, мое Солнце, доставил во дворец, их было 15 500 человек. Тех же пленных, которых захватили военачальники и колесничие Хатти, было бесчисленное множество" [20].

Интересно свидетельство Хеттских Законов о праве захватчика на приведенного им пленного раба. В § 23 ХЗ мы читаем: "(60) ... Если раб бежит (61) и он во вражескую страну уйдет, то тот, кто приведет его обратно, (62) может взять его себе". Таким образом, раб, бежавший на родину (во "вражескую" страну, т.е. страну, не имевшую договорных отношений с Хатти), становился свободным, ибо "вражеская" страна не обязана была его выдавать. Для его возврата требовался новый акт насилия (война, разбой), в результате которого беглец мог оказаться в руках другого хетта, а прежний хозяин не мог претендовать даже на компенсацию.

Отсюда ясно видно, что право обращения пленных в рабов у хеттов было возведено в закон, о чем и свидетельствует § 23 ХЗ.

Сведения о кабальных отношениях в Хатти весьма скудны, но все-таки имеются все основания полагать, что кабальные отношения были довольно широко распространены [21].

---

19. A.Götze, AM, S.56-57, 64-67, 70-71, 76-79, 136-137, 170-171.

20. Ibid.

21. Ср. работы: В.В.Струве, Очерки социально-экономической истории Древнего Востока, стр.58; "О "гуманности" хеттских законов, стр.11-12; И.М.Дьяконов и Я.М.Магазинер, Комментарии..., стр.285.

В данном случае наше внимание привлекает § I72 ХЗ, в котором говорится: "(9) Если свободного человека кто-либо в голодный год (I0) сохранит в живых, то тот может дать замену за себя. Если же это - раб, то он должен дать I0 сиклей серебра".

Из этого положения следует, что человек, оказавший помощь другому свободному лицу, попавшему в затруднение во время голода, получает на него все права рабовладельца [22]. Чтобы избежать рабства, "оживленный" мог предоставить своему спасителю "замену", в качестве которой, по-видимому, выступал либо раб, либо член семьи "оживленного". Так или иначе, но результатом "оживления" было рабство [23]. Не приходится, конечно, говорить о том, что данная статья отнюдь не свидетельствует о "гуманизме" хеттов, о существовании у них установленного законом обязательства помогать бедным и обездоленным [24]. Весьма странен "гуманизм", влекущий за собой состояние рабства [25].

Косвенным доказательством существования долговой кабалы у хеттов могут быть данные § 48, XL[26] ХЗ. Основываясь на них, можно полагать, что для свободных членов хеттского общества вовсе не была исключена возможность продажи членов своих семей в рабство, что в первую очередь характерно для семьи несостоятельного должника.

Нет сомнения, что долговая кабала, в зависимости от характера и размеров долга, приводила к временному, пожизненному или наследственному рабству.

---

22. И.М.Дунаевская говорит о некоей "полурабовладельческой власти" (ЗВАХ, стр.277, прим.3).

23. Ср.: В.В.Струве, О "гуманности" хеттских законов, стр.I6.

24. См., например: A.Götze, Kleinasien, S.I08; E.Neufeld, The Hittite laws, p.I85.

25. В этом отношении среднеассирийское законодательство (см.: САЗ, Ш, § 39) значительно "гуманнее" хеттского. Ср.: В.В.Струве, О "гуманности" хеттских законов, стр.11-20.

26. Римскими цифрами мы обозначаем статьи Ш таблицы ХЗ.

Обращение в рабство как мера наказания широко известно на древнем Востоке. Хеттские Законы довольно часто предусматривали возмещение определенным количеством "голов" за то или иное преступление (§ I-4, I9, 42 ХЗ и др.). В качестве этих "голов" могли выступать как рабы, так и члены семьи преступника [27]. Для рабовладельца таковыми были, конечно, рабы, и хеттское право лишь в одном случае (сожжение человека) требует возмещения собственным сыном (§ 44 ХЗ). Не исключалась также возможность порабощения и самого преступника (§ 43 ХЗ).

Одно из самых ранних свидетельств об обращении в рабство как мере наказания мы находим в § 26 УТ, где речь идет о помилованных и обращенных царем в рабство заговорщиках - представителях знати: «... (П, 28) А я, царь, сказал: (29) "Зачем им умирать? Пусть скроют глаза". И я, царь, отделил их, (30) превратил в людей плуга; с правого бедра снял с них оружие[28] и ярмо дал им[29]».

Во всех приведенных случаях мы имеем дело с такой ответственностью, когда преступник либо сам несет наказание (ответственность "собственной головой": наказание не затрагивает ни членов его семьи, ни имущества), либо уплачивает компенсацию или штраф (т.е. вынужден поступиться частью своего имущества, не исключая рабов и даже членов своей семьи). Однако Хеттские Законы знают не только подобную форму ответственности, но и полную конфискацию ("уничтожение") имущества преступника (при этом последний наказуется либо смертной казнью, либо порабощением). Такую ответственность несли обычно при преступлениях, направленных про-

---

27. Ср.: И.М.Дьяконов и Я.М.Магазинер, Комментарии..., стр. 289, 305; E.Neufeld, The Hittite laws, p.I30-I3I.

28. Очевидно, знак их знатного происхождения.

29. Т.е. обратил в рабство. Ср.: Н.М.Никольский, Реформа хеттского царя Телепина ("Известия АН БССР", I948, № 2), стр.53; /И.М.Дунаевская/, ЗВАХ, стр.257, прим.I.

тив самих устоев государства и общества [30], и она могла быть одним из источников рабства в Хатти, ибо в результате подобного наказания сам преступник и члены его семьи обращались в рабов.

---

30. См.: § I9, 50, I73 X3 и так называемую "Инструкцию служителям дворца" /J.Pritchard, Ancient Near Eastern texts relating to the Old Testament, Princeton, I950, p.207/. - В связи с этим вопросом важное значение имеет правильное понимание хеттской фразы parnaššea šuwaizzi.

Первые переводы этой фразы, данные Б.Грозным ('ses obligations il remplit') /см.: B.Hrozný, CH, § I-5, 7, 8, II-I5 и т.д./, И.Фридрихом и Х.Циммерном ('dann tilgt er seine Schuld') /см.: J.Friedrich und H.Zimmern, Hethitische Gesetze aus dem Staatsarchiv von Boghazköi, AO, XXIII, 2, Leipzig, I922, § I-4 и др./, ныне отвергнуты наукой. Сейчас ученые находят в этой фразе тот смысл, что ответственность преступника в случае неуплаты штрафа расширяется и он отвечает всем своим имуществом (в имущество входят и рабы); создается впечатление, что данная фраза может рассматриваться как указание на коллективную ответственность, т.е. как некий источник рабства у хеттов. Так, Э.Стертевант переводит эту фразу: 'and he gives his farm buildings as security' /E.H. Sturtevant, Hitt., p.2II, § I-4 sq./; А.Гётце: 'and pledge his estate as security' /J.Pritchard, Ancient Near Eastern texts..., p.I89, § I-4 sq/; Э.Нейфельд: 'and his estate shall be liable' /E.Neufeld, The Hittite laws, p.I, § I-4 sq./; И.Фридрих: 'er stösst (die Verpflichtung?) auch zu seinem Hause?' или 'er haftet auch mit sienem Hause?' /Fr, HW, S.I62/; И.М.Дунаевская: 'а также отвечает своим домом' /ЗВАХ, стр.259 и сл./. Ср. R.Haase, Über die Formel parnaššeia šuuaizzi in den hethitischen Gesetztexten, WO, Göttingen, I956.

Однако, все эти переводы несколько далеки от истинного значения данной фразы. Нам кажется, что Э.Нейфельд совершенно правильно дает буквальный перевод этой фразы /см.: E.Neufeld, The

Прямых данных о продолжительности рабского состояния, наступившего в результате наказания преступника, мы не находим в хеттских текстах. Однако можно почти безошибочно предполагать, что

Hittite laws, p.132/. Parna - дательный-местный падеж 'в дом'; še - местоимение 'его'; ya - союз 'и'. Глагол šuwa- связан по смыслу с глаголом 'толкать' (stössen, to push), т.е. совершать определенное действие в известном направлении. Значит, буквальный перевод фразы будет: 'и в его дом толкает (?)'. Ср. буквальные переводы Вальтера, Нейфельда и Алпа. Исходя из подобного понимания выражения parnaššea šuwaizzi, мы осмеливаемся утверждать, что ее смысл заключается в том, что преступник передает возмещение (будь то "головы", денежный штраф, скот или что-либо другое) непосредственно в дом (в семью, в собственность) пострадавшего. В таком случае получаем следующий смысловой перевод § 1 ХЗ: Если кто-нибудь убьет в драке мужчину или женщину, то он должен его похоронить, дать 4 "головы" мужчин или женщин и передать их в его /пострадавшего/ собственность (дом) . Очевидно, так же следует переводить эту фразу и во всех других случаях.

При таком понимании parnaššea šuwaizzi, конечно, не может быть и речи о какой-либо "дополнительной" или "коллективной ответственности" /см.: H.Pedersen, Hittitisch und die anderen indo-europäischen Sprachen, Copenhagen, 1938, S.183; V.Korošec, Die Kollektivhaftung im hethitischen Recht, Ar.Or., XVIII, 3, 1950, S.209, Anm.112; E.Neufeld, The Hittite laws, p.133; ср.также: И.М.Дьяконов и Я.М.Магазинер, Комментарии..., стр.297/.

А.Гётце /A.Götze, Zur Interpretation der hethitischen Gesetze, ZA, N.F., II, 3-4, S. 264/ в свое время указывал, что это выражение не встречается в статьях, где речь идет о полной конфискации имущества или штрафе в размере менее 6 сиклей, и это он приписывал тому, что в первом случае наказание и так поглощало весь "дом" преступника, а во втором оно было слишком ничтожно. Это мнение

характер рабства в рассматриваемых случаях зависел от вида и значения преступления. В случаях особенно тяжких преступлений (преступления против государства и общественной системы), оче-

---

было поддержано Э.Кюком /E.Cuq, Études sur les droits babyloniens, assyriens et hittites, Paris, 1929, p.500/. Однако, как вполне правильно подметили С.Алп и И.М.Дьяконов /см. S.Alp, (рецензия на) E.Neufeld, The Hittite laws..., JCS, VI, 2, 1952, S.94-95; И.М.Дьяконов и Я.М.Магазинер, Комментарии.., стр.297/, этот принцип проведен в Хеттских Законах далеко не последовательно. Действительно, в ряде статей мы встречаем фразу parnaššea šuwaizzi при очень низких возмещениях (§ 14, 25, 91, 122, 123, 133 ХЗ), а в других, когда штраф довольно высок, она вовсе отсутствует (§ 5, 93, 107, 144, 170 ХЗ). Таким образом, мнение Гётце - Кюка не находит подтверждения, так же как и мысль о том, что в данной фразе скрыта какая-то "дополнительная ответственность". Действительно, кажется весьма странным, чтоб после четкого определения размеров возмещения та или иная статья Хеттских Законов указывала на какую-то неясную "дополнительную" ответственность "своим домом". Возьмем, к примеру, § 57 ХЗ, где говорится о возмещении в 15-кратном размере за кражу одного племенного быка. Наказание само по себе очень высокое. Требуется ли после этого еще "отвечать своим домом"? Во всяком случае, это трудно предположить.

Если при нашем толковании данной фразы вполне понятно ее отсутствие в статьях, где речь идет о смертной казни (§ 126, 170, 173 ХЗ), ибо в данном случае некому и нечего передавать в дом пострадавшего, то совершенно невозможно объяснить с иной точки зрения, почему при столь тяжких преступлениях виновник не "отвечает своим домом".

Интересно заметить, что наличие фразы parnaššea šuwaizzi в § 97 ХЗ подтверждает нашу мысль. Не имея строго юридического значения, эта фраза не всегда упоминалась авторами Хеттских Законов.

видно, имело место наследственное рабство. Не исключена возможность существования пожизненного (§ 43 ХЗ) и временного рабства, хотя о последнем мы не имеем прямых данных (в § I0, I03, I05 ХЗ нельзя найти подобных указаний).

Заметим, что в § 9, I7, I8, 25 и ряде других речь идет о равной сумме компенсации (т.е. преступления квалифицируются как эквивалентные), но в одних из них есть выражение parnaššea šuwaizzi, а в других оно отсутствует. Кроме того, в более поздних редакциях Хеттских Законов эта фраза встречается реже. Так, например, если в I таблице ХЗ она упоминается в 40 статьях, то во II - в I5, а в III - всего лишь в одной. Ясно, что здесь нельзя искать объяснения в тенденции к смягчению норм хеттского права. Имеются все основания предполагать (ср.§ 9 и 25 ХЗ), что в ранний период хеттской истории возмещение поступало в собственность всей общины (или государства), но затем, в связи с укреплением отдельных семейств и сосредоточением в руках их глав частной собственности, такая компенсация поступала непосредственно в данную семью, а все другие члены общины не имели к ней никакого отношения. На первых порах в записях хеттского права существовала вполне понятная необходимость для подчеркивания того обстоятельства, что определенное возмещение поступает непосредственно в дом пострадавшего, а затем, с течением времени, когда данное правило прочно вошло в жизнь, нужда в подобном повторении отпала.

Не исключена также возможность, что актом передачи компенсации в дом (в собственность) пострадавшего подчеркивалось полное искупление вины преступником, а пострадавший предупреждался, что он после получения строго установленного законом возмещения не имеет права продолжать преследовать правонарушителя, мстить ему. В раннюю эпоху развития хеттского общества, когда пострадавший мог мстить по своему усмотрению, в этом отношении царил полный произвол, сфера действия которого постепенно суживалась (ср.,например, § 49 УТ, а также § I97-I98 ХЗ).

Работорговля достигла значительного развития в период создания самостоятельного Хеттского государства.

Параграфы I76 A и I77 X3 устанавливают твердые цены (от I0 до 25 сиклей) на определенные категории рабов, в основном квалифицированных ремесленников. Цены на рабов в Хатти не были высокими, что способствовало большому притоку рабской силы.

Косвенное свидетельство о торговле членами своей семьи встречается и в § 48, XL X3. Попавший в затруднительное положение (долги, обнищание, голод) хетт всегда мог прибегнуть к продаже членов своей семьи, чтобы облегчить свое положение. Тем самым он способствовал поставке рабской силы на внутренний хеттский рынок.

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что проданный в рабство человек находился в состоянии наследственного рабства.

Рабство как результат бракосочетания было временным и возникало и в строго определенных случаях. Обычно бракосочетание с рабом не являлось противозаконным деянием, но при известных обстоятельствах (§ 35 и I75 X3) брак с рабами вида AGRIG и SIPA считался нарушением закона и, хотя сам брак не расторгался, женщина в этом случае временно теряла свободу (на срок до четырех лет).[3I]

Насколько можно судить по тексту § 49-2I X3, кража и похищение рабов были довольно широко распространены в Хатти.

Таким образом, рассматриваемая фраза могла быть простым предупреждением: раз преступник уплатил штраф (или каким-либо другим образом возместил убыток), он свободен от дальнейшей ответственности и никто не имеет права его тронуть. Вначале, когда еще пережитки личной мести были чрезвычайно живучи, такое предупреждение было необходимо, но с течением времени, когда новый правопорядок достаточно укрепился, оно потеряло всякий смысл и было почти совершенно изъято из текста законов.

Все сказанное приводит нас к мысли, что фраза parnaśśea šuwaizzi не может указывать на источник рабства у хеттов.

Насильственный увод чужого раба из другой страны (будь то "вражеская" или "дружественная" страна) поощрялся самим государством (§ 23 ХЗ) и во всяком случае не считался противозаконным деянием. Действительно, как можно видеть из § 21 ХЗ, увод раба у хозяина (в данном случае лувийца) даже из "дружественной" страны (здесь - Лувии) не квалифицировался как преступление, и при обнаружении хозяином похищенного раба он мог претендовать только на его возвращение.

В § 19-21 ХЗ рассматриваются четыре возможных случая похищения, и только в трех предусмотрено определенное наказание. Самым тяжким преступлением считалась кража лувийцем раба: хетт мог "забрать весь его /преступника/ дом" (é-ir-še-it-pat ar-nu-zi), т.е. порабощал преступника вместе со всеми его домочадцами (наивысшая в данном случае мера наказания) [32]. Столь суровое наказание обусловлено заинтересованностью господствующей народности хеттов в ограждении своих интересов от посягательств извне.

---

31. Акад.В.В.Струве /В.В.Струве, Параграфы 34 и 36 Хеттского Судебника, стр.38-39/ иначе толкует смысл указанных статей, считая, что здесь речь идет о долговом рабстве, как и в § 117 Кодекса Хаммураби. Как нам кажется, это предположение не может соответствовать действительности. Согласно мнению В.В.Струве (там же, стр.36-37), брак с рабом на известном этапе развития хеттского общества стал предосудительным деянием (§ 34 ХЗ), и закон стремился оградить свободную женщину от подобного брака.

Кроме того, если, согласно В.В.Струве, здесь мы имеем указание на долговое рабство, то почему в § 175 говорится о временном (от двух до четырех лет) рабстве для жены, но о пожизненном рабстве для ее детей? Не проще ли объяснить это тем, что дети раба являются рабами?

32. И.Холт переводит: 'он забирает всех его рабов' /см.: J.Holt, Quelques interprétation du Code hittite, Ar.Or., XVII,1, 1949, p.316; ср.также J.Friedrich, Sprachliches zu den hethitischen Gesetzen, ZA, NF, II (XXXVI), 1925, S. 42/.

Во второй части § I9 ХЗ речь идет о "похищении" хеттом лувийца (по-видимому, раба) из Хатти. Не может быть никакого сомнения в том, что здесь говорится о посягательстве на имущество /раба/ одного представителя господствующей народности со стороны другого хетта. В данном случае наказание значительно мягче: оно выражено в шестикратном возмещении.

Сравнивая § 20 с § 2I ХЗ, мы можем заключить, что в первом случае похититель-хетт уводит у хозяина-хетта раба-хетта [33], т.е. здесь похититель посягает на "священное право" рабовладельца. Однако поскольку сам похититель принадлежал к числу свободных хеттов, наказание в данном случае не столь сурово, как предусматривается в § I9, и ограничено I2 сиклями серебра.

Вполне возможно, что "похищение" не всегда можно квалифицировать как насильственный увод раба. Тут могли быть и случаи переманивания рабов хозяевами друг у друга, когда рабы, привлеченные сравнительно лучшими условиями (например, в крупных хозяйствах), охотно переходили к новому хозяину; его ответственность за подобное деяние была весьма невелика.[34] В этом отношении наше внимание привлекает § 24 ХЗ, где речь идет о временном задержании беглого раба в хозяйстве другого рабовладельца. Даже задержание подобного рода влекло за собой определенное возмещение, ко-

---

33. Не может быть никакого сомнения в том, что в данном случае хозяин раба - хетт, проживающий в Лувии. К этой мысли нас приводит указание на тот факт, что в § 2I речь идет о похищении раба у л у в и й ц а . В последнем случае наказание не предусмотрено, в то время как в § 20 говорится об определенном возмещении, т.е. по-видимому, пострадавшим являлось лицо, находившееся в более привилегированном положении, чем лувиец. Такой личностью мог быть только представитель господствующей народности - хетт.

34. О возможности включения беглых рабов в хозяйства крупных рабовладельцев см.: В.В.Струве, О "гуманности" хеттских законов, стр. I8.

торое, как нам кажется, не намного превосходило обычную плату за наем того или иного работника [35], т.е. здесь, вероятно, предусматривалась в основном выплата определенной суммы за временную эксплуатацию чужого раба.

Таким образом, рабство, наступившее в результате кражи или похищения, имело наследственный характер.

II. ПОЛОЖЕНИЕ РАБОВ

Раб в хеттском обществе являлся полной собственностью своего господина, который распоряжался им по своему усмотрению, т.е. власть рабовладельца на своего раба (на его жизнь и смерть) была неограниченной. Раб же своим поведением и смирением обязан был заслужить расположение своего господина, дабы не вызывать гнева последнего и не навлекать на себя и своих сородичей жесточайшей кары. Положения хеттского права скреплялись ссылками на религию и указанием на то, что власть господина над своим рабом также безгранична, как и власть богов над людьми.

В подтверждение сказанного можно привести ряд весьма ярких свидетельств хеттских письменных памятников. В "Инструкции" храмовым людям[36] сказано:

" § 2. I(2I) Является ли положение человека каким-либо иным, /чем положение/ богов? Нет! Так ли это? Нет! (22) Положение - одинаково. Когда раб стоит перед своим господином, (23) то он умыт и чистое одеяние имеет. (24) И он дает ему и пить и есть. (25) И он, его господин, что-либо ест и пьет; (26) и он душой

---

35. К сожалению, нам известна плата за наем только сельскохозяйственных работников и работниц на кухне (§ I58): соответственно - 30 и I2 P A ячменя за два (?) месяца работы.

36. E.H.Sturtevant, A Hittite text on the duties of priests and temple servants, JAOS, LIV, 4, I934, p.364-367; E.H.Sturtevant, Hitt., p.I28-I29, I48-I49; J.Pritchard, Ancient Near Eastern texts..., p. 207-208; O.Gurney, The Hittites, p. 70-7I.

смягчается и благорасполагается (?) к нему. (27) Когда же он (т.е. раб. - Э.М.) противится (?) и становится непослушным(?), (28) то к нему - другое отношение. И если раб своему господину (29) досаждает, то он его либо убивает, либо лишает его носа, глаз,(30) ушей; либо он (господин раба. - Э.М.) привлекает его к ответу /вместе с/ его женой, его сыновьями, (31) его братом, его сестрой, его кумом, будь то его раб или рабыня. (32) И тогда осуждают его публично (??) и рассматривают его как ничто; (33) и если он тогда умирает, то он умирает не один: его семью также хоронят с ним.

§ 3. I(34) И если, с другой стороны, кто-либо досаждает чувствам бога, (35) разве бог наказывает его одного пред собой? (36) Разве не вместе с его женой, его сыном, его потомками, его семьей, его рабами, его рабынями, его крупным рогатым скотом, (37) его мелким скотом наказывает он его пред собой? и не сносит ли он его совершенно?"

Таким образом, по представлению автора данного текста, власть господина над своим рабом можно уподобить власти бога над человеком. Всякое посягательство на права рабовладельца считается деянием, направленным против существующей общественной системы, и карается со всей строгостью закона. § I73 X3 гласит: "(II) Если решение царя кто-либо нарушит, (I2) дом его разрушается (?). Если решение сановника (I3) кто-либо нарушит, голова того (I4)отсекается. Если раб против своего господина восстанет, (45) то он в сосуд пойдет" [37].

В данной статье говорится, с одной стороны, об охране интересов господствующего класса рабовладельцев (о чем можно судить по тому факту, что существовала крайне жестокая кара для рабов),

---

37. Речь, по-видимому, идет о какой-то особенно мучительной казни /см.: В.В.Струве, О "гуманности" хеттских законов, стр.I5; E.Neufeld, The Hittie laws, p.I86/.

а с другой, - о принципе "поголовного рабства": каждый является "рабом" вышестоящего лица, все - "рабами" царя. Таков основной принцип, по которому строилась хеттская общественная система. Нарушения его, по вполне понятным причинам, считались самыми тяжкими преступлениями в Хеттском царстве.

Один из хеттских письменных памятников кратко и на редкость четко определяет взаимоотношения рабовладельца со своим рабом: "И если раб в чем-либо провинится... что его хозяин с ним сделать захочет, может он с ним сделать... Хозяин этого раба не наказывается".[38]

О столь же жестоком обращении с рабами говорится, по-видимому, и в "Инструкции" служащим царского дворца [39]. И тут мы встречаемся с фактами массовой расправы с непокорными "слугами" (очевидно, рабами). Все рассмотренные выше документы свидетельствуют о крайне тяжелом положении рабов, находившихся, как правило, во власти неограниченного произвола своих господ. Поэтому вряд ли можно утверждать, подобно некоторым зарубежным ученым, что хеттское право отличалось снисходительностью, гуманностью к рабам, которые были якобы под покровительством закона [40]. Думается, что нельзя согласиться и с мнением академика Н.М.Никольского о том, что положение хеттских рабов было сравнительно сносно, а охрана законом их жизни доказывает малочисленность рабов в Хатти [41]. Как нам

---

38. См.: A.Götze, Die Pestgebete des Muršiliš, JKF, I, 1929, S.216-217; O.Gurney, The Hittites, p.71; V.Korošec, Einige Beiträge..., S.132; V.Korošec, Die Kollektivhaftung im hethitischen Recht, S.199, Anm.71.

39. См.: J.Pritchard, Ancient Near Eastern texts..., p.207.

40. См., например: E.Ring, Israels Rechtsleben im Lichte der neuentdeckten assyrischen und hethitischen Gesetzesurkunden, Stockholm-Leipzig, 1926, S.142-143.

41. Н.М.Никольский, Хеттские законы и их влияние на законодательство Пятикнижия ("Еврейская старина", XII, 1928, стр.223-224.

известно, § 282 Законов Хаммураби ограничивается отрезанием уха в случае неповиновения раба [42]. Кроме того, мы уже убедились в том, что рабы в Хеттском государстве отнюдь не были малочисленны. К тому же наказания, применяемые к непослушным рабам их господами, указывают, что в Хатти вовсе не дорожили жизнью рабов [43], ибо они поступали в страну в большом количестве.

Правда, в тексте Хеттских Законов мы неоднократно сталкиваемся с фактами наказания за убийство раба (§ 2, 4, П), за членовредительство, нанесенное ему (§ I2, I4, I6, УI), за выкидыш, случившийся у рабыни по вине ответчика (§ I8), и т.д. Однако во всех этих случаях законодателя не интересует личность раба, он занят лишь охраной собственности рабовладельца. За рабом не признается человеческое достоинство. Возьмем для сравнения § 3 и 4 ХЗ, в которых говорится о непредумышленном убийстве свободного и раба. В первом случае законом предусмотрено известное наказание: преступник дает за убитого не только возмещение (одну "голову"), но и штрафуется выплатой второй "головы". Во втором же случае, когда убит раб, нет никакого наказания: необходимо лишь возместить хозяину убитого утраченную им рабочую силу, т.е. закон не видит в данном случае никакого уголовного преступления [44].

Этот принцип охраны собственности рабовладельца наглядно виден на примере тех статей закона, в которых говорится о похи-

---

42. Ср. В.В.Струве, О "гуманности" хеттских законов, стр.I5-I8.

43. О ценах на рабов см. § I76 А - I77 ХЗ.

44. Ср.: И.М.Дьяконов и Я.М.Магазинер, Комментарии..., стр. 289. - Против сказанного можно возразить, что, согласно § 2 ХЗ, за умышленное убийство раба положено не только простое частноправовое возмещение, но и дополнительный штраф, т.е. тут налицо факт совершения определенного наказуемого деяния. Как нам кажется, преступление и здесь считается направленным не против самого раба, а против собственности его хозяина (умышленное посягательство на собственность рабовладельца).

щении и краже рабов (§ 19-24). Здесь все направлено к единственной цели: восстановлению нарушенных прав собственника-рабовладельца, и только.

Заметим, что по Хеттским Законам наказание за преступление против раба предусмотрено лишь в тех случаях, когда преступное деяние направлено одновременно против собственности другого лица [45]. В отношения же хозяина со своим рабом закон, как видно, не вмешивался, предоставляя рабовладельцу неограниченные возможности действовать по своему усмотрению.

Таким образом, раб рассматривался как вещь, предмет собственности[46], и в принципе его положение ничем не отличалось от положения рабов в других древневосточных странах.

Однако, несмотря на все это, взгляд на раба как на вещь в хеттском праве проведен далеко не последовательно. Эта противоречивость, присущая всему древневосточному миру, наиболее наглядно проступает в законах, регулирующих брак среди рабов. За известными категориями рабов признается право иметь свою семью, в определенных (крайне ограниченных) случаях они могут выступать как субъект права[47]. И тем не менее раб оставался вещью, имуществом, собственностью своего хозяина, его могли произвольно убивать либо миловать, продавать и покупать; в случаях тех или иных преступлений хозяина раб мог поступать в возмещение наряду с деньгами (серебром), скотом и зерном.

---

45. Ср. V.Korošec, Einige Beiträge zum hethitischen Sklavenrecht, S.134.

46. Р.Фолле указывает, что раб рассматривался скорее как собственность, чем как человеческая личность (R.Follet, Les lois hittites, p. 127). А.Гётце относит рабов к движимому имуществу наряду со скотом (A.Götze, Kleinasien., S.106). Ср. также E.Neufeld, The Hittite laws, p.120.

47. Ср. И.М.Дьяконов и Я.М.Магазинер, Комментарии..., стр.287-288.

Выше мы рассмотрели случаи, когда раб являлся объектом преступления. Однако Хеттские Законы устанавливают определенные наказания и при совершении того или иного правонарушения самим рабом, т.е. речь идет о рабе - субъекте преступления (конечно, в данном случае не имеются в виду противозаконные деяния, направленные против собственного хозяина).

Судя по § 93, 95, 97 и 99 ХЗ, создается впечатление, что хеттское право действительно проявляет известную снисходительность по отношению к рабам, устанавливая для них, как правило, вдвое меньшие размеры возмещения[48]. Из какого же имущества выплачивал раб это возмещение? И.М.Дьяконов считает, что компенсация бралась из пекулия раба[49]. Однако этот пекулий не являлся его собственностью[50], а принадлежал его господину, который мог отнять его в любую минуту. Отсюда ясно, что за преступление раба обычно нес ответственность его хозяин, расплачиваясь из своего имущества. Теперь "снисходительность" хеттского права становится вполне понятной: господин раба-преступника как личность, непосредственно не причастная к преступлению, не мог нести ответственность за него в полном объеме и выплачивал лишь часть (половину) предусмотренного законом возмещения. Рабу же в наказание отрезали нос или уши, т.е., по сути дела, клеймили.

§ 95 и 99 Хеттских Законов прямо говорят о том, что ущерб, нанесенный в результате преступления раба, возмещается его хозяином. Если мы правильно понимаем § 95, то при всем этом подразумевается, что пострадавший должен все же полностью получить украденное (или его стоимость), а от дополнительного штрафа (6 сиклей) хозяин раба-преступника может отказаться. Но в последнем случае раб переходит в собственность пострадавшего.

---

48. Э.Нейфельд считает, что в данном случае закон учитывал меньшую платежеспособность рабов /E.Neufeld, The Hittite laws, p.98/.

49. И.М.Дьяконов и Я.М.Магазинер, Комментарии..., стр.288.

50. Там же, стр.287.

Если учитывать родственность преступлений, предусмотренных в § 93-99 Хеттских Законов, то, думается, не лишено оснований предположение, что во всех этих случаях (как, очевидно, и во всех случаях преступлений, совершаемых рабами) за противозаконные деяния раба в конечном счете отвечал его хозяин (мы имеем в виду, разумеется, преступления, требовавшие возмещения определенными ценностями: деньгами, скотом или другим имуществом). Это настолько очевидный факт, что Хеттские Законы, по-видимому, не считали нужным всякий раз его подчеркивать.

Следует несколько подробнее остановиться на праве рабов владеть небольшим п е к у л и е м , который, как уже отмечалось выше, не составлял, конечно, их собственности[51]. Данная возможность, предоставляемая рабам, характерна для их положения и в Ассирии, Вавилонии и других странах Древнего Востока[52].

Судя по дарственной записи одного из хеттских царей, Арнуванды Ш (около I220-II90 гг. до н.э.)[53], в состав этого пекулия могло входить очень небольшое количество голов скота. Достаточно сказать, что в хозяйстве, насчитывавшем II0 рабов, было всего I5 быков, 22 овцы и 2 осла, принадлежащих им на правах владения пекулием. Из рассматриваемого текста неясно, принадлежал ли этот скот отдельным, находившимся в более привилегированном положении рабам или всем им вместе. Однако, учитывая известное расслоение внутри класса рабов (это расслоение могло быть вызвано различным

5I. Ср.: В.В.Струве, Очерки социально-экономической истории Древнего Востока, стр.63-64, И.М.Дьяконов и Я.М.Магазинер, Комментарии..., стр.287.

52. См., например: И.М.Дьяконов и Я.М.Магазинер, Комментарии ..., стр.224; G.Contenau, La vie quotidienne à Babylone et en Assyrie, Paris, I950, p.29; J.Mendelsohn, Slavery in the Ancient Near East, New York, I949, p.66-74.

53.: См. J.Friedrich, Aus dem hethitischen Schrifttum, AO, XXIV, 3, I925, s. 3I-32; В.В.Струве, Очерки социально-экономической истории древнего Востока, стр.63.

уровнем квалификации рабов, необходимостью выделения из их среды надсмотрщиков и руководителей работ, фаворитизмом в отношении более одаренных лиц или наложниц и т.д.), можно предполагать, что этот скот принадлежал лишь небольшой их группе. Следует подчеркнуть, что от владения ничтожным пекулием до права собственности очень далеко. Поэтому лишены всяких оснований утверждения зарубежных ученых о праве рабов в той или иной мере владеть собственностью[54] и возможности их обогащения, что якобы вело к установлению социальной справедливости и равенства. Так, например, Э.Нейфельд пишет: "... У хеттов отсутствие свободы не являлось препятствием для приобретения личного богатства, и наличие денег уже клало начало стушевыванию границы между свободным и рабом"[55].

С такими утверждениями нельзя, конечно, согласиться, ибо пекулий раба, отданный ему во владение, являлся собственностью его хозяина, который вряд ли допустил бы обогащение собственного раба и потерю своих прав на него. Пользуясь неограниченным правом собственности на своего раба, рабовладелец вполне мог регулировать его "богатство", не давая ему возможности вырваться из тисков порабощения. В случае необходимости раб, вероятно, мог быть лишен своего пекулия по усмотрению хозяина, верховного собственника как раба, так и его пекулия.

Характерно, что в Хеттском государстве статус, права и обязанности рабов различных категорий отнюдь не были тождественны.

Древневосточное общество знает в основном три категории рабов: государственных, храмовых и рабов, находившихся в частной собственности. Если положение последних определялось теми общими постановлениями, о которых уже была речь выше, то положение пер-

---

54. E.Neufeld, The Hittite laws, p.120-121; R.Follet, Les lois hittites, p.12; A.Scharf und A.Moortgat, Ägypten und Vorderasien im Altertum, S.354; O.Gurney, The Hittites, p.72.

55. E.Neufeld, The Hittite laws, p.146; ср.: A.Götze, Kleinasien, S.99.

вых двух категорий носило несколько иной характер. При почти полном слиянии светской и духовной власти в Хатти статус государственных рабов мало чем отличался от статуса храмовых рабов. Поэтому мы считаем необходимым в первую очередь остановиться на положении г о с у д а р с т в е н н ы х р а б о в, считавшихся собственностью царя Хатти.

Исходя из того факта, что в отношениях между рабом и рабовладельцем царил узаконенный произвол последнего, мы считаем вполне нормальным явлением, что Хеттские Законы не определяют положения рабов, упоминая их лишь в тех случаях, когда они совершали какое-либо преступление. Поэтому все те виды рабов (N A M.R A, ḫipparas, A G R I G, S I P A и др.), которые упоминаются в тексте законов в другой связи, должны быть отнесены, по нашему мнению, к категории государственных рабов, составлявших, вероятно, основную массу порабощенного населения Хеттской державы.

Специальному государственному ведомству É.Z Á (или É.N Á 'дом печати', 'сокровищница')[56] поручалась организация эксплуатации государственных рабов на самых различных работах. Что они действительно находились в ведении данного "дома печати", можно видеть из следующего отрывка[57]: "... (2) и дому печати (A-NA É.Z Á-ni) какие поселения (U R U.ḪI.A) отданы, какие ремесленники (LÚ.MEŠ BÈL QĀTI), (3) какие земледельцы (точнее: 'люди аренды' LÚ.MEŠ U R U$_4$.L A L)[58], пастухи крупного рогатого скота (LÚ.MEŠ S I P A.G U D), пастухи мелкого скота (LÚ.MEŠ S I P A. U D U) отданы, (4) какие воины (? LÚ.MEŠ ša-ri-ku-wa-za) приданы, - то (все) они с их домами (и) поселениями (5) дому печати отданы".

---

56. О данном термине см.: E.H.Sturtevant, A Hittite Glossary, Philadelphia, 1936, p.33; A.Götze, AM, S.231; E.Neufeld, The Hittite laws, p.17, § 52; Dr.Afet, TTKB, XI, 1947, 43, p.426; B.Hrozný, Code hittite, p.47.

57. См.: A.Götze, AM, S.231.

58. Фактически, однако, это не арендаторы: ср. § 26 УТ.

Таким образом, "дом печати" владел многочисленными поселениями и работниками, занятыми в самых различных отраслях производства. Трудность возникает при определении социального положения этих людей, находившихся в ведении "дома печати". С одной стороны, упоминание в приведенном тексте целых поселений, казалось, должно было говорить о том, что это скорее свободные сельские общинники. Однако несколько затруднительно представить целые общины в ведении "дома печати". Кроме того, как вытекает из текста § 52 ХЗ, "дом печати" владел рабами, по-видимому, являвшимися теми ремесленниками, земледельцами и пастухами, о которых речь шла в рассматриваемом тексте. Уже факт их непосредственного подчинения "дому печати" (не через посредство общин) должен подтверждать нашу мысль. Что же касается упомянутых в тексте поселений, то они могли быть колониями государственных рабов, а что рабы объединялись в целые "корпорации", можно видеть из § 49 ХЗ.

Таким образом, как нам кажется, "дом печати" являлся управлением государственных (царских) земель и всего движимого и недвижимого государственного (царского) имущества. Интересно отметить, что, как свидетельствуется в одном хеттском документе, преступление против "дома печати" каралось смертью, а имущество преступника подлежало конфискации в пользу "дома печати"[59]. Все это указывает на то, что здесь речь идет об одном из важнейших государственных ведомств, преступление против которого квалифицируется как антигосударственное деяние, подрывающее устои рабовладельческого общества.

Поэтому термин Ì R É.Z Á (§ 52 ХЗ) мы понимаем как "раб дома печати", т.е. государственный (царский) раб вообще[60]. В

---

59. В указанном документе читаем: "(11) если против дома печати (12) кто-либо смертный грех совершит, то он должен умереть, а его дом /переходит к/ дому печати" (цит.по кн.V.Korošec, Die Kollektivhaftung im hethitischen Recht, S.197).

60. О несколько ином понимании этого термина см.: A.Götze, Kleinasien, S.99-100; E.Neufeld, The Hittite laws, p.17, N.66.

§ 52 XЗ вслед за упоминанием "раба дома печати" следует "раб сына царя" (ÌR DUMU LUGAL). Отсюда почти безошибочно можно сделать вывод, что перед этим последним упоминается раб, находившийся в собственности более высокопоставленного лица, каковым мог быть лишь сам царь Хатти.

Наиболее близки по своему положению к "рабам дома печати" "рабы сыновей царя", являвшиеся также государственными рабами и отличавшиеся от первых лишь тем, что они находились на землях, завоеванных и отданных в управление членам царского рода. Эти рабы не были в прямом ведении "дома печати", а подчинялись и местным правителям ("сыновьям царя"), откуда, по-видимому, и произошло их название. В отдельных предписаниях хеттского царя правителям областей auriyaš E N-aš(BĒL MADGALTI) говорилось, что эти последние обязаны руководить рабской силой, следить за поведением рабов и за организацией их труда[61].

Таким образом, как рабы "дома печати", так и "рабы сыновей царя" являлись государственными рабами, а различие в их наименовании указывает лишь на то, в чьем непосредственном ведении они находились.

В ведении"дома печати" находились и люди šarikuwaš. Значение этого термина пока нельзя считать установленным окончательно,но если верна интерпретация А.Гётце, Э.Стертеванта и И.Фридриха[62], то можно предполагать, что под указанным термином понимались вооруженные группы людей; своеобразное "гражданское войско" (нечто вроде полиции), которому была поручена охрана означенных государственных владений и имущества, а также предупреждение восстаний рабов, принуждение их к труду. Не исключена возможность, что

---

61. См.: E.Laroche, La voeu de Puduḫepa, RA, XLIII, I/2, I949, p.73; S.Alp, Die soziale Klasse der N A M.R A Leute, JKF, I,2, I950, S.I2I.

62. A.Götze, AM, S.230-232; E.Sturtevant, A Hittite glossary, p.I34; Fr., HW, S.I85.

под этим термином понималась та часть пленных, которая, оставаясь в рабстве, получала привилегию носить оружие и быть воинами.

Рассмотрим более подробно положение отдельных групп государственных рабов: N A M.R A, ḫipparaš, A G R I G и S I P A.

В науке ныне утвердилось мнение, что под термином N A M.R A следует понимать всю живую силу ("добычу"), захваченную на войне, т.е. пленных как из числа воинов, так и из числа мирного населения[63]. N A M.R A означал "пленного" и первоначально не имел социального значения. Это подтверждается сообщениями хеттских царей о захвате ими многочисленных N A M.R A в период военных кампаний[64]. Ясно, что в этот момент не могло быть и речи о будущем социальном статусе людей N A M.R A.

Из числа людей N A M.R A выходили не только государственные рабы, но и рабы частных собственников. Хеттские тексты сообщают нам о захвате N A M.R A отдельными воинами[65]. Таким образом, этот термин указывал не на социальный статус, а лишь на происхождение данных рабов из числа пленных. Существует мнение, что фонетическим написанием шумерской идеограммы N A M.R A является хеттское слово ^{LÚ}ḫipparaš[66]. Однако, как увидим ниже, вряд ли оно оправдано.

Если видеть в термине N A M.R A представителя социального класса, то таковым должен быть раб, но не обязательно государственный. Правда, внутри Хеттского царства люди N A M.R A выступают в первую очередь как государственные рабы. Это видно уже из того факта, что Мурсили II повествует нам об их отправке в свои

---

63. S.Alp, Die soziale Klasse der N A M.R A Leute, JKF, I,2, 1950, S.115; E.Neufeld, The Hittite laws, p.12, n.46; И.М.Дьяконов и Я.М.Магазинер, Комментарии..., стр.265, прим.3.

64. См., например, анналы Суппилулиумы и Мурсили II.

65. A.Götze, AM, S. 56-57, 64-67, 76-77 и т.д.

66. Л.Л.Дунаевская, СВАХ, 4, стр.265, прим.3.- В настоящее время принято чтение arnuṷala- (от глагола arnu-).

владения (во "дворец")[67], а также из того обстоятельства, что они поселялись на опустошенных завоеванных территориях[68]. В этом последнем случае они находились под надзором местного правителя области (auriyaš E N-aš), о чем уже говорилось выше.

Обращение в N A M.R A было одним из видов наказаний непокорного населения завоеванных областей. В одном из хеттских текстов[69] указывается, что население восставшего города получило статус N A M.R A и было доставлено к царю. Здесь, очевидно, подразумевается, что царь мог поступить с ними по своему усмотрению: либо казнить, либо обратить в своих рабов.

В другом тексте[70] мы находим фразу "ŠA L U G A L N A M.R A.Ḫ I.A", т.е. "царские N A M.R A". Учитывая данный факт, а также то обстоятельство, что N A M.R A находились в распоряжении царя, можно без всяких колебаний заключить, что здесь речь идет исключительно о государственных (царских) рабах.

В рабском положении N A M.R A не может быть никакого сомнения по ряду обстоятельств. В перечне добычи, захватываемой хеттскими царями, люди N A M.R A упоминаются наряду со скотом и поступают в полное распоряжение победителя. Кроме того, их могли свободно продавать и даже безнаказанно убивать, о чем говорится в следующем хеттском тексте: "И затем людей N A M.R A, которые

---

67. См.: A.Götze, AM, S. 56-57, 64-67, 76, 77, а также: 2 BoTU,4I,§ I2, 42-43.

68. E.Cavaignac, RHA, I, 6, I932, p.I94, I96; A.Götze, Kleinasien, S.99; S.Alp, Die soziale Klasse der N A N.R A Leute, S. II3. - Как нам кажется, поселение пленных на новых землях не должно было означать их освобождения от рабского состояния. Это своеобразное состояние государственного рабства вполне характерно для недоразвитых форм рабовладения на Древнем Востоке.

69. См.: S.Alp., Die soziale Klasse der N A M.R A Leute,S.II4.

70. См.Ibid., S.II7.

/были/ в городе, они захватили и 7 человек убили... 65 N A M.R A забрали /с собой/ и 10 N A M.R Aя купил /у них/"[71].

Поэтому мы не можем согласиться с теми, кто рассматривает их как "полусвободных" лиц. С.Алп считает, что раз люди N A M.R A не зависели от произвола отдельных лиц и подлежали распоряжению царя, поскольку о них ничего не говорится в Хеттских Законах, и о них "заботились" правители отдельных областей, то все это должно свидетельствовать против их рабского состояния, в пользу того, что они рассматривались хеттским правом как лица свободные[72]. Однако указанные предпосылки вовсе не приводят нас к данным выводам. Принадлежность царю людей N A M.R A не означала привилегии для них, а лишь указывала на тот факт, что они являются царскими рабами, царской собственностью, которой никто, кроме самого царя, не смел распоряжаться. Что же касается "заботы" о них, то это всего лишь забота о сохранности царской собственности. Замалчивание в Хеттских Законах статуса N A M.R A следует толковать (не в силу самого факта молчания, а в силу всех приведенных выше обстоятельств) как раз в обратном смысле, а именно, что хеттское право рассматривало людей N A M.R A как лиц, находившихся в состоянии рабства.

Выше мы уже видели, что N A M.R A могли быть использованы на сельскохозяйственных работах и в ремесле. Но этим не ограничивалось их применение. Из их числа, по-видимому, выходили также слуги и наложницы. В одном из хеттских письменных документов мы читаем:

"Из людей N A M.R A доставленных мне из дворца, я взял одного слугу и одну женщину"[73].

В наиболее привилегированном положении находились, несомненно, те пленники (N A M.R A), которые обязывались хеттами к несению

---

71. Цит.по статье: S.Alp., Die soziale Klasse der N A M.R A Leute, S.II6.

72. Ibid., S.II7-II9.

73. S.Alp, Die soziale Klasse der N A M.R A Leute, S.II5.

воинской повинности (šahhan) (§ 40 ХЗ). Обращение пленных в воинов было вызвано определенной нехваткой мужской силы, что в свою очередь порождалось непрерывными войнами хеттских царей[74].

Об обращении части военнопленных в воинов мы имеем свидетельства и ряда других хеттских источников. Мурсили II сообщает в своих анналах[75], что он сделал воинами 3 тыс. N A M.R A, захваченных им в стране Дуккамма. Тот же царь в своих соглашениях с Таргасналли и Kupanta-K A L сообщает об обращении им в воинов пленных, захваченных в Арцаве[76]. Все это служит свидетельством довольно распространенной практики обращения пленных в воинов. Несомненно, факт превращения пленного в воина еще не означал его перевода в разряд свободных. Войсковые формирования из людей N A M.R A являлись, очевидно, одним из родов "вспомогательных войск", подкреплением для основной ударной силы хеттской армии, состоявшей из довольно привилегированного общественного слоя хеттских воинов.

О незавидном и тяжелом положении людей N A M.R A свидетельствует тот факт, что количество беглых рабов из числа этой категории было весьма значительным, и хеттские цари во многих своих соглашениях с правителями покоренных стран предписывали им выдавать бежавших из Хатти людей N A M.R A (как и вообще всех рабов)[77]. В случае отказа правителя той или иной страны от выдачи беглых рабов это обстоятельство могло рассматриваться как casus belli[78].

---

74. Ср., например, E.Neufeld, The Hittite laws, p.156.

75. См.: A.Götze, AM, S. 136-137.

76. J.Friedrich, Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache, I MVAeG, XXXI, Leipzig, 1926, S.66-67.

77. E.Weidner, Politische Dokumente aus Kleinasien, I, Leipzig, 1923, S.22-23; J.Friedrich, Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache, S.58-59, § 7; ср.также сообщение Мурсили II о возвращении им тысячи беглых N A M.R A из страны Ацци /A.Götze, AM, S.140-141/.

78. A.Götze, AM, S.58-61.

Итак, мы приходим к заключению, что люди N A M.R A – это военная добыча (пленные) победителя, который обращает их в рабов.

Понятие N A M.R A следует отличать от понятия appanteš (шум. ^{LÚ}Š U.D I B, акк. ŠABTU), которое означало военнопленного в узком смысле слова (т.е. воина вражеской страны, захваченного в плен). В этом смысле appanteš должны были быть частью людей N A M.R A, что можно видеть из факта набора воинов из числа N A M.R A (§ 40 X3), т.е. эти последние включают в себя и людей, способных носить оружие (очевидно, бывших воинов противника – appanteš). К тому же внутри Хеттского государства мы нигде не встречаем термин appanteš в отдельном от N A M.R A употреблении[79].

Одним из видов государственного рабства было объединение рабов в организации особого рода, так называемые twikkanz. Входившие в эти "артели" рабы назывались ḫipparaš, и их положение как государственных рабов кажется нам вполне определенным (§ 48, 49, XL X3). Думается, что передача современными учеными этого термина словом "пленный" (^{LÚ}A.SI.RUM)[80] должна считаться не совсем удачной. Правда, вполне вероятно, что ḫipparaš вначале означало понятие "пленный", но к моменту написания Хеттских Законов оно, вне всякого сомнения, утратило свое первоначальное значение, указывавшее на происхождение ḫipparaš (на источник рабства), и приобрело социальный смысл для обозначения части государственных рабов, занятых на особых работах и объединенных в особые "арте-

---

79. Академик В.В.Струве ("Всемирная история", I, М., 1955, стр.370) считает, что appanteš лишь в дальнейшем (т.е. после поступления в Хатти) вливались в состав N A M.R A . Нам кажется, что это не совсем точно, ибо хеттские цари обычно говорят о захвате на полях сражений людей N A M.R A, не упоминая об appanteš, которые, очевидно, уже подразумевались в числе первых.

80. E.Sturtevant, A Hittite glossary, p.50; S.Feigin, The captives in cuneiform inscriptions, AJSL, 4, p.228; Fr.HW. S.70; /И.М.Дунаевская/ ЗВАХ, ВДИ, 1952, 4, стр.265, прим.3.

ли". В этих условиях предпочтительнее вообще избегать какого-либо перевода слова ḫipparaš.

И.М.Дьяконов[81], как нам кажется, правильно понимает статус, ḫipparaš, считая их государственными рабами, которые были посажены на землю под условием выполнения повинностных работ и были связаны круговой порукой, поскольку они несли совместную ответственность за преступления отдельного члена twikkanz. Члены этой группы рабов были лишены всякой собственности, находившейся целиком (включая и пекулий раба) в руках государства. ḫipparaš лишен всякой возможности заключать какие-либо сделки (§ 48 ХЗ).Таковые считаются противозаконными, ибо они затрагивают государственную собственность, а не имущество ḫipparaš. Член twikkanz не мог продавать даже своих детей; они, по-видимому, уже с момента рождения считались государственной (царской) собственностью. ḫipparaš были заняты в основном на работах общегосударственного значения (строительство укреплений, дорог, дворцов и храмов, а также, возможно, и ирригационных сооружений).

Люди ḫipparaš находились в менее завидном положении, чем те люди LÚ A M.R A, которые имели возможность нести воинскую повинность (вследствие чего они, конечно, попадали в более привилегированное положение), что отнюдь не допускалось для ḫipparaš. Само собой разумеется, что воинскую повинность (šaḫḫan) государство могло доверить более надежным, с его точки зрения, лицам, чем государственную трудовую повинность (luzzi).

В связи с рассмотрением статуса ḫipparaš не лишено интереса свидетельство одного хеттского текста[82] о положении строительных рабочих. По данным указанного документа, эти строители получали из дворца определенное количество хлеба и вина, а также несколь-

---

81. И.М.Дьяконов и Я.М.Магазинер, Комментарии..., стр.285,289, прим.2; 303.

82. См.: H.Schwartz, A Hittite ritual, Or., NS, XVI, I, 1947, p.23-55; J.Pritchard, Ancient Near Eastern texts..., p.357-358.

ко голов скота. Часть этих продуктов и скота шла на жертвоприношение богам, совершаемое от имени царя, а другая часть, несомненно, предназначалась для пропитания самих строителей. Ограниченное количество этих продуктов питания и сама форма выплаты натурой наводят нас на мысль, что здесь мы имеем дело не с определенным вознаграждением за труд, а лишь с известным количеством продовольствия, необходимым для пропитания данных работников. Если наше предположение справедливо, то не может быть сомнений в том, что в этом случае речь идет о строителях, находившихся в рабском состоянии. Исходя же из того факта, что работами общегосударственного значения (в данном случае - постройка дворца) в основном занимались ḫipparaš, с большой осторожностью можно сделать вывод, что рассматриваемые работники относились именно к этой группе рабов.

Особо следует остановиться на той группе рабов, к которой относились " пастухи "(S I P A)и " сместили благовоний " (? A G R I G),упоминаемые в двух статьях Хеттских Законов (§ 35 и § I75). Сведения о них весьма скудны и касаются лишь их брачных отношений. Поэтому отнесение группы A G R I G-S I P A к государственным рабам не должно считаться установленным окончательно, хотя оно и наиболее вероятно, ибо уже сам факт их особого упоминания в специальных статьях Хеттских Законов может служить основанием для такого предположения. Правда, в одном из хеттских текстов[83] сообщается о том, что в ведении "дома печати" находились и пастухи ($^{LÚ.MEŠ}$S I P A.G U D и $^{LÚ.MEŠ}$S I P A. U D U), но еще не установлено, насколько возможно сопоставлять их с "пастухами", упоминаемыми в Хеттских Законах. Вероятность такого сопоставления, конечно, существует,но пока все-таки следовало бы воздержаться от каких-либо категорических утверждений.

Если верна наша мысль о том, что A G R I G и S I P A являлись государственными рабами, то, судя по § 35 и I75 ХЗ, это

---

83. См.: о É.Z A.,стр. 37-38.

были наиболее бесправные из государственных рабов (насколько вообще можно говорить о "правах" рабов), нижайший их слой. Как известно, Хеттские Законы допускают возможность бракосочетания свободных и рабов (§ 31, 32, 34), хотя этому и ставятся определенные, оформленные в законодательном порядке, препятствия (§ 34 Х3), предоставляющие отцу невесты право не выдавать своей дочери рабу после получения выкупа[84]. При этом предполагается, что свободная женщина, вышедшая замуж за раба, не теряет своего свободного состояния и не превращается в рабыню. Совершенно другую картину мы видим при бракосочетании свободной с "пастухом" или "смесителем благовоний" (?). Тут уже женщине запрещается, очевидно, вступать в подобные браки, хотя запрет и не носит абсолютного характера. Рабы из группы A G R I G и S I P A путем "похищения" могли приобретать себе жен из числа свободных женщин. Но свободная женщина не имела права вступать в подобный брак под страхом лишения свободы на срок от двух до четырех лет. Таким образом, вследствие подобного брака наказание несет только женщина, раб ничем не рискует; в конечном итоге брак не только не расторгается, но и приобретает законный характер. Интересно заметить, что раб (A G R I G или S I P A) не наказуется, даже несмотря на то, что выкуп им не уплачен. Нам кажется, что Хеттские Законы в этом акте вполне логично не усматривают ничего противозаконного, ибо A G R I G или S I P A и не мог выплатить какого-либо выкупа (kušata), ибо не обладал никаким личным имуществом. Рабам группы S I P A или A G R I G, подобно людям ḫipparaš, по-видимому, также было запрещено вступать в какие-либо сделки, которые в силу рабского положения A G R I G и S I P A не могли иметь законной силы. Поэтому нарушением закона не мог считаться сам факт неуплаты выкупа за невесту. Скорее наоборот: закону противоречила бы выплата выкупа, который немедленно был бы аннулирован (ср. § 48 Х3).

---

84. Ср. В.В.Струве, Параграфы 34 и 36 Хеттского Судебника, ВДИ, 1937, № I, стр.36-37.

В.В.Струве считает группу A G R I G-S I P A не рабами, а некими лицами, "не входившими в состав общин"[85]. Как нам кажется, с этим трудно согласиться как в силу уже рассмотренных причин, так и ввиду того обстоятельства, что дети A G R I G и S I P A рождались рабами (§ I75 X3) и оставались таковыми на всю жизнь.

Это служит доказательством того, что их отцом был раб. Конечно, можно предполагать, что рабское состояние детей было следствием незаконного характера подобного брака, но в таком случае кажется весьма странным, что дети несли более суровое наказание, чем их мать, которая отделывалась временным рабством.

Если можно предполагать, что "пастухи" прикреплялись к огромным массам царских стад и обязывались пасти их, то очень трудно определить, чем конкретно занимались A G R I G, социальное положение которых не отличалось от положения "пастухов". А.Гётце считал их вначале приготовителями мазей[86]. Этого перевода придерживался и В.В.Струве[87]. Однако ныне Гётце переводит 'надзиратель' ('overseer')[88], исходя, очевидно, из того факта, что данный термин в различные эпохи обозначал должностных лиц довольно высокого положения[89]. Э.Нейфельд считает не установленным точное значение данной идеограммы, хотя и предполагает, что она, возможно, означала служителя храма, работавшего в пивоварне[90]. И.М. Дунаевская подчеркивает, что здесь, по-видимому, скрыта какая-то рабская профессия, возможно, смесителя благовоний[91].

---

85. Там же, стр.38.

86. A.Götze, Kleinasien, S.I00; Cp.B.Hrozný, Code hittite, p.29.

87. /И.М.Дунаевская/, ЗВАХ, ВДИ, I937, № I, стр.37.

88. J.Pritchard, Ancient Near Eastern Texts..., p.I90,I95.

89. "Reallexikon der Assyriologie", I, S.443, 459, 46I.

90. E.Neufeld, The Hittite laws, p.I48-I49.

9I. /И.М.Дунаевская/, ЗВАХ, ВДИ, I952, № 4, стр.263.

Итак, при всей неопределенности значения идеограммы A G R I G не приходится сомневаться, что за этим термином скрывался один из государственных рабов, возможно, не занятый непосредственно производительным трудом, а прислуживавший во дворце или храме.

Упомянем еще о двух терминах: ^{LÚ}U R U$_4$.L A L и ^{LÚ}BĒL QĀTI. Первый переводится как 'земледелец', а второй - как 'ремесленник'. Сами по себе эти термины указывают на занятие данного лица, на его место в экономической жизни страны, и, конечно, слова 'земледелец' или 'ремесленник' не подразумевают сами по себе состояния рабства. И тот и другой мог быть представителем класса свободных, но в данном случае нас интересуют те из земледельцев и ремесленников, которые находились в рабском состоянии. Один из упоминаемых выше хеттских документов, по-видимому, доказывает, что в распоряжении "дома печати" имелись земледельцы и ремесленники, находившиеся в состоянии рабства. Кроме того, из § 26 УТ мы узнаем, что царь Телепину, отменив смертную казнь заговорщикам, обратил их в $^{LÚ.MEŠ}$U R U$_4$.L A L, т.е. земледельцев. Вне всякого сомнения, здесь речь идет об обращении в рабство, тем более что Телепину не ограничивается этим, а сверх того "дает им ярмо" (^{GIŠ}Š U D U N[92]).

Таким образом, можно не сомневаться, что определенная часть рабов (во всяком случае, государственных рабов) была занята и в сельском хозяйстве и ремесле.

В заключение следует указать еще на одну область привлечения труда государственных (царских) рабов: мы имеем в виду добычу и обработку металлов. Общеизвестно, что плоскогорье Малой Азии и те районы, которые находились под непосредственным влиянием Хеттской державы, были богаты самыми различными металлами: медью, свинцом, железом (помимо рудничного железа, обрабатывалось и ме-

---

92. Ср. /И.М.Дунаевская/, ЗВАХ, ВДИ, 1952, № 4,стр.257, прим.1; A.Götze, Kleinasien, S.98; A.Götze, AM, S.231.

теоритное), золотом, серебром и т.д.[93]. Хетты сами добывали и обрабатывали их. В этом отношении наше внимание привлекает одно письмо хеттского царя, адресованное не то ассирийскому царю, не то египетскому фараону[94].

"По поводу чистого железа, - пишет царь Хатти, - о котором ты просил: нет чистого железа в моих хранилищах в Кицватне. Сейчас нет /соответствующих/ условий для обработки железа. Я приказал, и чистое железо будет изготовлено. Пока же - еще не кончили. Когда кончат, я тебе вышлю. А пока шлю тебе железный клинок".

Данный документ не составляет и тени сомнения в том, что в Хеттском государстве (в частности, в Кицватне) добывалось известное количество железа[95], которое затем подвергалось обработке в кузнечных мастерских и хранилось в специальных складах-хранилищах. Следует заметить, что железо в ту эпоху являлось одним из редких и дорогих металлов и отнюдь не имело такого (в первую очередь практического) применения, как медь и ряд других металлов. Однако в данном случае нас интересует не количество того

---

93. См.: В.В.Струве, Очерки социально-экономической истории Древнего Востока, стр.45; A.Götze, Kleinasien, S.111-112; G.Contenau, La civilisation des hittites..., p.111-113; Dr.Afat,Etilerde Ekonomi Hayati, TTKB, 1939,III, 11/12, p.431-432.

94. См.: E.Cavaignac, RHA, 1934, f.15, p.236; G.Contenau, La civilisation des hittites..., p.112. Относительно того, кому направлено данное письмо, в науке нет единства мнений. Кавеньяк считает, что таковым был ассирийский царь (либо Ададнирари, либо Салманасар, Ibid., p.237-238); а авторы "Кембриджской истории" предполагают, что данный документ является посланием Хаттусили III к Рамсесу II /"Cambridge Ancient History", II, p.267, 272/.

95. См.: H.Wisdorf, Historische und archäologische Quellen zur Geschichte des Eisens (в кн.:B.Neumann, Die ältesten Verfahren der Erzeugung technischen Eisens, "Freiberger Forschungshefte", D.6, Kultur und Technik; Berlin, 1954), S.78-79.

или иного металла, а сам факт добычи таковых, который можно считать установленным. Думается, что не лишено оснований предположение, что на данных работах в основном применялся труд рабов.

Подводя итог всему сказанному относительно категории государственных рабов, мы приходим к выводу, что их труд широко использовался как на работах общегосударственного значения (различные строительные работы, ремонт дорог, ирригация), так и в сельском и домашнем (дворцовом) хозяйстве, ремесле, а также, вероятно, при добыче и обработке металлов. Столь широкое применение рабского труда в государственном (царском) хозяйстве ясно указывает на то обстоятельство, что здесь он имел превалирующее значение, и царское хозяйство являлось основной областью приложения труда рабов.

Переходя к рассмотрению категории храмовых рабов, необходимо оговориться, что здесь мы сталкиваемся со значительным недостатком соответствующих свидетельств хеттских источников и большой неясностью наличных данных. Одно несомненно: исходя из того предположения, что храмовые хозяйства являлись частью царских (государственных) хозяйств[96], а сам царь выступал как верховный религиозный глава (жрец) и высший собственник храмового имущества, мы можем заключить, что положение храмовых рабов мало чем отличалось от положения рабов государственных. Действительно, при рассмотрении ряда хеттских документов, относящихся к организации храмого хозяйства, отправлению культов, описаниям празднеств и т.д., можно заметить, что и в храмах, как и во дворце, фигурируют одни и те же должностные лица, слуги и рабы. Храмовая иерархия едва ли не является копией дворцовой, с той лишь разницей, что в первой все считаются слугами божества, а во второй - царя, что, конечно, на деле не составляет никакого различия. Религиозная власть является отображением светской, тесно

---

96. В.В.Струве, Очерки социально-экономической истории Древнего Востока, стр.58.

сплетена с ней, и в Хатти, пожалуй, очень трудно найти четкие границы, их разделяющие.

Казалось, все это должно было послужить основанием для рассмотрения категории храмовых рабов совместно с государственными рабами, как части одного целого. Тем не менее мы выделяем их в особую категорию и рассматриваем ее отдельно. В Хеттском царстве храмы, будучи, с одной стороны, частью царского хозяйства, сохраняли, с другой, известную обособленность внутри его, пользовались особыми правами и привилегиями, имели свой собственный внутренний распорядок, облагали повинностями население и собирали налоги. Находясь в подчинении у царя как верховного жреца, храмы имели значительную самостоятельность в отношении ведения своего внутреннего хозяйства. Поэтому имеются все основания для рассмотрения храмового хозяйства отдельно от царского, а храмовых рабов - отдельно от государственных.

Все храмовое имущество, отличаясь большим богатством[97], считалось собственностью богов и являлось неприкосновенным. Любое посягательство на собственность храма каралось весьма жестоко, куда суровее, чем аналогичное преступление, совершенное в светской области[98].

Как явствует из одного хеттского документа, храмы имели в своем распоряжении целый штат работников, занятых как производительным трудом, так и работами внутри храма. Однако, судя по тексту данной "Инструкции", это были люди, вовсе не лишенные свободы и имевшие на стороне свои земли и имущество (включая рабов). Вполне возможно, что это были представители соседних сельских общин, обязанные нести определенные повинности в пользу храма путем отработки на его землях. Среди этих земледельцев очень

---

97. См.: J.Pritchard, Ancient Near Eastern texts..., p.397; A.Götze, Kleinasien, S.II2, Anm.I.

98. См. "Инструкцию" храмовым людям /E.Sturtevant, A Hitt. p.I27-I74; J.Pritchard, Ancient Near Eastern Texts..., p.207-210/

трудно найти рабов; во всяком случае рассматриваемый документ не представляет нам такой возможности, хотя эти земледельцы и подвергались жестокой эксплуатации и, как видно, вынуждены бывали скрывать часть урожая, чтоб спастись от голодной смерти[99]. Однако вовсе не исключена возможность, что на обширных храмовых землях селились и рабы, которым как слугам известных божеств предоставлялись определенные преимущества.

Несколько иначе должно было выглядеть положение пастухов, которые пасли многочисленные стада, принадлежавшие храмам[100]. Нести свою повинность путем отработки, как земледельцы, они, конечно, не могли. Поэтому они, очевидно, были постоянно прикреплены к храмам, что наводит на мысль о рабском их состоянии.

Вообще вся масса работников, занятая трудом в храмовом хозяйстве, представляла собой исключительно бесправных людей, "рабов божества", полностью зависимых от произвола правителей храма[101]. Нельзя забывать, что обычно по возвращении из похода хеттский царь передавал храмам в дар многих захваченных им пленных[102], которые, само собой разумеется, обращались в рабов.

И.М.Дьяконов подчеркивает, что наиболее значительным из рабовладельческих хозяйств были царские и храмовые хозяйства[103]. С этим нельзя не согласиться, но следует особо подчеркнуть, что рабский труд в храмовом хозяйстве отнюдь не играл той же роли, что и в царском (государственном) хозяйстве, ибо храмы, по-видимому, существовали в основном за счет эксплуатации свободного сельского населения, что вовсе не умаляет определенного значения

---

99. См. § 15-16 рассматриваемой "Инструкции".

100. См. там же; § 18-29.

101. См. там же, § 2-3.

102. Ср.: S.Alp, Die soziale Klasse der N A M.R A Leute, S.117.

103. И.М.Дьяконов и Я.М.Магазинер, Комментарии..., стр.285. О наличии рабов в храмовом хозяйстве см. также: C.Furlani, La religione degli Hittiti, Bologna, 1936, p.380.

рабского труда для храмового хозяйства. Среди многочисленного обслуживающего персонала храма (как и дворца) значительную часть составляли рабы, подчиненные определенным жрецам, ведавшим той или иной частью хозяйства. Весьма примечательно, что хеттская "Инструкция" служителям храма специально оговаривает, что чужестранцам вход в храм воспрещен под страхом смертной казни. Возникает вопрос: не направлено ли данное постановление против многочисленных рабов, работавших в храмовом хозяйстве? Ведь вполне понятно, что запрещение чужакам приближаться к священным для хеттов местам (и притом под страхом смертной казни!) должно было распространяться в первую очередь на рабов - выходцев из числа захваченных на войне пленных.

Таким образом, относительно применения рабского труда в храмовом хозяйстве не может быть никакого сомнения, хотя и следует подчеркнуть, что храмовые рабы не имели такого же значения в храмовом хозяйстве, как государственные (царские) рабы - в государственном (царском) хозяйстве.

Наконец, следовало бы сказать несколько слов и о рабах, находившихся в частной собственности отдельных лиц. Как известно, в Хатти существовало довольно много частных рабовладельческих хозяйств[104], в которых работали значительные массы рабов. Это в первую очередь были хозяйства, находившиеся во владении представителей царского рода, крупных сановников, знатных лиц. Рабы имелись также в собственности отдельных воинов, людей, находившихся на государственной службе, и общинников.

В данном случае интересен уже упоминавшийся нами дарственный документ царя Арнуванды III (приблизительно 1220-1190 гг. до

---

104. В.В.Струве, Очерки социально-экономической истории Древнего Востока, стр.65; И.М.Дьяконов и Я.М.Магазинер, Комментарии..., стр.285.

н.э.)[105]. Среди прочего имущества одного рабовладельческого хозяйства здесь перечисляется: 26 мужчин, 16 мальчиков, 4 подростка, 30 женщин, 11 девочек, 2 девочки-подростка, 1 старик, 1 старуха, всего 91 "голова", среди коих - 6 "человек оружия", 2 повара, 1 портной, 1 изготовитель амуррийских платьев, 1 сапожник, 1... мужчин, женщин, детей...[106] и далее: ... 30 мужчин, 18 мальчиков, 4 подростка, 35 женщин, 16 девочек, 2 девочки-подростка, 2 старика, 2 старухи; всего - 110 человек, среди них 5 "человек оружия", 2 повара, 1 портной, 1 изготовитель амуррийских платьев, 1 сапожник...[107].

К сожалению, мы не располагали хеттским текстом данного документа и вынуждены довольствоваться переводом И.Фридриха. Тем не менее мы предполагаем, что за фридриховским переводом 'человек оружия' скрывается идеограмма $^{LÚ.GIŠ}$TUKUL, которая отнюдь не означала, как это показал Ф.Зоммер[108], только 'человек оружия', а скорее 'человек орудия', т.е. и ремесленник . В приведенном выше тексте мы имеем дело не с воинами, а, по-видимому, с ремесленниками. Действительно, было бы странным при столь подробном перечислении различных рабов отсутствие упоминания рабов-ремесленников и наличие вместо них 'людей оружия' - воинов-рабов, присутствие которых в частном хозяйстве не может не показаться неуместным.

В рассматриваемом тексте обращает на себя внимание то обстоятельство, что при подробном перечислении ремесленников и домашних слуг довольно высокой квалификации в документе ничего не говорится о сельскохозяйственных рабах, занятых в земледелии и скотоводстве. Правда, можно предполагать, что в числе тех нескольких десятков мужчин, которые упомянуты в тексте, были таковые, но в то

---

105. J.Friedrich, Aus dem hethitischen Schrifttum, S.31-32.

106. Ibid., S.31.

107. Ibid., S.32.

108. F.Sommer und A.Falkenstein, HAB, S.122-133; ср.также: A.Götze. Kleinasien, S.98; E.Laroche, La voeu de Puduhepa, p.71.

же самое время нельзя отрицать, что среди них могли быть и рядовые домашние слуги. Таким образом, получаем 56 земледельцев, пастухов и домашних слуг (не имевших особой специализации) из числа двухсот рабов. Думается, что и из этого числа 56 рабов домашние слуги составляли весьма значительную долю. К тому же процент женщин среди перечисленных рабов был высок.

Указанные обстоятельства наводят нас на мысль о преимущественном развитии домашнего рабства в частном хозяйстве хетта. При этом, правда, не следует забывать, что дарственный документ Арнуванды III относится к периоду, когда Хеттское государство переживало упадок и находилось на пороге окончательного разложения.

Таким образом, раб в Хеттском царстве являлся существом бесправным, полной собственностью своего господина, распоряжавшегося его жизнью и смертью. Некоторые личные права, признаваемые за ним, как и возможность владения пекулием и обзаведения собственной семьей, в принципе не меняли существа дела, указывая лишь на архаизм и неразвитость форм рабовладения при наличии значительных пережитков первобытнообщинного строя.

Положение рабов в Хеттском государстве было весьма тяжелым, и на протяжении всей истории хеттского рабовладельческого общества ни на минуту не затихала классовая борьба, вылившаяся в основном в две формы: пассивную (бегство из Хатти, нередко принимавшее массовый характер) и активную (восстание против рабовладельцев). Хеттские источники довольно часто сообщают о случаях бегства рабов, но они весьма сдержанны в отношении сообщений об их восстаниях. Следует предположить, конечно, что рабы гораздо чаще прибегали к первой форме борьбы (бегство), чем к восстаниям, которые в те отдаленные времена вряд ли носили организованный характер. Однако вероятный факт крупного восстания рабов в конце царствования Хаттусили I, а также нередко встречаемые в заключаемых хеттами договорах статьи о взаимной помощи в случае внутренних смут и восстаний указывают на то, что рабы в Хатти довольно часто прибегали к кровопролитию и являлись серьезной опасностью для своих поработителей.

И. М. ДУНАЕВСКАЯ

ПРИНЦИПЫ СТРУКТУРЫ ХАТТСКОГО (ПРОТОХЕТТСКОГО) ГЛАГОЛА

ВВЕДЕНИЕ

Наличие в Богазкёйском архиве второго тысячелетия до н.э. письменных памятников хаттского языка было впервые установлено Эмилем Форрером и Бедржихом Грозным. Оба исследователя, работая независимо друг от друга, сделали сходные в основных чертах наблюдения, которые опубликованы в статьях, вышедших в 1919 и 1920 гг.[1]

Памятники хаттского языка представляют собой глоссы, цитаты, обрядовые формулы и небольшие культовые отрывки, содержащиеся в неситских (хеттских – клинописных) текстах. Они написаны клинописью[2] и изредка снабжены неситским переводом.[3]

---

1. E.Forrer, Die acht Sprachen der Boghazköi-Inschriften, SPAW, 52-53, 1919; B.Hrozný, Über die Völker und Sprachen des alten Chatti-Landes, BoSt, 5, 1920. – Предложенный Э.Форрером термин "протохаттский язык" /E.Forrer, Die acht Sprachen..., S. 1033/ весьма неудачен, так как создается впечатление, что обозначаемый этим термином язык не существовал во втором тысячелетии как живой (что может быть верно только для центральной части Малой Азии) и представлял собой более древнюю ступень развития языков народов Малой Азии, зафиксированных письменными памятниками этого времени. Термин "хаттский язык", введенный Б.Грозным /B.Hrozný, Über die Völker..., S. 26,30/ более точен и соответствует словоупотреблению неситских текстов. См.рец. И.М.Дунаевской на кн. И.Фридриха "Краткая грамматика хеттского языка" (ВДИ, 1954, № 1, стр.77-78).

Интерпретация хаттского языка наталкивается на ряд препятствий. Двуязычных текстов очень немного (издано всего пять хаттско-несистских билингв)[4]. Сохранность памятников, в том числе и двуязычных, оставляет желать много лучшего. Дубликаты единичны. Идеограммы, облегчающие проникновение в содержание текста, написанного на неизвестном языке, в хаттских памятниках почти не встречаются, а детерминативы очень редки и употребляются без строгой последовательности (один и тот же детерминатив может в одном случае быть, а в другом - отсутствовать). Соответствие между хаттской и неситской версиями билингв часто бывает неполным и неточным (например, см. стр. 74- 75, 78-83) ; наряду с ошибками в словоделении (например, см. стр.86 - 87) это наводит на мысль, что к тому времени, когда писались рассматриваемые тексты, хаттский язык в Каппадокии был уже мертвым[5], и писцы делали хаттские записи как бы на слух, без точного

---

2. Неситская клинопись по выбору и форме знаков восходит к вавилонскому варианту аккадской клинописи. В хаттских записях наблюдаются некоторые особенности: систематическое употребление знаков, составленных из знака **wa** + знак для гласного: wa_a, we_e, wi_i, wu_u, $wu_{ú}$; применение идеографических знаков za, zí в качестве слоговых; графическое чередование знаков, содержащих **š** со знаками, содержащими **z**; предпочтительное употребление сочетания двух знаков вместо знаков типа согласный + гласный + согласный, и др. /см.: L, EP, p.72-73; Kh,PHB, S.II5/.

3. Большинство хаттских текстов собрано Х.Г.Гютербоком /H.G. Güterbock, KUB, XXVIII, Berlin, 1935/. - Кое-что было издано раньше в других выпусках того же издания, а также в KBo и BoTU. Некоторые хаттские памятники до сих пор не изданы.

4. И.Фридрих опубликовал в 1952 г. транслитерированный отрывок из неизданной хаттско-неситской билингвы (ср. Fr, Gotth.).

5. См.: Kh, PHB,S.105. - Автор справедливо замечает, что если бы хаттский язык был понятен, то не было бы нужды в неситском переводе.

понимания их смысла. Действительно, в приписках самих писцов иногда указывается, что данный текст восстановлен ими по памяти после гибели первоначальной записи. При таких условиях, кроме перечисленных неточностей, легко могут вкрасться и грамматические ошибки[6].

Для понимания законов транслитерации[7] и транскрипции хаттской лексики следует иметь в виду следующее: шумерская клинопись, лежащая в основе всех остальных видов словесно-слоговой клинописи, различала те согласные, которые были свойственны шумерскому языку, а именно: b, p, m, d, t, n, z, s, š, g, k, ḫ (или ĝ); l, r.

При передаче аккадских фонем клинописными знаками b, p использовались для обозначения b, p; m-для m (позже и для w); d-для d, ṭ; t-для ṭ, t (позже только для t); n-для n; z-для z (русское з), ṣ, s; s-для ś (позже для s); š-для š; g-для g, q; k-для k; ḫ(ĝ)-для ḫ и отчасти для '; l-для l; r-для r. Кроме того, бы-

---

6. Э.Ларош говорит /L, EP, p.96/ о довольно близком соответствии неситского перевода билингвы KUB, П 2 хаттской версии; однако и здесь им же самим отмечено неточное словоделение в хаттском тексте. Что же касается KUB, XXУШ 3, 4, 5, то А.Камменхубер утверждает, что даже те отрывки, которые наиболее пригодны для интерпретации хаттского языка, показывают, по какой зыбкой почве мы продвигаемся. А.Камменхубер не без иронии говорит о весьма относительном соответствии даже "лучших" частей билингвы. Следует отметить, что степень близости неситского перевода по отношению к хаттскому тексту в различных дубликатах разная. Очевидно, неситский перевод возобновлялся писцами по памяти в разное время /см.: Kh, PHB, S.I04, II7, I2I/.

7. Применительно к передаче буквами латинского алфавита клинописных знаков обычно употребляется термин "транскрипция", что неточно, так как под транскрипцией принято понимать передачу звукового состава языка. Термин "транслитерация" здесь был бы уместнее.

ли выработаны знаки для w + гласный и для ja; в дальнейшем, путем дифференциации значений для омонимических знаков и применения других средств, были выработаны особые знаки для некоторых (но не для всех) комбинаций гласных специально с согласными p, ṭ, ṣ, q.

В конце слога клинопись не дает возможности отличать b от p, d от ṭ и t, g от q и k, z от ṣ и s (а иногда и от š).

Когда аккадская клинопись была приспособлена неситами для своего языка, в котором, по-видимому, в большинстве случаев различались лишь взрывные придыхательные и непридыхательные[8], а звонкость не имела фонематического значения, те же знаки были использованы иначе, а именно: b, p использовалось для p; b, p удвоенное для p придыхательного; m для m; d, t для t; d, t удвоенное для t придыхательного; n для n; z использовалось как аффриката типа русского ц; š для s; g, k для k; g, k удвоенное для k придыхательного; ḫ для ḫ; l для l; r для r; w для w; jдляj.

Знаки, употреблявшиеся в аккадском для звонких и глухих, например ba и pa, du и tu, ga, qa и ka, теперь являются всего лишь орфографическими вариантами.

При современной транслитерации по знакам в целях единообразия каждый знак передается в его значении, употребительном для аккадского, независимо от языка, на котором написан текст.

Таким образом, когда неситы начали записывать хаттские тексты своей клинописью, они имели средство для передачи только двенадцати согласных; если в хаттском их было больше, то, очевидно, что фонетически близкие согласные должны были графически совпадать. Например, все взрывные переднеязычные хаттского языка при клинописной графической передаче обозначаются одним знаком. Поэтому при слитной или же аналитической транскрипции мы все их передаем в хаттском как t и, соответственно, губные взрывные как p, задне-

---

8. Т.В.Гамкрелидзе, Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке (см. в настоящем сборнике).

язычные взрывные как k, аффрикаты как z, щелевые переднеязычные как s (или š). Лишь в транслитерации текста по знакам, как уже указывалось, в целях единообразия передачи графического облика текста, применяются те значения знаков, которые типичны для исходной, т.е. аккадской слоговой системы, например: a-an-ta-ḫa (П 2, Ш, 46)[9], a-an-da-ḫa (П 2, Ш, 46), te-eš-ga-šu-uḫ-ta (XXУШ 1, об. IУ, 39) iš-ka-a-šu!-uḫ (П 2, Ш, 36)[10], ba-la (П 2, Ш, I9), pa-la (П 2, Ш, 27), te-eš-pu-ut (XXIУ I4, IУ, 7)9,

---

9. Источник обозначается здесь и ниже следующим образом: KUB не пишется (остальные издания текстов пишутся сокращенно - П 2, П,60 обозначает, например, KUB, второй выпуск, текст № 2, второй столбец, 60-я строка; номера разных выпусков или текстов отделяются друг от друга точкой с запятой; лицевая сторона таблетки обычно не обозначается; если в этом возникает необходимость, то обозначается "лиц.", "об." - оборотная сторона таблетки.

I0. В тексте описка: вместо знака šu стоит знак te. см. стр. 84 прим. 7I .

II. Долгота и краткость гласных в хаттском языке не различались. Это видно из того, что одни и те же слова бывают написаны то с простой гласной, то с удвоенной, например: te-eš-ga-šu-uḫ-ta и iš-ka-a-šu-uḫ, te-e-ta-aḫ-šu-ú-ul и tu-uḫ-ta-šu-ul, (корень šul); ka-a-wa$_a$-a-aḫ (II 2,III,34), tu-wa$_a$-aḫ-ši (II 2,III, 35), ka-a-wa$_a$-aḫ-pi (II.2,III,47) (корень waḫ). Нет положительных данных и о долготе гласных в неситском. Знак долготы в слитной и в аналитической транскрипции указывает только на графическое удвоение гласной в данном случае. Одновременная постановка над гласной знака долготы и знака краткости указывает, что данная форма встречается как с простой, так и с удвоенной гласной. Удвоение согласного, в отличие от неситского, в хаттском, по-видимому, не отражало какой-либо фонематической особенности (см. примеры с корнем tuk на стр. I57). Однако в транскрипции оно всегда передается.

wa_a-ka-a-pu-ud-du (XXIУ I4, I2); но в слитной транскрипции āntaḫa[11], teškašuḫta, wakāputtu, pala и т.д. (в аналитической транскрипции a-n-taḫ-a, teš-ka-šuḫ-ta, wa-kā-pu-uttu).

Весьма вероятно, что фонетический состав хаттского языка был сложнее. Такие написания, как Zašḫapuna и Tašḫapuna[12] и неситские передачи таких хаттских слов, как ^{d}Tunaḫu, tešḫa 'сон' через ^{d}Zunauliš, zašḫai 'сон'[13], позволяют считать t и z графическими вариантами, фиксирующими один и тот же звук. Но бывает неясным, всякое ли t и всякое ли z передает именно этот звук, или за написанным t (или d) могут скрываться разные звуки, лишь один из которых передается то через t, то через z. Точно так же обстоит дело и с чередованием k/ḫ, которое указывает, по-видимому, на существование некоего придыхательного (?)k; но всякий ли раз написание k (или g) передает именно этот звук, или же оно передает в ряде случаев и какой-либо другой заднеязычный взрывной (или различные взрывные?), - остается неизвестным[14].

Таким образом, транслитерацию хаттских текстов следует считать очень условной. Кроме всего прочего, необходимо учитывать, что различие звукового состава неситского и хаттского языков мешало писцам-неситам точно воспринимать чуждые им звуки хаттского языка.

О родственной принадлежности хаттского языка существуют различные точки зрения; однако со времени первой работы Э.Форрера неиндоевропейский характер хаттского языка никем не оспаривается

---

12. L, DH, p.38-39.

13. L, DH, p.36.

14. В неситском, как и в хаттском, засвидетельствовано написание одного и того же слова через t/z или же через k/ḫ. Имеем ли мы здесь дело с графическими вариантами одного звука или с другими, фонетическими, явлениями, не вполне ясно [см.: L, DH, p. 42, а также статью Т.В.Гамкрелидзе в настоящем сборнике].

и считается установленным[15]. Это создает дополнительные трудности при использовании материала билингв с грамматической точки зрения, так как возможно, что языковые явления, выраженные в индоевропейском неситском языке, не найдут соответствия в неиндоевропейском хаттском, в котором в свою очередь могут быть специфические грамматические особенности, чуждые неситскому и не отраженные в неситской версии билингв[16].

Таким образом, интерпретация и изучение хаттского языка - дело весьма нелегкое. В этой работе, ведущейся уже без малого сорок лет, участвуют такие видные специалисты по языкам древней Малой Азии, как Эмиль Форрер, покойный Бедржих Грозный, Эммануэль Ларош, Иоганнес Фридрих и Аннелиз Камменхубер[17]. Тем не менее

---

15. Так, Фридрих писал: "... Хаттский язык резко отличается от остальных языков Богазкёйского архива. Он пока не может быть отнесен ни к одной из известных языковых семей" [J.Friedrich, Reallexicon der Vorgeschichte, I, Berlin, 1924. S.135].

16. Следует, однако, учитывать случаи нарушения в неситской версии билингв норм неситского языка, в частности порядка слов, которые в литературе рассматриваются как хаттизмы [см.: L, EP, p.82; Kh, PHB, S.123].

17. Привожу перечень использованных в настоящей статье работ этих авторов (см.: список сокращений в начале сборника):

1. E.Forrer, Die acht Sprachen der Boghazköi-Inschriften, SPAW, 53, 1919, S. 1029-1041.
2. E.Forrer, Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches ZDMG, N.F. I, 2, 1922, S. 174-296.
3. B.Hrozný, Über die Völker und Sprachen des alten Chatti-Landes, Boghazköi-Studien, 5, 1920, S.25-48.
4. E.Laroche, Études "protohittites", RA, XLI, 1-4, 1947, p.67-98.
5. E.Laroche, Hattic deities and their epithets, JCS, I, 3, 1947, p.187-216.
6. E.Laroche, Recherches sur les noms des dieux hittites..., Paris, 1947.

данные о хаттском языке все еще недостаточны и до сих пор никем не систематизировались[18]. Интересы исследователей по сей день сосредоточены преимущественно на интерпретации хаттской версии от-

---

7. E.Laroche, Une conjuration bilingue hatti-hittite, JKF, I, 1950, p.174-181.
8. E.Laroche, Récueil d'onomastique hittite, Paris, 1951.
9. J.Friedrich, Hethitisch und "Kleinasiatische" Sprachen, Berlin-Leipzig, 1931.
10. J.Friedrich, Kleinasiatische Sprachdenkmäler, Berlin, 1932.
11. J.Friedrich, Angebliche moderne Reste altkleinasiatischer Sprachen, ZDMG, N.F., XIII (88), 1934, S. 289-302.
12. J.Friedrich, рец. на KUB, XXVIII, AfO, XI, 1-2, 1936, S.75-78.
13. J.Friedrich, Fremde Flexionsformen in hethitischen Texten, RHA, VIII, 47, 1947/1948, S.4-18.
14. J.Friedrich, Zu einigen altkleinasiatischen Gottheiten, JKF, II,2,1952, S.144-153.
15. J.Friedrich, Hethitisches Wörterbuch, Heidelberg, 1952.
16. J.Friedrich, Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen, Heidelberg, 1954.
17. A.Kammenhuber, Die protohattisch-hethitische Bilinguis vom Mond, der vom Himmel gefallen ist, ZA, N.F., XVII (51),1955, S.102-123.

К сожалению, с некоторыми работами о хаттском языке мне не удалось ознакомиться, потому что они отсутствуют в СССР /например, E.Laroche, статья в RHA, XLVI, H.Th.Bossert, Ein hethitisches Königssiegel, Berlin, 1944; H.Th.Bossert, Asia, Istanbul, 1946/ или их невозможно получить в Ленинграде /F.Sommer, Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947/.

Высказывания А.Сэйса и Ю.Месароша о хаттском языке не могут быть приняты всерьез в силу их полной произвольности и абсолютной необоснованности. В плане сравнения с другими языками хаттских материалов касаются многие авторы /см., например, P.Kret-

дельных двуязычных текстов[19], которая остается все же во многих отношениях неясной и не поддающейся связному переводу[20].

Однако, большое количество ценных наблюдений и соображений как лексического, так и грамматического характера, содержащихся в статьях Э.Ларошa, А.Камменхубер и других, пожалуй, уже позволяет сделать кое-какие выводы если не о строе хаттского языка в целом, то хотя бы о некоторых его особенностях.

Серьезное внимание в работах указанных ученых уделено глаголу. Но достижения здесь не слишком велики, хотя хаттский глагол в ряде случаев имеет специфическое оформление, благодаря которому именно его бывает легче выявить в двуязычном, а иногда даже и в одноязычном тексте[21].

---

schmer, Zur ältesten Sprachgeschichte Kleinasiens, "Glotta", XXI, I-2, 1932, S. 76-100/; но такие работы не вносят ничего нового в интерпретацию хаттского языка; в ряде случаев хаттским материалом злоупотребляют, толкуя его в соответствии с предвзятыми сравнительно-генетическими теориями.

18. Исследования Э.Форрера представляют известное исключение Но к моменту написания своих работ о хаттском Форрер еще не располагал и половиной фактического материала, накопившегося к настоящему времени, поэтому одни его общие соображения в дальнейшем не подтвердились, другие же, которые в свое время не могли получить достаточного обоснования, теперь незаслуженно забыты, хотя они и достойны внимания и дальнейшей проверки.

19. Очень интересна и перспективна попытка Э.Ларошa использовать как билингвы те одноязычные хаттские и неситские тексты,параллельность которых удается доказать /см. L,HD, p. 187 и p.215/.

20. В настоящее время известно значение около 150 хаттских слов /см.: Fr,Hw,S. 316-319/, включая имена собственные, наименования должностных лиц и т.п., причем часть этих значений в большей или меньшей степени спорна.

Для выяснения отдельных черт хаттской грамматики мне кажется целесообразным начать с систематизации известных в научной литературе данных о хаттском глаголе и с сопоставления всех тех глагольных форм, которые удается установить с достаточной степенью достоверности[22].

ХАТТСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КОРНИ[23] И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

В двуязычных хаттско-неситских текстах удается установить ряд хаттских глагольных форм, имеющих неситский перевод (см.Приложение I, стр. I37 -I4I). Большинство этих соответствий выявлено в результате тщательного изучения билингв.

Дополняя и в отдельных случаях заменяя ранее выясненные соответствия глагольных форм, можно установить еще несколько хаттско-неситских соответствий, а также интерпретировать некоторые хаттские глаголы комбинаторным способом.

Результаты этой работы, подробно освещенной ниже, можно представить в виде следующих таблиц.

---

21. Ларош отмечает /L,EP,p. 97/, что именно глаголы больше всего пострадали от механических повреждений таблеток. Это не удивительно, потому что они часто находятся в конце строки, т.е. на краю таблетки.

22. В работе учтены следующие тексты:

а) двуязычные: KUB, П 2; KUB, XXIУ I4 + XXУШ 78,лиц.IУ; KUB, XXУШ I,об.IУ; KUB, XXУШ 3; 4; 5 + VBoT, 73; KUB, XXУШ 6; опубликованный И.Фридрихом отрывок неизданной билингвы (см.прим.4);

б) одноязычные: KBo,I 56; KBo,II 24;25; VBoT,3I; KUB,I I7; KUB, XVII 28; KUB, XXVIII - все номера.

23. Анализ хаттских слов наталкивается на большие трудности, поэтому термин "корень" здесь условен: в той части хаттского слова, которую мы называем корнем, могут оказаться и элементы, на самом деле не относящиеся к нему.

Фонетические соответствия между индоевропейскими языками

Языки	Фонемы																
Индоевропейский	*e	*o	*a	*e	*ō	*ā	*p	*t	*b	*d	*bh	*dh	*k′	*g′	*g′h	*k^w	*g^w	*g^wh
Кельтский	e	o	a	i(ē)	ā(ī)	ā	–	t	b	d	b	d	k	g	g	k	b	g
Латинский	e	o	a	ē	ō	ā	p	t	b	d	f(b)	f(d)	k	g	h	kw(p)	gw(v)	f(v)
Греческий	e	o	a	ē	ō	ā~ē	p	t	b	d	ph	th	k	g	kh	p(t)	b(d)	ph(th)
Албанский	ie	a	a	ō	ē	ā	p(ph)***	t(th)***	b***	d***	b	d	s(ʃ)*****	z(ð)*****	z(ð)*****	x(s)	g(z)	g(z)
Фракийский	e(ie,ia)	a	a	e(ē,ie)	i(iu)	u	p(ph)***	t(th)***	?	t	b	d	g(ʃ)*****	z(ð)*****	z(ð)*****	k(kh?)	g??	g
Фригийский	a(i)*	o	a	e(ē,i?)	i(u)	a(ā)	p(ph)***	t(th)***	?	t	b	d	g(k)******	z(ð)******	z(ð)******	kr	b	g
Армянский	a(i)**	o	a	i	u	a	h,w < *ph	th, h	p	t	b	d	s	c	dz	kh	k	g, d͡ʒ
Германский	e	a	a	ē	ō	ō	f	þ	p	t	b	d	h(g)	k	g	hw	kw	g
Славянский	e	o	o	ie	a	e	p	t	b	d	b	d	s	z	z	k(š)	g(ž)	g(ž,dz)
Балтийский	e	a	a	ē	š(ō)	ō	p	t	b	d	b	d	š	ž	ž	k	g	g
Древнеиндийский	a	a	a	ā	ā	ā	p	t	b	d	bh	dh	ph	j	h	k(š)	g(j)	gh(h)
Древнеиранский	a	a	a	ā	ā	ā	p	t	b	d	b	d	s	z	z	k(š)	g(j)	g(j)
Хеттский(несистемный)	отражение индоевропейских гласных в						pp(чит.ph)	tt(чит.th)	p/b?	t/d	p/b	t/d	kk(чит.kh)	k/g	k/g	kw (чит.khw)	kw	kw
Хеттский иероглифический	древнеанатолийских языках неоднородно и не вполне ясно.						p	t	p	t	?	?	g	?	?	kw	?	?
Тохарский	e	o	a				p	t	?	t	p	t	k	k	k	k	k(ɣ)	k

*И.-е. e > i (а также, возможно, и.-е. ē > i), по-видимому, в одном из диалектов фригийского.

**И.-е. e > i перед носовым.

***В графической передаче почти всегда p,t, но отдельные случаи написаний при помощи греч. φ, θ указывают, по-видимому, на легкое придыхание (p^h, t^h). Имеются случаи чередования b с d (оглушенными?).

****Символы b̥, d̥ означают оглушенные согласные, близкие к p, t.

*****Колебание между передачей фонемы через ζ и через δ, по-видимому, указывает на произношение, не соответствующее в точности ни той, ни другой греческой фонеме.

******И.-е. k′ > k, g′h > g лишь в определенных комбинациях(в присутствии плавных?).

Таблица 1

Хаттско-неситские соответствия, предлагаемые впервые

№	Хаттское слово	Источник	Неситское слово	Источник
1	ka-az-za	XXVIII 6,11	iš-ḫar-ú-i-eš-ki-iz-zi '(она) кровоточит'	XXVIII 6,11
2	aš-ta-zi-il	XXVIII 6,16	u-a-i '(он) воркует(?)'	XXVIII 6,11
3	ḫa-an-wa$_a$-aš	XXVIII 6,об.2	ú-it '(он) пришел'	XXVIII 6,об.2
4	a-am-pu	II 2, III,15	i-e-it(?) '(он) сделал'	II 2, III,37
5	ka-a-wa$_a$-a-aḫ tu-wa$_a$-aḫ-ši	II 2, III,34 II 2, III,35	wa-a-tar-na-aḫ-ḫi '(я) доверяю'	II 2, III,37

Таблица 2

Хаттско-неситские соответствия, заменяемые другими

N	Хаттское слово	Источник	Неситское слово: ранее предложенное	Неситское слово: Ссылки на литературу	Предлагаемое взамен	Источник
1	ti-it-ta-aḫ-zi-la-at – здесь слиты два слова: ti-it-ta-aḫ	П 2,П,41	šal-li 'большой'	L,EP,p.80	da-a-ir-ma-at '(они) посадили его'	П 2,П,44
	zi-la-at		GIŠ ŠU.A 'трон'	L,RP,p.80	'(они) говорят(?)'	контекст: П 2,П,43-44 и XXУШ,6, 11
2	ak-ka-tu-uḫ	П 2,Ш,46	ša-ra-a 'вверх'	L,EP,p.95	na-at ša-ra-a da-a-aš 'и(он) их взял'	П 2,Ш,49
3	ka_a-a-wa_a-aḫ-pí	П 2,Ш,47	ḫa-at-tal-wa_a-aš	L,EP,p.93	– *	–

*См.: таблицу 1 (№ 4) и таблицу 3 (№ 6)

Таблица 3

Хаттские глаголы из двуязычных текстов, интерпретированные комбинаторно

№	Хаттское слово	Источник	Предполагаемое значение	Предполагаемый корень	Ссылки на страницы данной статьи и литературу
1	zi-la-at	П 2,П,41	'(они) говорят(?)'	zil	Стр. 73-76
2	ta-aš-te-eḫ	П 2,П,53	'пусть(он) не построит'	teḫ	L, ER,p.86. Стр.86-87
3	ka-az-zi-i-ja. Может быть, tašteḫ + kazzija - одно слово, а именно:	П 2,П,53	'(он) даст', '(он) поднимет'	zI	
	ta-aš-te-eḫ-ka-az-zi-i-ja	П 2,П,53	'пусть(он) не даст' 'пусть(он) не поднимет'		
4	wa_a-aḫ-zi-i-ḫé-ir	П 2,П,60	'уничтожьте '	zIḫer (?)	L, ER,p.87-88. Стр. 88-89
5	a-an-t^a/uḫ-ḫa-an	П 2,Ш,14	'(он)поставил' или '(он) взял'	taḫ или tuḫ	L, ER,p.89-90. Стр. 80-81
6	ka-a-wa_a-aḫ-pí	П 2,Ш,47	'(он)доверяет'	waḫ	L, ER,p.93. Стр. 84-86

Привожу обоснование предлагаемых хаттско-неситских глагольных соответствий, группируя слова по текстам, в которых они засвидетельствованы (KUB, XXVIII 6; KUB, II 2).

I. Неповрежденная часть небольшой хаттско-неситской билингвы, известная в настоящее время как KUB, XXVIII 6, была дана в транслитерации и прокомментирована Э.Форрером еще в 1922 г. в качестве образца связного хаттского текста[24]. С тех пор исследователи по разным поводам неоднократно возвращались к этому памятнику, представляющему собой мифологический фрагмент. Так, в 1932 г. транслитерация того же отрывка была дана И.Фридрихом[25]. Анализ отдельных слов этого текста встречается у Э.Лароша[26].

Еще раз присмотревшись к этой билингве, можно высказать некоторые соображения по поводу уже выявленных в ней хаттско-неситских соответствий, а также и найти здесь кое-что новое.

1. Прежде всего, вопреки утверждению Лароша[27], более правдоподобным следует считать предложенное ранее Форрером[28] отождествление хат. pí-en-nu-ú (строка I4 билингвы) не с нес. DUMU^{meš}-NITA, а с нес. ú-e-ir '(они) пришли' (прош.вр., 3-е л. мн.ч. от uwa- 'приходить'), очевидно, pennū < pennuw ср. хат. ta-aš-te-e-ta-nu-ú-wa (II 2, III, 41) и ta-aš-te-nu-ú-wa (II 2, III, 40) = нес. le uizzi (отрицание + прош.вр., 3-е л. ед.ч. от uwa- 'он не должен прийти'); хат. pi-in-na-a (из pinnuwa XXVIII 4, 2I) = нес. paiši (наст.вр., 2-е л. ед.ч. от pāi-[29] 'ты идешь'); хат. pí-in-nu-wa$_a$-at (XXVIII 4, I9) = нес. paitaš (прош.вр., 3-е л. ед.ч. от pāi- 'он пошел').

2. По-видимому, сюда же нужно присоединить и остававшееся до сих пор не учтенным соответствие хат. (...)ḫa-an-wa-aš с нес.

---

24. F, I u S, S.239-24I.

25. Fr, SD, S.5.

26. L, CB, p.I78; L, EP, p.9I.

27. L, CB, p.I78.

28. F, I u S, S.237.

ú-it (прош.вр., 3-е л. ед.ч. от uwa- 'приходить' - 'он пришел', XXУШ 6, об., 2а). Неситский корень uwa- 'приходить' наряду с pāi- 'уходить', как только что было показано, обычно соответствует хаттскому корню nuw-[30]; здесь же мы имеем nw, но легко допустить, что форма ḫanwaš возникла из ḫanuwaš.

3. Форма aš-ta-zi-il (XXУШ 6, I6a) по своему характеру является глагольной (ср. a-aš-ta-ḫ-ḫil-ma, aš-ka-ḫ-ḫir)[31]; в неситской версии ей соответствует глагол uai (наст.вр., 3-е л. ед.ч. от wāi- 'ворковать', 'плакать') - перевод сомнителен[32]; ср. также uwaja- 'мычать'. Возможно, что хаттский корень zil-, как и неситский wai- - один из глаголов речи, может быть для тех случаев, когда способность говорить предполагается не у людей(?).

4. В билингве XXУШ 6, II можно остановиться еще на одной не отождествленной в хаттском неситской глагольной форме: na-at iš-ḫar-ú-i-eš-ki-iz-zi (наст.вр., 3-е л. ед.ч. от глагола išḫarweški-, итеративного производного глагола на -šk, восходящего в конечном счете к существительному išḫar 'кровь'); обычное значение этого глагола 'кровоточить', в данном контексте лучше - 'сочиться' (речь идет о яблоне). Вполне возможно, что неситскому

---

29. О долготе гласных в неситском, а тем более в хаттском, у нас положительных данных нет; знаком долготы над гласным обозначается отдельный знак для гласного после слогового знака, оканчивающегося на данный гласный, например: pinnā = pi-in-na-a.

30. В хаттском языке, по-видимому, нет существующего в неситском, так же,как, например, и в немецком, противопоставления глагольных корней uwa- (ср. нем. kommen 'приходить') и pāi- (ср. нем. gehen 'уходить'); оба эти неситские корня соответствуют одному хаттскому корню nuw- 'идти', который и представлен во всех приведенных примерах (см. Приложение 3).

31. Транскрипция здесь аналитическая.

32. См.: Fr, HW, S.241.

глаголу išḫarweškizzi соответствует хат. kaz(z)-a, где корнем, возможно, служит kaz-; хаттские глагольные формы, как ja-e, nuw-a-wa[33] и другие, позволяют рассматривать ka-az-za как kaz-a. Конечно, такой анализ слова kazza и его соотнесение с нес. išḫarweškizzi остается весьма проблематичным. Форрер, например, отождествляет išḫarweškizzi с limmuša[34], указывая на то, что префикс li- засвидетельствован и в других глагольных формах; однако он не приводит соответственных примеров, и их, по-видимому, нет, за исключением разве ḫa-li-ta-ḫa-a-an (ХХУШ 4, 31), но эта форма сама встречается в весьма сомнительном контексте и, может быть, не является глагольной. Более вероятно, что limmuša - существительное с префиксом li-, для которого установлено значение множественного числа с оттенком притяжательности[35] и что это существительное является подлежащим, при котором глагол ka-az-za выступает как сказуемое. Может быть, limmuša обозначает 'ветви'(?) и все предложение переводится тогда примерно следующим образом: 'яблоня у колодца (или 'над колодцем') стоит, и сочатся ветви(??) ее'.

П. Билингва KUB, П 2 довольно обширна. Это самый большой из всех двуязычных хаттско-неситских памятников, известных в настоящее время. Билингва представляет собой часть посвятительной надписи, приуроченной к закладке царского дворца. Текст билингвы KUB, П 2 полностью протранслитерирован и прокомментирован Э.Ларошем[36]. Неситская версия, за исключением некоторых темных мест, переведена.

Значительная часть выявленных хаттско-неситских соответствий почерпнута именно из билингвы KUB, П 2[37]. На некоторых из этих

---

33. Транскрипция здесь аналитическая.

34. См.: F, IuS, S.240.

35. См.: F, IuS, S. 231; L, EP, p.79.

36. L, EP, p.73-97.

37. См. Приложение I, стр. 137-138

соответствий, представляющихся спорными, здесь необходимо остановиться.

1. ti-it-ta-aḫ-zi-la-at (II,4I)[38].

Для корня zil в билингве ХХУШ 6, I6a я попыталась предложить значение 'говорить', 'произносить' или подобное. Думаю, что то же значение следует принять и для zil в П, 4I, вопреки установленному Ларошем соответствию хат. ti-it-ta-aḫ-zi-la-at (П, 4I) = нес. šal-li ^{GIŠ}ŠÚ.A - 'великий трон' и в переносном смысле 'столица'.

Эта хаттская форма засвидетельствована в следующем контексте:

Хаттская версия (П, 40-42):

(40) wa$_a$-aš-ḫa-ap-ma eš-wu$_u$-ur aš-ka-aḫ-ḫi-ir šu-ú-wa

(4I) ^{URU}Ḫa-at-tu-uš ti-it-ta-aḫ-zi-la-at šu-ú-wa$_a$

(42) ta-ba-ar-na ka-a-at-ti ta-ni-wa$_a$-aš

Неситская версия (П, 43-44):

(43) D I N G I R^{meš} K U R^{meš} ma-ni-ja-aḫ-ḫi-ir da-a-ir-ma-at
^{URU}Ḫa-at-tu-ši

(44) šal-li ^{GIŠ}Š Ú.A da-a-ir-ma-at nu-za la-ba-ar-na-aš
L U G A L-uš ⟨e-eš-zi⟩[39]

Э.Ларош[40] дает следующий перевод неситской версии: 'Боги распределили страны; и вот они посадили его в Хаттусе, столице, посадили его. И Лабарна себе царь ⟨есть⟩'.

Привожу хаттско-неситские соответствия, предлагаемые Ларошем для этого отрывка[41]:

---

38. Наименование надписи KUB, П 2 в дальнейшем опускается; например, П,4I следует читать: KUB, П 2, столбец П, строка 4I.

39. Восстановление по контексту и по П 2,Ш,56.

40. L, EP, p.75.

4I. L, EP, p.77.

хат. wašḫap-ma ešwur aškaḫḫir = нес. DINGIR^{meš} KUR^{meš} manijaḫḫir
хат. šūwa = нес. dāirmat (2 раза)
хат. URU$_{Ḫattuš}$ tittaḫzilat = нес. URU$_{Ḫattuši}$ šalli GIŠ$_{ŠÚ.A}$
хат. tabarna katti taniwaš = нес. nuza labarnaš LUGAL-uš /ešzi/
хат. wašḫap-ma = нес. DINGIR^{meš}

Эти соответствия подвергнуты Э.Ларошем подробному разбору[42].

По поводу отождествления tittaḫzilat с GIŠ$_{ŠÚ.A}$ 'grand siège', т.е. 'lieu auguste, capitale', Ларош приводит следующие соображения: "Попытаемся разделить tittaḫ-zilat и допустить, что tittaḫ = šalli, zilat = GIŠ$_{ŠÚ.A}$. Tittaḫ больше нигде не встречается, но tette существует в te-it-te-en ХХУШ 36, 6; te-it-ti-wa$_a$, там же, 8I, П,2; ср. также te-e-te-du-uḫ, там же, 6I, об. 11. Не будучи в состоянии непосредственно выявить ожидаемое значение 'большой', 'великий' ('grand') для хат. tette, укажем на имена богов ('les noms divins'), которые получают при таком толковании правдоподобное объяснение:

^{d}Tettiš$_{ḫapi}$ (XI 32, V,3, 9, I9; XXV 5I, IV,6; VBoT 32,I,4,'grand-dieu'.

^{d}Tetewatti (VII I9,3,4,9,I2 'grand roi'; ср. ^{d}L U G A L.G A L; ср. XVII I4, I,IO).

^{d}Tetepirijan (XXVIII 74, 7) ....

... Таким образом tittaḫ по отношению к tette то же, что kattaḫ 'царица' по отношению к katte 'царь', т.е. форма женского рода на -ḫ; следует иметь в виду, что божество трона в хаттском женского рода[43]. zilat тоже больше не встречается, но здесь нам помогает выйти из положения неситский"[44]. С точки зрения Э.Лароша дательный-местный падеж zilatija по-неситски значит 'на троне' ('sur le trône', 'au pinacle') и указывает именно на царствова-

---

42. L, EP, p.77-8I.

43. Точнее было бы говорить о существительных, обозначающих лиц женского пола, так как наличие грамматического женского рода в хаттском языке не доказано (Прим. И.Д.).

44. L, EP, p.80.

ние великого царя ('du suzerain': LUGAL GAL LUGAL). Но Ф.Зоммер приписывает этому слову значение 'впредь', в связи с чем Э.Ларош ищет компромиссное решение и предлагает zilat понимать как 'длительность' ('duree', 'permanence'), отсюда можно вывести значение 'главенство' ('suprématie') и 'будущее' ('avenir'). "Как бы то ни было, - пишет он, - этимологическое единство хат. tittaḫ-zilat и нес. zilatija кажется нам достоверным..."[45].

Принимая предложенное Э.Ларошем разделение слова tittaḫ-zilat на tittaḫ и zilat, я хочу предложить совершенно иную интерпретацию этих слов. И tittaḫ, и zilat, на мой взгляд, являются глаголами: ср. глагольный корень taḫ в antaḫa (= нес. natkan anda dāiš; dāi- 'класть', 'ставить', 'сажать'), eštiphatāḫ и других, и глагольный корень zil в aštazil; засвидетельствованы также глагольные формы типа te/it + (гласный) + корень (например: tēt-u-lēlan, tēt-u-mun, tiš-tit-kā-nuw-a, tēt-a-ḫ-šul, tēt-e-duḫ, tēt-u-waš) и глаголы с суффиксом -at типа (префикс)+ корень+-at (например: tā(e)-ja-at, taḫ-kuw-at, pin-nuw-at, eš-walwal-at, walwal-at и др.)[46].

Хаттское tittaḫ соответствует здесь нес. dāirmat '(они) посадили его', что весьма правдоподобно, если учесть только что приведенное соответствие хат. āntaḫa с нес. natkan anda dāiš[47].

Хаттское zilat здесь не имеет неситского соответствия[48], но за ним следует прямая речь (хат. šūwa tabarna katti taniwaš = нес. labarnaš LUGAL-uš ešzi 'И вот Лабарна - царь есть'); так что вполне допустимо по аналогии с aš-ta-zil (см. стр. 71)

---

45. L, EP, p.81.

46. См. Приложение 3.

47. Ларош предлагает отождествление нес. dāirmat с хат. šūwa, но сам считает это сомнительным, см.: L, EP, p.79-81.

48. Привлечение Ларошем /L, EP,p.80/ для интерпретации zilat неситского наречия zilatija/ziladuwa не кажется мне убедительным; оно не встречает сочувствия и в литературе (см.: Fr,HW,S.261).

рассматривать zil-at как глагол речи 'молвит', 'произносит' и т.п.

Опираясь на предложенную интерпретацию tittaḫ и zilat, мы имеем основание перевести все хаттское предложение следующим образом: 'Боги посадили его в Хаттусе и говорят: "И вот Лабарна - царь есть" '. В неситской версии глагол dāirmat употреблен два раза: - с ^{URU}ḫattuši ('посадили его в Хаттусе', как в хаттской версии) и с šalli ^{GIŠ}Š Ú.A 'посадили его на трон'); в хаттской версии tittaḫ стоит один раз, и этого уточнения ('на трон') нет.

2. Корни taḫ и tuḫ .

Корень taḫ засвидетельствован в билингве П 2 неоднократно. Интерпретируя его, Э.Ларош допускает неточность, вызванную смешением этого корня с корнем tuḫ .

Корни taḫ и tuḫ в П 2 встречаются в следующих контекстах:

Корень taḫ- :

1) хат. П,41 ^{URU}ḫa-at-tu-uš ti-it-ta-aḫ zi-la-at[49]

2) хат.Ш,I4-I6 (I4) a-an-ta(?)-ḫa-an ka-aš-ti-ip-an [....]

(I5) ka-at-ti pa-la a-am-pu i-e-w[x....]

(I6) ka-a-ḫa-an-wa$_a$-šu-it-tu-un[.....]

нес. Ш,I7-I8 (I7) K Á-aš-ma-za-kan ^{d}Zi-li-pu-ra-aš L U G A L-uš x[.....]

(I8) ^{GIŠ}ḫal-ma-aš-šu-it-ta-an i-e-it

Русский перевод неситской версии:

(I7) 'Ворота Цилипура, царь [....]

(I8) [а также?] трон сделал.'

Корни taḫ и tuḫ :

3) хат. Ш,45-47 (45) a-an-tu-uḫ ^{d}Šu-li-ia-kat-ti kat-te-e li-e-wa$_a$-e<->li-e [....]

(46) pa-la a-an-da-ḫa ak-ka-tu-uḫ pa-la a-an-ta-ḫa

---

49. Контекст и неситская версия приведены на стр. 73.

(47) ka-a-wa$_a$-aḫ-pi x-x-ḫa-lu-u-tu

нес. III,48-50 (48) da-a-aš-ma-za ^{d}Šu-li-i-in-kat-te-eš

L U G A L-uš Ú.NU.TE^{meš}

(49) na-at ša-ra-a da-a-aš na-at-kan an-da da-a-iš

(50) ḫa-at-tal-wa-aš G I Š-ru-i

Русский перевод неситской версии:

(48) 'Шулинкатте, царь, взял утварь

(49) и их взял, и их положил

(50) на дерево засова (= под засов, под замок??)[50]

Корень tuḫ :

4) хат. III,I9-20 (I9) a-an-tu-uḫ li-e-zu-u-uḫ li-e-eš-te-ra-aḫ ba-la

l⌈i-e-še-ip-še-ip⌉

(20) ba-la an-ne-eš(-)ka-a <-> ḫa-an-wa$_a$-šu-id-du-ú-un

нес. III,2I-22 (2I) da-a-aš-ma-za T U G$^{ḫi.a}$ KUŠ$_{G\ A\ R.T\ A}$ G$^{ḫi.a}$

KUŠ$_{E.S\ I}$ R$^{ḫi.a}$=ja

(22) na-aš-ša-an da-a-iš GIŠ$_{D\ A\ G-ti}$

Русский перевод неситской версии:

(2I) 'он взял одежды, покрывала(?) и о⌈бувь⌋

(22) и положил их на трон'.

Слова с корнем taḫ и tuḫ встречаются также и в одноязычных текстах (KUB,XXУШ), причем глагольный характер большинства из них очевиден, например:

eš-ti-ip-ḫa-ta-a-aḫ (20,6)

eš-te-ip-ḫa <=> da-a-ḫa-an (46, лиц.?5,6)

te-e-ka-a-at-taḫ-ḫi (59, об.IУ,5)

du-u-wa-ta-aḫ-ḫa-az (53,III,5)

ta-a-ḫa-ja-at (I5, об.29-3I)

iš-pu-tu-uḫ (23,6,9?,I2)

---

50. Восстановлено по Fr, Entziff, S.64.

tu-ú-ḫa-an (I8,11)

tu-u-ḫa-a-an (I8, об.9)

te-e-tu-u-ḫa (6I,4)

te-e-te-du-uḫ (6I, об.11)

/.....?/wa-tu-ú-tu-uḫ (87,7)

/te?-e?/-du-ú-ḫa-a-nu-un (52, лиц.(?)4)

tu-ú-ḫa-a(-?)sa (I8,I8)

Э.Ларош понимает taḫ и tuḫ следующим образом:

П 2,П,4I, tittaḫ он переводит 'большой',

П 2, Ш,I4, для a-an-ta(?)-ḫa-an дает два значения: 'он взял' (по аналогии с antuḫ Ш,I9 = нес. dāšmaza) и 'он сделал' (по сопоставлению с нес. i-e-it Ш,I8). Хотя концы строк Ш,I4-I7 и повреждены, Э.Ларош не считает вероятным, что в них содержался еще какой-либо глагол[51]. Если так, то, по мысли Э.Лароша, хаттский глагол ăntaḫan может соответствовать только нес. i-e-it и, следовательно, должен иметь значение 'делать' (iēt прош.вр. 3-е л. ед.ч.от ija- 'делать').

П 2, Ш,45-47, a-an-tu-uḫ, a-an-da-ḫa ak-ka-tu-uḫ и a-an-ta-ḫa отождествляются Э.Ларошем соответственно с нес. dāš-ma-za, šarā daš и anda dāiš (a-an-da-ḫa и ak-ka-tu-uḫ Э.Ларош рассматривает вместе, полагая, что хат. akkatuḫ соответствует нес. šarā и передает понятие 'вверх'). Сопоставляя с этими формами хаттскую форму a-an-tu-uḫ (Ш,I9) = нес. dāš-ma-za, Э.Ларош полагает, что здесь трудно решить, "имеются ли два различных глагола: antaḫ и antuḫ, или же это две чередующиеся формы одного и того же корня, обусловленные каким-либо морфологическим изменением"[52].

Вряд ли такой скептицизм здесь достаточно обоснован. Мне кажется возможным предложить несколько иное толкование глагольных

---

51. L, EP, p.89-90.

52. L, EP, p.94-95.

форм с корнями taḫ и tuḫ и до некоторой степени изменить перевод соответственных мест, данный Ларошем.

а) хат. a-an-ta(?)-ḫa-an (III,I4).

Третий знак поврежден и на основании сохранившейся части читается скорее всего как ta, но также может иметь и чтение tu. Перевод контекста затруднителен, так как справа примерно третья часть таблетки (по ширине) отбита и концы строк не сохранились.

Соображения Э.Лароша о том, что нес. i-e-it в строках Ш,I7-I8, а соответственно и хат. a-an-ta(?)-ḫa-an в строках Ш,I4-I6 является единственным глаголом и что в отбитой части таблетки другого глагола не было[53], мне не кажутся вполне убедительными. Кроме того, даже если допустить, что в неситской версии действительно был только один глагол, то это не исключает возможности наличия двух глаголов в хаттской версии; Э.Ларош, по-видимому, учитывает это, принимая для āntaḫan или āntuḫan два значения: одно - на основании отождествления с нес. iet 'он сделал' и другое - на основании сопоставления с хат. a-an-tu-uh (Ш, I9) = нес. dāš-ma-za 'он взял'[54].

Таким образом, основания для признания за корнем taḫ значения 'делать' (нес. ija-) оказываются очень шаткими, тем более что сам Ларош сопоставляет с нес. ijaweni 'мы сделаем' хаттское слово ni-i-pu (П 2, П, 46)[55]. К тому же перевод (П 2, Ш, I7-I8), предложенный Ларошем, хотя и заманчив ('Цилипура, царь [и.. ..] сделал двери и трон')[56], но вряд ли приемлем, так как довольно странен порядок слов, при котором одно дополнение ('двери') стоит перед подлежащим ('Цилипура, царь'), а второе ('трон') - пос-

---

53. L, EP, p.90.

54. L, EP, p.90. - На стр.94 Ларош указывает, что глагол anta/uḫan из Ш,I4 имеет значение 'он положил' или 'он взял'.

55. L, EP, p.84.

56. L, EP, p.90.

ле. Скорее здесь можно предположить наличие двух предложений: в отбитой части строки, равной примерно одной трети всей ее длины, был, вероятно, глагол (сказуемое первого предложения), а также союз в сочетании с энклитическим личным местоимением 3-го лица в именительном падеже, которое и является подлежащим второго предложения. С этим энклитическим местоимением, должно быть, связано сказуемое iēt. Тогда неситскую версию можно перевести примерно следующим образом: 'Цилипур, царь, ... (сказуемое) двери, и он(?) сделал трон'.

Глагол, отбитый в таблетке неситской версии, очевидно, соответствовал хат. ānta(?)ḫan, а хаттский глагол, которому соответствует нес. iēt, по-видимому, находился в отбитой части таблетки и, может быть, имел корень nīp(u)[57]. Здесь уместен вопрос, не было ли искомым сказуемым не отождествленное в неситском хаттское слово a-am-pu (П 2, II, I5) и не содержит ли оно корень nīp (n перед p > m, а i выпало, ср. ḫanwaš из ḫa-niw-aš)[58]. Если принять это предположение, то хаттское соответствие для нес. iēt найдено (*a-nīp(u) > āmpu), и iet тогда уж бесспорно не может соответствовать хат. anta(?)ḫan.

Но и независимо от последнего соображения, как уже было сказано, отождествление хат. ānta(?)ḫan с нес.iēt вр[illegible] ли возможно.

Значение ānta(?)ḫan можно выяснить, только сопоставляя корни taḫ и tuḫ в других контекстах. Хотя я ниже буду говорить о необходимости различать указанные корни, здесь это различие можно пока не учитывать, так как из-за неясности знака (ta или tu?) приходится иметь в виду оба корня и соответственно оба значения (taḫ = нес.dāi- 'класть', 'ставить' и т.п.; tuḫ = нес. da- 'брать'). По контексту здесь более вероятен корень taḫ 'класть', 'ставить'. Восстановленный на основе такого понимания

---

57. L, EP, p.84.

58. Транскрипция здесь аналитическая. См.: L, EP, p.89.

слова antaḫan перевод неситской (П 2, Ш,I7-I8) и хаттской (П 2, Ш,I4-I6) версий должен быть следующий: нес. 'Цилипура, царь, [поставил - ??] дверь [и он - ??] сделал трон'; хат. 'Поставил дверь [Цилипура - ?], царь, и сделал(?) [... - мн.ч.], трон [... ?]'.

б) хат. a-an-da-ḫa, a-an-ta-ḫa (III, 46)

Обе формы содержат корень taḫ и могут быть точно интерпретированы только на основании сравнения с a-an-tu-uḫ (Ш,I9 и Ш,45) и ak-ka-tu-uḫ (Ш,46).

Мне кажется правильным сопоставить следующие формы из П 2:

хат. a-an-tu-uḫ (Ш,I9) с нес. dāš-ma-za (Ш,2I) 'взял (себе)'

хат. a-an-tu-uḫ (Ш,45) с нес. dāš-ma-za (Ш,48) 'взял (себе)'

хат. ak-ka-tu-uḫ (Ш,46)[59] с нес. šara dāš (Ш,49) 'взял вверх', 'поднял'

хат. a-an-ta-ḫa (Ш,46) с нес. anda dāiš (Ш,49) 'положил'(нес. anda = русск. 'по')

На мой взгляд, хат. a-an-da-ḫa (Ш,46), а также ka-a-wa$_a$-aḫ-pí (Ш,47) не имеют неситского соответствия; вполне возможно, что хаттский повтор синонимичных групп из двух глаголов не передан в неситской версии с достаточной точностью, что не отражается на понимании содержания текста[60].

Если принять приведенные хаттско-неситские параллели, то окажется, что taḫ и tuḫ не являются, как полагает Э.Ларош, гра-

---

59. Я не разделяю точки зрения Э.Лароша, рассматривающего a-an-da-ḫa ak-ka-tu-uḫ вместе как соответствие нес. šarā dāš-ma-za и отождествляющего нес. šarā с хат. akkatuḫ; на мой взгляд, нес. šarā соответствует хаттскому префиксу ka-, что находит поддержку в толковании, предложенном Э.Ларошем в другой связи (Valeur de ka 'sur', 'à', 'dans', EP, p.94).

60. Неситскому глаголу daiš (Ш,22) в хаттском соответствует, очевидно, anneš [L, EP, p.84; Fr., Entziff, S.64-65], которое, возможно, является синонимом хаттского глагола с корнем taḫ .

фическими или фонетическими вариантами одного корня, а представляют собой два различных корня, из которых хат. taḫ = нес. dāi- 'класть', 'ставить'[61], а хат. tuḫ = нес. dā- 'брать'[62].

Тогда хаттская версия (П 2, Ш,45-47)[63] переводится следующим образом:

(45) 'Шулинкатти, царь, взял утварь [.....]

(46) и положил, взял и положил

(47) (и) доверяет (?) засову'[64].

Для неситской версии (Ш,48-50), не представляющей затруднений, может быть принят перевод, предложенный Ларошем: 'Шулинкаттеш, царь, взял вещи, (он) поднял их и затем положил под (?) засов'.

Не исключено, что существует еще и другой корень tuḫ , образовавшийся в результате графического или фонетического чередования k/ḫ (ср. XXУШ 3-5) из tuk (ср. te-tu-uk-ka и его варианты te-du-ug-ga и te-du-uḫ-ga). Корень tuk /tuḫ имеет значение 'падать'. Он засвидетельствован в следующих формах:

te-tu-ú-uk (48, 8, I8)

du-ug-zi-ig (4, 8; 5, I0)

tu-ug-zi-ig (3, I8; I4, I5; 5, 20)

še-tu-uq-qa-aš (5, I6)

še-it-tu-uk-ka-aš (5, 24)

še-it-tu-ug-ga-aš (4, I2)

še-it-tu-uq-q[a-a§] (3, I4; 4, I9)

6I. Ср. также хат. tittaḫ (П,4I) = нес. dāirmat (обосновано на стр.75).

62. Интересно, что в формах глаголов taḫ и tuḫ, имеющихся в одноязычных текстах, одни префиксы чаще встречаются с taḫ, а другие с tuḫ; это тоже может свидетельствовать в пользу их семантической дифференциации (см.: Приложение 3).

63. Транслитерацию см. на стр. 76-77.

64. Относительно перевода Ш,47 см. также стр.83-84, где разбирается слово kāwaḫpi.

te-tu-uk-ka (4, I3; 5, I7)

te-du-ka (3, I5)

te-du-ug-ga (4, 20)

te-du-uḫ!-ga (5, 25)

Неситское соответствие mauštа '(он) упал' имеют только две из перечисленных форм: du-ug-zi-ig (ХХУШ 4,8) и tu-ug-zi-ig (ХХУШ 4,I5; 5,20), причем их анализ не бесспорен, так как не исключено, что корнем является не tuk/ḫ, а zik[65].

3. [.....] ka-a-wa$_a$-a-aḫ (II 2, III,34); tu-wa-aḫ-ši (II 2, III,35); ka-a-wa$_a$-aḫ-pi (II 2, III,47).

В одном из контекстов, где встречаются корни taḫ и tuḫ (П 2, Ш,45-47), мы сталкиваемся со словом ka-a-wa$_a$-aḫ-pí (Ш,47). Э.Ларош[66] отождествляет его с нес. ḫattalu (Ш,50, ḫa-at-tal-wa-aš) 'задвижка', 'засов' и привлекает для интерпретации слов ka-a-wa$_a$-a-aḫ (Ш,34) и tu-wa-aḫ-ši (Ш,35), которые считает существительными, не имеющими эквивалента в неситской версии (Ш, 37-39).

Мне кажется, что, наоборот, все три приведенные слова с корнем waḫ не имена, а глаголы и что формам ka-a-wa$_a$-a-aḫ и tu-wa-aḫ-ši соответствует нес. wātarnaḫḫi (Ш,37) 'я доверяю, поручаю'[67], а форма ka-a-wa$_a$-aḫ-pí, в противоположность точке зрения Ларош, остается непереведенной[68], но, очевидно, имеет то же значение, что и kā-waḫ (Ш,34). Анализируя ka-a-wa$_a$-aḫ-pí, Ларош рассматривает pi как именную частицу со значением 'в', 'внутри' (по ана-

---

65. См.: Kh, PHB, S.II5.

66. L, EP, p.93.

67. То, что wātarnaḫḫi употреблено один раз, вряд ли должно нас смущать, так как мы уже встречались со случаями, когда повтор в хаттской версии не передается в неситской версии.

68. См. стр. 81.

логии с хат. pí-wil = нес. é-ri anda 'в доме')[69]. Но суффикс pi встречается также и при глаголах, ср. хат. eš-kā-ḫer-pi[70] = нес. taparijaweni-ma[70] 'мы назначим' и хат. nīp-upe[70] = нес. ijaweni-ma-aš[70] 'и мы сделаем их'.

Исходя из отождествления kā-wāḫ (а следовательно, и kā-waḫ-pi, а также tu-waḫ-ši)[70] с нес. wātarnaḫḫi и опираясь в остальном на интерпретацию Э.Ларошa, можно сделать попытку несколько иначе перевести строки III, 34-36 хаттской версии:

34) /...../ ka-a-wa$_a$-a-aḫ ^{d}Šu-li-in-kat-ti

35) /kat-te/-e tu-u-ḫu-ul tu-wa-aḫ-ši te-di-ip

36) /.....] x-ka-aš-ši-il iš-ka-a-te-eḫ[71],

соответствующие III, 37-39 неситской версии:

37) an-da-ma-aš-ši-iš-ša-an wa-a-tar-na-aḫ-ḫi

38) ^{d}U.G U R.L U G A L-i N I N D A-aš im-ḫu-li-uš

39) x-x-x$^{ḫi.a}$ ku-ut-ta-an pa-aḫ-ša-ru

Перевод хаттской версии:

34) '/.....] я доверяю богу Шулинкатти,

35) /царю, хлебу (?) я доверяю ,

36) /.....], (и?) стены пусть охраняет'.

---

69. L, EP, p.95.

70. Транскрипция аналитическая.

71. Здесь, очевидно, как справедливо отметил Э.Ларош /EP, p. 93/, ошибка, допущенная либо писцом, либо в автографии: вместо iš-ka-a-te-eḫ следует читать iš-ka-a-šu-uḫ, - знаки te и šu сходны, а знак eḫ имеет также чтение uḫ. Предположение Э.Ларошa подтверждается и тем, что в опубликованном И.Фридрихом отрывке хаттско-неситской билингвы /ср.: Fr, Gotth, S.146/ глагол anteḫ с корнем teḫ в отличие от рассматриваемой формы имеет неситское соответствие wete- 'строить', а не paḫš- 'охранять', 'защищать' (нес. paḫš- соответствует хат. šuḫ также и в билингве ХХУШ 1, об. IУ,39).

Теперь становится понятен предложенный выше[72] перевод строки Ш,47: ka-a-wa$_a$-aḫ-pí x-x-ḫa-lu-u-tu '[и] доверяет засову' в смысле 'держит под надежным запором', 'хранит под замком'.

Кроме билингвы KUB, П,2, корень waḫ засвидетельствован в билингве KUB, XXУШ 5,27 (wa$_a$-ḫa-a)[73], а также в ряде одноязычных текстов:

[te??]-du-ú-wa-a-aḫ (I5, об. 24)

wa$_a$-ḫa-a iz-zi-[ib]<->a-ḫa-a (I I7, VI,20)

wa-a-ḫa-a iz-zi-wa-ḫa-a (I I7, VI,20)

e-iz-wa$_a$-aḫ še-ir te-e-iz-wa$_a$-aḫ (82 II,I6)

te-iz-wa$_a$-aḫ (82 II,I8)

te-iz-wa$_a$-aḫ(-?)še-ir (82 II,I9,20)

Формы типа wawaḫ встречаются довольно часто и, по-видимому, представляют собой усеченную редупликацию корня waḫ (из waḫ-waḫ); они могут быть также восприняты как редупликация корня wa или waj с суффиксом ḫ (из wa-wa-ḫ??), что, впрочем, маловероятно[74]. Ср.

ma-a wa$_a$-wa$_a$-aḫ (9I, об.IV,2)

ti-iš-ti-wa$_a$-wa$_a$-aḫ (23, об. 8)

te-eš-šu-wa$_a$-wa$_a$-aḫ (KBo, II 25, 5-I8; XXVIII 11,7-I5; I-5, I3-I8)

wa$_a$-wa$_a$-aḫ-ša (59,I, I2)

te-eš-wa-w[a-aḫ] (I0,2-6) и др.

Для некоторых примеров, однако, трудно решить, являются ли они формами корня waḫ или же связаны с другими корнями, а waḫ - префигированная часть слова (как это наблюдается в waḫ-kun (6,I2) = нес. auštat (6,11) 'увидел(а) это'[75]), так, напри-

---

72. См. стр. 82.

73. Соответственная часть таблетки с неситской версией отбита.

74. Э.Форрер (F, IuS, S.238) говорит об Intensiv-formen с корнем waḫ или waja .

75. F, IuS, S.236.

мер, в wa-aḫ-we?-eš (80,I,5,20,32) корнем можно считать weš, ср. li-e-we$_e$-iš-nu-we-iš-nu (80,I,I7,29), а в wa$_a$-aḫ-zi-iš-ma(20,I,2)-- ziš или ziš$_{ma}$[76].

4. Интерпретация П 2, П,5I-53 и, в частности, хаттских слов ta-aš-te-eḫ и ka-az-zi-i-ja(П,53) вызывает большие трудности, так как часть таблетки отбита и в неситской версии не сохранилось ни одного глагола.

Э.Ларош[77] думает, что полная глагольная форма может быть получена в результате соединения taštеḫ и kazzĪja в одно слово ta-aš-te-eḫ<->ka-az-zi-i-ja, которое Э.Ларош по типу образования сопоставляет с taštutašula (Ш,52), но перевести не пытается. В принципе такая форма вероятна, так как, кроме taštutašula, засвидетельствовано также и tuḫtašul (XXVШ 4,I0), примерно соответствующее по структуре (taš)teḫkazzĪja, ср. tu-ḫ-ta-šul и te-ḫ-ka-zĪj(a). Забегая несколько вперед, следует сказать, что у нас нет другого примера, когда бы после запретительного taš- ('пусть не') +te- стоял бы префикс ḫ-. Это обстоятельство ставит под сомнение обоснованность слияния taštеḫ и kazzĪja. Но в цитируемом И.Фридрихом отрывке неопубликованной билингвы, о котором уже шла речь[78] (строки 3-7), дважды встречается хаттский глагол a-an-te-eḫ с неситским соответствием ú-e-te-it 'он построил' (прош.вр. от wete-). Не исключено, что в taštеḫ тот же корень (запретительный элемент taš + корень teḫ), тогда taš-teḫ должно быть переведено 'пусть не строит'. Сомнение здесь вызывает то, что между taš-и корнем нет, как в большинстве известных примеров, еще и других префиксов. Единственное соответствие этой форме наблюдаем в примере teš-wawaḫ, но он встречается в однозначном тексте (XXVШ I0, 2-6) и может рассматриваться также и как te-eš-wawaḫ, по аналогии с te-eš-put (XXIV I4,7) = нес.

---

76. См. также на стр. 88-89 анализ слова waḫzIḫer.

77. L, EP, p.86.

78. Fr, Gotth, S. I46.

ašandu (XXIV I4, IV,I6) 'пусть они будут' и te-eš-wau (XXIV I4, IV,I7) = нес. adandu (XXIV I4, IV,25) 'пусть они едят'.

Другим затруднением является объяснение структуры и лексического значения слова kazzĭja. С большой осторожностью можно рассматривать kazzĭja как глагол и попытаться выделить в нем корень zĭj , может быть, совпадающий с корнем tĭ или tij [79] = нес. ar- 'стоять', 'возвышаться', 'подниматься', который мне представляется возможным в словах ga-u-ra-an-ti-i-u (XXVII 6, I0) = нес. T U L-i še-ir ar-ta-ri, а также /a/ntĭu XXVII 6,6) = нес. arta и /...nantĭu (XXVII 6,8) = нес. arta, тогда как Ларош во всех трех случаях выделяет корень ant (неситское соответствие и перевод те же).

Возражения против того, чтобы рассматривать ant в приведенных примерах как корень, вызваны такими формами, как antaḫa 'он взял /вверх/' = 'он поднял' (корень taḫ , префиксальная часть an, ср. стр. 78,8I), antuḫ 'он взял себе ' (корень tuḫ , префиксальная часть an, ср. стр. 78,8I), anteḫ 'он построил' (корень teḫ , префиксальная часть an, ср. Fr, Entziff, S.I46).

Если, таким образом, принять, что zĭ или zĭj в ka-zĭj-a является корнем, совпадающим с ti, tij[80], и не сливать taštaḫ и kazzĭja в одно слово, то строки II 2, II,5I,53 можно предположительно перевести следующим образом

(5I) 'Пусть не /......./ злой камень /...../

(52) /пусть не ??...../ острый /...../

(53) пусть (он) не построит (и?) поднимет[81] /...../'

---

79. О чередовании t/z см. стр. 62 ; графическое чередование долгой гласной с "гласной + j" засвидетельствовано (см.: Kh, PHB, S.II6).

80. О значении ka- 'на', 'вверх' уже говорилось, см.стр. 81, прим. 59 ; а также: Fr, Entziff, S.64.

8I. Возможно, хаттский глагол zĭ/tĭ в отличие от соответствующего ему нес. ar- имеет не только медиальное значение(?).

Если же taštehkazzIja рассматривать, вслед за Э.Ларошем, как одно слово, то строку 53 следует перевести 'пусть он не поднимет' (тогда taš-, te-, h- и ka- - глагольные префиксы).

5. Хат. wa_a-ah-zi-i-hé-ir (П 2, П,60) = нес. mun/...../

Контекст: хаттская версия (П 2, П,57-60):

(57) ši-i-ja-pa ša-ak-tu nu-ú-wa-wa /...../

(58) wa_a-ša-ah ha-mu-ru-ú-wa wa-a-ša-ah /...../

(59) te-wa_a-aš-ši-ne wa_a-a-ša-ah ta-al-/wi_i-i-it/

(60) wa_a-ah-zi-i-hé-ir

неситская версия (П 2, П,6I,-Ш,2):

(6I) I.NA ḪUR.SAG ša-ak-/tu? it?-te?-en[82]?
i-da-lu-un GIŠ-ru/[83]

(III,1) i-a_a-lu-un ^{GIŠ}ḪUR i-da-lu-un /^{GIŠ}hi-it-ta-aš-ša/[84]

(2) i-da-lu hu-im-pa-an mu-un/-na-at-te-en?/

Э.Ларош /L,EP, p.87/ предлагает следующий фрагментарный перевод неситской версии: 'На гору Шак/ту пойдите, плохое дерево/, плохую балку, плохой (hittašša) плохой (huimpa) спря/чьте!/' Э.Ларош указывает также (L,EP, p.87-85), что хат. wahzIher=нес. mun/..../. Неситское mun/..../ он восстанавливает как mun/natten/ от нес. munnai 'прятать', что вполне вероятно. Однако от анализа wahzIher Ларош отказывается.

Попытаемся все-таки расчленить эту бесспорно глагольную форму. Из ряда хаттских глаголов нам известен формант (a)h (ср.Приложение 3); формант wa встречается реже: ср., например, wa_a-ah-ku-un (XXVIII 6,I2)[85], где выделен корень kun 'видеть' /F,

---

82. Восстановлено Э.Ларошем: в хаттской версии ср. П 2,П,57 nuwawa, которое, вероятно, соответствует нес. itten (см.: L,EP, p.87).

83. Восстановлено по П 2,Ш,7.

84. Восстановлено по П 2,Ш,8.

85. См.: Приложение 3.

IuS, S.236). Следовательно, есть основание рассматривать wa_a-aḫ-zi-i-ḫé-ir как wa-(a)ḫ-zīḫer. Не исключено, что zīḫer здесь отыменный глагол, связанный с хаттским существительным zīḫar 'лес' и обозначающий что-нибудь вроде 'обезлесить', т.е. срубить (лес), или 'расчистить (лес) от .....', а отсюда уже употребляется в смысле 'удалить', 'уничтожить' или 'спрятать'; развитие значения 'спрятать' для этого слова можно представить себе и иначе: от имени существительного 'лес' - глагол со значением 'утаить в лесу' и вообще 'утаить'. Разумеется, сказанное о значении глагольного корня zīher в связи с существительным zīḫar не более чем догадка, на правдоподобии которой не приходится слишком настаивать.

В итоге расследования, проделанного в области интерпретации хаттских глаголов, в настоящее время можно дать перевод следующих хаттских корней:

Таблица 4

Значения хаттских глагольных корней

№	Хаттский корень	Источник*	Перевод	Соответственная неситская основа	Ссылки на литературу
I	alēp** см.также lēp	C,29	'говорить'	mema-	L,EP,p.79. (иначе)
2	ḫil	E,4	'бросать', 'насыпать'	išḫuwa-	Fr,Gotth,S.I46.
3	ḫer(?) см.также zīḫer	A,II,60	'прятать'	mun[nāi-]	L,EP,p.88.

---

* Для упрощения ссылок билингвы обозначены следующим образом: KUB, II 2 - A; KUB,XXIV I4,IV - B; KUB,XXVIII 1, об.IV - C; KUB, XXVIII 4 - Y; KUB,XXVIII 5 - Z; KUB,XXVIII 6 - D; отрывок неопубликованной билингвы из Fr.Gotth, S.I46 - E.

4	ḫer	A,II,45	'назначать'	tapar(r)ija-	L,EP,p.82 sq.
5	ḫir***	A,II,40	'распределять'	manijaḫḫ-	L,EP,p.82 sq.
6	ḫūt	B,8	'двигаться', 'подниматься'	ninink-	
7	iu(ḫ), iu(w)****	Z,I7,25; Y,20	'заклинать'	uddan(i)ēk-	Kh,PHB,S.I09, I20
8	jā	A,II,47; III,27	'давать'	pāi-	L,EP,p.84 sq.
9	kaz	D,ff	'кровоточить'	iḫarweēk-	F,IuS,S.240-24I.
I0	kun	Z,II,2I; D,I2.	'видеть'	auš-	F,IuS,S.236; Kh,PHB,S,I2I, I22.
II	kuw	Z,I5,23	'брать', 'хватать'	ep-	F,IuS,S.237; Kh,PHB,S.I8I, I2I.
I2	lēp	C,29	'говорить'	mema-	L,EP,p.79
I3	neš	A,III,20	'класть'	dāi-	L,EP,p.9I
I4	nīp	A,II,46	'делать'	ija-	L,EP,p.84
I5	niw cp. put	A,II,42; III,53	'сидеть', 'быть'	eš-	L,EP,p.8I
I6	nūw, nup, nā,nū,nw	A,III,40 4I;D, I4; Z,I6,24; Y,2I	'идти', 'приходить', 'входить'	pāi- uwa-	L,EP,p.87 F,IuS,S.237 Kh,PHB,S.II8

** Alēp или lēp (a-, может быть, префикс, см. стр. I07).

*** Может быть, ḫir и ḫer представляют собой один и тот же корень.

**** Возможно, p является начальным согласным корня, а ḫ представляет собой суффикс, ср. варианты i-u-uḫ и pi-i-u-wa (ХХУШ 4, 20).

7	put	B,7; Y,29	'бить', 'бить внутри'	eš̄, aš̄-	L,CB,p.I79; Kh,PHB,S.II0, II9
8	ša	C,5	'благоприятно предсказывать'	SIG5-ahḫ	L,EP,p.83
9	šuḫ	A,III,36; C,39	'охранять', 'защищать'	paḫš̄-	L,EP,p.93
0	šūl	A,III,5I 52; F,I2,I3,22	нем.lassen (впускать', 'посылать' и т.п.)	tarneš̄-	F,IuS,S.237; L,EP,p.95; Rh,PHB,S.II7, II8,I2I
I	taḫ	A,III,46; Z,I8(?)	'сидеть', 'сажать', 'класть'	dāi-	L,EP,p.94
22	teḫ	E,4,7	'строить'	wete-	Fr,Gotth,S.I46
23	tī	D,6,8,I0	'стоять'	ar-	F,IuS,S,239,24I
24	tuḫ	A,III,I9 45,46	'брать'	dā-	L,EP,p.90,94
25	tuḫ/k(?) см.также zik	Z,I0,20; Z,I7	'падать', 'спускаться'(?)	mauš̄- tija-	Kh,PHB,S.I20, I2I
26	waḫ	A,III,35, 45	'доверять'(?)	wātarnaḫḫ-	L,EP,p.93(иначе)
27	wau, pu	B,I2,I7	'есть'	ed-	L,CB,p.I79
28	wet	C,35	?	šammallija-	L,EP,p.8I
29	zīḫer	A,II,60	'прятать'	mun/nāi/	L,EP,p.88
30	zik см.:tuḫ/k	Z,I0,20	'падать'	mauš̄-	Kh,PHB,S.II5, I20,I2I
3I	zil	D,I6	'ворковать' (?) 'плакать'(?) 'говорить'(?) 'мычать'(?)	wāi-'ворковать?' uwaja-'мычать'	L,EP,80 (иначе)

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Хаттские глагольные формы, имеющие неситский перевод, позволяют выявить не только значение ряда корней, но также некоторое количество глагольных формантов как префиксальных, так и суффиксальных (последние, впрочем, немногочисленны, совершенно неясны и не всегда могут быть выделены с достаточной уверенностью).

Э.Форрер, Э.Ларош и А.Камменхубер, исследуя глагольные формы двуязычных хаттско-неситских текстов, выделили в некоторых из них только корень, а префиксальную часть ввиду полной ее неясности они оставили нерасчлененной. Другие глагольные формы оказались в условиях, более благоприятных для анализа. Опираясь на них, указанные авторы выявили в общей сложности около тридцати глагольных префиксов. Префиксы эти следующие:

нулевой (L, EP, p.88)

an- (L, EP, p.95)

aš- (L, EP, p.79,83,85,92,95; F, S.230[86]; в сочетании с ka-, т.е. в виде aška-)

eš- (F, S.231; L, EP, p.83; L, CB, p.179)

ešta- (F, S.238; eš- в сочетании с ta-, т.е. в виде ešta-)

ḫ-, aḫ-, ḫa- (F, S.231,237; L, EP, p.83,95; Kh, PHB, S.117, 122)

i- (F, S.238)

li- (F, S.238)

pi-/wa- (L, EP, p.88,94; Kh, PHB, S.122-123), см.: wa-

še- (F, S.237; Kh, PHB, S.115 - косвенное указание)

ška- (F, S.238)

par/war- (F, S.230)

t- (L, HD, p.196)

ta- (F, S.237; L, EP, p.81,94,95; L, CB, p.179; Kh, PHB, S.117)

---

86. Здесь и ниже: F — F, IuS.

taš- (F, S.237; L, EP, p.94; L, CB, p.I79; Kh, PHB, S.I2I)

te- (F, S.237; L, HD, p.I96; L, EP, p.94,95; L, CB, p.I79)

teš- (L, CB, p.I79)

tu- (F, S.237; L, EP, p.95)

uš- (L, EP, p.83)

ut- (L, HD, p.I96)

zi- (F, S.238)

wa- (F, S.237,238; L, EP, p.88; Kh, PHB, S.I22-I23)

war/par- (F, S.238)

Встречаются также косвенные указания, в соответствии с которыми выделяются следующие префиксы:

iš- (L, CB, p.I80)

it- (Kh, PHB, S.II5)

ka- (L, CB, p.I80)

Из перечисленных префиксов Форрер рассматривает и объясняет следующие (см.табл.5):

Таблица 5

Значения хаттских префиксов по Э.Форреру

№	Префиксы	Ссылка на литературу	Значение по Э.Форреру
I	eš-	F, S.23I	множественное число в глаголе (и существительном); множественное число объекта(?)
2	ešta-	F, S.238	оптативный префикс (Wunschform)
3	ḫ-, aḫ-, ḫa-	F, S.23I,237	прямое дополнение
4	i-	F, S.238	префиксальное личное местоимение (лицо и число неясно)
5	li-	F, S.238	локативный показатель типа 'bei', 'in', 'aus', 'auf' перед энклитическим местоимением
6	par/war-	F, S.230	'тебе'
7	še-	F, S.237	направление к чему-либо
8	ška-	F, S.238	оптативный префикс (Wunschform)

9	ta-	F, S.237	направление к чему-либо
I0	taš-	F, S.237	отрицание
II	te-	F, S.237	оптативный префикс
I2	tu-	F, S.237	уточнение направительного префикса - в смысле 'hinterher'
I3	zi-	F, S.238	локативный показатель типа 'bei' 'in', 'aus', 'auf' перед энклитическим местоимением
I4	wa-	F, S.237,238	I) указательный элемент к прямому дополнению (ḫ) 2) префиксальное личное местоимение

Э.Форрер исходит из того положения, что хаттские префиксы выражают грамматические отношения внутри предложения, тогда как суффиксы указывают на связи между предложениями (F, IuS, S.230). К сожалению, эта интересная мысль им не развита и не подкреплена фактами. Не всегда обосновываются Э.Форрером и характеристики отдельных префиксов.

Из префиксов, установленных Э.Форрером, Э.Ларош разбирает лишь семь, а именно:

eš- (L, EP, p.83; L, CB, p.I79)

ḫ-, aḫ-, ḫa- (L, EP, p.83,95)

ta- (L, EP, p.8I,94,95; L,CB, p.I79).

taš- (L, EP, p.94; L, CB, p.I79)

te- (L, HD, p.I96; L, EP, p.94,95; L, CB, p.I79)

tu- (L, EP, p.95)

wa- (L, EP, p.88)

Как правило, не полемизируя с Э.Форрером, Э.Ларош в ряде случаев дает иные толкования этих префиксов.

Префикс **eš-** Э.Ларош, как и Э.Форрер, считает показателем множественного числа в глаголе, но в одном случае (L, EP, p.83: **eškāḫerpi**) рассматривает его как префикс I-го лица множественного числа, а в других (L, CB, p.I79: **tešput, tešwau**) как префикс 3-го лица множественного числа(?).

Тогда как Э.Форрер в префиксе ḫ- видит показатель объекта, Э.Ларош (L, EP, p.83) утверждает, что ḫ- — признак претерита; однако в одном случае, правда с оговорками, он переводит ḫ- французским le (?) (L, EP, p.95 : в примере tetaḫšūl, ašaḫpi, который Э.Ларош рекомендует читать tetaḫšūla, šaḫpi).

Только в одном случае Э.Ларош (L, EP, p.81) признает за префиксом ta- локативное значение, - он сопоставляет ta- с anda- 'внутри', однако колеблется, считая возможным соответствием также неситскую частицу za-, имеющую возвратное значение; тут же Э.Ларош ставит вопрос о том, не является ли ta- глагольной флексией, точнее, показателем 3-го лица единственного числа. В дальнейшем Э.Ларош уже без колебаний рассматривает ta-, а также и tu- (их он считает чередующимися формами), как показатель 3-го лица единственного числа (L, EP, p.94,95).

По поводу префиксов taš- и te- взгляды Э.Форрера и Э.Лароша (L, EP, p.94; L, CB, p.179) совпадают: оба признают, что taš- выражает отрицание; Э.Ларош считает taš- отрицательной частицей, которая может чередоваться с teš- (в том же значении).

Оптативное, пожелательное значение префикса te- также признают оба автора; но Э.Ларош рассматривает te- не только как оптативную частицу (L, HD, p.196; L, CB, p.179), но так же и как повелительную (L, EP, p.94); сочетание taš-te- Ларош отождествляет с нес. lē греч. μή.

Несколько выше уже шла речь о том, что Ларош рассматривает tu- как форму показателя 3-го лица единственного числа в глаголе, чередующуюся с ta-; возвращаясь к этому префиксу, Ларош указывает, что в других случаях tu- = te- со значением фр. 'que' (taštutašula).

Таким образом, точка зрения Э.Форрера о направительном характере tu- Э.Ларошем вообще не разделяется.

Относительно префикса wa- Э.Ларош также не придерживается взглядов Э.Форрера. В отличие от него Э.Ларош рассматривает wa- либо как показатель среднего рода единственного числа (= нес.

-at: wa-ḫ-kun = auštə-at), либо как префикс глагола (wa-ḫ-kun) и имени (wa-šaḫ), либо как местоименное соответствие форманта wa-, являющегося показателем коллектива при имени (ср. wa-šḫap); в последнем случае, как указывает Ларош, остается невыясненным противопоставление wa-šaḫ и i-malḫip.

Относительно других префиксов, упоминаемых Форрером, Ларош воздерживается от какого-либо мнения. Он не принимает и не отвергает толкований Форрера, попросту обходя этот вопрос молчанием. Зато Ларош интерпретирует несколько префиксов, которые не рассматривал Форрер (см. табл. 6).

Таблица 6

Хаттские префиксы,
впервые интерпретированные Э.Ларошем

№	Префиксы	Ссылки на литературу	Значение по Э.Ларошу
I	нулевой	L, EP, p.88	повелительная форма
2	an-	L, EP, p.95	сходен с указательным элементом в anneš
3	aš-	L, EP, p.79, 83,85,92,95	3-е л.мн.ч. (aš/eš/uš- — фонетические варианты)*
4	t-	L, HD, p.I96	местоименный элемент
5	uš-	L, EP, p.83	I-е л.мн.ч. (возможно, eš/uš)
6	ut-	L, HD, p.I96	возможно, 2-е л.ед.ч., а также 2-е л.мн.ч.

*Следует заметить, что в другом месте (L, EP, p.83) Э.Ларош рассматривает eš- как показатель I-го лица множественного числа, который чередуется с uš-; это противоречит приведенному здесь утверждению о том, что aš-/eš-/uš- — фонетические варианты.

А.Камменхубер вводит в научный обиход не подвергавшуюся ранее систематическому изучению хаттско-неситскую билингву "О луне, которая упала с неба" (KUB, XXУШ, 3; 4; 5). Грамматическое исследование этой билингвы проделано, как указывает автор, независимо от работ Э.Лароша, которые А.Камменхубер справедливо считает основополагающими для изучения хаттского языка. Выводы А.Камменхубер о грамматических формантах во всем существенном анало-

гичны выводам Э.Лароша. Это в полной мере относится и к глагольным префиксам.

По вопросу о значении префикса ta- в связи с его сопоставлением с префиксом še- А.Камменхубер идет дальше Э.Лароша.

Э.Форрер считал глагольные форманты ta- и še- однотипными и рассматривал их как направительные префиксы. Э.Ларош, а вслед за ним и А.Камменхубер не принимают во внимание эту точку зрения. Э.Ларош считает ta- глагольной флексией 3-го лица единственного числа, а А.Камменхубер, сопоставляя форму še-ḫ-kuwa(t) с формой ta-ḫ-kuwa(t), приходит к выводу, что ta- – показатель субъекта или объекта 3-го лица единственного числа мужского рода, тогда как še- – показатель субъекта или объекта 3-го лица единственного числа женского рода.

Некоторые другие префиксы, предложенные в свое время Форрером как глагольные (ešta-, i-, li-, par-/war-, ška-, zi-), А.Камменхубер, как и Э.Ларошем, не выделяются[87].

В дополнение к данным Э.Лароша о переходе p > w мы находим и у А.Камменхубер пример глагольной формы с таким звуковым изменением (Kh, PHB, S.122-123) pi/wa-nuw/p-a = нес. paitaš 'она пошла' (?).

Исследуя значение глагольных префиксов, Э.Ларош и А.Камменхубер работали независимо друг от друга, на разном текстовом материале и тем не менее пришли к одинаковым выводам. Это, казалось бы, должно само по себе свидетельствовать в пользу сделанных ими выводов. Однако такое заключение преждевременно.

Э.Ларош и А.Камменхубер выделяют и рассматривают отдельные хаттские форманты, преимущественно префиксы (так как суффиксы совершенно неясны); затем, исходя из грамматических категорий, выраженных в неситской версии, они устанавливают значение этих формантов. В результате хаттские форманты, как правило, оказываются сведенными к той же системе, что и неситские, а попытки

---

87. Относительно i см. стр. 118, № 8.

установить их специфическую систему не предпринимаются. Между тем à priori можно ожидать, что между хаттской и неситской грамматикой больше различий, чем сходства.

Конечно, всякий отход от языковых фактов, зафиксированных древними письменными памятниками, весьма рискован, однако в данном случае материал билингв заключает в себе коварное препятствие: рассматривая неизвестный нам хаттский язык через призму уже известного неситского, т.е. отыскивая в хаттских текстах те грамматические значения, которые даны в неситском переводе, мы рискуем не увидеть в хаттском ничего такого, чего бы не было в неситском.

Таким образом, индоевропейский неситский - единственная наша реальная опора для интерпретации хаттских слов и грамматических форм - оказывается вместе с тем серьезной преградой, мешающей проникнуть в сущность того, что как раз всего более характерно для строя явно неиндоевропейского хаттского языка[88]. К тому же хаттские тексты записаны носителями неситского языка, а дошедшие до нас таблетки - это не первоначальные записи, а более поздние попытки писцов восстановить погибшие тексты по памяти. Следовательно, наши тексты не могут считаться первоклассным источником ни в фонетическом, ни в морфологическом отношении. Показания неситов о хаттском языке никак нельзя принимать на веру целиком. Не следует также переоценивать точность перевода с хаттского на неситский, а следовательно, и точность хаттско-неситских соответствий, устанавливаемых в билингвах. В том, что касается фонетики и грамматики, это соответствия только лишь с неситской точки зрения (не нужно забывать и о филологической неискушенности переводчиков-неситов, кроме всего прочего, имевших весьма приблизительное представление о хаттском[89]). Кроме того, хаттский язык, доступный нам по переводам, сделанным носителями индоевропейского неситского языка, рассматривается и анализиру-

---

88. См. стр. 62-63.

89. См. стр. 58.

ется исследователями, исходящими преимущественно из категорий индоевропейской грамматики.

Попыток выяснить особенности хаттской грамматики из материалов самого хаттского языка, т.е. из сопоставления хаттских форм, до сих пор совсем не предпринималось[90]. Поэтому в настоящее время можно считать, что пока достигнуто лишь весьма примерное лексическое, вернее, сюжетное понимание некоторых хаттских отрывков, имеющих неситский перевод.

Исходя из этого, мы должны пытаться путем сопоставления приблизительно понятных хаттских контекстов выявить некоторые черты хаттского грамматического строя. Некоторую помощь здесь могут оказать также и одноязычные тексты, в которых встречаются слова, в каком-либо отношении (структурном или лексическом) близкие словам, интерпретированным по двуязычным текстам.

Разумеется, что работа по сопоставлению столь недоброкачественных контекстов должна вестись с крайней осторожностью и полученные таким путем данные требуют весьма критического к себе отношения.

КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ

Если мы хотим узнать, что̀ именно характерно для грамматики неиндоевропейского хаттского языка и, в частности, для его глагольных форм, мы должны искать такие приемы анализа хаттского материала, которые были бы в методическом отношении достаточно строги и вместе с тем не привносили бы в хаттский язык чуждые ему индоевропейские черты.

Ключом к разгадке структуры хаттского глагола может явиться то обстоятельство, что хаттские глагольные префиксы, по-видимому, располагаются по отношению к корню и друг к другу в довольно постоянной последовательности, образуя при этом несколько групп.

Прежде чем рассматривать факты, подтверждающие существование такой последовательности, остановимся вкратце еще раз на общей структуре хаттских глагольных форм, какой она представляется на основании двуязычных текстов.

1. Хаттские глаголы имеют как префиксальную, так и суффиксальную часть, например taštuta-šul-a[91] 'пусть (он) не впустит': taštuta- — префиксальная часть, -a — суффиксальная часть, šul — корень (ср. tētaḫ-šūl 'пусть (он) впускает', с тем же корнем); aḫ-kun-wa '(он) видел его': aḫ- — префиксальная часть, -wa — суффиксальная часть, kun — корень (ср. waḫ-kun '(он) увидел', '(она) увидела' с тем же корнем.

2. Префиксальная часть представляет собой один или несколько префиксов, например wa-nūp-pa '(он(а) пошла': wa- — префикс, nūp < nuw — корень; taš-te-ta-nūw-a 'пусть (он) не придет': taš-, te-, ta- — префиксы (ср. taš-tu-ta-šūl-a с корнем šūl).

3. Суффиксальная часть менее ясна, чем префиксальная; по-видимому, она может состоять из одного-двух (изредка, может быть, и большего количества) суффиксов, например: taš-tu-ta-šul-a 'пусть (он) не впустит': šul — корень, -a — суффикс (ср. tē-ta-ḫ-šūl, с тем же корнем); nūw-a-wa 'пойдите(?)': nūw — корень, -a, -wa — суффиксы; ā-ḫ-kun-wā '(он) видел его': kun — корень, -wā - суффикс; ā-ḫ-kun-nu-wa '(он) увидел его': kun- - корень, -(n)u, -wa- суффиксы.

4. В двуязычных текстах преобладают префиксальные форманты, а суффиксы большей частью отсутствуют[92]; глаголы, состоящие из корня и суффиксов (без префиксов)[93], единичны, например, put-tu

---

90. За исключением некоторых наблюдений Э.Форрера, которые носят предварительный характер.

91. Источник, из которого приведены данный и следующие примеры, неситское соответствие и перевод см. в Приложении 3 (в порядке алфавита корней).

92. Это обстоятельство затрудняет этимологизацию хаттских суффиксов и их выявление в одноязычных текстах.

93. Э.Ларош, может быть, не без основания рассматривает такие глаголы, как формы с нулевым префиксом; см. стр. 96 и 125.

Хаттские префиксы

№	Префикс	Пример	Корень	Примечание
I	нулевой	put-tu	put	
2	a-	a-(a)n-tuḫ	tuḫ	
3	(a)ḫ-*	a-(a)ḫ-kun-nu-wa	kun	
4	(a)k-	(a)k-ka-tuḫ	tuḫ	
		a-(a)k-kun-nu-wa	kun	
5	(a)n-	a-(a)n-tuḫ	tuḫ	
6	(a)š-	(a)š-ka-(a)ḫ-ḫir	ḫir	
7	(a)z-	ta-(a)z-zi(-?)jaḫ-du	zijaḫ или jaḫ	сомнительное слово
8	(e)ḫ-	še-(e)ḫ-kuw-at	kuw	
9	(e)š-	te-(e)š-put	put	
I0	ḫ-	teš-ta-ḫ-ḫut-u	ḫut	teš-, а не te-(e)š-, как в № 9, так как соответственный глагол в неситской версии имеет отрицание**

*Так как начальный гласный в слогах типа гласный + согласный (например, aḫ-, eḫ-, ak-, iš- и т.п.) обусловлен графическими причинами, то следовало бы говорить о префиксах ḫ-, k-, š- (а не aḫ-, eḫ- и т.д.); если здесь и в ряде случаев приходится отступать от этого принципа, то это делается ради того, чтобы не отбрасывать без обсуждения формы префиксов, представленные в литературе; гласный в таких формах берется в скобки, например:(a)ḫ-, (e)ḫ- и т.д. (см. стр.I20 -I2I). Следует также иметь в виду,что, по условиям клинописной графики, i в большинстве случаев может также читаться как e.

**См. стр.I38 № 22.

'пусть (они) будут (внутри?)': put — корень, -(t)u — суффикс (ср. te-eš-put 'пусть (они) будут' с тем же корнем).

5. В хаттской версии двуязычных текстов, судя по литературным данным и по данным анализа, проделанного в связи с настоящей работой[94], встречаются следующие префиксы (см.табл.7):

94. См. стр. 66-89.

II	ḫa-	ḫa-nw-aš	nw < nuw	
I2	(i)š-	(i)š-kā-šuḫ	šuḫ	
I3	(i)t-	ti-(i)t-taḫ	taḫ	
I4	ka-	aš-ka-(a)ḫ-ḫir	ḫir	
I5	pi-	pi-(i)n-nuw-at	nuw	
I6	ša-	(e)š-ša-a(-?)lēp	alēp или lēp	
I7	še-	še-(e)ḫ-kuw-at	kuw	
I8	ši-	za-(a)š-ši-ja	ja	
I9	ta-	ta-niw-aš	niw	
20	te-	taš-te-nūw-a	nūw	
2I	ti-	ti-(i)t-taḫ	taḫ	
22	taš-	taš-tu-ta-šūl-a	šūl	
23	teš-	teš-ta-ḫ-ḫut-u	ḫut	См. примечание к № I0.
24	(u)ḫ-	tu-(u)ḫ-ta-šul	šul	
25	(u)š-	(u)š-še-ša-lil	lil(?)	
26	wa-	wa-(a)ḫ-kun	kun	
27	za-	tu-(u)ḫ-za-šul	šul	

6. Из числа приведенных здесь префиксов в литературе не упоминаются префиксы a-, (a)k-, (a)z-, ša-, ši-, ti-, (u)ḫ- и za-. Так как они, по-видимому, реально (во всяком случае, графически) существуют, то их необходимо иметь в виду. Факты фонетического или графического чередования этих префиксов с другими префиксами нуждаются в специальной оговорке[95].

РАЗМЕЩЕНИЕ ХАТТСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ

РАЗМЕЩЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ ПО ДАННЫМ БИЛИНГВ

Взяв для начала опять-таки только хаттские глаголы из двуязычных текстов, мы увидим следующее:

95. См. стр. 111,119-122,133.

1. Префиксы taš- и teš- с бесспорно установленным значением отрицания действия, запрещения (= нес. lē) всегда стоят в начале слова и наиболее отдалены от корня, например:

taš-te-nūw-a	'пусть (он) не придет'
taš-tē-ta-nūw-a	'пусть (он) не придет'
taš-tu-ta-šūl-a	'пусть (он) не впустит'
teš-ta/u-(a/u)ḫ-ḫūt-u	'пусть (он) не двинется'

2. Префиксы te- и tu- при наличии префикса taš- следуют непосредственно за ним, т.е. стоят на одно место ближе к корню, например: taš-te-nūw-a, taš-tē-ta-nūw-a, taš-tu-ta-šūl-a.

При отсутствии префикса taš- префиксы te- и tu- стоят в начале слова, например:

tē-ta-(a)ḫ-šūl	'пусть (он) впускает'
te-(e)š-put[96]	'пусть (они) будут'
te-(e)š-wau[97]	'пусть (они) съедят'
te-(e)š-ka-šuḫ-ta	'пусть (он) защитит'
tu-waḫ-ši	'(я) их ему доверяю'
tu-(u)ḫ-ta-šul	'(он) послал за ним/ней'
tu-(u)ḫ-za-šul	'(он) послал за ним/ней'

Из приведенных переводов видно, что значение te- всегда оптативно, а tu- обозначает оптатив только в отдельных случаях, например: taš-tu-ta-šūl-a, teš-tu-(u)ḫ-ḫūt-u; в других же случаях tu- этого значения не имеет, например: tu-waḫ-ši, tu-(u)ḫ-ta-šul[98].

---

96. Следует обратить внимание на то, что префикс teš- ('пусть не') можно отличить от сочетания префикса te- ('пусть') с префиксом (e)š- только при наличии неситского перевода соответственных глагольных форм (то же касается префиксов taš-, tiš-, tuš- и сочетаний ta+(a)š, ti+(i)š, tu+(u)š).

97. Вариант te-eš-pu.

98. См. стр. 131, прим. 136; стр. 132, прим. 138.

Так как одинаково возможно чтение teš-ta-(a)ḫ-ḫūt-u и teš-tu-(u)ḫ-ḫūt-u [99], то возникает вопрос о месте префикса ta-, но уже примеры taš-tē-ta-nūw-a и taš-tu-ta-šul-a указывают на то, что место этого префикса не совпадает с местом префиксов te- и tu-[100].

3. Вслед за префиксами te- и tu- независимо от того, находятся ли они после taš-, teš- или в крайнем положении, следуют префиксы (e)š-, ta-, (a)ḫ- и (u)ḫ-, например: te-(e)š-put, taš-tu-ta-šul-a, teš-ta/u-(a/u)ḫ-ḫut-u, tu-(u)ḫ-ta-šul.

Однако (a)ḫ- и ta- могут стоять и вслед за другими префиксами ближе к корню, например: (a)š-ka-(a)ḫ-ḫir, tē-ta-(a)ḫ-šul, tu-(u)ḫ-ta-šul, a-(a)š-ta-(a)ḫ-ḫil-ma.

Таким образом, из перечисленных четырех префиксов непосредственно после te- и tu- стоят постоянно только (e)š- и (u)ḫ-.

После ti-, являющегося, по всем данным, вариантом te-, находятся префикс (i)t-, встречающийся в интерпретированной комбинаторной форме ti-(i)t-taḫ.

4. За (e)š- и (u)ḫ-, опять-таки еще на одно место ближе к корню, встречаются префиксы ka-, ša-(?) [101], ta- и za-, например: (e)š-ka-a-ḫer-pi, te-(e)š-ka-šuḫ-ta, (e)š-ša-(a)lēp, tu-(u)ḫ-ta-šul, tu-(u)h-za-šul.

---

99. Знак taḫ читается также tuḫ.

100. В глагольных формах из одноязычных текстов ta- встречается не только после префиксов te-, tu-, но и на месте этих префиксов, см. стр. 116, табл. 12.

101. Существование префикса ša- не бесспорно: во-первых, потому, что не бесспорен глагольный характер слова eššalēp, в котором засвидетельствован этот префикс /см.: L, EP, p.79/; во-вторых, потому, что, если считать eššalēp глаголом, то наряду с его аналитическим написанием eš-ša-(a)lēp возможно также и аналитическое написание eš-a-lēp, eš-alēp.

5. После ka-, ta- и za- еще ближе к корню располагаются a-, (a)ḫ-, (a)š- и ḫ-, например: wa-ka-a-pu-ut-tu (корень pu-)[102], ta-a-ḫā-wēt, (a)š-ka-(a)ḫ-ḫir, ta-(a)ḫ-kuw-at, za-(a)š-ši-ja, (a)š-ta-ḫ-ḫil-ma[103].

Следует учесть, что префикс aḫ- встречается после a- (a-aḫ-kun-wa); следовательно, его место не в одной группе с a-, а в группе, стоящей непосредственно перед корнем. Это, очевидно, касается и префикса ḫ-.

6. Формы a-(a)ḫ-kun-wa, a-(a)n-taḫ-a, ta-a-ḫā-wēt, a-n-tī-u и za-(a)š-ši-ja показывают, что место префиксов (a)ḫ-, (a)n-, ḫā-, n- и ši- непосредственно перед корнем.

Изложенная последовательность префиксов может быть наглядно представлена в виде следующей таблицы (см. табл. 8).

В результате сопоставления ряда глагольных форм, отраженных в этой таблице, мы видим, что общее количество префиксальных мест при глаголе равно шести, но что примеров, когда бы все шесть мест были заняты, нет. Глагольная форма имеет большей частью два-три префикса. Однако, исходя из приведенных примеров, мы можем предварительно закрепить за рассмотренными префиксами определенное место по отношению к корню:

на шестом месте от корня стоят префиксы taš- или teš-;

на пятом - te- или tu-;

на четвертом - (e)š-, или (u)ḫ-, или (i)t-;

на третьем - ka-, или ta-, или za-;

не дальше третьего места - ša-;

на втором - a- или (a)š-;

на первом - (a)ḫ-, или (a)n-, или ḫ-, или ḫa-, или n-, или ši-.

Этот порядок размещения глагольных префиксов оставался до сих пор незамеченным, так как из шести префиксальных групп, как ука-

---

102. О префиксе wa- см. стр. 108, № 3.

103. О префиксе (a)š- см. стр. 111.

Классификация хаттских префиксов по направлению от начала слова к корню.

№	Группа префиксов						Корень глагола	Суффиксальная часть
	6	5	4	3	2	I		
I	taš-	te-	-	-	-	-	nūw	-a
2	taš-	te-	-	ta-	-	-	nūw	-a
3	taš-	tu-	-	ta-	-	-	šūl	-a
4	teš-	ta/u-	a/uḫ-	-	-	-	ḫūt	-u
5	taš-	te-	-	-	-	-	nūw	-a
6	taš-	te-	-	ta-	-	-	nūw	-a
7	taš-	tu-	-	ta-	-	-	šūl	-a
8		te-	eš-	-	-	-	put	-
9		ti-	it-	-	-	-	taḫ	-
I0		tu-	uḫ-	ta-	-	-	šul	-
II			eš-	ka-	a-	-	ḫer	-pi
I2		te-	eš-	ka-	-	-	šuḫ	-ta
I3			eš	ša(?)	-	-	(a)lēp	-
I4		tu-	uḫ-	ta-	-	-	šul	-
I5		tu-	uḫ-	za-	-	-	šul	-
I6			wa-	ka-	a-	-	pu	-ut-tu
I7				ta-	a-	ḫā-	wēt	-
I8				za-	aš-	ši-	ja	-
I9					a-	aḫ-	kun	-wa
20					a-	an-	taḫ	-a
2I				ta-	a-	ḫā-	wēt	-
22			aš-	ta-	-	ḫ-	ḫil	-ma
23					a-	n-	ti	-u
24				za-	aš-	ši-	ja	-

зано, одновременно бывают представлены только две-три, что, на первый взгляд, сильно меняет картину. Между тем последовательность размещения префиксов, за вычетом не представленных в каждом данном случае префиксальных групп, и есть та самая последовательность, которая только что приведена.

При анализе глагольных префиксов в направлении от начала слова к корню могут остаться неучтенными префиксальные форманты, не попадающие в одну цепочку с префиксами, выясненными таким путем; так, например, перед (ə)ḫ-, (i)n-, še- и другими не стоит ни один из перечисленных выше префиксов, поэтому (ə)ḫ-, in-, še- и другие остаются неучтенными. Чтобы восполнить этот пробел, необходимо проанализировать последовательность глагольных префиксов также и в противоположном направлении, т.е. от корня к началу слова. Такое перемещение исходной точки анализа полезно также в целях проверки уже полученных нами результатов.

Рассматривая порядок размещения префиксов в направлении от корня, мы получаем следующую картину:

I. Префиксы (a)ḫ-, (ə)ḫ-, ḫ-, ḫa-, (a)n-, (i)n-, n-, стоят всегда непосредственно перед корнем, например: (a)š-ka-(a)ḫ-ḫir, tē-ta-(a)ḫ-šūl, teš-ta-(a)ḫ-ḫūt-u, a-(a)ḫ-kun-wa, ta-(a)ḫ-kuw-at, še-(ə)ḫ-kuw-at, (a)š-ta-ḫ-ḫil-ma, ta-a-ḫā-wēt[104], a-(a)n-ta/uḫ-an, a-(a)n-tuḫ, (a)n-neš, a-(a)n-taḫ-a, a-(a)n-teḫ, pi-(i)n-nuw-at, pi-(i)n-nā[105], a-n-tI-i (может быть, (a)n-tI-u), za-(a)š-ši-ja.

2. На втором месте от корня, перед префиксами (a)ḫ- и (i)n-, стоят префиксы wa- и pi-, а перед префиксами (a)ḫ-, (a)n- и n- - префикс a-; перед префиксом (ə)ḫ- - префикс še-; перед префиксом ši- - префикс aš-, например: wa-aḫ-zIḫer, wa-(a)ḫ-kun,

---

104. Этот пример можно рассматривать и как tā-ḫa-a-wēt(?), что, впрочем, маловероятно.

105. Корень nā- < nuw-a.

pi-(i)n-nuw-at[106], pi-(i)n-nā, pi-(e)n-nū, a-(a)ḫ-kun-wa, a-(a)n-taḫ-a, a-(a)n-tuḫ, a-n-tĪ-u, še-(e)ḫ-kuw-at, za-(a)š-ši-ja.

3. Префиксы, стоящие на третьем месте от корня, перед префиксами wa- и pi-, а также перед še-, нам неизвестны, так как соответственных примеров нет. Следовательно, о префиксах wa-, pi- и še- мы можем сказать, что они находятся не ближе второго места от корня, но могут быть и дальше. На третьем месте от корня, перед префиксом a-, встречаются ka- и ta-, перед префиксом aš- стоит префикс za-, например: wa-ka-a-pu-ut-tu, ta-a-ḫā-wēt, za-(a)š-ši-ja.

4. На четвертом месте от корня, перед префиксами ka-, ta- и za-, встречаются (a)k-, (a)š-, (e)š-, (i)š, uḫ- и wa-, например: (a)k-ka-tuḫ, (a)š-ka-(a)ḫ-ḫir, (a)š-ta-zil, (a)š-ta-(a)ḫ-ḫil-ma, (e)š-ka-a-ḫer-pi, te-(e)š-ka-šuḫ-ta, (i)š-ka-a-šuḫ, tu-(u)ḫ-ta-šul, tu-(u)ḫ-za-šul, wa-ka-a-pu-ut-tu.

Префикс wa- находится не ближе чем на четвертом месте от корня, что определено здесь стоящим за ним префиксом ka-. Очевидно, также на четвертом месте следует поместить и префикс wa- из примеров wa-(a)ḫ-zĪḫer и wa-(a)ḫ-kun, где места второе и третье от корня можно считать незамещенными (то же, возможно, касается и префикса pi-).

5. На пятом месте от корня, перед префиксом (e)š-, стоит префикс te-, а перед префиксом (u)ḫ- - префикс tu-, например: te-(e)š-ka-suḫ-ta, te-(e)š-wau, tu-(u)ḫ-ta-šul, tu-(u)ḫ-za-šul.

6. На шестом месте от корня, перед префиксами te- и tu-, стоят префиксы taš- и teš-, например: taš-te-nūw-a, taš-tu-ta-šul-a, teš-ta/u-(a/u)ḫ-ḫūt-u.

Изложенная последовательность префиксов по направлению от корня к началу слова представлена в виде таблицы № 9.

---

106. Префиксы wa- и pi-, возможно, являются чередующимися формами одного префикса, ср. варианты pi-in-nā (< pi-(i)n-nuw-a) и wa-nup-pa (< wa-nuw-pa); см. стр. 111.

Классификация хаттских префиксов по направлению от корня к началу слова

№	Группа префиксов						Корень глагола	Суффиксальная часть
	6	5	4	3	2	I		
I					a-	(a)ḫ-	kun	-wa
2					še-	(e)ḫ-	kuw	-at
3			(a)š-	ta-	-	ḫ-	ḫil	-ma
4				ta-	a-	ḫā-	wēt	-
5					a-	(a)n-	tuḫ	-
6					pi-	(i)n-	nuw	-at
7					a-	n-	tī	-u
8				za-	(a)š-	ši-	ja	-
9					wa(?)-	(a)ḫ-	kun	-
I0					pi(?)-	(i)n-	nuw	-at
II					a-	(a)ḫ-	kun	-wa
I2					a-	(a)n-	tuḫ	-
I3					a-	n-	tī-	-u
I4					še(?)-	(e)ḫ-	kuw	-at
I5				za-	(a)š-	ši-	ja	-
I6			wa-	ka-	a-	-	pu	-(u)t-tu
I7				ta-	a-	ḫā-	wēt	-
I8				za-	(a)š-	ši-	ja	-
I9			(a)k(?)	ka-	-	-	tuḫ	-
20			(a)š-	ta-	-	-	zil	-
2I		te-	(e)š-	ka-	-	-	šuḫ	-ta
22			(i)š-	ka-	a-	-	šuḫ	-
23		tu-	(u)ḫ-	ta-	-	-	šul	-
24		tu-	(u)ḫ-	za-	-	-	šul	-
25	tiš-	ti-	(i)t-	ka-	-	-	nuw	-a
26			wa(?)	ka-	a-	-	pu	-(u)t-tu
27		te-	(e)š-	ka-	-	-	šuḫ	-ta
28		tu-	(u)ḫ-	ta-	-	-	šul	-
29	taš-	te-	-	-	-	-	nūw	-a
30	taš-	tu-	-	ta-	-	-	šūl	-a
3I	teš-	ta/u-	(a/u)ḫ-	-	-	-	ḫūt	-u

Данные таблицы 9 подтверждают наличие тех же шести префиксальных групп при глаголе, которые были выявлены на основании анализа порядка глагольных префиксов по направлению от начала слова к корню[107].

По данным анализа в направлении от корня к началу слова состав этих групп следующий:

на первом месте от корня стоят (a)h̲-, (e)h̲-, h̲-, h̲ā-,(a)n-, (i)n-, n-, ši-

на втором - a-, aš-

не ближе второго - pi-(?), še-

на третьем - ka-, ta-, za-

на четвертом - (a)š-, (e)š-, (i)š-, (u)h̲-

не ближе четвертого - (a)k-, wa-

на пятом - te-, tu-

на шестом - taš-, teš-.

В результате такого анализа было дополнительно определено место следующих префиксов:

на первом месте от корня - (e)h̲-, (i)n-

не ближе второго места от корня - še-, pi-(?)

на четвертом месте от корня - (a)š-, (i)š-; префикс (a)š- оказывается, таким образом, и на втором, и на четвертом месте от корня (при анализе в направлении к корню он был зафиксирован только на втором месте);

не ближе четвертого места от корня - (a)k-, wa-.

Из префиксов, место которых выяснено ранее, не повторяется только префикс ša-,впрочем,о его сомнительности уже шла речь[108].

Таким образом мы видим, что большинстве префиксов отражено в обеих таблицах и места их в обеих таблицах совпадают. Часть префиксов, указанных только в одной из таблиц, ((e)h̲-, (i)n-,

---

107. См. стр. 106, табл.8.

108. См. стр. 104, прим.101.

(i)š-] не вызывают каких-либо сомнений, так как они, по-видимому, представляют собой варианты префиксов, приведенных в обеих таблицах (ср. соответственно (a)ḫ-, (a)n-, (e)š-) и место их поддается точному определению. Несколько сложнее обстоит дело с префиксами (a)k-, še- и ša-, pi- и wa-. Затруднения, с которыми мы сталкиваемся, определяя место этих префиксов, заключается в следующем: о префиксе ša- мы знаем только, что он может стоять не дальше третьего места от корня, но не имеем данных, чтобы закрепить его за третьим, вторым или первым местом[109]; о префиксах še-, (a)k-, pi- и wa- нам известно лишь, не ближе какого места от корня они могут располагаться (še- - не ближе второго; (a)k- и wa- - не ближе четвертого; pi-, если это самостоятельный префикс, то не ближе второго, если же это вариант префикса wa-[110], то тогда не ближе четвертого места от корня).

Префикс (a)k-, возможно, является вариантом префикса (a)ḫ-, который чередуется на четвертом месте с префиксом (u)ḫ-[111], тогда и (a)k-, вероятно, нужно считать префиксом четвертой группы.

На особом положении оказывается префикс (a)š-: в таблице 8 он попадает на второе место, а в таблице 9 - и на второе, и на четвертое. Здесь перед нами либо перестановка, вызванная неизвестными нам причинами, либо, может быть, явление омонимии[112].

Подводя итог, мы можем предложить следующую группировку глагольных префиксов интерпретированных хаттских глаголов (см. табл.10):

---

109. См. стр. 104; как мы увидим (ср.стр. 121) префикс ša- целесообразно поставить вместе с префиксом ši- на первое место от корня.

110. См. стр. 108, прим. 106.

111. См. стр. 122.

112. См. стр. 123.

Таблица I0

Группировка глагольных префиксов

Место от корня	Префиксы	
	Место определено точно	Место определено приблизительно[II3]
I	(a)ḫ-, (e)ḫ-, ḫā-, ḫ-, (a)n-, (i)n-, n-, ši-	
2	a-, (a)š-	še-, pi-
3	ka-, ta-, za-	ša-
4	(a)š, (e)š-, (i)š-, (u)ḫ-	(a)k-, wa-
5	te-, tu-	
6	taš-, teš-	

Последовательность размещения, предложенного для интерпретированных глагольных форм, нарушается только одним префиксом (a)š-[II4]. Очевидно, это размещение носит вполне объективный характер. Оно может быть проиллюстрировано следующим минимальным количеством примеров (см.табл.11):

РАЗМЕЩЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ
ПО ДАННЫМ ОДНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Опираясь на глагольные корни и форманты, известные нам из билингв, мы оказываемся в состоянии выявить и привлечь для анализа ряд глагольных форм из одноязычных хаттских текстов[II5]. Само собой разумеется, что в тех случаях, когда мы определяем глагольный характер слов по их формантам, а не по интерпретированным корням, лексическое значение этих слов остается неизвестным.

II3. Т.е. не ближе или не дальше какого места от корня данный префикс может стоять, см. стр. I05 и II0.

II4. См. стр. III,I23.

II5. См. Приложение 2.

Размещение глагольных префиксов

№	Префиксы						Глагольный корень	Суффикс
	6	5	4	3	2	1		
1					a-	(a)ḫ-	kun	-wa
2					a-	(a)n-	tuḫ	
3				ta-	a-	ḫā-	wēt	
4					a-	n-	tī	-u
5					še-	(e)ḫ-	kuw	-at
6					pi-	(i)n-	nuw	-at
7			(a)š-	ta-	-	ḫ-	ḫil	
8				za-	(a)š-	ši-	ja	
9				ta-	a-	ḫā-	wēt	
10				za-	(a)š-	ši-	ja[x]	
11					še-	(e)ḫ-	kuw	-at[xx]
12					pi-	(i)n-	nuw	-at[xxx]
13			wa-	ka-	a-	-	pu	-uttu
14				ta-	a-	ḫā-	wēt	
15		tu-	(u)ḫ-	ta-	-	-	šul	
16				za-	(a)š-	ši-	ja	
17		tu-	(u)ḫ-	za-	-	-	šul	
18			(e)š-	ś́a-	a(?)-	-	lēp[xxxx]	
19		te-	(e)š-	ka-	-	-	šuḫ	-ta
20		tu-	(u)ḫ-	ta-	-	-	šul	
21			(i)š-	ka-	a-	-	šuḫ	
22			(a)k-	ka-	-	-	tuḫ[*]	
23			wa-	ka-	a-	-	pu	-uttu[**]
24			(a)š-	ka-	-	(a)ḫ-	ḫir[***]	
25		te-	(e)š-	ka-	-	-	šuḫ	-ta
26	taš-	te-	-	ta-	-	-	nūw	-a
27		tu-	(u)ḫ-	ta-	-	-	šul	
28	taš-	tu-	-	ta-	-	-	šūl	-a
29	taš	te-	-	ta-	-	-	nūw	-a
30	teš-	ta/u-	(a/u)ḫ-	-	-	-	ḫūt	-u

x (a)š- также на четвертом месте
xx še- не ближе второго места
xxx pi- не ближе второго места
xxxx ša- спорно, см. стр.104.
* (a)k- не ближе четвертого места
** wa- не ближе четвертого места
*** (a)š- также на втором месте

Тем не менее скудость наших материалов о хаттском глаголе не позволяет пренебрегать и такими данными[116]. Однако мы должны постоянно иметь в виду, что примеры из одноязычных текстов гораздо менее достоверны, чем примеры из билингв, и что здесь возможны ошибки и прежде всего при определении глагольного корня. Так, например, если бы формы taniwaš, kazzija, antaḫan, tuwaḫši, wakaputtu, teškašuḫta, taḫkuwat, wanuppa, aḫkunnuwa и т.п. не имели неситского соответствия, мы легко могли бы принять за корень этих слов (соответственно) вм. niw - waš или (a)š, вм. taḫ - ḫan, вм. waḫ - ši, вм. pu - put или tu, вм. šuḫ - ta, вм. kuw - wat или at, вм. nup (< nuw) - pa, вм. kun - nuw и т.д. Такие ошибки сразу отразились бы на группировке пре-

---

116. Естественно предположить, что немалое количество хаттских глаголов продолжает оставаться вне поля нашего зрения, так как эти глаголы не имеют хотя бы примерных структурных параллелей среди глаголов, установленных в хаттской версии немногочисленных двуязычных текстов, где, разумеется, встречаются далеко не все существовавшие в хаттском языке глагольные форманты и типы глагольных форм.

фиксов и не раз поставили бы нас в затруднительное положение. Поэтому за основу следует брать классификацию префиксов, полученную в результате анализа глагольных форм из двуязычных текстов. Группы этой классификации могут быть дополнены префиксами, засвидетельствованными в одноязычных текстах. Однако здесь требуется чрезвычайная осторожность, особенно в тех случаях, когда группировка префиксов из одноязычных текстов вступает в противоречие с группировкой префиксов, установленной по билингвам. Такое противоречие может быть вызвано ошибкой в анализе формы из одноязычного текста или же какими-то объективно существующими перестановками, причины которых для глагольных форм с этимологически неясным корнем выяснить едва ли возможно.

Принципы размещения глагольных префиксов

В качестве основы классификации мы можем пока принять следующую группировку префиксов, учитывающую как глагольные формы из билингв, так и большинство глаголов, выявленных в одноязычных текстах (см.табл.I2)[II7].

Остановимся на некоторых замечаниях к таблице I2, обозначенных арабскими цифрами.

1. Размещая префиксы интерпретированных глаголов, мы получили шесть групп, причем в шестую группу попали только префиксы taš- и teš-. При анализе префиксов неинтерпретированных глаголов в ту же шестую группу попадают также префиксы ta-, te-, ti-, tu- и некоторые другие. Так как taš- и teš- по своему значению (отрица-

---

II7. Полный перечень рассмотренных глагольных форм см. в Приложении 2; см. также аналитическую транскрипцию в Приложении 3. Некоторые префиксы могут быть приняты лишь с известными оговорками, - такие префиксы заключены в скобки и подробно рассмотрены в замечаниях к приводимой классификации (номера около префиксов соответствуют номерам замечаний). Префиксы, место которых установлено по интерпретированным глагольным формам, подчеркнуты.

Таблица I2

Классификация глагольных префиксов

Префиксы	Группы префиксов					
	6	5	4	3	2	I
Гласные	(u-?)[2]	(u-?)[4]			a- ja- (u-?)[7]	(e-?)[8] (i-?)[8]
С согласным ḫ/k			(a)ḫ-, (a)k-, (e)ḫ- (i)k-, (u)ḫ-, (u)k-, ḫa-	ka-		(a)ḫ-, (i)ḫ-, (u)ḫ-, ḫ-, ḫa-, (k-)[11]
С согласным n						(a)n-, (i)n-[9] n-, na-
С согласным p			(a)p-, (i)p-, pa-		(a)p-, (i)p-, (u)p-, pi-, pu-	
С согласным w	wa-		wa-			
С согласным š	(e)šr, (i)š-	še-, šu-	(a)š-, (e)š-, (i)š-, (u)š-		(a)š-; (u)š, šu-	ši-, ša-
С согласным t	(at-?)[3] ta-, te-, ti-, tu-	ta-, te-, ti-, tu-	(a)t-?[3] (i)t-, (u)t-	ta-, (te-?)[5] tu-		(ti-?)[10]
С согласным z				za-, zi-, (zu-?)[6]		
С согласными t и š	taš-, teš-r tiš-, tuš-					

ние при глаголе) не могут быть в одной группе с оптативными префиксами te- и tu- и так как taš- и teš- всегда стоят в начале слова, причем часто перед префиксами te- и tu-, то мы имеем все основания выделить taš- и teš-, а также их варианты tiš- и tuš-[II8] из шестой группы и считать их префиксами седьмой группы. Однако не исключена возможность, что taš-, teš-, tiš-, tuš- представляют собой не префиксы, а безударные отрицательные частицы, лишь графически слитые с глаголом.

2. Префикс шестой группы u- встречается в двух поврежденных и потому сомнительных примерах: ú-tu-wa$_a$ /.../ (45,I6[II9]) и ú(?)-du-ú-wa-x-x /.../ (52, об., 22).

3. Префикс (a)t- (шестая-четвертая группа?) засвидетельствован в словах at-te-e-iḫ-šu-li (I8,I3), at-ḫa-wa$_a$-al-wa$_a$-la-at (20, об., 8), at-ka-ma-a-ri (52,25). Анализ первого слова затруднителен - может быть, это сложный глагол с корнями tēḫ- и šul-; может быть, здесь корень tēḫ-, тогда (a)t-tēḫ скорей всего из (a)n-tēḫ (ср. замечание 9); если же корень только šul-, тогда (a)t- здесь следует рассматривать так же, как в других случаях, которые можно анализировать следующим образом: (a)t- (шестая-четвертая группа), -ka (третья группа), māri (корень + суффикс -i?), (a)t- (шестая-четвертая группа), -ḫa (вторая группа), -walwalat (удвоенный корень + суффикс -at).

4. Префикс пятой группы u- встречается в глагольных формах u-uḫ-kán-ti-i-u (75,6,23;77,I,6) и очень сомнительной форме u-uq-qa-wa$_a$-ar-wu$_u$-u (I,I7,5I); может быть, u - протетический гласный.

5. Префикс третьей группы te- встречается в ta-ḫa-at-te-n/u-i-it/(75, об.5)и ta-aš-te-ja-ja (80,9,I0). В первом слове

II8. См. стр. II9-I20.

II9. Большинство одноязычных текстов взято из KUB, XXVII; в ссылках KUB, XXVII опускается и непосредственно указывается номер текста. а затем строки.

неясно, где корень, - не исключено, что te входит в корень. Во втором слове ta-aš-можно рассматривать как два префикса (соответственно пятой и четвертой группы), тогда te- является префиксом третьей-первой группы, но можно считать, что ta-aš-представляет собой префикс taš- (шестой группы)[120], тогда te- попадает в пятую группу, где он отражен в примерах из двуязычных текстов.

6. Префикс третьей группы zu- засвидетельствован только одним примером iš-te-e-ik <->zu-u-li-e-el (98,III,I5), где, может быть, мы имеем два слова iš-te-e-ik и zu-u-li-e-el; возможно, оба эти слова не представляют собой глаголов или же глаголом является только zu-u-li-e-el; если рассматривать приведенный пример как глагольную форму, то не исключено, что zu- возникло в результате чередования с tu-[121].

7. Префикс второй группы u- встречается в нескольких глаголах: te-du-ú-wa$_a$-a-aš (I5, об.5), te-du-ú-wa-a-aḫ (I5, об.24), te-du-ú-ar-r[u]...7 (52,4I), eš-tu-u-pu-un-tu (75,6)[122], iš-te-e-ik<->zu-u-li-e-el (98, III,I5), du-ú-ḫa-a-nu-un (52,4). В первых четырех случаях присутствие u, возможно, вызвано фонетическими условиями (перед w и p); о сомнительности анализа пятого слова уже шла речь (см. замечание 6); неясен и корень последнего слова, им может быть и tūḫ - тогда префикс второй группы u- отпадает.

8. Гласные i и e стоят после слоговых знаков, оканчивающихся на соответственные гласные; такое написание может быть вызвано непоследовательным характером орфографии, тогда i и e не являются префиксами.

9. Ассимиляция n следующему согласному - явление, широко распространенное во многих языках, в том числе и в древневосточных, поэтому префиксальные формы первой группы (a)tₙ (a)zₙ (i)z-в

---

120. См. стр.103,105.

I2I. См. стр. 62,I22.

I22. См.: L, HD, p.75.

глаголах eš-ka-a-ad-daḫ-ḫi (59,I5), te-e-ka-a-at-taḫ-ḫi (59,об. 5), ta-ḫa-a-kat-te-eḫ (72,I4), /i/t-wa$_a$-a-ḫa-ḫa-az-zi-el (22,6, 8), wa-a-pi-iz-zi-il (I5,3) и т.п. следует рассматривать как фонетический вариант префиксов (a)n-, in-,возникший в результате полной ассимиляции n следующему согласному; префикс am- ср. am-pu-ú-ut-tu (75,8) также вариант префикса (a)n- (в результате частичной ассимиляции n последующему губному p)или двух префиксов a-n- (?).

I0. ti-, отнесенное к первой группе префиксов, встречается только в одном примере, поврежденном и очень неясном: za-aš-ti-u(-)taḫ /.../ (23, I5). Здесь za- – префикс третьей группы, aš- – префикс второй группы; если taḫ считать корнем, то форманты ti- и u- попадают вместе (?) в первую группу, но не исключено, что корнем является ti-u, а не taḫ, тогда сам собой отпадает префикс первой группы ti-.

11. Присутствие префикса k- в первой группе вполне возможно, поскольку k графически чередуется с ḫ, но все же k здесь сомнительно, так как засвидетельствовано только одним словом tukzik (5, I0); хотя это слово и из двуязычного текста и значение его ясно (= нес. mauštа'упал,упала'),однако его анализ спорен: А.Камменхубер[I23] рассматривает tukzik как tu-k-zik и считает корнем zik (тогда k действительно префикс), но корнем этого слова может быть и tuk[I24].

В замечаниях к таблице I2 мы касались отдельных сомнительных форм глагольных префиксов.Рассмотрев некоторые ограничения, распространяющиеся сразу на несколько префиксов, можно достичь дальнейшего упрощения классификации.

То обстоятельство, что в одну группу попадают вместе соответственно префиксы taš, teš, tiš, tuš; ta, te, ti, tu; še, šu;

I23. См. Kh, РНВ, p.I2I.

I24. См.стр. 82-83.

(a)š, (e)š, (i)š, (u)š; (a)ḫ, (e)ḫ, (u)ḫ; (i)t, (u)t; (a)p, (i)p, (u)p; ta, tu; za, zi; pi, pu; (a)ḫ, (i)ḫ, (u)ḫ; ši, ša, наводит на мысль, что основное значение в префиксе имеет согласный, а гласный либо вовсе не несет никакой смысловой (т.е. грамматической) нагрузки, либо его значение второстепенно[125].

Для taš, teš, tiš, tuš это подтверждается двуязычными контекстами, из которых видно, что данные префиксы, независимо от различия в гласном, выражают отрицание при глаголе и, следовательно, являются вариантами одного форманта.

В таких префиксах, как, например, aš, eš, iš, uš или aḫ, eḫ, iḫ, uḫ и других, гласный звук, как правило, зависит от того, каким гласным оканчивается предыдущий знак. Повторение гласного здесь скорей всего явление чисто графическое. Это подтверждается написаниями, в которых нет повторения гласного и согласный выступает самостоятельно, например te-taḫ-za-šu-u-la (80, об.,24), в аналитической транскрипции - te-ta-ḫ-za-šūl-a, ср. с te-e-ta-aḫ-šu-ú-ul (П 2,III,5I), в аналитической транскрипции - tē-ta-ḫ-šūl. Единичность написаний этого рода связана с особенностями клинописи: в ней преобладают знаки типа "гласный + согласный" или "согласный + гласный", а знаки типа "согласный + гласный + согласный" немногочисленны. Но и единичные написания приведенного типа подкрепляют предположение, что носителем основного значения в префиксах служит согласный, который, по-видимому, может стоять один или же сочетаться с любым гласным[126]. Следовательно, в шестой группе (e)š и (i)š; ta, te, ti и tu являются вариантами; также следует считать вариантами: в пятой группе - še и šu, ta, te, ti и tu, в четвертой группе-(a)ḫ, (e)ḫ, и (u)ḫ; (a)k,

---

I25. Kh, RHB, S.II6. - Автор приводит высказывание Э.Ларошa в RHA, XLVI, p.4I о том, что колебание окраски гласного большей частью не имеет сколько-нибудь существенного значения.

I26. См.: стр.I0I , прим. *

(i)k и (u)k; (a)p и (i)p; (a)š, (e)š, (i)š и (u)š; (a)t(?), (i)t и (u)t; в третьей группе –ta, te(?) и tu; za, zi и zu(?); во второй группе –(a)p, (i)p и (u)p; pi и pu; (a)š и (u)š; в первой группе –ḫ, (a)ḫ, (i)ḫ и (u)ḫ; n, (a)n и (i)n; ši и ša.

Вместе с тем нельзя сказать, чтобы гласный был совсем безразличен или подчинялся бы всегда чисто фонетическим условиям. Так, в шестой группе гласные a и u не сочетаются с согласным š и только в одном случае с согласным t: ta-ḫa-aš-tu-uš-tu-ul (XVII 28, II,3) и tu-te-wa$_a$-ja (80, I6); в пятой группе гласный a не сочетается с согласным š и лишь в редких случаях сочетается с t, например: wa$_a$-ta-aḫ-ta-aš-ku-un-ni (52, I2, I4), te-taḫ-za-šu-u-la (80, об.,24), te-e-ta-a-ap-ta-ḫu-ul (XVII 28, II,2I).

В третьей группе, наоборот, в сочетании с t и z преобладает гласный a; огласовка на u известна только в четырех случаях: /.../tu-uḫ-tu-pa-aš-ta (89,I,I5), ta-ḫa-aš-tu-uš-tu-ul (XVII 28, II,3), eš-ta-a-ak-tu-we$_e$-en-t/u?/ (8I,II,6), tu-uš-tu-uḫ-ḫi-il (III, 7,8), причем в трех из них может быть вызвана фонетическими условиями (начальным согласным корня p, w или же коренным гласным u). Связано ли с относительным постоянством гласного какое-либо грамматическое значение, и какое именно, – пока сказать трудно.

Представляют ли собой сочетания гласного с данным согласным (например, aḫ, an, ap, aš) и данного согласного с гласным (например, ḫa, na, pa, ša) равнозначные префиксы? На этот вопрос нельзя дать общего ответа. Судя по материалу, которым мы располагаем, пары префиксов an и na, aḫ и ḫa, ap и pa, входящие в одну группу, могут быть вариантами одного префикса, а aš и ša, iš и ši, входящие в разные группы, вероятно, различные префиксы.

В специальной общей оговорке нуждается вопрос о префиксах, состоящих только из гласного. Относительно бесспорен только префикс a-, так как можно привести несколько примеров, когда он не зависит от специфических условий клинописной графики; в остальных случаях отдельно стоящие гласные либо являются протетически-

ми, либо представляют собой результат особенностей графики /ср., например, стоящие в одном контексте ta-aš-te-nu-ú-wa (II 2, III, 40) с ta-aš-te-e-ta-nu-ú-wa (II 2, III,41), с /ḫ/e-ip-taḫ-ḫu-ul (XVII 28, II,21) с te-e-ta-a-ap-ta-ḫu-ul (XVII 28, II,21). Можно привести и другие примеры: te-e-ta-aḫ-šu-ú-ul (II 2, III, 51), te-du-ú-ut-ḫu-ru/.../ (52, об. 33), iš-te-e-ik<->zu-u-li-e-el (98, III, I5), ta-ḫa-a-kat-te-eḫ (72,I4), eš-ta-a-ak-tu-we$_e$-en-t/uʔ/ (8I, II,6) и т.д./. Такого рода гласные остались, разумеется, вне таблицы префиксов; в аналитической транскрипции их присутствие обозначено знаком долготы над непосредственно предшествующей им гласной.

Наконец, следует учесть установленное в хаттском языке графическое чередование k/ḫ и t/z[I27]. Оно, несомненно, встречается в префиксах и позволяет считать префиксы k и ḫ, как и префиксы, входящие в одну и ту же группу и состоящие из сочетания этих согласных с гласными, например, ak и aḫ, uk и uḫ и т.п., вариантами одного префикса, ср. ak-ka-tu-uḫ (II 2, III,46) и wa$_a$-ta-aḫ-ta-aš-ku-un-ni (52,I2,I4) ú-uq-qa<->wa$_a$-ar-wu$_u$-u (I I7, III, 5I) и /.../tu-uḫ-tu-pa-aš-ta (89,I,I5); te-ik-za-šu-u-la (75, II, I6) и iš-te-eḫ-ḫi-il-lu (88,4).

Префиксы ta, za и другие, входящие в одну группу, также можно рассматривать как варианты, ср.:

wa$_a$-aḫ-ta-aš-ku-un-/ni?/ (52,22) и te-taḫ-za-šu-u-la (80,об.II, 24); tu-uḫ-ta-šu-ul (4,I7) и tu-uḫ-za-šu-ul (4,I7)и т.д.

Подытожив все сказанное, мы получим следующий (значительно упрощенный) перечень префиксов по группам(см.табл.I3).

Вполне возможно, что этот перечень не является полным и окончательным и что в группировке есть некоторые неточности. Однако сама идея группировки хаттских глагольных префиксов, на мой взгляд, может считаться доказанной.

I27. См. стр. 62.

Группы префиксов*

6	5	4	3	2	I
txš-, tx-, (e/i)š-, wa-	tx-, še/u-	ḫ/k-, (x)š-, p-, wa-	ka-, t/za-	a-, ja-, (a/u)š-, šu- p-	ḫ/k-, n-, ša/i-

*В данной таблице и в аналитических написаниях 'x' обозначает возможность подстановки любой гласной (a, e, i или u); в транслитерации 'x' обозначает неясный знак.

Группировка префиксов, учитывающая как интерпретированные, так и неинтерпретированные хаттские глагольные формы, кажется гораздо менее последовательной, чем группировка, учитывающая только интерпретированные формы. Тогда как при группировке префиксов интерпретированных форм одновременно в двух группах встречаются только префиксы (a)š- (во второй и в четвертой, ср. стр.III), а также (x)ḫ- (в первой и четвертой, ср. "чередование" (a)ḫ-/(e)ḫ-/(i)ḫ-/(u)ḫ-), в группировке префиксов, учитывающей также и неинтерпретированные глаголы, одновременно в двух группах оказываются также префиксы tx- (пятая и шестая), šu- (пятая и вторая), а префикс, состоящий из гласного +š, попадает одновременно даже в три группы (в шестую: (e/i)š-; в четвертую: (x)š- и во вторую: (a/u)š-).

Это, очевидно, результат нашей неосведомленности относительно ряда явлений хаттской грамматики. Вполне возможно, что известный внешний разнобой в классификации, выражающийся в повторении одних и тех же префиксов в разных группах, вызван тем, что префиксальные системы различных видо-временных форм или глаголов разных типов (допустим, переходных и непереходных, - типы хаттских

глаголов нам не известны) накладываются друг на друга. Ведь заведомо следует допустить, что префиксы глаголов, различающихся по виду, времени или типу, могут частично не совпадать и что даже префиксы, общие для таких глаголов, могут размещаться по-разному.

Там, где лексическое значение хаттских глаголов ясно, противоречий при классификации глагольных префиксальных формантов, как мы видели (ср. стр.II2), почти не возникает. Это объясняется, очевидно, тем, что в этих случаях перед нами однородные формы, (например, повествовательные).

Значение глагольных префиксов и префиксальных групп

Естественно, что при определении значения отдельных префиксов и префиксальных групп нужно опираться исключительно на лексически ясные глагольные формы и классификацию их префиксов.

Выяснить значения префиксов не менее трудно, чем их классифицировать. Нам уже приходилось касаться вопроса о значении некоторых префиксов, когда речь шла о дифференциации префиксов te š- и tuš-, с одной стороны, и сочетании префиксов te+(e)š и tu+(u)š,с другой (такая дифференциация может быть осуществлена только на основе смыслового критерия). Этот вопрос не вызвал особых затруднений, так как значение обоих префиксов, префикса отрицания taš-/teš-/tiš-/tuš- и префикса оптатива te-/tu-, подтверждается достаточным количеством хаттско-неситских соответствий.

Но, к сожалению, из всех хаттских префиксов только эти два могут считаться бесспорно интерпретированными. Значения, предложенные для ряда других префиксов, далеко не так несомненны, а для большинства префиксов еще вообще ничего не предлагалось.

Намеченная выше классификация глагольных префиксов может в дальнейшем в какой-то мере облегчить их интерпретацию, так как трудно допустить, чтобы при глаголе определенного времени, вида или типа оказались в одной группе, например классные и локативные показатели или же показатели числа и наклонения.

Вместе с тем мы, конечно, не можем определить значение той или иной префиксальной группы, если не знаем значения хотя бы некоторых префиксов, входящих в эту группу.

Поскольку вопрос о классификации префиксов по месту до сих пор не ставился, то и значение префиксов определялось независимо от занимаемого ими места[128].

Прежде всего были выявлены отрицательные и оптативные префиксы (taš-, teš- и te-, tu-). Затем для выяснения значения хаттских префиксов отыскивали показатели, соответствующие неситским формам времени, лица и числа. Таковыми, как уже говорилось, были признаны префиксы ḫ- (показатель прошедшего времени), ta- и, может быть, чередующийся с ним tu- (3-е л.ед.ч. муж.р.), še- (3-е л.ед.ч. жен.р.), aš/eš- (3-е л. мн.ч.), uš- (I-е л.мн.ч.), ut- (2-е л.ед.ч.(?) и мн.ч.)[129].

Этим,собственно,и исчерпывается небольшой перечень префиксов, считающихся интерпретированными. Сюда еще нужно присоединить гипотезу Э.Ларош о том, что отсутствие префиксов характерно для повелительных форм глагола[130], а также имеющиеся указания на наличие в глаголе направительных элементов ta-/tu- (Э.Форрер и А.Камменхубер) и указательных элементов n- (Э.Ларош) wa- (Э.Форрер и Э.Ларош), а также локативного ka- (Э.Ларош). Следует еще учесть брошенное вскользь замечание Э.Ларош о том, что ḫ- можно переводить фр. le(??) (здесь контекст вынуждает Э.Ларош приблизиться к не разделяемой им точке зрения Э.Форрера, рассматривающего ḫ- как префикс объекта; А.Камменхубер считает, что префиксы ta- (муж.р.) и še- (жен.р.) могут служить показателями лица как субъекта, так и объекта).

I28. См. стр. 94-97.

I29. Префикс ut-, предложенный на основании спорных форм, остается пока недостаточно ясным.

I30. См. стр. 96 и I00.

Проверим, выражены ли время, лицо и число указанными формантами, все ли эти категории свойственны хаттскому глаголу и не присущи ли ему такие категории, которых нет в неситском?

Действительно, в ряде случаев префикс ḫ- встречается в глагольных формах, переведенных на неситский язык прошедшим временем. С особой наглядностью префикс ḫ- как показатель прошедшего времени выявляется, казалось бы, из сопоставления форм aš-ka-ḫ-ḫir = нес. manijahhir '(они) распределили' и eš-kā-ḫer-pi = нес. taparijawenima '(мы) назначаем', '(мы) назначим', где в первом случае есть префикс ḫ-, и в неситском - прошедшее время, а во втором случае префикса ḫ- нет, и в неситском - настоящее время.

Однако другие примеры ставят такую интерпретацию под сомнение. Это - wa-ḫ-zi̯ḫer = нес. mun(natten?) 'спрячьте(?)'; tē-ta-ḫ-šūl = = нес. anda tarneškiddu 'пусть впустят'; teš-ta-ḫ-ḫūt-u = нес. lē niniktari 'пусть не двигается'; tā-ḫā-wet = нес. šammallijazi (значение неизвестно). Здесь в хаттском всюду присутствует префикс ḫ-, но в неситском в первых двух случаях повелительная форма, а в третьем - запрещение, выраженное сочетанием отрицания lē с 3-м лицом единственного числа настоящего времени (медиопассив); для неситского глагола šammallijazi форма 3-го лица единственного числа н а с т о я щ е г о времени очевидна.

С другой стороны, есть случаи, когда неситским претеритом переведены хаттские глагольные формы, в которых отсутствует префикс ḫ-, например: ā-n-tuḫ = нес. dāšmaza '(он)' взял себе'; pala ā-n-taḫ-a = нес. natkan anda dāiš 'и (он) их положил'; wa-nūp-pa = нес. paittaš '(она) пошла'; pi-n-nuw-at = нес. paittaš '(она) пошла'; ā-n-teḫ = нес. wetet '(он) построил'.

Таким образом, претериальный характер хаттского префикса ḫ- вызывает серьезные сомнения. Очень может быть, что более правдоподобным окажется предположение Э.Форрера о том, что этот префикс является показателем объекта. Действительно, при большинстве хаттских глагольных форм, содержащих ḫ-, имеется дополнение

(собственно, даже при всех, за исключением teš-ta-ḫ-ḫūt-u = нес. lē niniktari 'пусть (он) не двигается', что, может быть, следует отнести за счет неточности неситского перевода). С другой стороны, хаттские глагольные формы без ḫ- часто не имеют дополнения; однако полной последовательности мы здесь не наблюдаем (ср., например, nīp-u-pē = нес. ijawenimaš 'и их сделаем'; jā-e = нес. našši piweni 'и их ему дадим'; ašaḫpi taš-tu-ta-šūl-a = нес. idalumakān anda lē tarnai 'пусть (он) не впустит зло').

Так как примеры, приведенные с целью показать, что и при глаголах без префикса ḫ- может быть дополнение, переведены в неситском настоящим временем, то не лишено правдоподобия предположение, что ḫ- обозначает объект только в прошедшем времени; однако этому противоречат уже приведенные выше примеры wa-ḫ-zīḫer, tē-ta-ḫ-šūl и др.

В глаголах, переведенных в неситском 3-м лицом единственного числа мужского рода, нередко встречается префикс ta-, но почти столь же часто он отсутствует: ср., например, ā-n-tuḫ = нес. dāšmaza '(он) взял себе'; a-n-neš = нес. dāiš '(он) положил'; ā-ḫ-kun-wā = нес. auš(tamankan)'(он) видел его'; ā-ḫ-kun(n)-u-wa = нес. auštan '(он) увидел его'; wa-ḫ-kun = нес. auštat '/он(а)/ увидел(а) это'; ā-n-teḫ = нес. wetet '(он) построил' и др.

При определении значения префикса ta-, может быть, следует предпочесть гипотезу Форрера о его направительном (локативном) характере[131]. В некоторых случаях хаттские глаголы с префиксом ta- переведены неситскими глаголами с приставкой anda 'внутрь', например: tē-ta-ḫ-šūl = нес. anda tarneškiddu 'пусть (он) впу-

---

131. Относительно глагола tu-ḫ-ta-šul А.Камменхубер колеблется, допуская для tu- либо значение 3-го лица мужского рода, либо направительное значение.

стит'; taš-tu-ta-šul-a = нес. anda lē tarnāi 'пусть (он) не впустит'; ta-niw-aš = нес. anda ēšzi '(он) находится (внутри)'; pēwil išnaru taš-tē-ta-nūw-a = нес. idaluwakan U K Ù-aš É-ri anda lē wizzi 'злой человек пусть не войдет в дом'.

Очень наглядно сопоставление контекстов ašaḫ taš-te-nūw-a = нес. nuwakan idaluš x-x lē wizzi'злой(??) пусть не войдет'и pēwil išnaru taš-tē-ta-nūw-a = нес. idaluwakan U K Ù-aš É-ri anda lē wizzi 'злой человек пусть не войдет в дом'. Здесь значение 'в', 'внутрь' для ta- определяется с особой ясностью.

Есть и другие факты, подтверждающие локативное значение ta/u-, ср., например, /...../teš-ta/u-ḫūt-u = нес. pedi duwanna duwanna lē niniktari 'на месте там и здесь пусть не двигается'; tu-ḫ-ta-šul wapizel = нес. ḫēušašši E G I R-an tarnaš '(он) послал за ним ливни'. Весьма существенно отсутствие таких глагольных форм, где бы префикс ta- не мог бы с легкостью интерпретироваться как локативный показатель.

Значение 3-го лица женского рода для še- установлено на основании сопоставления с ta- (ср. глаголы ta-ḫ-kuw-at и še-ḫ-kuw-at). Но так как ta-, по-видимому, не является показателем лица, то и для še- это значение отпадает[132]. Зато есть данные, выявляющие для še- значение направления 'к чему-либо' (примерно как у ta-) или 'вокруг чего-либо' (типа русской приставки "о-", например 'окружить', 'охватить'), ср. še-tuk-aš = нес. našši kattan tijat 'и она к нему сошла'[133]; tūpi tauwa še-ḫ-kuw-at = нес. ēptan naḫšaraz ēptan weritemaš 'охватил его страх, охватил его ужас'.

Как форманты лица и числа (субъекта) Э.Ларош рассматривает также префиксы aš-, eš- и uš-. Однако анализ показывает следую-

---

132. Не говоря уже о том, что наличие категории рода в хаттском пока еще вообще ничем не подтверждается.

133. Женский род только в переводе, так как подлежащее - "богиня Хапанталия".

щее: префикс aš- соответствует как 3-му лицу единственного числа (aš-ta-zil = нес. uāi '/он/ плачет'; āš-ta-ḫ-ḫil-ma = нес. išḫuwaš '/он/ наспал '), так и 3-му лицу множественного числа (aš-ka-ḫ-ḫir = нес. manijaḫḫir '/они/ распределили'); префикс eš-/iš- соответствует 3-му лицу единственного числа (iš-kā-šuḫ = нес. paḫšaru 'пусть /он/ охраняет', te-eš-ka-šuḫ-ta = нес. /paḫ/šāru 'пусть /он/ охраняет'), 1-му лицу множественного числа (eš-kā-ḫer-pi= нес. taparijawenima '/мы/ назначим') и 3-му лицу множественного числа (te-eš-put = нес. ašandu 'пусть /они/ будут'; te-eš-pū = нес. adandu 'пусть /они/ съедят'; eš-ša-alēp = = нес. /ki/ššan memir '/они/ так сказали'); префикс uš- соответствует 1-му лицу множественного числа (ūš-ša = нес. nan S I G_5-aḫḫwen '/мы/ благоприятно предсказали'; uš-ḫaš = нес. /.../en '/мы/' + прошедшее время, uš-še-ša-lil = нес. /.../emi '/мы/' + настоящее время).

Отсутствие последовательного употребления префиксов aš-, eš-, iš-, uš- как показателей лица и числа субъекта можно продемонстрировать наглядно (см.табл.I4).

Таблица I4

Употребление префиксов aš-, eš-, iš-, uš-

Префикс	Единственное число		Множественное число	
	I-е лицо	3-е лицо	I-е лицо	3-е лицо
aš-	-	2 раза	-	I раз
eš-/iš-	-	2 раза	I раз	3 раза
uš-	-	-	3 раза	-

Таким образом, мы видим, что пока нет достаточно убедительных причин рассматривать префиксы aš-, eš-, iš-, uš-, а также префиксы ta-, še- как форманты лица или форманты числа субъекта (других префиксов лица и числа тоже выявить не удается). Но, если для ta- и še- есть факты, подтверждающие их локативное значение, то для aš-, eš-, iš-, uš- мы такими фактами не располагаем.

Наш материал наталкивает, однако, на мысль, не являются ли эти префиксы при переходном глаголе показателями числа объекта, причем aš- обозначает множественное число, а eš-/iš- и uš- - единственное число объекта[134]:

wašḫapma ešwur aš-ka-ḫ-ḫir = нес. D I N G I R^{meš} K U R^{meš} manijaḫḫir 'боги распределили страны'

aš-ta-ḫ-ḫil-ma šemunāmuna = нес. išḫuwaš šamānuš 'он насыпал камни фундамента';

anna eš-kā-ḫer-pi = нес. mānat taparijawenima 'и когда мы это назначим';

kānaju wataḫazi waḫtū palā ašaḫdu lēzziwatu lēpinu palā lēpazizintu intā te-eš-pū = нес. Ḫ U L-lušša U K Ù-aš Ú ŠA D A M^{meš}.ŠU D U M U^{meš}.ŠU E R E M^{meš} uzu G E Š P U M U Š E N$^{ḫi.a}$ K A$_5$A$^{ḫi.a}$ QA.TAM.MA adandu 'пусть птицы и лисицы съедят силу злого человека, а также (силу) его жен, его сыновей и воинов';

wazzariunpi te-eš-ka-šuḫ-ta = нес. N A M.L Ú.U L Ù^{LU}-ma [pa]ḫšāru 'пусть (он) защитит человечество';

ūš-ša = нес. nan S I G$_5$-aḫḫwen 'и (мы) ему благоприятно предсказали'.

В последнем примере объект отсутствует, но за приведенным глаголом, по-видимому, следует прямая речь (ср. в неситской версии частицу прямой речи war), которая, возможно, должна рассматриваться как объект при глаголе ūš-ša. То же, очевидно, нужно сказать и о цитируемой прямой речи после глагола eš-ša-alēp и, может быть, также и после aš-ta-zil. Контексты, содержащие гла-

---

134. Мы бы скорее могли ожидать совпадения значения aš- и eš-, так как чередование aš/eš засвидетельствовано такими формами, как ašwur и ešwur, а вполне убедительными фактами чередования aš/uš мы не располагаем; суть фонетического явления, с которым мы здесь сталкиваемся, остается неясной.

голы uš-ša и uš-še-ša-lil, очень сильно повреждены и не имеют никакого значения для предложенной точки зрения[135].

Итак, разобранный нами материал не позволяет пока внявить среди префиксальных формантов показатели числа субъекта, лица или времени. Предположение Э.Ларош о том, что формы без префиксов являются повелительными, тоже не всегда подтверждается (даже для 2-го лица, где трудно ожидать появления каких-либо описательных форм), например: nÍp-u-pē (корень nÍp-) = нес. ijawenimaš '(мы) сделаем их'; jā-e (корень jā) = нес. našši piweni 'и (мы) их ему дадим'; вместе с тем есть хаттские глаголы с префиксами, переведенные неситской повелительной формой, например: wa-ḫ-zÍḫer = = нес. mun⌈natten⌋ 'спрячьте'; iš-kā-šuḫ = нес. paḫšaru 'пусть (он) охраняет'; pi-in-nā (nā<nuw-a; корень nuw) = нес.nammat pāndu 'и затем пусть (они) пойдут', и другие, не говоря уже о формах с префиксом te-, как tē-ta-ḫ-šūl = нес.anda tarneškiddu 'пусть (он) впустит'; te-⌈e⌋š-put = нес. ašandu 'пусть (они) будут' и т.п.

Следовательно, пока в хаттском глаголе можно обнаружить только префиксы наклонения (te-, tu-)[136] объекта (ḫ-), может быть, числа объекта ((a)š-, (e)š-, (i)š-, (u)š-), некоторые префиксальные локативные показатели (ka-, še-, ta-) и формант отрицания (taš-, teš-, tiš-, tuš-).

---

135. Конечно, тех нескольких глагольных форм с префиксами aš-, eš- iš-, uš-, которыми мы располагаем, для сколько-нибудь окончательного суждения об их значении слишком мало.

136. С префиксом tu- есть известное затруднение: в примере taš-tu-ta-šūl-a = нес. anda lē tarnāi 'пусть (он) не впустит зло' tu- бесспорно является префиксом пожелательного наклонения, но tu- в tu-waḫ-ši = нес. watarnaḫḫi '(я) доверяю ему', а также в tu-ḫ-ta-šul = нес. nušši EGIR-an tarnaš 'он послал за ним' и т.п. неясно (см.прим.138).

Мы видим, что хотя приемы анализа Э.Ларош и А.Камменхубер более строги, чем приемы Форрера, и им глубже удается проникнуть в тексты и лучше их интерпретировать, тем не менее предположения Э.Форрера, касающиеся отдельных вопросов грамматической структуры хаттского языка, в ряде случаев еще являвшиеся догадками, иногда лучше увязываются с фактическими данными, полученными Э.Ларошем и А.Камменхубер, чем их собственные соображения по этому поводу. Общая концепция Э.Форрера была более свободна от навязывания норм одного языка другому и потому не мешала ему наблюдать факты хаттского языка без предвзятости[137].

Пытаясь на основании значений префиксов уточнить значение префиксальных групп, мы можем оказать лишь очень немногое. Шестая и пятая группы объединяют префиксы, указывающие на наклонение (отрицание либо является частицей, либо представляет собой седьмую группу). Пока неясно, при каких условиях префиксы наклонения стоят в шестой группе, а при каких в пятой и с какими показателями они меняются местами[138]. Как в четвертой, так и в первой группе стоит префикс h-, который, как указывалось, можно считать объектным; не исключено, что h- объектный показатель определенного класса и что другие префиксы, попадающие в четвертую или в первую группу, в частности š- (aš- eš-, iš-, uš-) и n-, также объектные показатели, но другого класса (они могут оказаться в определенных случаях, например при непереходных глаголах, и показателями субъекта). Пока засвидетельствован только один такой пример: šāwatma ka-ur-(a)n-ti-u (6,10) 'яблоня над

---

137. Это не значит, что в общих суждениях Э.Форрера абсолютно все было верно. В частности, им была преувеличена роль префиксальных формантов в хаттском языке в ущерб формантам суффиксальным.

138. С выяснением этого вопроса связано понимание префикса tu- в тех случаях, когда он относится к шестой или пятой группе и не является оптативным.

колодцем стоит'. Возможно, что префиксы четвертой группы представляют собой показатели, в каком-то смысле уточняющие префиксы первой группы, в частности h-.

В третьей группе находятся локативные показатели ta- (как и чередующийся с ним za-) и ka-. Префикс še-[139], близкий по своему значению к префиксу ta-, очевидно, тоже нужно отнести к третьей группе, что не противоречит ранее высказанным соображениям о месте этого префикса[140]. Вторая группа по фонетическому характеру входящих в нее префиксов имеет сходство с четвертой, но этого слишком мало, чтобы строить какие-либо гипотезы о ее значении. Не исключено, что префиксы второй группы указывают, в чью пользу совершается действие, обозначаемое данным глаголом: a- может стоять при глаголах, в неситском переводе которых есть частица -za, ср. ā-n-tuh = нес. dāšmaza '(он) взял себе' (в двух контекстах: П 2, Ш,19,45); но даже там, где -za в неситском отсутствует, иногда вполне возможен перевод в этом же смысле, например: a-n-tah-an '(он) сделал себе (ворота)'; a-n-neš '(он) положил себе (на трон)'; a-n-tah-a '(он) положил себе (под засов)'. Следует учесть, что a- единственный префиксальный формант, состоящий только из гласной. Можно задаться вопросом, не является ли префикс a- вариантом префиксов wa- и ja-, возникшим в неясных для нас условиях, а префиксы wa-, ja- и -a какими-то местоименными элементами?

---

139. Возможно, также ša- и ši-.

140. На стр. 111 указывалось, что префикс še- может стоять не ближе второго места от корня, а префикс ša- не дальше третьего. Это позволяет отнести их к третьей группе, как и префикс ši-. Но для ši-, встречающегося в глагольной форме za-aš-ši-ja (или za-ši-ja), приходится делать известную натяжку, передвигая za- в шестую группу. (aš- тогда попадает из второй группы в четвертую, что вполне возможно; если читать za-ši-ja, то вопрос о месте aš- вообще отпадает).

Предположительные значения префиксальных групп хаттского глагола[I4I]

7(?)	6	5	4	3	2	1
Отрицание	Наклонение		Объектные показатели	Локативные показатели	?	Объектные показатели
taš-,teš-	te-, tu-	te-, tu-	ḫ-, š-* pi-(?),wa-(?)	ta-,za-,ka-, ša-(?),še-, ši-(?)	a- ja-, wa-(?)	ḫ-,n-

* См. стр. I0I, прим.* , а также стр. II9-I22.

Предложенная классификация производит на первый взгляд довольно странное впечатление. Однако, если сравнить ее с классификацией глагольных формантов в кавказских языках (где так естественно искать параллели для хаттского), то мы столкнемся с разительным структурным сходством, вслед за которым, возможно, удастся нащупать и материальные связи. Так, в адыгейском языке в непереходном залоге перед глагольным корнем цепочкой выстраиваются по направлению к корню префиксы (I) субъекта, (2) места или отношения, (3) инструментального дополнения, (4) дательного или местного дополнения и, наконец, (5) отрицания. Они представляют собой соответственно форманты I, II, III, IУ и УII групп[I42]. После корня стоят суффиксы множественного числа субъекта, затем иногда также суффиксы наклонений и суффиксы времен. Огласовка префиксов может меняться с изменением времен. Сходную классифи-

---

I4I. В таблицу включены только те префиксы, на основании которых сделана попытка выяснить значение префиксальных групп.

I42. Нумерация групп обратная той, которая дана мною для хаттских глагольных префиксов, т.е. префикс, наиболее удаленный от корня, обозначен номером I.

кацию формантов имеют адыгейские глаголы в залоге с косвенным объектом; только в четвертой группе вместо префикса дательного или местного дополнения стоит префикс косвенного дополнения. При переходных глаголах группы П-IУ и УП те же, что и в непереходном залоге, но в первой группе префиксов стоит показатель объекта, а во второй группе - субъекта; суффикс же выражает множественное число объекта. В непереходно-каузативном залоге та же классификация формантов, что и в переходном глаголе, но в восьмой группе префиксов стоит каузативный показатель.

Наконец, в переходно-каузативном залоге мы видим то же, что и в непереходно-каузативном, но появляется пятая группа, в которой стоит показатель сторого объекта[143].

Не зная кавказских языков, я воздерживаюсь от каких-либо дальнейших суждений по поводу структурных, а тем более материальных связей между хаттским глаголом и глаголом кавказских языков. Наблюдения в этой области должны быть (и, будем надеяться, станут) делом кавказоведов[144]. Настоящая работа может лишь послужить толчком к такого рода исследованиям и оказать некоторую помощь при дальнейшем уточнении значения хаттских глагольных формантов, сначала префиксальных, а затем, возможно, и суффиксальных. Не исключено, что при возвращении к уже рассмотренному материалу удастся и в нем увидеть еще что-нибудь ранее не замеченное и не учтенное и соответственно дополнить и исправить изложенноездесь. Известную пользу принесут дополнительные публика-

---

143. См.: Н.Ф.Яковлев и Д.А.Ашхамаф, Грамматика адыгейского литературного языка, М.-Л., 1941.

144. Вопрос о структурных аналогиях между хаттским и адыгейским глаголом рассмотрен много подробнее в статье "О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа", "Исследования по истории культуры народов Востока". Сборник в честь академика И.А.Орбели. М.-Л., 1960, стр.73-77.

ции. Но основные надежды следует, пожалуй, возлагать на то, что будут найдены более древние записи хаттских текстов, и в том числе такие, в которых неситский перевод не скопирован более или менее бессознательно и не восстановлен по памяти, а сделан писцами, еще владевшими хаттским языком.

В настоящее время приходится довольствоваться весьма ограниченным и недоброкачественным материалом. Не удивительно поэтому, что в течение почти сорока лет его исследованием занимались лишь очень немногие. Нередко, к сожалению, можно встретить работы о хаттском языке, в которых рассуждения не подкреплены материалами письменных памятников.

Хотелось бы, чтобы материал публикуемой статьи, базирующийся исключительно на засвидетельствованных текстами данных хаттского языка, помог поставить суждения о хаттском языке на прочную основу фактов.

ХАТТСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ, ИМЕЮЩИЕ НЕСИТСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

№	Источник	Хаттская глагольная форма	Неситское соответствие (с русским переводом)
	KUB, II 2		
I	II,40	aš-ka-aḫ-ḫi-ir	manijaḫḫir '(боги) распределили (страны)'[I]
2	II,4I	ti-it-ta-aḫ	dāirmat '(они) посадили его (на большой трон)'
3	II,42	ta-ni-wa$_a$-aš	ēšzi '(Лабарна, царь,) находится'
4	II,45	eš-ka-a-ḫé-ir-pi	mānat taparijawenima 'и когда (мы) его назначим'
5	II,46	ni-i-pu-pi-e	ijawenimaš 'и (мы) сделаем их'
6	II,47	ja-a-e	naššši piweni 'и (мы) их ему дадим'
7	II,57	nu-ú-wa-wa	/itten??/'/пойдите??/'[I]
8	II,60	wa$_a$-aḫ-zi-i-ḫé-ir	mun/natten?/'спрячь/те/(плохой puimpa)
9	III,I9	a-an-tu-uḫ	dāšmaza ' он взял себе (одежды)'
I0	III,20	an-ne-eš	naššan dāiš 'и он положил их (на трон)'
II	III,27	za-aš-ši-ja	pēr 'они дали'

[1] Примечания к приложениям см. ниже, стр. I59-I60.

I2	III,34 III,35	ka-a-wa$_a$-a-aḫ tu-wa-aḫ-ši	wātarnaḫḫi '(я) их ему доверяю'
I3	III,36	iš-ka-a-šu-uḫ[2]	paḫšaru 'пусть (он) охраняет (стену)'
I4	III,40 III,4I	ta-aš-te-nu-ú-wa ta-aš-te-e-ta-nu-ú-wa	lē wizzi '(злой мор) пусть не войдет (в дом)'
I5	III,45	a-an-tu-uḫ	dāšmaza '(царь) взял (утварь)'
I6	III,46	ak-ka-tu-uḫ	nat šarā dāš 'и он взял их'
I7	III,46	pa-la a-an-da-ḫa	natkan anda dāiš 'и он положил их'
I8	III,5I	te-e-ta-aḫ-šu-ú-ul	anda tarneškiddu 'пусть (он) впускает (добро)'
I9	III,52	ta-aš-tu-ta-šu-u-la	anda lē tarnāi 'пусть (он) не впустит (зло)'
20	III,53	ta-ni-wa$_a$-aš	anda ēšzi '(царь) находится внутри'

KUB, XXIV I4 (+ KUB, XXVIII 78)

2I	7	te-eš-pu-ut	ašandu 'пусть (они) будут'
22	8	te-eš-ta/uḫ-ḫu-ú-du	lē niniktari 'пусть (он) не двигается'
23	I2	wa$_a$-ka-a-pu-ud!-du	adanzi '(птицы и лисицы) съедят (его тело)'
24	XXVIII 78, об.IV,8	te-eš-wa-ú (вар. te-eš-pu)	adandu '(птицы и лисицы) пусть съедят их силу'

KUB, XXVIII I об. IV			
25	5	u-uš-ša	nan S I G_5-aḫḫūen 'мы ему благоприятно предсказали'
26	29	eš-ša-a-li-e-ip	/ki/šša̯n memir 'так сказали'
27	32	uš-ḫa-aš	/.../en 'они /.../' (прошедшее время)
28	35	uš-še-ša-li-li	/.../eni 'мы /.../' (настоящее время)
29	35	ta-a-ḫa-a-u-e-it	naš šammalijazzi 'и он(?) (настоящее время)
30	39	te-eš-ga-šu?-uḫ-ta	/pa?/ḫ̄aru 'пусть он защитит (человечество)'

KUB, XXVIII 3-5

31	X,9,I8 Y,8,I5 Z,I0,20	du-ug-zi-ig	au̯šta '(бог луны) упал (с неба)'
32	X,I0 Y,9,I6 Z,II,2I	a-aḫ-ku-un-wa$_a$-a	au̯štamankan '(никто)его (не) видел'; 'увидел его (бог бури)'
33	X,II Y,I0,I7 Z,I2,I3,22 X,20 Y,I7 Z,22	tu-uḫ-ta-šu-ul tu-uḫ-za-šu-ul	nušši ... E G I R-an tarnaš 'и он послал за ним (дождь)'
34	X,I3 Y,II Z,I5 Y,I8 Z,23	ta-aḫ-ku-wa-at še-eḫ-ku-wa-at	ēptan '(страх) взял его/ее'

35	X,I4 Y,I2,I9 Z,I6,24 X,I5 Y,I3,20 Z,I7,25	še-it-tu-uq-qa-aš te-du-ug-ga	našši kattan tijat 'и она к нему сошла'
36	X,I6 Y,I3 Y,20 Z,25	pi-i-iḫ-a-an pi-i-u-wa i-u-uḫ	nan uddaniškizzi 'и она заклинает его'
37	Y,II Z,I6 Y,I9 Z,24	wa-nu-u-up-pa pí-in-nu-wa-at	paittaš '(Хапанталия) пошла'
38	Y,I3 Z,I8	an-daḫ-ḫu-ku-ru	aušt̄amankan '(Камруше-па) увидела'
39	Y,2I Z,26	pí-in-na-a	nammat pāndu 'и затем пусть они пойдут'
40	Y,29	pu-ud-du	anda aššandu 'пусть они будут внутри'

KUB, XXVIII 6

4I	6,8	an?-ti-i-u	arta 'стоит'
42	I0	ga-ú-ra-an-ti-i-u	T U L-i šer artari '(яблоня) стоит над колодцем'
43	II	либо ka-az-za, либо li-im-mu-ša	nat išḫarwaskizzi 'и она сочится'
44	I2	wa$_a$-aḫ-ku-un	aušt̄a '(богиня) увидела это'
45	I3	либо ta-az-zi-ja-aḫ-du, либо ta-zu-u-ḫa-aš-ti	šer karijari 'покрывает (своей одеждой)'

46	I4	pi-en-nu-ú	wer '(сыновья) пришли'
47	I6	aš-ta-zi-i-il	wai '(дитя) плачет'
48	об.2	ḫa-an-wa-aš	wit 'пришел'

Fr, Gotth, S.I46

49	4,7	a-an-te-eḫ	wetet '(бог солнца) построил'
50	4	a-aš-taḫ-ḫi-il-ma	išḫuwaš 'он насыпал их'

ХАТТСКИЕ СЛОВА ИЗ ОДНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

KBo,I 56; KBo,II 25; VBoT,3I; KUB,I I7; KUB,XVII 28; KUB, XXVIII (ряд номеров), - предположительно являющиеся глаголами

I.	KBo,I 56, об.6	ta-aš-pí-e-it
2.	KBo,II 25,3	te-eš-šu-uš-za-ap
3.	4	wa-aš-taḫ-ḫa-ar[3]
4.	5-I8	te-eš-šu-wa-wa-aḫ
5.	VBoT,3I,2	tu-uš-ta-li-el
6.	KUB,I I7,I,22	eš-⌈ta??-a?⌋-pár-ti-li-iš
7.	I,30	ku-un-ku-na-a
8.	II,2	ta-aš-ši-e-ga-ra-a-am
9.	II,24	eš-ta-a-we-ni
I0.	III,5I	ú-uq-qa(-)wa-ar-wu-u
II.	об.,V,59	eš-ta-a-pár-ti-l⌈i-iš?⌋
I2.	об.,VI,I6,27	eš-ta-a-pár-ti-li-iš
I3.	KUB,XVII 28,I,37	⌈...⌋iš-te-eḫ-ku-ni
I4.	I,40,4I	⌈..i⌋š-te-eḫ-ku-ni-el
I5.	I,53	⌈...⌋tu-uš-ḫa-pa-a-al
I6.	II,3	ta-ḫa-aš-tu-uš-tu-ul
I7.	II,5	tu-ut-ḫa-aš-šu-u-ul
I8.	II,I0	te-e-pa-ša-aḫ-ḫu-ul
I9.	II,II,2I	te-e-ta-ap-taḫ-ḫu-ul
20.	II,I2,22	a⌈uḫ-ku-nu-u
2I.	II,I7	te-e-li-e-la-an
22.	II,2I	⌈..t⌋e?-ip-taḫ-ḫu-ul
23.	II,27	⌈te-tu-⌋mu-mu-un
24.	II,27	te-e-tu-li-e-la-an
25.	KUB,XXVIII 2,3,4	ti-iš-ti-it-ga-a-nu-wa
26.	I0,2-6	te-eš-wa-w⌈a-aḫ⌋
27.	I0,I0	pí-i-nu-ú
28.	I2,7-I5	te-eš-šu-wa-wa-aḫ

29.	I2,об.,I3	/...ʃaš-taḫ-ḫa-ar
30.	I5,3	wa-a-pi-iz-zi-il
3I.	I5,5	eš-du-uš-ta-ja
32.	I5,I8	i-e-ir-za-aš
33.	I5,I9	ta-a-ti-iḫ-za-aš
34.	I5,20	ḫa-aḫ-ti-iḫ-za-aš
35.	I5,35	wa-a-šu-u-li
36.	I5,37	wa-du-ú-ḫi-il
37.	I5,39,40	wa-du-ú-up
38.	I5,об.,3	/iš?-ta?ʃ-ḫi-il-lu-nu
39.	I5,об.,5	te-du-ú-wa-a-aš
40.	I5,об.,24	/t/e-du-ú-wa-a-aḫ
4I.	I5,об.,29-3I	ta-a-ḫa-ja-at
42.	I5,об.,35	/...k/a?-a-wa-a-ḫu
43.	I6,об.,II	še-eš-wa-al-w/a-la?-at?/
44.	I8,3	eš-ta-a-wa-ar-wa(-)zí-i-ú-i-nu
45.	I8,6	wa-zi-i-ni-wa-aš
46.	I8,8	ḫa-a-ni-wa-aš
47.	I8,II	tu-ú-ḫa-an
48.	I8,I3	at-te-e-eḫ-šu-li
49.	I8,I5	iš-ta-na-a-ḫi-li
50.	I8,I6	wa-al-wa-la-at
5I.	I8,20	ta-wa-a-la-wa-a-ri
52.	I8,об.,4	du-ú-wa
53.	I8,об.,6	ḫa-a-ni-wa-aš
54.	I8,об.,9	du-ú-ḫa-a-an
55.	I8,об.,9	te-e-wu-u-ri
56.	I8,об.,I4	eš-ta-a-wa-ar-wa(-)zí-i-ú-i-nu
57.	20,2	wa-aḫ-zi-iš-ma
58.	20,6	eš-ti-ip-ḫa-ta-a-aḫ
59.	20,8	ti-li-iš-ti-ip
60.	20,I8	/...ʃta-a-ḫur-wa

6I.	20,I9	⌈...⌋x-wa-i-ú-i-eš
62.	20,об.,4	⌈..e⌋š-ta-par-wa(-)zí-i-ú-i-nu
63.	20,об.,5	a-aš-ta-la-aḫ-za-a-an
64.	20,об.,8	at(-)ḫa-wa-al-wa-la-at
65.	22,6,8	⌈i⌋t-wa-ḫa-ḫa-az-zi-el
66.	23,5,8,II	iš-ti-iš-ḫa-ku-un-nu
67.	23,9,I2	is-pu-du-uḫ
68.	23,об.,7,I2	iš-ga-a-wa-ta-ḫa-i-pí-in
69.	23,об.,8	ti-iš-ti-wa-wa-aḫ
70.	23,об.,I3	⌈...⌋x-iš-ti-wa-wa
7I.	23,об.,I5	za-aš-ti-u-tah⌈...⌋
72.	23,об.,I6	ti-i-ma-ta-i-pí-i!
73.	30,4	e-eš-ta-ki-il
74.	30,I6	ti-i-tu-ut-ḫu-r⌈u-up?⌋
75.	33,6	eš-wa-a-al-wa-la
76.	33,7,8	še-eš-wi-it-ḫa-a-i-pí⌈...⌋
77.	37,об.,3	⌈..še?-⌋eš-wa-al-wa-la-a⌈t...⌋
78.	38,9	te-eš-ta-ú-ul
79.	39,8	ḫa-an-wa-aš
80.	40,I,6	⌈...t⌋a-a-aš-wu-ú-ul
8I.	40,I,I4	te-tu-ut-ḫu-ru-up
82.	40,II,2-6	tu-up-ḫa-zi-i-il
83.	40,II,9	te-wa-aš-ta-wa-ar
84.	45,I,6	te-eš-šu-ak⌈...⌋
85.	45,I,7	wa-zi-i-wi-in⌈...⌋
86.	45,I,I4	pí-in-na-a-an
87.	46,5,6	eš-te-ip-ḫa(-)da-a-ḫa-an
88.	48,8,I8	te-tu-ú-uk
89.	5I,2	te-du-ú-ar
90.	5I,5	ta-a-aš-ti-pu-zi-il
9I.	52,4	du-ú-ḫa-a-nu-un
92.	52,6,I7	⌈eš?⌋-ta-a-wa-ar-wa(-)zí-i-ú⌈-i?-nu?⌋

93.	52,11	ḫa-a-ni-wa-[aš?]
94.	52,I2,I4	wa-ta-aḫ-ta-aš-ku-un-ni
95.	52,I6	ta-ta-aš-ku-un-ni
96.	52,2I,29	iš-ta-na-a-ḫi
97.	52,22	wa-aḫ-ta-aš-ku-un-[ni?]
98.	53,об.,III,5	du-ú-wa-ta-aḫ-ḫa-az
99.	54,5	ti-du-up-ḫa-r[u?]
I00.	58,2	te-tu-uḫ-ḫa-tu-n[u?..]
I0I.	59,I0	te-eš-ta<->wa-a-ar-wa(-)ši-ú[...]
I02.	59,I2	wa-wa-aḫ-ša-pa-li-i
I03.	59,I5	eš-ka-a-ad-daḫ-ḫi
I04.	59,об.,IV,2,5	te-e-ka-a-ad-daḫ-ḫi
I05.	6I,4	te-e-tu-u-ḫa
I06.	6I,об.,11	te-e-te-du-uḫ
I07.	64,4	ta-ḫa-a-ak-ka-nu
I08.	64,4	ta-ni-i-wa-aš
I09.	72,7,8,9,I3	za-aš-tu-ú-li
II0.	72,I4	ta-ḫa-a-kat-te-eḫ
III.	73,1-5	ta-aḫ-mu-ú-up
II2.	75,II,6	eš-tu-u-pu-un-tu
II3.	75,II,6,23	u-uḫ-kán-ti-i-u
II4.	75.II,8	am-pu-ú-ut-tu
II5.	75,II,I2	ka-wa-al-wa-la-at
II6.	75,II,I2	te-pu-u-ut
II7.	75,II,I6	te-ik-za-šu-u-la
II8.	75,II,I9	ut-ḫu-ru-u
II9.	75,II,23	eš-tu-pí-en-tu-u
I20.	75,об.,III,5,8 I2,I6,2I,26, 30	ut-ḫu-ru-u
I2I.	75,об.,III,5	ta-ḫa-at-te-n[u-i-it]
I22.	77,I,6	u-uḫ-kán-ti-i-u
I23.	77,I,I0	eš-tu-u-pí-e!-tu

I24.	80,I,5	/.../ḫa-an-wa-a-aš
I25.	80,I,8,9,I0	ta-aš-te-e-ja-ja
I26.	80,I,I0	še-eš-za-ap-ḫi-en
I27.	80,I,II	še-eš-ḫa-ú-u-it
I28.	80,I,I2,I3,I5,27	ta-ja-ja
I29.	80,I,I5,I9,28,3I	wa-tu-uḫ(-)ši-in
I30.	80,I,I5,28	wa-tu-uḫ(-)ka-an-te-en
I3I.	80,I,I6	wa-tu-uq-qa-am
I32.	80,I,I6	tu-te-wa-e
I33.	80,I,I7	wa-tu-uk-ki-iš
I34.	80,I,I7	wa-tu-uk-ki?-am?
I35.	80,I,I8,I9	wa-tu-uk-kam
I36.	80,I,20	/...ḫ/a?-an-wa-aš
I37.	80,I,20,32	wa-aḫ-we?-eš
I38.	80,I,22-25	ta-aš-te-ja-ja
I39.	80,I,29	w/a-t/u-uk-ka-am
I40.	80,I,30,3I	wa-tu-uk-kam
I4I.	80,II,6	ta-aš-te-ta-li-w/a?/
I42.	80,II,24	te-taḫ-za-šu-u-la
I43.	80,II,28	wa-a-ḫu
I44.	8I,II,6	eš-ta-a-ak-tu-we-en-t/ú?/
I45.	82,II,I8-20	te-iz-wa-aḫ
I46.	86,об.,III,5	a-an-taḫ-ḫu-ku-ru
I47.	87,7	/.../wa-tu-ú-tu-uḫ
I48.	87,I0	ta-aš-ka-ti-in
I49.	88,5	iš-te-eḫ-ḫi-il-lu
I50.	89,I,I5	/..te?/-tu-uḫ-tu-pa-aš-ta
I5I.	89,об.,IV,5	ka-wa-ti-en
I52.	9I,об.,IV,2	ma-a wa-wa-aḫ
I53.	98,III,9	zi-e-wa-aš-tu-ú-e-el
I54.	98,III,I5	iš-te-e-ik(-)zu-u-li-e-el

I55.	98,III,I6	i š-ku-uz-zi-i-nu
I56.	98,III,I7	wa-al-wa-a-la-zi-nu
I57.	98,III,I8	ḫa-ne-e š-ku-uḫ
I58.	98,III,I8,I9	ka-ti-i-ja
I59.	98,III,I9	ḫa-ne-e š-ki-i-el
I60.	I07,I,II	an-ti-ja
I6I.	II0,об.,III,8	[...]ta-a-i-ja
I62.	II0,об.,III,9	ḫa-ni-wa-šu-u
I63.	III,7,8	tu-u š-tu-uḫ-ḫi-il
I64.	II2,8	[...t]a-ja-aḫ-ku-un
I65.	II2,9	ta-i!-aḫ-ku-na
I66.	II2,II,I2	[...t]a-ja-aḫ-ku-un-na

№№ пп.	Соответственные №№ в приложении № I (с индексом') и № 2	Префиксальная часть						
		7	6	5	4	3	2	I
I	I'				(a)š-	-ka-	-	-h-
2	4'				(e)š-	-ka-	-a?-	-
3	50'				(ā)š-	-ta-	-	-h-
4	38				(i)š-	-ta-	-	-
5	49				(i)š-	-ta-	-	-nā-
6	I49				(i)š-	-te-	-	-h-
7	I63			tu-	-š-	-tu-	-	-h
8	73				(ē)š-	-ta-	-	-
9	I8			tē-	-pa-	-ša-	-	-h-
I0	I9		tē-	-ta-	-p-	-ta-	-	-h-
II	22				-p-	-ta-	-	-h-
I2	II8,I20					(u)t-	-	-
I3	60					-tā-	-	-
I4	74,8I		tē-	-tu-	-	-t-	-	-
I5	22'	teš-	-	-	-	-ta/u-	-	-h-
I6	6'							
I7	II'			za-	-š-	-ši-	-	-
I8	I28					ta-	-	-
I9	I25,I38	taš-	-te-	-	-	-	-	-
20	4I					tā-	-	-ha-
2I	3I		(e)š-?	-tu-	-š-	-ta-	-	-
22	I32		tu-	-te-	-wa-	-	-	-

ЯСНЫХ ХАТТСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Корень	Суффиксальная часть	Неситское соответствие (с русским переводом)
ḫir ḫer	-pi	manijaḫḫ- 'распределять', 'передавать' назначать tapar(r)ija- 'назначать'
ḫil ḫil(l) ḫil ḫil(l) ḫil kil?	-ma -unu -i -u	išḫuwa- 'бросать', 'насыпать'
ḫul ḫul ḫul		
ḫur ḫur ḫur	-ū -wa -up	
ḫūt	-u	ninink-'двигаться', 'подниматься'
ja ja jaja jaja ja? ja ja	-a -t 	pāi- 'давать' pāi- 'давать'

№№ пп.	Соответственные №№ в приложении № I (с индексом') и № 2	Префиксальная часть						
		7	6	5	4	3	2	I
23	36'				pi-	-	-	-
24	36'				pi-	-	-	-
25	36'							
26	44'				wa-	-	-	-h-
27	32'						ā-	-h-
28	20						a-?	-h-
29	I64					ta-	-ja-	-h-
30	I65					ta-	-ja-	-h-
3I	I66					ta-	-ja-	-h-
32	I3				iš-	-te-	-	-h-
33	I4				iš-	-te-	-	-h-
34	7							
35	34'					ta-	-	-h-
36	34'					še-	-	-h-
37	5			tu-	(u)š-	ta-	-	-
38	2I			tē-	-	-	-	-
39	24		tē-	-tu-	-	-	-	-
40	I54		(i)š-?	-tē-	-k-	-zū-	-	-
4I	26'				(e)š-	-šā-	-	-
42	I4I	taš-	-	-te-	-	-ta-	-	-
43	3',20'					ta-	-	-
44	45				wa-	-zī-	-	-
45	46,53,93							hā-
46	I08					ta-	-	-
47	I62							ha-
48	5'							

Корень	Суффиксальная часть	Неситское соответствие (с русским переводом)
Ī	-ḫ̬ān	uddaniš̄k- 'заклинать'
Ī	-uwa	uddaniš̄k- 'заклинать'
i	-ūḫ̬	uddaniš̄k- 'заклинать'
kun		auš̄- 'видеть'
kun	-wā	auš̄- 'видеть'
kun	-ū	
kun		
kun	-a	
kun(n)	-a	
kun	-i	
kun	-el	
kunkun[4]	-a	
kuw	-at	ep- 'брать', 'хватать'
kuw	-at	ep- 'брать', 'хватать'
lel		
lēl	-an	
lēl	-an	
lel		
lēp		mema- 'говорить'
liw	-a	
niw	-aš	eš̄- 'сидеть', 'быть'
niw	-aš	
niw	-aš	
nīw	-aš	
niw	-aš̄ū	
nīp	-upē	ija- 'делать'

№№ пп.	Соответственные №№ в приложении № I (с индексом [1]) и № 2	Префиксальная часть						
		7	6	5	4	3	2	I
49	7'							
50	48'							ḫa-
5I	25	tiš-	-ti-	-t-	-	-kā-	-	-
52	I4'	taš-	-	-te-	-	-	-	-
53	I4'	taš-	-	-te-	-	-ta-	-	-
54	I24,I36							ḫa-
55	39'				pi-	-	-	-n-
56	46'				pe-	-	-	-n-
57	37'				wa-	-	-	-
58	37'				pi-	-	-	-n-
59	I5			tu-	-š-	-	-	-ḫa-
60	23'				wa-	-kā-	-	-
6I	24'			te-	-š-	-	-	-
62	24'			te-	-š-	-	-	-
63	II2				(e)š-	-tū-?	-	-
64	II9				(e)š-	-tū-?	-	-
65	I23				(e)š-	-tū-	-	-
66	I44		(e)š-	-tā-	-k-	-tu-	-	-
67	2I'			te-	-š-	-	-	-
68	40'							
69	II6			te-	-	-	-	-
70	II4							am-
7I	25'				(u)š-	-	-	-
72	I3'				(i)š-	-kā-	-	-
73	30'			te-	-š-	-ka-	-	-

Корень	Суффиксальная часть	Неситское соответствие (с русским переводом)
nūw	-awa	pāi- 'идти'
nw	-aš	uwa- 'входить', 'приходить'
nuw	-a	
nūw	-a	uwa- 'входить', 'приходить'
nūw	-a	uwa- 'входить', 'приходить'
nw[5]	-aš	
nā[5]		pāi- 'идти'
nū[5]		uwa- 'входить', 'приходить'
nūp(ɒ)	-a	pāi- 'идти'
nuw	-at	pāi- 'идти'
pal		
pū	-ttu	ed- 'есть'
pu		ed- 'есть'
wau		ed- 'есть'
pun	-tu	
pen	-tū	
pē	-tu	
wen[6]	-tu	
put		eš- 'быть'
put	-(t)u	eš- 'быть'
pū(t)		
pū(t)[7]	-tu	
ša		S I G_5-ahh- 'благоприятно предсказывать'
šuḫ		paḫš- 'охранять', 'защищать'
šuḫ	-ta	paḫš- 'охранять', 'защищать'

№№ пп.	Соответственные №№ в приложении № I (с индексом') и № 2	Префиксальная часть						
		7	6	5	4	3	2	I
74	I8'			te-	-	-ta-	-	-h̯-
75	I9'	taš-	-	-tu-	-	-ta-	-	-
76	33'			tu-	-h̯-	-ta-	-	-
77	33'			tu-	-h̯-	-za-	-	-
78	35				wā-	-	-	-
79	48		(a)t-	-tē-	-	-	-	-h̯-
80	I7		tu-	-t-	-h̯a-	-š-	-	-
8I	II7			te-	-k-	-za-	-	-
82	I42		te-	-ta-	-h̯-	-za-	-	-
83	I7'						ā-	-n-
84	2'		ti-	-t-	-	-	-	-
85	58				(e)š-	-ti-	-p-	-h̯a-
86	87				(e)š-	-te-	-p-	-h̯a-
87	7I			za-	-š-	-ti-	-u-	-
88	98			tu-	-wa-	-	-	-
89	I03				(e)š-	-kā-	-	-t-
90	I04			tē-	-	-kā-	-	-t-
9I	49'						a-	-n-
92	II0			ta-	-h̯ā-	-ka-	-	-t-
93	I5I			ka-?	-wa-	-	-	-
94	I48	taš-	-	-	-	-ka-	-	-
95	4I'						a-	-n-
96	42'					ka(-ur)-	-a-	-n-
97	II3, I22				(ū)h̯-	-ka-	-a-?	-n-
98	I58					ka-	-	-
99	I58					kā-	-	-
I00	I60						a-	-n-

Корень	Суффиксальная часть	Неситское соответствие (с русским переводом)
šūl		tarneš- 'впускать'
šūl	-a	tarna- 'впускать', 'посылать'
šul		tarna- 'впускать', 'посылать'
šul		tarna- 'впускать', 'посылать'
šūl	-i	
šul	-i	
šūl		
šūl	-a	
šūl	-a	
taḫ	-a	dāi- 'сидеть', 'сажать', 'класть'
taḫ		dāi- 'сидеть', 'сажать', 'класть'
tāḫ		
tāḫ	-an	
taḫ		
taḫ(ḫ)	-az[9]	
taḫ(ḫ)[10]	-i	
taḫ(ḫ)	-i	
teḫ		wete- 'строить'
teḫ		
ten		
tin		
tī	-u[8]	ar- 'стоять'
tī	-u	ar- 'стоять'
tī	-u	
ti(j)[11]	-a	
ti(j)	-a	
ti(j)	-a	

№№ пп.	Соответственные №№ в приложении № I (с индексом I) и № 2	Префиксальная часть						
		7	6	5	4	3	2	I
I0I	9'						ā-	-n-
I02	I5'						ā-	-n-
I03	I6'				(a)k-	-ka-	-	-
I04	47							
I05	54							
I06	67		(i)š-	-	-pu-	-	-	-
I07	I07			tē-	-	-	-	-
I08	I08		te-	te-	-	-	-	-
I09	9I							
II0	I00			te-	-	-	-	-
III	I29				wa-	-	-	-
II2	I47				wa-	-tū-	-	-
II3	I30				wa-	-	-	-
II4	36				wa-	-	-	-
II5	35'			te-	-	-	-	-
II6	35'			še-	-	-	-	-
II7	88			te-	-	-	-	-
II8	I3I				wa-	-	-	-
II9	I35,I39, I40				wa-	-	-	-
I20	I33				wa-	-	-	-
I2I	3I'							
I22	I09			za-	-š-	-	-	-
I23	I2'					kā-	-	
I24	I2'			tu-	-	-	-	-
I25	40		te-	-tū-	-	-	-	-
I26	42				-	/k/ā-	-	-
I27	4,28	teš-	-	-	-	-šu-	-	-

Корень	Суффиксальная часть	Неситское соответствие (с русским переводом)
tuḫ		dā- 'брать'
tuḫ		dā- 'брать'
tuḫ		dā- 'брать'
tūḫ	-an	
tuḫ	-ān	
tuḫ		
tūḫ	-a	
tuḫ		
tūḫ	-ānun	
tuḫ(ḫ)	-atunu	
tuḫ	-šin	
tuḫ		
tuḫ	-kanten	
tūḫ	-il	
tuk(k)	-a	tija- 'спускаться'
tuq(q)	-aš	tija- 'спускаться'
tūk		
tuq(q)	-am	
tuk(k)	-am	
tuk(k)	-iš	
tuk	-zik[I2]	mauš- 'падать', tija- 'спускаться'
tūl[4]	-i	
wāḫ		watarnaḫḫ- 'доверять'
waḫ	-ši	watarnaḫḫ- 'доверять'
wāḫ		
wāḫ	-u	
wawaḫ[I3]		

№ № пп	Соответственные №№ в приложении № I (с индексом') и №2	Префиксальная часть						
		7	6	5	4	3	2	I
I28	26	teš-	-	-	-	-	-	-
I29	69			ti-	-š-	-ti-	-	-
I30	I45			te-	-	-z-	-	-
I3I	29'					tā-	-	-ḫā-
I32	I27			še-	-š-	-	-	-ḫa-
I33	47'				(a)š-	-ta-	-	-
I34	30				wā-	-	-pi-	-z-
I35	82			tu-	-p-	-	-	-ḫa-
I36	90	taš-	-	-ti-	-pu-	-	-	-

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРИЛОЖЕНИЯМ

I. В круглых скобках приводится перевод необходимого неситского контекста, в квадратных скобках - восстановление отбитого или поврежденного текста. Незначительные варианты хаттских написаний не отмечаются.

2. Здесь следует читать именно šu (te в тексте является опиской, см. стр. 6I прим.I0).

3. В Приложении I тексты KUB, XXУШ 3; KUB, XXУШ 4; KUB, XXУШ 5, для краткости обозначены соответственно X, Y, Z; в Приложении 2 для упрощения знаки wa и wa_a не различаются и транскрибируются wa; wa_e транскрибируется we, wi_i - wi.

4. С корнем kun засвидетельствованы также формы wa-ḫ-ta-š-kun(n)-i, ta-ta-š-kun(n)-i, wa-ta-ḫ-ta-š-kun(n)-i, iš-ti-š-ḫa-kun(n)-u. Причины специфического порядка префиксов в этих формах, а также в (u)š-še-ša-lil (соответственный неситский глагол в 3-м лице множественного числа прошедшего времени) и ta-ḫa-š-tu-š-tul

Корень	Суффиксальная часть	Неситское соответствие (с русским переводом)
wawaḫ wawaḫ waḫ		
wēt wit		šammallija- ' ? '
zil zil[10] zīl zil		wāi- 'ворковать?'

пока не вполне ясны. Вариантное размещение некоторых префиксов, не отражающееся на значении глагольной формы, встречается, например, в адыгейском языке, где также существует постоянный порядок расстановки глагольных префиксов.

5. nw, nū < nuw; nā < nuw-a; nūp(p) ‖ nūw.

6. wen‖pen‖pun; pe < pen.

7. Корнем неэтимологизированных форм te-pū(t) и am-pū(t)-tu может быть либо pu 'есть' (ср. pū-(t)tu), либо pūt 'быть' (ср. te-š-put, put-tu).

8. ti-u ‖ ti-p(?).

9. Возможно, что корнем является не taḫ, а ḫaz: tu-wa-ta-ḫ-ḫaz.

10. at-taḫ <an-taḫ; at-teḫ <an-teḫ; iz-zil < in-zil.

11. Возможно, что корень здесь не tī(j), а ja.

12. Возможно, что корень здесь не tuk, а zik: tu-k-zik, см.: Kh,PHB,S.115.

13. Здесь, по-видимому, редупликация корня.

Г. Г. ГИОРГАДЗЕ

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЕ КАСКСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

В XУП-XШ вв. до н.э. Хеттскому рабовладельческому государству приходилось вести непрерывную борьбу с племенами, жившими к северу и северо-востоку от центральной части Малой Азии и известными по хеттским клинописным надписям под названием "касков".

Данный период является важным этапом в древнейшей истории Малой Азии. Происходившие между хеттами и касками в эту эпоху бесконечные войны, обусловленные, с одной стороны, социальной природой Хеттского государства, а с другой -существовавшим в то время уровнем социального развития касков, нанесли огромный урон экономике Хеттского государства.

Многочисленные "варвары"-каски держали хеттов под постоянной угрозой вторжения. Каски систематически нападали на северную и северо-восточную границу Хеттского государства, которая, как увидим ниже, отличалась значительной протяженностью[I]. Эти непрерыв-

---

I. Из источников ясно видно, что не существовало постоянно установленной границы между хеттами и касками; это является серьезным препятствием для установления местоположения пограничных пунктов. Существовавшая между ними граница часто нарушалась хеттами и касками,последниево многих случаях силой возвращали захваченные хеттами пункты. Следует отметить, что северная пограничная полоса была не так уж отдалена от центра Хеттского госу-

ные нападения касков явились одной из причин, способствовавших крушению государства хеттов в конце XIII в. до н.э.

В результате изучения хеттских клинописных надписей было выяснено, что в период существования Хеттского государства этническая группа, носившая название "каска", обитала на довольно обширной территории. Среди вопросов, связанных с историей каскских племен, особое внимание специалистов привлек вопрос локализации племен и отдельных пунктов, расположенных на этой территории. По мнению подавляющего большинства специалистов, можно считать установленным, что местожительство касков простиралось к северу и северо-востоку от Хеттского царства, однако вопрос о локализации отдельных пунктов пока еще не решен окончательно, так как он связан с рядом трудностей. Положение осложняется тем, что, во-первых, не установлено точное расположение некоторых связанных с территорией касков значительных географических единиц Малой Азии (Палы, Тумманны и др.); во-вторых, за редким исключением, почти невозможно найти тождество или даже какое-нибудь сходство не только с современными, но и с классическими географическими наименованиями в Малой Азии (сравним гораздо более благоприятные в этом отношении условия локализации пунктов по ассирийским, урартским и другим источникам), и, в-третьих, в боль-

---

дарства. Часты были случаи, когда при внезапных нападениях каски непосредственно угрожали столице хеттов, вследствие чего хеттские правители придавали огромное значение укреплению города Хаттусы. Известно, что напуганный частыми набегами соседних врагов, в том числе и касков, Хантили I (1590-1560) покрыл всю страну сетью крепостей. Особое внимание он обратил на укрепление Хаттусы (A.Götze, The problem of chronology and early Hittite history, BASOR, 122, 1951, p. 20). Об укреплении столицы, грандиозные постройки которой сохранились до наших дней, много заботились и другие цари хеттов, особенно Суппилулиума (O.Gurney, The Hittites, London - Melburn, 1952, p.28).

шинстве случаев неясные, непоследовательные сведения самих хеттских источников не дают возможности точно определить местожительство некоторых племен касков, с которыми в свою очередь связано множество других пунктов[2].

Однако имеются отдельные благоприятные обстоятельства, которые способствуют выяснению вопроса локализации касков. Так, например, за исходную точку локализации рассмотренных ниже нескольких каскских пунктов можно принять хорошо известное расположение города Хаттусы (современный Богаз-кёй). Помощь в этом отношении оказывает также и знание месторасположения таких пунктов классического периода, как Газиура (у современного Турхала) и Камаха (современный Камах), первый из которых следует отождествить с хеттским наименованием населенного пункта Гацциура

---

2. Исследователи хеттской географии поступают справедливо, когда с географическими названиями хеттской эпохи сопоставляют малоазиатские названия классического периода и некоторые из них, где это возможно, отождествляют (Tuyanuya = Tyana, Uda = Hyde и др.). Но следует отметить, что применение такого метода требует большой осторожности, так как происшедшие в XII-УП вв. до н.э. значительные политико-этнические перемены (нашествия "морских народов", киммерийцев, скифов и др.) внесли коренные изменения в этническо-политическую карту Малой Азии. В вышедшем недавно в свет труде покойного акад.Я.А.Манандяна ("О некоторых спорных проблемах истории древней Армении", Ереван, 1956), как нам кажется, игнорируется именно это важное обстоятельство. В большинстве случаев, Я.А.Манандян отождествляет географические названия хеттской эпохи с современными географическими наименованиями в Малой Азии, несмотря на то, что принятые Я.А.Манандяном локализации каскских пунктов, за редким исключением, явно противоречат данным хеттских источников (см., например, локализации Типии, Пиггайнаресы, Ахресы, Таптины и др.).

(^{URU}Gazziura)[3], а второй, как известно, отождествляется с населенным пунктом хеттской эпохи Куммахой (^{URU}Kummaḫa)[4], поблизости от которого располагался ряд населенных пунктов касков. Сравнительно легко поддается локализации еще одна часть каскских географических единиц (Типия и связанные с ней пункты), находившихся в тесной связи с пограничными районами страны Арцци-Хайасы. Эти скудные данные дают нам возможность относительно точно установить месторасположение и ряда других "стран" (племен) и населенных пунктов касков, хотя следует тут же добавить, что локализацию некоторой части географических названий все же нельзя считать окончательно установленной.

Рассмотрение областей расселения касков начнем с определения месторасположения отдельных пунктов в о с т о ч н о г о и ю г о - в о с т о ч н о г о р а й о н о в области расселения этих племен. При этом большое значение мы придаем уточнению термина "Верхняя страна"[5], о которой часто идет речь в надписях Суппилулиумы (I375-I335), Мурсили II (I334-I306), Хаттусили III (I275-I250) и др.

"Верхняя страна" - термин, имеющий довольно сложное значение. Несомненно, что он употреблялся в противоположность термину "Нижняя страна"; если название "Нижняя страна" ясно указывало на территорию, расположенную южнее центра Хеттского государства, то название "Верхняя страна", очевидно, обозначало местность, которая находилась в Понтийских горах, северо-восточнее Хеттского царства. Но дать точное определение территории "Верхней страны"

---

3. Strabo, 547; Studia Pontica, III, 1, 249. См.: A.Götze,Bemerkungen zu dem hethitischen Text, AO 9608 du Louvre, RHA,I,1, I930, S.25-26.

4. См.:E.Forrer, Hajasa-Azzi ("Caucasica", IX, I93I, Leipzig), p.2.

5. Шум. K U R U G U, аккад. mātu elītu, хет. udnē šarāzzi.

все же невозможно, так как, по-видимому, у самих хеттов этот термин не означал строго очерченного района.

"Верхняя страна" в основном занимала восточный и юго-восточный районы расселения касков, завоеванные хеттами в различное время существования Хеттского государства. Она управлялась назначаемым хеттами лицом - наместником (G A L ME.ŠE.DI)[6]. По-видимому, там были созданы также другие административные должности, одна из которых - ḫalipiš - фигурирует и в Хеттских Законах[7].

По данным хеттских источников возможно приблизительно локализовать "Верхнюю страну"[8]: она захватывала территорию, начиная от районов к юго-востоку от современного Токата и окрестностей современного Сиваса вплоть до Эрзинджана. Южные районы "Верхней страны" должны были тянуться до линии Делыклыташ - Диврика[9].

6.E.Sturtevant, Hitt., "The apology of Hattusilis", p.125 sq.

7. /И.М.Дунаевская/, ЗВАХ, ВДИ, 1952, № 4, стр.284, § 41 и прим.10.

8. См., например,J.Friedrich, Aus dem hethitischen Schrifttum, I, S.10; Г.А.Капанцян, Хайаса - колыбель армян, Ереван, 1948, стр.37.

9. Если судить по одному месту "Автобиографии" Хаттусили III (A.Götze, Ḫatt., IУ,2-3), территория "Верхней страны" начиналась лишь с восточной стороны р. Марассантии (верхнее течение р.Галис). Как передает Хаттусили, после того как он отнял Хакписсу (Янги?) и Нерик (Ментеше?) у Урхи-Тесупы и послал ему письмо с угрозами, Урхи-Тесупа удалился из этих мест и с Марассантии перешел прямо в "Верхнюю страну". Следовательно, отсюда и начиналась "Верхняя страна". Из других надписей можно заключить, что она охватывала также районы к северу от р.Марассантии (см.ниже).

На распространение территории "Верхней страны" к северо-западу от верхнего течения р.Галис указывает связь Хакписсы и Истахахары (Сулу-Серай?) с этой страной (KBo, УI 29, I,26).

На этой обширной территории находилось много населенных пунктов, большинство которых входило в племенные объединения каскоv. Так, например, одной из значительных областей на крайнем востоке каскской территории была расположенная в непосредственном соседстве с Ацци-Хайасой "страна" (племя) Типия (KUR^{URU}Tipiia). Из некоторых надписей ясно видно, что она находилась непосредственно в "Верхней стране". В "Пространных анналах" читаем, что во второй год своего царствования Мурсили II направился походом в "Верхнюю страну". Решающее сражение он дал при Катхаиддуве (^{URU}Kathaidduua) и разбил вражеское войско[10]. В то же время об этом походе Мурсили II в "Верхнюю страну"[11] говорится и в "Десятилетних анналах"[12] того же царя, из которых выясняется, что Мурсили проявил особую жестокость по отношению к жителям Катхаиддувы, так как "страна" Типия начала борьбу с хеттами и перестала посылать им войска. Из этого следует, что Типия действительно находилась в "Верхней стране", а Катхаиддува - на территории Типии. Можно полагать, что Катхаиддува являлась одним из крупнейших населенных пунктов или, может быть, главным городом "страны" Типии.

Но вместе с тем в "Десятилетних анналах"[13] есть указание, что Типия (значит и Катхаиддува) не входила в "Верхнюю страну". Она на этот раз названа рядом с "Верхней страной" как соседняя с ней географическая единица. В тексте указано, что во время пребывания Суппилулиумы в Митанни типиец /"человек (из) Типии"/ Пиххуния постоянно совершал разорительные нападения на находившуюся со времен Тудхалии II (1400-1385) в подчинении хеттов "Верх-

---

10. KUB, XIV 16,I,26 и сл.

11. Термин "Верхняя страна" восстановлен А.Гётце (см. A.Götze, AM, S.26, Anm.49 f.).

12. KBo, I 1,I,49 и сл.

13. KBo, I 4,I,67-71.

ную страну", а после захвата Цацциса (^{URU}Zazziša) он ее причислил к каскским странам. "Верхняя страна" в данном случае является названием лишь одной конкретной области, несмотря на то, что Типия и Цацциса были составными частями "Верхней страны" в широком смысле. Это следует объяснить тем, что под этим названием хетты иногда упоминали все "страны" (племена) и отдельные пункты, лежащие к северо-востоку от Хеттского царства. В таком случае, термин "Верхняя страна" употреблялся в широком смысле[14].Но иногда этот термин употреблялся в более узком смысле и обозначал территорию одной конкретной области. Поэтому упомянутые рядом с "Верхней страной" в узком смысле географические единицы являлись в то же время крупными пунктами "Верхней страны" в широком значении[15].

С Типией были связаны "страны" Иститина (K U R ^{URU}Ištitina), Каннувара (^{URU}Kannuwara) и Цацциса, которые также находились на территории "Верхней страны" (в широком смысле). Из этих пунктов наибольший интерес представляет "страна" (племя) Иститина, так как, по "Десятилетним анналам", типиец Пиххуния превратил ее в центр управления захваченными странами. Именно здесь начал вождь типийских касков управлять "по-царски", отвергнув тем самым принцип правления "по-каскски"[16]. По всей вероятности, Иститина,

---

14. С целью указания на существование в этой области многих "стран", входивших в "Верхнюю страну" (в широком смысле этого слова), хеттские источники вместо термина "Верхняя страна" иногда употребляют также название "Верхние страны" (во множественном числе). Так, например, в KBo, VI 28,I,11-12 читаем: "С той стороны враг /из/ города Ацци прише/л и/ все верхние /стр/аны п/огуб/ил" (e-di-iz-ma ^{LÚ}K Ú R ^{URU}Az-zi u-iṭ nu K U R.K U R. M/EŠ U G U-TI ḫu-u-ma-an-da ḫ/ar-g/a-nu-ut).

15. Ср. термин "Наири" Г.А.Меликишвили, Наири-Урарту, Тбилиси, 1954, стр.16 и сл.

так же как и Каннувара и ^{URU}Iš[.....][17], находилась к югу от Типии. В "Пространных анналах" указывается, что Типия и Иститина были смежными или, во всяком случае, территориально близко расположенными пунктами: после того как Мурсили предал огню всю типийскую "страну", он вернулся прямо в Иститину[18]. К югу от Типии находилась также и Цацциса[19].

Особого внимания заслуживает сохранившееся в "Десятилетних анналах" сообщение о территориальной связи между Ацци-Хайасой и

---

16. Племя у касков считалось господствующей организацией. Каскские племена стояли на ступени типичной "военной демократии". Они были на том уровне развития, когда "возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью..." (Ф.Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства; К.Маркс, Ф.Энгельс, Избранные произведения, т.П, М., 1952, стр.296). И для племен касков " война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность..." (там же, стр.296).

В хеттских источниках часто идет речь о "народе", "людях" отдельных племен касков (L Ú.M E Š ^{URU}Tipiia, L Ú.M E Š ^{URU}Taggašta, L Ú.M E Š ^{URU}Timmuḫala и др.), что указывает на суверенность народа в объединениях касков, у которых "господства одного (человека) не было" (KBo, Ⅲ 4,Ⅲ,74-75). Для них чужд был принцип "царского" управления, и они в основном регулировали свою повседневную жизнь "по-каскски" (KBo, Ⅲ 4,Ⅲ,73), т.е. очевидно, имелись вождь, племенной совет и другие органы, необходимые на этом этапе развития.

17. KUB, XIX 30, I,13.

18. Там же, I, 9-10.

19. KBo, Ⅲ 4, Ⅲ,69-70; KUB, XIX 17,П,32-34.

Типией. Выясняется, что сразу же по окончании военных операций в Типии Мурсили (до того как он перешел в Иститину) послал вестника к царю(?) Аццы с требованием возврата хеттских подданных, перешедших в Аццы во время пребывания Суппилулиумы в Митанни[20]. Это сообщение дает возможность установить хотя бы приблизительное местонахождение Типии. Бесспорно, Аццы-Хайаса была если не соседней, то близлежащей к Типии страной[21]. Как предполагает большинство исследователей[22], территория Аццы-Хайасы находилась в северо-восточном углу Малой Азии, по верхнему течению р.Кара-Су[23]. Поэтому допустимо, что граница между Типией и Аццы-Хайасой проходила по линии городов Кемах - Эрзинджан (по р.Кара-Су), к западу от которой и была расположена страна Типия[24].

Таким образом, западнее Аццы-Хайасы начиналась территория расселения касков, простиравшаяся до нижнего течения р.Галис.

Территориальная близость Типии и Аццы-Хайасы подтверждается и другими фактами, о которых не раз шла речь в научной литературе. Имевшие стратегическое значение и названные в связи с Типией пункты "Верхней страны" Иститина и Каннувара упоминаются также в связи с Аццы-Хайасой[25]. Это дает возможность более точно опреде-

---

20. KBo, III 4, III,93-95.

21. Г.А.Капанцян, Хайаса - колыбель армян, стр.37.

22. Там же, стр.27 и сл.; см. также: N.Adontz, Histoire d'Arménie. Les origines du X-e siècle au VIe (Av.J.C.), Paris, 1946, p.28, sq., Г.А.Меликишвили, Наири-Урарту, стр.82.

23. По Я.А.Манандяну, спорными и ошибочными являются общепринятые взгляды о местоположении страны Аццы-Хайасы в верховьях Евфрата (Кара-Су) (см. его труд: О некоторых спорных проблемах истории древней Армении, стр.4 и сл.).

24. Ср. Я.А.Манандян, там же, стр.87-88.

25. KBo, IV 4,II,16 и сл. - Возможно, что северо-западный район Аццы-Хайасы, входил в территорию "Верхней страны" (в ее широком смысле), (см.KBo, IV 4,II,16-17).

лить местонахождение Иститины и Каннуварь: поместить их в окрестностях современной Зимарры[26].

Южные районы Типии достигали приблизительно этих мест. Из хеттских источников не видно, до каких районов простиралась территория Типии к северу. Также неизвестны границы распространения этой страны на запад. Но возможно, что с этой стороны ее соседями были Хаспина (^{URU}Haš̌pina), Пардувата (^{URU}Parduuata) и Таккумита (^{URU}Takkumita)[27], также входившие, по-видимому, в "Верхнюю страну" (в широком значении слова).

Расположение Катхарии (^{URU}Kathariia) и Гаццапы (^{URU}Gazzapa) на территории "Верхней страны", к западу от поселений Хаспины, Пардуваты и Таккумиты (приблизительно в окрестностях современного Кемиса), подтверждается следующим фактом. В анналах Суппилулиумы сообщается, что Тудхалиа Ш, после того как он возвратился из "Верхней страны", предпринял поход против Масы (K U R ^{URU}Maša) и Каммалы (^{URU}Kammala), так как они напали на "страны Желтой реки" (K U R ^{URU}I D.S I G$_7$)и Кассию(K U R ^{URU}Kaššiia)[28]. Во время пребывания Тудхалии Ш в Каммале находившиеся в его тылу враги-каски разрушили укрепленные еще Суппилулиумой города. Тудхалиа был вынужден оставить Каммалу и страну Масу и пойти походом на "восставшие" племена касков. В анналах указывается, что он разгромил отряды Катхарии и Гаццапы вместе с пришедшими им на помощь другими касками[29]. Как выясняется, именно каски из Катхарии и Гаццапы причинили большой ущерб соседним населенным пунктам.

---

26. Ср. J.Garstang, Hittite military roads in Asia Minor, AJA, XLVII, 1, 1943, p.51; Г.А.Капанцян, Хайаса - колыбель армян, стр.60, прим.1; Я.А.Манандян, О некоторых спорных проблемах..., стр.88 и сл.

27. 2 BoTU 30, IV,3-11.

28. 2 BoTU 34, IV,17 и сл.

29. 2 BoTU 34, IV,29-37.

Наше внимание прежде всего привлекает вопрос об установлении местонахождений пунктов Масы, Каммалы, Кассии и "страны Желтой реки". Как отмечалось в научной литературе, указанная Маса территориально ничего общего не имеет с Масой, находящейся на западе Малой Азии[30], так как названные рядом с Массой Кассия и "страна Желтой реки" находились на восточной периферии Хеттского государства. Это, по-видимому, совершенно другая Маса, расположенная к югу от "Верхней страны". Кассия и "страна Желтой реки" упоминаются почти рядом и в "Автобиографии" Хаттусили III[31]. Известно также, что "враг /из/ города Араунны" (^{LÚ}K Ú R ^{URU}Araunna), который нужно искать к северу от Тегарамма, тоже нападал на Кассию[32]. Поэтому Кассию следует искать на территории, расположенной к югу от "Верхней страны"[33]. Она, возможно, находилась поблизости от Палы и Тумманны (к югу от Сиваса)[34]: Кассия в "Автобиографии" Хаттусили упоминается также после стран Палы и Тумманны[35]. В этой связи ее и нужно поместить поблизости от "страны" Каласмы (K U R ^{URU}Kalaŝma), так как в одной надписи[36] Тумманна и Каласма упомянуты вместе. Таким образом,

---

30. R.Ranoszek, Kronika króla hetyckiego Tuthaljasa (IV) ("Rocznik orientalistyczny", IV, Lwów, 1934, str.70.

31. Ḫatt., II,60.

32. KBo, VI 28,I,I0; см. также: KBo, III 4, III,48.

33. Ср. A.Götze, Kizzuwatna and the problem of Hittite geography, New Haven, 1940, p.26.

34. Районы Сивас - Кайсери - Гюрюн(?) (ср.: Я.А.Манандян, О некоторых спорных проблемах..., стр.II4).

35. Ḫatt., II,59-60.

36. KBo, V 8, IV,I0-I2. - Вблизи Каласмы находились также Лалха и Миддува /KBo, V 8, IV,I7-I8/. Отнесение этих пунктов к восточной периферии Хеттского государства оправдано и тем, что они связаны были с Пахухувой /KBo, V 8, IV,20/, которая, судя по KUB XXIII,72, находилась по соседству со странами Исувой, Сухмой и Малдией.

можно предположить, что Маса (Масса), Каммала и Кассия располагались на территории к югу от современного Кангала.

В этой области воевал Тудхалиа Ш, когда он узнал о разрушении укрепленных городов касками, "восставшими" в тылу, т.е. в северном направлении. А к северу находилась именно "Верхняя страна", откуда выступил Тудхалиа до того, как он отправился в Масу. Поэтому каскские поселения Катхария и Гаццапа следует поместить в "тылу", т.е. в "Верхней стране". Вопрос об их приблизительной локализации решает одно сохранившееся в анналах Суппилулиумы известие: после того как Тудхалиа Ш сравнял с землей Катхарию и Гаццапу, он направился из этих мест в Хайасу. Как известно, решающее сражение произошло у Куммахи[37] (современный Кемах), откуда, может быть, начиналась территория Аццы-Хайасы[38]. Поэтому можно предположить, что Катхария и Гаццапа находились не так уж далеко от этого района[39]. Но Гаццапа, как увидим ниже, должна была находиться и севернее или северо-западнее Катхарии. В анналах Мурсили П Гаццапа упоминается в связи с Тиммухалой (^{URU}Timmuḫala), Тасмахой (^{URU}Taśmaḫa), Циантиской (^{URU}Zianti̯ška) и Тапапанувой (KUR ^{URU}Tarapanuṷa), которые нужно искать на восточной периферии центральных районов расселения касков.

При рассмотрении пунктов "Верхней страны" привлекает внимание вопрос о локализации "страны" (племени) Турмитты (KUR ^{URU}Tur-

---

37. 2 BoTU, 34 IV, об.,40-44.

38. Некоторые исследователи рассматривают Куммаху как столицу Аццы-Хайасы (см.: Г.А.Капанцян, Суффиксы и суффигированные слова в топонимике древней Малой Азии, Ереван, 1948, стр.27; Хайаса - колыбель армян, стр.58; N.Adontz, Histoire d'Arménie, p.50; ср.: Я.А.Манандян, О некоторых спорных проблемах..., стр. 76).

39. О локализации этих пунктов см.: Г.А.Капанцян, Хайаса - колыбель армян, стр.46, прим.1; Я.А.Манандян, О некоторых спорных проблемах..., стр.77-78.

mitta). С его решением связано правильное расположение на карте Малой Азии как некоторых каскских, так и других значительных пунктов Хеттской державы.

Турмитта - одно из древнейших племен Малой Азии. Нет сомнения, что это - Turḫumid[40], встречающийся в каппадокийских таблетках, что отмечали Э.Леви, Б.Ландсбергер, А.Гётце, И.Гельб. Как известно, кроме крупных городов Малой Азии Burušḫatum, Ḫattuš, Kaniš, Zalpa, торговая колония (kārum)[41] была основана ассирийцами и в городе Turḫumid[42]. Позднее, как это видно из хеттских источников, Турмитта входила в объединение каскских племен[43]. О ней речь идет во многих надписях Суппилулиумы, Мурсили II, Хаттусили III и др. Со времен Суппилулиумы Турмитта находилась в подчинении у хеттов, что выражалось в поставке ею вспомогательных отрядов хеттам.

При установлении местонахождения Турмитты необходимо решить вопрос, где именно искать ее - на восточной или северной периферии Хеттского царства. Тот факт, что одни ученые (А.Гётце[44] и др.) помещают ее на северной периферии Хеттского государства (на дороге Богаз-кёй - Самсун), а другие (Дж.Гарстанг[45], Р.Раношек[46], И.Гельб[47], Г.А.Капанцян[48]) - на восточной периферии Малой

---

40. Tur_4-ḫḫ-mi-id, Tur_4-ḫu-mi-id, Tù-ru-ḫḫ-mi-id.

41. 'Колония', 'населенный пункт среди чуждого населения' /И.М.Дьяконов/, ЗВАХ, ВДИ, 1952, № 4, стр.236, прим.1.

42. R.S.Hardly, The Old Hittite Kingdom, AJSL, LVIII, 2, 1941, p.179, n.6; A.Götze, Kleinasien, Leipzig, 1933, S.70-71.

43. KBo, III 4,I,30 и др.; ср. Я.А.Манандян, О некоторых спорных проблемах..., стр.85.

44. A.Götze, Bemerkungen zu dem hethitischen Text AO 9608 du Louvre, S.26; Kleinasien, S.68.

45. J.Garstang, Hittite military roads..., p.56.

46. R.Ranoszek, Kronika króla hetyckiego Tuthaljasa (IV), str. 70.

Азии, бесспорно указывает на сложность ее локализации. Полагаем, что более правильно соображение, выдвинутое второй группой ученых.

В договоре Суппилулиумы с Маттиваццой речь идет о "восставшей" против хеттов Исуве, к которой примкнуло много соседних и территориально недалеко расположенных от нее "стран". Так как у исследователей больше не вызывает сомнений расположение Исувы в окрестностях современного Харпута, вопрос о приблизительной локализации пришедших на помощь ей союзников уже не является неразрешимым. В этом договоре сторонниками Исувы являются люди таких пунктов, как Гуртализса (Gurtališša), Араванна (Araṷanna; вариант Араунна, см. выше), Цацса (Zazša, или же Цацциса - Zazziša), Каласма (Kalašma = Каламасма)[49], Тимна (Timna)[50], Халива (Ḫaliṷa), Карна (Karna), Турмитта (Turmitta), Алха (Alḫa), Хурма (Ḫurma), Харана (Ḫarana), Тегарамма (Tegaramma), Тепурциа (Tepurzia), Хацка (Ḫazka) и Арматана (Armatana)[51].

Местонахождение некоторых из перечисленных географических единиц уже известно. Так, например, страна Тегарамма давно отождествлена с Тиль-Гаримму ассирийских источников и библейской Тогармой. Тегарамма простиралась к западу и северо-западу от Малатии. Хурма же (возможно, Хурама каппадокийских таблеток)[52] находилась в юго-восточном углу Малой Азии. Араванну и Арматану сле-

---

47. I.J.Gelb, Inscriptions from Alishar and vicinity, Chicago, 1935, pl.LXIII.

48. Г.А.Капанцян, Хайаса - колыбель армян, стр.12 и сл.

49. E.F.Weidner, Politische Dokumente aus Kleinasien, BoSt. 8-9, Leipzig, 1923, S.5, Anm.10; J.Garstang, Hittite military roads..., p.56, n.71; A.Safrastian, Hittite place names ("Massis", I,5,1929), p.104.

50. KBo, I 1,21: mât^{āl}timmina (по Э.Ф.Вайднеру).

51. Там же, строка 11-13.

52. A.Götze, Kizzuwatna..., p.73.

дует искать на восточной периферии Хеттского царства[53]. Тепурция - это Тепурзи (Тедимзи) ассирийских источников. Как отмечается в этих источниках, страна Тепурзи соседствовала со страной Алзи[54] (Alzi; хет. Alziia, Alše), которую нужно искать в верхнем течении р.Тигра[55]. Бесспорно, что Цацса (Цацциса) должна быть Цаццисой "Десятилетних анналов"; (о ней уже шла речь выше). Около Цацсы нужно поместить страну Каласму[56], которая, как уже отмечалось, должна находиться рядом с Палой и Тумманной (следует обратить внимание на то, что Тимна-Тиммина может оказаться искаженной формой названия страны Тумманны; если это подтвердится окончательно, то будет решен вопрос о приблизительном местонахождении стран Пала и Тумманны - они обе окажутся на восточной периферии Хеттского царства). В этом же районе следует искать Гурталиссу, Халиву, Карну и Харану[57], а на юго-восточной периферии Малой Азии - Хацку.

Как видим, большинство упомянутых в договоре пунктов было расположено на восточной периферии Хеттского государства. Несомненно, что названная среди них Турмитта также находилась в этой части Малой Азии. В таком случае действительно возможно представить Турмитту в роли союзника Исувы. Если же предположить, что Турмитта была расположена в районе нижнего течения р.Галис, вбли-

---

53. Ibid. p.25; ср.: O.Gurney, Prayers, p.102; The Hittites, p.33.

54. АВИУ, ВДИ, 1951, № 3, прим.7.

55. /E.Forrer/, Reallexikon der Assyriologie, I, S.88 ff.; Г.А.Меликишвили, Наири-Урарту, стр.52.

56. Ср. Я.А.Манандян, О некоторых спорных проблемах..., стр. 114.

57. Можно полагать, что Харана - это не Харран северной Месопотамии, а упомянутый в "Географии" Птолемея город Арана, лежавший на древнем пути Мелитена - Севастия (см.: N.Adontz, Histoire d'Arménie, p.36-37).

зи Пафлагонии, то трудно допустить, что она могла оказать помощь Исуве, находясь на столь значительном от нее расстоянии[58].

С Турмиттой связано много географических пунктов. Следует отметить, что расположенные вблизи нее Ханхана[59], Тавиния[60], Карахна[61], Хаттена[62] и другие упоминаются вместе с такими пунктами, находящимися на хеттской территории, как Хакписса[63], Истахара[64], Анкува[65], которые следует искать к востоку от Хаттусы. Поэтому при установлении местонахождения Турмитты, нужно учитывать ее территориальную близость и к хеттским пунктам. В то же время она была связана и с Палой и Тумманной[66]. В "Автобиографии" Хаттусили III Турмитта упоминается вместе с Курустамой. А этот последний пункт находился к востоку от Гаццуры[67] (окрестности современного Турхала). Учитывая все вышесказанное, думаем, что самым подходящим районом для локализации Турмитты может быть верхнее течение р.Галис, в окрестностях современного города Сиваса[68].

---

58. Расположение Турмитты на восточной периферии Хеттского государства подтверждается хотя бы тем, что в одной из надписей (KUB, XIV I3,I,5-8) она упоминается в связи с Самухой - пунктом "Верхней страны" (см.: J.Garstang, Samuha and Malatia, JNES, I,4, 1942, p.450-459).

59. Hatt., III,32; KUB, XIV I3,I,5.

60. KBo, II,об.45.

61. KUB, VI 45,II,IO и сл.

62. Hatt., II,58-59.

63. KUB, V 1,II,40,45; KUB,VI 45,II,55.

64. KUB, XIX I3, лиц.8; KBo, VI 29,I,26.

65. KUB, VI 45,II,60.

66. Hatt., II,59.

67. A.Götze, Bemerkungen zu dem hethitischen Text AO 9608... S.25.

68. J.Garstang, Hittite military roads...; p.54; Ср. A.Götze, Bemerkungen zu dem hethitischen Text, AO 9608..., S.26; A.Götze,

Соседями Турмитты с запада были Халила (KUR ^{URU}Halila) и Дуддуска (KUR ^{URU}Dudduška) - "главные страны" касков[69], с которыми Мурсили II пришлось воевать сразу же после воцарения. Хотя в первом году своего царствования Мурсили предпринял поход против Турмитты, но до того как он пришел в Турмитту, ему пришлось вести борьбу со "странами" (племенами) Халилы и Дуддуски. По-видимому, эти два пункта лежали на пути из Хаттусы в Турмитту, так как Мурсили из Хаттусы попал в Турмитту, пройдя Халилу и Дуддуску. Это должно указывать и на несомненное их соседство[70].

В этом же районе следует искать "страну" Тухуппию[71] (KUR ^{URU}Tuḫuppiia), название которой засвидетельствовано и в каппадокийских таблетках в форме Tuḫpia[72]. Здесь находился один из видов ассирийских торговых учреждений - ḳabartum[73] "маленькая фактория"[74].

Из пунктов юго-восточных районов каскской территории особого внимания заслуживают Ияхресса (^{URU}Iaḫrešša) и Пиггаинаресса (KUR ^{URU}Piggainarešša). По анналам Мурсили II возможно заклю-

---

Kleinasien, S.68; Я.А.Манандян, О некоторых спорных проблемах..., стр.II4.

69. KBo, III 4,I,33-33.

70. Ср. Я.А.Манандян, О некоторых спорных проблемах...,стр.89.

7I. Соседство Турмитты с Тухуппией хорошо видно из хеттских источников (см.: KBo, IV I3, I,22-23; Hatt., II,IO-II).

72. В.К.Шилейко, Документы из Гюль-тепе, ИРАИМК, I, I92I,I3, I4; G.Contenau, Tablettes capadociennes, Paris, I920, 39,4,8. - Следует подчеркнуть, что Тухпию каппадокийских таблеток нельзя отождествить с Топией хеттских источников, как это делает Н.Адонц /см.: N.Adontz, Histoire d'Arménie, p.34/. - Тухпия, по всей вероятности, является Тухуппией хеттской эпохи.

73. В.К.Шилейко, Документы из Гюль-тепе, I3,I4.

74. /Й.М.Дьяконов/, ЗВАХ, ВДИ, I952, № 4, стр.237.

чить, что они находились в крайней части юго-восточной территории расселения касков.

Известно, что после того как Мурсили II благополучно закончил каркемишские дела, он направился в Тегарамму. Отсюда он хотел пойти в Ацци-Хайасу, но, по совету вельмож, изменил маршрут и форсированным маршем отправился с юга на север[75], по-видимому, из-за создавшейся чрезвычайной обстановки в Ияхрессе и Пиггайнарессе. Судя по "Пространным анналам", Мурсили сразился с касками сперва в Пиггайнарессе, а на второй день вернулся в Ияхрессу[76]. Следует учесть то обстоятельство, что идущий с юга Мурсили в этих районах достиг начала каскской зоны. По-видимому, Пиггайнаресса и Ияхресса были крайними каскскими населенными пунктами района, севернее которого простиралась территория этих племен. Отсюда по направлению на Сивас шла большая военная дорога, заканчивавшаяся в Хаттусе. Можно предположить, что интересующие нас пункты находились севернее современного Кангала, приблизительно на линии Делыклыташ - Диврика; расселение касков южнее этих пунктов в хеттскую эпоху действительно нельзя допустить[77].

На расстоянии одного дня ходьбы от Ияхрессы по соседству с Таптиной (^{URU}Taptina), Хурсамой (^{URU}Hurša̯ma)[78] и Пикурци (^{URU}Pikurzi) располагалась Таркума (^{URU}Tarkuma)[79]. Перечисленные пункты нужно искать к северу или, точнее, к северо-западу от Кангала. После того как Мурсили II оставил находящиеся на расстоянии одного дня ходьбы от Таркумы поселения Хайсехлу (^{URU}Haišeḫla) и Кантиссису (^{URU}Kantišša), которые были расположены, по-види-

---

75. KBo, IV 4, III, I9-28.

76. Ср. KBo, III 4, IV,24-29.

77. Ср. Я.А.Манандян, О некоторых спорных проблемах..., стр. 95 и сл.

78. По Н.Адонцу, Хурсама является поздним Харсианом, лежавшим близ Севастии (см.: N.Adontz, Histoire d'Arménie, p.37).

79. KBo. IV 4, III,40-45.

мому, около современного Ени-Хана, он, пройдя Хакписсу, отправился в Хаттусу[80].

В юго-восточных районах страны касков следует искать еще многие другие пункты, которые можно рассматривать как входившие в "Верхнюю страну". Несомненно, в этой области должны мы поместить (в районе Сиваса) лежавшие на дороге[81], отходящей от левого берега р.Галис (^{ID}Maraššanda, ^{ID}Maraššantii̯a) и направляющейся на юго-восток, "страну" Дариттару (K U R ^{URU}Darittara),гору Эллурию (ḪUR.SAG$_{Elluri̯a}$), Васхайю (^{URU}U̯ašḫaiia), "страну" Цина[.....] (K U R ^{URU}Zina[.....]), Гакиуссу (^{URU}Gakiušša), Тарукку (K U R ^{URU}D/Tarukka), Хиннариванду (^{URU}Ḫinnariu̯anda), Иваталлису (^{URU}Iu̯atallišša) и Сапиддуву (K U R ^{URU}Šapidduu̯a). Они упомянуты в описании одного из походов Суппилулиумы[82]. Существование данных пунктов в этом районе подтверждается хотя бы тем, что они оказываются в несомненной близости с Тумманной, непосредственным соседом которой мы должны считать "страну" Сапиддуву[83]. После перехода из Сапиддувы в Тумманну Суппилулиума поднялся на гору Кассу (ḪUR.SAG$_{Kaššu}$), а отсюда подступил к р.Дахаре (^{ID}Daḫara), около которой находилась Папинува (^{URU}Papinuu̯a). Это был конечный пункт похода Суппилулиумы, затем он вернулся обратно и, может быть, ввиду создавшейся в Тиммухале ситуации, был вынужден идти в Сапиддуву.

Перечисленные выше пункты упоминаются также и в "Пространных анналах". Выясняется, что на 21-м году своего царствования Мурсили II находился именно в юго-восточном районе, так как он называет Сапиддуву, гору Эллурию, Алтану, р.Дахару и гору Кассу[84].

---

80. КВо, IУ 4, Ш,43-55.

81. Это дорога из Палхуиссы в Хурну (современный город Кавалк). С ней соединялась дорога, идущая из Тиммухалы (район к юго-востоку от современного Токата).

82. 2 BoTU, 44 I, 25-38.

83. Там же, строка 38-40.

Следует подчеркнуть, что четвертый столбец хеттского текста, в анналах начинающийся после упоминания перечисленных пунктов, повествует о времени нахождения Мурсили II в Каласме и Тумманне[85]. Бесспорно, после пунктов Сапиддува - Эллурия - Алтана - Дахара - Кассу Мурсили II перешел в Каласму и Тумманну, что опять-таки оправдывает соображение о возможности поместить интересующие нас пункты к востоку от р.Галис, в районе расселения касков.

Наличие в этих местах касков подтверждается и фактом, засвидетельствованным анналами Мурсили II. Поблизости от Палы, - к северу от нее, - без всякого сомнения, находилась гора Асхарпайа (ḪUR.SAG Ašḫarpaia), через которую шли дороги в Палу. Именно на этой горе пришлось сразиться Мурсили II (на пятом году царствования) с касками, захватившими этот стратегический пункт[86]. Возможно, что зона распространения касков доходила в этом районе до горы Асхарпайи, южнее нее начиналась территория Палы. Хотя и трудно определить местонахождение горы Асхарпайи, но можно предположить, что эта гора находилась к северо-востоку от Делыклыташа (ведь это место - продолжение линии городов Делыклыташ - Диврика, южнее которой вряд ли могли жить каскские племена).

На восточной периферии центральной части расселения касков находилась Тиммухала (URU Timmuḫala) и много связанных с ней пунктов.

В установлении местонахождения Тиммухалы большую помощь оказывают сведения "Пространных анналов". Выясняется, что Тиммухала вследствие близости к Тапапануве была в какой-то связи с Гаццапой[87]. Локализация же Гаццапы и Катхарии в окрестностях города Кемиса вызывает необходимость поместить Тапапануву и расположенные поблизости с ней пункты (Тиммухалу и др.) в соседстве с ука-

---

84. KUB, XIX 36, III, 1-40.

85. KUB, XIX 36, IV, 1-22.

86. KBo, III 4,39 и сл.

87. KUB, XIX 37, II, 28-32.

занными районами. Полагаем, что Тиммухалу, Тапапануву и другие следует искать к северо-западу от Гаццапы и Катхарии (по направлению к Токату). Это предположение подтверждается также следующим обстоятельством.

Как явствует из анналов царя Суппилулиумы[88], из западного района касков, из "страны" Палхуиссы (южнее района современной Амасии; см. ниже), через Камамму (на юго-восток от Палхуиссы)[89], Истахару (приблизительно современный Сулу-Серай), Хаттену (ḪUR.SAG[...], URU[.....]), Тесситайю, Тахахпилису, Цидапархаму и Тикукуву (их следует искать между городами Сулу-Серай и Кавалк) шла дорога до Хурны (приблизительно современный Кавалк). Отсюда эта дорога, пересекая гору Техсину и "страну" Хаури [.....], достигала р.Марассантии (около города Сивас) и продолжалась по другую сторону ее (к юго-востоку от города Сиваса), как было указано выше, через Дариттару, Эллурию, Васхайю, Цина[.....], Гакиуссу, Дарукку, Хиннариванду, Иваталлиссу, Сапиддуву, Тумманну, Кассу, Дахару, Папинуву. Для нас важно, что эта идущая из страны Палхуиссы дорога, согласно анналам Мурсили II, в Хурне (Кавалк?) соединялась с дорогой, которая начиналась в Тиммухале и после Хурны продолжалась в направлении горы Техсины и р.Марассантии[90], т.е. она пролегала по тому же направлению, что и дорога, описанная в анналах Суппилулиумы. Несомненно, эта дорога должна была идти со стороны территории, расположенной к северо-востоку от современного Кавалка (Хурны), так как территорией, которая, с одной стороны, была бы связана с Гаццапой, а с другой - с идущей по направлению Хурны дорогой, бесспорно является район к юго-востоку от города Токата. Поэтому Тиммухалу мы должны поместить в этом месте.

---

88. 2 BoTU, 44 I,4 и сл. См. также: KUB, V 21, II,23.

89. Ср. Я.А.Манандян, О некоторых спорных проблемах...,стр.88.

90. KUB XIX 37,III,26-55.

В анналах Мурсили II[91] первым пунктом дороги, идущей из Хурны к Тиммухалу, назван Каппери (^{URU}Kapperi), через который можно было пройти Карассуву (^{URU}Karaššuua). По соседству же с Карассувой находилась Тахапписуна (^{URU}Tahappišuna), за ней следовала Тиммухала. Из источников видно, что эта часть территории касков была горной страной. Мурсили особенно подчеркивает малодоступность ведущих в Тиммухалу дорог, вследствие чего он оказался вынужденным идти в Тиммухалу пешком[92].

Тиммухала, видимо, имела большое стратегическое значение. Кроме указанной дороги, здесь проходили и другие. Так, например, из Тиммухалы, через Касимулу, шла дорога[93] в Катапу (современная Геуне?), по которой и вернулся Мурсили из Тиммухалы, когда на 24-м году своего царствования он закончил военную экспедицию в Тиммухалу. В начале следующего года Мурсили снова посетил интересующий нас район, но на этот раз он явился в Тиммухалу совершенно другим путем. Трудно определить начальный пункт маршрута, описанного в 25-м году царствования Мурсили. Бесспорно, что одним из пунктов этого пути была Хесхаспа[94] (^{URU}Ḫešḫaspa); из нее Мурсили должен был попасть непосредственно в Тиммухалу. Кроме того, из Тиммухалы через Тапапануву, Хаттенцуву (^{URU}Ḫattenzuua), Каттесхиссу (^{URU}Kattešḫišša) и [.....]ешша[95] шла еще одна дорога. Она глубоко врезалась в территорию касков.

Поблизости от Тиммухалы (к востоку от нее) находилась "страна" (племя) Тапапанува. Бесспорно, что она не лежала по направлению Тиммухала - Тахапписуна - Карассува - Каппери - Хурна. На 25 году царствования Мурсили II, закончив дела в Тиммухале, должен был перейти в Тахапписуну. Но Мурсили II сначала послал в

---

91. KUB, XIX 37,III,26-41.

92. KUB XIX 37,II,4-10; ср.также KUB XIX 39,II,4-6.

93. KUB XIX 37,II,35-38.

94. Там же, III,9 и сл.

95. KUB XIX 39,II,6-15.

Тапапануву племена кочевников (ŠU.TI)[96], сам же остался в Тиммухале. Ясно, что если бы Тапапанува находилась в той же стороне, что и Тахапписуна, тогда вместе с посланными племенами отправился бы и сам Мурсили II и после этого перешел бы в Тахапписуну. Такое предположение полностью подтверждается связью Тапапанувы с Гаццапой. Бесспорно, что Тапапанува была расположена поблизости от района Гаццапы. Поэтому ее надо искать к востоку от Тиммухалы.

К северу от Тапапанувы размещались пункты Хаттенцува, Каттесхисса и [.....]есса. Заслуживает внимания заявление Мурсили II о том, что после Телепину ни один хеттский царь не достигал этих мест[97]. Как видно, они были действительно далеко от города Хаттусы.

В "Пространных анналах" упоминаются также и пункты Тияссилта (^{URU}Tiyaššilta) Цимуммува (^{URU}Zimummuya), Тасмаха (^{URU}Tašmaḫa), Циянтиска (^{URU}Ziyantiška), Таметтаса (^{URU}Tamettaša), гора Мухини ($^{ḪUR.SAG}$Iuḫini) и др.[98] Часть этих географических единиц (Цимуммува, Тияссилта) была расположена на западе от Тиммухалы, а часть - на ее восточной окраине.

Один из значительных пунктов центрального района касков "город" Гацциура (^{URU}Gazziura) упоминается в "Автобиографии" Хаттусили III. Этот "город", бесспорно, входил в объединение каккских племен[99]. Местонахождение Гацциура давно определено, так как пункт с этим же именем встречается и в классическую эпоху в окрестностях современного Турхала.

Из данных хеттских источников выясняется, что вблизи Гацциуры должна была находится Курустама (^{URU}Kuruštama). Интересно, что в "Автобиографии" Хаттусили III она сперва упомянута с Гацциурой[100],

---

96. KUB XIX 37,III,27.

97. KUB XIX 39,II,9-10.

98. KUB XIX 37,II,20-34.

99. Ḫatt., II,8.

100. Ibid.

а затем рядом с Турмиттой[101]. Поэтому, надо думать, что ее следует искать на большой территории между Гацциурой и Турмиттой. Возможно, Курустама находилась в районе к юго-востоку от Гацциуры. Следует учесть и то обстоятельство, что, судя по кво, VI 29, I 28, Курустама рассматривается как "город", расположенный к востоку от Хакписсы (современный Янги). Таким образом, если Курустаму поместим к юго-востоку от Гацциуры, то такое местоположение удовлетворит требованиям также и указанного текста.

В определенной связи с Гацциурой и Курустамой должна находиться Таскурия (^{URU}Taškuriia). Полагают, что ее надо искать к востоку от Гацциуры[102]. Упомянутые рядом с Таскурией Хаспуна (^{URU}Haš-puna), Хипурия (^{URU}Hipuriia), Тагапу[...] (^{URU}Tagapu [...]), Кисмитта (^{URU}Kišmitta) и другие[103] тоже следует искать в центральной части страны касков.

Самой значительной среди "стран" (племен) западных районов территории касков была Исхупитта (KUR ^{URU}Išhupitta). Правда, она находилась в подчинении у хеттов, но, как выясняется из анналов Мурсили II, часто выходила из повиновения и не посылала хеттам вспомогательных отрядов. Исхупитта была, по всей вероятности, одним из значительных опорных пунктов хеттов в этом районе.

В хеттских источниках Исхупитта упоминается в связи с такими "странами", местонахождение которых надо предполагать на севере Хеттского царства. Существует прямое указание на то, что она, как и другие связанные с ней пункты, входила в объединение каскских племен[104]. Так как Исхупитту мы не встречаем рядом с пунктами,

---

101. Ibid., II, 54.

102. A. Götze, Bemerkungen zu dem hethitischen Text AO 9608 ..., S. 30.

103. Ibid., S. 30.

104. КВО, III 4, I, 43.

относящимися к рассмотренной нами территории расселения касков, создается впечатление, что она находилась именно в западном районе.

Как указывалось выше, на втором году своего царствования Мурсили II вел борьбу в "Верхней стране", в частности в Типии. Видимо, как раз в это время и "восстала" Исхупитта. Поэтому Мурсили оставил эти места, возвратился сначала в город Хаттусу, а потом направился в "страну" Исхупитту. Ясно, что Исхупитта была расположена не в "Верхней стране" и не в близлежащем с ней районе, так как в противном случае Мурсили II не пришлось бы возвращаться в город Хаттусу, а потом уж отправляться в Исхупитту. Если бы она была в восточной части страны касков, он прямо из "Верхней страны" мог бы попасть в Исхупитту. Бесспорно, Исхупитта располагалась в другом краю.

Это подтверждается также содержащимися в "Автобиографии" Хаттусили III сведениями о нашествии касков на Хеттское государство. Исходя из этих сведений, область нашествия касков надо делить на три зоны (группы)[105]. В первую зону входят Писхуру, Исхупитта и Даистипасса, воины (отряды) которых после захвата Маристы и Ланды глубоко вторглись в Хеттское царство, перешли р.Галис и атаковали "страну" Канес (современный Кайсери)[106]. Ко второй зоне относятся ^{URU}На[.....], Курустама и Гацциура (названия других пунктов повреждены). Каски из этих областей захватили "разгромленные города"(?) хеттов[107]. К третьей зоне принадлежит Турмитта, откуда двинулись отряды касков, захватившие оккупированную хеттами Тухуппию. Так как "страна" Иппасанама была разорена, "враг" двинулся на Суватару. В "Автобиографии" также указано, что спаслись только Истахара и ^{URU}[.....][108].

---

105. A.Götze, Bemerkungen zu dem hethitischen Text AO 9608,.., S.25.

106. Hatt., II,2-7.

107. Ibid.,II,S.8-9.

108. Ibid.,II,10-14.

Надо полагать, что указанные в "Автобиографии" пункты перечислены с запада на восток[109]. Так, например, как было показано выше, Турмитта находилась в районе верхнего течения р.Галис. Таким образом, указанный в "Автобиографии" пункт третьей зоны Турмитта находился на востоке. Выше отмечалось и то, что Гацциуру следует обозначить на месте современного города Турхала, а Курустаму - к юго-востоку от Гацциуры. Вследствие этого пункты второй зоны каскского нашествия Гацциура и Курустама располагаются к западу от Турмитты. Надо предполагать, что на территории к западу от Гацциуры находились пункты первой зоны каскского нашествия. По-видимому, составитель "Автобиографии" Хаттусили Ш начал перечень населенных пунктов с тех, которые находились ближе к центру Хеттского государства. Он отметил сначала пункты, расположенные к северу от территории хеттов, т.е. районы, входившие в западную зону нашествия касков, а потом последовательно упомянул пункты, находившиеся к востоку[110].

Таким образом, не может быть сомнения в том, что Исхупитта должна быть помещена в западном районе территории касков. Это предположение подкрепляется также соображениями некоторых исследователей, которые считают, что Исхупитта, очевидно, находилась вблизи современной Амасии[111].

На пути из города Хаттусы в этот пункт надо искать еще один заслуживающий внимания район - "страну" (племя) Палхуиссу (K U R URU Palḫuišša), расположенную в таком месте, откуда можно было

---

109. Ср. A.Götze, Bemerkungen zu dem hethitischen Text AO 9608.., S.26 ff.

110. С запада на восток идет также перечисление упомянутых в другом месте "Автобиографии" пунктов Исхупитты, Маристы, Хиссасхапы, Катапы, Ханханы, Дарахны, Хаттены, Турмитты, Палы, Тумманны, Кассии, Сапы (см.: Ḫatt., II,57-60).

111. J.Garstang, Hittite military roads..,p.54; ср.: Я.А. Манандян, О некоторых спорных проблемах..., стр.114.

связаться и с Исхупиттой, и с Писхуру. Как уже отмечалось, одна из выходивших отсюда дорог вела в Истахару[112]. Надо подчеркнуть, что находящаяся к югу от Исхупитты территория соответствует всем этим данным. Так, например, в то время как на Мурсили II напал "враг /из/ Писхуру", Мурсили II воевал в Палхуиссе[113]. Видимо, Писхуру был не особенно далеко от Палхуиссы. В "Автобиографии" же Хаттусили III мы встречаем Писхуру рядом с Исхупиттой[114], что дает нам основание предполагать, что Писхуру занимал в то же время и окрестности Исхупитты. Как увидим ниже, Писхуру должен был находиться поблизости и от "страны" Таггасты, локализуемой в нижнем течении р.Галис. О связи Писхуру с Маристой в "Автобиографии" говорится дважды[115]. Как полагают, Мариста занимала окрестности современного города Чорум. Поэтому, возможно допустить, что Писхуру находился к югу от Амасии и непосредственно был связан с Палхуиссой.

С Палхуиссой были связаны также и другие пункты, как, например, Куццастарина и Анцилия[116], последняя лежала к югу от Палхуиссы. Такая локализация Анцилии подтверждается тем фактом, что Анцилия, как явствует из "Автобиографии"[117], связана с Тапиккой (^{URU}Tapikka), располагавшейся на северной окраине хеттской территории. Восточный район нижнего течения р.Галис занимала входившая в объединение племен касков "страна" Таггаста[118] (KUR ^{URU}Taggašta), на территории которой находился и "город" Таггаста[119]. "Страна" Таггаста упоминается рядом с такими пунктами этого края,

---

112. KBo, III 4,II,1 и сл.; 2 BoTU, 44 I,1 и сл.

113. KBo, III 4,II,2-3.

114. Ḫatt., II,3.

115. Ḫatt., II,3-4; II,31-32.

116. KUB, XIV 16,II,13,20.

117. Ḫatt., II,48-49.

118. Возможно, Takkušta каппадокийских таблеток.

119. KBo, V 8,28.

как Писхуру, Исхупитта, Мариста, Карахна, Каттитимува и многими другими.

Можно допустить, что "страна" Таггаста лежала в непосредственной близости от Писхуру, к северу от него. Так, например, судя по "Автобиографии" Хаттусили Ш, после того как "враг /из/ города Писхуру" временно захватил близлежащие территории, "с той стороны" с ним граничила Таггаста, а "с этой стороны" - Талмалия[120]. Возможно, выражение "с той стороны" подразумевает находящуюся на севере территорию. Во всяком случае, оно указывает на сторону, лежавшую дальше от хеттов. Вероятно, "страна" Таггаста была отдалена от пограничной линии между каскаами и хеттами. В "Пространных анналах" Мурсили П относительно пунктов, расположенных вблизи страны Таггасты, мы читаем, что ни один царь хеттов не достигал этих мест[121]. Кроме того, источники подтверждают, что Таггаста не находилась в непосредственной близости с хеттами. Обнаруживается ее близость только к таким пограничным пунктам, как Мариста, Карахна[122] и Саддупа, но о связи этих пунктов говорится лишь тогда, когда указанные пункты были захвачены "страной" Таггастой во время одного из вторжений. Не подлежит никакому сомнению, что непосредственного соседства у Таггасты не было и с этими пунктами. Источники указывают лишь на близость к ним Писхуру и Исхупитты. Хотя Таггаста и оказывается близкой к Писхуру, однако ясно, что она граничила с ним не со стороны Мариста, Карахны и Саддупы, которые находились к югу от Писхуру. Наиболее вероятно расположение Таггасты к северу от Писхуру, причем в этом случае она должна была граничить и с "Красной рекой"[123] (нижнее течение р.Галис).

---

120. Hatt., П,32-33.

121. KBo, У 8,I,37.

122. Ср. Я.А.Манандян, О некоторых спорных проблемах...,стр. 116.

123. KBo,П 5,П,1 и сл.

Таким образом, район нижнего течения р.Галис, в частности территория вокруг современного Мерзифона[124], был занят Таггастой и соседними с ней населенными пунктами.

На подступах к Таггасте, бесспорно к югу от нее, лежала Каттитимува (^{URU}Kattitimuua), за которой начиналась территория "страны" Таггасты (направившись воевать с Таггастой, Мурсили за одну ночь оказался в Каттитимуве. В источниках не указано, откуда шел Мурсили II - из города Хаттусы или какого-либо пункта к северу от столицы хеттов. Выяснение этого вопроса помогло бы уточнить локализацию не только самой Каттитимувы, но и Таггасты, и близко расположенных от них населенных пунктов. Вокруг Таггасты находилось множество разных каскских пунктов: о них подробно рассказывает Мурсили II в "Пространных анналах". Так, например,во время похода на 19-м году царствования Мурсили II пришлось столкнуться с племенами ("странами") Исталуппой (K U R ^{URU}Ištaluppa), Таккувахинной (K U R ^{URU}Takkuuaḫinna), Тахантаттипой (K U R ^{URU}Tahantattipa), недалеко от которых следует искать Каппуппу (K U R ^{URU}Kappuppa; вариант K U R ^{URU}Kappuppuua). Рядом с Таккувахинной следует поместить и "страну реки Куммесмахи"[125].

На 25-м году царствования Мурсили II снова воевал в упомянутых местах. Кроме известных нам пунктов, на этот раз он разгромил и другие. Перед началом похода Мурсили прямо заявил, что он отправляется воевать против касков этой области[126]. Мурсили II жестоко расправился с каскскими племенами Исталуппой, Каппуппувой, Хутпой (K U R ^{URU}Ḫutpa), Цагапурой (K U R ^{URU}Zagapura), Касипой (K U R ^{URU}Kasipa), и после перехода горы Гапагапы ($^{ḪUR.SAG}$Gapagapa) вышел к Тахантаттипе, Таккувахинне и к реке Куммесмахе[127].

I24. J.Garstang, Hittite military roads...,p.54.

I25. KBo, V 8,I,29-42.

I26. KBo, II 5,II,4-5.

I27. KBo, II 5,II,6-42.

Все перечисленные здесь пункты следует искать в окрестностях Таггасты. Не подлежит сомнению, что эти пункты лежали на довольно обширной территории между нижним течением р.Галис и р.Ешиль-Ирмак. Интересно, что Мурсили II во время военных экспедиций не достиг берегов р.Галис, так как он не упоминает "Красной реки" (хотя можно допустить, что некоторые из указанных географических единиц территориально примыкали к р.Галис). Мурсили II упоминает р.Куммесмаху, имя которой носит и сама "страна", но бесспорно, что это не р.Галис. Куммесмаха (какая-то маленькая река или приток, может быть Сулу-Ова, но,возможно, что так обозначался либо Ешиль-Ирмак (Ирис), либо Кельки-Ирмак [128]. Если это принять во внимание, тогда можно предположить, что некоторые из рассмотренных выше пунктов располагались к востоку от Мерзифона (особенно "страна реки Куммесмахи"). Большинство же из них скорее всего находилось к северу от Таггасты, в той области, которой ни один из хеттских царей не достигал.

В заключение следует отметить, что число населенных пунктов касков, не исчерпывается перечисленными географическими названиями. Пока нет возможности приблизительно локализовать находившиеся,вероятно,на каскской территории пункты: Парпарра (^{URU}Parparra)[129], Алмина (^{URU}Almina)[130],Тухупурпуна(^{URU}Tuhupurpuna)[131],

---

128. Особо следует обратить внимание на вариант Куммесмаха = Кельки-Ирмак. Как известно, во времена Лабарны и Хаттусили I река Куммесмаха являлась границей между хеттами и касками.Трудно представить,что идущая с юга на север р.Чекерек-Ирмак была границей; это могла быть скорее всего или р.Кельки-Ирмак, или имеющая такое же направление другая небольшая река Ешиль-Ирмак (Ирис).

129. 2 BoTU. 41 лиц.I,13.

130. Ibid., строка 4,6.

131. Ibid., строка 2.

Атхулисса (^{URU}Atḫulišša)[132], Цихаррия (K U R ^{URU}Ziḫarriia)[133], Касула (^{URU}Kašula)[134], гора Тарикаримму ($^{HUR.SAG}$Tarikarimmu)[135], гора Цуккуки ($^{HUR.SAG}$Zukkuki) [136], гора Кунтия ($^{HUR.SAG}$Kuntiia)[137], Тивара (^{URU}Tiuara)[138] и многие другие.

Таким образом, каски были расселены на довольно обширной территории. Нам известны лишь те каскские пункты, до которых хеттам случалось доходить или из которых на хеттскую территорию происходили нападения. Поэтому, если судить по локализации рассмотренных выше географических пунктов, то перед нами представится только часть территории касков, широкой полосой проходившая вдоль границ Хеттского царства. Правда, местами (особенно на западе), хетты глубоко вторгались на территорию касков, но им все же не удавалось распространить свое политическое влияние на все районы их расселения. Как известно, Лабарна и Хаттусили I были первыми из тех, кто не дал каскам возможности перейти р. Куммесмаху (KUB, XXI 29, П,4), т.е. спуститься к югу. Конечно, это указывает на то, что за р.Куммесмахой, на территории, лежавшей далеко на север от хеттов и простиравшейся, может быть, до побережья Черного моря, жили каскские племена. Бесспорно, хетты не сумели завоевать эти места ввиду ожесточенного сопротивления касков[139].

---

132. Ibid.

133. KBo, Ш 4,Ш,57,65. - По Я.А.Манандяну, Зихария может быть сопоставлена с современным Захал, в 25-30 километрах к юго-востоку от Кангала [см.: Я.А.Манандян, О некоторых спорных проблемах..., стр.88].

134. 2 BoTU, 41 I,33; 42 I,4-5.

135. KBo,III 4,III,58.

136. 2 BoTU, 41 I,1.

137. Ibid., строка 11.

138. KUB, XXIII 11, об.III,16.

139. Хеттское государство было очень заинтересовано в территории, расположенной к северу от города Хаттусы (особенно по на-

Правда, и вопрос о том, как далеко на юг простиралась территория касков, нельзя решить точно, но все же об этом можно высказать кое-какие предположения. По приведенным выше данным можно заключить, что территория касков спускалась до линии Чорум - Турхал - Сивас - Кангала. Следует предположить так же, что по этой линии проходила непрочная граница между касками и хеттами, пункты которой в основном представляли собой находившиеся в подчинении хеттов политические единицы касков.

правлению от Богаз-кёя к Самсуну). Для захвата ее оно организовывало множество военных экспедиций. Как указывалось, во времена Мурсили II хетты довольно глубоко вторгались в западные районы касков, хотя в источниках нет намека на то, что они достигли моря в этой области (и это категорически утверждать нельзя так как текст, где речь идет о походе на другие пункты этого района, поврежден, см.: KBo, II 5,II,17 и сл., 42 и сл.). На область, расположенную к северу от города Хаттусы, хетты обращали внимание со времени "Древнего царства". То, что Лабарна (1650) и Хаттусили I (Лабарна II - 1650-1620) действительно организовывали походы на север, подтверждается составленной позднее надписью - KUB, XXI 29,II,4 и сл., о чем уже шла речь выше (см. также J.Friedrich, Staatsver. S.85, Anm.B.1,2). Однако мы не знаем, достигли ли они Черного моря (см.: М.И.Максимова, К вопросу о выходе хеттов на Южный берег Черного моря, ВДИ, 1948, № 4, стр.24-34). - Следует также отметить, что засвидетельствованное в хеттских надписях слово 'море' (arunaš) всегда указывает на Средиземное море. Но внимание привлекает указание в хеттском тексте KUB,XI 23,VI,8-11: nu ki-iz-za a-ru-na-aš /i/r-ḫa-an ú-e-mi-iš-ki-id-du ki-iz-zi/-i/a a-ru-na-aš /i/r-ḫa-a/n/ ú-e-mi-iš-ki-id-du: 'И с этой стороны пусть /он/ /Лабарна/ достигнет границы моря, и с той стороны пусть /он/ достигнет границы моря'. Бесспорно, в этом случае имеется в виду как Средиземное, так и Черное море. Из надписи видно, что Лабарна мог расширить свои владения

Часть восточной границы касков проходила по линии Кемах - Эрзинджан (вдоль р.Кара-Су), где она, как уже указывалось, соприкасалась с территорией Аццы-Хайасы. Хеттскими источниками не подтверждается существование в этом районе какой-либо граничащей с касками другой страны.

Районы расселения касков на запад распространялись до нижнего течения р.Галис. Возможно, они простирались немного дальше, к западу от нижнего течения этой же реки, хотя, как справедливо указывают некоторые исследователи, об этом в хеттских источниках нет ничего определенного. А.Гётце, Э.Кавеньяк и другие допускают возможность наличия касков к северо-западу от Хеттского государства. К такому заключению в основном они приходят в результате предполагаемой ими локализации некоторых пунктов хеттской географии. В частности, Пала и Тумманна ими помещены в западном районе нижнего течения р.Галис, в Пафлагонии. Подобная локализация, конечно, приводит к мысли о распространении каскских племен на указанной территории. Именно поэтому и ищут территорию страны Турмитты по дороге из Богаз-кёя в Самсун. Но, как отмечалось, связь Турмитты с Исувой исключает ее расположение в Пафлагонии. Это же в свою очередь указывает на невозможность локализации в Пафлагонии связанных с Турмиттой стран Палы и Тумманны[140]. Поэтому, кажется сомнительным расселение касков к западу от нижнего течения р.Галис, тем более что источники не дают какого-либо заслуживающего внимания сообщения о локализации каскских пунктов в этом районе.

до морей, расположенных как "с той", так и "с этой" стороны. Но текст не говорит нам, насколько он сумел использовать эту возможность. Как нам кажется, на этот вопрос уже дан ответ в упомянутом выше тексте KUB, XXI 29,II,4, из которого можно заключить, что Лабарне не удалось достигнуть берегов Черного моря. На севере он достиг только р.Куммесмахи.

140. Hatt., II,59.

Не оправданы поиски основной массы племен касков на огромной территории между р.Галис и Эгейским морем, по направлению к Трое и Нинфи (Э.Кавеньяк), так как такое предположение не подтверждается хеттскими источниками. По-видимому, в этой части Малой Азии жили не каски, а совершенно другие племена. Разумеется, при локализации интересующих нас племен (касков) следует обратить внимание и на письмо Аменхотепа III (1455-1424), адресованное к царю Арцавы, в котором фараон просит царя Арцавы послать в Египет касков[141]. Но, исходя из этого письма, нельзя утверждать, что основная масса каскских племен проживала на территории именно к западу от Хеттского царства, откуда должны были быть отправлены каскские воины в страну Арцаву[142].

Заслуживает внимания тот факт, что в эпоху Аменхотепа III стране Арцаве удавалось заполучить каскские отряды. Но в источниках нигде нет указания, каким путем они отправлялись на территорию Арцавы. Трудно себе представить, чтобы этот процесс совершался путем войны, так как между Арцавой и каскской страной не существовало такой территории, на которой можно было вести постоянную войну. Более близко к истине предположение, что царство Арцавы нанимало отряды каскских воинов. Пути же их следования нужно искать совершенно в другом направлении, а не на западе от р.Галис.

Нужно учесть, что отправка в южные районы Малой Азии наемных касков была не всегда возможна. Письмо Аменхотепа III относится к середине XУ столетия до н.э., ко времени ослабления Хеттского государства. Видимо, именно в это время удалось Арцаве нанять большое количество каскских воинов.

---

141. J.Knudtzon, Die El-Amarna-Tafeln, Leipzig, 1915, № 31; см. также: E.Forrer, Forschungen, II,1, Berlin, 1926, S.60.

142. E.Cavaignac, L'extension de la zone des Gasgas à l'Ouest, RHA, I,4. 1931, p.104.

Когда могущество "Древнего царства" было ослаблено, главными соперниками хеттов (после хурритов) являлись каски. В указанный период ослабевшее Хеттское царство ничего не могло предпринять с целью предотвратить нашествие касков. Они, по-видимому, достигали и южных районов территории хеттов. В этом отношении наше внимание привлекает один важный источник - KBo, VI 28, I,6-I5; в нем описано, как в период бессилия Хеттского государства его притесняли различные враги. Здесь мы читаем, что каски вновь вторглись в Хеттское государство и границей сделали Ненассу (^{URU}Nenaššaˀ). Арцава причинила хеттам большой урон, разрушив часть страны хеттов и установив границу по Тувануве (^{URU}Tuḫanuḫa) и Уде (^{URU}Uda). Хетты не смогли также остановить и врагов, вторгшихся с востока. Так, например, "враг /из/ города Араунны" (^{LÚ}K Ú R ^{URU}Araunna) полностью разрушил страну Кассию, а "враг /из/ города Исувы" (^{LÚ}K Ú R ^{URU}Išuḫa) - Тегарамму. Огромный ущерб нанес хеттам и "враг /из/ города Арматаны" (^{LÚ}K Ú R ^{URU}Armatana). Выясняется, что он разгромил разные страны хеттов и превратил в пограничный пункт Киццуватну. Воспользовался случаем и живший далеко на востоке от Хеттского царства "враг /из/ города Ацци" (^{LÚ}K Ú R ^{URU}Azzi), который также разрушил все "верхние страны", а Самуху "сделал своей границей". Таким образом, территория Хеттского государства после потери огромных районов к югу, востоку и северу значительно уменьшилась. В данный период она ограничивалась лишь центральной частью Малой Азии.

Особый интерес для нас представляет факт вторжения касков на хеттскую территорию и указание о том, что они "сделали Ненассу своей границей". По-видимому, каски потеснили хеттов вдоль всей северной и северо-восточной границы. Отмеченный в тексте факт разгрома касками "стран Хатти" (во множественном числе) должен указывать на их вторжение на обширную территорию. При этом они должны были глубоко вторгнуться на территорию Хатти, - по-видимому, по одному определенному направлению, в частности по направлению к Ненассе. Создается впечатление, что каски почему-то

особое внимание обратили на этот пункт. Возможно, это было вызвано стратегическим положением Ненассы.

Естественно, мы не можем поместить Ненассу[143] на территории к югу от среднего течения р.Галис, как это делает большинство исследователей. Поскольку каски "сделали границей Ненассу", трудно представить, что она располагалась на южной окраине Хеттского государства. Ненассу надо искать, бесспорно, в северных районах страны Хатти[144], в частности на территории к востоку от города Хаттусы. По всей видимости, местонахождение Ненассы связывалось с идущими на юг военными и торговыми путями. Именно поэтому каски должны были уделить особое внимание этому пункту и превратить его в пограничный. Пользуясь слабостью хеттов, каски, по-видимому, доходили до соседних южных районов[145], контролируя идущие на юг пути[146].

Захват касками путей, идущих на юг, был вызван, возможно, стремлением установить желанные для них отношения с Арцавой. Именно на это должен указывать тот факт, что в данный период каски могли установить контакт с Арцавой.

Это подтверждается следующим соображением. Как известно, Арцавское царство хотело захватить в свои руки территории, нахо-

---

143. Название этого пункта встречается в каппадокийских таблетках в форме Ninaššа /см.: G.Contenau, Tablettes cappadociennes, 72,19 и сл.; G.Eisser, J.Lewy, Die altassyrischen Rechtsurkunden vom Kültepe, MVAG, XXXIII, 1930. S.128/.

144. F.Sommer, Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947, S.14.

145. Известно, что каски и в поздние времена глубоко вторгались на хеттскую территорию. Так, например, во время Муваталли (1306-1282) они дошли до страны Канес (современный Кайсери) и опустошили ее пограничные районы /см.: Hatt., II,3 и сл./.

146. Подтвержден также факт захвата касками перекрестка других стратегических дорог, в частности захват проходящих через Асхарпайю дорог из Палы /см.: KBo,III 4,III,39-40/.

дившиеся на севере. После того как отряды Арцавы разгромили "страны" Хатти, они, как уже отмечалось, "сделали границей" Тувануву и Уду. Почти все исследователи отождествляют эти пункты с Тианой (Tyana) и Гидой (Hyde, вблизи современного города Нигде) классического периода. Видимо, из этих пунктов воины царства Арцавы устраивали набеги на пограничные области хеттов и захватывали их. Район, расположенный к северу от Тувануву и Уды, обращал на себя внимание и как узловой район, где скрещивались идущие в разных направлениях (в том числе и на север) военные и торговые пути. Ясно, что в интересующую нас эпоху хетты не смогли бы контролировать ту территорию среднего течения р.Галис,где сходились эти дороги. По всей видимости, установление взаимоотношений с касками, без которых невозможно было удовлетворить просьбу фараона о посылке в Египет каскских отрядов, требовало от Арцавы приобретения политического влияния в данном районе.Для осуществления этой задачи Тувануву и Уда должны были превратиться в опорные пункты.

Учитывая изложенное выше, возможно допустить, что с периода распада "Древнего царства" до времен "Нового царства" районы действия касков и арцавцев должны были находиться в юго-восточном углу центральной части Малой Азии, приблизительно на линии Нигде - Кайсери и севернее последнего. Следует подчеркнуть, что такая ситуация могла создаться только в эпоху ослабления Хеттского государства (I500-I400). После того как завоевательная политика царей "Нового царства", которую с успехом осуществляли Суппилулиума и Мурсили II, восстановила утраченную мощь хеттов, уже стало невозможным поддерживать какой-либо контакт между касками и Арцавой. И действительно, в источниках со времени царствования Тудхалии III (I400-I385) вплоть до падения Хеттского государства (приблизительно I200 г.) нет даже намека на какую-либо связь между этими двумя странами. Как явствует из источников, грабеж каскского населения был монополией Хеттского государства.

Таким образом, как это и признается некоторыми исследователями, понятию "каска" соответствует обширная территория, но ее нельзя искать на западе Малой Азии, от р.Галиса до Эгейского моря. Эта территория, бесспорно, была расположена к северу и северо-востоку от Хеттского государства.

x x x

Рассматривая каскские географические и другие названия, нельзя не обратить внимания на их лингвистическую структуру. Анализ ее может оказать помощь в выяснении вопроса об этнической принадлежности касков.

Нередки случаи, когда ряд элементов каскских географических и других названий находит объяснение на материале хаттского (протохеттского) языка. Особого внимания заслуживает и то, что для общего обозначения племен, живших к северу и северо-востоку от Хеттского государства, употреблялось название "каска", которое также находит объяснение на хаттском языковом материале. Ввиду всего этого, как нам кажется, предположение отдельных исследователей о языковой связи между касками и хаттским миром[147] правильно.

О происхождении этнического термина "каска" в хеттских источниках ничего не говорится. В них мы не находим указания на то, употребляли ли это название сами каскские племена. Но на основании некоторых отмеченных ниже обстоятельств следует заключить.

---

147. E.Forrer, Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient préhistorique, JA,CCXXVII,2,1930,p.229; П.Н.Ушаков, Хеттская проблема. К вопросу о генезисе и взаимоотношениях индоевропейских и картвельских языков ("Труды Тбилисского государственного университета им.И.В.Сталина", ХУШ,1941), стр.90; Г.А.Меликишвили, Наири-Урарту, стр.73,410.

что оно скорее является именем местного, каскского происхождения, чем термином, введенным хеттами-неситами.

"Каска" первоначально, возможно, было или названием одного из племен древнейшей Малой Азии, или же каким-нибудь словом местного происхождения, которое легло в основу общего обозначения интересующей нас группы племен.

Можно думать, что первоначально (до "Древнего царства", в период каппадокийских таблеток) "каска" могло быть названием одного определенного племени. Выдвижение этого племени и распространение его власти на соседние родственные (а потом, может быть, и неродственные) племена, с течением времени вызвали гегемонию племен "каска" над обширной территорией. Этот период должен был длиться довольно долго. Допустимо, что в конечном итоге именем этого сильного, руководящего племени начали называться и многие другие племена. Ко времени возникновения Хеттского государства (если не раньше) этот процесс, очевидно, завершился, и название "каска" превратилось в общее собирательное обозначение племен, проживавших к северу и северо-востоку от территории хеттов.

Но в связи с рассматриваемым вопросом нельзя не обратить внимание на одно интересное обстоятельство. На языке страны Хатти для обозначения луны употреблялось слово каску (kašku) [148], которое в то же время обозначало бога луны (^{d}Kašku). В хеттских источниках нет ни одного другого слова, так близко стоящего по своему звуковому составу к "каска". Создается впечатление, что термин "каска", возможно, находится в тесной связи со словом хаттского происхождения "каску".

Содержание слова "каску" не препятствует предположению о том, что оно могло лечь в основу интересующего нас имени. Возможно, что первоначально это имя носило одно какое-нибудь поклонявшееся луне племя, а впоследствии - созданное им объединение племен. Воз-

---

148. L. DH, p.28.

можность происхождения имени "каска" от "каску" наводит на мысль, что и в поздний период в каскском племенном объединении мог бытовать культ луны[149]. Поэтому допустимо, что употребляемое в хеттских источниках название "каска" означает "почитающий луну народ".

Для нас тут наиболее интересно то, что этимологическое разъяснение имени "каска" можно найти лишь на почве хаттского языка. А это указывает на местное, хаттское происхождение этого имени. Племена же, носившие это название, конечно, должны считаться древнейшими жителями Малой Азии.

То, что название "каска" ведет нас в древнейший период истории Малой Азии, подтверждается также следующим обстоятельством. Окончание этого этнического названия[150] выявляет сходство с такими известными из хеттских источников именами каскской ономастики, как "Дуддуска", "Циянтиска", "Хумintеска", "Таттиска"[151], которые следует признать именами хаттского происхождения (обращает внимание и то, что, по анналам Мурсили II, Дуддуска являет-

---

149. В хеттских источниках, к сожалению, не засвидетельствован факт бытования культа луны у каскских племен, но заслуживает внимания, то обстоятельство, что в районах, населенных в хеттскую эпоху касками (особенно в Понте), в эллинистическое и римское время было распространено почитание луны (см.: А.И.Болтунова, К вопросу об Армази, ВДИ, 1949, № 2, стр.238; см. также: J.B.McMinn, Fusion of the gods: a religion-astrological study of the interpenetration of the East and the West in Asia Minor, JNES, XV, 4, 1956, p.206; см.также E.Laroche, Divinités lunaires d'Anatolie ("Revue de l'histoire des religions",CXLVIII, 1, 1955)).

150. Указывают на то, что "каска" выявляет звуковое сходство с именем черкесского народа, которое передавалось в формах "кашаг" древнегрузинских, "касоги", κάσακα византийских и الكاشاكى,كشك арабских источников.

ся одной из главных "стран" касков). Кроме этого, много общего с древнейшим миром Малой Азии - с хаттским миром - имеет не только само слово "каска", но и многие другие каскские названия. Этот факт не может быть объяснен как следствие культурно-политического влияния протохеттов (хаттов) на каскские племена. Более вероятно, что основное ядро каскских племен было близко родственным хаттам, и это прекрасно подтверждается анализом каскской ономастики.

Выясняется, например, что о к о н ч а н и я каскских названий почти идентичны с окончаниями древнейших географических названий Малой Азии, известных нам по каппадокийским таблеткам. Так, например, суффиксы -iia, -ka, -na, -pa, -ra, -s, -ss-(-šš-), -ua (-uua), -t /-at, -it, -ut; в поздние времена в результате назализации получаем-ant (-anda), -int (-inta), -unt (-unta)/[152] таких географических названий каппадокийских таблеток, как Kiš-šiia[153], Ušhaniia(Uashaniia), Šulupka, Abarna, Burušna(ium), Di-kurna, Tišmurna, Zalpa, Kuššara, Tibira, Hattuš, Kaniš, Ninaš-ša, Bališša, Ušša, Akuua (Amkuua), Šalahšuua, Kuburnat, Badu-at(um)[154], Burushat(um), Barshuhunta, Puranda, Burut(um), Šawit, Turhumid и другие встречаются в следующей форме-anda, -iia, -ka (-ga, -ki), -na, -pa, -ra, -sa, -ssa, -ua (-uua), -ta (-itta < -inta <-nd < -t)и др., в каскских названиях: Hinnariuanda, Da-

---

I5I. Своим окончанием обращает на себя внимание и название, встречающееся в древневосточных источниках позднего времени - "муски", вероятно, древнего малоазиатского происхождения.

I52. О некоторых из этих суффиксов см.: I.J.Gelb, Inscriptions from Alishar and vicinity, p.I5; F.Sommer, Hethiter und Hethitisch, S.I3 ff.; Г.А.Капанцян, Суффиксы и суффигированные слова..., стр.5 и сл.

I53. ^{URU}Kaššiia хеттских источников(?).

I54. ^{URU}Parduuata каскской ономастики(?).

ruka, Zukkuki, Almina, Humeššena, Ḫurna, Ḫešḫašpa, Ištalupa, Kappuppa, Gazzapa, Saddupa, Tiu̯ara, Daḫara, Taḫašduu̯ara, Atḫulišša, Daḫaḫpiliša, Zazziša, Ii̯aḫrešša, Piggainarešša, Gakiušša, Katteš̆ḫišša, Palḫuišša, Kantiššiša, Iu̯atallišša, Karašuu̯a, Kattitimuu̯a, Tapapanuu̯a, Zimummuu̯a, Ḫattenzuu̯a, Kattḫaidduu̯a, Taggašta, Išḫupitta, Kišmitta, Takkumitta и др.

Кроме этих суффиксов, в каскских названиях засвидетельствован и ряд других. Например, много имен оканчивается на -la: Ḫaišeḫla, Kašimula, Kašula, Mala, Timmuḫala. Суффиксы -ma[155], -mu встречаются в следующих именах: Kuruštama, Tarkuma, Tarikarimmu и др. Несколько имен каскских пунктов содержит суффикс -ḫa[156] (его можно связать с суффиксом -ka): Kummešmaḫa, Tašmaḫa (ср. Šammaḫa, Kummaḫa) и др.

Как видим, не приходится сомневаться в идентичности суффиксов древнемалоазиатских и каскских названий. В то же время заслуживает внимания появление в каскской ономастике таких суффиксов, как -anda, -sa и, в особенности, -ssa(-σσ-), ставящих под сомнение индоевропейское происхождение указанных суффиксов. Существование этих суффиксов в каскских именах, возможно, указывает на их хаттское происхождение[157].

Но интересующий нас вопрос не решается лишь выявлением в каскской ономастике суффиксов, характерных для древнейших географических названий Малой Азии. Прежде всего следует отметить,

---

155. Г.А.Капанцян, Суффиксы и суффигированные слова..., стр. 15 и сл.

156. Там же, стр.25 и сл.

157. О возможности неиндоевропейского происхождения суффикса -ss-, -σσ см. работы Т.В.Гамкрелидзе: "Неиндоевропейские элементы хеттского (неситского) языка" (Автореферат кандидатской диссертации), Тбилиси, 1956, стр.6; "О некоторых неиндоевропейских элементах в хеттском (неситском) языке" ("Сообщения АН Грузинской ССР", т.ХУП, № 5, 1956, стр.467 (на грузинском языке).

что несколько каскских имен имеют и хаттские префиксы. Хаттский именной префикс aš-, содержащийся, например, в хаттском слове aš̲uur (см. также Aš̲haluga), где u̯ur 'страна', выделяется, по всей вероятности, и в названии одного из каскских пунктов - Aš̲harpaiia (здесь древнемалоазиатский суффикс -iia, о котором уже говорилось выше). Основу же слова -ḫarpa- возможно отождествить с хеттско(-неситским) словом неиндоевропейского происхождения GIŠḫarpa 'алтарь'[158].

Известно, что в хаттском языке существовал также и префикс ḫa-[159] (см. имя бога хаттского происхождения ḫalipinu = ḫa+li+pinu) который, возможно, есть в каскском ḫalila (-lila, ср. ziulila). Хаттский префикс ti/e- (см. Telipinu = te+li+pinu) можно выделить и в каскском Tiu̯ara.

Многие каскские названия состоят из хаттских слов.

Э.Форрер давно установил, что слово ura по-хаттски означало 'источник'[160]. Оно засвидетельствовано в именах Tiura и Teliura, для которых общим является также ti/e-. Префикс -li- представляет собой хаттский формант, образующий множественное число. Поэтому Tiura переводится как '/город/ источника', а Teliura '/город/ источников'[161]. Это хаттское слово имеется в названии пункта, расположенного в центральной части расселения каскоз - Gazziura. Надо полагать, что и первая часть этого имени gazz(i) - хаттского происхождения[162], несмотря на то что его значение еще неизвестно. Это слово в форме gazz(a) встречается и в других географических названиях (Gazzapa); ura ('источник') входит также в название пункта, расположенного в западном районе каскоз —

---

158. Fr , HW, S.59.

159. L, DŲ, p.2I.

160. E.Forrer, Quelle und Brunnen in Alt-Vorderasien ("Glotta", XXVI, 3-4, Göttingen, 1938), S.197.

161. Ibid.

162. См. Гр.Капанцян, Хайаса - колыбель армян, стр.46,прим.1.

- Zagapura (как известно, и на территории Ацци-Хайасы находился город Ura).

В каскских названиях Kapperi, Kappuppa, Gapagapa выделяется слово gap (kap), означающее по-хаттски 'небо'[163].

Установлено, что на хаттском языке 'царь' назывался katte, а 'царица' kattaḫ[164], где -ḫ суффикс, образующий имена женского рода. Интересно появление в некоторых каскских именах и этих слов. Так, например, слово 'царь' встречается в таких именах, как Kattešḫišša и Kattitimuṇa, а 'царица' - в Kathaidduṇa и Kathariiṇa, из которых обращает на себя внимание особенно Kattešḫišša. Его первая составная часть, как уже отмечалось, хорошо известна. Окончание -issa -, это суффикс -ss-[165], засвидетельствованный и в других каскских именах (Gakiušša, Iṇatalliššа, Piggainarešša, Iiaḫreššа). Суффикс -sḫ-, возможно, хаттского происхождения) в каскских именах Ḫuminteška, Ziantiška, Tattiška имеется тот же суффикс -sḫ-. Общее для этих имен окончание -tiška /-teška следует разделить на суффиксы -ti- и -ška, последний соответствует суффиксу -sḫa- или -sḫ-).

От хаттского слова ḫattu 'серебро'[166] происходят многие имена. Оно встречается как в географических названиях, так и именах божеств. Известны, например, имена божеств: Ḫatepiša, Hatenzaṇu или же людей: Ḫattiia, Ḫatešukima, Ḫatmuna [167] и т.д. От этого слова происходит и название самой столицы хеттов. Примечательно, что имя, содержащее это же слово, имеется и в стране касков: Ḫattenzuṇa (см. также пункт пограничной полосы Ḫattena). Ḫattenzuṇa следует расчленить на основу ḫatte-, с хаттским родитель-

---

163. Fr, HW, S.317.

164. Ibid., S.317.

165. Часты случаи, когда к основе-слову добавляется два окончания: Hume-ss-ena, Kant-iss-isa и др.

166. Ср. Fr , HW,S.316.

167. L, OH, p.20.

ным падежом -n- (см. хаттское u̯urunkatte 'царь страны')и элемент -zuu̯a[168].

Окончание хаттского родительного падежа -n-, по всей вероятности, содержится также в каскском слове Taḫantattipa. В нем, кроме окончания -pa, следует выделить tatti-, которое может быть хаттским tet(t)i 'большой'[169]. Остальная же часть имени стоит в родительном падеже; после удаления -n- получаем taḫa-, вероятно, взятое из хаттской лексики. Наличие этого же элемента в Daḫara, Taḫašduu̯ara, Taḫappišuna, Daḫaḫpiliša[170], Taḫaruel, Taḫatenuit, Taḫpiltanu[171], taḫagatteḫ, taḫašulit, Taḫatkuz[172] и т.д. явно должно указывать на его хаттское происхождение, хотя найти для него какую-либо этимологию пока что невозможно[173].

Признак хаттского родительного падежа -n-, возможно, имеется также и в именах божеств Taḫankulla, Ḫattenzau̯u, в названиях населенных пунктов Ḫuminteška (основа ḫumi-). Существует имя Ḫumeššena, в котором, кроме суффикса -na-, явно выделяется и суффикс -ss-, а оставшаяся часть является тем же словом ḫumi-, которое встречается в Ḫuminteška), Ziantiška и т.д. Основы их, аналогично ḫate-, следует искать в хаттской лексике.

Окончание -ka, образующее название местностей, имеется в каскском Darukka (Tarukka). В хаттской лексике нетрудно найти соответствующую этимологию для слова daru: оно означало 'бога грома

---

168. Ср. Г.А.Капанцян, Суффиксы и суффигированные слова..., стр.10, прим.1.

169. Fr , HT, S.318.

170. Имена каскских пунктов.

171. Имена божеств см.: L, DH, p.31-32.

172. L, DH, p.31.

173. Слово taḫa- может быть усмотрено в Ištaḫara, в котором выделяются префикс is- и суффикс -ra, образующий имена местностей.

и молнии'[174]. В то же время в хаттском языке существовал также и префикс ka- (например, в названии пункта Kamamma, находящегося на территории касков), а -mamma должно быть словом, обозначающим по-хаттски 'мать'[175]. Оно засвидетельствовано и в имени божества Amamma (в хаттском отмечается существование частицы a-)[176].

Заслуживает внимания также каскское название Ḫiššašḫapa, в состав которого входит хаттское слово ašḫap 'бог'[177]. Оно сохранено в таких хаттских именах богов, как Kattišhapi 'царь-бог', Tetišḫapi 'великий бог' и др. Так как в Ḫiššašḫapa образующий географические названия суффикс -p(a)- слит с последней согласной слова ašḫap[178], то данное название следует делить на части hišš +ašḫap+pa, из которых для нас неизвестно значение лишь ḫišš(a)-. Пока что нет возможности установить значение этого слова (или элемента), но бесспорно, что оно сохранилось как пережиток лексического запаса хаттского языка. Существование такого слова(или элемента) подтверждается и тем, что ḫišš(a)- наличествует также в имени Hešḫašpa[179], из которого, кроме интересующего нас элемента, следует выделить ḫaš- и окончание -pa. С другой стороны, наличие слова ḫaš- бесспорно подтверждается тем, что оно встречается в именах каскских пунктов Ḫašpina (ḫaš+pina), [...]ḫašpuna ([...] + ḫaš+puna, ср. pinu[180] 'мальчик'; 'ребенок')[181] и др.[182]

---

174. Fr, HW, S.318.

175. L, DH, p.42; Fr, HW, S.317.

176. L, DH, p.42.

177. Fr, HW, p.316, 319.

178. В противном случае суффиксом, образующим географические названия, остается только -a, что сомнительно.

179. Ḫišḫura включает также это слово ḫura, ḫuru; оно же встречается в имени Pišḫuru. Ср. Piškurunuš (ḫ / k).

180. puna/pinu; L, DH, p.34-35.

181. Fr , HW, S.317-318.

Хаттские слова можно заметить еще и в других названиях у касков. Слово tet(t)i 'большой', 'великий'[183], кроме имен божеств хаттского происхождения Tetepirian, Tetišḫapi 'великий бог', Titiutti, можно увидеть в названии такого стратегически важного пункта "Верхней страны", каким являлся Ištitina (Ištetena: префикс iš + titi + суффикс -na), а в одном каскском имени Ziḫarriia сохранено хаттское слово ziḫar 'дерево', 'лес', 'дрова'[184].

Следует подчеркнуть, что и некоторые другие каскские названия, очевидно, также состоят из хаттских слов, но значение многих из них невозможно пока установить. Это подтверждается и тем, что в индоевропейской хеттской лексике очень трудно найти их параллели и дать соответствующую этимологию. Поскольку большинство из них связано в определенных названиях с теми или иными элементами хаттского языка, вряд ли можно ставить вопрос об индоевропейском характере данных названий. Так, например, часто встречаются имена, в состав которых, как отмечалось, входит элемент taḫa- (daḫa-). Бесспорно, что это какое-то слово, так как в имени Daḫara оно дано вместе с образующим географические названия суффиксом -ra. Кроме суффикса -n- родительного падежа хаттского языка (Taḫantattipa, Taḫankulla), слово taḫa- связано и с другой особенностью этого языка, что выражено в наличии суффикса -ḫ, образующего имена женского рода. В названии DaḫaḫpiliŠa[185] засвиде-

---

182. Ср. Ḫašamili.

183. Fr, HW, S.318.

184. Fr, HW, S.319.

185. Заслуживает также внимания вторая часть этого слова -piliša. В каппадокийских таблетках сохранено географическое название Bališša (L.J.Gelb, Inscriptions from Alishar..., p.16). Поэтому возникает вопрос, не имеют ли что-либо общее эти два названия. Ср. имя Palḫuiša, где -ḫu-, возможно, вставлено в слово pališa. Случай выпадения -ḫu- засвидетельствован в имени Turmitta < Durḫumid.

тельствована форма именно женского рода слова taḫa- - daḫaḫ. Примечательно, что в формах этого же слова Taḫašduu̯ara, Taḫappišuna, Taḫatkuz, по-видимому, переданы характерные для хаттского языка, но пока неясные для нас элементы -s-, -p-, -t-. Это предположение находит подтверждение в том, что элемент -p- появляется и в других названиях. Слово хаттского происхождения (?) tuḫu- встречается именно с этим элементом в названиях Tuḫuppii̯a, Tuḫupurpuna. Слово takku находится рядом с -p- в именах Takku(m)-pita[186] (Takkup+itta) и Takkupša (Takkup+-sa). Поэтому в этом имени суффиксом нужно считать не -psa, а -sa (ср. Aripša = arip+sa). Формант -p- проявляет связь и со следующими элементами: Išḫupitta (išhup+itta), Išhuppa (išhup+pa), Šadduppa (saddup+pa), Zagapura (zagap+ura).

Одни и те же слова неизвестного значения, но, по-видимому, неиндоевропейского (хаттского) происхождения, могут быть обнаружены в тех названиях в качестве общей основы которых можно выделить kas- (gas-): Kašipa (kasi+-pa), Kašula (kasu+-la), Kašimula (kasi+mula), Kaššu, Kaššii̯a (kasi+iia). Имя хаттского бога Kašḫala содержит эту же основу (возможно, основа kas- имеется также в важных для нас словах kaška и kašku).

Неиндоевропейскими по происхождению должны быть и такие имена, как Pišḫuru, Zukkuki (ср. имя бога "азианического" происхождения, как думает Э.Ларош[187], Zukki), Anzilii̯a (существовал бог ^{d}Anzili, по Э.Ларошу также "азианического" происхождения)[188], Kummešmaḫa, Zimummu(u̯a), Gakiušša, Kuntii̯a, Elluriia, Zazziša[189] (ср. имя хаттского бога Zizzašu)[190], Atḫulišša и многие другие.

---

186. Чередование m/p наблюдается часто, см.: Hakmišša/Hakpišša.

187. L, DH, p.32.

188. Ibid., p.79.

189. См.: Г.Капанцян, Хайаса - колыбель армян, стр.61, 239.

190. L, DH, p.40.

Некоторые из них обнаруживают свое хурритское происхождение: Elluriya (см. имена хурритских божеств Elluri[191], Lilluri[192], Upelluri[193], Kummešmaḫa (основа kumme-)[194].

Следует отметить, что в каскских географических названиях обнаруживаются отдельные слова индоевропейского происхождения, из которых особо выделяются Altana (по Э.Форреру, оно должно происходить от неситского слова altanniš 'источник')[195], Palḫuišša (нес. palḫ-; см. palḫiš 'широкий'), и др.

При рассмотрении каскских географических имен выясняется,что ни одно из них не начинается на согласный r. Аналогичное положение наблюдается, как известно, и в хаттском языке (так же как в хурритском и урартском). Заметим также, что удвоение корня слов, засвидетельствованное в каппадокийских таблетках и в хаттских текстах, характерно и для каскской топонимики, где мы встречаем имена Carapara, Ḫanḫana, Parparra и т.д.

Таким образом, анализ каскской ономастики подтверждает, что множество каскских названий действительно содержит префиксы, суффиксы и основы хаттского происхождения и обнаруживает ряд признаков, характеризующих хаттский язык. Очевидно, появление в

---

191. L, DH, p.46.

192. Ibid., p.53.

193. Ibid., p.63.

194. Г.А.Капанцян, Хайаса - колыбель армян, стр.50.

195. E.Forrer, Quelle und Brunnen in Alt-Vorderasien, S.180, 181.

196. Имена хаттского происхождения (населенных пунктов, правителей Хеттского государства и т.д.) принадлежат этнической группе, возникшей в результате смешения и скрещения местных (малоазиатских) хаттских и пришлых индоевропейских племен /см.: Т.В.Гамкрелидзе, Неиндоевропейские элементы хеттского (неситского) языка/. - В отношении касков у нас нет никаких сведений о наличии такого же процесса у них.

каскской ономастике элементов хаттского языка не может быть случайностью. Районы, расположенные севернее и северо-восточнее Хеттского государства, в раннюю эпоху были непосредственным продолжением территории расселения хаттских племен. Вместе с центральной частью Малой Азии они представляли собой область с однородной культурой. Близость к хаттскому миру, бесспорно, одно из доказательств того, что каски проживали в этих местах с древнейших времен. Исходя из сказанного выше, можно предположить, что каски являлись племенами, близко родственными хаттам. Это предположение окончательно подтвердилось бы в том случае, если бы нам был известен язык касков не только из анализа собственных имен, и представилась бы возможность причислить его к определенной языковой группе. Пока, однако, нет возможности совершенно категорически утверждать, что язык касков родствен хаттскому языку. Для окончательного решения этого вопроса недостаточно того факта, что каскские названия обнаруживают общие черты с хаттскими словами. Хаттскими по происхождению являются и многие географические названия и собственные имена хеттов, однако хеттский (неситский) язык, как известно, не родствен хаттскому[196]. Поэтому пока должно оставаться в силе заключение, вытекающее из изучения каскской ономастики, которая в своей основе оказывается сходной с хаттской, что дает нам основание также предполагать близкое к хаттам происхождение самих касков. Можно надеяться, что материалы будущих археологических раскопок помогут выяснить остающиеся пока неясными моменты этнической принадлежности касков.

Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ СОГЛАСНЫХ В ХЕТТСКОМ (НЕСИТСКОМ) ЯЗЫКЕ

I

1. По известному закону Э.Стертеванта индохеттские взрывные *p, *t, *k отразились в хеттском языке как соответствующие глухие, передаваемые в хеттской графике обычно в удвоенном написании, в отличие от звонких взрывных и звонких придыхательных, передаваемых в простом написании соответствующего согласного[1].

---

1. E.H.Sturtevant - E.A.Hahn, HG, p. 55 сл. - Основной предпосылкой настоящей работы является положение о принадлежности клинописного хеттского языка (и родственных ему языков древней Малой Азии) к индоевропейской языковой группе, обоснованное Х.Педерсеном на обширном сравнительно-историческом материале /см.: H.Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen ("Det.Kgl.Danske Videnskabernes Selskab", hist.-filol.Meddelelser, XXV, 2, København, 1938); (далее - H.Pedersen, Hittitisch ...)/. Следовательно, мы будем говорить в отличие от Э.Стертеванта об отражении в хеттском индоевропейских взрывных. Об индохеттской гипотезе Э.Стертеванта, согласно которой клинописный хеттский язык противостоит остальным индоевропейским языкам как самостоятельная ветвь еще более древнего "индо-хеттского праязыка", см.: E.H.Sturtevant - E.A.Hahn, HG, 8 sq.; E.H. Sturtevant, IHL, p.23, sq.; E.H.Sturtevant, Archaism in Hittite ("Language", IX, n.1, 1933), p.I-II; E.H.Sturtevant, The pronoun *so, *sā,

Различие между удвоенным и простым написанием взрывного отражает, несомненно, определенную закономерность. Удвоенное написание взрывного передает в хеттском, согласно Э.Стертеванту, глухой взрывной звук; простое же его написание - соответствующий звонкий, так как не засвидетельствованы формы с удвоенным написанием согласных, восходящих к индоевропейским звонким взрывным согласным. Однако эта закономерность нарушается в том случае, когда в хеттской письменности передается фонема, полученная в результате слияния звонкого взрывного с последующим "ларингальным" согласным; фонема эта всегда передается в удвоенном написании соответствующего согласного.

2. В связи с вопросом об отражении в хеттском сочетания ларингального согласного с предыдущим взрывным следует рассмотреть рефлексы подобных сочетаний в других исторически засвидетельствованных индоевропейских языках.

Одним из основных положений ларингальной теории является тезис о возникновении индоиранских глухих придыхательных взрывных из соответствующих чистых взрывных под влиянием последующих

---

*tod and the Indo-Hittite hypothesis ("Language", XV, n.1, 1939), p.11-19; ср. также E.H.Sturtevant, The prehistory of Indo-European: A summary ("Language", XXVIII, n.2, 1952), p.177 sq.; A.Götze, Hittite and Indo-European languages, JAOS, LXV, n.1, 1945, p.53. Критический разбор положений "индо-хеттской" гипотезы см.: G.Bonfante, "Indo-Hittite" and areal linguistics, AJPh, LXVII, 4, 1946, p.289-310; V.Pisani, La question de l'indo-hittite et le concept de parenté linguistique, Ar.Or., XVII, 2, 1949, p.251-264 (с неолингвистических позиций); ср. также В.Пизани, Общее и индоевропейское языкознание. (Сб. "Общее и индоевропейское языкознание", М., 1956, стр.170 и сл.); Т.В.Гамкрелидзе, Местоимение *so, *sā, *tod и индо-хеттская гипотеза Э.Стертеванта ("Сообщения Академии наук Груз.ССР", XVII, № 2, 1957, стр.241-246).

"ларингальных" согласных. Положение о возникновении глухих придыхательных согласных в результате слияния соответствующих чистых глухих взрывных с последующим "ларингальным" согласным было выдвинуто еще в 1891 г. Ф.де Соссюром[2]. В позиции между глухим взрывным и гласным "ларингальный" согласный сливался с предшествующей фонемой, в результате чего возникал соответствующий глухой придыхательный взрывной. К такому заключению можно прийти при анализе древнеиндийских форм tiṣ-ṭhati 'стоит', аорист á-sthā-t, причастие прошедшего времени sthi-táḥ, восходящих к и.-е. *steH$_2$-/*stH$_2$-. Аспирация t возникла под влиянием H$_2$, слившегося с ним в нулевой ступени: *te-stH$_2$-e-ti. В формах á-sthā-t (*-steH$_2$-) и sthi-táḥ (*stə-) аспирация объясняется аналогией с формой с придыхательным согласным, распространившимся на всю парадигму. В отличие от этого формы остальных индоевропейских языков показывают чистый взрывной t; ср. греч. ἔστην лат. stāre и др. Аналогично объясняется и древнеиндийская форма pṛthú- 'широкий' из и.-е. *pl̥thú-, ср. греч. πλατύς Наличие в этой основе "ларингального" согласного явствует из таких форм, как prathi-man 'ширина' (*plete-), pṛthi-ví 'земля' (букв.: 'широкая') из *plte-, в которых гласный i является рефлексом *e, восходящим к H. Аспирация в этих формах возникла по аналогии с формой pṛthú- (из *pl̥thú-), где она закономерна. Слиянием глухого взрывного t с последующим "ларингальным" согласным получен также формант 2-го лица единственного числе перфекта *-tha (из *-tH$_2$e)// скр. -tha,греч. -θα [3].

Таким происхождением индоевропейских глухих придыхательных взрывных из комбинации "ларингального" согласного с предшествующим чистым глухим взрывным и объясняется то, что они встречаются сравнительно редко и чередуются в исторически засвидетельство-

---

2. "Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure", Heidelberg, 1922, p.603.

ванных индоевропейских языках с соответствующими чистыми глухими взрывными[4].

Фонема kh, полученная в результате слияния глухого взрывного с последующим "ларингальным" согласным, отличается той особенностью, что она не претерпевает в древнеиндийском палатализации перед $\check{\imath}$, μ, а также $\check{a}$, восходящим к и.-е $^{*}\check{e}$ // ср. khyāti 'видит', skhalati 'спотыкается', rikhati 'царапает'[5].

Палатализация kh в отмеченных выше формах была задержана, по всей вероятности, придыхательным элементом фонемы kh, возникшей в результате слияния глухого k с последующим "ларингальным". В отличие от этого чистый взрывной k (и.-е. *k и *k$^{\mu}$) всегда претерпевает палатализацию перед $\check{\imath}$ и $\check{a}$ (из и.-е. $^{*}\check{e}$), переходя в c: ср. др.-инд. cid, греч. τί, лат. quid (и.-е. *k$^{\mu}$id); др.-инд. ca// греч. τέ, лат. que (и.-е. *k$^{\mu}$e); др.-инд. pañca// греч. πέντε, лат. quinque (и.-е. *penk$^{\mu}$e), и др.

---

3. По мнению Э.Стертеванта, подобным же образом получены и аспирированные формы перфекта в греческом: πέμπω перф. πέπομφα (из *pe-pomp-H_2e) /см.: E.H.Sturtevant, The Greek aspirated perfect ("Language", XVI, n.3, 1940), p.179-182/. Критические замечания по поводу подобного объяснения форм аспирированного перфекта в греческом см.: R.G.Kent, The Greek aspirated perfect ("Language", XVII, n.3, 1941), p.189-193; ср. также E.Schwyzer, Griechische Grammatik, I, München, 1939, S.771 ff.

4. J.Kuryłowicz, Études indo-européennes, I, Kraków, 1953, p. 46; H.Pedersen, Die gemeinindoeuropäischen und die vorindoeuropäischen Verschlusslaute ("Det Kgl.Danske Videnskabernes Selskab", hist.-filol.Meddelelser, XXXII, 5, København, 1951); W.P. Lehmann, Proto-Indo-European phonology, Austin, 1952, p.80 sq.; G.M.Messing, Selected studies in Indo-European phonology ("Harvard Studies in Classical Philology", LVI-LVII, 1947), p.180 sq.

5. J.Wackernagel, Altindische Grammatik, I, Göttingen, 1896, § 121; W.P.Lehmann, Proto-Indo-European phonology, p.82.

Аналогичная комбинация "ларингального" согласного с предшествующим звонким взрывным дает в индоиранском звонкие придыхательные, соответствующие в других языках чистым звонким взрывным. Если p, t, k + H давали в индоиранском ph, th, kh и p, t, k в других индоевропейских языках, то следует ожидать b,d,g + H > bh, dh, gh в индоиранском и b,d,g в других индоевропейских языках. А.Кюни и Е.Курилович приводят следующие формы для иллюстрации подобного развития сочетания звонкого взрывного с последующим "ларингальным" согласным в индоиранском: скр. ahám // греч. ἐγώ, лат. egō, гот. ik, скр. máhi // греч. μέγα, гот. mikils; скр. duhitā́, ав. dugədā// греч. θυγάτερ гот. daúhtar; скр. hanuh // греч. γένυς гот. kinnus[6].

Действительно, существование "ларингального" в ahám, ἐγώ, egō можно усмотреть в наличии долгого ō в греческой и латинской формах. В древнеиндийской форме представлена основа с нулевой огласовкой *egH-, распространенной частицей *e/om (ср.лат.id-em, скр. tv-ám, ay-ám): ahám < *egH-e/om. След "ларингального" согласного в формах скр. duhíta// греч. θυγάτερ виден в соответствии гласных: скр. i // греч. α , являющихся закономерным отражением в рассматриваемых языках фонемы *e, восходящей к H. Анализ форм máhi// μέγα дается Х.Педерсеном[7]. Прилагательное "большой" представляло собой в индоевропейском основу на -ā и склонялось по типу πατήρ с регулярным аблаутом -eH$_2$-(> ā)//

---

6. J.Kuryłowicz, Études..., p.46 sq.; A.Cuny, Indo-européen et sémitique ("Revue de Phonetique", II, 2, I9I2), p.II8 sq.; ср. также E.H.Sturtevant, Indo-European voiceles aspirates ("Language", XVII, n.1, I94I), p.1-II.

7. H.Pedersen, La cinquième déclinaison latine ("Det Kgl.Danske Videnskabernes Selskab", hist.-filol, Meddelelser, XI,5, København, I926), p.47 sq.; H.Pedersen, Hittitisch..., S.36; ср. также E.P.Hamp, Indo-European nouns with laryngeal suffix ("Word", IX, 2, I953), p.I36 sq.

// -Ḫ- (им.пад.муж.р.), *meǧā-s < *meǧaH-s (вин.пад.) *meǧā-m < *meǧaH-m (вед. mahā́-m) // (сред.р.) *meǧa < *meǧḪ (скр. máhi, греч. μέγα); по Педерсену, Ḫ - ə)// (род.пад.) *meǧH-os > *meǧh-os (вед. mah-ás). Греческие формы именительного падежа единственного числа μέγας, винительного падежа μέγαν возникли под влиянием формы среднего рода μέγα с кратким α (из и.-е. *ə). В формах, в которых H следовало непосредственно за *ǧ (род.пад.ед.ч. *meǧH-os), в индоиранском возникала фонема *ǧh, распространившаяся на всю парадигму. Чередование *-aH-: *-ə- в этом индоевропейском слове дает возможность объяснить наличие в древнеиндийском формы mahā- (*meǧaH-), в словосочетаниях типа mahā-dhaná- 'большая добыча' и mahā́-manas 'великодушный' и чередующейся с ней в ведах формы máhi-*meǧə-): mahi-kṣatra- 'обладающий большой властью'.

Наличие в индоиранском звонкого придыхательного взрывного *gh, соответствующего в остальных индоевропейских языках чистому взрывному g, в формах, в которых явно прослеживаются "ларингальные" согласные, является веским аргументом в пользу положения о слиянии в индоиранском "ларингальных" согласных с предыдущим чистым звонким взрывным в соответствующие придыхательные согласные. Привлечение "ларингальных" согласных для объяснения наблюдающегося в отдельных случаях соответствия индоиранского *ǧh, *gh рефлексам и.-е. *ǧ, *g в остальных языках вносит полную ясность в это явление, не находящее удовлетворительной интерпретации без учета данных ларингальной теории[8].

3. В хеттском языке ларингальные согласные, следовавшие за глухим или звонким взрывным, не дали рефлекса в виде фонемы ḫ. Это положение можно иллюстрировать на следующих примерах: tiia- 'идти', 'подойти', 'приблизиться'; 'наступить', 'настать (о времени)'. Это непереходное значение данного глагола явствует из

---

8. Ср., например, старое объяснение этого явления в кн.: J.Wackernagel, Altindische Grammatik, § 216.

таких примеров, как Š A Ḫ-aš U R.T Ú G-/aš/ K Á-aš li-e ti-i̯a-zi (KUB, XIII 4, I,20) 'свинья (или) собака (пусть) не приближается к дверям'; A.NA Ú.NU.UT ... Ú.UL ku-iš-ki ti-i̯a-az-zi (Prayers, A, II,I8-I9) 'к утвари ... никто не подойдет'; ma-aḫ-ḫa-an-ma mi-iš-ti-li-i̯a me-ḫur ti-i-e-iz-zi (KBo,V.2, IУ,28) 'когда же наступает время для м.'[9]. К этим значениям данного глагола примыкает значение 'встать', 'подняться (и отправиться)', 'sich aufmachen': L U G A L-uš ti-i̯a-zi (KBo, IV I3, III,27) 'царь встает'; šá-ra-a ti-i-e-iz-zi (Dupp. D, III,I3); 1-е лицо единственного числа претерита šá-ra-a ti-i̯a-nu-un (Kup., § 5 D,37). Редуплицированная форма данного глагола представлена в виде tittii̯a-[10].

Глагол ti̯a- имел и транзитивное значение, что можно усмотреть в причастной форме ti̯ant-, употребляющейся в пассивном значении 'установленный', 'поставленный', 'принесенный (на стол)'[11] //(вин.пад. сред.р.) ša-ra-a ti-i̯a-an-da (KUB, XIII, 4 I,50), (вин.пад.ед.ч.) ša-ra-a ti-i̯a-an-da-an (KUB, XIII 4, III, 4I), (им.пад.ед.ч.) Ú.NU.TE^{MEŠ}.KA na-aḫ-ša-ra-za ti-i̯a-an-za (Prayers, A II, I7) 'утвари[12] твоей оказано почтение'. С этим же глаголом увязывается и редуплицированная форма tittii̯a- 'передавать'; 'ставить', 'назначать', 'определять'[13]//(им.пад. сред.р.) te-it-ti-i̯a-an- (KUB, XIII 4,I,33); a-pí-e-el-la

---

9. Ср. A.Götze-H.Pedersen, MS.

I0. Ср. A.Götze, Madd., p.I36, Anm.6.

II. F.Sommer, A.Falkenstein, HAB.

I2. Слово Ú.NU.TE^{MEŠ} стоит в дательном падеже множественного числа. О пропуске в идеограммах аккадского предлога A.NA см.: И.Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка (перевод с немецкого), М., I952, стр.I77.

I3. Ср. J.Friedrich, Sprachliches zu den hethitischen Gesetzen, ZA, N.F., II, I, I924, S.5I.

Š U-i U R U$^{AŠ.AŠ.ḪI.A}$ G A L.G A L^{TIM} ti-it-ti-ḫa-an-te-eš e-še-ir (2 BoTU 23A, I,I9-20) 'и великие города были ему (букв. 'его руке') переданы'. От редуплицированной основы с интранзитивным значением образована каузативная форма на -nu: tittanu-, titnu- (форма titnu- является вариантом tittanu-; ср. ašnu-// aššanu-, ušniḫa-/ uššaniḫa и др.)[14], šarā tittanu- 'поднимать', 'ставить на ноги' (ср. tiḫa- 'вставать', 'подниматься'): na-an ša-ra-a ti-it-ta-nu-zi na-an-kán KÁ.G A L-az pa-ra-a ú-ḫa-te-iz-zi (KBo, V 2,III,39) 'и поднимает его (заставляет его встать) и выводит его через ворота'[15]; 'ставить', 'воздвигать': ^{NA_4}ḫu-u-ḫa-ši ša-ra-a ti-it-ta-nu-uż-zi 'ставить камень ḫ'; 'приносить', 'ставить (на стол)': ša-ra-a ti-it-ta-nu-(uš-ki-i)r (3-е л.мн.ч. прет.)[16]. Отсюда развилось значение 'назначать', 'определять': (I-е л.ед.ч.прет.) ti-it-ta-nu-un (KUB, XIV I5,III,35); L U G A L-iż-na-an-ni ku-ḫa-at ti-it-ta-nu-ut (Hatt., III, 75-76) 'на царствование почему (его) ты назначил?'

Э.Стертевант и Х.Педерсен увязывают данный глагол с и.-е. *stā-[17]. Отсутствие в хеттской форме начального s- объясняется характерным для индоевропейского языка чередованием основ с начальным s- с основами без s- (ср.греч. στέγος ; τέγος; скр. stāyuḥ : tāyuḥ др.)[18]. Хеттские формы tittiḫa-, tittanu- объ-

---

I4. A.Götze, Madd., p.I36.

I5.Ср. F.Sommer-H.Ehelolf, Pāp, S.5I.

I6. A.Götze, Die Pestgebete des Muršiliš ("Kleinasiatische Forschungen", I, I929), S.244; J.Friedrich, Zum hethitischen Lexikon, JCS, I, 4, I947, S.296.

I7. E.H.Sturtevant, Can Hittite ḫ be derived from Indo-Hittite s?("Language", VI, 2, I930), p.I56; A.Götze, H.Pedersen, MS,S.69 ff.

I8. О чередовании в индоевропейском корней с s-mobile см.: H.M.Hoenigswald, Laryngeals and s movable ("Language", XXVIII,2, I952), p.I82 sq.

ясняют наличие в индоевропейских языках форм от корня *stā- с редупликацией t- и s- скр. tiṣṭhāmi и греч. ἵστᾱμι лат. sistō. Древнеиндийская форма tiṣṭhāmi возникла в результате контаминации *titāmi и *sistāmi, тогда как греч. ἵστᾱμι лат. sistō, авест. histaiti представляют нормальную редупликацию корня *stā-[19].

Увязка хет. tiya-, titnu- с и.-е. *stā- оправдана также почти полным смысловым совпадением их с формами других индоевропейских языков, восходящих к и.-е. *stā-, в частности с греч. ἵστημι; ср.хет. tiya- 'подойти', 'приблизиться' // греч. ἵστημι 'подойти', 'приблизиться' (Ἀλλὰ μοι ἆσσον στῆθι, Ил.ψ 97); хет. (šarā) tiya- 'подняться', ср. русск. "встать"// греч. (ἀν)ίστημι 'подняться', 'встать' (θεοὶ δ' ἅμα πάντες ἄνεσταν ἔξ ἑδέων, Ил. А 533-4); хет. tiya- 'наступать' (о времени), ср.русск. "настать", греч. ἵστημι 'наступать', 'начаться' (ὀδδέβδομος ἑστήκει μείς, Ил.Т 117); греч. ἵστημι в транзитивном значении полностью соответствует хетт. tittiya-, tiya- (в транзитивном значении) и каузативной форме tittanu-; хет. tittanu- 'поднять', 'поставить на ноги' (ср. tiya- 'подняться') // греч. ἵστημι 'поднять' (...ἄστη Κρονίων...ἔστησεν...Ил. Е 522-3; ἵστη δὲ μέγα κῦμα, Ил. Ф 313); хет. tittanu- 'ставить', 'установить', 'поставить' // греч. ἵστημι 'поставить', 'установить' (στῆσαι τρίποδα μέγαν, Ил. Σ 344). Поэтому мы полагаем, в противовес ряду исследователей[20], что нет никаких оснований ставить в связь глагол tittanu-/ /titnu-, являющийся каузативной формой на -nu от непереходного

---

19. Ср. E.H.Sturtevant, Can Hittite ḫ be derived from Indo-Hittite *s*? p.156.

20. W.Couvreur, De hettitische H,een bijdrage tot de studie van het Indo-Europeesche vocalisme, Leuven, 1937, S.200 ff., ср. также A.Kammenhuber, Studien zum hethitischen Infinitivsystem, MIOF, III, 1, 1955, S.33.

глагола (tit)ti̯a-, с и.-е. *dhē-, употребляемым только в переходном значении: 'ставить', 'назначать', 'устанавливать'.

И.-е. *stā-, употребляемое как в переходном, так и в непереходном значении, полностью соответствует всем рассмотренным выше значениям хеттских глагольных форм, образованных от основы ti̯a-. В данной форме представлен корень *(s)tā<*(s)teH$_2$- с нулевой огласовкой, распространенной суффиксом -i̯a < и.-е. *-i̯o // хет. ti̯a- < *tH$_2$-i̯o-; tittia- < *ti-tH$_2$-i̯o-[21]. Сочетание согласных -tH$_2$- не дало в хеттском ожидаемого -tḫ-; и.-е. H не представлено в хеттском в виде согласного ḫ и в слове pal-ta-na-aš 'плечо'[22] (дат.-местн.) pal-ta-ni-i [23] // греч. πλάτη 'плоскость', 'лопатка весла' (ср. ὠμο-πλάτη 'лопатка плеча'); ст.-слав. плєщє 'лопатка', 'плечо'[24]. Приведенные выше индоевропейские формы увязываются с скр. pṛthú- 'широкий', prathiman 'ширина', pṛthi-ví 'земля' (букв.: 'широкая'), восходящими к и.-е. *pl̥tH-/*pl̥te-. В хет. paltana- выделяется корень с нулевой огласовкой *pl̥tH-, распространенный суффиксом -ana- < и.-е. *-ano-; ср. ḫul-ali 'веретено': *ḫul-ana- 'шерсть'; хет. paltana- < и.-е. *pl̥tH-ano- в точности соответствует греч. πλατανός 'платан'.

---

21. Ср. H.Pedersen, Hittitisch..., S.II2 ff.; H.Hendriksen, Untersuchungen über die Bedeutung des hethitischen ḫ für die Laryngaltheorie ("Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab", hist.-filol, Meddelelser, XXVIII, 2, København, I94I), S.53. (далее - H.Hendriksen, Untersuchungen...).

22. Fr.Delitzsch, Sumerisch-akkadisch-hethitische Vokabularfragmente, ABAW, NF, 3, I9I4, S.2I.

23. F.Sommer-A.Falkenstein, HAB, S.2I9.

24. E.Laroche, Hittitica ("Revue de Philologie, de Litterature et d'Histoire anciennes", Paris, I949), p.38; E.Benveniste, Études hittites et indo-européennes, BSL, L, 1, I954, p.42.

И.-е H не оставило в хеттском рефлекса в виде спиранта ḫ и в форманте 2-го лица единственного числа глаголов спряжения на -ḫi: презенса -ti и претерита -ta (из и.-е. *-tH$_2$e).

Аналогичное этому сочетание "ларингального" согласного с предшествующим взрывным имеем в слове spāi-/spii̯a- 'наесться', 'насытиться'[25]: (2-е л.ед.ч.пов.накл.) iš-pa-a-i (KBo,IV 6, I,9); (3-е л.мн.ч.) iš-pi-i̯a-an-zi (KBo,III 5,I,28); (прич.им.пад. мн.ч.) iš-pí-i̯a-an-te-eš (KUB,XV 34,III,42) // скр. sphāyatē 'становиться жирным'(и.-е. *spē- < *speH$_1$-[26]. В форме множественного числа представлен корень с нулевой огласовкой, распространенный суффиксом *-ii̯o-: iš-pí-i̯a-an-zi < *spH-ii̯o-nti[27].

Из приведенных выше примеров видно, что "ларингальный" согласный, следовавший за глухим взрывным, не давал в хеттском рефлекса в виде согласного ḫ. Сочетания -tH-, -pH- передаются в хеттском языке аналогично фонемам, восходящим к и.-е. глухим взрывным *t, *p, т.е. удвоенным написанием соответствующего согласного, там, где это возможно в силлабической хеттской клинописи.

Не представлен в хеттском в виде согласного ḫ и "ларингальный", следовавший за звонким взрывным. Это особенно ясно видно в слове mekki 'многочисленный'. Значение данного слова устанавливается достоверно благодаря передаче его в аккадском через mādu 'многий', 'многочисленный' в фрагментах шумеро-аккадо-хеттского вокабулария[28], а также в хеттско-аккадской билингве Хаттусили П:

---

25. H.Ehelolf, Zum hethitischen Lexikon ("Kleinasiatische Forschungen", I,1,1927), S.137 ff.

26. H.Pedersen, Hittitisch..., S.113 f.

27. H.Hendriksen, Untersuchungen..., S.53.

28. F.Delitzsch,Sumerisch-akkadisch-hethitische Vokabularfragmente, S.29.

(вин.пад.ед.ч.) me-ik-ki = акк. ma-a-dam (HAB,П 3I/I,3I); (им. пад.ед.ч.) me-ik-ki-iš (KUB, XXI 47,I,I5); (мн.ч.) me-ik-ḳa-e-eš (Huḳḳ., III,26).

Форма среднего рода единственного числа me-ik-ki применяется в адвербиальном смысле со значением 'весьма', 'очень', восходящим к первоначальному значению данного слова 'большой', 'великий': me-ik-ki na-aḫ-ḫa-an-te-eš e-eš-tin (KUB, XIII 4,П,29) '(в отношении огня) будьте весьма бдительны'; nam-ma-at me-ik-ki pár-ku (KBo,IV 4,IV,7) 'при том они (т.е. скалы) очень высоки'. Первоначальное значение данного прилагательного 'большой' видно и из отыменного глагола makkeš- 'сделаться большим', 'распространиться', образованного от прилагательного mekki- при помощи суффикса -eš[29] : nu-mu-kán ša-a-ru ku-it N A M.R A G U D U D U me-ik-ki ma-ak-ki-iš-ša-an e-eš-ta (KBo,V 8,IV, I3-I4) 'и так как у меня весьма разрослась (букв.: 'увеличилась', 'сделалась большой') добыча, (состоящая из) пленных, быков (и) овец....'; e-eš-ḫar ^{URU}Ḫa-at-tu-ši ma-ak-ki-eš-ta (2 BoTU,23A, П,48) 'кровь (кровопролитие) в Хаттусе распространилась'. Параллельно этому в тексте Телепину встречается выражение ka-a-ša-ma ^{URU}Ḫa-at-tu-ši e-eš-ḫar pa-an-ga-ri-ia-at-ta-ti (2 BoTU,23 A,II,33) 'вот-де в Хаттусе кровь (кровопролитие) распространилась' с глаголом pangariia- 'распространиться', 'увеличиться' вместо makkeš-. Прилагательное mekki- соответствует греч. μέγας скр. mahānt-, средний род μέγα скр. máhi[30]. Выше было показано, что данные индоевропейские формы восходят к архетипу *meĝan-/*meĝə. Хеттское слово mekki- происходит, следовательно, от *meĝH-i-, являясь прилагательным с основой на суф-

---

29. О глагольных образованиях на суффикс -eš см.: Götze, Ḫatt.,И.Фридрих, Краткая грамматика..., стр.82.

30. E.H.Sturtevant, Can Hittite ḫ be derived from Indo-Hittite, p.2I6; H.Pedersen, Hittitisch..., S.36.

фикс -i[31]. И.-е. H не представлено в данном хеттском слове в виде согласного ḫ. Однако след "ларингального" согласного виден в том, что и.-е. *ĝ в сочетании с последующим H дало в хеттском фонему, передаваемую в хеттской клинописи удвоенным написанием знака для k/g, в отличие от рефлексов чистых звонких взрывных, которые представлены всегда в простом написании соответствующего согласного. Аналогичное этому удвоение при передаче сочетания звонкого взрывного с последующим H имеем и в слове piddāi- 'платить', 'выплачивать (брачный выкуп, дань)'[32] : nu-uš-ši ku-uš-ša-ta pí-da-iz-zi (CH, § 29,II) 'и выплатит ему брачный выкуп(??)'; [...ar-kam-ma]-an pí-da-a-an-zi (Madd., RS.85)'выплачивают дань'; ср. также Dupp., D.I,31,32,34 и др. Данный глагол составлен из преверба *pe- и глагола *dō- < *doH- 'приносить', 'давать' и является тематической формой на суффикс *-oi̯e- с нулевой огласовкой корня: *pe-dH-oi̯e-ti > хет. pí-da-iz-zi[33].

---

31. Ср. H.Hendriksen, Untersuchungen..., S.52; E.H.Sturtevant, Adjectival i- stems in Hittite and Indo-European ("Language", X,n.3, 1934), p.266. Однако объяснение там же Э.Стертевантом возникновения удвоенного написания -k- в mekki- под влиянием корня *māk- 'длинный', 'худой' неприемлемо. Корень *māk- *mək- представлен в хеттском в слове maklant- 'худой', 'тощий', (вин.пад.ед.ч.) ma-ak-la-an-da-an (KUB, XII 4, II, I4); maklatar 'худоба', (абл.) ma-ak-la-an-na-az (KUB, XII 4, IV, 27) (греч. μακρός 'длинный', лат.macer 'худой', 'тощий', др.-в.-нем. magar 'худой'), которое не могло вызвать удвоенного написания -ka- в слове mekki-, так как в самом maklant- k, восходящее к и.-е. *k, представлено в хеттской силлабической клинописи всегда в простом написании ввиду наличия последующего согласного l.

32. H.G.Güterbock, Die hethitischen Verben pēdā-, piddā- usw. und die Lautwerte des Zeichens ▷◁ , ZA, N.F., VIII, 1/4, 1934, S.228 ff.

Другим примером, иллюстрирующим отражение в хеттском "ларингального" согласного, следующего за звонким взрывным, может служить прилагательное šuppi- 'чистый', 'святой', сопоставляемое Х.Педерсеном с скр. su-bhānu- 'красиво светящийся', bhā́ti 'светит', ирл. bán 'белый'[34]. Этимология, предложенная Х.Педерсеном, несмотря на возражения ряда исследователей[35], вполне вероятна.

Прилагательное šuppi- показывает в основе суффикс с нулевой огласовкой -i, чередующийся в косвенных падежах с -ai, что отражает нормальное индоевропейское чередование -i/-e/oi-: (им.-вин.падеж сред.р.ед.ч.) šu-up-pí (Prayers,A, П,I5), (дат.-местн.) šu-up-pí (KUB,П 5,I,24), šú-up-pa-i (Pap.,IУ,25); (абл.) šu-up-pa-i̯a-az (KUB, П 5,I,2I); (род.пад.) šu-up-pa-i̯a-aš (KUB, XX 88,УI,I5); (им.пад.мн.ч.) šu-up-pa-eš (KUB, XI 34,У,47). Прилагательное šuppi- выражает в хеттском значение 'чистый (в культовом отношении)', 'святой', 'sakrosankt'[36]. Прилагательное šuppi- и образованный от него при помощи суффикса -ah̯ отыменный глагол šuppii̯ah̯- чередуются в хеттских текстах с прилагательным parkui- '(ритуально) чистый'[37] и глаголом parkunu-'очищать', 'освящать': ср. в ритуальном тексте против семейных раздоров[38]:

---

33. Ср. H.Hendriksen, Untersuchungen..., S.53; A.Carnoy, Étymologies hittites ("La nouvelle Clio", VI, 5-6, I954), p.232.

34. H.Pedersen, Hittitisch..., S.36; ср. H.Hendriksen, Untersuchungen..., S.52.

35. Ср., например, G.M.Messing, Selected studies in Indo-European phonology, p.I84 sq.

36. Ср. F.Sommer-H.Ehelolf, Pāp., S.75; A.Götze, AM, S.233 f. J.Friedrich, Alte und neue hethitische Wörter, Ar.Or.,VI,2,I934, S.365 f.

37. F.Sommer-H.Ehelolf, Pāp.,S.7 ff.

38. L.Rost, Ein heimliches Ritual gegen Familienzwist, MIOF, I, 3, I953, S.345 f.

/ua-a-tar/ ša-ra-a pa-ap-pár-aš-zi na-aš šu-up-pí-ia-a/n-n/i (П,2I-22) 'окропляет водой и делает их /вновь/ чистыми' и ua-a-tar ša-ra-a pa-ap-pa-ra-aš-zi na-aš pár-ku-nu-zi (III,20-2I).

Прилагательное šuppi- является древнейшим элементом лексического состава хеттского языка. Хеттские собственные имена, одним из элементов которых выделяется прилагательное šuppi-, засвидетельствованы уже в каппадокийских таблетках[39]. Прилагательное šuppi- передается в идеографическом написании через шум. K Ù G = акк. ELLU 'чистый', 'светлый', 'блестящий': ср. ^{LU}S A N G A K Ù(G).G A (KBo,IV 9,V,25) и šu-up-pa-eš $^{LÚ.MEŠ}$S A N G A (KUB,XI 34,V,47); ср. также передачу элемента šuppi- в имени Šuppi-lūli-uma при его идеографическом написании через K Ù G ^{m}KÙ(G).TÚL-ma[40]. Соответствие хет. šuppi- акк. ellu подкрепляется и такими примерами употребления šuppi-, как šu-up-pa-i pí-di (2 BoTU 6 IV,II) 'в (ритуально) чистом месте', ср. акк. ina ašri elli; (вин.пад.мн.ч.) šu-up-pa-ia-aš ^{GIŠ}N A D-aš (KUB, П I3,П,5I сл.) 'чистые кровати', ср. акк. erṣu elletu; šu-up-pí ^{GIŠ}B A N Š U R-i (KUB,П 5,I,24) 'на (ритуально) чистом столе', и др.[4I] Акк. ellu 'светлый', 'блестящий', 'чистый' восходит к сем. *hll со значением 'быть светлым', 'светить', ср. др.-евр. hll 'светить', араб. hilāl 'новая луна'. В аккадском языке сем. *ḫll наряду с первоначальным значением 'светящийся', 'светлый', 'блестящий' получило производное от него значение 'чистый', полностью соответствующее хет.

---

39. Об этих именах см.: A.Götze, The linguistic continuity of Anatolia as shown by its proper names, JCS, VIII, 2, I954, p.79; ср. также A.Götze, Die Kleinasiatischen Personennamen auf -uman, -umna in den kappadokischen Tafeln, ZA, NF, VI, 3/4, I93I, S.260 f.

40. H.Ehelolf, Zum hethitischen Lexikon, S.I44, Anm.3; A.Götze, Die kleinasiatischen Personennamen auf -uman, -umna in den kappadokischen Tafeln, S.260 f.

4I. Ср. F.Sommer - H.Ehelolf, Pāp.,S.75.

šuppi-. Аналогичное смысловое развитие следует допустить и в отношении хет. šuppi-, первоначальное значение которого было 'светящийся', 'светлый'. Это значение данного слова сохранилось в абстрактном имени на суффикс -(a)tar[42] // suppi̯atar, встречающемся в "лунных предсказаниях" со значением 'светлая часть новой луны'[43]: (дат.-местн.пад.) šu-up-pí-i̯a-an-ni (KUB,УШ I2,8,I0;I4,I I3). Весьма характерно, что в лувийском языке хет. parkui- / šuppi- эквивалентно слово ḫalali-:...ḫa-la-li-iš a-aš-du 'пусть будет чистым',ср.хет.pár-ku-iš nam-ma e-eš-du (Pap..I,47),заимствованное, по всей вероятности, из западносемитических языков (ср. др.-евр. hll)[44], в которых оно употреблялось только в первоначальном значении 'светить'. Хет. parkui- соответствует скр. bhrājate, авест. brāzaiti 'светит', гот. baírhts 'светлый'[45]. В свете этих положений вполне вероятна увязка хет. šuppi- с скр. su-bhānu- 'красиво светящийся', bhāti 'светит'. Элемент su- в скр. su-bhānu- является формой с нулевой огласовкой от предполагаемого большинством исследователей индоевропейского архетипа *esu- (ср. греч. ἐΰς 'добрый', 'хороший'; 'благородный', 'доблестный', ἐϝ-). Греческому ἐΰς в хеттском языке соответствует форма aššu- 'хороший', 'добрый'; 'полезный', 'милый',

---

42. Об абстрактных именах на суффикс -(a)tar см.: A.Kammenhuber, Studien zum hethitischen Infinitivsystem, S.345 ff.

43. Fr, HW, S.I99.

44. H.Otten, Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen, Berlin, I953, S.440, Anm.I0 (далее - H.Otten, Best.des Luvischen). О хеттских заимствованиях из западносемитических языков см.: A.Götze, Contribution to Hittite lexicography, JCS, V, I, I95I, p.73, n.70; H.Otten, Ein kanaanäischer Mythus aus Bogazköy, MIOF, I,4,I953, S.I35 f.

45. E.H.Sturtevant, Indo-European bh corresponds to Hittite p, JAOS, L, I930, p.I25 sq.

'любимый'[46]. Прилагательное aššu- засвидетельствовано в древнейшем документе на хеттском языке - надписи царя Анитты: ... ^{D}I M-un-ni a-aš-šu-uš e-eš-ta (2 BoTU 7,2) '... (он) был мил богу грозы'. Субстантивированное прилагательное единственного числа среднего рода употребляется уже в древнехеттском языке в значении 'добро', 'имущество' (ср. греч. ἀγαθά , лат. bona, гомер. ἐάων, нем. Gut, русск. "добро"): ku-it a-aš-šu ú-dab-ḫu-un.../ (2 BoTU 7,58) 'какую добычу (букв.:'добро') я привез...'[47]. Клинописному хеттскому aššu- в хеттских иероглифических надписях соответствует форма ua-su, ua-su-u. В лувийском засвидетельствовано слово ua-aš-ša-ra-ḫi-ta-ti (KUB, XXXV 45,П,9)[48], соответствующее хет. a-aš-ši-ia-u-ua-ar 'любовь', образованному от той же основы aššu-. В палайском засвидетельствовано божество Uašu-, отождествляемое с шум. D Ù G.G A. В каппадокийских таблетках встречаются имена, одним из составных элементов которых выделяется форма -uašu- 'хороший', 'добрый'[49].

Обнаруженная в анатолийских языках форма uasu-, соответствующая хет. aššu-, подтверждает высказывавшееся ранее предположение о связи греч. εὖς с др.-инд. vásu-[50]. Форма uasu- анато-

---

46. J.Friedrich, Einige hethitische Etymologien, IF, XLI,3/4, 1923, S.370 ff.

47. О значении хетт. aššu- см.: F.Sommer - A.Falkenstein, HAB, S.46 ff.

48. Ср. H.Otten, Luvische Texte in Umschrift, Berlin, 1953, S.46.

49. H.Th.Bossert, Untersuchungen hieroglyphen-hethitischer Wörter, I, Das Wort "gut" in den kleinasiatischen Sprachen, MIOF, II, 4, 1954, S.78.

50. E.Schwyzer, Zwei Vermutungen zu Homer, IF, XXXVIII, 1917/20, S.159 ff; E.Schwyzer, Griechische Grammatik, München, 1939, S.314.

лийских языков при др.-инд. vásu-, хет. aššu-, греч. εὖ- дает основание восстановить для индоевропейского слова 'хороший', 'доблестный' архетип *ḫesu-. В хеттском и остальных анатолийских языках представлена ступень с огласовкой 'о' в отличие от греч. ἐῦς и, возможно, др.-инд. vásu-, восходящих к и.-е. *ḫesu-. Начальное ḫ- было утеряно в хеттском языке, как и в греческом, еще в донисьменную эпоху. Форма с нулевой огласовкой от *(ḫ)esu- представлена в виде su- в древнеиндийском и греческом[51]. Хеттская форма aššu- должна была дать в нулевой ступени огласовки в результате выпадения коренного гласного форму šu-, которая и представлена в прилагательном šuppi-. Хет. šuppi-, являясь прилагательным с основой на -i, восходит к форме *su-bhH-i-. Первоначальное значение данного прилагательного было 'красиво светящийся', 'светлый', что дает полное основание для сопоставления его с скр. su-bhānu-, bhā́ti.

Из всего изложенного следует, что в результате слияния H с предшествующим глухим или звонким взрывным в хеттском возникает фонема, графически передаваемая, там где это возможно, в силлабической хеттской клинописи (т.е. в интервокальном положении), удвоенным написанием знака для соответствующего взрывного. При этом характерное для индоевропейского различие между звонкими и глухими взрывными не играет решающей роли в подобных комбинациях, поскольку знаки для звонких взрывных чередуются в них со знаками для соответствующих глухих; наряду с формой именительного падежа единственного числа me-ik-ki-iš (KUB,XXI 47,I,I5), средний род me-ik-ki (KBo,IV 4,IV,7), засвидетельствованы формы именительного падежа множественного числа me-ig-ga-e-eš (KUB, XIV I3,I,24), me-ik-ka-e-eš (ḫukk., III,26), винительного падежа

5I. Ср. греч. ὑγιής (букв.: 'хорошо живущий') из *su-gʷiHés / см.:E.Schwyzer, Griechische Grammatik, S.298; 432 ff.; E.Boisacq, Dictionnaire étymologique de la langue grecque, Paris, I923, p.997/.

множественного числа me-ig-ga-uš (KBo,У 6,Ш,I2), me-ik-ka-(a)-uš (KUB,У 6,Ш,I7; IX 6,IУ,23; XУI 77,Ш,37); ср. также ti-id-da-nu-u̯a-an-zi (KUB,XXX I5, vs.42) наряду с ti-it-ta-nu-ma-an-zi (Kup.,§ 5 D,38) и др. Следовательно, основным графическим признаком фонемы, возникшей в результате слияния взрывного с последующим Н, является удвоенное написание соответствующего взрывного без различения его первоначальной звонкости.

4. Аналогичное положение наблюдается и в отношении передачи индоевропейских глухих взрывных *p, *t, *k. По закону Э.Стертеванта, удвоенное написание согласного передает соответствующий глухой взрывной звук в отличие от простого его написания, передающего соответствующий звонкий взрывной[52]:

и.-е. *p:

šu-up-pa-ri-i̯a-zi ... (KUB,XX 86,IO), 3-е л.ед.ч. презенса от šuppariia- 'спать')//греч. ὕπνος , др.-инд. svápnah[53];

epp- 'брать'; 'схватить', 'захватить': I-е л.ед.ч. претерита e-ip-pu-un (KUB, XIУ I5,IУ,36), 3-е л.мн.ч. e-ip-pir (KBo, Ш 4,П,34), причастие ap-pa-an-za (KUB, XIX.37,П,22); лат. apīscor причастие прош.вр. aptus 'достигать'; 'захватывать'; др.-лат. coēpī 'я начал'; др.-инд. āpnóti 'достигает';

ḫa-ap-pár (сн, § 48,69) 'цена', 'стоимость', 3-е л.ед.ч. презенса ḫa-ap-pa-ra-iz-zi (KBo, УI IO,Ш,28) 'продавать';

ḫa-ap-pí-na-an-za 'богатый': др.-инд. ápnah 'имущество', 'добро'; греч. ἀφνειός 'богатый', 'зажиточный', лат. ops, opis 'богатство', 'добро'[54].

и.-е. *t:

kat-ta послелог 'под'; 'вниз'; 'у', 'с' //греч. κατά ;

---

52. E.H.Sturtevant - E.A.Hahn, HG, p.26 sq.

53. E.H.Sturtevant, Two Hittite words, JOAS, LVI, 2, I936, p.282 sq.

54. E.Laroche, Études de vocabulaire, III, RHA, XI, 52,I950, p.4I sq; A.Götze ("Language", XXX, 3, I954), p.403.

pidd**ā**i- 'бежать', 'убегать'[55]; 2-е л.ед.ч. претерита /pídʃ--da-iš (Madd. Vs.3), 3-е л.ед.ч. pí**d**-da-a-it (KBo, III 6,II, 24), 3-е л.мн.ч. презенса pí**d**-da-a-/aʃ-n-zi (Kup., D. IV,I7); причастие pitiiant-[56]; pít-ti-ia-an-ti-li (KUB, XIV I5,IV, 39) 'подобно беглецу' // др.-инд. pátati 'летит', авест. pataiti 'летит', 'спешит', греч. πέτομαι 'лечу', 'спешу'[57].

pát-tar[58], pa-at-tar 'крыло' // др.-инд. pátra- 'крыло', греч. πτερόν 'перо', 'крыло'[59];

ú-it-ti (2 BoTU 7,I0) дат.-местн.пад. ед.ч.; ú-i-it-ti (KUB, IV 72, Rs.2) 'год' // греч. ἔτος 'год', лат. uetus, -eris 'старый'[60].

и.-е. $*_k$, $*_{k^u}$:

eku-/aku- 'пить': 3-е л.мн.ч. презенса ak-ku-uš-ki-iz-zi (KUB, XIII 4,I,25); 2-е л.мн.ч.пов.накл. ak-ku-uš-ki-it-tin (KUB, XIII 4,II,3); 3-е л.д.ед.ч.пов.накл./ak-/k-/u-uš-ki-/ʃ/d-du (HAB, II,33) // лат. ăqua 'вода', гот.aƕa 'река', др.-исл. ægir 'море'[61];

---

55. H.G.Güterbock, Die hethitischen Verben, pēdā-, piddā- usw, und die Lautwerte des Zeichens ⋈ , S.229 f.

56. Ср.: A.Götze, Ḫatt., p.85.

57. Ср. Fr, HW, S.I7I.

58. О чтении в данном слове знака PÁT см.: G.G.von Brandenstein, Hathitische Götter nach Bildbeschreibungen,Berlin,I943, S.26.

59. J.Friedrich, Die hethitische Sprache, ZDMG, LXXVI, 1, I922, S.I59; Fr, HW, p.I66.

60. B.Hrozný, L'invasion des indo-européens en Asie Mineure vers 2000 av. J.-C., Ar.Or., I, 3, I929, p.28I sq.; H.Ehelolf, Hethitisch-akkadische Wortgleichungen, ZA, N.F., IX, 1/4,I936, S.I82.

6I. E.H.Sturtevant, Gutturals in Hittite and Indo-European ("Language", IV, 3, I930), p.2I9.

lukk- 'светать', 'рассветать'[62]: **ma-aḫ-ḫa-an-ma-aš lu-uk-kat-ta** (KBo, III,2, Rs.47) 'когда же рассветает...';

lukkāi 'зажигать': 3-е л.ед.ч. презенса **lu-uk-ki-iz-zi** (CH, § 98,52) // лат. **lucēō** 'быть светлым', 'светить', **lux** 'свет', греч. ἀμφι-λύκη 'полусвет', 'рассвет', λευκός 'белый'[63].

Различие между удвоенным и простым написанием согласного выражает, несомненно, определенную закономерность. Удвоенное написание взрывного передает в хеттском, согласно закону Э.Стертеванта, глухой взрывной звук, простое же его написание - соответствующий звонкий, так как не засвидетельствованы формы с удвоенным написанием согласных, восходящих к индоевропейским звонким взрывным согласным (см. об этом ниже). Однако эта закономерность нарушается в том случае, когда в хеттской письменности передается фонема, полученная в результате слияния звонкого взрывного с последующим "ларингальным" согласным; фонема эта всегда передается в удвоенном написании соответствующего согласного. Не подлежит сомнению, что хеттские фонемы, восходящие к индоевропейским глухим взрывным, были идентичны фонемам, возникшим в результате слияния соответствующих индоевропейских звонких и глухих взрывных с последующим "ларингальным" согласным, поскольку все эти фонемы графически передаются одинаково - удвоением соответствующего согласного. В этой связи возникает вопрос, какой согласный был получен в хеттском языке в результате слияния индоевропейских глухих и звонких взрывных с последующим H? Слияние "ларингального" согласного с предыдущим глухим или звонким взрывным дало в индоиранском соответствующие придыхательные взрывные. В хеттской письменности подобные сочетания передаются аналогично согласным, восходящим к индо-

---

62. F.Sommer, Hathitisches II, BoSt. 7, 1922, S.22 ff.

63. Ср. H.Zimmern, Lexikalisches zu den Hethitischen Gesetzen, OLZ, XXV, 7, 1922, Sp. 301.

европейским глухим взрывным, на основании чего можно было бы заключить, что комбинация взрывного (глухого или звонкого) с последующим H дает в хеттском соответствующий глухой взрывной. Однако такое заключение неприемлемо на том основании, что и.-е. *-t-, с одной стороны, и и.-е *-tH-, с другой, получают в хеттском различное развитие.

И.-е. *t претерпело в хеттском ассибиляцию перед гласными переднего ряда, перейдя в аффрикату /ts/ (граф. -z- или -zz-)[64].

Ясными примерами подобного перехода могут служить окончания 3-го лица единственного и множественного числа глаголов спряжения на -mi: -zi и -anzi (3-е л. ед.ч. e-eš-zi, 3-е л. множественного числа a-ša-an-zi) из и.-е. *-ti и *onti (ср. др.-инд. ásti : sánti)[65]; местоименная форма 2-го лица единственного числа zig(ga) из и.-е. *te-go[66], а также прилагательные типа ḫantezziḫa-, appizziḫa-, являющиеся индоевропейскими образованиями на суффикс *-tio-[67]. Ассибиляция t отсутствует перед s: da-lu-ga-aš-ti 'длина'; pal-ḫa-aš-ti 'ширина' и др.[68] Ассибиляция t представляет собой явление обособленно хеттское; этот процесс не наблюдался в остальных анатолийских языках: ср. лувийское окончание 3-го лица единственного числа -ti, мн.

---

64. Ср. E.H.Sturtevant - E.A.Hahn, HG, p.60 sq.

65. Ср. аналогичное явление в греческих диалектах: ион.-аттич. δίδωσι арк. φέροντσι см.: E.Schwyzer, Griechische Grammatik, S.270.

66. Ср. H.Otten, Hethitisch und Indogermanisch ("Wissenschaftliche Annalen", II, 5, 1953), S.327 f.

67. J.F.Lohmann, Hethitisch appizzis "hinten befindlich" und Verwandtes, IF, LI, 4, 1933, S.319 f.

68. Ср. аналогичное явление в греч. ἐστί, πίστις /см.: E.Schwyzer, Griechische Grammatik, S.270/ и лат. ostium /см.: F.Sommer, Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre, Heidelberg, 1948, S.218/.

ч. -nti: лув. a-an-ni-i-ti (хет. anniiazi 'делает', 'предпринимает') [69], ḫi-iš-ḫi-ia-an-ti[70] (хет. išḫiianzi 'связывают'); пал. (3-е л.мн.ч. презенса) atanti 'едят' (ср. хет. adanzi), aḫuuanti 'пьют' (ср. хет. akuuanzi)[71] и др.[72]. В отличие от этого и.-е. *-tH-, передаваемое в хеттской письменности комплексом -tt-, -dd-, не претерпевает подобной ассибиляции[73]; ср. tiia-:

(3-е л.ед.ч. презенса) ti-ia-az-zi, ti-i-e-iz-zi (1-е л.ед.ч. претерита) ti-ia-nu-un (и.-е. *tH$_2$-ii̯o-); tittiia- (причастие им.пад.ед.ч.) ti-it-ti-an-za, (мн.ч.) ti-it-ti-ia-an-te-eš (и.-е. *ti-tH$_2$-ii̯o-); формант 2-го лица единственного числа презенса глаголов спряжения на -ḫi — -tti (и.-е. *tH$_2$e). Х.Хендриксен объясняет это явление тем, что процесс перехода и.-е. *-ti- в хет. -zi- предшествовал процессу и.-е. *-tHi- > хет. -ti-[74]. Иначе говоря, Х.Хендриксен считает, что сочетание "ларингального" согласного с предшествующим взрывным давало в хеттском соответствующий чистый взрывной в результате потери H в этой позиции в период языкового развития, последовавший за дей-

---

69. См.: H.Otten, Best. des Luvischen, S.69.

70. Ibid., S.44.

71. Ср. J.Friedrich, Das Luwische und die anderen indogermanischen Sprachen des alten Kleinasien (eine Skizze), "Atti del II convegno internazionale di linguisti", Milano, 9-12 settembre, 1953.

72. Ср. аналогичное явление в дорическом и северо-западных диалектах, отличающихся в этом отношении от остальных диалектов греческого языка сохранением более древнего языкового состояния: дор. δίδωτι (ср. др.-инд. dádāti), φέροντι ср. др.-инд. bháranti).

73. H.Pedersen, Hittitisch..., S.87; H.Hendriksen, Untersuchungen..., S.53 f.

74. H.Hendriksen, Untersuchungen..., S. 86.

ствием в хеттском языке закона ассибиляции t. Однако, чем объяснить в таком случае удвоенное написание в хеттском фонем, восходящих к сочетанию индоевропейских звонких взрывных с последующим H? Исходя из положения Х.Хендриксена, необходимо допустить, что комбинация звонкого взрывного с последующим H дала в хеттском во всех случаях, в отличие от остальных индоевропейских языков, чистый глухой взрывной.

Это положение Х.Хендриксена опровергается следующими соображениями. Процесс слияния H с предшествующим глухим взрывным предшествовал процессу, обусловившему переход и.-е. H в глухой заднеязычный спирант ḫ в хеттском. Это видно из того факта, что в хеттском языке засвидетельствованы формы с чуждым его фонетической системе сочетанием -tḫ-, заимствованные, по всей видимости, из хаттского языка, под влиянием которого индоевропейские "ларингальные" согласные были замещены в хеттском заднеязычным спирантом ḫ : ср. tetḫima- 'гром': te-it-ḫi-ma-an iš-ta-ma-aš-šа-an-zi (KUB, XУП 35,П,I2) 'слышат гром'; tetḫā- 'греметь': (3-е л.ед.ч. презенса te-it-ḫa-i (3-е л.ед.ч. претерита итеративно-дуративного) te-it-ḫi-iš-ki-it (MS, Vs., 3; Rs., 23); tetḫeššar 'гром', 'буря': (род.пад.ед.ч.) te-it-ḫi-eš-na-aš (KUB, ХШ 4,I,40)[75], GIŠḫa-at-ḫi-ta (KUB, X 92,УI,I5); ^{D}Zi-it-ḫa-ri-ia-aš (хаттское божество)[76]; ^{m}Du-ut-ḫa-li-ia-aš (царское имя)[77] и др. Следовательно, процесс слияния *-tH- произошел в период, предшествовавший скрещению клинописного хеттского и хаттского языков. В отличие от этого характерный для хеттского языка процесс ассибиляции t наблюдался и в период, последовавший после процесса слияния "ларингального" согласного с предше-

---

75. J.Friedrich, Staatsver., S.33 und Anm.5; A.Götze, Die Pestgebete des Muršiliš, S.I86.

76. E.Laroche, Recherches sur les noms des dieux hittites, Paris, I947, p.IO (далее - E.Laroche, Recherches...).

77. L, OH, p.39.

ствующим t; ассибиляция t засвидетельствована в отмеченных Э.Ларошем хаттских заимствованиях клинописного хеттского языка[78]: ср. хат. ^{URU}Ta-aš-ḫa-pu-na (KUB, VII 36, Rs.5,I7) 'город Т.', ^{D}Taš-ḫa-a-ḫu$_{u}$- (KUB, XXVIII 37, Rs.4) 'бог Т.', E Z E N.Š E Da-aš-ḫa-pu-na (KUB, XXV 47, Vs.I6) 'праздник бога Т.' // хет. ^{D}Za-aš-ḫa-pu-u-na-(a)-aš (KUB,XII 66,IV,I9; XXVII 6,IV,I4; KBo, III 7,IV,I7); хат. Te-li-pu-ri-i (KUB,XXI 47,Vs.I6) // хет. ^{LÚ}zi-li-pu-ri-i̯a-tal-la-aš (KBo,V II,I,I3) и др. Аналогичный этому переход имеем в слове tešḫa-/zašḫai- 'сон'. Значение слова tešḫa- было определено И.Фридрихом, отождествившим его с идеограммой Ù 'сон': te-eš-ḫa-aš (KUB,XIII 4,III,I7) и Ù-aš (KUB, XIII 4,III,II)[79]. От данной основы образована глагольная форма tešḫanna- с итеративно-дуративным суффиксом -šk-[80]; супин II te-eš-ḫa-ni-iš-ki-u-ḫa-an (MS,Vs.,7); причастие tešḫant-: (мн.ч.им.пад.) ti-iš-ḫa-an-te-eš (KUB,XXVI I2,IV,35). С данным словом увязывается форма zašḫai- 'сон', идеограмма Ù[81]: (дат.-местн.пад.) za-aš-ḫi-i̯a (KUB,V 24,II,I5; УП 5,IV,2,20; УШ 7I, Rs.8); инстр.пад. za-áš-ḫi-it (Pap.,I,43). А.Гётце полагает,что tešḫa-/zašḫi(i̯a)- являются графическими вариантами слова tsḫi(i̯a)-[82]. Однако при таком допущении не находит объяснения форма tešḫa-, так как комплекс -ts- передается в хеттской письменности всегда знаками для z. Форму zašḫai- можно было объяснить как /tsḫai/ (с графическим повторением элемента -s аффри-

---

78. См.: E.Laroche, Recherches..., p.38 sq.

79. См.: J.Friedrich, Die 1. Person Sing. des hethitischen Imperativs, IF, XLIII, 2, I925, S.258, Anm.4.

80. О подобных глагольных образованиях см.: A.Götze, Madd., S.I30.

81. F.Sommer - H.Ehelolf, Pāp., S.3I.

82. См.:A.Götze, Die Pestgebete des Muršiliš, S.232; A.Götze – H.Pedersen, MS, S.23.

каты -z[83], но против подобного объяснения -s- в форме zašḫai- свидетельствует чередование в ней знака для s со знаком для š[84], замечаемое и в других формах с фонемой s (см.об этом ниже): ср. дат.-местн.пад. za-aš-ḫi-ia (KUB, УШ.7I, Rs.8), но za-az-ḫi-i/a/ (KBo,IУ.2,Ш,46), za-az-ḫi-i (MS,Vs.8). Данное слово не находит соответствия в индоевропейских языках[85]. Совершенно естественно вслед за Э.Ларошем[86] заключить, что хеттское слово, означавшее 'сон' и игравшее важную роль в религии хеттов, было заимствовано из языка хаттских аборигенов, религиозные представления которых сыграли решающую роль при формировании хеттской религии. Хат. teš̆ḫa- дало в результате характерной для хеттского языка ассибиляции t, замечаемой и в других хаттских заимствованиях, форму *zeš̆ḫa- > zaš̆ḫa(i)-[87]. Наличие в хеттском древней формы teš̆ḫa- наряду с zaš̆ḫai- следует объяснить разными периодами заимствования данного хаттского слова. Основу слова teš̆ḫa-, к которому восходит хет. teš̆ḫa-/zaš̆ḫai-, можно выделить в имени хаттского божества Taš̆ḫapuna-. Это имя разлагается на элементы taš̆ḫa- и -puna- (ср. Ḫate-puna[88], Teli-puna[89] и др.).

---

83. О подобном графическом повторении s аффрикаты z в хеттских формах.: см. F.Sommer - A.Falkenstein, HAB, S.I49; A.Götze, Madd., S.I26; J.Friedrich, Staatsver, I, MVAeG, XXXI, 1, I926, S. 32 f.

84. Ср. F.Sommer - H.Ehelolf, Pāp., S.3I.

85. Этимология, предлагаемая Х.Педерсеном /см.: A.Götze - H.Pedersen, MS, S.69/, не убедительна вследствие значительных расхождений сопоставляемых слов как по смыслу, так и по форме.

86. E.Laroche, Recherches..., p.39; E.Laroche, Hattic deities and their epithets, JCS, I, I947, p.2I3.

87. Ср. также S.Alp, Die soziale Klasse der M A M.R A - Leute, JKF, I, 2, I950, S.I34.

88. E.Laroche, Recherches..., p.24 sq.

89. Ibid., p.34 sq.

Хаттское заимствование tešḫa-/zašḫai- вытеснило в хеттском языке индоевропейское слово, означающее 'сон' *su̯ép-no-, представленное в др.-инд. sváp-na-ḫ, греч. ὕπνος 'сон'. И.-е. *su̯ep- представлено в хеттском в виде глагола šupp-(мед.)'спать': M I-an-da-az Ú.UL šu-up-ta-ri (KUB,IУ,47,I,3) 'ночью /он/ не спит'. Засвидетельствованная глагольная форма šuppariia-: (3-е л. ед.ч. презенса) šu-up-pa-ri-i̯/a-zi/ (KUB,XX 86,I0) (причастие, им.пад.ед.ч.) šu-up-pa-ri-i̯a-an-za, предполагает наличие в хеттском именной основы šuppar 'сон', восходящей к и.-е. *su̯epōr (лат. sopor, -oris) /*sup(ō)r(греч. ὕπαρ)[90], которая и была, видимо, вытеснена хат. tešḫa-.

Следовательно, и.-е. *tH, в противовес утверждению Г.Хендриксена, дало в хеттском не чистый взрывной t, который перед гласными переднего ряда с необходимостью перешел бы в аффрикату z, а фонему, фонетически отличную от чистого взрывного t, чем и было обусловлено отсутствие перехода *-tHi в хет. -zi. В отношении древнеиндийского установлено, что "ларингальный" согласный, сливаясь с предшествующим глухим или звонким взрывным, давал соответствующий придыхательный согласный. При этом kh, восходящее к *-kH-, не претерпевает палатализации перед ĭ,у и ă, восходящим к и.-е. *ĕ. Аналогичное развитие следует допустить и в отношении хеттского языка; чистые взрывные согласные, сливаясь с предшествующим "ларингальным" согласным, переходят в соответствующие придыхательные взрывные. Эти и объясняется отсутствие ассибиляции фонем, возникшей в результате слияния глухого взрывного t с последующим H.

Отсутствие ассибиляции придыхательного th перед гласными переднего ряда в хеттском следует объяснить артикуляционными

---

90. E.H.Sturtevant, Two Hittite words, p.282 sq.; J.Friedrich, Zum hethitischen Lexikon, S.294; M.Mayerhofer, Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende ("Studien zur indogermanischen Grundsprache". 4, Wien, I952), S. 42 f.

особенностями придыхательных взрывных. Ассибиляция или палатализация взрывного возникает вследствие частичного уподобления его артикуляции артикуляции последующего гласного переднего ряда, выражающегося в значительном приближении спинки языка к твердому нёбу, необходимом для произнесения следующего непосредственно за эксплозией взрывного палатального гласного[91]. В случае придыхательных согласных момент эксплозии взрывного не совпадает с началом произнесения последующего гласного; артикуляция гласного начинается значительно позже эксплозии предыдущего согласного в зависимости от степени его аспирации. В таких условиях придыхательные взрывные в отличие от чистых взрывных были, естественно, менее подвержены влиянию артикуляционных особенностей последующих гласных переднего ряда.

В аккадской клинописи, приспособленной к хеттскому языку, удвоенное написание согласного и послужило способом для графической передачи придыхательных звуков в отличие от простого его написания, передающего в системе хеттской клинописи чистый взрывной звук. Но удвоенное написание согласного характерно, как известно, и для фонем, восходящих к индоевропейским глухим взрывным. Исходя из идентичности в графической передаче в хеттской письменности фонем, восходящих к сочетанию чистых взрывных согласных с последующим "ларингальным", и фонем, восходящих к индоевропейским глухим взрывным, можно заключить, что эти фонемы являются в хеттском придыхательными согласными, соответствующими индоевропейским чистым глухим взрывным. В свете этих положений закон Э.Стертеванта принимает совершенно иной смысл: удвоенное написание взрывных передает графически не чистые глухие взрывные, а соответствующие придыхательные согласные, восходящие к индоевропейским глухим взрывным: и.-е. *p – хет. ph

---

91. E.Sievers, Grundzüge der Phonetik, Leipzig, 1901, S.185 f; M.Grammont, Traité de phonetique, Paris, 1939, p.79 sq.; O.Jespersen, Grundzüge der Phonetik, Leipzig - Berlin, 1926, S. 127, 168.

(граф. -pp- или -bb-), и.-е *t – хет. th (граф. -tt-, -dd-), и.-е. *k – хет. kh (граф. -kk-, -gg-, -kk-).

5. О наличии в хеттском языке придыхательных согласных, соответствующих индоевропейским глухим взрывным, можно судить и на основании других данных. Х.Педерсен приводит ряд хеттских форм, в которых фонема ḫ соответствует индоевропейским взрывным *k и *p. Это явление автор объясняет тем, что взрывной *k, пройдя ступень *kj, претерпел палатализацию, превратившись в спирант s, который перешел в хеттском в ḫ. Переход и.-е *p в хет. ḫ можно представить, согласно Х.Педерсену, в виде *pj > *kj > *s> > ḫ[92]. Если отвлечься от сложности предложенной Х.Педерсеном схемы[93], возможно, конечно, допустить переход спиранта s в h, что может быть иллюстрировано на материале других языков. Но конкретные лингвистические данные хеттского языка не свидетельствуют о наличии подобного перехода. При этом условия палатализации заднеязычных взрывных в приводимых Х.Педерсеном хеттских формах не поддаются удовлетворительному определению. Единственный пример, приводимый Х.Педерсеном для иллюстрации перехода s → хет. ḫ, представляет собой слово ḫatrāi- 'писать', которое автор сопоставляет с аккад. šaṭâru 'писать'. Подобное объяснение глагола ḫatrāi- весьма сомнительно, поскольку в аккадских заимствованиях хеттского языка аккад. š соответствует s: ср. аккад. šangû (шум. ^{LU}S A N G A) 'жрец' // хет. ^{LU}ša-an-ku-un-niš (Hatt., I,I6), ^{LU}ša-an-ku-un-ni-ia-an-za (Hatt.,I,9) 'жрец'[94]. При этом слово ḫatrāi- находит удовлетворительную индоевропейскую этимологию[95]. Но, с другой стороны, совершенно естествен

---

92. H.Pedersen, Hittitisch..., S.I76 f.

93. J.Couvreur, Le Hittite et la doctrine de F. de Saussure, RHA, V, 35/36, I939, p.I40.

94. A.Götze, Ḫatt., S.59 f.

95. M.Lejeune, Hittite ḫatrāmi: vénète atraest, BSL, XLV, n.I32, I950, p.43 sq.

переход и.-е. *k > хет. ḫ при наличии соответствия и.-е *k:хет. kh; придыхательный взрывной kh легко подвержен переходу в соответствующий спирант ḫ: ḫarš(a)n- 'голова', идеограмма S A G.D U[96] (им.пад.ед.ч.) S A G.D U-aš (KBo,III 4,П,77); (вин. пад.) S A G.D U-an (KBo,VI 4,20);(дат.-местн.пад.) ḫar-ša-ni-i (2 boTU IO, I6); ḫa-ar-aš-ni (KBo,П,I9, Rs.I3); (абл.пад. ḫar-ša-na-za (KUB, XXIV I3,II,3); А.Гётце определил, что данное слово является формой среднего рода с основой на -n[97], перешедшей впоследствии в общий род[98]: ср. S A G.D U-še-it (HAB,П,65) 'голова его' с притяжательным местоимением 3-го лица именительного-винительного падежа среднего рода. Принадлежность данного слова к гетероклитическому склонению на -r/n[99] доказывает его индоевропейский характер и подтверждает предложенную Х.Педерсеном увязку данного слова с др.=инд. śīrṣán-, род.пад. śīrṣṇáḥ: ср.лат. cornu:cerebrum < *keres-ro=m[100]. Следовательно, хет.ḫ- в слове ḫarš(a)n- восходит к и.-е. *k[101].

---

96. F.Sommer, AU, S.2I6, Anm.I; A.Götze, Hatt., S.95, Anm.3.

97. A.Götze, Transfer of consonantal stems to the thematic declension in Hittite ("Mélanges linguistiques offerts à M.H.Pedersen, Acta Jutlandica", IX, I, København, I937), p.492.

98. О колебаниях между средним и общим родом в хеттском см.: A.Götze, Transfer of consonantal stems..., p.488 sq.; A.Götze, AM, S.2I5; A.Götze, Tunn., 69, n.354; И.Фридрих, Краткая грамматика,.., стр.I25 и сл.

99. Ср. форму среднего рода именительного-винительного падежа множественного числа ḫar-ša-a/r-ya 'головы', ḫal-ki-(ia)-aš ḫar-ša-(a)-ar iš-ḫi-ia-an-da 'завязанные 'головы' колосьев' /см.: H.Otten, Ein Beitrag zu den Bogazköy-Tafeln im archäologischen Museum zu Ankara, BiOr, VIII, 6, I95I, S.226, Anm.I3; ср. также: H.Otten, Best.des Luvischen, S.77, Anm.79/.

I00. A.Walde - J.Pokorny, Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen, I, Berlin-Leipzig, I927, S.406.

Аналогичного происхождения хет. ḫ и в слове ḫarš-, сопоставляемом Х.Педерсеном с скр. kárṣati, kṛṣáti, авест. karšaiti. Глагол ḫarš-[102] встречается в хеттских текстах в асидентичном сочетании с глаголом terip- и обозначает выполнение определенных полевых работ[103].

Хеттские формы ḫar-šu-ua-an-zi и te-ri-ip-pu-ua-an-zi переводятся Х.Педерсеном соответственно как 'pflügen' ('пахать') и 'eggen' ('боронить'). Глагол terip- (3-е л.ед.ч. презенса te-ri-ip-zi) увязывается Э.Стертевантом с греч. τρέλω [104]. Глагол ḫarš- сопоставляется А.Гётце с греч. ἀρόω 'пашу', 'вспахиваю', лат. arāre[105], гот. arjan. Однако в таком случае остается

---

101. Р.Вернер увязывает данное слово, видимо, под влиянием А.Гётце /см.: A.Götze, Transfer of consonantal stems..., p.492, n.3/ с греч. ὄρος 'вершина', 'гора' /см.: R.Werner, Zur Stellung des Luwischen unter den altanatolischen Sprachen, OLZ, XLIX, 7/8, 1954, Sp.302; ср. также: E.Polomé, On the source of Hittite ḫ ("Language", XXVIII, 4, 1952), p.449/. – Однако греч. ὄρος 'гора', скр. ṛṣvá- 'высокий' и др. не показывают чередования -r/n, характерного для данного хеттского слова. В.лувийском и иероглифическом языках хеттскому ḫars(a)n- соответствует слово ḫarmaḫi- с неизвестной этимологией /см.: H.Otten, Best. des Luvischen, S.74 f.; J.Friedrich, Das hieroglyphen-hethitische Wort für Kopf, RHA, XI, 53, 1951, S.31 f./.

102. 3-е лицо единственного числа презенса ḫar-aš-zi (VBoT.58, I, 30), супин ḫar-šu-ua-an-z/i/ (KBo, VI 28, об. 22); инф. ḫar-ša-u-ua-ar (Tunn, I, 41).

103. A.Götze, Neue Bruchstücke zum großen Texte des Ḫattušiliš und den Paralleltexten, MVAeG, XXXIII, 2, 1930, S.62; A.Götze, Tunn., p.70.

104. E.H.Sturtevant – E.A.Hahn, HG, p.60.

105. A.Götze, Tunn., p.70; ср. E.H.Sturtevant, IHL, p.40 sq.; L.L.Hammerich, Laryngeal before sonant ("Det Kgl. Danske Videns-

необъяснимым появление в хеттском слове элемента -s, отсутствующего во всех остальных индоевропейских формах, соответствующих греч. ἀρόω, лат. arāre. При этом следует отметить, что греч. ἀρόω, лат. arō, гот. arjan и другим в хеттском соответствует форма ḫarra- 'разбивать', 'бить', 'толочь'[106], встречающаяся в асидентичном сочетании с формой malla- 'молоть': лат. molere, гот. malan, гр. μύλη 'мельница'[107]: (3-е л.ед.ч.презенса) ma-al-la-i ḫar-ra-i (KUB,XXV 23,IV,52); ma-al-la-an-zi ḫar-ra-an-zi (KBo,II 7, Vs.24), ḫar-ra-an-zi ma-al-la-an-zi (KBo, II 13, Vs.10). Нет никаких оснований увязывать слово ḫarra- с ḫarš-. Заимствование слова ḫarš- из семитических языков[108] трудно допустить, поскольку термины, относящиеся к земледелию, являются древнейшей составной частью индоевропейской лексики[109]. Весьма характерно, что ḫarš- встречается в асидентичном сочетании со словом terip-, находящим весьма убедительную индоевропейскую этимологию, что также свидетельствует против положения о иноязычном характере слова ḫarš- (ср. асидентичные сочетания слов ḫarra-/malla- с индоевропейскими этимологиями).

На основании всего изложенного нам кажется более вероятной увязка хет. ḫarš- с скр. kárṣati, авест. karšaiti и др. Хеттское ḫ в данной форме восходит к и.-е. *k.

---

kabernes Selskab", hist.-filol. Meddelelser, XXXI, 3, København, 1948), p.57.

106. J.Friedrich, Der hethitische Soldateneid, ZA, NF, I, 3, 1924, S. 179; J.Friedrich, Grammatische und lexikalische Bemerkungen zum Hethitischen, ZA, NF, I, 1, 1924, S.16.

107. J.Friedrich, Die hethitische Sprache, S.159.

108. J.Puhvel, Semitic affinities of Hittite ḫar-aš-zi, JAOS, LXXIV, 2, 1954, p.86 sq.

109. H.Hirt, Indogermanische Grammatik, I, Heidelberg, 1927, S. 81 f.

Аналогичное развитие претерпело и.-е *k, и в слове ḫalzāi- 'кричать'; 'взывать'; 'называть'; 'приглашать' (1-е л.ед.ч. претерита ḫal-zi-iḫ-ḫu-un, 3-е л.ед.ч. презенса ḫal-za-a-i), сопоставляемое Х.Педерсеном с греч. καλέω и возводимое к и.-е. *kelt̄-[110]. Сопоставление данного хеттского слова с греч. καλέω оправдано почти полным смысловым параллелизмом хеттского и греческого слов[111]. Хеттская форма в отличие от греческой[112] восходит к основе, распространенной элементом -te, с закономерной ассибиляцией t > z. В лувийском представлена первоначальная форма ḫalt(a)-[113]. Такое же отражение и.-е. *k̑ имеем в слове ḫaliia 'преклоняться', 'почитать', 'становиться на колени'[114]: 3-е л. мн.ч. претерита ḫa-a-li-i-e-ir (KBo,IV.4,IV,20), 3-е л. ед.ч. претерита медиума kat-ta-an ḫa-li-ia-at-ta-at (KUB, XIV I5,IV, 29); 3-е л.ед.ч. презенса медиума ha-a-li-ia (KUB,X 11,II,I7): гот. hulpus,др.-в.-нем. hold (*kl-) 'благосклонный'; др.-в.-нем. haldōn 'кланяться', 'склоняться'; huldī 'благосклонность', нем. Huld и др.[115]

Приведенные выше соответствия являются, на наш взгляд, достаточным основанием, чтобы допустить, несмотря на возражения со

---

110. H.Pedersen, Hittitisch..., S.177.

111. О формах и значениях данного глагола см.: A.Götze, Tunn., p.31 sq.

112. Греческой форме полностью соответствует в хеттском форма 3-го лица единственного числа претерита šа-ra-a kal-li-iš-ta (KUB, XVII 6, I, 1), засвидетельствованная в древнехеттском "мифе об Иллуянке".

113. Fr. Tr, S.328.

114. H.Ehelolf, Ein einheimisches und ein entlehntes Huldigungswort im Hethitischen ("Studia Orientalia", I, 1925), S.9 f.; J.Friedrich, Zum hethitischen Lexikon, S.301, f.

115. L.L.Hammerich, Laryngeal before sonant, p.56.

стороны ряда исследователей[116], развитие в ряде случаев хеттского начального ḫ- из и.-е. *k, *ḳ. Однако переход и.-е. *k, *ḳ в хет. ḫ- следует рассматривать не как результат палатализации *k, не находящей объяснения с точки зрения сравнительно-исторической фонетики хеттского языка (и в этом отношении возражения против соответствия и.-е *k, *ḳ:хет. ḫ- вполне обоснованы), а как результат аспирации в хеттском и.-е. *k, перешедшего в ряде случаев (главным образом в анлауте) в глухой заднеязычный спирант ḫ.

Чередование k/ḫ наблюдается и в самих хеттских словах. Наряду с ^{É}ḫilammar 'портик'[117] (дат.-местн.пад. ^{É}ḫi-lam-ni, KUB, X 28, I,8) засвидетельствовано ^{É}ki-lam-ni (KUB, XI 23,У,I8)[118]. Наряду с обычным ḫameškanza 'весна', 'время жатвы'[119] засвидетельствованы формы ḫa-mi-iš-kán-za, ḫa-mi-eš-kán-zi[120]. Аналогичное чередование наблюдается и в лексических заимствованиях хеттского языка: ср. te-it-ki-iš-šar (KUB, XI I4,5) вместо обычного

II6. Ср. E.G.Polomé, On the source of Hittite ḫ, p. 444 sq.

II7. J.Friedrich, ZA, NF, III, 1/2, 1926, S.I79 f.

II8. J.Friedrich, Werden in hethitischen Keilschrifttexten die Griechen erwähnt? ("Kleinasiatische Forschungen", I, 1,1927). S.93; И.Фридрих, Краткая грамматика..., стр.5I. - А.Гётце читает идеографически ^{É}K I.L A M-ni(см.: A.Götze, AM, p.204; ср. также E.Polomé, On the source of Hittite,p.448). Однако полный параллелизм в употреблении форм ^{É}ki-lam-ni и ^{É}ḫi-lam-ni (ср.KUB, XI 23, У, I8-I9 и X 28, I, 8-9) заставляет нас вслед за И.Фридрихом рассматривать форму ^{É}ki-lam-ni как фонетический вариант слова ^{É}ḫilammar, принадлежность которого к гетероклитическому склонению на -r/n указывает на его индоевропейский характер.

II9. J.Friedrich, Staatsver., I, S.80, Anm.1.

I20. G.von Brandenstein, Zu den hethitischen Jahreszeiten,Or., VIII, 1/2, 1939, S.69.

tetḫeššar 'гром'[121]. ^{D}ḫa-taḫ-ḫa-aš (KUB,VI 45,II 60; 46,III,27) наряду с ^{D}Ka-taḫ-ḫa-aš (ḫukk., I,55) (от хат. kattaḫ 'царица'); ^{NINDA}ga-ḫa-ri-iš (KUB,XVII 35,II,21), ga-ḫa-ri-iš (KBo,II 4,III, 24) при ^{NINDA}ka-ag-ga-ri (KUB,XXXII I28,I,II) 'хлеб g.' ; S A $L^{MEŠ}$ ḫa-az-ḫa-(ra)-ḫa (KUB,XII 2,I,4,7) наряду с обычным S A $L^{MEŠ}$ ḫa-az-ḳa-ra-ḫa (KBo,II 8,III,I2), S A $L^{MEŠ}$ ḫa-az-ga-ra-i-ḫa (KBo, II I3,I,II) 'служительницы храма' и др. Объясняются такие колебания тем, что kh в хеттском было сильно аспирированным звуком, который передавался в хеттской письменности, не имевшей специальных знаков для kh, знаками для k, чередующимися со знаками для ḫ, что подчеркивало момент аспирации в фонеме kh. Такое чередование вызвало в свою очередь появление в ряде форм знаков для k вместо обычного ḫ[122]. Все это свидетельствует о наличии в хеттском придыхательных согласных, возникших в результате передвижения чистых взрывных[123].

На основании приведенных выше соображений можно прийти к заключению, что индоевропейские глухие взрывные перешли в хеттском языке в соответствующие придыхательные согласные. Такое передвижение индоевропейских глухих взрывных было осуществлено в период, последовавший за действием в хеттском языке закона ассибиляции t, так как придыхательное th не претерпевает ассибиляции.

I2I. F.Friedrich, Staatsver., II, S.33, Anm.5.

I22. Аналогичные колебания наблюдаются и в передаче древневерхненемецких спирантов и аффрикат буквами латинского алфавита, приспособленного к фонетической системе древневерхненемецких диалектов /см.: W.Braune, Althochdeutsche Grammatik, Halle, I955, S.I82 f./; о подобного рода колебаниях в графике см.: V.Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, I ("Jahrbuch der Universität", Hist.-Phil.Fakultät, XXXVI, 6, Sofia, I94I), S.7I.

I23. E.Laroche, Recherches..., p.42; V.Georgiev, État actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balkanoasianiques, Ar.Or., XVII, I949, p.28I.

6. Выше было отмечено, что индоевропейские звонкие взрывные и звонкие придыхательные в отличие от глухих взрывных передаются всегда простым написанием соответствующего согласного. При этом индоевропейские звонкие придыхательные взрывные и соответствующие чистые звонкие взрывные отражаются в хеттской графике одинаково знаками для глухих взрывных, чередующимися со знаками для соответствующих звонких:

И.-е. *g, *ĝ, *g^{u}: (им.-вин. падеж сред.р.) i-ú-kán (KBo,Ш 41,П,6), i-ú-ga-an (KUB,УП 8,П,8); (дат.-местн.пад.) i-ú-ki (KUB, ХШ 5,П,21) 'ярмо' // скр. yugam, лат. iugum, греч. ζυγόν гот. juk[124];

(им.-вин.пад.сред.р.) gi-e-nu (KUB,УП 1,Ш,19,26), (дат.-местн.пад.мн.ч.) ki-nu-ua-aš (KUB, X,52 I,16) 'колено' // лат. genū, греч. γόνυ , скр. jānu, гот. kniu[125].

Причастие (им.пад.ед.ч.) ne-ku-ma-an-za (Madd., Vs.51; KUB, ХШ 4,Ш,32) 'голый' // лат. nūdus, гот. naqaþs (и.-е. *neg^{u}-*nog^{u}-)[126].

И.-е. *gh, *ĝh, *g^{u}h: (им.пад.мн.ч.) da-lu-ga-e-eš; (дат.пад) da-a-lu-ga-u-ua-aš 'длинный', 'долгий'; ta-lu-kiš-zi (KUB,УШ. 6, Vs.14,16) 'становится длинным' // скр. dīrghá-, греч. δολιχός ст.-слав. длъгъ 'длинный', 'долгий', лат. longus < *(d)longhos; da-lu-ga-aš-ti 'длина'; ст.-слав. длъгость[127];

---

124. E.H.Sturtevant, Gutturals in Hittite and Indo-European, p.218.

125. J.Friedrich, Einige hethitische Etymologien, IF, XLI, 3/4, 1923, S.372 f.; E.H.Sturtevant, The parts of the body in Hittite ("Language", IV, 2, 1928), p.127.

126. Ср. E.H.Sturtevant ("Language", VI, 3, 1930), p.221 sq.; E.Benveniste, Sur le consonantisme hittite, BSL, XXXIII, 2 (93), 1932, p.138.

127. Ср. F.Hrozný, Die Sprache der Hethiter ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm, Leipzig, 1927.

gi-im-ma-an-za 'зима', (род.пад.) gi-im-ma-an-da-aš (KUB,XIII 2,IV,24) // скр. hēmantáḥ, лат. hiems, греч. χειμών, лит. žiemà, русск. зима[128], ср. краткую форму данного слова (дат.-местн.пад.ед.ч.) gi-e-mi- (KUB, XII 1,IV,12), gi-im-mi- (KUB,XIII 2,IV,23)[129] // и.-е. *ǵheim-, *ǵhim-.

3-е л.ед.ч.презенса ku-en-zi; (мн.ч.) ku-na-an-zi 'убивать' // скр. (3-е л.ед.ч.презенса) hánti; (мн.ч.) ghnánti из и.-е. *gʷhenti // *gʷhnonti[130].

И.-е. *d, *dh: (им.-вин.пад.средн.р.) ṷa-a-tar, (род.пад.) ú-e-te-na-aš (абл.пад.) ú-e-te-na-az греч. ὕδωρ, (род.пад.) ὕδατος [131]. В данном слове выделяется корень ṷet/d- и суффикс -ar, чередующийся в косвенных падежах с -en-,что явствует из наличия в хеттском соответствующей корневой формы ṷet-: (дат.-местн.пад.) ú-i-ti (KBo, III 8,III,2) 'в воде' (абл.пад.) ṷi-ta-az (KUB, XXI 19,III,17) 'из воды'[132]. Форма ṷa-at-ta-ru (KUB, XXX 32,I,14), ṷa-at-tar (KBo, III 7,IV,12), увязываемая Э.Ларошем с хет. ṷātar 'вода' и переводимая им как 'источник'[133], встречается в единичных случаях только в поздних текстах и не нарушает картины закономерной передачи хеттских фонем, восходящих к индоевропейским звонким взрывным через простое написание соответствующего согласного.

S.23 (далее - F.Hrozný, Die Sprache der Hethiter...); E.H.Sturtevant, Gutturals in Hittite and in Indo-European, p.218.

128. Ср. F.Sommer, Hethitisches..., S.23.

129. Ср. J.Friedrich, Zum hethitischen Lexikon, S.292, Anm.66.

130. Ср. E.H.Sturtevant, Gutturals in Hittite and in Indo-European, p.222 sq.; E.Benveniste, Sur le consonantisme hittite, p. 136 sq.

131. F.Hrozný, Die Sprache der Hethiter, S.244 f.

132. Ср. J.Friedrich, Zum hethitischen Lexikon, S.292,Anm.66.

133. L, HD, p.208.

(Им.-вин.пад.сред.р.) pí-e-da-an 'место', (дат.-местн.пад.) pí-di, pí-e-ti // греч. πέδον 'поверхность земли', 'почва', 'земля'[134];

et-/at- 'кушать', 'есть': (I-е л.мн.ч.презенса) a-tu-e-ni, (3-е л.) a-da-an-zi; (3-е л.мн.ч. претерита) e-te-ir // лат.edō, греч. (буд.вр.) ἔδομαι ;

turiia 'запрягать', аккад. ṣamādu: (3-е л.мн.ч. презенса) tu-u-ri-ia-an-zi (KBo,III 2,Vs.24,32 и др.); причастие U.UL tu-ri-da-an-za = аккад./la-a/ ṣa-am-du[135]; др.-инд. dhur- 'упряжь'[136].

И.-е. *bh (им.-вин.пад.сред.р.) ne-pí-iš (Л1. A,IV,26),(род. пад.) ne-pí-ša-aš (2 BoTU 7,5I) 'небо' : греч. νέφος 'облако', скр. nábhaḥ 'небо', 'облако', лат. nebula 'туман', ст.-слав. НЄБО (мн.ч.) НЄБЄСА 'небо', лит. debesis 'туча', хет.-иерогл. tarab- 'небо'[137].

tepu- 'малый', 'незначительный': (им.-вин.пад.сред.р.)te-pu (MS, Vs.4), (им.пад.мн.ч.) te-pa-u-eš (Madd., Vs.48); (абл.пад. te-pa-u-da-az (Ḫatt., II,2I) 'в малом количестве'; тепаueš- 'сделаться недостаточным, малым'[138]; (3-е л.ед.ч.) претерита te-pa-u-e-eš-ta (MS,Vs.4) // скр. dabhraḥ 'малый'; tep-nu- 'ума-

---

I34. F.Sommer, AU, S.60 f.; F.Sommer, Hethitisches, II,S.37; H.Ehelolf, Zum hethitischen Lexikon, S.I46, Anm.6.

I35. Fr.Delitzsch,Sumerisch-akkadisch-hethitische Vokabularfragmente, S.I9.

I36. F.Sommer, Altindisch dhur ("Die Sprache", 1, I949),S.I62.

I37. H.Th.Bossert, Untersuchungen hieroglyphen-hethitischer Wörter, 2, "Himmel" und "Erde", MIOF, III, I, I955, S.58 f.; H.Th.Bossert, Die phönizisch-hethitischen Bilinguen vom Karatepe ("Oriens", II, 1, I949), S.II0, f.

I38. A.Götze, Ḫatt., p.69.

лять', 'унижать'[139]: (3-е л.ед.ч.претерита) te-ip-nu-ut (Hatt., III,59) // скр. dabh-n-ṓ-ti 'повреждает'[140].

Из приведенных выше примеров видно, что в хеттском отсутствует фонологическое различие между индоевропейскими звонкими взрывными и соответствующими звонкими придыхательными согласными, характерное для индоевропейского языка. Хеттский язык различает, с одной стороны, рефлексы индоевропейских глухих взрывных, давших соответствующие придыхательные согласные, и рефлексы индоевропейских звонких взрывных и соответствующих звонких придыхательных - с другой.

Было бы ошибочно объяснять идентичность отражения в хеттском индоевропейских звонких взрывных и соответствующих звонких придыхательных только особенностями хеттской графики. Если бы в фонологической системе хеттского языка существовало противопоставление рефлексов индоевропейских звонких взрывных рефлексам индоевропейских звонких придыхательных согласных, то оно бы получило на протяжении нескольких столетий применения хеттской клинописи графическое отображение, как это случилось в аккадской клинописи (к которой восходит хеттская система письма) в отношении передачи семитических глухих и звонких взрывных. В отличие от этого в хеттской клинописи чередование знаков для звонких согласных со знаками для соответствующих глухих наблюдается не только в древнехеттских текстах, но (в еще большей степени) и в текстах, составленных в период "Нового царства".

Простое написание согласного передавало в хеттской клинописи соответствующий глухой взрывной звук. Это видно прежде всего из египетской передачи хеттских взрывных, представленных в простом написании, через соответствующие глухие согласные: ср.хет.

---

139. J.Friedrich, Grammatische und lexikalische Bemerkungen zum Hethitischen, ZA, NF, I, T, 1923, S.16.

140. C.H.Carruthers, Some Hittite etymologies ("Language", VI, 2, 1930), p.163; A.Götze - H.Pedersen, MS, p.69.

SAL Pu-du-ḫé-pa (Ḫatt., IV,81,87); (вин.пад.) SAL Pu-du-ḫé-pa-an (Ḫatt., III,1) //егип. P-t-ḫ-p (§ 19)[141], D Ḫa-pa-an-d/ta-li-i̯a-aš (Al., IV,10; Ḫuḳḳ., I,54) //егип. Ḫr-p-n-t-r-y-s (§ 15); URU Ḫi-eš-ša-aš-ḫa-pa (Al., IV,5; Ḫuḳḳ.,I,43) // егип. Ḫ-s-s-p (§ 15). Об этом же свидетельствует и передача в хеттской письменности древнеиндийского глухого k путем простого написания соответствующего согласного в слове a-i-ka-u̯a-ar-ta-an-na (KBo, Ш 5, vs.I,22), встречающемся в "Лошадиных текстах" и являющемся заимствованием древнеиндийского технического термина ἱππική a-i-ka-u̯a-ar-ta-an-na // др.-инд. *ēka-vartanná- 'единичный поворот (круг)', как pa-an-za-u̯a-ar-ta-an-na (KBo,Ш,2, об.58) // др.-инд. pañca-vartanná- 'пятикратный поворот', 'пять кругов' и др.[142]

Исходя из этого, можно заключить, что простое написание взрывного передает в хеттской клинописи соответствующий глухой согласный. Передача в хеттской письменности в простом написании фонем, восходящих к индоевропейским звонким взрывным и звонким придыхательным дает основание утверждать, что в хеттском произошло передвижение этих индоевропейских фонем в соответствующие глухие взрывные.

Характерно, что в ликийском наблюдается оглушение индоевропейских звонких взрывных: ср. tupm̃me 'двойной' при лат. duo; ñte при лат. endo [143]. Аналогичное явление происходит частично и в "хеттском-иероглифическом" языке[144].

---

141. S.Langdon and A.H.Gardiner, Treaty between Ḫattušili and Ramesses II, JEA, VI, 3, 1920, p.179 sq.

142. Ср. F.Sommer, Hethitisches, I, S.2 f.

143. H.Pedersen, Lykisch und Hittitisch, ("Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab", hist.-filol. Meddelelser, XXX, 4, København, 1949), S.41.

144. Ср. H.Th.Bossert, Die phönizisch-hethitischen Bilinguen vom Karatepe, S.77 f.

7. Передвижение согласных хеттского языка имеет много общих черт с классическим примером передвижения согласных германских и армянского языков.

Как известно, индоевропейские глухие взрывные *p, *t, *k, *k^u перешли в германских языках в соответствующие глухие спиранты f, þ, x, x^u (x уже в древнейшее время перешло в h); индоевропейские звонкие взрывные (*b), *d, *g, *g^u перешли в соответствующие глухие p, t, k, k^u; индоевропейские звонкие придыхательные *bh, *dh, *gh, *g^uh дали в результате дезаспирации чистые звонкие взрывные[145].

*p > f : скр. pitā́, греч. πατήρ, лат. patex// гот. fadar 'отец'; скр. pā́dam, греч. πόδα , лат. pēdem // гот. fōtus 'ступня'.

*t > þ : скр. vártati, лат. uertō 'поворачивать' // гот. wairþan 'возникать', 'становиться', нем. werden.

*k > *x > h : лат. centum, греч. ἑ-κατόν // гот. hund 'сто'; греч. καρδία , лат. cor (cordis)//гот. haírtō 'сердце'.

*k^u > x^u > h^u : греч. λείπω , лат. linquō 'оставляю' // гот. leiƕan 'одолжить', нем. leihen.

*d > t : скр. dántam, лат. dentem // гот. tunþus 'зуб'.

*g > k : лат. augeō 'увеличиваю' // гот. aukan 'увеличивать'.

*g^u > k^u : греч. γυνή // гот. qinō 'женщина'.

*bh > b : скр. bhrā́tā, греч. φράτηρ, лат. frāter // гот. brōþar 'брат'; скр. bhárāmi, греч. φέρω, лат. ferō 'несу' // гот. baíran 'нести'.

*dh > d : dhṛsnóti 'осмеливается', 'дерзает', dhṛsúḥ греч. θρασυς 'дерзкий', 'смелый' // гот. (ga-)daírsan 'осмеливаться'.

---

145. А.Мейе, Основные особенности германской группы языков (перевод с пятого французского издания), М., 1952, стр.35 и сл.; A.Meillet, Les dialectes indo-européens, Paris, 1950, p.89 sq.

*gh > g : греч. χόρτος 'двор', 'загон' // гот. gards 'двор', 'дом'.

*g^{u}h > g : скр. ghnánti 'бьют' // др.-в.-нем. gund- 'борьба'.

Передвижение согласных, происходившее в армянском языке, представляет собой более древнюю ступень языкового развития по сравнению с германским передвижением, поскольку индоевропейским взрывным *p, *t, *k, *k^{u} соответствуют в армянском глухие придыхательные взрывные ph(h), th, kh, представляющие собой промежуточную стадию для образования глухих спирантов f, ֆ, x[146],

*t > th: лат. torreō // арм. tharamim 'сушу', 'высушиваю'; лат. tolerō 'переношу', 'выдерживаю' // арм. thoṙum 'оставляю'.

*p > ph > h : греч. πῦρ // арм. hur 'огонь'; лат. pater, греч. πατήρ // арм. hajr 'отец'.

*k^{u} > kh : лат. reliqui, греч. ἔ-λιπον // арм. elikh 'я оставил'.

Отражение индоевропейских глухих взрывных в хеттском языке полностью совпадает с отражением их в армянском. Но процесс передвижения согласных в хеттском языке зашел значительно дальше, существенно преобразив первоначальную картину соотношения древних индоевропейских взрывных согласных.

Исходя из схемы передвижения индоевропейских согласных в армянском и германских языках, процесс передвижения согласных, происходивший в хеттском языке, можно представить себе следующим образом: индоевропейские глухие взрывные *p, *t, *k, *k^{u} дали соответствующие глухие придыхательные ph, th, kh, khu, передаваемые в хеттской графике удвоением знака для соответствующего со-

---

146. A.Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne, 1936, p. 25 sq.; A.Meillet, Les dialectes indo-européens, p.91.

гласного[147]; индоевропейские звонкие взрывные (*b)[148], *d, *g, *g^{u} перешли в глухие (p), t, k, k_{u}, передаваемые графически простым написанием соответствующих согласных (преимущественно знаками для глухих взрывных); индоевропейские придыхательные взрывные *bh, *dh, *gh, *$g^{u}h$ дали в результате дезаспирации чистые звонкие взрывные, перешедшие в свою очередь в глухие взрывные под действием причин, аналогичных тем, которые обусловили переход индоевропейских звонких взрывных в глухие.

Этот процесс аналогичен отчасти так называемому "второму передвижению согласных" в германских языках. Общегерманские звонкие взрывные *b, *d, *g, восходящие к индоевропейским звонким придыхательным взрывным, переходят в древневерхненемецком в соответствующие глухие взрывные. Однако процесс второго передвижения согласных затрагивает и общегерманские глухие взрывные, восходящие к индоевропейским звонким взрывным, которые переходят в соответствующие аффрикаты или спиранты в зависимости от их позиции в слове[149]. В хеттском языке подобный переход индоевропейских звонких взрывных в спиранты (или соответствующие придыхательные согласные) не наблюдается. Поэтому процесс дезаспирации индоевропейских звонких придыхательных взрывных и переход их в

---

147. Индоевропейское *k в начале слова перешло в ряде случаев в спирант h- из kh (см.выше).

148. Почти невозможно найти достоверные индоевропейские формы с первоначальным *b. Фонема *b, по всей вероятности, полностью отсутствовала в системе индоевропейского консонантизма /см.: H.Pedersen, Die gemeinindoeuropäischen und die vorindoeuropäischen Verschlusslaute,S.IO f. ; А.Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков (перевод с седьмого французского издания), М., 1938, стр.II5/.

149. Э.Прокош, Сравнительная грамматика германских языков,М., 1954, стр.72 и сл.

соответствующие глухие взрывные следует рассматривать не как два независимых акта, а как единый процесс перехода в хеттском индоевропейских звонких придыхательных взрывных в соответствующие глухие взрывные, лишенные аспирации.

В результате передвижения согласных в хеттском языке первоначальная корреляция взрывных - глухие // звонкие // (звонкие) придыхательные[150] - заменилась корреляцией - придыхательные взрывные/чистые взрывные. Три ряда индоевропейских взрывных свелись в хеттском языке к двум рядам. В хеттском языке дифференциальным признаком для фонологического противопоставления взрывных служит лишь фактор аспирации взрывных без учета их первоначальной звонкости, имевшей фонематическую значимость в индоевропейском языке. Корреляция индоевропейских взрывных по звонкости заменилась в хеттском языке корреляцией по аспирации[151].

---

150. Индоевропейские придыхательные взрывные *bh, *dh, *gh, *ĝh, *g^{u}h не фигурировали в индоевропейской фонологической системе как звонкие взрывные, а противопоставлялись двум рядам индоевропейских взрывных (звонкие и глухие) лишь по признаку аспирации. Звонкость индоевропейских придыхательных взрывных зависела от их фонетического окружения. Индоевропейские придыхательные взрывные *bh, *dh, *gh, *ĝh, *g^{u}h были восприняты как з в о н к и е придыхательные взрывные только с появлением нового ряда взрывных - глухих придыхательных, возникших в определенной позиции из соответствующих чистых глухих взрывных или из сочетания чистых глухих взрывных с последующим "ларингальным" согласным /см.: J.Kuryłowicz, Etudes indo-européennes,I, p.5I sq.; T.Milewski, L'Indo-hittite et l'indo-européen ("Bulletin International de l'Academie Polonaise des Sciences et des Lettres", Classe d'Histoire et de Philosophie; 2, I936), p.7; G.M.Messing, Selected studies in Indo-European phonology, p.I80 sq./.

I5I. Об аналогичной фонологической корреляции взрывных по моменту аспирации, установившейся в германских языках, см.:

Этим и объясняется полное безразличие в передаче хеттских взрывных согласных знаками как для глухих, так и для звонких взрывных.

Выше было показано, что два ряда хеттских взрывных (чистые взрывные - придыхательные взрывные) передавались в хеттской графике соответственно простым и удвоенным написанием согласного.

В специальной фонетической литературе долгое время было распространено мнение, что различие между чистым взрывным и соответствующим придыхательным заключается в способе артикуляции их, соответственно при закрытой и открытой голосовой щели. При этом придыхательные взрывные характеризовались этими исследователями, без достаточных на то оснований, как более слабые по сравнению с соответствующими чистыми взрывными[152]. Ф.Фальхун в своей интересной и ценной работе[153] показал, что разница между чистыми взрывными и соответствующими придыхательными согласными заключается не в способе артикуляции их соответственно при закрытой или открытой голосовой щели (p, t, k, как и ph, th, kh артикулируются при закрытой голосовой щели), а в степени интенсивности их артикуляции; придыхательные взрывные артикулируются зна-

---

I.Fourquet, Les mutations consonantiques du germanique. Essai de position des problèmes ("Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Strassbourg", Paris, I948), p.III, sq.; W.Braune, Althochdeutsche Grammatik, Halle, I955, S.80, Anm. 4.

I52. P.J.Rousselot, Principes de phonétique expérimentale,I, Paris - Leipzig, I897-I90I, p.594 sq.; M.Grammont, Traité de phonétique, Paris, I939, p.I08; I67 sq.; ср. также А.Мейе, Основные особенности германской группы языков, М., I952, стр.39 и сл.

I53. См.: F.Falc'hun, La langue bretonne et la linguistique moderne. Problèmes de phonétique indo-européenne ("Conférences universitaires de Bretagne", Paris, I943), p.24 sq.; ср. также B.Malmberg,Acta Linguistica, III, 2-3, I942-I943, p.I3I sq.

чительно интенсивнее соответствующих чистых взрывных. Следовательно, переход p, t, k в ph, th, kh может быть фонетически охарактеризован как процесс артикуляционной интенсификации чистых взрывных. С этой точки зрения передвижение согласных в индоевропейских языках следует рассматривать фонологически как замену корреляции по звонкости - звонкие взрывные: глухие взрывные - корреляцией по интенсивности артикуляции - слабые взрывные, lenes (= чистые взрывные) // сильные взрывные, fortes (= придыхательные взрывные)[154]. Эта теория прекрасно согласуется с выдвинутым выше положением о передаче в хеттском чистых взрывных путем простого написания согласного, в отличие от придыхательных взрывных, передаваемых в хеттской графике в удвоенном написании соответствующего согласного. Придыхательные взрывные, отличающиеся акустически от чистых взрывных большей интенсивностью и продолжительностью артикуляции, были графически противопоставлены последним путем удвоения знаков для соответствующих чистых взрывных, так как в хеттской системе письма отсутствовали специальные знаки для обозначения придыхательных согласных, отличные от знаков для передачи соответствующих чистых взрывных.

Придыхательное kh, отличаясь от th и ph большей интенсивностью и продолжительностью аспирации, более подвержено переходу в соответствующий спирант. Этим и объясняет Ф.Фальхун тот факт, что k претерпевает спирантизацию там, где p и t остаются без изменения: ср. в бретонском ar paz 'кашель', an tad 'отец', но ar c'haz 'кошка' от kaz[155]; в тосканском наречии la hasa 'дом', nostro horpo 'наше тело', но in casa 'в доме', il corpo 'тело'[156].

---

154. Ср. J.Kuryłowicz, Le sens des mutations consonantiques, "Lingua", I, 1, 1948, p.77 sq.; T.Milewski, La mutation consonantique en hittite, Ar.Or., XVII, 2, 1949, p.189 sq.

155. См.:F.Falc'hun, La langue bretonne..., p.26 sq.

156. Э.Бурсье, Основы романского языкознания (перевод с французского), М., 1952, стр.415.

Аналогичное явление имеем, по всей видимости, и в хеттском языке в отношении фонемы, восходящей к и.-е. *k, *k̂, в отличие от фонем, восходящих к и.-е. *t и *p. Хет. kh, отличаясь интенсивной аспирацией, легко переходило в соответствующий спирант ḫ. Такое ḫ в хеттском (от kh, восходящего к и.-е. *k, *k̂) мы и наблюдаем в тех немногочисленных словах, которые были разобраны выше. Переход kh > ḫ осуществился в них еще в дописьменный период развития хеттского языка. Этой фонетической особенностью придыхательного kh и объясняется тот факт, что и.-е. *k, *k̂, перейдя в хеттском в соответствующий придыхательный взрывной kh, отражается в ряде случаев в виде глухого заднеязычного спиранта ḫ в отличие от *t и *p, отразившихся в хеттском нормально, в виде th и ph, без перехода их в соответствующие спиранты.

Отражение индоевропейских взрывных звуков в хеттском языке представлено в следующей таблице:

Отражение индоевропейских взрывных в хеттском

Индо-европейские	Хеттские	Графическое выражение
*p	ph	-pp- или -bb-
*t	th	-tt-, -dd-
*k, *k̂	kh, (ḫ-)	-kk-, -gg-, -k̲k̲-,(ḫ-)
*kᵘ	khu̯	
*d	t	-t-, -d-
*g̃, *ĝ	k	-k-, -g-
*gᵘ	ku̯	
*bh	p	-p- или -b-
*dh	t	-t-, -d-
*gh, *ĝh	k	-k-, -g-
*gᵘh	ku̯	

8. Описанное выше передвижение индоевропейских согласных, наблюдавшееся в хеттском языке, было обусловлено, по всей видимо-

сти, воздействием ассимилированного им языка автохтонного населения восточных областей Малой Азии - языка хаттских племен, скрестившихся с племенами, занесшими сюда язык индоевропейского строя[157].

В процессе скрещения и интеграции языков ассимилированный язык оставляет следы своего воздействия в виде многочисленных лексических заимствований, заметных изменений в первоначальной морфологической структуре и фонетическом составе победившего языка, вызванного тем, что местное население, усвоившее в силу определенных исторических условий новый язык, вносило в него известные особенности прежнего языка, оставляя в действии старые, веками выработанные артикуляционные навыки[158].

Действительно, в хаттских текстах формы со звонкими согласными встречаются крайне редко. Звонкие согласные в них чередуются, как правило, с соответствующими глухими. Это указывает на то, что звонкость взрывных была нефонематична для хаттского языка: ср. a-an-da-ḫa (KUB,II 2,III,46) // a-an-ta-ḫa (KUB,II 2,46); ba-la (KUB, II 2,III,I9) // pa-la (KUB,II 2,III,24); i-da-a (KUB,XVII 28,II,I9) // i-ta-a (KUB,XXVIII 5,I,I9); li-iz-zu-ḫa-du (KUB, XXIV I4,IV,23) // li-e-iz-zu-ḫa-tu (KUB,XXVIII 78,IV, 6) и др. Нужно полагать, что именно эта фонетическая особенность хаттского языка и обусловила оглушение в хеттском первоначальных звонких взрывных звуков.

Общность картины передвижения индоевропейских взрывных в германских, армянском и хеттском языках указывает на общность

I57. Ср. Т.В.Гамкрелидзе, "Хеттские языки" и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен ("Труды Института языкознания АН Груз.ССР", Серия восточных языков, II, I957), стр.5I и сл.

I58. Ср. А.Мейе, Основные особенности германской группы языков, М., I952, стр.43.

причин, его вызвавших[159]. Но если в отношении германских языков мы находимся в полном неведении о языке-субстрате, вследствие чего некоторые исследователи вовсе отрицают фактор действия языкового субстрата на передвижение согласных, то в отношении хеттского языка мы можем с большой вероятностью установить факт действия хаттского субстрата, вызвавшего оглушение индоевропейских звонких взрывных[160], что повлекло за собой передвижение в хеттской фонологической системе глухих взрывных в соответствующие

---

159. Об армянском передвижении согласных как результате действия доармянского языкового субстрата см.: G.Deeters, Armenisch und Südkaukasisch, Leipzig, 1927, S.45 ff. - Примечательно, что аналогичное передвижение согласных усматривается и в так называемом "догреческом", или "пеласгском", языке, восстановленном в общих чертах акад.В.Георгиевым на основании анализа греческих слов, заимствованных из этого языка /см.: V.Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, I, 1941, S.70 f.; V.Georgiev, État actuel des études de linguistique préhellénique ("Studia Linguistica", II, 2, 1948), p.79; В.Георгиев, Вопросы родства средиземноморских языков ("Вопросы языкознания", 1954, № 4), стр.58, ср. также A.J.van Windekens, Le pélasgique. Essai sur und langue indo-européenne préhellénique ("Université de Louvain, Institut Oriental", 1952) p.13 sq./. Все это указывает на общность языкового субстрата, вызвавшего передвижение в рассмотренных выше индоевропейских языках целых фонетических рядов (ср. V.Činař, Die charakteristischen Züge des mediterranen Substrats, Ar.Or., XXII, 2/3, 1954, S.406 f.).

160. А.Мейе, характеризуя звонкие взрывные германских и армянских языков, отмечает, что при их произнесении вибрация голосовых связок начиналась только в момент эксплозии, тогда как весь период смычки был глухим. Такие звонкие взрывные легко превращались в соответствующие глухие /см.: A.Meillet, Les dialectes Indo-Européens, Paris, 1950, p.92/. - Аналогичную артикуля-

придыхательные в силу внутренней тенденции языка к сохранению древней системы корреляции индоевропейских взрывных.

9. При датировке хеттского передвижения согласных следует иметь в виду, что ему предшествовал процесс фонетического перехода и.-е. *-ti > хет. -zi. Ассибиляция t характерна, как известно, только для хеттского языка; она представляет собой явление изолированно хеттское. Следовательно, процесс передвижения глухих взрывных в соответствующие придыхательные действовал в период обособленного развития хеттского языка. Такое заключение о времени перехода в хеттском индоевропейских глухих взрывных в соответствующие придыхательные прекрасно согласуется с положением о существовании в анатолийских языках древней индоевропейской корреляции взрывных по звонкости. Это положение основывается на факте различного отражения в хеттском и.-е. *di-(*di̯-) и *ti.

Хеттское ši-ua-at (2 BoTU 7,60) (дат.-местн. или вин.пад.ед. ч.) 'день', отождествляемое с идеографическим написанием U D-at[161], увязывается Х.Педерсеном со словом ši-ua-an-ni-, ši-u̯-ni-/ši-u̯-na- 'бог'[162].

Х.Педерсен приводит аналогичную связь в лат. diēs:deus, dīuus и предполагает отражение и.-е. *di- в хеттском через si-, в отличие от и.-е. *-ti-, переходящего, как известно, в zi-[163].

цию звонких взрывных следует предположить и в отношении хаттского языка, ср. аналогичное явление в картвельских языках /см.: Г.Ахвледиани, Основы общей фонетики, Тбилиси, 1949, стр.333/. Эта особенность звонких взрывных хаттского языка привела к постепенной утере звонкости, что и обусловило оглушение в хеттском языке индоевропейских звонких взрывных.

161. B.Hrozný, L'invasion des indo-européens en Asie Mineure vers 2000 av.J.-C., p.283 sq.

162. Об этом слове см.: H.Ehelolf, Hethitisch-akkadische Wortgleichungen, S.170 f.

Обнаружение Б.Розенкранцом имени лувийского божества солнца ^{D}Ti-ya-az, сопоставляемого им с и.-е. *diēḫs, с хет. šiyaz 'день' и именем дневного божества ^{D}Šiyaz[164], доказывает предполагавшееся Х.Педерсеном развитие и.-е. *di > хет. *si[165]. Следовательно, в хеттском языке наряду с рассмотренным выше переходом *-ti- > -zi- происходило развитие *-di- > -si-[166]. Различное отражение в хеттском и.-е *di и *ti указывает на существование в анатолийских языках на древнейшей ступени развития противопоставления индоевропейских взрывных по звонкости.

В этом отношении консонантизм хеттского языка проявляет определенное сходство с тохарским консонантизмом. В тохарских диалектах три ряда индоевропейских взрывных слились в один ряд p, t, k[167]. Однако существование на древнейшей ступени противо-

---

163. A.Götze - H.Pedersen, MS, p.72 sq.; ср.также F.Sommer, IF, LIII, 1, 1935, S.88; L.L.Hammerich, Laryngeal before sonant, p.77.

164. Об этом божестве см.: A.Götze, The theophorous elements of the Anatolian proper names from Cappadocia ("Language",XXIX, n.3, 1953), p.267.-В хеттском лувийскому солнечному божеству Tiyaz (с индоевропейской этимологией) соответствует Ištanu, заимствованное из хаттского пантеона, где оно носит имя Eštan /см.: J.Friedrich, Zu einigen altkleinasiatischen Gottheiten, JKF,II, 2, 1952, S.145 f./.

165. B.Rosenkranz, Der luvische Name des Sonnengottes, JCS, II, 4, 1948, p.249 sq.

166. Ср. H.Pedersen, Hittitisch, S.175 f.; H.Otten, Best.des Luvischen, S.51 f.; H.Otten, Hethitisch und Indogermanisch, S. 329, Anm.16; A.Kammenhuber, Zu den altanatolischen Sprachen: Luvisch und Palāisch, OLZ, L., 1955, 8/9, S.356 f.

167. H.Pedersen, Tocharisch vom Gesichtspunkt der indo-europäischen Sprachvergleichung ("Det Kgl.Danske Videnskabernes,

поставления - глухой // звонкий // звонкий придыхательный - можно усмотреть в наличии фонем c (= ć), ś, ts, отражающих соответственно три ряда индоевропейских зубных *t, *d, *dh:

и.-е. *t > c(= ć) (ср. лат. mater // тох.А mācar, тох.В mācer);

и.-е. *d > ś (ср. лат. decem // тох.А śek, тох.В śak);

и.-е. *dh > ts (ср.лат. firmus // тох.А tsra-ši 'сильный', тох.В tsirauńe 'сила')[168].

Переход *-di- > -si-, отсутствующий в лувийском и других анатолийских языках, представляет собой явление специфически хеттское, что заставляет отнести процесс перехода индоевропейских звонких взрывных в соответствующие глухие ко времени после выделения хеттского языка из общеанатолийского.

Из всего изложенного следует, что описанное выше передвижение согласных нужно рассматривать как явление изолированно хеттское, возникшее в период обособленного развития хеттского языка[169].

II

I. С установлением того факта, что удвоение взрывного передает в хеттском соответствующий придыхательный согласный, вста-

---

Selskab", hist.-filol.Meddelelser, XXVIII, 1, København, 1941), S.234.

168. E.Evangelisti, I modi di articolatione indoeuropei nelle palatalizzazioni tocariche ("Ricerche Linguistiche", I, 1950), p. 132 sq.

169. И.Фурке приходит к противоположному заключению в отношении германского передвижения согласных. Автор относит начало данного процесса к эпохе индоевропейской общности, считая проблему передвижения согласных не первой проблемой фонетики германских языков, а последней проблемой индоевропейской лингвистической географии /см.: J.Fourquet, Les mutations consonantiques du germanique. Essai de position des problèmes, Paris, 1948, p.75/.

ет вопрос о возникновении в хеттской клинописи этой графической особенности, отсутствующей в аккадской системе письма, в которой удвоенное написание согласного передает соответствующий геминированный звук.

На основании палеографических соображений можно заключить, что хеттская клинопись восходит к источнику, предшествовавшему старовавилонской клинописи эпохи Хаммураби. Дело в том, что в хеттской клинописи различается ряд знаков, которые совпали в старовавилонском курсиве (около 1950-1530 гг. до н.э.)[170]. В этой связи возникает вопрос о путях заимствования хеттской клинописи непосредственно из аккадской или другого источника, восходящего к староаккадской клинописи (около 2500-1950 гг.до н.э.).

Большое сходство с богазкёйской клинописью проявляет письмо аккадских таблеток из древнего Нузи, датирующихся серединой второго тысячелетия до н.э. В таблетках из Нузи знак PI обозначает слоги /ʔa/, /ʔi/, /ʔu/, как и в старовавилонском силлабарии, тогда как слог /pi/ передается знаком BI. Отсутствуют и специальные знаки для семитических эмфатических согласных. Характерной особенностью нузийской письменности является также чередование знаков для звонких и глухих взрывных. Письменность из Нузи расходится с современной ей аккадской клинописью и в отношении передачи семитических сибилянтов. Аккадские фонемы /z/, /s/ и /ṣ/ передаются в нузийской клинописи знаками для z : e-zi-ib, i-zi-ib, i-zi-ib-šu (от аккад. ezēbu 'оставлять', сем. *ʿzb); al-zi, li-il-zi (от аккад. šasû 'звать'; 'называть', 'читать'); ú-uz-zi, uš-te-zi (от аккад. ṣasû 'выходить') и др. Аккадское

---

170. BoTU, I, S.3; A.Götze, Die Entsprechungen der neuassyrischen Zeichen PÍŠ und KA + ŠU in der Boghazköi-Schrift, ZA, NF, VII, 1/2, 1931, S.72 f.; B.Landsberger, und H.Güterbock, Das Ideogramm für simmiltu ("Leiter, Treppe"), AfO, (II, 1/2, 1937, S.55 f.

/š/, восходящее к семитическому интердентальному спиранту /*ṯ/ (араб. /ṯ/, др.-евр. /š/), передается в нузийской клинописи знаками для š, тогда как аккад. /š/, восходящее к семитическим сибилянтам /*š/*ś/ (араб. /s/ и /š/; др.-евр. /š/ и /ś/), может передаваться знаками для s или z : ср. ša-ṭi-ir при sa-ṭi-ir (от аккад. šaṭāru 'писать'), i-za-az-zi, a-za-az-zi (от аккад. šasū 'звать'; 'называть'; 'читать') и др.[171] Отсутствие знаков для эмфатических согласных, смешение знаков для глухих и звонких взрывных, а также способ передачи аккад. /š/ в нузийской клинописи находят аналогию в староаккадских текстах[172].

В приспособленной к аккадскому языку шумерской клинописи наличествовали знаки для сибилянтов s, š и z. Аккадская фонема /š/ в письме эпохи аккадской династии передавалась знаками для š и s. При этом знаками для š передавалось аккад. /š/, восходящее к семитскому спиранту /*ṯ/ (араб. /ṯ/, др.-евр. /š/), знаками же для s передавалось аккад. /š/, соответствующее араб./s/ или /š/ (сем. /*š/*ś/). Оставшиеся в системе шумерской клинописи знаки для z стали применяться для передачи в аккадском остальных сибилянтов, т.е. /z/, /s/ и /ṣ/. Передача аккад./š/, восходящего к сем. /*ṯ/, знаками для š и аккад./š/, восходящего к сем. /*š/*ś/, знаками для s указывает на то, что в староаккадском диалекте /š/, соответствующее араб. /ṯ/, было отлично от /š/, соответствующего араб. /s/š/. Однако уже в староаккадском проявляется тенденция к смешению этих рядов, что ясно видно на таких примерах, как tu-sa-bu наряду с u-ša-bu (от ак-

---

171. M.Berkooz, Nuzi dialect of Akkadian, Language Dissertations, n.23, Philadelphia, 1937; E.A.Speiser, Notes on Hurrian phonology, JAOS, LVIII, 1, 1938, p.184 sq.

172. О староаккадском диалекте см.: A.Ungnad, Materialien zur altakkadischen Sprache, MVAeG, n.2, 1915. - Обстоятельное исследование староаккадской письменности и языка см.: I.J.Gelb, Old Akkadian writing and grammar, Chicago, 1952.

кад. ṣa$abu 'сидеть', 'садиться'; 'поселиться', 'жить', сем. *ṯb), dam-si-il-su наряду с dam-ši-il-su (от аккад. ma$alu II 'уподоблять', сем. *mṯl)[173]. В результате совпадения этих рядов аккад. /š/, восходящее к сем. /*ṯ/ и /*š/*ś/, стало передаваться только знаками для š, тогда как знаки для s начали уже применяться для противопоставления аккад. /s/ фонемам /ṣ/ и /š/, которые ранее передавались только знаками для z. Употребление знаков для s для обозначения аккад. /s/ характерно уже для старовавилонской клинописи[174]. В нузийской клинописи знаки для s засвидетельствованы в старом употреблении как варианты знаков для š, восходящего к сем. /*š/*ś/. Все это указывает на то, что нузийская клинопись восходит к староаккадской письменности[175].

Большое сходство с нузийской клинописью проявляет хурритская силлабическая клинопись письма митаннийского царя Тушратты египетскому фараону Аменофису III, обнаруженного в телль-амарнском архиве и датирующегося около 1400 г. до н.э. Отсутствие знаков для эмфатических согласных, смешение знаков для глухих и звонких взрывных, особое написание сибилянтов - все это указывает на тесные связи хурритской силлабической клинописи с нузийской письменностью[176].

---

173. F.Thureau-Dangin, Une lettre de l'époque de la dynastie d'Agadé, RA, XXIII, 1, 1926, p.28 sq.; ср. I.J.Gelb, Old Akkadian writing and grammar, 1952, p.48 sq.

174. Ср. F.Thureau-Dangin, Observations sur la graphie des sifflantes dans l'écriture cunéiforme, RA, XXX, 2, 1933, p.93 sq.; Th.Meek, Notes on the early texts from Nuzi, RA, XXXIV,2, 1937, p.64 sq.

175. Ср. A.Götze, Some observations on Nuzu Akkadian ("Language", XIV, 2, 1938, p.134 sq.).

176. Ср. E.A.Speiser, Notes on Hurrian phonology, p.175 sq.

Другим звеном в этой цепи является богазкёйская клинопись, которой выполнены тексты на хеттском языке, а также на остальных языках, представленных в богазкёйском архиве.[177] Эти разновидности клинообразного письма, проявляющие много общих черт в палеографическом и орфографическом отношении, выделяют обычно в особую группу клинописи под названием "аккадско-хеттского силлабария"[178].

Особые связи проявляет хеттская письменность с хурритской силлабической клинописью митаннийского письма и, что вполне естественно, богазкёйского архива. Для уяснения вопроса о характере и происхождении хеттской клинописи необходимо сопоставить черты сходства и различия хеттской и хурритской систем письма.

В хеттской клинописи, как и в хурритской и нузийской, отсутствуют знаки для эмфатических согласных. Знак Ḳ A обозначает в хеттском тот же заднеязычный взрывной, что и знаки K A и G A[179]. Знак P I передает в хеттской клинописи слог /ḫa/. В хеттской клинописи, как и в хурритской и нузийской, знаки для звонких взрывных чередуются со знаками для соответствующих глухих. Особое распространение находит в хеттской системе письма удвоенное написание согласных, восходящих к индоевропейским

---

177. Аккадские таблетки из богазкёйского архива выполнены в общем той же письменностью, что и хеттские. Богазкёйское письмо аккадских таблеток проявляет много общих черт с нузийской клинописью. Знак P I употребляется, как правило, со значением /ḫa/, тогда как слог /pi/ передается знаком B I. Весьма характерно для этой клинописи чередование знаков для звонких и глухих взрывных, а также передача аккад. s и ṣ знаками для z и др. /см.: R.Labat, L'akkadien de Boghaz-köi, Bordeaux, 1932/.

178. F.Thureau-Dangin, Le syllabaire akkadien, Paris, 1926, p.IV, sq.

179. Об употреблении знаков Ḳ A, G A и Ḳ A в хеттской письменности см.: A.Götze, AM, S.267 f.

глухим взрывным. Удвоение согласного имеет фонематическую значимость и в хурритской клинописи.

Все эти особенности хеттской клинописи дают основание некоторым исследователям полагать, что хеттская клинопись заимствована у хурритов, письмо которых восходит к староаккадскому силлабарию. Возникшее на базе хурритской клинописи различение звонких и глухих согласных при помощи простого и удвоенного написания было перенесено в хеттскую клинопись, являющуюся, согласно этим исследователям, приспособленной к нормам хеттского языка хурритской системой письма[180].

Однако между хурритской и хеттской системами письма существуют и значительные различия. Некоторые особенности хеттской клинописи свидетельствуют, как нам кажется, против положения о заимствовании хеттской клинописи непосредственно из хурритской.

В хеттской клинописи и.-е. /*s/ передается, как правило, знаками для š : ср. e-eš-ḫar, iš-ḫar // скр. ásṛk, греч. ἔαρ 'кровь'; ḫa-aš-ta-i // скр. ásthi, греч. ὀστέον 'кость'; (3-е л. ед.ч. презенса) e-eš-zi // скр. ásti, лат. est; (3-е л.мн.ч.) a-ša-an-zi // скр. sánti, лат. sunt и др.; окончание им.пад.ед. ч. *-s: хет. at-ta-aš 'отец', an-na-aš 'мать', i-da-a-lu-uš 'дурной', 'злой' и др.; формант 2-го л.ед.ч. презенса *-si : хет. e-ip-ši 'хватаешь', ku-e-ši 'убиваешь' и др.

Знаки для š передавали в хеттском звук /s/, что ясно видно из египетской передачи хеттских имен: ср. егип. Ḫt-s-r (§ I)[181] = хет. ^{m}Ḫa-at-tu-ši-li-iš; егип. M-r-s-r (§ 4) = хет. ^{m}Mu-ur-ši-li-iš; егип. S-p-r-r (§ 4) = хет. ^{m}Šu-up-pí-lu-li-u-ma-aš; егип. Ḫ-s-s-p (§ I5) = хет. ^{URU}Ḫi-eš-ša-aš-ḫa-pa (Al., IV,5;

I80. E.A.Speiser, IHu, StH, S.I3 ff.; E.H.Sturtevant – E.A.Hahn, p.2 sq.

I8I. Египетские формы см. в статье: S.Langdon and A.H.Gardiner, Treaty between Ḫattušili and Ramesses II, JEA, VI, 3,I920, p.I79-205.

Ḫukk., I,43); егип. S-r-s (§ I5) = хет. ^{URU}Ša-ri-iš-ša (Man., B,IV,5; Ḫukk., I,45); егип. S-ḫ-p-n=егип. ^{URU}Saḫ-pí-na (Al.,IV, 7; Ḫukk.,I,43; Man., B,IV,5).

Сочетание t/d+s передается в хеттском знаками для z, что указывает на то, что z обозначало в хеттской графике аффрикату [ts][I82].

В ряде хеттских форм индоевропейского происхождения наблюдается чередование знаков для š и z: ^{URU}Liḫšina // ^{URU}Liḫzina, naḫši š // naḫziš, zašḫi- // zazḫi-[I83]. Это явление, засвидетельствованное также в лувийском и палайском языках[I84], возникло, вероятно, под влиянием хаттского языка, для которого характерно чередование š/z[I85]. Обнаруживаемое в некоторых хеттских словах индоевропейского происхождения чередование š/z (zamankur 'борода', samankuryant 'бородатый', ср. скр. śmaśru- < *smaśru- 'борода'; 'нижняя челюсть' от и.-е. *smokru-; sakkar/n- 'грязь', 'испражнения': zakkar/n- 'испражнения'[I86], ср. греч. σκῶρ, (род.пад.) σκατός 'помёт', 'грязь', 'нечистоты') следует объяснить диалектальными особенностями данных форм[I87]. По мнению

I82. E.H.Sturtevant, The sources of Hittite z ("Language", IV, 4, I928), p.227 sq.; A.Götze, Madd., S.I26, E.H.Sturtevant - E.A.Hahn, HG, p.25; И.Фридрих, Краткая грамматика..., стр.5I.

I83. H.Ehelolf, Hethitisch-akkadische Wortgleichungen,S.I86, Anm.I.

I84. A.Kammenhuber, Zu den altanatolischen Sprachen; Luvisch und Palāisch, S.37I f.

I85. L, EP, p.73.

I86. Об этих словах см.: E.H.Sturtevant, Some Hittite etymologies ("Language", XII, 3, I936), p.I8I sq.

I87. E.Laroche, Études de vocabulaire, III, RHA, XI,52,I950, p.40 sq.

Э.Бенвениста, чередование в этих формах š/z следует объяснить упрощением первоначальной аффрикаты /ts/ в /s/[188].

В ряде хеттских форм фонема, передаваемая знаками для z, соответствует /s/ других исторически засвидетельствованных индоевропейских языков. В подобных случаях, согласно гипотезе Э.Бенвениста, следует возводить хетт. z и соответствующее ему s остальных исторически засвидетельствованных индоевропейских языков к первоначальной индоевропейской аффрикате /*c/ = /ts/, сохранившейся в хеттском, но перешедшей в других индоевропейских языках в спирант /s/, совпавший с рефлексом в них и.-е. /*s/[189].

На основании изложенного можно заключить, что в хеттском языке наличествовали фонемы /š/ и /c/ = /ts/, передаваемые соответственно знаками для š и z.

В хурритском языке засвидетельствовано несколько фонем сибилянтного ряда: /s/, /z/, /š/ и /ž/. Звук /s/ встречался сравнительно редко. Однако о его наличии в звуковом составе хурритского языка свидетельствуют формы **psn, usgr, sbl** в хурритских надписях, выполненных алфавитной клинописью из Рас-Шамры (древний Угарит). В хурритских надписях из Мари (среднее течение Евфрата), относящихся к эпохе Хаммурапи (начало XVIII в. до н.э.) и выполненных той же клинописью, что и старовавилонские документы, засвидетельствованы формы **i-si, i-su-di-iš, ma-ru-sa.** В силлабической хурритской клинописи митаннийского письма из тель-амарнского архива имеем формы pis- 'радоваться', ḫisuḫ- 'обижать' неизменно со знаками для s[190].

---

188. E.Benveniste, Etudes hittites et indo-européennes, p.35 sq.

189. Ibid., p.29 sq.

190. E.A.Speiser, IHu, ItH.., S.29 ff.; F.Thureau-Dangin, Tablettes hurrites provenant de Mâri, RA, XXXVI, 1, 1939, p. 1-28. - О фонеме /s/ в хурритском и ее передаче знаками для

Знаками для z передавался в хурритском звук, соответствующий сем. /z/.

Знаки для š передавали в хурритской силлабической клинописи звук, выраженный в угаритском алфавите через t̲ (глухой интердентальный спирант): РШ tu(w)t̲k 'Шаушка' = мит. Ša-uš-ka-; РШ tt̲b-t̲ 'Тешуб' = мит. ^{D}Te-e-eš-šu-pa-aš. Хурритская фонема, транскрибируемая знаком /š/, представляла собой нечто среднее между /t̲/ и /š/.

В некоторых случаях š чередуется в силлаоической хурритской клинописи с z : I-š/zi-ib-ḫa-lu.Фонема, передаваемая этими знаками, транскрибируется знаком /ž/. Э.А.Шпейзер считает, что фонема /ž/ - это звонкий вариант /š/[191].

Следовательно, в звуковом составе хурритского языка наличествовали фонемы /s/, /z/, /š/ и /ž/. Фонема /s/ передавалась в силлабической хурритской клинописи знаками для s; фонема /z/ - знаками для z; /š/ - знаками для š (t̲ угаритского алфавита); /ž/ знаками для š, чередующимися со знаками для z.

В хеттской клинописи знаки для š и z обозначали, как известно, соответственно фонемы /s/ и /c/ = /ts/.

Если допустить происхождение хеттской клинописи непосредственно из хурритской, то остается непонятным, почему не были заимствованы для передачи хеттского /s/ знаки для s, наличествовавшие в хурритской силлабической клинописи и передававшие звук /s/. Необъяснимо при таком допущении и применение в хеттском знаков для š для передачи /s/. Знаки для š передавали в хурритском, как известно, фонемы /š/ или /ž/, отличающиеся фонетически от /s/. Не находит удовлетворительного объяснения и применение в хеттской клинописи знаков для z для передачи аффрикаты

---

s см.: P.M.Purves, Hurrian consonantal pattern, AJSL, LVIII,4, 1941, p.397 sq.

191. E.A.Speiser, Hu, ItH, p.30 sq.

/ts/, так как z передавало в хурритском сибилянт /z/ или, в случае чередования с š, фонему /ž/.

С другой стороны, применение в хеттской письменности знаков для š и z для передачи соответственно /s/ и /ts/ легко объяснимо, если допустить положение о заимствовании хеттской клинописи непосредственно из аккадской.

При слиянии в аккадском в один ряд сем. /*ṯ/ и /*š/*ś/, передававшихся в староаккадском соответственно через š и s, знаки эти стали чередоваться без всякой закономерности. При этом знаки для s начали постепенно вытесняться знаками для š. Хеттская клинопись была заимствована в эпоху, когда знаки для z обозначали в аккадском фонемы /z/, /s/ и /ṣ/. Знаки для z, обозначавшие в аккадском /ṣ/, были применены в хеттской клинописи для передачи аффрикаты /ts/[192], поэтому эти же знаки не могли

---

192. Аккадское /ṣ/ произносилось, по всей вероятности, как аффриката /ts/. Это явствует прежде всего из древнеперсидской передачи вавилонского имени Nabû-kudurrī-uṣur в форме Nabukudračara. Употребление в др.-перс. č /tš/ эквивалентом аккад. /ṣ/ свидетельствует о сложном характере фонемы /ṣ/ в аккадском. Однако др.-перс. č является только приближенной передачей аккад. /ṣ/, так как др.-перс. /č/ передается в аккадском не через ṣ, а через š. Аккадское /ṣ/ как сложный звук было передано в древнеперсидском звуком аналогичного характера - аффрикатой /tš/, так как в древнеперсидском отсутствует аффриката /ts/ (см.: G.Hüsing, Zum Lautwerte des ś, OLZ, X,1907, S.467-470). -

Однако если и допустить произношение /ṣ/ в аккадском не как аффрикаты /ts/, а как эмфатического ṣ, аналогичного арабскому ض (ср.: W.Max Müller, Aegyptische und semitische Umschreibungsfragen, OLZ, X, 7, 1907, S. 358-360), то все же очевидно, что аккад. /ṣ/ переносилось в другие языки не как простое /s/, а как аффриката. Вообще семитическое /*ṣ/ передавалось в

уже быть применены и для передачи хет. /s/ (знаки для s, как было указано выше, стали обозначать аккад. /s/ только в старовавилонской клинописи). Для обозначения хеттской фонемы /s/ в системе аккадской клинописи оставались знаки для š и постепенно вытеснявшиеся знаки для s, которые изредка чередовались со знаками для š и обозначали ту же аккадскую фонему. Поэтому вполне естественно, что для передачи сибилянта /s/ в хеттском были использованы аккадские знаки для š.

О заимствовании хеттской клинописи непосредственно из аккадской свидетельствует и особое распространение в хеттской систе-

---

несемитических языках при помощи различных аффрикат /ср.: Г.В. Церетели, Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита ("Эпиграфика Востока", III, 1949), стр.64 и сл./. Против этого положения не может, конечно, свидетельствовать единственный случай соответствия хет. /s/ : хан. /s/ (от сем. /*ṣ/), которое обнаруживается в имени божества ^{D}El-ku-ni-ir-ša-aš, фигурирующего в одном из поздних хеттских мифов ханаанейского происхождения и отожествляемого Х.Оттеном с сем. 'l qn 'rṣ /см.: H.Otten, Ein kanaanäischer Mythus aus Bogazköy, MIOF, S.135 f./. Аккадское /ṣ/ производило, по всей видимости, акустическое впечатление, аналогичное аффрикате /ts/. В таких условиях естественно, что знаки для z, обозначавшие в аккадском /ṣ/, были применены в хеттской клинописи для передачи аффрикаты /ts/. Весьма характерно, что хет. z передается в египетском через ḏ, соответствующее сем. /*ṣ/ и передаваемое в аккадском через ṣ: егип. ḏ^{c}n(.t) : аккад. Ṣa-a-nu; егип. ḏ-w^{3}dj (.t): аккад. ^{m}Ṣu-u-a-ṣu /см. H.Ranke, Keilschriftliches Material zur altägyptischen Vocalisation, Berlin, 1910, S.34/; ср. егип. ḏ-p-^{s}i-r-n-d (§ 15) = хет. ^{URU}Zi-ip-pa-la-an-t/da (Ḫukk, I, 4,2; Man., B,IV, 6); егип. ḏ-^{s}i-t-ḫr-r-y (§ 15) = хет. ^{D}Zi-it-ḫa-ri-ia-aš (Man.,B, IV, 7, Ḫukk, I, 48); егип. ḳ-d-w-d-n (§ 15, § 19) = хет. ^{URU}Ki-iz-zu-ua-at-na (Ḫukk., I, 44,47).

ме письма шумеро-аккадских идеограмм и детерминативов, чем хеттская клинопись резко расходится с системой хурритской силлабической клинописи, которая избегает применения шумеро-аккадских идеограмм и детерминативов[193].

Если допустить, что хеттская клинопись заимствована непосредственно из хурритской, то возникают и хронологические затруднения. В Малой Азии уже в начале второго тысячелетия до н.э. (около 1900 г.) была распространена староассирийская клинопись ассирийских торговых поселений в Каппадокии. Однако хеттская клинопись не была заимствована из этого источника[194]. Это обстоятельство становится понятным, если допустить, что в период распространения в Малой Азии староассирийской клинописи местное малоазиатское население в ней уже не нуждалось, владея собственной системой письма[195]. Таким образом, terminus post quem возникно-

---

193. E.A.Speiser, IHu, ItH, S.11.

194. Вопрос о происхождении хеттской клинописи из письма каппадокийских таблеток, составленных на староассирийском диалекте аккадского языка, решается отрицательно /ср. A.Götze, Kleinasien. Kulturgeschichte des alten Orients ("Handbuch der Altertumswissenschaft", III, 1, München, 1933), S.63; E.H.Sturtevant, A comparative grammar of the Hittite language, Philadelphia, 1933, p.34 sq./ О языке и письме каппадокийских таблеток см.: G.Contenau, Trente tablettes cappadociennes, Paris, 1919; I.J.Gelb, Inscriptions from Alishar and vicinity; библиография вопроса в кн.: A.Götze, Kleinasien, S.64.

195. Ф.Зоммер объясняет происхождение хеттской клинописи не из староассирийского письма каппадокийских таблеток, а из другого источника тем, что индоевропейские переселенцы появились в Малой Азии в середине двадцатого столетия до н.э., владея собственной письменностью, заимствованной на Востоке /см.: F.Sommer, Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947, S.8 f./. Однако подобное объяснение этого факта вызывает серьезные возражения.

вения хеттской клинописи следует считать начало второго тысячелетия до н.э., что исключает всякую связь ее с хурритской силлабической клинописью митаннийского письма, возникшей, по всей видимости, позднее.

Предположение о столь раннем заимствовании хеттами системы клинообразного письма подтверждается историко-археологическими данными о появлении в Малой Азии племен, говоривших на языках индоевропейского строя. На основании анализа собственных имен, встречающихся в каппадокийских таблетках, можно документально установить присутствие в начале второго тысячелетия в Малой Азии племен, говоривших на индоевропейском хеттском языке[196]. Переселение в Малую Азию племен, говоривших на хеттском (неситском) языке, следует отнести к эпохе, предшествовавшей обоснованию в Каппадокии ассирийских торговых поселений, т.е. к третьему тысячелетию до н.э.[197].

В 1952 г. в результате раскопок в Богазкёе в слое Буюккале IУ С in situ была обнаружена фрагментарная таблетка с хеттской клинообразной надписью[198]. Характерно, что этот документ пред-

---

Вряд ли можно согласиться с положением о заимствовании письменности индоевропейскими переселенцами в период странствий и переходов на новые места жительства. Письменность появляется обычно у оседлых племен в эпоху зарождения у них государственности.

196. A.Götze, The theophorous elements of the Anatolian proper names from Cappadocia, p.263, sq.

197. K.Bittel, Hethiter und Proto-Hattier ("Historia", I,2, 1950), S.270 f.; ср. также Т.В.Гамкрелидзе, "Хеттские языки" и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен ("Труды Института языкознания АН Груз.ССР", Серия восточных языков, П, 1956), стр.51,54.

198. См.: "Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Bogazköy im Jahre 1952", MDOG, 86, 1953, S.20f.

ставляет собой древнейший оригинал, выполненный в начале XУП в. до н.э.

Хотя стратиграфические данные находки рассматриваемой надписи ставятся в настоящее время под сомнение членами богазкёйской экспедиции[199], однако языковые особенности надписи, а также описываемые в ней события дают основание судить о ее древности.

Надпись была впервые разобрана в языковом и историческом отношении Х.Оттеном, который дал ее частичный перевод[200].

Первые семь строк лицевой стороны надписи читаются[201].

1. [.....] x II L Ú^{MES} x x
2. [.....] pí-ra-an e-eš-kán-ta-ti
3. [.....]na i-it-te-en A.NA L Ú ^{URU}Ḫa-aš-ši te-it-te-en
4. nu-ya-at-ta pa-i-mi nu-me-na-aḫ-ḫa-an-da e-ḫu
5. [...n]a-at-ta-ma ú-ya-ši nu-ut-ta ḫar-tág-gán ma-a-an
6. [....]x-iš-ki-mi nu-tu-uḫ-ḫi-ya-at-ti-it a-ak-ti
7. [L Ú ^{URU}]Ḫa-aš-ši L U G A L-i me-na-aḫ-ḫa-an-da za-aḫ-ḫi-ya ú-it

'[.....] Двое людей ..... перед [.....] сидели; [.....] Идите! Человеку (из) города Ḫaššu скажите: [Про]-тив тебя-де выступлю, иди же (мне) навстречу! [Если] же ты не

---

199. Ср. A.Götze, Alalaḫ and Hittite chronology, BASOR, I46, I957, p.27; W.F.Albright, Further observations on the chronology of Alalakh, BASOR, n.I46, p.30, Anm.I4.

200. H.Otten, Die inschriftlichen Funde (в кн.: "Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Bogazköy im Jahre I952", S.59 f. Фотография лицевой стороны таблетки на стр.60.

201. Автографию надписи, выполненную Х.Оттеном, см.в KBo,УП I4. Относящийся сюда фрагмент надписи 530/f опубликован в KUB, XXXVI I00. Фрагменты дубликата надписи представлены в KUB,XXXIII 101 (= Bo 70, 62) и I02 (= Bo 7202).

придешь, тебя, как медведя (?), я .....ю, и от удушья[202] ты умрешь. /Человек/ (из) города Ḫaššu выступил против царя в поход ...'

Далее следует перечень собственных имен в неясном контексте (строки 8-I3):

^{m}Ku-ta-a-ta-aš (строка I0), /...-/at-ta-a-aš-ši-aš (строка 11), ^{m}Ki-ia-ra-aš-ša (строка 11), ^{m}Ḫa-ra-aḫ-nu-i-li-aš-ša (строка I2). С I4-й строки начинается повествование о выступлении войск из Алеппо:

I4. /^{m}Za-/a-lu-di-iš G A L E R Í N^{MEŠ} MA.AN.DA ^{m}Zu-uk-ra-a-ši U G U L A U K U Š.E.N E

I5. /L Ú ^{URU}Ḫa-la-ap ḲA.DU E R Í N^{MEŠ}-ŠU Ù GIŠ G I G I R$^{ḪI.A}$-ŠU ^{URU}Ḫal-pa-az

I6. /Ú-/e-ir ^{m}Za-a-lu-ti-iš A.NA L Ú ^{URU}Ḫa-aš-ši TUP.PA.A.TI

I7. /..... e-eš-/ka-aḫ-ḫa-ri zi-ik-ḫa x/...../

I8. /...../ḫu-i-nu-mi ta-ḫa x/...../

I9. /...../ x x ḫa-/...../

'/Ḫ/ludiš, начальник войск Manda, Zukrāši, предводитель войск U K U Š (и) /человек/ (из) города Ḫalap (= Алеппо) вместе со своими войсками и колесницами из города Ḫalpa /при/шли; Zāluti, человеку (из) города Ḫaššu таблетки /послал? ..... /: сижу я, ты-де ...../...../ обращу в бегство и-де ...'

Язык надписи древнехеттский. Обращает на себя внимание отсутствие частиц -za и -kan (как и в тексте Аниттэ)[203]. О древности языка говорят и следующие засвидетельствованные в надписи формы:

Строка 2: медиальная глагольная форма e-eš-kán-ta-ti, образованная итеративно-дуративным суффиксом -šk- от основы eš- 'си-

---

202. О слове tuḫḫiiattit (инстр. пад. от *tuḫḫiiaz) см.: E.Laroche, Hittite -ima- : Indo-Européen -mó-, BSL, 52,1,1956, 76; ср. также OLZ, 50, 5/6, 1955, S.225.

203. Ср. H.Otten, MDOG, 86, 1953, S.60, Anm.1.

деть'. Ее следует считать, как и Х.Оттен, критерием древности языка, поскольку подобные формы встречаются только в текстах раннего периода[204]. Ср. также в строке I7 форму 1-го л.ед.ч. /e-eš-/ka-aḫ-ḫa-ri, если правильно чтение, предложенное Х.Гютербоком[205].

Строка 5: ma-a-an 'как', 'подобно', 'вроде' встречается только в архаичных по языку текстах; соответствует более позднему послелогу iqar[206].

Строки 8,9,I0: tâk-ka-li-it (ср.также KUB, XXXШ I00,об.6), 3-е л.ед.ч. претерита от глагола taggaliia-'окружать', 'обнимать', встречающегося только в архаичных по языку текстах[207].

Засвидетельствованное в строке I4 наименование Manda (^{m}Za/-a-lu-di-iš G A L E R Í ^{MEŠ} MA.AN.DA 'Zāludiš, 'начальник войск' Manda' - ср.аккад.ummān-manda) встречается уже в хеттском эпическом рассказе о Нарам-Сине и обозначает, возможно, племена, проживавшие северо-западнее Вавилонии[208]. В рассматриваемой надписи перед нами, по всей видимости, древнейший случай употреблений данного наименования[209].

---

204. Ср. 2 BoTU, I2 A,III,I5: e-eš-kán-ta. Сомнения Г.Бехтеля относительно существования глагольных основ на суффикс -šk- от eš- 'сидеть'; 'садиться' /см.: G.Bechtel, Hittite verbs in -šk-, Ann Arbor, I936, p.78,92/ следует устранить в свете данных рассматриваемой надписи.

205. Ср. H.Otten, Ibid.

206. F.Sommer - A.Falkenstein, HAB, S. 42.75 f.

207. Ibid., S.33; ср.: H.Otten, Ibid., S. 60, Anm.1.

208. F.Sommer, Hethiter und Hethitisch, S.5 f.

209. Об E R Í ^{MEŠ} Manda в хеттских текстах см.: H.G.Güterbock, Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis I200, ZA, NF., VIII (XLII), I934, S.70,76, Anm.2; X (XLIV), I938, S.56-67; О попытке этимологизирования имени Zāluti- на базе индоиранских язы-

Вслед за ERÍN^{MEŠ} Manda в надписи упоминается ^{m}Zu-uk-ra-a-ši UGULA UKUŠ.E.NE 'Zukrāši[210], предводитель войск UKUŠ'. LÚ^{MEŠ} UKUŠ, ERÍN^{MEŠ} UKUŠ (аккад. rēdû) обозначает в хеттских текстах особый род войск (возможно, тяжеловооруженных). Войска UKUŠ во главе с GAL состояли из свободных членов хеттского общества[211]. В хеттских текстах UKUŠ представлено в написании AGA.UŠ в отличие от написания UKU.UŠ старовавилонских текстов (ср., например, Codex Hammurapi, X,7,I3,30,5I, etc.). Написание AGA.UŠ характерно для аккадских табличек из Алалаха (AT,6,27; 54,I7), датирующихся первой половиной XVII в. до н.э. (об этом ниже). В рассматриваемой надписи обращает на себя внимание шумерское окончание множественного числа E.NE и употребление титула UGULA вместо обычного для хеттских текстов GAL, чем рассматриваемый случай употребления данного слова расходится с ранее известными случаями[212].

В палеографическом отношении рассматриваемая надпись не представляет каких-либо особенностей, отличающих ее от остальных документов богазкёйского архива. Начертание знаков полностью совпадает с начертанием соответствующих знаков позднего периода.

ков см.: W.F.Albright, Further observations on the chronology of Alalakh, p.3I. Однако подобные попытки весьма сомнительны, поскольку положение об обозначении Manda в эту эпоху для арийских племен ничем конкретным не подтверждается.

2I0. В примыкающем к рассматриваемой надписи фрагменте KUB, XXXVI I00 говорится: ^{m}Zu-uk-ra-ši-iš в A.U G_6 (строка 9) 'Zukrašiš 'умер'.

2II. A.Götze, AM, S.229 f.

2I2. Ср. H.Otten, MDOG, 86, I953, S.60; ср. однако форму LUGAL.E.NE в аккадском тексте из Богазкёя (R.Labat, L'akkadien de Boghaz-köi, Bordeaux, I932, p.52).

В качестве графической особенности надписи Х.Оттен приводит нераздельное написание союза nu с последующим словом: строка 4 nu-¹me-na-aḫ-ḫa-an-da; строка 6 nu-¹tu-uḫ-ḫi-ia-at-ti-it; строка 8 nu-¹a-pí-ia 'и там', встречающееся и в текстах эпохи Хаттусили I: nu-¹ku-i-e-ša (2 BoTU IOβ,I6), nu-¹ša-a-ku-ua-at-te-et (2 BoTU IOβ,IO).

Особое значение для датировки надписи имеет анализ описываемых в ней событий и встречающихся собственных имен и географических названий.

Важную роль в повествовании играет город Ḫalap (Алеппо), из которого была направлена военная экспедиция против хеттского царя. Описываемые события относятся, несомненно, к эпохе, предшествовавшей разрушению Мурсили I города Ḫalap (около I650 г. до н.э.)[2I3]. Из эпохи,предшествовавшей воцарению Мурсили I, известны случаи столкновения хеттов с жителями города Ḫalap[2I4]. Описываемые в надписи события отражают те враждебные отношения,которые существовали в ту эпоху между хеттами и одним из могущественнейших государств Ближнего Востока.

Наряду с городом Ḫalap в надписи (строки 3,7,I5,I6) упоминается L Ú ^{URU}Ḫa-aš-ši 'человек (из) города Ḫaššu' (ср.также KUB, XXXVI IOO,3,IO). Город Haššu(ua) упоминается совместно с Ḫalap и в надписи KBo, III 27 = 2 BoTU IO, представляющей собой фраг-

---

2I3. О времени нашествия Мурсили I на город Ḫalap см.: A.Götze, The problem of chronology and early Hittite history BASOR, I22, I95I, p.I8 sq.; A.Götze, The date of the Hittite raid on Babylon, BASOR, I27, I952, p.2I sq.; иначе M.B.Rowton, The date of the Hittite capture of Babylon, BASOR, I26, I952, p.20 sq. Однако дата М.Б.Роутона представляется нам слишком низкой.

2I4. F.Sommer - A.Falkenstein, HAB, S.2I3 f.; F.Sommer, Hethiter und Hethitisch, S.2I.

мент декларации по поводу воцарения Мурсили I[215].L ú ^{URU}Ḫa-aš-ši встречается и в древнехеттском фрагменте, близком в смысловом отношении к рассматриваемой надписи и дошедшем до нас в позднейшей переписке (KUB, XXXI 5,3,5). Помимо этого в нем фигурируют U G U L A U K U Š.ŠÁ.E.N E (строка 8), а также ^{m}Ia-ri-im-li-/im/ (строка 1) и ^{m}Ḫa-am-mu-ra-pí-iš-(ša) (строки 2,7), отождествляемые с последними царями Ямхада Jarim-Lim III и Ḫammurapi II, царствовавшими в первой половине XVII в. до н.э.[216].

В качестве одного из признаков древности надписи Х.Оттен приводит и упоминание столицы в форме ^{URU}Ḫattu- вместо обычного ^{URU}Ḫattuša на сохранившейся весьма фрагментарно оборотной стороне надписи[217].

3. ^{URU}Ḫa-at-tu-e ú-it ^{URU}Ḫa-at-tu-az-ma-aš ..... /из города ..... / пришел он в город Ḫattu, а из города Ḫattu /отправился в ..... /'.

Встречающаяся в ассирийских клинописных таблетках из Кюльтепе форма Ḫat(t)um (отсюда нисба Ḫattītum) давно уже признана аккадизированной еще в староаккадский период древнейшей формой наименования города или страны Ḫatti/Ḫattu[218]. Эта форма и засвидетельствована впервые в хеттском в рассматриваемой надписи (в KUB, XXXIII,100, об. 5; однако: ^{URU}Ḫa-at-tu-ša-ú-it).

Особое значение для датировки нашей надписи имеет установленное Б.Ландсбергером[219] отождествление ^{m}Zu-uk-ra-a-ši U G U L A

---

215. H.G.Güterbock, Die historische Tradition..., S.99.

216. A.Götze, Alalaḫ and Hittite chronology, p.22; ср. W.F. Albright, Further observations on the chronology of Alalakh, p.28.

217. H.Otten, MDOG, 86, 1953, S.62 sq.

218. J.Lewy, Ḫatta, Ḫattu, Ḫatti, Ḫattuša and "Old Assyrian" Ḫattum, Ar.Or., XVIII, 3, 1950, p.397 sq.

219. B.Landsberger, Assyrische Königsliste und "Dunkles Zeitalter", JCS, VIII, 2, 1954, S.52.

U K U Š.E.N E (строка I4) с Zu-uk-ra-ši U G U L A U K U Š, фигурирующим в таблетке из Алалаха № 6, строка I7[220] в качестве одного из десяти свидетелей при завещании владений ^{m}Am-mi-ta-ḳum-ma, правителем Алалаха(L Ú ^{URU}A-la-la-aḫ^{KI}), своему сыну Ḫa-am-mu-ra-pí. Ammitaḳum(ma), правитель Алалаха, был современником предпоследнего царя Ямхада Jarim-Lim III, в присутствии которого он составляет завещание своему сыну (AT,6,4)[221].

Все эти соображения свидетельствуют о том, что рассматриваемая надпись относится к эпохе, предшествовавшей падению города Ḫalap, т.е. к началу XVII в. до н.э.

Обнаружение древнейшего оригинала с клинообразным письмом, полностью совпадающим с письмом позднехеттской эпохи, имеет особое значение для решения вопроса о происхождении хеттской клинописи. Данные этой надписи не оставляют сомнения в том, что хетты владели в конце XVIII-начале XVII в. до н.э. уже вполне оформившейся системой клинообразного письма, которая оставалась в основном неизменной на протяжении нескольких столетий. Такая стабильность хеттской клинообразной письменности станет понятной,если допустить, что у хеттов уже в XVIII в. до н.э. существовала длительная традиция составления письменных документов этой разновидности клинописи. Подобные соображения дают основание отнести возникновение у хеттов клинообразной системы письма уже к началу второго тысячелетия до н.э.

В свете этих положений естественно допустить, что архаичная по языку надпись царя Анитты, сына Питханы (XX-XIX вв. до н.э.)[222], текст которой дошел до нас в позднейшей копии[223], была составле-

---

220. О таблетках из Алалаха см. ниже.

221. A.Götze, Alalaḫ and Hittite chronology, p.22 sq.

222. J.Levy, La chronologie de Bithana et d'Anitta de Kussara, RHA, V,I7, I934, p.I sq.

223. 2 BoTU 7+30 (ср. E.Laroche, Catalogue des textes hittites, RHA, XIV, 58,I956,p.34). - Первый перевод и разбор над-

на на индоевропейском хеттском языке[224] и выполнена тем же клинообразным письмом, что и позднейшие хеттские документы[225].

На основании изложенного можно заключить, что хетты владели клинообразной системой письма, известной из богазкёйского архива, уже в начале второго тысячелетия до н.э. Следовательно, черты сходства между хеттской письменностью и хурритской силлабической клинописью объясняются не возникновением хеттской клинописи непосредственно из хурритской, а их происхождением из общего

писи дан Б.Грозным, см.: B.Hrozný, L'invasion des indo-européens en Asie Mineure vers 2000 av.J.-C., p.273 sq; см. также H.G.Güterbock, Die historische Tradition... S.I39 f. Новый перевод Х.Оттена (MDOG, 83,I95I) мне недоступен. Историческое истолкование надписи см.: R.S.Hardy, The old Hittite kingdom, AJSL, LVIII,2,I94I,p.I78 sq.

224. Об оригинальности древнехеттского текста Анитты свидетельствует, в частности, то, что в надписи упоминается бог города Несы ^{D}Ši-i-uš-mi-iš (строка 47), ^{D}Ši-ú-na-šum-mi-iš (строка 57). Имя этого божества, которому поклоняется Анитта, объяснимо нормами хеттского языка: Šiu(na)-šmi- 'ваш бог' (о слове šiuna- 'бог' см.: H.Ehelolf, Hethitisch-akkadische Wortgleichungen, S.I70 f.) Ср. P.Kretschmer, Zwei eigentümliche hethitische Götternamen, Ar.Or., XVII,1,I949, S.4I3 f.; ср.также S.Alp, Die soziale Klasse der NAM.RA-Leute,JKF.I,2,I950,S.I26.

225. Ср. O.R.Gurney, The Hittites (Penguin books), London, I954, p.XV. Предположение К.Биттеля относительно того, что текст Анитты, составленный на индоевропейском хеттском языке, был первоначально выполнен каппадокийской клинописью [см.: K.Bittel, Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Kleinasiens, Tübingen, I950,S. 45], вызывает серьезные возражения. Трудно допустить, что хетты, научившись применять каппадокийскую клинопись для записи хеттских текстов, перешли в дальнейшем на другую систему клинообразного письма.

источника - аккадской клинописи эпохи, предшествовавшей старовавилонскому курсиву.

Начертание знаков аккадской клинописи в староаккадскую эпоху или в эпоху III династии Ура, представляет собой более архаичный вид, значительно расходится с начертанием соответствующих знаков хеттской клинописи. Поэтому хеттская система письма (и остальные системы аккадско-хеттской группы), восходящая к староаккадскому силлабарию, не может быть выведена непосредственно из староаккадской клинописи. Это противоречие устраняется лишь при предположении, что хеттская клинопись происходит из источника, восходящего к староаккадской клинописи и являющегося как бы посредствующим звеном между староаккадской и хеттской системами письма.

Наиболее вероятным источником хеттской клинописи следует считать аккадскую клинопись, распространившуюся в Северной Сирии в конце третьего - начале второго тысячелетия до н.э. Обнаруженные на территории древнего Мари (среднее течение Евфрата) аккадские клинописные документы, датирующиеся началом второго тысячелетия до н.э.[226], дают возможность судить о существовании в эту эпоху в Северной Сирии мощных государственных объединений, поддерживавших тесную культурно-экономическую связь с государствами древней Месопотамии[227]. Особое место среди них занимает Ямхад (Ia-am-ha-ad^{KI}), часто упоминаемый в клинописных таблетках из Мари и локализующийся в Северной Сирии[228]. Царь Ямхада Яримлим,

---

226. F.Thureau-Dangin, Textes de Mâri, RA, XXXIII, 4, 1936, p.169-179; G.Dossin, Les archives épistolaires du Palais de Mari ("Syria", XIX, 1938), p.105-126. Сводку палеографии Мари см.: Bottéro, Paléographie ("Archives royales de Mari", XV, Paris, 1954).

227. G.Dossin, Les archives économiques du Palais de Mari ("Syria", XX, 1939), p.97-113.

228. Царство Ямхад отождествляется с царством Алеппо, которое являлось в XVIII в. до н.э. одним из крупнейших государственных

современник великого вавилонского царя Хаммурапи (первая половина XVШ в. до н.э.)[229], считался одним из могущественнейших царей того времени: "двадцать царей следуют за Яримлимом, царем Ямхада" - читаем мы в одним из писем, адресованном царю Мари Зимрилиму[230]. В этом отношении весьма любопытны свидетельства рассмотренной выше древнехеттской надписи, в которой упоминается "человек из города Ḫalap(Алеппо)", выступивший со своими войсками и боевыми колесницами из города Ḫalpa (Алеппо) в составе военной коалиции против хеттского царя. Все это указывает на тесные связи, существовавшие между Северной Сирией и хеттским миром уже в начале второго тысячелетия до н.э. В дальнейшем благодаря военной мощи Ямхада ни ассирийскому царю Шамшиададу I, захватившему царство Мари, ни вавилонскому царю Хаммурапи не удалось присоединить его к своему царству[231]. Царство Ямхад было покорено только преемником хеттского царя Хаттусили I царем

объединений на Ближнем Востоке, управляемым царями аморейского происхождения: /см.: G.Dossin, Le royaume d'Alep au XVIIIe siècle avant nôtre ère d'après les "Archives de Mari" ("Académie royale de Belgique. Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques", XXXVIII, 5,1952), p.229-239/. Царь Ямхада Яримлим (Ia-ri-im-li-im šar Ia-am-ḫa-ad^{KI}) и его преемник Хаммурапи (Ḫa-am-mu-ra-pí šar Ia-am-ḫa-ad^{KI}) именуются также царями Алеппо: Ia-ri-im-li-im šar Ḫa-la-ab^{KI}; Ḫa-mu-ra-pí šarrum ša Ḫa-la-ab^{KI} /см.: G.Dossin, Iamḫad et Qatanum, RA., XXXVI,1,1939,p.46 sq/.

229. О времени правления Хаммурапи см.: В.В.Струве, Датировка I вавилонской династии, ВДИ,1941,1, стр.9 и сл.

230. Ḫ/a-a/r-ki Ia-ri-im-li-im aḫ[illegible]l Ia-am-ḫ/a-a/d^{KI} XX šarrī i-la-ku /см.: G.Dossin, Les archives épistolaire du palais de Mari ("Syria", XIX, 1938), p.117/.

231. См.: J.R.Kupper, Uršu, RA , XLIII, 1949, I-2, p.82.

Мурсили I, который "отправился в (город) Алеппо и разрушил (город) Алеппо"[232].

Северо-западнее Алеппо находился древний город Алалах (A-la-la-aḫ^{KI}), который в эпоху царствования царя Ямхада Яримлима, современника вавилонского царя Хаммурапи, был присоединен к Ямхаду и сделался царской резиденцией[233]. В результате раскопок Алалаха, предпринятых в 1937-1939 и 1946-1949 гг. английским археологом Л.Вулли, были обнаружены клинописные таблетки на аккадском языке, опубликованные Д.Уайзменом в 1953-1954 гг.[234] Основная масса обнаруженных в седьмом слое клинописных таблеток относится к эпохе царствования Яримлима и датируется XVIII-XVII вв. до н.э.[235].

Система аккадской клинописи из Алалаха обнаруживает много общих черт с системами письма аккадско-хеттской группы[236]. Начертание клинописных знаков этих таблеток почти полностью совпадает с начертанием соответствующих знаков хеттской клинописи.

В клинописных таблетках из Алалаха не различаются знаки для глухих и звонких взрывных: ср. i-ba-tar (AT,92,9), i-ba-at-tar (AT,92,14) от patāru 'разрывать'; 'освобождать', 'выкупать'

---

232. /na-/aš ^{URU}Ḫal-pa pa-it nu ^{URU}Ḫal-pa-an ḫar-nik-ta (2 BoTU 23 A, I, 28); ср. R.S.Hardy, The old Hittite kingdom, p.203 sq.; S.Smith, Alalakh and chronology, London, 1940, 10 sq.

233. S.Smith, Alalakh and chronology, p.31 sq.; Sir L.Woolley, A forgotten kingdom (Penguin books), London, 1953, 66 sq.

234. D.J.Wiseman, AT. ; D.J.Wiseman, SAT, p.1-30.

235. E.A.Speiser, The Alalkh tablets, JAOS, LXXIV,1,1954,p. 19 sq.; B.Landsberger, Assyrische Königsliste und "Dunkles Zeitalter", JCS, VIII, 2, 1954, p.51 sq.

236. D.J.Wiseman, AT, p.19 sq.; J.Aro, Remarks on the language of the Alalakh texts, AfO XVII, 2, 1956, p.361.

(сем. *ṭr); ta-am-gu (SAT, 36I,7) от damāḳu 'быть хорошим', 'благоприятным'; i-mi-/i/t-ta-šu (SAT, 455,45) // i-mi-id-da-šu (AT,78,I5), ср. аккад. imittu 'правая рука', 'десница' (субстантивизированное прилагательное женского рода от imnu, сем. *ymn); i-ra-ag-gu-mu (AT,7,38) // i-ra-ak-ku-mu (AT,4I,I6) от ragāmu 'кричать', 'звать', 'жаловаться (в суде)'; 'посягать', сем. *rgm. Знак B I применяется со значением /pi/ (ср. pí-šu, SAT, 455, 35 от pû 'рот'), тогда как знак P I передает слог /ṷa/ : ṷa-aš-bu (SAT, 2I,7) от ṷašābu 'сидеть', 'садиться'; 'жить', 'обитать', 'поселяться'; a-ṷa-tam (SAT, 455,9) от aṷātum 'слово'. Отсутствуют и специальные знаки для эмфатических согласных. Аккадские эмфатические согласные передаются знаками для соответствующих простых согласных: ba-al-tu (AT,42,8) от balāṭu 'жить'; ip-tu-ur-šu-nu-ti (SAT, 29,8), ip-tu-ur (SAT, 30,7) от paṭāru 'освобождать', 'выкупать'; pa-ti-šu-nu (AT,56,4) от pāṭu 'область', 'граница'; li-il-ki (AT,7,2I,23), i-li-ig-gi (SAT,94,I7), i-li-gi (AT,92,9) от leḳû 'хватать', 'брать' (сем. *lḳḥ); i-šar-ra-ku (AT,4,11) от šarāḳu 'красть', 'укрывать' и др. Знаками для эмфатического ḳ (главным образом ḲA) передаются соответствующие простые согласные: i-ša-aḳ-ḳa-nu (AT,2,53) от šakānu 'класть', 'возлагать'; в пермансиве 'лежать' (сем. *škn); ḳa-la (AT,I6,9,I7) от kalû 'совокупность'; 'всё'; i-ma-ḳa-ru (AT,2,29) от magāru 'повиноваться', 'быть любезным', 'оказывать милость' и др.

Полное совпадение с системой аккадско-хеттской клинописи усматривается в таблетках из Алалаха и в отношении передачи аккадских сибилянтов. Знаками для z передаются здесь, как и в староаккадской клинописи, акк. /z/, /s/ и /ṣ/:

/z/ : za-ku(AT,2,35) = zakû 'чистый'; 'свободный от долгов'; za-a-zi-im(AT,7,27) от zāzum 'делить'.

/ṣ/ : zi-ip-ta (AT,50,4) от ṣiptu 'процент' (esēpū 'прибавлять', 'увеличивать'); šu-zi-aš-šu-nu-ti-mi (AT,II3,9) от ṣaṣû 'выходить'; zu-ub-bi-is-su-nu-ma (AT,II0,7) от ṣabātu 'хватать', 'брать'.

/s/ : i-na-az-za-ḫu (SAT,455,45), in-na-az-za-aḫ (AT,56,42) от nasāḫu 'вырывать' (сем. *nsḫ); li-iz-zu-uḳ-ma (AT,7,2I), iz-zu-uḳ-ma (AT,7,29) от nasāḳu 'выбирать'; a-zi-ri (SAT,26I,5), a-zi-ra (SAT, 246,2I) от asīru 'узник', 'заключенный' (esēru 'запирать', 'заключать', 'поймать': сем. *ʾsr); ši-bu-uz-zu-nu (SAT,455,33): /šibussunu/ < šibūt-šunu[237] 'их свидетельство, показание'; ri-ku-uz-za (AT,7,29): /rēḳussa/ rēḳūt-ša 'ее пустота' и др. Знаки для s встречаются сравнительно редко и чередуются со знаками для š : iš-al-šu (AT,I7,4), ši-ta-ʾi-il-šu-nu (AT,II6,I7), но sa-a-al (AT,II6,4) от ša'ālu 'спрашивать' (сем. *šʾl); i-ša-ad-da-ad-ši (AT,92,II), но i-sa-at-ta-at (AT,I6,I6) от šadādu 'тянуть', trahere .

Однако наряду с таким употреблением знаков для s засвидетельствованы и случаи применения их как и в старовавилонской клинописи и для передачи этимологического /s/ : ср. a-si-ri (SAT, 246,22; 25I,I4; 252,7 и др.) от esēru 'запирать', 'заключать' (сем. *ʾsr).

Подобное употребление знаков для s, встречающееся спорадически наряду с обычным их употреблением в качестве вариантов знаков для š, возникло в аккадской письменности Северной Сирии, судя по таблеткам из Алалаха, не ранее конца XУШ в. до н.э. и характеризует сравнительно более позднюю ступень развития староаккадской клинописи.

Аналогичная система клинописи была обнаружена в Северной Сирии южнее Алеппо, в Мишрифе, на территории древнего города Ḳatna (URU Ḳat-na), расположенного на правом берегу Оронта[238]. Го-

---

237. При присоединении аккадского суффикса 3-го л.ед.ч.(-šu) или мн.ч. (-šunu) к основе с исходом на зубной согласный t, d, ṭ возникает комплекс t/d/ṭ+š, который переходит в аккадском в -ss- /см.: W.von Soden, Grundriss der akkadischen Grammatik, Roma, I952, S.85/.

238.Ch.Virolleaud, Les tablettes cunéiformes de Mishrifé-Ḳatna ("Syria", IX,I928), p.90-96.

род Ḳatna отождествляется с древним Ḳatanum (^{URU}Ḳa-ta-nim^{KI}), часто упоминаемым в клинописных таблетках из Мари как столица одного из могущественных царств эпохи первой вавилонской династии[239].

Клинописные таблетки, обнаруженные в Катне, датируются периодом около XУ в. до н.э.[240].

Графика этих таблеток аналогична графике аккадско-хеттской клинописи. Наблюдается чередование между знаками для глухих и соответствующих звонких взрывных. Знак P I применяется со значением /ḫa/: ḫu-ḫa-ḫa (I,163), тогда как слог /pi/ передается знаком B I: pí-i (I,54,70 и др.). Отсутствуют и специальные знаки для эмфатических согласных, передаваемых знаками для соответствующих простых согласных: un-ku (I,296) = unḳu 'перстень' (сем. *ʿnk?); ár-ku (I,4,2I) = arḳu 'зеленый'; 'зелень' (сем. *ḳrḳ). Аккад. /s/ обозначается знаками для z: zi-nu (I,5I) = sēnu 'мелкий рогатый скот' (сем. *ṣ³n).

Можно полагать, что аналогичная система аккадской клинописи была распространена в начале второго тысячелетия по всей Северной Сирии, где в эту эпоху существовал ряд мощных государственных объединений[24I]. В клинописных таблетках из Мари, помимо царств Jamḫad и Ḳatanum, упоминаются города Каркемиш[242], Наš-

---

239. G.Dossin, Jamḫad et Qatanum, RA, XXXVI, 1, I936, p.50 sq.

240. J.Bottéro, Les inventaires de Qatna, RA, XLIII, 1-2, I949, p.32 sq. Клинописный текст, транскрипцию и перевод этих таблеток, см.: J.Bottéro, Les inventaires de Qanta, RA, XLIII, 3-4, I949, p.I37-2I5; J.Bottéro, Autres textes de Qatna, RA, XLIV, 3, I950, p.I05-II8.

24I. Ср. W.F.Albright, New light on the history of Western Asia in the second millennium B.C., BASOR, 77, I940, p.20-32; 78, p.23-3I.

242. G.Dossin, Aplaḫanda, Roi de Carkémiš, RA, XXXI, 2,I938, p.II5-I2I.

šum[243], отождествляемое с Ḫaššuja хеттских источников[244], и др. В этой же области находилось и подвластное Мари царство Абисамара, письма которого к царю Мари Яхдунлиму были обнаружены в архиве из Мари[245].

Староаккадская клинопись была занесена в эти области еще в глубокой древности. Уже с древнейших времен существовали тесные связи между Сирией и аккадским миром. Староаккадская клинопись, занесенная в Северную Сирию, по всей вероятности, в эпоху III династии Ура, развилась в особый вид клинописи, из которой и была заимствована хеттская клинопись в начале второго тысячелетия до н.э. и остальные клинописные системы аккадско-хеттской группы.

Хурритские племена, обитавшие в староаккадский период восточнее Тигра, начинают в эпоху Хаммурапи постепенно проникать в Верхнюю Месопотамию и Северную Сирию[246]. На основании анализа собственных имен, встречающихся в таблетках из Алалаха, можно заключить, что уже в XVIII в. до н.э. хурритский элемент был сильно распространен в Северной Сирии. Хурритские племена наряду с племенами западносемитического, аморейского происхождения составляли в эту эпоху основную массу населения Северной Сирии[247]. Здесь и была заимствована хурритами силлабическая клинопись митаннийского письма. Более поздним заимствованием хурритской кли-

---

243. aṣīl Ḫa-ši-/im^{KI}/(ARM, I, 4), aṣīl Ḫa-aš-ši-/i/m^{KI} (ARM, I, 24,5); ср. L Ú ^{URU}Ḫa-aš-ši древней хеттской надписи, строки 3, 7, I6.

244. Ср. A.Götze, Kizzuwatna and the problem of Hittite geography ("Yale Oriental Series", 22, New Haven, I940), p.7I sq.

245. См.: ARM, I и II; ср. J.R.Kupper, Urša, p.80 sq.

246. I.J.Gelb, Hurrians and Subareans, Chicago, I944, p.58 sq.,89 sq.

247. D.J.Wiseman, AT, p.9,sq.; ср.также H.G.Güterbock, The Hurrian element in the Hittite Empire,"Cahiers d'Histoire Mondiale", II, 2, I954, p.383 sq.; E.A.Speiser, The Alalakh tablets, JAOS, LXXIV, 1, I954, p.I9; E.A.Speiser, The Hurrian par-

нописи по сравнению с хеттской следует объяснить и наличие в хурритской клинописи в отличие от хеттской знаков для s для передачи фонемы /s/, что характерно уже для письменности таблеток из Алалаха.

Этим и объясняются те черты сходства, которые сразу же бросаются в глаза при сравнении хеттской системы клинописи с хурритской силлабической системой митаннийского письма. Однако некоторые внешне сходные особенности хеттской и хурритской клинописи, являясь продуктом обособленного развития этих двух систем, имеют различное содержание. Характерное для хурритской и хеттской графики удвоение согласных могло возникнуть независимо друг от друга для передачи фонем, не имевших в заимствованной хеттами и хурритами системе аккадской клинописи графического обозначения или вовсе отсутствовавших в звуковом составе аккадского языка. В хурритской силлабической клинописи удвоение согласных передает, согласно Э.А.Шпейзеру, соответствующий глухой согласный в отличие от звонкого, передаваемого в простом написании. Удвоение взрывных в хеттской клинописи передавало соответствующий придыхательный согласный. При заимствовании аккадской клинописи два ряда хеттских взрывных (чистые взрывные - придыхательные взрывные) были переданы соответственно не знаками для глухих и звонких взрывных (или наоборот), которые в староаккадской системе письма не различались[248], а соответственно простым и удвоенным написанием взрывных. Простое написание согласного было применено для обозначения чистых взрывных; для передачи в хеттском соответствую-

ticipation in the civilization of Mesopotamia, Syria and Palestine, "Cahiers d'Histoire Mondiale", I, 2, 1953, p.318 sq.

248. F.Thureau-Dangin, Le syllabaire akkadien, Paris, 1926, p.IV sq., W.von Soden, Grundriss der akkadischen Grammatik, S,27 f.; I.J.Gelb, Old Akkadian, p.37 sq. Эта же графическая обособленность характерна и для староаккадской клинописи, распространившейся в Северной Сирии.

щих придыхательных взрывных, отличающихся от чистых взрывных большей интенсивностью и продолжительностью артикуляции, прибегли к новому графическому способу - удвоению знака для соответствующего взрывного, чем и была достигнута дифференциация в графической передаче чистого взрывного и соответствующего придыхательного согласного. Не исключена возможность, что именно эта графическая модель, возникшая в хеттской системе письма, послужила образцом для противопоставления в хурритской силлабической письменности двух рядов хурритских взрывных (звонкие/глухие) путем соответственно простого и удвоенного написания согласного.

В. В. ИВАНОВ

ИЗ ИСТОРИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕКСИКИ КЛИНОПИСНОГО ХЕТТСКОГО ЯЗЫКА

Вопрос о соотношении индоевропейских и неиндоевропейских составных частей в лексике хеттского языка часто обсуждался в хеттологической литературе, но его успешному разрешению препятствовало почти полное отсутствие специальных историко-лексикологических исследований, посвященных отдельным словам и группам слов. Поэтому, например, было возможно отнести к числу неиндоевропейских слов такие термины, которые в действительности являются результатом развития слов (или сочетаний слов) индоевропейского происхождения. В качестве примера можно привести название родства **antiiant-**, неиндоевропейское происхождение которого предполагалось Ф.Зоммером[1] и Э.Ларошем[2]. Как показали исследования последних лет, это слово образовалось из сочетания **anda iiant-** 'внутрь вошедший' (> **antiiant-** 'зять, вошедший в дом без собственного хозяйства')[3]. Все морфемы, выделяемые с исторической точки зрения в существительном **antiiant-**, восходят к

---

1. F.Sommer, Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947, S.43.

2. L,OH, p.134.

3. Ср. H.Güterbock, Zu einigen hethitischen Komposita, ("Corolla linguistica. Festschrift F.Sommer", Wiesbaden, 1955), S.54; J.Kuryłowicz, Le hittite ("Reports for the Eight International Congress of linguists", II, Oslo, 1957), p.297. – О сходстве наблюдаемого в этом случае слияния приставки и наре-

индоевропейскому наследию: наречие-послелог anda(n) (ср.ст.-лат. endo 'в', греч. ἔνδον 'внутри', лик. ñte[4], лув. anda [5]) корень i- (и.-е. *ei-, i- 'идти'), суффикс глагольной основы -a- (ср.сочетание этого же корня с родственным суффиксом в др.-инд. yā-,"тохарском В" iyā-, "тохарском А" yā-, лит. jóti, ст.-слав. ѩхати), суффикс причастия -nt-. Данный пример показывает, что только детальный анализ истории каждого отдельного слова может создать прочную основу для решения вопроса о соотношении индоевропейских и неиндоевропейских элементов хеттской лексики. В настоящей статье предлагается опыт исследования истории некоторых хеттских слов индоевропейского происхождения в их взаимоотношении с неиндоевропейскими лексическими элементами.

I

Одной из отличительных особенностей лексики хеттского языка является отсутствие в этом языке общеиндоевропейского имени существительного со значением 'сон', которое имелось во всех остальных индоевропейских диалектах[6]. Это обстоятельство в особенности обращает на себя внимание потому, что в хеттском языке сохранился архаичный корневой глагол šup- 'спать', восходящий

чия с аналогичными фактами древнеиндийского языка см. рец.В.В. Иванова на кн. J.Kuryłowicz, L'accentuation des langues indo-européennes ("Вопросы языкознания", 1954, № 4), стр.130.

4. H.Pedersen, Lykisch und Hittitisch, 2 Aufl., København, 1949, S.23, § 39, 1.

5. H.Otten, Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen, Berlin, 1953, S.34, 56, 112.

6. См.: W.Porzig, Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets, Heidelberg, 1954, S.179. - Об ошибке, допущенной в этом месте книги Порцига по отношению к хеттскому языку, см.: В.В.Иванов, Новая литература о диалектном членении общеиндоевропейского языка ("Вопросы языкознания", 1956, № 2),стр. 117.

к индоевропейскому глаголу *sup-, от которого было образовано общеиндоевропейское название сна.

В большинстве индоевропейских языков этот корень засвидетельствован в именной основе с суффиксом *-no-: ст.-сл. СЪНЪ < *supno-(русск. сон), др.-инд. svá́p-na-ḥ *swe/op-no- и т.д.[7] В некоторых индоевропейских диалектах эта основа стала уже в древнюю эпоху непроизводной и послужила для образования вторичных глаголов: лит. sapnuoti 'видеть во сне' (лит. sãpnas 'сон'), латыш. sapnuõt 'видеть во сне' (латыш. sapnis 'сон', 'сновидение'), ср. греч. ὑπνόω 'сплю' (уже у Гомера). В других диалектах засвидетельствованы производные глаголы, образованные не от именной основы *swe/opno-/*supno-, а непосредственно от корня *swep-/sup-: ст.-слав. СЪПАТИ, русск. спать, др.-англ. swefan 'спать', др.-нем. swefan, др.-исл. sofa, ср.-лат. sōpio 'усыпляю'. В древних индоиранских языках представлен ряд употребительных глагольных основ, образованных от данного корня (др.-индр. svap-, авест. hvap-); однако даже в ведийском, особенно хорошо сохраняющем корневые формы, соответствующий корневой глагол непосредственно не засвидетельствован. Корневая основа sup- в "Ригведе" представлена только в отглагольном прилагательном prasúp- 'дремлющий' (из pra+sup-), встречающемся лишь один раз в IX мандале (им.пад.мн.ч. муж.р. prasúpas (sómāsas) (Ṛg-Veda, 781,6). Искажение соответствующего места в "Самаведе" в prasútas указывает на то, что корневые формы от sup- очень рано перестали употребляться в ведийском, благодаря чему prasú-

---

7. Об огласовке ср. А.Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.-Л., 1938, стр.172, 175; K.Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, 2 Aufl., Bd.II, fasc.I, Strassburg, 1889, S. 260, § 181; см. также: M.Mayrhofer, Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende ("Studien zur indogermanischen Grundsprache", herausgegeben von W.Brandenstein, Wien, 1952).

pas в сочетании с sómāsas (им.пад. мн.ч. от soma-) было переосмыслено как производное от глагола su- 'давить', 'выжимать сок', часть сочетающегося в "Ведах" с существительным soma- ('сок, сóма').

Если существование в древнеиндийском языке восходящего к корню *swep- корневого глагола можно только предполагать для древнейшего периода развития языка на основе ведийской формы отглагольного прилагательного prasúpas, то в хеттском языке засвидетельствованы личные формы этого глагола[8] [ср. M I-an-da-az Ú.UL šu-up-ta-ri 'ночью [он] не спит' (KUB, IУ 47,I,3)]. Наряду с редко встречающимся корневым глаголом šup- 'спать' в хеттском языке существовал производный глагол šuppariḭa- 'спать', ср. причастие šuppariḭant- (им.пад. šuppariḭanza)[9]. Глагол šuppariḭa- принадлежит к немногочисленной группе архаичных хеттских глаголов на -ariḭa-. Первоначально эти глаголы были производными от именных основ на -ri-, но постепенно в глаголах этой груп-группы происходило морфологическое переразложение, связанное с

---

8. Наличие корневого глагола -šup- 'спать' в хеттском установлено И.Фридрихом [J.Friedrich, Zum hethitischen Lexikon, JCS, JCS,I,4, 1947, S.294]. - В указанной статье Фридрих высказал также предположение, что в КВо,У 4,П,38 засвидетельствован этот же корневой глагол, а не глагол šupš- (с тем же значением), и соответственно предложил чтение šu-up-ta!-ri вместо šu-up-ša-ri. Однако, учитывая наличие в хеттском языке большого числа глаголов с древним суффиксом -eš-/-š(š)-, можно признать и возможность существования производной основы šupš- 'спать' наряду с корневым глаголом šup-. Но из-за отсутствия параллельных мест в других опубликованных текстах окончательное решение этого вопроса в настоящее время не может быть дано.

9. H.Ehelolf, Heth. milit, 'Honig', OLZ, 1933,1,Sp.3; E.H.Sturtevant, JAOS, 56, p.282-284.

исчезновением имен на -ri- [10]. Так же как šuppariia- соотносился только с šup-, глагол gimmant-ariia- 'зимовать' сопоставлялся непосредственно с gimmant- 'зима', а глагол šakuuandariia- по-видимому, соотносился с причастием šakuuant-[11]. К этой же группе глаголов на -ariia-, где соответствующие именные основы на -ri- уже исчезли, возможно, принадлежал и глагол genuriia-, который, по предположению Г.Бранденштейна, связан с genu- 'колено'[12]. Но первоначально все эти глаголы должны были иметь соответствующие имена на -ri-, от которых они и были образованы[13]. Об этом свидетельствует хеттский глагол etriia- 'кормить', соотносящийся с именем существительным etri- 'еда', а также глагол pangariia- 'увеличиваться', родственный окаменевшей форме творительного падежа pangarit 'целиком', 'целой массой'[14]. Причастие šuppariiant- по своей структуре может быть сопоставлено с išmeriiant- 'взнузданный', которое, как недавно показал Э.Ларош, связано с išmeri- 'вожжа'[15].

---

10. См.: В.В.Иванов, Происхождение и история хеттского термина panku 'собрание', ВДИ, 1957, № 4, стр.25.

11. О значении этих слов см. Fr, HW, S.178.

12. G.G.von Brandenstein, Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen, Berlin, 1943, S.40,93. - В свете указанных ниже данных о связи глаголов на -riia с основами на -r/n- genuriia- можно сравнить с арм. cunr 'колено'.

13. А.Гётце /A.Götze, Tunn., p.75/ и Стертевант /E.H.Sturtevant-E.A.Hahn, HG, I, p.80/ для объяснения глаголов gimmandariia- и šakuuandariia- предполагают существование именных основ gimmandari- и šakuuandari-(другие слова этой группы ими не привлекаются).

14. Обоснование предлагаемого здесь перевода формы pangarit (несколько отличного от общепринятого), см.: В.В.Иванов, Происхождение и история хеттского термина panku 'собрание', стр.26-28.

15. E.Laroche, Études de vocabulaire, V, RHA, 1956, XIII, 57, p.81-83. - Э.Ларош считает išmeriiant- прилагательным, но оно

Необходимо подчеркнуть, что группа глаголов на -ariя- в хеттском языке была непродуктивной. Глаголы etriя-, šuppariя-, genuriя-, pangariя- встречаются редко, при этом главным образом в текстах архаического характера (pangariя- засвидетельствовано в древнехеттском документе царя Телепинуса, 2 BoTU 23 A, II, § 27,31,33; genuriя- — в ритуальном тексте Bo 2383; etriя- — в Хеттских Законах, § 100). С постепенным исчезновением глаголов на -riя- в новохеттский период может быть связано появление необычной формы gim-ma-an-ta-an-zi (вместо обычного gimmantariянzi) в новохеттском тексте анналов Мурсилиса (KBo, IV 4, об.IV,55)[16]. Вместо gimmantariя-, принадлежащего к отмирающему типу глаголов, в этом тексте употреблен глагол gimmanta-, относящийся к одному из продуктивных типов отыменных глаголов новохеттского периода. Следовательно, процесс исчезновения глаголов на ariя- происходил параллельно с процессом исчезновения именных основ на -ri-, от которых были образованы эти глаголы.

Поскольку глаголы на -ariя- были непродуктивным, архаичным классом, исключена возможность образования глагола šuppariя- непосредственно от šup- при помощи суффикса -ariя-. Иначе говоря, на основании рассмотренных словообразовательных соотношений можно утверждать, что глагол šuppariя- был образован от именной основы *šuppari-, не сохранившейся в письменный период истории хеттского языка. Для исследования происхождения основы

может быть и причастием, что более соответствует как семантике слова, так и закономерностям словообразования, обнаруживаемым в рассматриваемой группе слов. В этом случае следует предположить существование глагола *išmeriя-.

16. А.Гётце /A.Götze, AM, S.140, Anm.d/ считал эту форму "необъяснимой", а Фридрих объяснял ее ошибкой писца /J.Friedrich, Hethitisches Elementarbuch, Bd.II, Heidelberg, 1946, S.4, Anm.5/.

*ŝuppari- необходимо рассмотреть те именнне основы того же типа (на -ri-), которые сохранились в хеттском языке.

О древности именной основы etri- 'еда' свидетельствует уже то, что образованный от нее глагол etriia- находит соответствие в лув. adri- [17]. Родственные именные основы на -r-, образованные от индоевропейского корня *ed-, имеются в литовском языке: лит. ed-rù-s 'прожорливый', 'всеядный', ed-rà- 'корм (для животных)', žuv-ėdra 'чайка' (сложное слово со значением 'рыбоед'), ср. также литовские глаголы ėdroti, ėdrineti, ėdrauti 'есть (о скоте)', 'пастись', 'пощипывать траву' и хет. etreš- 'кормить (скот)'. Суффикс *er-, отраженный в хеттских и литовских основах на *-r-i, *-r-u-, *-r-o-, находится в закономерном чередовании с суффиксом *-en- в лат. ĕdo, edōnis 'обжора' [18], др.-в.-нем. -ezzo в сложных словах (man-ezzo 'людоед'), ср. суффикс *-eno- в др.-инд. ádanam 'корм', родственном греческому ἔδανον 'еда' и производным от *ed- на *-ono- в германских языках, выступающим в качестве инфинитивов. Сопоставление всех этих данных позволяет предположить, что существовало индоевропейское имя существительное гетероклитического типа, образованное от корня *ed- при помощи суффиксов *-er-,*-en-. Это предположение согласуется с фактами языка гомеровского эпоса, где засвидетельствовано существительное ἔδαρ 'еда', 'корм',принадлежащее к гетероклитическому типу (род.пад. ἔδατος).Согласно предположению И.Шмидта [19], в недавнее время поддержанно-

---

17. См.:H.Otten, Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen, S.58.

18. Ср.также *edno 'еда', предполагаемое В.Пизани на основании формы ednoisi, которую он выделяет в надписи Дуэноса /V.Pisani, Testi latini arcaici e volgari con commento glottologico ("Manuale storico della lingua latina", III, Torino, 1950)/.

19. J.Schmidt, Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra, Weimar, 1889, S.173.

му Э.Швицером[20], это слово восходит к *ἦδαρ < *ēdr̥, чередующемуся с *ἦδατ- из *ēd-n̥t- (ср. хеттское причастие ad-ant- от ed-). Таким образом, в хеттском etri отражено индоевропейское имя существительное гетероклитического типа на -r/n.

На основании таких фактов автор настоящей статьи пришел к выводу, что хеттские именные основы на -ri являются результатом присоединения суффикса -i- к индоевропейским основам на -r- гетероклитического типа[21]. Дополнительным подтверждением этого вывода служит недавнее открытие Э.Лароша, который показал, что хеттское существительное išmeri связано с индоевропейской основой гетероклитического типа *ismer- : *ismen- (ср. хет. išmanala- 'кучер', 'наездник' и греч. ἱμας 'постромки')[22]. Следовательно, уже только на основании сравнения с другими хеттскими именными основами на -ri можно утверждать, что *šuppari - результат развития основы гетероклитического типа.

Этот вывод вполне согласуется с результатами новейших этимологических исследований, которые показали, что индоевропейское название сна, образованное от корня *swep-, было именем сущест-

---

20. E.Schwyzer, Griechische Grammatik, Bd.I, München, 1939, S.227.

21. См.: В.В.Иванов, Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры (автореферат диссертации), М., 1955, стр.8 (краткие выводы работы изложены в журнале "Вопросы языкознания", 1956, № 2, стр.147). - Ср. также статьи В.В. Иванова: "О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков" ("Вопросы славянского языкознания", № 2, М. 1957), стр.14-15; "Древнеиндийское asram 'слеза', 'кровь' и хеттское ešḫaḫru 'слезы'" ("Езиковедски изследования в чест на акад.Ст.Младенов", София, 1957), стр.480-481.

22. E.Laroche, Études de vocabulaire, V, p.82-83.

вительным гетероклитического типа с чередованием основ на -r и на -n[23]. В большинстве индоевропейских языков отразилась основа на -n-, но в греческом (и, возможно, в латинском) наряду с ней засвидетельствована основа на -r- (греч. ὕπαρ , ср. лат. sopor)[24]. Именно эта основа на -r отражена и в хеттском šuppariia-. Следует отметить, что если в хеттском языке вторичный суффикс -i- был присоединен к основе на -r-, то в ряде других родственных языков тот же суффикс следует за основой на -n- (иногда с последующим тематическим *-o-, откуда *-io-), ср. ст.-слав. сънии 'сновидение', греч. (ἐν)-ὕπνιον , лат. somnium, др.-инд. svápn(i)yam[25], латыш. sapnis 'сон', "тохарское А" śāṃñi 'спящий'[26]. Производные на -i- от основы *swep-n- в славянских и греческом языках обнаруживают такую же нулевую огласовку корня, как и производное на -i- от основы *swep-r- в хеттском; поэтому на огласовку хет. šuppariia- можно распространить то объяснение, которое А.Мейе дал огласовке греческих и славянских вторичных производных от этого корня[27]. В настоящее время можно считать достоверным отражение в хеттском языке закона, по которому корень во вторичных индоевропейских производных наиболее

---

23. Соответствующие данные приведены в обзорной статье М.Майрхофера: M.Mayrhofer, Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende, S.42-43.

24. См.: H.Frisk ("Eranos", 48, 1950), S.131-135.

25. А.Мейе в кн. "Общеславянский язык" (М.1951, § 401,стр. 287) относил образование этого вторичного производного к общеиндоевропейскому периоду.

26. См. об этом "тохарском" слове: P.Poucha, Institutiones linguae tocharicae, I, Praha, 1955, p.339.

27. А.Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр.172. - Другое объяснение дается в указанной выше статье М.Майрхофера.

архаичного типа имел нулевую ступень огласовки[28]. В хетт. duḫa < < *turḫa- 'четвертый' согласно гипотезе Зоммера[29], можно видеть отражение классического примера действия этого закона /ср. др.-инд. turíya- 'четвертый' (из *k^wtur-ḫo-)/; тем же законом можно объяснить нулевую ступень огласовки некоторых производных от *dei-ḫo- в хеттском, как и в других индоевропейских языках (см. об этих производных во второй части настоящей статьи). Этой же закономерностью объясняется как огласовка хет. šuppariḫa-, так и огласовка родственных вторичных производных в некоторых других индоевропейских языках.

При помощи метода внутренней реконструкции и сравнения с родственными языками можно установить, что в хеттском языке в дописьменный период его истории была представлена индоевропейская именная основа со значением 'сон', 'сновидение', образованная от корня *swep-. Для уяснения причин исчезновения этой именной основы в хеттском необходимо рассмотреть хеттские слова, значение которых соответствует значению этой основы.

В хеттском языке в значении 'сон', 'сновидение' употребляются формы teš̪na- и zaš̪na(a)i- (zaš̪i-). Существительные teš̪na- и zaš̪i- имеются в хеттском языке одинаковое значение; оба эти существительные соответствуют идеограмме Ù 'сон', 'сновидение'.

Более двадцати лет назад Гётце показал, что teš̪na-, zaš̪i- и zaš̪i- (вариант zaš̪i-) являются разными формами одного слова[30].

---

28. Ср. А.Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр.287.

29. Возражения, выдвинутые против этой точки зрения Гютербоком /H.G.Güterbock, RHA, XIV, 60, 1957/, нельзя считать бесспорными.

30. A.Götze, Die Pestgebete des Muršiliš ("Kleinasiatische Forschungen", I, 2, Weimar, 1929), S.232; A.Götze - H.Pedersen, MS, S.23. - А.Гётце не дал, однако, объяснения чередований,об-

В настоящее время можно установить, что аналогичные чередования характерны для передачи в хеттских текстах слов хаттского ("протохеттского") происхождения, ср. различные формы названия древнего города страны Хатти ^{URU}Liḫšina, ^{URU}Liḫzina[31] и ^{URU}Zi-iḫ-zi-na (KUB, XXXIII 66, III,3,20; чередуется с Li-iḫ-zi-na в том же тексте), где чередование l:z, согласно Зоммеру[32], следует понимать как t:z (ср. tabarna:labarna). Такое же чередование -ḫš-:-ḫz- (Liḫšina:Ziḫzina, ср. -šḫ-:-zḫ- в tešḫa-:zaẓḫi-) обнаруживается в хеттском слове antuḫša- 'человек', которое является заимствованием из языка хатти[33] ("протохеттского"), ср. написания an-tu-uḫ-ša-aš и an-tu-u-ua-aḫ-za (KUB, XII 44,III 7). Новейшими исследованиями установлено, что чередования t:z (t> z) и изменение группы šḫ характерны для хаттских ("протохеттских") собственных имен, заимствованных хеттским языком[34]. Таким образом, фонетические особенности tešḫa-/zaẓḫi-/zaẓḫi- позволяют предположить, что это слово заимствовано из языка хатти ("протохеттского"). Такое предположение подтверждается срав-

---

наруживаемых в этом слове, так как не знал еще других аналогичных явлений.

31. H.Ehelolf, ZA(NF) IX,S.186,Anm.1.- Параллелизм чередований ḫš:ḫz в этом названии города и чередований šḫ:zḫ в tešḫa-:zaẓḫi- отмечен Фридрихом в "Краткой грамматике хеттского языка" (§ 29, стр.51), но также без объяснений.

32. F.Sommer, Zu den letzten Publikationen der hethitischen Keilschrifttexte aus Berlin, OLZ, 1953, 48, 1/2, S.11-12. - Аналогичное чередование предполагается Л.Р.Пальмером и в одном из эгейских языков /см.: L.R.Palmer, Mycenaean Greek texts from Pylos ("Transactions of the Philological Society", 1954, Hertford, 1955), p.20, n.3; p.53b/.

33. О происхождении хет. antuḫša- см.: L, HD, p.195.

34. L, DH, p.36, 38-39, 41-42. - О чередовании t:z не только в начале, но и в середине слова см.: Kh, PHB, S.116.

нением teṣ̌a- и zaṣ̌i- с хаттским именем бога Taṣ̌apuna[35]. Передача этого хаттского имени бога в хеттских текстах обнаруживает разительное сходство с чередованиями, отмечаемыми в хеттском названии сна[36]; ср., с одной стороны, teṣ̌a- и Taṣ̌apuna, Taṣ̌apuni, с другой стороны, zaṣ̌i- и Zaṣ̌apuna, zaz̧i- (согласно А.Гётце = za̧i- [37]), и Za̧apuna, Za̧puna . В хаттском имени бога Taṣ̌apuna можно выделить морфему -puna, часто выступающую в качестве второй части имени хаттского божества, ср. ̧ate-puna < ̧ate- (хаттская основа, известная во многих других словах) + puna [38], Teli-puna [39] и др. Следовательно, можно утверждать, что в хаттском имени бога Taṣ̌apuna выделяется морфема taṣ̌a-[40], фонетическая передача которой в хеттских текстах в точности соответствует хет. zaṣ̌i-/zaz̧i-/teṣ̌a-; весьма вероятным представляется генетическое тождество хаттской

---

35. Об этом имени бога см.: L, DH, p.38-39.

36. Это было мимоходом отмечено Ларошем (L,DH, p.39), высказавшим на этом основании предположение о происхождении хет. zaṣ̌a- из хатт. *teṣ̌a- (см. L HD,p.203).

37. А.Гётце предположил, что звукосочетание, передаваемое двояким написанием zaṣ̌-/zaz̧-, могло бы быть передано и написанием za̧- (что в данном случае не сделано только потому, чтобы избежать смешения с существительным za̧̧ai- 'битва') (см.: A.Götze - H.Pedersen, MS, S.23).

38. L, DH, p.24-25.

39. Ibid., p.35.

40. Предлагаемый здесь анализ имени Taṣ̌apuna отличен от гипотезы Ж.Ларош, который связывает это слово с -(a)ṣ̌ap- 'бог' [L, EP, p.78]. Против гипотезы Ларош говорит очевидная связь Taṣ̌apuna с другими именами богов, имеющими второй элемент -puna. Ларош выделяет в данном имени префикс ta-, но сам указывает на неясный характер этого префикса.

основы taḫa-, выделяемой в имене хаттского бога taḫapuna, и хет. teḫa-/zaḫi-/zazḫi-, которое по фонетическим причинам следует признать хаттским заимствованием[41].

Проникновение заимствований из языка хатти в хеттский язык было связано главным образом с сильным воздействием религии исконного населения страны Хатти на религию носителей хеттского (неситского) языка; поэтому большинство выявленных хаттских заимствований в хеттском языке относится к религиозной лексике. В этой связи следует подчеркнуть то, что хет. zaḫi-, teḫa- (идеограмма Ù) является прежде всего важным религиозным термином; это доказывается употреблением этих слов в памятниках самого разнообразного содержания и разных жанров. В автобиографии Хаттусилиса III сообщается, что в юности он был сделан жрецом богини Иштар потому, что сон, приснившийся его отцу, был истолкован как проявление воли богини Иштар; nu ^{d}IŠTAR G A Š A N-IA A.NA ^{m}Mur-ši-li A.BI.IA Ù-it ^{m}N I R.G A L-in Š E Š-IA u-i-ia-at 'и богиня Иштар, моя владычица, брата моего Муваталлиса к моему отцу послала посредством сна (Ù-it = teḫit или zaḫit)'(I,I3-I4; затем излагается содержание речи Иштар, обращенной к Мурсилису). В дальнейшем повествовании Хаттусили-

---

4I. Установление хаттского происхождения слова teḫa- окончательно подтверждает справедливость сомнений, которые давно уже высказывались /A.Götze - H.Pedersen, MS, S.69/ по поводу попыток Стертеванта объяснить это слово как исконное индоевропейское. Сравнение с греч. δέατο /см.: E.H.Sturtevant, A comparative grammar of the Hittite language, Philadelphia, I933, p. I60/ не может быть признано удовлетворительным ни с фонетической, ни с семантической стороны; характерно, что сам Стертевант, предложивший эту этимологию, в более поздних работах не возвращался к ней. Фридрих в своем словаре приводит это сравнение с вопросительным знаком /Fr, HW, S.222/.

са сны (ÚḪ), во время которых самому Хаттусилису (I,36-37) или его жене (IV,9) являлась богиня Иштар, занимают важное место. Религиозное истолкование снов составляет основное содержание сборника обетов царя и царицы различным богам и богиням, ср., например, следующую характерную запись из этого сборника: ÚḪ^{TUM} S A L.L U G A L za-aš-ḫi-i/a-ua-/mu ^{d}L U G A L-ma-aš IQ.BI 'Сон царицы. Во сне (zašḫiia) мне бог Саррумас сказал...' (KUB, XV 1,II,42, ср. аналогичные места там же, II,38,40; KUB, XV 5,II,39,42,46; KUB, V I2, обр.сторона 8; 24,II,I5). В повествовании Мурсилиса о том, как он лишился дара речи, решающее значение приписывается сну, который понимается следующим образом (лиц.,9-I0): nu-mu-kán za-az-ḫi-i an-da ŠU D I N G I R^{LI} a-ar-aš K A × U-iš-ša-mu-kán ta-pu-ú-ša pa-it 'Тогда меня во сне (zazḫi) коснулась рука божества и дар речи от меня ушел' (лиц., 8-9)[42]. Соответственно при перечислении бед, от которых нужно спасти человека, в ритуале рядом называются i-da-la-mu-uš za-aš-ḫi-mu-uš D I N G I R^{MES}-aš ḫar-pí-in 'дурные сны (и) гнев богов' (ритуал Tunnawi, § 32,III,5I). Из приведенных текстов и других аналогичных им мест хеттских памятников[43] явствует, что tešḫa- и zašḫi- употреблялись главным образом в значении 'сон', 'сновидение', понимаемом как проявление воли божества'[44]. То, что tešḫa- (= zašḫi-) в этом значении принадлежало к числу специальных религиозных терминов, особенно ясно проявляется в известной молитве Мурсилиса во время чумы. Прося бога, чтобы они открыли, в чем состоит причина их гнева, вызвавшего

---

42. Текст цитируется по изданию A.Götze - H.Pedersen, MS,S.4.

43. Ср.тексты, указанные в работе: F.Sommer - H.Ehelolf, Pāp, S.3I.

44. О понимании сна в хеттской религии как средства общения человека с богом см.: A.Götze, Kleinasien ("Kulturgeschichte des Alten Orients,Handbuch der Altertumswissenschaft",I,3; München, I933), S.I39.

чуму, Мурсилис говорит: na-at-za-kán na-aš-šu te-eš-ḫi-it ú-ḫa-al-lu na-aš-ma-at a-ri-ia-še-eš-na-az /ḫa-an-da-i/a-at-ta-ru 'и пусть ее (причину гнева богов. - В.И.) либо посредством сна (tešḫa-) я увижу, либо это оракулом будет установлено' (2-я молитва Мурсилиса во время чумы[45], П,§ 11,3). В этом месте tešḫit 'посредством сна' (ср. в том же тексте, несколькими строками выше, в § 10 9 te-eš-ḫa-az в том же значении) выступает параллельно с ariiašešnaz 'посредством оракула'[46]. Как ясно из дальнейшего текста молитвы, речь идет об особом гадании посредством сна; tešḫa- 'сновидение' оказывается поэтому таким же специальным термином, как и ariiašeššar 'оракул'. Гаданию посредством сновидения приписывается особое значение; так Мурсилис молит: nu-za D I N G I R^{MEŠ} BE.LU^{MEŠ}IA pa-ra-a ḫa-an-da-an-da-a-tar ti-ik-ku-uš-nu-ḫa-an-du na-at-za-kán a-pí-ia ku-iš-ki te-eš-ḫi-it a-uš-du 'И пусть боги, мои повелители, явят божественное чудо, и тогда пусть кто-нибудь /из жрецов/ его увидит посредством сна (tešḫa-)' (П, § 11). Аналогичное сочетание религиозных терминов para ḫandatar 'божественное чудо'[47] и zaḫḫi- 'сон' встречается и в других хеттских текстах, например в ритуале Pāpanikri, I,43[48].

Анализ данных хеттских памятников, следовательно, приводит к выводу, что tešḫa-, zaḫḫi- - очень важные религиозные термины, связанные со специфическим пониманием сновидений в хеттской религии. Если учесть, что хеттские религиозные представления складывались под сильным влиянием хаттской религии и что большинство "протохеттских" заимствований в хеттском - религиозные терми-

---

45. A.Götze, Die Pestgebete des Muršiliš.

46. Об одинаковой функции этих форм ср.: И.Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, стр.133, § 229 а.

47. Ср.: A.Götze, Kleinasien, S.138; E.H.Sturtevant, Hitt, p. 85-86, 229.

48. F.Sommer - H.Ehelolf, Pāp, S.4.

ны, то оправданным явится предположение о связи между религиозной значимостью хеттских слов tešha-, zašhi- и их "протохеттским" происхождением. Надо думать, что название 'сновидения' (понимаемого в духе хаттской религии) было заимствовано вместе с другими хаттскими религиозными терминами в период после прихода носителей индоевропейских языков в Малую Азию.

Для определения относительной хронологии влияния хаттской религии на носителей индоевропейского хеттского языка (по сравнению со временем других испытанных ими культурных влияний) существенное значение имеет хронология различных групп хеттских мифологических (эпических) текстов, изучение которых особенно продвинулось вперед за последние годы. В этих текстах явственно различается наиболее древняя группа мифов (первая), связанных с "протохеттской" традицией и дошедших до нас преимущественно как составные части архаичных культовых текстов (мифы о Телепинусе и Иллуянкасе), и более поздняя группа мифологических повествований (вторая), связанных главным образом с хурритским культурным влиянием (эпос о Кумарби и другие эпические произведения, хеттские письменные версии которых относятся к эпохе Нового царства); особое место занимают мифы, сложившиеся под ханаанским влиянием[49]. Если вторая группа мифологических текстов относится ко времени Нового царства (после середины второго тысячелетия до н.э.)[50], то первая группа мифов восходит к более

---

49. О различных группах хеттских мифологических текстов см.: H.Otten, Ein kanaanäischer Mythus aus Boğazköy, MIO, I, 1,1953, S.146-148. - Недостатком классификации Оттена является то, что в ней не указана связь первой группы мифов с протохеттской традицией. Ср. E.Laroche, Catalogue des textes hittites,RHA, XIV, 59, 156, p.105-113.

50. О хронологии влияния хурритской культуры на культуру хеттов см.: H.G.Güterbock, The Hurrian element in the Hittite Empire ("Cahiers d'histoire mondiale", II,2,Paris,1954),p.383-394.

древней эпохе истории хеттского общества. К той же эпохе может быть отнесено и заимствование хеттским языком некоторых протохеттских (хаттских) культовых терминов, в том числе названия "сновидения, в котором открывается воля богов"[51].

В пользу предположения о том, что teš̲ha- и zaš̲hi- принадлежат к числу заимствований дописьменного периода, говорит то, что эти слова склоняются всегда по законам хеттской морфологии[52] (в отличие от проникших в хеттский язык в середине второго тысячелетия до н.э. хурритских заимствований, сохранявших в хеттских текстах иноязычный морфологический облик). Эти слова не отмечались "глоссовым клином", который писцы Нового царства ставили перед словами, воспринимавшимися ими как иноязычные. О древности заимствования слова teš̲ha- свидетельствует также и то, что от этого слова в соответствии с особенностями хеттского словопроизводства был образован производный глагол teš̲haniia- 'появляться во сне'. В особенности характерна итеративная форма teš̲haneš̲k- 'часто являться во сне', засвидетельствованная в рассказе Мурсилиса о том, как он лишился дара речи[53] (лиц.7, в этом тексте teš̲haneš̲k- употребляется в сочетании не с teš̲ha-,

---

51. Следует отметить, что рассматривавшееся выше имя хаттского бога Zaš̲hapunaš упоминается в качестве имени величайшего из всех богов именно в одном из этих древнейших мифологических текстов - в мифе об Иллуянкасе (KBo, III 7, IV, I7-I9, ср. последний перевод этого текста, данный А.Гётце в рецензии на кн.: T.Gaster, Thespis, JCS, VI, 2, I952, p.I0I). Этот миф составляет часть ритуала purulia-, хаттское происхождение которого твердо установлено (см.: F.Sommer, Hethiter und Hethitisch, S.92-93).

52. См.парадигму склонения teš̲ha-: И.Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, стр.59; парадигму склонения zaš̲hi- там же, стр.62; ср. также: Fr, HW, S.232.

53. A.Götze - H.Pedersen, MS.

а с zašḫi-, что лишний раз подтверждает полный параллелизм в употреблении двух этих существительных).

Глагол teš̬aneš̬k- принадлежит к числу продуктивных в хеттском языке итеративных глаголов на -neš̬k-, соответствующих глаголам на -neš̬- в лувийском и глаголам с сочетанием носового аффикса с суффиксом *-s- или *-sk- в других индоевропейских языках: "тохарским А" глаголам на -näs- и -nās- (УШ и Х классы), "тохарским Б" глаголам на -näsk-, -nask-, -nāsk- (Х класс), ведическим глаголам типа pu-nĪ-ṣ-é, догреческим глаголам типа *κυ-νε-σ- 'целовать'[54]. Употребление в тексте новохеттского периода такого образованного от teš̬a- глагола, принадлежащего к индоевропейскому словообразовательному типу, свидетельствует о проникновении этого заимствования в хеттский язык в более ранний период[55]. То, что данное заимствование вошло в словарь хеттского языка в период дописьменного развития языка, должно быть связано с отсутствием уже в древнейших хеттских памятниках существительного, восходящего к общеиндоевропейскому названию "сон".

Таким образом, отсутствие данного общеиндоевропейского слова в хеттском языке объясняется особенностями развития лексики этого языка, вызванными влиянием древней культуры исконных обитателей Малой Азии на пришедшие в страну Хатти племена, говорив-

---

54. См. об этом догреческом слове и его соотношении с указанными выше индоевропейскими глагольными классами рец.В.В.Иванова, на кн. W.Merlingen, Das "Vorgriechische" und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen, ("Вопросы языкознания", 1955, № 6), стр.126 и прим.3.

55. Другим производным от teš̬a-, образованным в соответствии со словообразовательной моделью индоевропейского происхождения, может быть слово teš̬alli-, если правильна интерпретация формы /.../ teš̬allin, предложенная Ларошем (E.Laroche /рец.на/ KUB, XXXVI, OLZ, 51, 9/10, 1956, Sp.420).

шие на индоевропейских диалектах. Насколько позволяет судить сравнение между собой всех индоевропейских языков, индоевропейское название "сон" было наиболее существенным образованием от корня *swep-; показательно, что для многих индоевропейских диалектов общими были вторичные производные от этой основы (на *-o- и на *-i-, *-i̯o-). Характерно также то, что в некоторых диалектах основа на -n-, ставшая непроизводной, выступает в роли, соответствующей функции общеиндоевропейского корня *swep- (см. выше о восточнобалтийских и греческих производных типа латыш. sapņuôt 'видеть во сне'). В свете этих фактов становится очевидным, что исчезновение индоевропейского названия "сон", связанное с заимствованием близкого по значению термина из языка хатти, не могло не отразиться на роли корня šup- в системе хеттского языка. Как уже отмечалось выше, корневой глагол šup- в хеттском языке малоупотребителен; единственным производным, связанным с этим глаголом, является архаичный по типу образования глагол šupp-ariia-. Корневой глагол šup-, который некогда должен был играть существенную роль в лексической системе языка, утратил свою былую значимость. Но неправильным было бы предположение, что это объясняется только воздействием на хеттский язык языка хатти. О недостаточности такого объяснения свидетельствует то, что хаттские заимствования выступают главным образом в роли, соответствующей роли древних именных образований от корня *swep-; что же касается глагольных образований, то с заимствованным из хаттского словом связан только глагол teš̬anii̯a- 'появляться во сне'[56] (и образованная от него итеративная форма teš̬aneš̬k-, см. выше), ср. также описательное выражение teš̬it (или zaš̬ii̯a) auš- 'видеть посредством сна (=

56. Представляется возможным, что образованию глагола teš̬anii̯a- могло способствовать наличие в древнехеттском языке глагола *šuppanii̯a-, синонимичного šuppariia- (ср. выше о чередовании -n- : -r- в производных от корня *swep-).

во сне)'. Большинство же глагольных (и часть именных) основ данного семантического круга образовано от хеттского корневого глагола šeš-, имеющего индоевропейскую этимологию.

Как отмечается в новейших хеттологических исследованиях, первоначальным значением корневого глагола šeš- в хеттском было не значение 'спать' (как предполагали ранее некоторые исследователи), а значение 'покоиться', 'отдыхать', 'лежать спокойно'[57]. Это особенно отчетливо проявляется в тех случаях, когда šeš- в архаичных текстах относится к неодушевленным предметам, ср., например, в ритуальном предписании относительно того, что нужно делать ночью с водой, использовавшейся во время ритуальных церемоний: nu ú-i-da-a-ar A.NA ŠA.PAL M U L$^{\underset{\smile}{H}I.A}$ še-eš-zi 'и воды останутся (= будут покоиться) под звездами' (КВо, У 2, П,28). Со значением šeš- 'покоиться', 'отдыхать' связано употребление этого глагола в значении 'наслаждаться спокойствием', 'пользоваться благами мира', например во введении к архаичному мифологическому рассказу о битве бога грозы с демоном-змеей Иллуянкасом (КВо, Ш 7,I,5-7); Ud-ni-u̯a ma-a-ú še-eš-du nu-u̯a ud-ni-e pa-aḫ-ša-nu-u̯a-an e-eš-du nu ma-a-an ma-a-i še-eš-zi 'страна /де/ должна процветать /и/ должна наслаждаться спокойствием, и страна /де/ должна быть защищена. И если /она/ процветает /и/ наслаждается спокойствием...' В значении 'оставаться (в спокойном состоянии, в бездействии)', 'не двигаться' глагол šeš- применяется не только к неодушевленным предметам, но и к людям, в частности, когда речь идет о полководце и его войске, например в анналах Мурсилиса: nu ^{d}U [illegible] U$^{\check{S}I}$ a-pí-e-da-ni-pat U D-ti /A./NA ^{URU}A-ri-ip-ša-a-pat še-e-šu-un 'и в тот день я, Солнце (титул хеттского царя), остался в городе Арипсасе' (КВо, IV= 2 BoTU, 58 B). В анналах Мурсилиса встречается

---

57. J.Friedrich, Zum hethitischen Lexikon, S.294; E.Laroche, Hittitica ("Revue de philologie", 1949), p.39; cp. L, HD, p.211.

также выражение A.NA B Á D.K A R A Š šeš- 'остаться в укрепленном лагере' (KUB, XIX 37 = 2 BoTU, 60,25-26).

Древнее значение корня šeš- отражено и в значении производного šašta-. Это существительное относится к числу крайне редких в хеттском языке имен с суффиксом *-to- (в других основах этого типа осуществляется морфологическое опрощение, иногда связанное с фонетическими процессами, ср. lutta- 'окно' < *luk-to- с последующим уподоблением заднеязычного смычного переднеязычному компоненту "акцессивного" сочетания согласных). Об архаичности основы šašta- свидетельствует как суффикс -ta-, так и чередование e:a (из *e:*o), редко встречающееся в хеттском языке при образовании отглагольного имени, но закономерное для индоевропейских отглагольных имен на *-to- (ср.греч. φόρ-το-ς : φέρω и хет. šaš-ta-š : šeš-). Это архаичное существительное имеет значение 'место для отдыха'; 'место, где отдыхают, находятся в бездействии'; 'место остановки', 'логово', 'убежище', 'ложе'[58]. В частности, отмеченному выше употреблению šeš- в значении 'оставаться (в спокойном состоянии)', 'не двигаться (о войске)' соответствует употреблению šašta- в значении '(военный) лагерь' (ср. KBo,V 8 = 2 BoTU,6IA+ KUB, XIX 36 = 2 BoTU, 6IB,лиц., П, 28). В анналах Мурсилиса употребляется также выражение šašti ualḫ- 'напасть (на противника)', когда он не подготовлен к защите (т.е. спокоен, отдыхает, šeš-)' (KBo, IV 4,IV, 36-37)[59].

---

58. См.: F.Sommer - A.Falkenstein, HAB, S.38, 243; H.Otten, Die Überlieferungen des Telepinu-Mythus, Berlin, 1943,S.73.

59. Предлагаемый перевод, основанный на наличии у šeš- и šašta- указанных выше значений, несколько отличен от перевода этого места у А.Гётце (A.Götze, AM, S. 129) и И.Фридриха (И.Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, стр.129, § 217. Ср. J.Friedrich, HethitischesElementarbuch, II, S.1, Anm.29).

Значение глагола šeš- 'покоиться', 'находиться в бездеятельном состоянии (в каком-либо месте)' тесно связано со значением 'отдыхать', 'находиться в бездеятельном состоянии в постели', 'спать'; в этом последнем значении šeš- особенно часто употребляется в новохеттских текстах. Со значением šeš- 'спать', 'находиться в постели' связано и употребление этого глагола в качестве обозначения физиологического понятия типа немецкого 'beischlafen'; 'schlafen(vom Geschlechtsverkehr[60])'. В новохеттских текстах часто встречается сочетание šašti šeš-, ср., например,

---

60. В этом значении šeš- обычно выступает в сочетании с katta(n). В древнехеттских текстах šeš- в этом значении употребляется в сочетании с дательным-местным падежом единственного числа существительного katta(n) + дательный-местный падеж единственного числа притяжательного местоимения, например в архаичном мифе об Иллуянкасе, KBo, III 7,I,25 katti-ti šeš- (о конструкциях с kattan этого типа см.: И.Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, стр.I4I, § 259 в. В более поздних мифологических текстах новохеттского времени в том же значении употребляется сочетание послелога-наречия (приставки) katta(n) с глаголом šeš-, например в "Песне Улликумми", I, табл.I,I8 (H.G. Güterbock, The Song of Ullikummi, JCS, V, 4, I95I; во фрагменте, впервые напечатанном Х.Оттеном /H.Otten, Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente, Berlin, I950/; в мифе о Гурпаранцаху /H.G.Güterbock, Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern, ZA, N.F., X, I938, S.86/, в ханаанском мифе об Ашерту /H.Otten, Ein kanaanäischer Mythus aus Boğazköy, S.I26/. - Сравнение архаичных текстов с текстами более позднего происхождения в данном случае позволяет проследить развитие сочетания глагола с наречием-послелогом из более древнего сочетания глагола с существительным, постепенно превращающимся в наречие и позднее приближающегося к функции приглагольной приставки (преверба).

GIŠ ša-aš-ti... še-eš-š/e-er/ в мифе об Ашерту[61], строка 11, и ša-aš-ti... še-eš-ta в мифе о Гурпаранцаху[62], строка 24. Поскольку глагол šeš- в новохеттских текстах чаще всего имеет значение 'спать', выражение šašti šeš- означает 'спать (= отдыхать)' в постели, на ложе'.

Значение 'спать', для хеттского глагола šeš- не было первоначальным, но постепенно оно стало основным. Производные, образованные от этого корневого глагола в более поздний период развития языка, связаны только со значением šeš- 'спать' (в отличие от архаичного производного šašta-, первоначально связанного с более древним значением šeš-. В этом отношении особенно показательны производные глаголы šeškiš- и šeškiia-, о позднем времени образования которых свидетельствует их морфологическая структура. Оба глагола образованы от итеративного глагола šeš- < *ses+sk-, где суффикс -sk-, как это было характерно для архаичных хеттских глаголов на -šk-, присоединился непосредственно к последнему согласному корня[63]. Позднее суффикс -šk- в основе šeš- перестал выделяться, благодаря чему оказалось возможным вторичное присоединение суффикса -šk- к древней основе на -šk- : šeš-iš-, ср., аналогичное uškiš- от uš- (древнее итеративное образование от au-/u- 'видеть', где -šk- уже не выделялось благодаря наличию основы auš-, ставшей непроизводной, ср. šeš- : šeš- : šeškiš- и auš- : uš- : uškiš-[64]) и du-

---

61. H.Otten, Ein kanaanäischer Mythus aus Boğazköy, MIO, I, 1, Berlin, 1953, S.142. - Детерминатив G I Š показывает, что имеется в виду деревянное ложе.

62. H.G.Güterbock, Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern, II, S.86.

63. См. об этой особенности древних хеттских производных на -šk- : Bojan Čop, Notes d'etymologie et de grammaire hittite, RHA, XIII, 57, 1955, p.67.

64. Параллелизм этих образований отмечен в работе А.Гётце и Х.Педерсена /A.Götze - H.Pedersen, MS, S.67/, но анализ форм

šk i šk- от du šk- 'радоваться' (ср. др.-инд. tuṣ- с тем же значением). Следует отметить, что аналогичное явление - присоединение к основе на *-sk- второго суффикса -σκ- наблюдается и в греческом: гом. βοσκέσκετο(μ 355) от βόσκω 'кормлю' (: βώτορ). В обоих родственных языках можно выделить два хронологических пласта основ на *-sk- : более древний, восходящий к дописьменному периоду истории языка, и более поздний, обусловленный распространением итеративных основ на -sk- в относительно поздний период развития хеттского языка и некоторых греческих диалектов (в частности, в языке гомеровского эпоса). Глаголы, характеризующиеся сочетанием двух суффиксов -sk- (типа še šk i šk-), относятся к более поздней эпохе.

Глаголы, являющиеся вторичными производными от древнего итератива še šk-, имеют обычно значение 'спать'. Глагол še šk i šk-, как и še š-, в указанных выше новохеттских мифологических текстах, сочетается с šašti 'иметь обыкновение спать в постели', см., например, KBo,IV 2,IV,30 и сл.: ša-áš-ti-ia-az-za-kán ku-e-da-ni še-eš-ki-eš-ki-nu-un 'и в которой постели я имел обыкновение спать'. Глагол še šk i ia-, представляющий собой отглагольное производное на -iia- от основы še šk-, имеет значение 'спать'. С этим же значением še š- связаны значения других производных, образованных посредством продуктивных суффиксов. Каузативный глагол с продуктивным суффиксом -nu- šašnu- (šašš anu-, итератив šašnuš k-) переводится 'заставлять спать'; 'укладывать спать'; также '(sexuell) bei jemanden schlafen lassen'[65] (ср.отмеченное

глагола še š- в ней неточен (так как не учтены факты древнеиндийского языка и поэтому нет должной ясности в определении древней непроизводной основы). Следует думать, что в новохеттскую эпоху še šk- стало вариантом непроизводной основы še š-, но Х.Педерсен не учел того, что такая картина является результатом длительного развития.

65. О значениях глагола šaš-nu- см.: J.Friedrich, Zum hethitischen Lexikon, S.302.

выше физиологическое значение katti šeš-, katta(n) šeš- и существительное šašant- 'наложница'[66], являющееся по происхождению причастием от šeš-). С šeš- в значении 'спать' связано и отглагольное существительное šešuar, встречающееся в поэме "Песнь об Улликумми", см. сочетание šešuaš É.ŠÀ-naš 'комната (= помещение) для сна' (Ullikummi, табл.2, III,I2). Указанные факты показывают, что šeš- 'спать' в новохеттский период стал центром целого гнезда производных слов. Но сравнение с архаичным производным šašta- и с употреблением šeš- в древнехеттских текстах позволяет установить, что употребление šeš- только в значении 'спать' и образование производных, связанных только с этим значением данного глагола, относится к сравнительно более позднему периоду развития хеттского языка.

Глагол *ses- является общим для хетто-лувийских[67] и индоиранских языков. Спряжение на -mi корневого атематического глагола šeš- в хеттском языке полностью соответствует спряжению корневого глагола sas- в древнеиндийском, ср. хет. (3-е л.ед.ч.наст. вр.) šešzi < *ses-ti, др.-инд. sasti; хет. (3-е л.ед.ч.пов.накл) šešdu, др.-инд. sastu. В последнее время в работах по сравнительной грамматике часто приводится такая этимология, но при этом не учитывается значение šeš- в архаичных хеттских текстах; ср., например, замечание Э.Бенвениста (в его недавней статье об индоевропейских языках) об общеиндоевропейском корне *ses- 'dormir' (санскр. sas-ti, хет. šeš-zi 'il dort')[68]. Однако пос-

---

66. Об этом слове см.: E.Laroche, Hittitica, p.39; L,HD, p. 2II.

67. Существование в лувийском языке глагола, родственного хет. šeš-, можно предполагать на основании встречающейся в мифологических текстах лувийской формы с "глоссовым клином" 𒌑 ša-aš-šu-ma-a-i (Bo 2567, I, 20) '/чтобы/ идти спать' /см.: H.Otten, Ein kanaanäischer Mythus aus Boğazköy, S.I32-I33, с ссылкой на письмо Х.Г.Гютербока/.

68. E.Benveniste, Les langues du monde, Paris, I952, p.8; ср.F.Sommer, Hethiter und Hethitisch, S.4I.

ле того как установлено, что исходным значением šeš- в хеттском было значение 'покоиться', 'отдыхать', 'быть в бездействии', можно более точно определить значение *ses-, так как факты ведийского языка совпадают с фактами древнехеттского языка. Ведийское sas- в некоторых ведийских гимнах имеет значение 'быть в бездействии'[69](Rg-Veda, 53,1; I35,7; I6I,11; 329,7); в других ведийских текстах sas- означает 'спать'. Сравнение хеттского и ведийского языков не позволяет сомневаться в том, что значение корня *ses- 'быть в бездействии', 'покоиться', 'оставаться', 'спокойно лежать'(= спать)' является очень древним[70].

Сопоставление хеттского языка с ведийским позволяет установить наличие двух индоевропейских корней с близким значением: *swep- 'спать' и *ses- 'быть в бездействии', 'покоиться', 'лежать спокойно (= спать)'. Древнеиндийский язык сохраняет как корневой глагол sas-, так и глагольные основы, производные от корня svap-; от этого корня в древнеиндийском сохраняется и именное образование на *-no-: svap-na-h 'сон', 'сновидение'. Как указывалось выше, с заимствованием хаттского (религиозного) термина "сновидение", "сон" хеттский язык утратил соответствующую именную основу, являвшуюся наиболее существенным производным от корня *swep-. В этой связи корень в хеттском языке утратил свою прежнюю значимость. Но в то же время заимствование из языка хатти не послужило для образования глаголов, соответ-

---

69. H.Grassmann, Wörterbuch zum Rig-Veda, Leipzig, I873, S.I494.

70. На это следует обратить особое внимание потому, что Э.Бенвенист объясняет особенности структуры этого корня его "экспрессивной сущностью" ("nature expressive") /см.: E.Benveniste, Les langues du monde, p.8/. - Однако эта гипотеза сомнительна, так как корень со значением 'покоиться', 'оставаться в бездействии', 'лежать спокойно (= спать)' вряд ли можно считать экспрессивным.

ствующих по значению šup- и производным от него (šupp-ariia-). Единственный глагол, произведенный от этого заимствованного слова, употребляется в значении 'является во сне' (tešhaniia-, tešhanešk-, ср. tešhit au(š)- 'увидеть посредством сна'). В значении же šup- 'спать' выступает глагол šeš- < *ses- и производные от него; глагол šup- почти полностью выходит из употребления, тогда как основным значением глагола šeš- становится значение 'спать'. Глагол šeš- в значении 'спать' в новохеттский период служит для образования большого числа производных слов. Связь употребления этих производных от šeš- и заимствованного из языка хатти названия "сновидение", "сон" особенно ясно можно увидеть в цитированной выше молитве Мурсилиса во время чумы. В этой молитве производный от šeš- глагол šeškiš- 'многократно спать' (о вторичном характере -šk- и позднем типе образования этого глагола см. выше) употребляется для обозначения того состояния, которое позволяет увидеть сновидение (tešha-), открывающее волю богов.

Говоря о гадании посредством сна, Мурсилис сообщает, что жрецы "будут неоднократно ложиться спать в (ритуально) чистом месте" (su-up-pa-ia še-eš-ki-iš-kán-zi) и после этого, обращаясь к богам, молит: "кто-нибудь (из жрецов) да увидит посредством сна (причину гнева богов)" (ku-iš-ki te-eš-hi-it a-uš-du, вторая молитва во время чумы, § 11, 3 и 5). Из этого текста видно, что šeškiš- (как само šeš- и другие производные от šeš-) употреблялось для обозначения того физического состояния ('спать', 'лежать в постели'), которое приводит к тому, что человек видит "сон" (tešha-, ср. tešhit auš- 'увидеть посредством сна'). Точно такое же сочетание глагола šeš- '(ложиться) спать', 'заснуть' и существительного zašhi- 'сновидение' встречается в ритуальном тексте KUB, УП 5,IУ,1 и сл., где сообщается, что человек ложится спать (še-eš-zi), после чего во сне он видит божество: za-aš-hi-ia a-uš-zi 'во сне (zašhi-) он видит'. Для обозначения сновидения употреблялось слово хаттского происхож-

дения teḫḫa-/zaḫḫi-, ср. описательные выражения teḫḫit auš- и zaḫḫiia auš-, тогда как физическое состояние сна (= покоя, отдыха) обозначалось глаголом šeš- и производными от этого глагола[71].

Вместо древних словообразовательных и лексико-семантических связей, которые сохраняет ведийский язык в соотношениях svap-na-ḥ: svap-: sas- в хеттском языке сложились новые соотношения между глагольными и именными основами данного семантического поля. Этот процесс можно пояснить следующей таблицей (см. таблица 1).

Таблица 1.

Развитие семантического поля "сна"

Язык	Именная основа со значением 'сон', 'сновидение'	Глагольная основа со значением 'спать', 'видеть сон'	Глагольная основа со значением 'быть в бездействии', 'отдыхать', 'покоиться', 'спать'
Общеиндоевропейский	*swe/op-r/n-	*swep-	*ses-
Древнеиндийский	svap-na-	svap-/sup-	sas-
Хеттский дописьменного периода	*šuppar(1)-	*šup- *šuppariia-	*šeš-
Хеттский язык периода Нового царства	teḫḫa, zaḫḫi (šešuar)	(šup-, šuppariia-) teḫḫaniia-	šeš-

Подводя итоги рассмотрению данной проблемы, следует подчеркнуть, что, хотя изменение соотношений в системе языка в данном

---

71. Ср. сочетание существительного teḫḫuš 'сны' с глаголом šuppariia- 'видеть сны', 'спать' в тексте Bo 706, об.24-25 (см.: L. HD, p.211).

случае было связано с заимствованием, преобразование древней роли корня šup- нельзя объяснить только взаимодействием хеттского языка с языком хатти. Существенное значение имело изменение соотношений между исконными составными частями хеттского словаря - корневыми глаголами šup- и šes-. Именно поэтому рассмотренные факты представляют большой интерес для изучения особенностей развития общеиндоевропейской лексики в хеттском языке.

II

Несмотря на то что, как отмечалось выше, хеттская религиозная терминология испытала сильнейшее влияние хаттской (а позднее хурритской) лексики, в хеттском языке сохранились некоторые архаичные религиозные термины, унаследованные от индоевропейского праязыка. К их числу принадлежит существительное несреднего рода (в хеттском - общего рода, в других группах индоевропейских языков - мужского рода), употреблявшееся в древних индоевропейских языках для обозначения обожествляемого дневного света (греч. Ζεύς 'Зевс', арм. tiw 'день', лат. deus 'бог' и т.п.). В хеттском языке и других родственных ему индоевропейских языках Малой Азии имелся ряд производных от этой основы, очень продуктивной во всех древних индоевропейских языках. В качестве корневого слова в хеттском языке выступает основа šiu- 'бог', засвидетельствованная в надписи царя Аниттаса, которую некоторые ученые считают древнейшим памятником хеттского языка. В этой надписи šiu- встречается в сочетании с архаичным притяжательным местоимением[72] ^{d}ši-i-uš-mi-iš 'их бог'[73] (2 BoTU 7

---

72. Употребление притяжательных местоимений наряду с некоторыми другими особенностями языка этой надписи подтверждает ее принадлежность к древнехеттскому периоду. См.: об архаичности языка этой надписи: H.Otten, Hethitisch und Indogermanisch ("Wissenschaftliche Annalen", Jg.2, Heft 5, Berlin, 1953), S.327.

73. О переводе см.: H.G.Güterbock, Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und He-

+ 30,47, ^{d}ši-ú-šum-m/1-in/ 'их бога' (šiušummin < ^{m}šiunšmin, где šiun- – форма винительного падежа единственного числа от šiu- 2 boTU 7 + 30, 39, 41, 47). Слово D I N G I R-uš = ši-uš (винительный падеж множественного числа D I N G I R-mu-uš = šiumuš, ср. форму винительного падежа множественного числа pargamuš от parku-и т.п.) встречается и в некоторых других текстах (форма именительного падежа единственного числа - KUB, XXIV 2, лиц.,3 = I 1 3, KUB, XXXIII 11, III,18; форма винительного падежа единственного числа - KUB, X 5,VI,5; KUB, XXX 35, IV,2).

Но чаще в том же значении в хеттских текстах употребляется основа с суффиксом -n-, šiun(i)- [74]. Основа šiun- 'бог' встречается уже в древнейших текстах: в надписи царя Аниттаса наряду с šiu- в аналогичной конструкции употребляется и равнозначное šiuna (^{d}ši-ú-na-šum-mi-iš, 2 boTU 7 + 30,57). Основа на -n(a) употреблялась в некоторых архаичных выражениях, ср., например, выражение ši-ú-na-an an-tu-uḫ-ši-iš-ša 'люди богов (прорицатели)', встречающееся в древнехеттском документе Телепинуса (II, 32); засвидетельствованная в этом сочетании архаичная форма родительного падежа множественного числа на -an [75] встречается в нескольких текстах: šiunan (Bo 2544,II,18) [76], D I N G I R^{MEŠ}-

---

thitern, S.141, Anm.2; L, DH, p.17,76; J.Friedrich, Hethitisches Elementarbuch, II, S.98; Hethitisches Wörterbuch, S.195. - Наряду с толкованием šiuš-šmiš 'их бог' допускается также и возможность толкования šiuš-miš 'мой бог', но первый перевод следует предпочтесть ввиду наличия в том же тексте формы šiušum-min 'их бога'.

74. О склонении ср. E.Ehelolf, ZA, NF, IX, 1937, S.170-181; L, DH, p.16-17.

75. Об этой форме см.: И.Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, стр.59, § 68; F.Sommer, Hethiter und Hethitisch,S.48-49.

76. L, DH, p.16.

-nan, KUB, XXXI I43, об.4. От основы на -n-(šiuni-) образовано и несколько производных слов: šiuniiant-, šiuniiahh-[77]. В другой ступени огласовки тот же суффикс засвидетельствован в основе šiiann-[78], выступающей как в качестве самостоятельного слова, так и в производных словах.

С основой šiian- следует сопоставить первую часть сложного слова šiianz-anna, множественное число S A L.M E Ši-ia-an-za-an-ni-iš 'божественные матери' (наименование жриц)[79]. В этом сложном слове (архаичном, как и другие немногочисленные хеттские сложные слова) засвидетельствована форма šiianz-.

Согласно хорошо обоснованной гипотезе А.Неринга индоевропейская основа *d/e/ieu-, отраженная в хет. šiu-, принадлежала к числу существительных гетероклитического типа[80]. Ввиду того что для таких существительных особенно характерно сочетание суффикса *-eu- с последующими суффиксами *-er- и *-en- (ср., например, хет. karauar 'рог', родственное лат. cervus и т.п.), представляется очень важным наличие в хеттском языке основы на -n-га солнца' (интерпретация Х.Оттена[81], ср.ниже с лув. tiiatt- — šiun-, šiian-, образованной от *diu- > šiu-. Родственная основа на -r-, возможно, отражена в лув. tiiariia- 'растение бо-'бог солнца', родственным хет. šiu-). Лув. tiiariia- фонетиче-

---

77. О значении см.: J.Friedrich, Hethitisches Wörterbuch, S. I94; ср. G.G.von Brandenstein, Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen, S.5I-52.

78. О хеттском характере этой основы см.: B.Rosenkranz, Der luwische Name des Sonnengottes, JCS, II,4, I948, p.252-253.

79. Предположение Ф.Зоммера о лувийском происхождении этого сложного слова /F.Sommer, Hethiter und Hethitisch, S.55/ ошибочно, так как в лувийском данная основа имела другой звуковой облик.

80. A.Nehring, A neglected heteroclitic noun ("Language", XVI, I, I940), p.I-II.

ски может соответствовать хеттское имя бога Šiuri[82] (хотя это созвучие может быть и случайным). Вместе с тем, учитывая параллелизм -r- и -l- в хеттском и других индоевропейских языках (ср., например, хеттские и индоевропейские суффиксы имен деятеля -tala, *-tel- и -tara-, *-tor и т.п.), с лув. tiṷariṷa- можно сравнить лувийскую форму tiṷ-aliṷa, которую Б.Розенкранц связывает с лув. tiu- < *diu-[83]. Чередование суффиксов -r-, -l-, -n- в указанных производных может служить косвенным подтверждением гетероклитического характера основы šiu-.

Основы šiu- и šiun-, šiuni- употребляются в хеттском языке только в значении 'бог', 'божество', но сравнение с другими словами того же корня в хетто-лувийских языках позволяет установить связь значений '/обожествляемый/ дневной свет' и 'божество', отмечаемую и в родственных существительных других индоевропейских языков[84].

---

81. H.Otten, Zur grammatikalischen... S.51; H.Otten, Hethitisch und Indogermanisch, S.329; H.G.Güterbock, Notes on Luwian Studies, NS, XXV, 2, Roma, 1956, p.130.

82. Тексты, в которых встречается Šiuri, указаны Э.Ларошем (L, DH, p.76).

83. О лув. tiṷ-ali см.: B.Rosenkranz, Der luwische Name des Sonnengottes, p.252 (ср.хет. šiṷattili 'ежедневно'); H.Otten, Zur grammatikalischen... S.66.

84. Если ур. Šiuini 'бог солнца' /см.: Г.А.Меликишвили,УКН, ВДИ 1953, № 1, стр.294, № 95, строки 1 и 4; № 158, строка 39; ВДИ, 1953, № 4, стр.199, см. прим. 15 на стр.200; ср.: ВДИ, 1954, № 1, стр.192, 194, 251/ является заимствованием из хеттского, то в этом древнем заимствовании отражено значение хет. Šiuni-, более раннее, чем то, которое засвидетельствовано письменными памятниками хеттского языка (см.: ниже об общехеттско-лувийском *diṷatt- > лув. tiṷatt- 'бог солнца'). На сходство хеттского и урартского слов обратил внимание П.Кречмер /Р.

Еще двадцать лет назад А.Гётце указал на связь между хет. šiun- 'бог' и šiuatt- 'день', семантически точно соответствующую лат. deus : dies [85]. Связь значений этих хеттских существительных становится особенно понятной, если учесть то, что хет. šiuatt- употребляется не только в значении 'день', но и в качестве имени бога (с детерминативом, ставившимся перед именами богов): ^{d}Ši-ua-at-ta-an (вин.пад.), KUB, XX 53,У,5; в хеттских текстах часто встречается также имя бога 'хорошего (= благого) дня' aššu-šiuatt [86]. Хеттская именная основа šiuatt- встречается уже в собственных именах, известных из каппадокийских табличек[87], что свидетельствует о ее архаичности. Это имя восходит к периоду единства древних индоевропейских диалектов Малой Азии, как показывают недавно установленные факты языков, находящихся

Kretschmer, Zwei eigentümliche hethitische Götternamen, Ar.Or., XУП, 1, s.4I4–4I5/. Но в силу ошибочного понимания родственных связей урартского языка П.Кречмер не отметил того, что речь здесь может идти лишь о заимствовании из хеттского в урартский, а не об исконном родстве. Урартское šiuini- сопоставляется некоторыми лингвистами с хуррит. Šimike (Šimigi) 'бог солнца' если бы эта хуррито-урартская этимология была доказана, то сопоставление с хет. šiuni отпало бы. Однако сопоставление ур. šiuni- и хуррит. Šimike (Šimigi) с фонетической стороны нельзя считать бесспорным; поэтому вопрос о возможной связи ур. šiuini и хет. šiuni остается открытым.

85. См.: A.Götze - H.Pedersen, MS, S.72-73.

86. Об этом божестве см.: H.Otten, Die Gottheit Lelvani der Boğazköy-Texte, JCS, IV,2, I950,p.I26-I27. О божестве Šiuatt см. L, DH, p.46, 77.

87. Ср.: A.Götze, The Teophorous elements of the Anatolian proper names from Cappadocia ("Language", XXIII, 3,I953),p.263-278. - Х.Т.Боссерт /H.Th.Bossert, Asia, Istanbul, I946, S.8I/ предполагал, что имя Šimnuman в каппадокийских таблетках также

в ближайшем родстве с хеттским. В лувийском языке засвидетельствовано имя бога солнца ^{d}Ti-ya-az 'Тиват, бог солнца' (идеограмма ^{d}U T U-az, в косвенном падеже ^{d}U T U-ya-ti, полное фонетическое написание в KUB, XXXV 68,I6; KUB, XXXV 9I,8; фрагментарное написание ^{d}Ti-ya-[...] в KUB, XXXV, I08 IV,5). После того как установлено значение ^{d}Tiyat- в лувийском[88], это лувийское слово вместе с хеттским следует возвести к общеанатолийскому (хеттско-лувийскому) *diyat-; хет. šiyatt фонетически объясняется развитием *di > ši (параллельно *ti > zi) в хеттском[89].

связано с данным корнем (по Боссерту, из *Šiyan-uman, ср. šiyan в хеттских текстах), но это нельзя считать доказанным (ср., однако, суффикс в др.-инд. dyu-mn-).

88. B.Rosenkranz, Der luwische Name des Sonnengottes, S.249-253; более краткое, но методически четкое обоснование см. у Х.Оттена [H.Otten, Zur grammatikalischen... S.50-5I].

89. Гипотеза об этом фонетическом процессе, высказанная еще двадцать лет назад в работе А.Гётце - Х.Педерсена [A.Götze - H.Pedersen, MS, S.73], где в качестве параллели указывается развитие tj и dj в славянских языках, в настоящее время может считаться доказанной [формулировку этой фонетической закономерности см.: H.Otten, Hethitisch und Indogermanisch, S.329, Anm. I6]. - Рассматриваемые явления исключительно важны потому, что они доказывают существование различия *t : *d в общехеттско-лувийском (на что до сих пор не обращено должного внимания в зарубежной научной литературе); ср. аналогичные явления в "тохарских" языках, где (согласно Эванджелисти и Педерсену) древнее различие между глухими и звонкими обнаруживается только благодаря различным результатам палатализации: d' > ś, t' > c [см. В.В.Иванов, О методах изучения истории индоевропейского праязыка и его диалектов ("Тезисы докладов на открытом расширенном заседании ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященном дискуссии о соотношении синхронного анализа и исто-

Сравнение хет. šiuatt- 'день', 'бог (благого) дня' с лув. tiuat- 'бог солнца' показывает, что основа *diuat- в древних индоевропейских языках Малой Азии употреблялась в качестве названия обожествляемого дневного света (древнее имя, существительное несреднего рода). На значение 'свет', 'дневной свет', существовавшее в древности у данной основы, указывает также язык иероглифических хеттских надписей. Согласно новейшим разысканиям в языке иероглифических хеттских надписей имеется причастие ta!-ua-da-à-mi-as 'освещенный'[90]. Это слово связано с иероглифическим хеттским названием бога солнца, как об этом свидетельствуют параллельные полуидеографические написания, например ^{d}U T U-ua-tà-mi-as[91], где ^{d}U T U - идеограмма бога солнца. На основании сопоставления подобных написаний определяется значение иероглифического хет. ta!-wa-ta (te-wa-ta, если следовать чтению И.Гельба и П.Мериджи[92], ti-ua-ta согласно чтению Ларошa[93]; чтение гласного в этом иероглифическом знаке еще не установлено окончательно).

рического исследования языка", М., 1957), стр.28/. - Следует, однако, заметить, что по отношению к хеттскому языку вопрос осложняется близостью хет. -z- к -s- (ср. чередование -z-:-s- в ряде хеттских слов и развитие -z- из и.-е. -s-).

90. P.Meriggi, La riconstruzione di Kargamis ("Rivista degli studi orientali", XXIX, 1-2, 1954, Roma), p.5. - Об иероглифических хеттских страдательных причастиях на -mi см.: A.Götze, Contributions to Hittite lexicography (6), JCS,1951, v.2, p.73.

91. P.Meriggi, La riconstruzione di Kargamis, p.5, n.2; p.8.

92. П.Мериджи склоняется к чтению И.Гельба (te- вместо ta-) на основании этимологических соображений.

93. L, оч, p.140, n.33. - Относительно предполагаемого иероглифического хеттского t(s)inas 'бог' (которое можно было бы

Иероглифическое хеттское t(a!/e/i)u̯at(a) 'бог солнца' очень близко к лув. tiu̯at- 'бог солнца' и клинописному хеттскому šiu̯att- 'день'. Как показывает сравнение этих слов, данная основа была общей для древних индоевропейских языков Малой Азии, что свидетельствует о ее большой архаичности.

Поэтому следует обратить особое внимание на оставшееся до сих пор незамеченным наличие родственной именной основы в древнеиндийском языке. Представляется, что общеанатолийская основа на *-t- (сдвоенное написание в хеттском указывает на глухость согласного), образованная от *diu-, имеет точное соответствие в др.-инд. dyut 'сияние'. Как отмечалось выше, в хеттских текстах встречается имя бога aššu-šiu̯att- 'благой (= хороший) день'; учитывая этимологическую связь древнехеттских сложных слов с компонентом aššu- 'хороший' и древнеиндийских сложных слов с компонентом su- 'хороший', нельзя не обратить внимание на исключительную близость хет. aššu-šiu̯att 'благой день' и др.-инд. su-dyut (встречается в I мандале "Ригведы": Ṛg-Veda, 140,1; 140,3). В древнеиндийском существительном женского рода dyu-t, соотносящемся с dyú 'небо', 'день', 'сияние' и с производными от dyu-, например dyu-mná, выделяется суффикс -t-, который следует отождествить с суффиксом -t- в многочисленных древнеиндийских отвлеченных существительных женского рода. Точно так же суффикс -att- в общехеттско-лувийском *diu-att (общий род), выделяемый благодаря сопоставлению siu-: šiu-na-: šiu-att-, следует отождествить с хеттским суффиксом -att[94], образую-

---

сопоставить с клинописным хеттским šiuna-) ср. P.Meriggi, Zum Luvischen, WZKM, LIII, 3/4, 1957, S.195, Anm.9.

94. Принадлежность хет. šiu̯att- к числу абстрактных существительных на -att- отмечали еще А.Гётце и Х.Педерсен /A.Götze - H.Pedersen, MS,S.73/; ср. H.Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, S.175-176. Но А.Гётце и Х.Педерсен не отметили наличия точного соответствия данному образо-

щим отвлеченные имена существительные общего рода (kartimiiatt- 'гнев', aniiatt- 'действие', naḫšaratt- 'страх', dušgaratt- 'радость' и т.п.). Для уяснения морфологической структуры хет. šiuatt- особенно поучительно сравнение с хет. aššiiatt-. Оба хеттских существительных, употребляемых в качестве имен богов (известных уже из каппадокийских таблеток) содержат суффикс -att; в то же время aššiiatt- является отвлеченным существительным, образованным от глагола aššiia- 'любить', так же как kartimiiatt- 'гнев' образовано от kartimiia- и т.п. Таким образом, связь между др.-инд. dyu-t- и отвлеченными существительными типа др.-инд. stut- 'хвала' (от stu-) находит точное соответствие в связи между хет. šiuatt и отвлеченными существительными типа хет. kartimiiatt (от kartimiia-). В этой связи следует указать на то, что, как установил еще К.Бругман, индоевропейское название "ночь" принадлежит к тому же типу существительных на *-(e)t-, что и др.-инд. stu-t[95]. Хеттский язык подтверждает правильность морфологического анализа *ne/ok^{w}-t- 'ночь', так как в хеттском сохранился и корневой глагол neku- 'смеркаться' < *nek^{w}-, и именная основа nekut- 'вечер' *nek^{w}-t-. Поэтому названия 'день' и 'ночь(вечер)' в хеттском языке оказываются образованными при помощи одного и того же суффикса *-et-: šiu-att 'день' и neku-t 'вечер' (огласовка суффикса во второй основе ближе к обычному для древнеиндийского

ванию в древнеиндийском, что отрицательно сказалось на сравнительно-историческом рассмотрении суффикса -att в монографии Х.Педерсена /H.Pedersen, Hittithisch, S.40/, где не указано соответствие хет. -att и др.-инд. -t, хотя и отмечается, что этот хеттский суффикс восходит к общеиндоевропейскому суффиксу *-t-.

95. K.Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, S.426. См. о суффиксе *-et- в существительных типа stu-t и noc-t- : А.Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр.279.

языка типу). Согласно теории, принятой А.Мейе и многими другими компаративистами, суффикс -t- в словах типа др.-инд. stu-t- и и.-е. *ne/ok"-t- этимологически связан с -t-, которое следовало за суффиксом гетероклитического имени в словах типа др.-инд. yak-ṛ-t 'печень'[96], хет. mel-i-t 'мед'. Поскольку -u- в хет. šiu- и др.-инд. dyu-, как указывалось выше, восходит к древнему -u- гетероклитического существительного, -t- в основе šiuatt- < < *tiuatt- и в др.-инд. dyut- по своей первоначальной функции полностью совпадает с -t- в yak-ṛ-t.

В древнеиндийском языке наряду с основой dyu-t существует синонимичная основа dī-ti - от корня *dei- без аффикса *(e)u; в "Ригведе" параллельно употребляются сложные слова su-dyut (хет. aššu-šiuatt-) и su-dīti 'хорошо сияющий'; 'хорошее сияние'. Поэтому исключительный интерес представляет предполагаемое Б.Розенкранцем лувийское имя бога солнца ^{d}Di-ti-i (40 3/f, III,9), синонимичное Tiuat[97]; с данным типом образования (на -t, но без аффикса -u-) может быть связано и палайское существительное tiiat- 'бог солнца', значение которого устанавливается благодаря сличению параллельных перечислений имен богов: ^{d}Kataḫzipuri, tiiaz, ^{d}Ilaliiant- и ^{d}Kataḫzipuri, ^{d}U T U, ^{d}Ilaliiant-[98].

---

96. А.Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр.278-279.

97. См.: B.Rosenkranz, Der luwische Name des Sonnengottes, S.251. - На наличие параллелей в древнеиндийском Б.Розенкранц внимания не обратил.

98. Благодаря привлечению лув. diti и др.-инд. dīti отпадает одно из возражений Х.Оттена /H.Otten, Zur grammatikalischen ...S. 51-52, Anm. 148/ по поводу интерпретации данного палайского слова Э. Ларошем (Х.Оттен считал непонятным различие между палайской и хеттско-лувийской основами). Следует заметить,

Следует отметить, что в данном случае палайский язык, сохранивший древнее значение основы tiiaz- 'бог солнца', испытал меньшее влияние языка хатти, чем хеттский язык (хотя в других случаях именно в палайском наблюдается особенно сильное влияние хаттского языка)[99]. Значение же хет. šiuatt < *tiuatt- изменилось потому, что в значении 'бог солнца' в хеттских текстах обычно употребляется слово более позднего происхождения ištanu(š), являющееся заимствованием из языка хатти (хат. eštan[100]). Сравнение хеттского языка с лувийским в данном случае показывает, что сфера употребления исконного общехеттско-лувийского слова (образованного от индоевропейского корня) в хеттском языке изменилась вследствие проникновения в хеттский язык заимствования из языка хатти, что было связано с воздействием на религию носителей хеттского языка "протохеттской" религии (ср. выше о заимствовании из "протохеттского" языка слова tešha-/ zašhi- 'сон' и о значении этого факта для изменения роли производных от индоевропейского корня *swep- в хеттском).

Необходимо подчеркнуть, что хаттское влияние сказалось только в утрате специального значения слова šiuatt- 'бог солнца'. Но если в языке хатти eštan имеет не только религиозное значение

что Х.Оттен, высказывавший в названном сочинении некоторые сомнения относительно значения палайского tiiat, в указанной выше статье /"Hethitisch und Indogermanisch", S.329/ принимает толкование Э.Ларошa без оговорок, как и И.Фридрих в своем словаре. Fr, HW, S.I95,328; ср. так же: Kammenhuber, Beobachtungen zur hethitisch-luvischen Sprachgruppe, RHA, XIV, 58, I956, S.6.

99. О хаттском влиянии на палайский язык см.: A.Kammenhuber, Zu den altanatolischen Sprachen, OLZ, I955, n.8-9, S.355 ff; A.Kammenhuber, Beobachtungen zur hethitisch-luvischen Sprachgruppe, S.5.

I00. О хаттском eštan см.: L, HD, p.I98; ср. по этому поводу замечания Х.Оттена /H.Otten, Zur grammatikalischen... S.52/.

'бог солнца', но и значение 'день'[101], то в хеттском заимствованное **ištanuš** употребляется только как название бога солнца, а в значении 'день' используется исконное слово **šiuatt-**. Следовательно, хаттское влияние в данном случае обнаруживается только в области религиозной лексики. С изменением значения и употребления основы **šiuatt-** в хеттском языке следует связать и изменение рода этого имени существительного. В лувийском языке существительное **tiuat** 'Солнце (бог)' несреднего (общего, одушевленного) рода: им.пад. **tiuat-s** = **tiuaz** (к несреднему роду принадлежит и др.-инд. **dyut**). Род этого существительного соответствовал характерным для лувийской религии представлениям, как явствует из сочетания **tatiš** ^{d}**tiuaz** 'отец - бог солнца'[102] (KUB, XXV 107,Ш,10 - дат.пад.ед.ч.; KUB, XXXV 68,I,6 - им.пад.ед.ч.). В хеттских текстах встречается аналогичное выражение[103] **attaš** ^{d}**U T U-uš** 'отец - бог солнца', но в этом хеттском выражении в качестве имени бога солнца общего рода употребляется хаттское

---

101. См.: HW, раздел "Wörter der Nachbarsprachen.I.Protohattische Wörter", s.v. **eštan**.

102. Ни Х.Оттен /H.Otten, Zur grammatikalischen..., S.51-52/ ни Б.Розенкранц /B.Rosenkranz, Der luwische Name des Sonnengottes,S. 250-251/, рассматривая данное лувийское словосочетание, не отметили его связи с родом существительного **tiuat-**, между тем это очень важно для сравнения с хеттским.

103. Параллелизм хеттского и лувийского словосочетаний отмечен Х.Оттен /H.Otten, Zur grammatikalischen..., S.51,Anm.143/, но Х.Оттен обратил внимание лишь на сходные черты хеттского и лувийского, тогда как в данном случае неменьший интерес представляют и различия между этими близкородственными языками. Ср. также сочетание **dieus** с названием "отец" ***peter** в других индоевропейских языках: греч. Ζεῦ πάτερ, др.-инд. **pitā́ dyáuḥ**, лат. **Iuppiter**, умбрск. **Iupater**.

заимствованиеIštanuš (идеограмма ^{d}U T U-uš). В тех случаях, когда šiu̯att- употребляется в значении 'бог дня', близком к значению лувийского tiu̯at-, род этого хеттского существительного сохраняется, ср. приведенную выше форму винительного падежа единственного числа šiu̯attan. Но в других, несравненно более частых случаях, когда šiu̯att- употребляется в значении 'день' (идеограмма U D, U D.K A M), наблюдаются колебания между общим и средним родом, ср. параллельные формы именительного падежа единственного числа U D-aš (общий род) и U D-at (средний род), винительный падеж единственного числа U D.K A M-an (= ^{d}šiu̯attan, общий род) и U D-at.

Исследование истории производных от *diu- в хеттском языке подтверждает вывод, сделанный на основании исследования судьбы слов, восходящих к корням *swer- и *ses-: хеттский язык сохранил многие индоевропейские элементы словаря, но их употребление и значение в ряде случаев изменялось в связи с воздействием на хеттский язык древних индоевропейских языков Малой Азии, в особенности языка хатти.

И. М. ДЬЯКОНОВ

ХЕТТЫ, ФРИГИЙЦЫ И АРМЯНЕ[1]

Проблема армянского языка

Вопрос об этногенезе армян и происхождении армянского языка принадлежит, как известно, к наиболее сложным и дискуссионным вопросам истории Закавказья. Для ответа на него необходимо привлечь обширный исторический (в том числе археологический) и лингвистический материал, причем последний как из области древневосточного, так и в особенности кавказского и индоевропейского языкознания. Далеко не все многообразие этого материала лежит в пределах компетенции автора настоящей статьи, тем не менее мы позволим себе предложить некоторые соображения, главным образом с точки зрения древневосточной филологии и истории.

Сложность вопроса заключается в том, что армянский язык, окруженный кавказскими (или, по другой терминологии, иберийско-кавказскими) языками, существующий на территории, ранее занятой древневосточными языками - хурритским и урартским (по мнению ряда исследователей, также родственными кавказским), принадлежит к числу индоевропейских языков. Поэтому трудно предположить, что армянский язык возник в данном районе, - независимо от вопроса о создании здесь собственно армянского этноса.

Мнение об индоевропейском характере армянского языка общепризнано в мировой науке. Однако своеобразную позицию занимал

I. Армянский вариант настоящей статьи опубликован в "Известиях Академии наук Армянской ССР" № II, 1956, стр.57.

Г.А.Капанцян, который писал о природе армянского языка следующее:

"Армянский язык есть живое детище процесса образования своего народа и в древнейшей стадии своего зачинания несомненно исходит из языка племен Хайасы, родственного протохеттскому и хеттскому, в том числе и иероглифическому хеттскому, затем балайскому, судя по хайасо-балайской этнико-политической участи, и, наконец, грузинскому, особенно его западным представителям, мегрело-чанским диалектам. Мы исключаем, конечно, заимствования, которые могли быть с обеих сторон. Этот письменно неаттестованный хайасский язык... легший, по-моему, в основу исторического армянского, позже претерпел сильную трансформацию через скрещение, с одной стороны, с какими-то индоевропейскими языками типа славяно-скифских и греческих, а с другой стороны, с хурритским (шуприйским) языком страны Ариме-Шуприа в верховьях Тигра, а возможно, и Туруберана, чем и объяснят некоторые родственные элементы, лексические и формально-грамматические, между армянским и хурро-урартским языками... В армянском языке, выступающем на историческую арену только в У в. н.э., нет не только превалирования его индоевропейского слоя в качественном и количественном отношении, но нет и его равновесия с местным азиатико-хурритским основным ядром..."[2].

Это определение страдает некоторой неясностью. С одной стороны, автор как-будто признает "основным ядром" армянского языка хурритский слой, с другой - считает, что "в основу исторического армянского языка" лег особый язык племен страны Хайаса, а хуррито-урартские элементы являются лишь мощным наслоением наряду с индоевропейскими элементами.

Так же неясно определение гипотетического языка страны Хайаса. Очевидно, что он не мог одновременно быть "родствен прото-

---

2. Г.А.Капанцян, Хайаса - колыбель армян, Ереван, 1949, стр. 247.

хеттскому и хеттскому, в том числе иероглифическому хеттскому, затем палайскому... и, наконец, грузинскому", так как известно, что протохеттский и грузинский принадлежат к кавказской (или иберийско-кавказской) семье языков, а хеттский (неситский), как и сильно отличающийся от него "иероглифический хеттский" и, по-видимому, значительно более близкий ему палайский - языки совершенно отличной, индоевропейской семьи. Протохеттский явился лишь субстратом для хеттского-неситского, как, возможно, и для других древних индоевропейских языков Малой Азии (древнеанатолийских).

Весь материал хайасской ономастики и топонимики, приведенный в исследовании Г.А.Капанцяна "Хайаса - колыбель армян", указывает на неиндоевропейский характер хайасского языка, близкого, скорее всего, к хурритскому.

Из числа девяти собственных и шести топонимических имен, происходящих из Хайасы и соседних областей и разбираемых Г.А.Капанцяном на стр.39-78 его труда, восьми именам он дает хурритскую этимологию (Kummaḫa; Dukkama; Ḫukkana - с вариантной этимологией из хеттского: Annia; Maria(?); Mutti - под сомнением; Arihbizzi; Aissia), одному - армянскую (Vannis - от арм. van - 'обитель', 'монастырь'; этимология эта представляется нам весьма неубедительной), остальные шесть остаются под сомнением. Из двенадцати имен хайасских богов (стр.89-98) ни одно, по данным самого Г.А.Капанцяна, не имеет связи с армянским языком, если не считать имен божеств, скрытых под идеограммами, - хтонического бога ^{d}U.G U R, имя которого Г.А.Капанцян произвольно читает Ar, и богини ^{d}IŠTAR, имя которой он столь же произвольно читает Nerit (Хебат), хотя имя этой известной хурритской богини никогда не передается идеограммой ^{d}IŠTAR (у хурритов ^{d}IŠTAR - это богиня Шавушка), и Хебат никогда не была супругой хтонического божества.

Однако невозможно согласиться с Г.А.Капанцяном, что и армянский язык в своей основе неиндоевропейский. Дело здесь не в

численном превалировании тех или иных элементов, а в том, что сравнительно немногочисленные (если исключить более поздние иранские - прежде всего парфянские - заимствования) индоевропейские элементы армянского языка целиком относятся к первичному словарному составу: как, например, термины родства, числительные, значительная часть местоимений и некоторые имена и глаголы, выражающие важнейшие и наиболее древние понятия[3], а также важнейшие грамматические элементы. Учитывая это, не приходится сомневаться, что армянский язык принадлежит к семье индоевропейских языков, как и считает подавляющее большинство исследователей[4].

Однако, чтобы это положение могло помочь в вопросе армянского этногенеза, необходимо установить, к какой именно ветви индоевропейских языков относится армянский. Если не считать, что армянский язык вообще не имеет более тесных связей ни с одним из прочих индоевропейских языков, то речь может идти о его принадлежности к одной из двух ветвей: древнеанатолийской или фрако-фригийской[5].

---

3. Например, арм. **hayr** 'отец', **mayr** 'мать', **ełbayr** 'брат', **khoyr** 'сестра', **dustr** 'дочь', **ner** 'жена брата мужа', **tal** 'золовка', **taygr** 'деверь', **skesur** 'свекровь', **haw** 'дед'; **kow** 'корова', **(h)orth** 'теленок', **garn** 'ягненок', **ayc** 'коза', **mukn** 'мышь', **haw** 'птица', **dzukn** 'рыба', **iž** 'змея'; **meɫr** 'мед', **gari** 'ячмень', **aɫ** 'соль', **mis** 'мясо'; **sirt** 'сердце', **(w)otn** 'нога'; **mi** 'один', **(y)erku** 'два', **(y)erekh** 'три', **čorkh** 'четыре', **hing** 'пять' и т.д.; **(y)es** 'я', **du** 'ты', **mekh** 'мы'; **ays, sa** 'этот'; **ber-** 'приносить', **harc-** 'спрашивать', **ag-** 'одеваться' и многие другие.

4. Новейшую аргументацию этой точки зрения см.: А.А.Асмангулян, Против гипотезы о двуприродности армянского языка ("Вопросы языкознания", 1953, № 6), стр.21.

5. Ни греческая, ни славянская ветви не могут идти в расчет. Отдельные моменты схождения греческого и армянского можно объяснить близостью греческой и фрако-фригийской ветвей.

Вопрос о возможности родства армянского языка с индоиранскими подробно рассматривался еще в XIX в. и окончательно решен в отрицательном смысле /H.Hübschman, Über die Stellung des Armenischen im Kreise der idg.Sprachen ("Kuhn's Zeitschrift für vergl. Sprachwissenschaft", XXIII, I877) S.5 ff./. - Обильный иранский (в основном парфянский) лексический материал в армянском языке принадлежит к числу заимствований. Индоевропейские элементы первичного словарного состава армянского языка не дают характерных для индоиранских языков звуковых закономерностей. По этой причине, в противоположность мнению Г.А.Капанцяна ("К происхождению армянского языка", Ереван, I946, стр.40), эти элементы не могут восходить ни к языку скифо-сакских племен I тысячелетия (восточноиранских, не родственных в языковом отношении славянским), ни к "Манда" —индоязычным племенам Митанни II тысячелетия до н.э. Нельзя считать доказанным, что именно эти племена носили название "Манда". Г.А.Капанцян слишком широко использует этот термин для различного рода этимологий, связывая с термином Manda, например, курдское kurmanji и даже арамейский религиозный термин manda' di ḥayyā 'познание жизни' (от jd' 'знать') /см.Г.А.Капанцян, Хайаса - колыбель армян, стр.I39/. - Приводя в своих работах сотни сопоставлений слов и топонимических названий, Г.А. Капанцян вначале пытался отделять случаи заимствования от случаев родства (например, в работе "Chetto-Armeniaca", Эривань, I93I-I935); но в более поздних работах он очень редко останавливается на закономерностях звуковых соответствий, и из большинства его работ этого периода невозможно установить, идет ли речь о родстве языков, о заимствовании или о случайном созвучии, так как это созвучие не анализируется.

Г.А.Капанцян в ряде своих работ[6] указал на многочисленные лексические схождения армянского языка с хеттским (неситским) и

---

6. См. в первую очередь работы Г.А.Капанцян: "Хайаса - колыбель армян", стр.80-83; "Chetto-Armeniaca", "Хеттские боги у

другими древнеанатолийскими языками. Некоторые из этих схождений, правда, относятся к индоевропейской общности в целом[7], некоторые сомнительны, так как не дают закономерного звукового соответствия[8], тем не менее наличие значительного древнеанатолийского (хеттского) пласта в армянском, по-видимому, не подлежит сомнению. Однако речь и в этом случае может идти о заимствованиях, вполне естественных ввиду длительного проживания армян на хеттизированной территории Малой Армении. Для того чтобы решить, идет ли речь о заимствовании или о родстве, необходимо уяснить общую картину закономерных соответствий между формами индоевропейского языка-основы, формами древнеанатолийских языков и формами армянского. Если армянский отражает явления ин-

---

армян", Ереван, 1940, стр.11 и сл. – В первой из указанных работ он приводит 54 армянских слова хеттского происхождения, но из предлагаемых им этимологий по крайней мере 24, по нашим подсчетам, либо относятся к общеиндоевропейским корням, либо сомнительны. Отдельные из предлагаемых Г.А.Капанцяном этимологий, особенно топонимических названий, основаны на чисто внешнем сходстве звучаний. Тем не менее число убедительных сопоставлений значительно.

7. Например, арм. **gerph-** (закономерно из и.-е $*g^{w}herb-$) – и хет. **karp-** 'брать', 'грабить'; арм. **mal-** и хет. **mal-** 'молоть'; арм. **malth-** 'молиться' и хет. **maid-**и др.

8. Например, хет. **ḫatt-** > арм. **hat-anem** 'резать' (ḫ>h), но хет. **ḫandais** 'горячий' > арм. **xand** 'ревность' (ḫ>x), а хет. **ḫand-and-atar** 'опека', 'воля', 'мановение' > арм. **yandz-andz-em** 'забочусь' (ḫ>y); арм. **sar, sarak** 'верхушка' не хеттского, а иранского происхождения (парф. **sar, sarak** 'голова'); также и **sak** 'налог', 'такса'. Возможно, что хеттское графическое ḫ передает не одну, а несколько фонем, которые получают разное отражение в армянском; но для убедительности сопоставлений это следовало бы выявить и показать наличную закономерность.

доевропейского языка-основы одинаково с древнеанатолийскими языками и данный тип отражения этих явлений совместно отличает эти языки от других индоевропейских языков, то можно говорить о родстве армянского с древнеанатолийскими или даже о его принадлежности к числу древнеанатолийских. Это значило бы, что можно реконструировать общий для армяно-древнеанатолийской ветви язык-основу, через который армянский и восходит к общеиндоевропейскому. В противном случае гипотеза о прямом родстве армянского с хеттским должна отпасть.

Тот же порядок необходим при рассмотрении схождений между армянским и фрако-фригийскими языками. Здесь следует, однако, заметить, что ввиду исключительной скудости сохранившегося языкового материала сопоставление армянского языка с фригийским и фракийским чрезвычайно затруднено, хотя и не невозможно.

Согласно точке зрения, выдвинутой болгарским ученым Д.Дечевым[9], армянский язык состоит в известном родстве с фракийским, но не с фригийским, поскольку, по мнению Д.Дечева, фракийский и фригийский не могут принадлежать к одной ветви, так как фракийский и армянский относятся к группе языков **satəm** (сибилянтизирующих индоевропейские фонемы k', g'), а фригийский - к группе **centum** (депалатализирующих k', g').

К аргументации Д.Дечева мы еще вернемся, а пока рассмотрим звуковые соответствия между интересующими нас индоевропейскими языками и реконструированными формами индоевропейского языка-основы[10].

---

9. Д.Дечев, Характеристика на тракийския език, София, 1952, стр.46 и 106. С рядом выводов общего порядка, делаемых Д.Дечевым, например, о возникновении фракийского языка из скрещения языков иранских и "эгрускоидных" и т.п., трудно согласиться.

10. В приводимой ниже таблице привлечены не все фонемы индоевропейского языка-основы, а лишь дающие наиболее характерные

Следует оговорить, что мы не претендуем на самостоятельный анализ индоевропейских языков, а берем готовые выводы специалистов. Необходимо, однако, отметить, что соответствия фракийского, фригийского, армянского, хеттского и т.д. с индоевропейским языком-основой установлены для каждого языка независимо. Исследователи каждого из них не находились под сколько-нибудь существенным влиянием выводов, сделанных в отношении других языков, а потому обнаруживающиеся схождения установленных ими соответствий можно рассматривать как объективно отражающие положение вещей.

Фонетические данные для фракийского и албанского языков приведены по работе Д.Дечева[II], для армянского - по работам А.Мейе, Х.Хюбшмана и Р.Ачаряна, для хеттского (неситского) - по исследованию И.Фридриха, с исправлениями, предложенными мне Т.В.Гамкрелидзе (даны в скобках); индоевропейские корни - по словарю Ю.Покорного, (см.таблицу).

ФОНЕТИКА

Для выяснения соотношения армянского языка с другими индоевропейскими мы привлечем лишь наиболее характерные фонетические соответствия, оставив в стороне как звуки, мало изменившиеся в отдельных индоевропейских языках, так и звуки, претерпевавшие очень разнообразные изменения в зависимости от звуковых комбинаций, в которых они встречаются.

изменения (гласные, губные, переднеязычные, палатализованные и лабиализованные заднеязычные, взрывные согласные).

II. С работой В.Георгиева ("Тракийският език", София, 1957) мне удалось познакомиться впервые, когда настоящая статья была уже сдана в производство. Критикуя Д.Дечева по отдельным вопросам, В.Георгиев, однако, во всем основном поддерживает восстанавливаемую им фонетическую систему фракийского и фригийского языков.

Мы возьмем за основу сравнения группу взрывных согласных (исключая редко встречающиеся), а также основные гласные, не входящие в группу сонантов, и представим соотношения индоевропейских языков на материале этих фонем в виде таблицы. В ней выделены рамками армянские соответствия и соответствия других языков в тех случаях, если отражения индоевропейских звуков совпадают или очень близки к их отражению в армянском. Следует учесть, что фонетика армянского языка, несомненно, претерпела существенные изменения под влиянием хуррито-урартского и кавказского субстрата (см. табл.I).

В скобках (кроме случаев, оговоренных в примечаниях) указаны варианты отражений при определенных звуковых комбинациях.

Приведенные в таблице фракийские, фригийские и армянские соответствия иллюстрируются следующими примерами:

И.-е. e : фрак. -zan, -zen и т.д. 'род', esb- 'лошадь'; фриг. ab-biri-to 'будет принесен', ab-ber-et 'принесет', e-da--es 'поставил'; cin 'род', e-ber 'принес', eš 'осел' (и.е. корни *g'en-, *bher-, *ek'w-). Ср. "хетт.-иерогл." aś(u)was 'лошадь', греч. gen-os, др.-инд. jana-ḥ 'род' и др.

И.-е. o : фрак. skal-me 'меч', -as (-us) окончание им.пад.; фриг. mos(s)u-na 'башня', -os окончание им.пад.; арм. ost 'ветвь', (w)ot-n<hot-n 'нога' (и.-е. корни *sk^wel- : *sk^wol-, *mok'u-, *os, *osd-, *pod-). Ср. "хетт.-иерогл." pat 'нога', греч. pod-a 'ногу', осет. mæsug' 'башня' < др.-иран. *masu- и др.

И.-е. a : фрак. -apa 'вода'; фриг. satine 'колесница'; арм. aç-em 'веду' (и.-е. корни *ab-, *k'at-, *ag'-).

И.-е. ē : фрак. Trē-r-, Trie-r-, Trār- (= *Tria-r-)название племени; фриг. e-da-es 'поставил', matar 'мать'; арм. mayr< *mahir < *mathir 'мать'; mi отрицание (и.-е. корни *trēu-, *dhē-, *mātēr-, *mē-). Ср. хетт.-нес. t/dai-, tē-, греч. thē-, др.-инд. dhā- 'ставить' и др.

И.-е. ō : фрак. Rōme/i-, Rumi- часть имени собственного, tō-n, 'дар(?)' (часть имени собственного); dulos 'дом', 'семья' (-os здесь греческое окончание); фриг. dūmos 'собрание', 'священная коллегия', glūros 'золото'; арм. tu-r-kh 'дар' (и.-е. корни *rōm-, *dō-n-, *dō-r-, *dhōl- : *dhel-, g'hlō-ro-). Ср. греч. dōr-on 'дар', khlōr-os 'желто-зеленый', др.-инд. dā-n-am 'дар' и др.

И.-е. ā : фрак., фриг. Mā- имя богини; фриг. matar; арм. mayr 'мать'(и.-е. корни *mā-, *mātēr-).

И.-е. p,t : фрак. -para, -phara, -pera 'торжище'; pi- 'кроме', 'сверх'; -thur-d-, -thiur-d-, -tiur-d- - часть имени собственного, -tri 'три'; фриг. Appas, Aphpha - имя собственное, matar 'мать'; арм. ere-kh <*hre-h <*threy-es 'три', mayr <*mahir<*mathir 'мать', orth 'лоза', het <*phet 'след', ēw 'также,и' (и.-е. корни *per-, *twer-do- : *tur-do-, *tri-, *trey-es, *mātēr; *ort-, *ped-, *epi-). Ср. "хетт.-иерогл." tra-хетт.-нес. t(a)ray-, др.-инд. tri; хетт.-нес. ped-an 'место', греч. epi 'сверх', 'после', др.-иран. api 'сверх', 'после', pada- 'след'.

И.-е. b, d : фрак. Ut-us - название реки, Tomi - название поселения; фриг. zet-na 'ворота', wit-e-to 'глядел'; арм. get 'вода', het 'след' (и.-е. корни *wod- : *wed-, *dem- : *dm-, *g'hed-, *weid- : *wid-, *ped-). Ср. хет. wat/dar, греч. hud-ōr 'вода', др.-инд. ud-ra-ḥ 'выдра', 'водяное животное' и др.

И.-е. bh, dh : фрак. Bendis 'богиня брака', berga/e/i- 'берег', 'высота?' (с диссимиляцией g'h ,как в русск. 'берег'); -diz(a) 'крепость'; фриг. ab-ber-et 'принесет'; арм. bardzr 'высокий', ber-em 'несу' (и.-е. корни *bhendh-, *bhereg'h- : *bhṛg'hu-, *dheig'h-). Ср. хетт.-нес. parku-s 'высокий', греч. (гом.) e-pher-e 'нес', др.-инд. á-bhar-at 'носил' и др.

И.-е. k', g', g'h : фрак. ther-m- 'племя?', часть племенного названия, esb- 'лошадь', -zen, -zan, -san 'род', dero-,

dur- 'ограда?', часть названий местностей; фриг. sati-ne, sati-lla 'колесница', zet-na 'ворота', zel-ki-a 'зелень', 'овощ', mos(s)u-na 'башня' (но k(e)ne-man-, knu-man-'гробница', 'памятник', e-titte-tik-men-os 'обречен', 'проклят'); арм. ser 'род', ser-m-n 'семя', sirt 'сердце', ēš 'осел', sayl 'повозка', cin 'рождение', cun-r 'колено', bardz-r 'высокий' (и.-е.корни *k'er-, *k'er-mo-, *ek'w-, *deik'- : *dik'-, *kerd- : *krd-, *g'enu- : *g'onu-, g'en-, 'рожать' / и *g'en-: *gn- 'знать'/, *g'her-: *g'hr̥-, *k'at-, *g'hed, *g'hel-). Ср.хет. k/genu 'колено', греч. gunē, др.-иран. jani- 'жена' и др.

И.-е. k^w, g^w, g^wh : фрак.?sak-, zak- - часть имени собственного, gen-t-on 'кусок мяса', 'вырезка', ger-m- 'теплый?' (часть названия местностей); фриг.? ke - союз (или, вернее, из греч. kai), ban-ek-os, bon-ok 'жена', Germe - название местности; арм. e-likh 'оставил', ke-am 'живу', kin 'жена', gan 'удар', džer-m < *ger-m 'горячий' (и.-е. корни *?k'ak^w-, *g^whon-: *g^when-, *g^wher-mo-; ?*k^we; *g^wenu-; *k^wek^w-; *g^wei-). Ср.хет. kwen-, kun- 'бить', 'убивать'; др.-инд. gharma- 'горячий', греч. bi(w)-os 'жизнь', ther-mo-s 'горячий' и др.

Из приведенной таблицы видно, что совпадения в развитии звуковой системы между армянским языком и языками, обведенные рамкой, носят систематический характер, в то время как другие совпадения либо относятся к фактам сохранения фонемы в первоначальной форме (e, o, a, ā), либо носят случайный характер. Систематическое совпадение в передаче палатализованных заднеязычных *k', *g', *g'h между армянским, славяно-балтийскими и индоиранскими языками хотя и наблюдается, но в изолированном виде, так как ему противостоит несовпадение в отражениях других групп фонем (непалатализованных взрывных).

То же явление совпадений между армянским и фрако-фригийским языками можно проследить и по другим отражениям, не включенным в таблицу. Например, характерно упрощение группы -k't- , происшедшее еще до сибилянтизации k', т.е., очевидно, еще во фрако-

фригийском языке-основе. Это явление типично для албанского и фракийского, но также для фригийского и, по крайней мере в одном характерном случае, для армянского. Число "восемь", и.-е. ok'tō-, во фригийском звучит otu[12], в армянском - uth. Ср. греч. oktō, лат. octō, гот. ahtau, др.-инд. aṣṭā. И.-е. *m̥, *n̥ дают, как кажется, отражение, аналогичное армянскому (an, am) во фракийском[13] и, вероятно, во фригийском; начальное s- дает h- (или ноль), кроме армянского, еще в греческом, иранском (вторично), фригийском[14] и, спорадически, во фракийском[15] и т.д.[16].

Расхождения между армянским и языками фрако-фригийской группы (включая, предположительно, и албанский) незначительны. Они

---

12. Толкование фриг. otuwoiwetei как 'в восьмой год' принадлежит Р.Мейстеру, выводы которого, во многих случаях поспешные, в данном случае кажутся нам убедительными. По А.Мейе /A.Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. Vienne, 1903, p.13/, арм. uth (очевидно, через *owth) < *optō < *ok'tō под влиянием *septem 'семь' (арм. ewthn). Но возможен и другой переход, например *ok'tō > *ot(t)ō > *ōt^{h}o > uth. Во фракийском и албанском k't > t регулярно, pt > t спорадически.

13. Фриг. materan < и.-е. materm̥/n̥ 'мать' (вин.пад.) дают явление, характерное для падежных окончаний во всех индоевропейских языках, кроме индоиранских и латинского; но ср. фрак. aksi- 'темный' < *n̥-k^{w}si- 'несветлый' и название речного русла An-am < *n̥-mbh- 'безводный' (аналогично в греческом и индоиранских).

14. Фриг. ewe < *hewe < *sewe 'себе'.

15. Ср. варианты Salmidessus и Halmidesos (названия фракийского поселения).

16. Следует также обратить внимание на одну характерную особенность греческого, фрако-фригийских и армянского языков, разделяемую, впрочем, в несколько иной форме и древнеанатолийскими.

сводятся отчасти к сохранению в том или ином языке более архаичных форм: например, индоевропейское долгое *ē соответствует i в армянском, ie (ia) или ē - во фракийском и e (или ē ?) - во фригийском; и.-е. *p, *t в албанском, фракийском и фригийском имеют лишь оттенок придыхания и только спорадически передаются графически при помощи греч. ph, th; в армянском можно с уверенностью восстановить переход и.-е. *p, *t > *ph, *th, которые в дальнейшем дали h (w), th (h); сюда же относится сохранение и.-е. *k', *g' в виде k, g в положении перед l, m, n во фригийском[17]. Отчасти речь идет о новообразованиях в ходе самостоятельного развития отдельных языков этой группы (и.-е. *g^{w} > фриг. b, арм. k; и.-е. *ē > арм. i, алб. ō; и.-е. *o > фрак., алб. a). Сюда же следует отнести переход и.-е. *$\underset{\circ}{r}$, *$\underset{\circ}{l}$ > фрак. ur, ul, арм. ar, al.

Речь идет о префиксе(?) e-, морфологическое значение которого неясно.

Так, и.-е. *mē, *me дает в индоиранских ma, в латинском me(d), в германском mi-k, в славянском mē < *me-n; но греч. e-me, арм. is < *im-s (ср. хетт.-нес. a-m-uk) предполагают индоевропейскую форму *e-me.

Далее, и.-е. *new$_{\circ}$n 'девять' дает в индоиранских nava, в латинском novem, в германском niun; но греческое enne(w)a, фрак. ana- < *enan, арм. inn предполагают индоевропейскую форму *e-new$_{\circ}$n.

Хотя это языковое явление не отделяет армянского от древнеанатолийских, но существенно, что оно подтверждает его связь с фрако-фригийскими (а через них - с греческим).

17. Д.Дечев и некоторые другие исследователи отрицают принадлежность фракийского и фригийского к одной ветви индоевропейских языков, хотя и признают наличие многих общих черт между фракийским и фригийским как в области фонетики, так и в лексике, и даже в ономастике. Д.Дечев основывается при этом на предпола-

Все это значит лишь, что армянский язык нельзя прямо возвести ни к фригийскому, ни к фракийскому, но что все три языка (а также, может быть, и албанский), восходя к единому языку-основе, имели различное самостоятельное развитие.

Восстановив следующее отражение индоевропейских фонем в предполагаемом фрако-фригийском языке-основе[18], мы получим удовлет-

---

гаемой принадлежности фригийского к группе **centum**. Он ссылается на то, что все достоверные примеры отражения и.-е. *k', *g', *g'h > фриг. s, z, z относятся к случаям, когда эти согласные стоят перед гласными переднего ряда (i, e), и видит здесь вторичную палатализацию k, g, g. Фригийские слова **satine** 'колесница' и **mossuna** 'башня' он объясняет как заимствование из иранских языков и привлекает внимание к словам **k(e)neman, knuman** 'памятник', 'гробница' (очевидно, от и.-е. *g'en-: *g'n- 'знать') и **e-titte-tik-men-os** 'обреченный', 'проклятый' (очевидно, от и.-е. *deik'-).

Однако в тех иранских языках, с которыми мог соприкасаться фригийский, нет корня *k'at- > *sat- с нужным значением, а огласовка слова **mos(s)una** не позволяет предполагать заимствование из иранского (и.-е. *mok'u- должно дать в иранском *masu-, что мы и встречаем в осетинском маесы-г 'башня'). По-видимому, и.-е. *k', *g', *g'h депалатализовались во фригийском в присутствии плавных l, m, n. Аналогичные явления наблюдаются и в славянских языках. Что касается вторичной палатализации k, g, g, то она обычно дает c, ʒ, z, ʃ, а не *s, *z. Ср. также: В.Георгиев,Тракийският език, стр.78.

А.Мейе отмечает, что "переход от мягких средненёбных к свистящему произношению осуществился в каждом диалекте независимо от других" (А.Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр.25).

18. Это мог бы быть язык трипольцев. К югу от них, по данным археологии, жили предки греков, к северу - предки славян и германцев, к востоку - иранцев. Известный лингвист Х.Педерсен

ворительное объяснение развития всех соответствующих форм во фракийском, фригийском и армянском языках (см.табл.2).

Следует отметить, что, хотя греческий стоит по многим причинам ближе всего из других индоевропейских языков к фрако-фригийской группе, включая армянский, невозможно установить общие для греческого и фрако-фригийских языков исходные формы, отличные от форм общеиндоевропейского языка-основы. Несмотря на сходное во многом развитие, греческий не относится к одной ветви с фригийским, фракийским и армянским. То же касается и других индоевропейских языков.

Таблица 2

Фонетические соответствия
праиндоевропейского, фрако-фригийского, армянского
и албанского языков

Индоевропейский	Фрако-фригийский	Фригийский	Армянский	Фракийский	Албанский
*e	*ie	e(i диал.)	e(i)	e,ie(ia)	ie
*o	*o	o	o	a	a
*a	*a	a	a	a	a
*ē	*i-ē(ie)	ē(e,i?)	i	e,ie(ia)	ō***
*ō	*ū(u)	ū(u)	u	u,iu	ē***
*ā	*ā(a)	ā(a)	a	a	ā
*p	*ph	ph	*ph>h,w	ph	ph
*t	*th	th	*th>th,h	th	th
*b	*b̥*	p	p	b̥,p	b̥*
*d	*d̥*	t	t	d̥,t	d̥*
*bh	*b	b	b	b	b
*dh	*d	d	d	d	d

*Символами b̥, d̥, g̥ обозначаем оглушенные звонкие.

**Отражение и.-е. ǵ, ǵh во фригийском графически передается через греч. ζ ; это может означать z, zd, dz или, как мы предполагаем, также d̥', d̥'.

Индоевропейский	Фрако-фригийский	Фригийский	Армянский	Фракийский	Албанский
$^{*}k'$	$^{*}c'$ (k)	s(k)	s	s(ϑ)	s(ϑ)
$^{*}g'$	$^{*}\hat{d}'^{**}$ (g)***	$\hat{d}'^{**}$(k)	$^{*}t'$> c	(d)z***/(δ)	z(δ)
$^{*}g'h$	$^{*}d'$ (g)	(d)z***	dz	(d)z***	z(δ)
$^{*}k^{w}$	$^{*}k^{h}$	k^{h}	kh	k^{h}	k (s)
$^{*}g^{w}$	$^{*}g^{w}$ ($\hat{g}^{w}$)*	b	k	?	g (z)
$^{*}g^{w}h$	$^{*}g$	g	g	g	g (z)
$^{*}\underset{\circ}{m}$, $^{*}\underset{\circ}{n}$	$^{*}\underset{\circ}{m}$, $^{*}\underset{\circ}{n}$	am, an	am, an	um,un(am,an)	um,un(em,en)
$^{*}\underset{\circ}{r}$, $^{*}\underset{\circ}{l}$	$^{*}\underset{\circ}{r}$ $^{*}\underset{\circ}{l}$	?	ar, al	ur, ul	ur(ir,ri)

***О значении графической передачи при помощи греч. ζ см.предыдущее примечание.

****Этот своеобразный переход можно объяснить из *ie, *iu при помощи переходных форм *ue, *eu Дифтонг eu в албанском также > e. См. аналогичный переход др.-русск. б > *uo > *ue > *ui> укр. і.

МОРФОЛОГИЯ

Число морфологических фактов,поддающихся сопоставлению, ничтожно по причине фрагментарности данных о фригийском и фракийском языках, а также очень далеко зашедшего в армянском языке разрушения флексии (утеря последнего гласного и согласного в конце последнего слога). Все же и здесь имеется несколько показательных фактов.

I. Следует обратить внимание на образование некоторых прошедших времен во фригийском и в ряде случаев в армянском при помо-

---

находит наибольшее число схождений между армянским и греческим, затем - между армянским и германскими, индоиранскими и славянскими. Фракийский и фригийский он не учитывал.

щи аугмента (приращения) - префикса e-[19]. Аугмент характерен только для фригийского, армянского, греческого и индоиранских; но в последних он имеет форму a-. Он совершенно отсутствует в других индоевропейских языках, в том числе в древнеанатолийских.

2. В индоевропейских языках широко распространен суффикс -mn- с различной огласовкой, служащий для образования причастий среднего залога и некоторых прилагательных, а также абстрактных и других имен среднего рода. В армянском имеются следы этого суффикса[20], а во фригийском суффикс -men- характерен для образования соответствующих причастий. Однако этот тип именного словообразования совершенно отсутствует в древнеанатолийских языках[21].

3. В армянском языке имеются следы нескольких типов склонения, в том числе есть формы падежей, не представленные в древнеанатолийских языках. В то же время черты влияния древнеанатолийских языков на армянское склонение кажутся несомненными. Так, только древнеанатолийские языки дают формы дательного и местного падежей на -iya, являющиеся прототипом армянского -i, -y; армянское окончание множественного числа родительного падежа и некоторых других падежей) на -c восходит, видимо, к притяжательному суффиксу -sk, т.е. структурно (не по форме) образование родительного падежа в армянском аналогично древнеанатолийским,

---

19. Фриг. e-da-es 'поставил', арм. e-d 'положил', e-ber 'принес', ср. греч. e-the-san 'положили', гом. e-pher-e 'нес', др.-инд. a-dhā-t 'клал', a-bhara-t 'нес', др.-перс. a-bar-a 'принес'.

20. Sarčumn 'движение'. Хеттский (неситский) суффикс -uman для образования имен по месту происхождения вряд ли может иметь сюда отношение и, видимо, неиндоевропейского происхождения.

21. Суффикс хеттского инфинитива -uwar (=umar) в противоположность тому, что можно заключить из сказанного у Г.А.Капанцяна ("Chetto-Armeniaca", стр.26), сюда не относится.

в которых, кроме хеттского (неситского), форма родительного падежа заменяется формой притяжательного прилагательного. Однако в целом армянское склонение бесспорно не древнеанатолийское. Хеттскому творительному падежу на -it противостоит падеж на *-bhi > -b, -v, -w; хеттскому родительному на -as < *-os - падеж на *-syo и *-iyos < -y и -i; хеттскому отложительному падежу единственного числа на -az - падеж на -ē < *-etos(?) [22].

Мы плохо знаем фригийское склонение. Вероятно, что фригийский язык имел более одного типа склонения.

Родительный падеж во фригийском имел, однако, форму на -os; сохранялся также обычный индоевропейский дательный падеж на -i, -e, -ei. Но это не доказательство отсутствия родства фригийского языка с армянским: ясных свидетельств для отложительного и творительного падежей во фригийском, т.е. тех именно падежей, в которых древнеанатолийские языки не оказали воздействия на армянский, у нас нет. Таким образом, фригийское склонение отличалось от армянского тем, что в армянском некоторые падежные формы были вытеснены древнеанатолийскими; однако армянское склонение во всяком случае, несмотря на древнеанатолийское влияние, само по себе не древнеанатолийское.

Все это исключает возможность выводить армянский язык из древнеанатолийской ветви, но в то же время показывает, что армянский язык независим от фригийского.

ЛЕКСИКА

В армянском языке остатки старой индоевропейской лексики немногочисленны, а от фригийского и фракийского нам известны лишь считанные слова в случайном подборе. Поэтому трудно ожидать, чтобы эти немногие фракийские и фригийские слова оказались относящимися именно к той группе старых индоевропейских слов, которые сохранились и в армянском. Тем не менее несколько характерных

22. Но ср. -ta в "хеттском-иероглифическом"!

слов можно все же проследить в двух из этих языков или во всех трех.

Сюда относятся прежде всего такие термины родства, как арм. hayr < *hahir < *phathir 'отец', mayr < *mahir < *mathir 'мать', eṙbayr < *erbahir < *brahir < *brathir 'брат'. Во всяком случае, первые два (а может быть, и все три) отсутствуют в древнеанатолийских (так, 'отец' в хетт.-нес. attas, в "хетт.-иерогл." ti-tas; 'мать', в хетт.-нес. annas; аналогичные слова в ликийском). Во фригийском и близком ему мисийском зарегистрированы все три слова. Известны они и в других индоевропейских языках.

Другой характерный пример - глагольный корень и.-е. *bher- 'нести'. Он наблюдается во фригийском и в армянском, в обоих в форме ber-; известен и подавляющему большинству прочих индоевропейских языков (греч. pher-, др.-инд. bhar- и т.д.), за исключением древнеанатолийских.

Глагольный корень и.-е. *dō- 'дарить' засвидетельствован в армянском (tu-r-kh 'дар') и, как полагает Д.Дечев, во фракийском (tō- читай tū-); но в хеттском (= неситском) есть только t/dā- < dō- 'брать' и t/dai-:te- 'помещать' (из и.-е. *dhē-).

Армянское ēš 'осел' (< *esw) соответствует фракийскому esb со значением, по-видимому, 'лошадь'[23]; арм. ǰerm 'горячий' (< germ- < *g^{w}hermo- имеет соответствие как во фригийском, так и во фракийском (топонимические названия с элементом germ-) и албанском (zjarm 'жара'). В хеттском индоевропейский корень *g^{w}hermo- отсутствует. Особенно характерно соответствие фриг. satine 'колесница' и satilla 'повозка (на небе)', 'Большая Медведица' и арм. sayl '(двухколесная) повозка' < *sahil- < *sathil-.

Эти сравнения также указывают на значительную близость армянского с фригийским и фракийским.

---

23. Правда, esb с этим значением есть и в ликийском (как заимствование из фригийского?).

Конечно, по указанным выше причинам, гораздо большее число старых индоевропейских слов армянского языка пока не найдено во фракийском и фригийском; такие слова выявляются как индоевропейские из сопоставления с другими индоевропейскими языками; но различие в характере отражения индоевропейских фонем указывает во всех этих случаях на то, что сравниваемые языки принадлежат к разным языковым ветвям. Так, арм. ēš нельзя возвести к "хетт.-иерогл." aś(u)was 'лошадь', а арм. cun-r 'колено' - ни к греч. gonu, ни к хет. k/genu, ни к др.-инд. jānu, хотя они и имеют общее происхождение.

Г.А.Капанцяну удалось установить ряд фактов хетто-армянских лексических совпадений; однако они не так часто, как слова общеиндоевропейского происхождения, относятся к основному словарному фонду[24] и не дают закономерностей отражения фонем индоевропейского языка-основы, характерных для армянского[25]. Они являются, по всей вероятности, частью заимствованиями в армянский из хеттского (= неситского) или "хеттского-иероглифического", частью заимствованиями в оба языка из субстрата.

В целом, материал заставляет все же предполагать, что армянский язык - один из самостоятельных языков фрако-фригийской ветви индоевропейской семьи, хотя и сильно изменился в процессе свое-

---

24. Сюда относятся, - из числа наиболее убедительных сопоставлений, сделанных Г.А.Капанцяном, - такие слова, как spand 'жертва', esk 'бодрствовать', 'надзирать', karth 'рыболовный крючок', kherthmendz- 'роптать', masn 'часть', nuaŗ 'слабый', 'тусклый', loŗ 'купаться', 'плавать', čiwaŗ 'чудовище' и т.п.

25. Древнеанатолийского происхождения, может быть, арм. akn 'глаз' (и.-е. o > a) и šun, šan- > *swan 'собака', ср. "хетт.-иерогл." ś(u)wani- /см.: Г.А.Капанцян, Chetto-Armeniaca, обратить внимание на его комментарии к словам šamana- (№ 67a), mānapa (№ 43), spand- (№ 20), appa (№ 55), kardmija- (№ 27) и др./.

го дальнейшего внутреннего развития (фригийский и фракийский еще очень близки к языку-основе).

Рассмотрим теперь, как этот вывод можно осветить исторически и использовать для проблемы армянского этногенеза.

СВЕДЕНИЯ О ПРЕДЫСТОРИИ АРМЯНОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ

В памятниках периода Хеттского царства (около 1800-1200 гг. до н.э.) явных данных о наличии в Малой Азии фрако-фригийских племен нет; во всяком случае можно сказать с достоверностью, что в центральной и восточной частях Малой Азии их не было.

Однако в УШ и, вероятно, в IX в. в центральной части Малой Азии уже существовало крупное фригийское царство с царями, носившими имена Гордиев и Мидасов; от УШ в. дошли надписи на старофригийском языке со всей территории этого царства. Греческие авторы еще в У в. до н.э. знали о приходе фригийцев с Балкан и родстве их с фракийскими племенами, в частности с племенем бригов[26]. По греческим данным, фригийцы населяли центральную равнину Анатолии с долиной Сангария ("Великую Фригию"), а также районы, примыкающие к Пропонтиде ("Фригия у Геллеспонта"). Родственными фригийцам считались мисийцы в северо-западной части Малой Азии[27]. Жившие севернее фригийцев тины и битины (вифины) считались фракийскими племенами, и приход их в Малую Азию относился традицией к X-УШ вв. до н.э. (сообщение Геродота, что они покинули свою европейскую родину на р.Стримоне-Марице еще до Троянской войны, недостоверно; наиболее достоверны данные Арриана в его "Истории Вифинии").

Геродот и Эвдокс Книдский сохранили традиционное представление о родстве армениев с фригийцами. Так, Геродот писал (УП,73), что армении - "фригийские выходцы" (Φρυγῶν ἄποικοι), а Эв-

---

26. Геродот, УП, 73; УП, 134.

27. Геродот, УП, 74.

докс[28], - что "армении - племя из Фригии и по языку очень похожи на фригийцев" (τῇ φωνῇ πολλὰ φρυγίζουδι).

Ассирийские и урартские источники называют фригийцев мушками. По данным "Анналов Саргона П" (722-705 гг. до н.э.), страна Мушку считалась расположенной за Табалом (горами Тавра)[29], соприкасалась с Киликией (Куэ)[30] и являлась крупным государством, стоявшим наравне с Урарту[31], на которое ориентировались мелкие государства Малой Азии и Сирии[32]. В качестве царя страны Мушку назван Мита[33]. Города, основанные ассирийцами на границе страны мушков с целью оттеснить их от Тавра, локализуются между Тавром и средним течением р.Галис (Кызыл Ирмак)[34]. По всем этим причинам очевидно, что крупное государство Мушку с его царем Митой, расположенное в центральной Анатолии, не может быть ничем иным, кроме Фригии с ее царем Мидасом.

В советской науке широко распространено отождествление мушков с мосхами греческих авторов, а этих последних - с грузинской этнической группой месхов[35]. В филологическом отношении это

---

28. Steph.Byz., s.v.

29. См., например, надпись на вымостке ворот, IУ,36-38 и др.; Табал примыкал к Киликии ("Анналы Саргона П", строка I72); все ссылки на тексты Саргона П см. в кн.: H.Winckler, Die Keilschrifttexte Sargons, Leipzig, I889.

30. "Анналы Саргона П", строки 372-373; "Торжественная надпись", строки I50-I5I.

31. "Анналы Саргона П", строка I73; "Торжественная надпись", строка 3I.

32. "Анналы Саргона П", строка I73; строка 46 и сл., фрагмент текста ARAB, П, § 2I4 и др.

33. См.: "Анналы Саргона П".

34. См.: E.Forrer, Die Provinzeinteilung des Assyrischen Reiches, Leipzig, I920.

35. Новейшее изложение проблемы см. у Г.А.Меликишвили ("Наири-Урарту", Тбилиси, I954) (мушки-фригийцы, стр.3I5 сл.), (муш-

сопоставление не вызывает существенных возражений, однако следует отметить, что мосхи жили в УI-У вв. до н.э. и позже совсем не там, где была расположена историческая Фригия и страна Мушку, а на юго-восточном черноморском побережье (в Понте)[36]. Никаких следов собственно грузиноязычных племен во Фригии не обнаруживается. Необходимо заметить, что тождественность этнического термина далеко не является гарантией этнического тождества. Достаточно упомянуть, что один и тот же термин в Европе обозначает "итальянцев" (нем. **welsch**,польск. **włoch**), "румын" (русск. валах) и "кельтов" (англ. **Welsh**); что под "хеттами" тексты различного времени и происхождения понимают протохеттов, хеттов-неситов, "иероглифических хеттов", сирийских арамеев, финикийцев, евреев и другие племена и народы. Вполне возможно, что в древнейшей грузинской терминологии "мосхами" или "месхами" назывались грузиноязычные или огрузиненные племена западного происхождения, например выходцы с территории, некогда подвластной Фригийской державе (в широком смысле). Однако представляется несомненным, что под "мушками" могут разуметься (и, вероятно, в большинстве случаев разумеются) именно индоевропейские племена фрако-фригийской языковой ветви.

Древнейшие ассирийские сведения о мушках относятся к периоду, непосредственно следующему за падением Хеттской державы,- к XII в. до н.э. Ассирийский царь Тиглатпаласар I (IIIS-I077 гг.

ки—грузинские племена, стр.409 сл./, (проникновение мушков-месхов в Грузию, стр.420). См. также: К.Ф.Леманн-Хаупт, Вступительная лекция по истории и культуре халдов ("Труды Тбилисского государственного университета", УI, I938), стр.26I; **E.Cavaignac, Mushki et Phrygiens, JA, CCXLI, I953, p.I39.**

36. Мосхи соседили с тибаренами, а страна Мушку - со страной Табал. Однако Табал не имеет никакого отношения к тибаренам, кроме созвучия, так как находился в южном Тавре, западнее Мар'аша.

до н.э.) в своей надписи[37] сообщает: "В начале моего царствования 20 тыс.мушков и 5 "царей" их, которые /вот уже/ 50 лет/как/ захватили /страны/ Алзи и Пурулумзи..., груди которых ни один царь не мог усмирить в битве и /которые/ полагались на свою силу, спустились /с гор/ и захватили страну Кадмухи". Алзи и Пурулумзи были расположены в нижней части долины Арацани (Мурадчай), Кадмухи - на левом берегу Тигра в его верхнем течении. Таким образом, около 1165 г., через одно-два поколения после падения Хеттской державы, племена мушков появились в западной части Великой Армении. Надо полагать, к этому времени они находились уже и в расположенной западнее Малой Армении. Хотя Тиглатпаласар частью истребил, частью изгнал те отряды мушков, которые появились в долине Верхнего Тигра, однако нет причин думать, что племена мушков не сохранились и после XII в. в Малой Армении и в долине Арацани.

Действительно, в этом же районе (к северу от Месопотамии) мушки упоминаются в "Анналах Тукульти-Нинурты II" (889-884 гг. до н.э.), причем как оседлое земледельческое население[38], - а также в "Анналах Ашшурнацирапала" (883-859 гг. до н.э.)[39].

Очевидно, что эти "мушки" не то же, что страна Мушку текстов VIII в. Позднейшие тексты, в которых "Мушку" и "мушки" обозначают специально Фригию и фригийцев, не отмечают мушков к востоку от Тавра. Греческие источники также не знают фригийцев за Тавром[40].

---

37. AKA, I, p.35.

38. V.Scheil, Annales de Tukulti Ninip II ("Bibliothèque de l'École des Hautes Études". Sciences philologiques et historiques, CLXXVIII, Paris, 1909).

39. AKA, I,"Анналы Ашшурнацирапала",I, 74.

40. Однако ономастика фригийского типа здесь известна. Так, царь Тильгаримму (Тогармы) в начале VIII в. до н.э. носил имя Гордий (Gurdi). Имя Мидас упоминается в "хеттской-иероглифической" надписи на каменной чаше /см.: H.Bossert, Untersuchungen hiero-

Следовательно, мушки второго и начала первого тысячелетия и мушки времени расцвета державы Мушку (Фригии) - это не одно и то же. Так как грузиноязычные племена ни раньше, ни позже в районе Арацани неизвестны, закономерно предположить, что мушки Тиглатпаласара - это фрако-фригийские племена, не вошедшие в состав Фригии и фригийского народа. Это и могли быть древнейшие носители индоевропейского армянского (или предармянского) языка. Не следует называть их древнейшими предками армян, так как в число предков армянского народа, несомненно, входит в бо́льшей мере вся масса населения Армянского нагорья, первоначально говорившая на хурритском и урартском языках и лишь позже, в результате победы армянского языка, ставшая армяноязычной[41].

Давно общепризнано, что древнейшей армянской областью была Малая Армения. Однако в начале первого тысячелетия Малая Армения дает нам надписи не на армянском, а на "хеттском-иероглифическом" языке, причем область их распространения довольно точно совпадает с границами Малой Армении[42], лишь на юге и юго-востоке заходя на территории фригийской Тианитиды, Киликии и Сирии. Однако в двух последних областях наряду с "хеттскими иероглифическими" имеются также надписи (в том числе и билингвы) на финикийском и арамейском языках, которые, очевидно, бытовали здесь наряду с "хеттским иероглифическим", подобно тому, как в Малой Армении одновременно с ними мог бытовать армянский (или предармянский) язык восточной группы мушков.

---

glyphisch-hethitischer Wörter, MIO, II,2,1954, S.266 ff./. - "Мушки", упоминаемые в "хеттских-иероглифических" надписях, также, быть может, частично относятся к этому району.

41. По устному сообщению, аналогичной точки зрения придерживается С.Т.Еремян.

42. См. карту в статье: И.М.Дунаевская, О характере и связях древних языков Малой Азии ("Вопросы языкознания", 1954, № 6), стр.63.

До конца УШ в. или даже начала УП в. до н.э. встречаются свидетельства о наличии на территории Малой Армении "хеттского-иероглифического" языка[43]. Но уже на рубеже УI-У вв. эта территория, по греческим, а также древнеперсидским данным[44], оказывается заселенной "арменнями". Между тем трудно предположить, что смена этноса произошла здесь в течение УП в. - периода господства Ассирийской державы, не способствовавшего самостоятельным большим народным передвижениям и до начала 630-х годов отлично освещенного в источниках. Если же предположить, что заселение Малой Армении "арменнями" относится к периоду 630-522 гг., плохо освещенному в источниках, то возникает вопрос, откуда они в это время могли взяться?

Не только в УП-УI, но и в IX-УШ вв. до н.э. фригийская народность была уже оформлена как таковая; близость же армянского языка с фригийским не столь велика, чтобы можно было вывести армянский из фригийского; армянский язык является самостоятельным, хотя и родственным ответвлением от фрако-фригийского языка-основы, восходящим к ней не через посредство фригийского, а прямо: поскольку во фригийском языке уже в IX-УШ вв. до н.э. мы наблюдаем такие характерные особенности самостоятельного развития,

---

43. Надписи на "хеттском-иероглифическом" языке прекращаются с потерей здешними мелкими царствами самостоятельности в конце УШ в. до н.э., но урартские надписи называют Малую Армению "Хате" еще и в УП в. /см.: Г.А.Меликишвили, Клинообразная надпись царя Русы П из Адильджеваза ("Сообщения АН Грузинской ССР", XI, 1950, № 10) и И.М.Дьяконов, Заметки по урартской эпиграфике, П ("Эпиграфика Востока", УI, 1952), стр.112/.

44. Опись сатрапий у Геродота Ш, 93, восходящая к Гекатею и относящаяся к 500 г. до н.э. (XIII сатрапия); также и в надписях Дария I XIII,XУШ сатрапии Геродота называются Armina.

несвойственные армянскому и никогда не существовавшие в нем[45], как переход и.-е $*g^w$ > b и другие, постольку возвести армянский язык к фригийскому нельзя. В УП-УІ вв. до н.э. армяне не могли прийти из Фригии.

Другим возможным источником фракo-фригийских языковых элементов в восточной Малой Азии могли бы быть киммерийцы, появившиеся здесь во второй половине УШ в. до н.э.; как известно, ряд исследователей считают доскифские племена Северного Причерноморья, условно называемые "киммерийскими", фракийцами. Однако в другой работе мы пытались показать, что *gimirrāi* восточных источников были, по всей вероятности, одним из скифских, т.е. ираноязычных, племен; к сожалению, сохранилось только два киммерийских собственных имени, из которых одно - почти безусловно, второе - возможно иранское[46]. К тому же киммерийцы в Малой Азии были крайне малочисленны и должны были бесследно исчезнуть в среде местного населения. Вряд ли их язык мог оказаться победителем при скрещении[47]. Территорией же их оседания была северная часть Малой Азии (Понт), а не Армения.

Остается предположить, что армяноязычное население обитало в Малой Армении задолго до УШ в. до н.э. Не обладая собственной письменной и литературной традицией, армяноязычные народы пользовались языком и письменностью того населения, которое они здесь застали еще в ХП в. до н.э. ("иероглифических хеттов"),

---

45. Как указывалось выше, в армянском и.-е. $*g^w$ > k, что не могло возникнуть из b.

46. В ассирийской передаче Sandakšatru (иран. -xsaθra) и Teušpâ (иран. Tavâspa??).

47. То же верно относительно скифов (и, по предположению акад.В.В.Струве, также саков) - немногочисленных ираноязычных кочевников, кратковременной бурей прошедших через территорию Армении.

чем, возможно, и объясняется совпадение ареала распространения "хеттских иероглифических" надписей с предполагаемым древнейшим ареалом расселения армян. Этим же объясняется наличие значительного хеттского языкового слоя в армянском. Армяне начала первого тысячелетия представляли результат смешения местного хеттского (преимущественно "хеттско-иероглифического") населения с восточной группой фрако-фригийских племен мушков в том понимании этого термина, которое было свойственно второму тысячелетию до н.э.

Несомненно во всяком случае, что уже в УШ-УП вв. до н.э. армяноязычное население Малой Армении и западной части Великой Армении должно было составлять мощный и однородный массив, чем только и можно объяснить тот факт, что в процессе консолидации мелких племен Армянского нагорья армянский язык уже к У в. до н.э. оказался победителем, вытеснив обладавшие давней (в том числе и письменной) традицией хурритский и урартский. С У-IУ вв. до н.э. и позже армяне - это уже прежде всего воспринявшие армянский язык (с хеттскими включениями в него) бывшие хурриты и урарты Армянского нагорья. Однако следует отметить, что еще около 500 г. восточные и северо-восточные области Армянского нагорья были заняты урартами (алародиями), а в верховьях Евфрата и в горах Армянского Тавра и приурмийских районов жили хурриты (матиены)[48].

Как нам кажется, изложенная теория наилучшим образом объясняет состав древнеармянского языка с его пластами урартской и хеттской лексики при основном фрако-фригийском ядре, причем следует учесть парфянский и другие иранские элементы, датируемые более поздним периодом (начиная с УI-У вв. до н.э. и, главным образом П-Ш вв. н.э.).

НАЗВАНИЕ

Армяне в древности были известны под тремя главнейшими названиями: somex- - в грузинском языке, arminiya- - в древнепер-

---

48. Геродот, Ш, 94; У,49.

сидском, armenioi - в греческом, hay- - в самом армянском языке. Происхождение этих названий имеет немаловажное значение для проблемы этногенеза армянского народа.

В отношении первого названия (ѕomex-) Б.Б.Пиотровский предлагает, как и Г.Халатьянц, считать[49], что оно происходит от названия смежной с грузиноязычными территориями области Армянского нагорья, называвшейся Zuḫma по-хеттски (неситски), Suḫme или Suḫmu по-аккадски. Г.А.Капанцян склонен производить это название от этнонима Мосхой. Оба толкования предполагают наличие метатезы - более сложной во втором случае. Справедливость той или иной этимологии должна быть установлена специалистами-филологами, арменистами и кавказоведами, с точки зрения вероятности подобного фонетического явления в данных условиях и в данный период развития армянского и грузинского языков[50].

Второе название - armenioi в советской науке обычно производят[51] от названия страны Арме (или также Урме?) - по-аккадски Шубриа, - расположенной в IX-VIII вв. до н.э. в Сасунских горах, к юго-западу от Вана; предполагается[52], что именно здесь находился центр образования армянской государственности в бурные

---

49. Б.Б.Пиотровский, О происхождении армянского народа, Ереван, 1946, стр.24 и сл.

50. Невероятным кажется нам основанное на отдаленном, чисто внешнем созвучии сопоставление мушков с городом Мазакой (арм. Maža̱k) в Каппадокии, так как арм. ž не может соответствовать š, s.

51. Б.Б.Пиотровский, О происхождении армянского народа, стр. 9 и сл.; Г.А.Капанцян, Хайаса - колыбель армян, стр.171 и сл.; И.М.Дьяконов, Заметки по урартской эпиграфике, I, стр.108.

52. Б.Б.Пиотровский, О происхождении армянского народа, стр. 18-24.

времена конца УП - начала УI в. до н.э., почему армяне и стали известны под этим именем у соприкасавшихся с Арме южных и других соседей[53]. Это толкование приемлемо по филологическим основаниям и согласуется также и с нашей точкой зрения, согласно которой центром армяноязычного этноса наряду с Малой Арменией была нижняя часть смежной с Сасуном долины Арацани.

Третье название - hay-, по теории, которую после К.Рота и особенно П.Кречмера подробно развил Г.А.Капанцян, производится от названия страны Ḫajasa, известной из хеттских источников и расположенной во II тысячелетии до н.э. западнее современного Эрзурума, в Высокой Армении. При этом за основу в слове Ḫajasa принимается элемент ḫaja- (по Кречмеру, hayo-, однако 'o' вряд ли может передаваться в хеттском как 'a'), а -sa рассматривается как известный малоазийский топонимический суффикс -sa, -ssa. С фонетической точки зрения, против такой этимологии нет принципиальных возражений; однако следует отметить, что I) топонимический суффикс -sa, -ssa как раз в армянском языке отсутствует[54]; 2) язык Хайасы, судя по данным Г.А.Капанцяна, не был индоевропейским, а имена его богов не имеют ничего общего с армянскими[55]; 3) нет свидетельств о передвижениях хайасцев на юг, на территорию Малой, а затем и Великой Армении между XIII в. до н.э. и появлением термина hay- в начале нашей эры[56].

---

53. Armina с иранским окончанием -a через урартское *arm-ini 'армец'; в противоположность частым утверждениям, топонимического суффикса -ina в прямом падеже надежно не засвидетельствовано. В урартских надписях -ina - локативный падеж множественного числа от -inili; название страны Ḫattina, вероятно, содержит хурритский суффикс множественного числа -na.

54. Г.А.Капанцян, Суффиксы и суффигированные слова в топонимике древней Малой Азии, Ереван, 1948, стр.13.

55. См. стр.334-335.Но у армян были хеттские и другийские боги /см.: Г.А.Капанцян, Хеттские боги у армян, стр.24-51/.

Поскольку носители индоевропейского армянского языка обитали в Малой Армении и в западной части Великой Армении и, возможно, после падения Урарту продвигались далее на восток, то можно задаться вопросом, как должны были их называть жители центральных районов Армянского нагорья, говорившие в то время, несомненно, главным образом по-урартски. На это может быть дан совершенно определенный ответ: они, несомненно, должны были называть их именно так, как вообще во всей Передней Азии первой половины первого тысячелетия до н.э., - как в Ассирии, так и в Урарту, - назывались жители восточной части Малой Азии, а также Сирии, а в Урарту - в особенности жители Малой Армении, а именно - хеттами[57].

---

56. Г.А.Капанцян в своей книге "Хайаса - колыбель армян" не приводит никаких исторических свидетельств массового движения хайасцев на юг и юго-восток, а приводимые им предполагаемые даты и этапы этого движения ничем не обосновываются, кроме ссылок на некоторые названия селений, несколько сходно звучащих с названием страны Хайаса. Однако почти никогда названия селений не даются по именам племен и народов, разве только в случае мелких вкраплений в чужеродную этническую среду или на пограничной между двумя этносами полосе. Село Русское возможно, например, в Польше или Казахстане, но не на территории сплошного русского заселения - там все села русские. Иное дело - народы, называвшиеся по городу (как ассирийцы - по Ашшуру).

57. Об употреблении термина "Хатти" в Ассирии см. АВИУ,№ 23, прим.63; № 46, прим.7. ("Хатти" в значении "Сирия" иногда называется в Урарту "Хатти страны Амурру", Саргон II, "Анналы", строка 41) /см. работы Г.А.Меликишвили: "Наири-Урарту", стр.54 и сл.; ВДИ, 1954, № I, стр.238/. - "Хате" примыкает к Софене (УКН, № 39,II), к Алзи в долине Арацани (УКН, № 28, лиц.7-8), к Малатии (УКН, № I27, II, I5-I6), к Мушки (Фригии) и Халиту (стране Халибов) (УКН, № 278, 4).

По-урартски "хетт" назывался ḫatini, во множественном числе ḫatinili [58]; название страны ḫate могло применяться как синоним названия народа ḫatinili (так в "Анналах Аргишти I", УКН, № 127,П, в строке 5 - ḫate, в строке 12 - ḫatinili в одном и том же смысле).

Если этот термин сохранился у жителей центральной части Армянского нагорья и после перехода его на армянский язык, то нет надобности искать иной этимологии для этнонима hay-, так как сочетание -ate- закономерно переходит в армянском в сочетание -ay- (ср. *patēr > *phathir > *hahir > hayr 'отец', *mātēr > *mathir > *mahir > mayr 'мать')[59].

Действительно, изменения такого порядка, как переход -ate/i> > -ay-, должны были произойти позже УІ-У вв. до н.э. В УІ-У вв. армянский язык был еще настолько близок к фригийскому, что это было заметно посторонним наблюдателям, а фригийский язык, как уже указывалось, хорошо сохранял древние индоевропейские формы, в том числе и "контрольные" слова *patēr и *mātēr (в форме $p^{h}at^{h}ar$ и $mat^{h}ar$)[60].

Мысль о том, что этноним hay- есть не что иное, как слово "хетт" в его более поздней форме, возникшей в связи с внутрен-

---

58. Косвенные падежи ḫatina, ḫatinaṣe, ḫatinaidi (УКН, № 28, 7; 39,II; 127,П,12-15) от ḫatinili.

59. Начальное h в слове hay- мало что дает для определения его первоначальной формы; оно может отражать начальное p, и начальное s, и начальное h, и даже, может быть, начальный ларингал H /хет. ḫannas 'бабка', арм. han(i)/; по Г.А.Капанцяну, в говорах Васпуракана вместо h встречаем ḫ.

60. Слово "хетт" в предармянском языке УІ-У в. до н.э. должно было звучать *$hat^{h}ios$, *hathyos и было отнесено к основам на -o, к которым и принадлежит слово hay-.

ним фонетическим развитием армянского языка, не нова[61]. Но она высказывалась полвека назад в связи с теорией П.Иенсена, считавшего "хеттский-иероглифический" язык (еще тогда не расшифрованный) протоармянским, и была отброшена, когда выяснилась ошибочность этой теории. Но мы теперь знаем, что обозначение "хетты" не было ограничено каким-либо одним народом и языком, и по существу нет никаких данных, что "хеттский-иероглифический" язык назывался по преимуществу (или даже вообще)[62] хеттским - название это, принятое в науке, условно. "Хетты" было общим обозначением населения восточной Малой Азии и Сирии и урартами в особенности применялось к населению Малой Армении. Связь армяноязычного населения Малой, а затем и Великой Армении середины первого тысячелетия до н.э. с областью хеттов, "Хате", - непосредственная, в отличие от термина "Хайаса",для которого отсутствуют посредствующие звенья[63].

Может возникнуть вопрос: каким же образом получилось, что носители армянского (или предармянского) языка стали сами себя

---

61. Как указал мне С.Г.Еремян, об этом писал А.Тишян (Исследования армянского классического языка. Дописьменный период, Вена, 1920, стр.79-83 на арм.языке).

62. Вероятно, "иероглифические хетты" включались в общее понятие "лувийцы", хотя язык, фиксированный иероглифическими надписями, несколько отличается от лувийских отрывков в хеттских неситских (клинописных) текстах. Распространение "хеттских иероглифических" надписей в первом тысячелетии до н.э. шире ареала расселения лувийцев второй половины второго тысячелетия до н.э., но мы уже указывали, что языком этих надписей, возможно, пользовались как письменным также другие племена, например "протоармяне".

63. Таким образом, армяне назывались "хеттами" по той же причине, что и западные грузины - "мосхами" - потому что те ранее жили на фригийской, а эти - на хеттской территории.

называть термином, выработавшимся в иноязычной среде? Но следует учесть, во-первых, что разрозненные древнейшие предармянские по языку племена вряд ли имели общее самоназвание, а во-вторых, что основная масса позднейших армян была в действительности хурритско-урартского происхождения, и армянский язык должен был для них долгое время быть вторым языком, языком пришлого населения, которое естественно было называть "хеттским". Лишь с вытеснением древних диалектов этот термин мог быть перенесен на все говорящее по-армянски население. Аналогии такому явлению многочисленны. Так, галльско-романское население нынешней Франции получило от сравнительно немногочисленных германских переселенцев - франков имя "французы", славянское население Придунавья - имя "болгары" от тюркских переселенцев, причем в обоих случаях даже не произошло смены языка. Тем более могло измениться название, когда местное население приняло самый язык переселенцев, которых они называли "хеттами".

ВЫВОДЫ

Исходя из изложенного, мы полагаем, что армянский язык в своем ядре, представляющем его первичный словарный состав, является индоевропейским языком фрако-фригийской ветви, но не восходит, однако, ни к фригийскому, ни к фракийскому, а представляет ее самостоятельное ответвление. Носители предармянского языка образовывали передовую волну исторически установленного фрако-фригийского движения с Балкан в Малую Азию, последней волной которого было переселение вифинов в VII(?) в. до н.э. Фрако-фригийские племена, в том числе и носители предармянского языка, были во втором тысячелетии известны под названием "мушки" - термин, в начале первого тысячелетия закрепившийся только за собственно фригийцами, а впоследствии (в форме Μοβχοί, mesx-) применявшийся к западным грузиноязычным племенам с фригийской территории.

Носители предармянского языка осели в XII в. до н.э. на территории Малой Армении, занятой древнеанатолийским народом "иеро-

глифических хеттов", язык которых, использовавшийся и как язык письменности, оказал сильнейшее влияние на армянский в качестве языка-субстрата (возможно, наряду также и с хеттским - неситским и другими древнеанатолийскими языками, в свою очередь имевшими субстратом протохеттский). У окружающих народов все население Малой Армении называлось "хеттами".

Передовые группы носителей предармянского языка проникли в XII в. до н.э. также на хурритскую территорию в области запада Армянского нагорья, в частности по нижнему течению Арацани (Мурад-чая), а позже, вероятно, и на территорию Сасуна - Арме (Шубрии), по которой, предположительно, и получили позже у окружающих народов название "армениев".

После падения Урарту в начале VI в. до н.э. язык "хеттов" - армениев получал все более широкое распространение среди населения сначала западной, а затем и восточной и северо-восточной части Великой Армении; обозначение "хетты" (Hate > hay-) стало в этот период общенародным самоназванием армяноязычного населения Армянского нагорья, в которое постепенно влились хурриты[64], а также урарты, язык которых составил второй мощный субстрат армянского языка. Именно хурриты и урарты, восприняв армянский язык, составили в физическом (соматическом) и культурном отношении основное ядро армянского народа наряду с "иероглифическими хеттами"; среди последних потомки фрако-фригийских племен - носителей предармянского индоевропейского языка, по всей вероятности, составляли численно менее значительную прослойку, совсем уже незначительную в окончательном составе сложившейся армянской народности.

Что касается страны Хайаса и соотношения этого термина с этнонимом hay-, то, хотя, с фонетической точки зрения, их связь

---

64. Северные группы хурритов, по всей вероятности, сыграли роль и в этногенезе грузин наряду с другими древневосточными племенами.

не вызывает возражений (кроме судьбы суффикса -sa), соотношение это представляется нам сомнительным, имея в виду, что язык Хайасы не был индоевропейским и что между Хайасой второго тысячелетия до н.э. и hay- - армянами позднейшего времени - трудно проследить ясные промежуточные звенья.

Следует особо подчеркнуть, что наша теория стремится объяснить лишь индоевропейский в своей основе характер армянского я з ы к а , но не считает индоевропейские племена фрако-фригийской языковой ветви основными предками армянского н а р о д а, в состав которого они хотя и вошли, но только в виде сравнительно незначительного меньшинства.

И. М. ДЬЯКОНОВ

СРАВНИТЕЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ХУРРИТСКОГО И УРАРТСКОГО ЯЗЫКОВ

Комбинаторный метод определения значений слов и грамматических формантов привел к существенным успехам в области изучения как урартского языка (в особенности в работах И.Фридриха, И.И. Мещанинова, А.Гётце, Г.А.Меликишвили, Г.В.Церетели, Г.А.Капанцяна, М.Церетели), так и хурритского (в особенности в работах И.Фридриха, А.Гётце и Э.Шпейзера) и дал возможность установить родство этих языков между собой. Сейчас, опираясь на фундаментальные труды Г.А.Меликишвили[1] и Э.Шпейзера[2], пожалуй, уже можно попытаться дать первоначальный очерк сравнительной грамматики этих языков.

ФОНЕТИКА

Вопросы урартской фонетики рассматриваются нами подробно в другой работе, где, в частности, разбирается вопрос о сопостав-

---

1. Г.А.Меликишвили, УКН, ВДИ, 1953, № 1-4; 1954, № 1. - В большинстве примеров мы не ссылались на номер текста, так как любой контекст легко найти по указателю к УКН: см. также И.И.Мещанинов, Грамматический строй урартского языка, I, М.-Л., 1958. - Последняя работа в настоящей статье не могла быть учтена.

2. ItH (в дальнейшем указывается только параграф).

лении урартской и хурритской фонетики, поэтому здесь мы ограничимся кратким изложением основных выводов.

В хурритском имеются гласные a, e, i, o, и u. Долгие и краткие гласные, по-видимому, не различались. То же самое мы наблюдаем и в урартском, где полногласные написания не имеют фонетического значения, и можно прибавить, что долгие и краткие гласные не различаются также и в тех новых языках (грузинском и армянском), для которых хурритский и урартский, вероятно, послужили субстратом.

В урартском существовали те же пять гласных. Греческие и армянские транскрипции урартских слов и топонимических названий наглядно показывают, что звук, передаваемый в нашей обычной транскрипции как u, в действительности едва ли не чаще звучал как o. Так, ур. Ṭušpa, греч. θοσπ-ιτις, арм. Tosp; ур. Ṣupa-, греч. Σοφ-ηνη, арм. Ċop^h-k^h (основа Ċop^{h}a-); ур. Qumaḫa-, греч. Κομμαγ-ηνη; ур. Qulḫa, греч. Κολχ-ις; ур. Diau(e)-ḫe, греч. Ταο-χοι груз. Tao и т.д. На то же явление указывает аккадская передача ур. Sarduri как Sardaurri, ур. Wuši- как Uauš.

К сожалению, мы не всегда можем установить, в каких случаях графическое u нужно читать как o, поэтому мы в дальнейшем сохраняем написание с u, однако необходимо иметь в виду, что под этим графическим обозначением может скрываться как u так и o (иногда мы пользовались для хурритского символом u/o).

Конечные -i или -e в урартском (часто чередующиеся в графической передаче), по всей видимости, передают редуцированный гласный. Это видно из сопоставления ряда урартских слов с хурритскими, где ур. -i/e соответствует хуррит. -i, -e, -a и даже возможно, -o/u (но последнему - не в конечном положении, см. об этом ниже). Так как урартская графика не всегда дает возможность отличать друг от друга редуцированный гласный -ə, а также -i и -e, то мы будем пользоваться условным символом -i/e.

В словах, общих для хурритского и урартского языков[3], последний, как правило, сохраняет качество хурритского гласного, как видно из следующих примеров:

Гласный a: ур. baba(ni/e) 'гора' - хуррит. paba(n) (или pappena) то же; ур. ḫari/e 'дорога', 'поход' - хуррит. ḫari то же; ур. alaw-ini/e 'господский' - хуррит. allaj 'господа'.

Гласный e: ур. ewri/e 'господин' - хуррит. ewri, erwi 'царь'; ур. edi/e послелог направления и цели - хуррит. edi 'ради'; ур. -še, -ši- суффикс абстрактных имен - хуррит. -šše то же.

Гласный i: ур. piṣ-u-še 'радость', 'ликование' - хуррит. piṣ- 'ликовать'.

Гласный o: ур. uli (читается /oli/e/) 'иной' - хуррит. oli то же; глагольный суффикс ур. -ul- (читается -ol-) - хуррит. -ol-; ур. man-u (читается mano) 'был' - хуррит. mann-o, глагольный суффикс ур. -itu - хуррит. -ido.

Гласный u: глагольный суффикс ур. -ujar-[4] - хуррит. -ugar-. В хурритском u изредка чередуется с i, поэтому и в урартском можно в некоторых случаях ждать отражения хуррит. u как i, или i как u.

---

3. Следует отметить, что для хурритского языка нашим основным источником является пространное письмо Тушратты, царя Митанни, к египетскому царю, а также различные, преимущественно религиозные, тексты, в то время как для урартского известны почти одни лишь скальные надписи военного и строительного характера и очень краткие вотивные надписи на предметах ремесла. Поэтому естественно, что лексика, известная нам для того и другого языка, весьма различна по своему составу. В результате число лексических элементов, зарегистрированных одновременно и в хурритском, и в урартском, не так велико. Это число не отражает действительно существовавшего процента лексики, общей для обоих языков.

4. И -ijar-? Ср. ур. an-ijar-d-u-ni/e.

Однако в некоторых случаях хурритский гласный оказывается в урартском редуцированным. Это касается прежде всего конечных гласных и особенно ясно видно на примере хуррит. šawala 'год' ур. šali/e; хурритское энклитическое местоимение 3-го лица множественного числа -lla, -lle > урартский глагольный суффикс 3-го лица множественного числа -li/e, и др.[5]

В отдельных случаях, может быть, под влиянием ударения, как кажется, редуцируются гласные и в других положениях, например хуррит. šala 'дочь' > ур. si/ela(?); хуррит. ḫawr- // ᵐkawr- 'земля' ур. qi/ewra(?); впрочем, оба эти сопоставления сомнительны по другим фонетическим причинам, как мы увидим ниже. Особенно загадочно соответствие хуррит. teššu/oḅ 'бог Тешуб' с урартским названием того же бога, которое пишется ᵈTe-i-še-ba-, ᵈTe-e-i-še-ba-a-. Если во втором слоге здесь, видимо, необычная редукция o > e, то дифтонг в первом слоге еще более трудно объяснить; может быть, в урартском здесь сохраняется более архаичная форма; во всяком случае, хуррит. teššu/oḅ явно соответствует в урартском Teiši/eba.

Впрочем, характер, происхождение и соответствия урартских дифтонгов далеко еще не ясны.

В урартском нередко наблюдаются конечные гласные, не имеющие соответствия в хурритском. Так, урартские форманты -še, редко -š (эргативного падежа), -bi/e (/-ve-/), -(i)ni/e соответствуют хурритским -š̄, -f(f) (или -v), -(e)n. Утрата конечных гласных формантов нередко наблюдается (под влиянием ударения?) и в хурритском.

Следует отметить особую групп слов с конечным -a; слова этой группы в урартском не только не редуцируют конечного -a, но и представлены шире, чем в хурритском. Сюда относятся:

---

5. Как мы увидим в дальнейшем, этот редуцированный гласный может восстанавливаться при присоединении суффиксов: ši-u-l-ije, но ši-u-l-ija-li/e; ebani-uki/e, но ebani-uka-ni/e и т.д.

I) термины родства и родоплеменного быта: хуррит. atta(j) 'отец', ẑena 'брат', ela 'сестра', šala 'дочь', ᵏamma 'мать' (но pudgi 'сын', aštі 'жена'), žarra 'царь', 'вождь'; ур. sila 'дочь(?)', b/purgala 'союзник(?)', b/pura 'раб', nara 'племя(?)', 'люди';

2) термины географические: хуррит. šeja (и šiwe, šije) 'река'; ур. qi/ewra 'земля', muna 'река', baba(ni/e) 'гора' (ср. paba-n, pappe-na в хурритском), alga 'межа', dainala название(?) реки[6];

3) имена многих божеств в урартском: Barşia, Ḫaldia[7], Ḫara, Ḫuba[8], Quera, Teišeba, Tušpu(w)ea, Ua(wa?), а также собственные имена: Dada, Inušpua, Minua, Rusa, Tata, Tatia, Urzana[9].

В большинстве этих случаев ударение, может быть, лежало на последнем слоге основы, что показывают аккадские передачи имени Rusa как ᵐRu-sa-a, ᵐUr-sa-a, редукция гласного в šala > si/ela,

---

6. Ср. также Tušpa.

7. Так в аккадской передаче; в урартских текстах имя верховного божества - Ḫaldi или (в мусасирском диалекте?) Aldi. Для удобства склонения мы будем в дальнейшем называть это божество "Халдий".

8. Урартское Ḫuba странным образом соответствует хуррит. Ḫebat (см.: Г.А.Меликишвили, Наири-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 373). Хурритское имя Ḫebat — само по себе аномальное, так как передача этого имени в алфавитной клинописи Рас-Шамры показывает, что оно читалось с конечным t, а не d, как ожидалось бы по общему правилу. Э.Шейзер (ItH, § 51) производит его из ᵏḪawwat, позже ḫäwwa(h) 'Ева'. Б.Грозный, наоборот, выводил имя Ева из Ḫebat.

9. Но ср. также хуррит. tiža 'сердце', šawala 'год', šeḫala 'чистый', olla 'совокупность', в которых (по крайней мере, в случае šawala > šali/e) урартский дает редукцию конечного гласного.

ẖawr- > qi/ewra, упрощение дифтонга в слове qi/eura > qi/era и утеря падежных окончаний у имен этой группы: Minua-i > Minua, Tušpa-e > Tušpa и т.д. Впрочем, возможно, что перенос ударения на последний гласный основы происходил в ряде случаев только при склонении (ср. ур. Ṭušpa > арм. Tosp).

Какого бы ни было происхождение лишнего гласного -a (здесь можно думать о пережитке классного показателя) и редуцированного гласного -i/e, надо полагать, что урартский здесь сохраняет более архаичные формы, что вообще характерно для урартской фонетики.

Система согласных в хурритском и урартском языках различается. Для хурритского характерно наличие пар согласных, из которых один "удвоенный" (или, может быть, интенсивный) и всегда глухой, а другой - "неудвоенный" и, возможно, придыхательный, причем может быть звонким или глухим по комбинаторным причинам (а именно, звонким, если следует за гласным или плавным, и глухим в остальных случаях)[10]. Пары эти следующие:

pp	p/b	ff(?)	v(?)[11]
tt	t/d	s̄s̄	z̄[12]
kk	k/g	ẖẖ	ẖ/ɣ[13]

Кроме того, имеются звуки š и z (по-видимому, аффрикаты /ts/ и /dz/[14]), а также неслоговое i̯ (или j), и u̯ (или w).

---

10. Щелевые, видимо, могут быть звонкими и в анлауте.

11. Возможно наличие двух пар губных щелевых: φφ и w,ff и v.

12. Графически эти звуки не всегда легко отличить друг от друга. В сомнительных случаях употребляется транскрипция š. Возможно, это междузубные звуки типа /θ/ и /ð/, судя по тому, что они ассимилируются последующему -t и -ll (глухому l̥?).

13. Возможно также наличие /ɥ/.

14. Э.Шпейзер, впрочем, считает аффрикатом только s /ts/.

Наконец, имеются плавные l, r, m, n, удвоение которых, по-видимому, не ведет к оглушению[15]. Звук r имеет своеобразный характер (возможно, глухой или придыхательный)[16].

Для урартской системы согласных характерна общая для семитских и большинства кавказских языков черта - наличие троек смычных согласных: звонкого, интенсивного (или сопровождающегося гортанным взрывом) и глухого (иногда придыхательного). Тройки эти следующие:

b,	ṗ[17],	p
d,	ṭ,	t
g,	q,	k

Кроме того, имеются щелевые:

-	v[18]	
s[19]	-	
š[20]	-	
ḫ,	γ [21]	(ʾ)[22]

---

15. Впрочем, возможно, что удвоенное ll есть глухой l̥.

16. Графическое r, по-видимому, иногда применяется также для передачи звука [γ], обычно передаваемого с помощью ḫ.

17. Наличие в урартском интенсивного ṗ не регистрируется графикой и выявляется из сопоставления урартских терминов с их греческими и армянскими передачами, например: ур. ṭušpa > арм. Tosp, греч. Θοσπ- , но ур. ṣupa- > арм. ṣorʰa- греч. Σοφ-. Менее вероятно видеть в арм. pʰ и греч. φ передачу ур. *f.

18. Графически передается при помощи -b, например ур. Biani- арм. Van, ур. глагольный суффикс -bi/e - хуррит.-(a)ff [или -(a)w, -(a)v?], ур. abili > арм. avel и др.

19. Характер этого звука неясен. Он соответствует аккадскому (ассирийский диалект) графическому s, чтение которого также не совсем ясно (ур. Sarduri - ассир. Sardaurri). Н.Я.Марр видел в

Далее, аффрикаты ṣ (/ʦ/)[23] и z (/ʣ/)[24], неслоговые u̯, i̯ (или w, j)[25] и плавные l, r, m, n. Звук r имеет своеобразный характер (глухой или придыхательный?). Гласный между r и другим

ур. s звук /ʃ/ исходя из предполагаемого соответствия ур. pu-lusi 'стела' > арм. puluž.

20. По-видимому, урартское графическое š произносилось /s/, как, по всей вероятности, и в ассирийском диалекте аккадского, графику которого заимствовали урартские писцы. См. ур. Ṭušpa > арм. Tosp; ур. šani/e 'сосуд' арм. san, ур. šuri/e 'оружие', 'меч' арм. sur, ур. Paršua - аккад. (вавил.) Parsua. Ассирийские передачи, например, ур. Išpu(w)ini/e - ассир. Uš̭ina, ур. Wuši - асс. Uauš не противоречат этому, так как асс. š = /s/.

21. Графически /ḫ/ и /ɣ/ не различаются, однако ср. ур. Qumaḫa > греч. Κομμαγ, но ур. Qulḫa > греч. Κολχ-.

22. Знак (ʾ), возможно, передает звук /ḫ/.

23. Урартское Ṣupa- > арм. Ṣop^{h}a; ур. ṣue (читается /ʦowe/) 'озеро'; арм. ṣov. Однако, возможно, что урартское графическое s передает более одного аффриката, например еще и /ʧ/.

24. Возможно, также и /ʤ/, например, ур. Zabaḫa > арм. Ǯawaχ-k^{h}.

25. Специальных слоговых знаков для слогов с w и j (кроме -ja-) в урартском нет. W передается вставкой знака для u или вовсе не передается: ^{KUR}ú-ú-ši = /wose/, L U G A L ^{me}šeš-u-e = /erelawe/, ṣu-e = /ʦowe/; 'j' передается либо по тому же принципу (ḫa-ú-li-e, ḫa-ú-li-i-e = /ḫauli/eje/, i-e-še = /ješe/); либо при помощи слоговых знаков для g, например: gi-e-i, ta-ra-e, ta-ra-i-e, ta-ra-gi, e-ba-ni-(i-)e-di, e-ba-ni-gi-di, ku-i-gu-ni, ku-gu-ni, ku-i-tu, Ša-ti-ra-ra-ga для /jei, taraje, ebani/e=jedi, kujuni, kujito, Šatiraraja/.

согласным обыкновенно элидируется, причем если этот согласный l, то r ассимилируется ему[26].

Очевидно, урартская система согласных ближе к ожидаемой первоначальной, чем хурритская.

Характерная черта урартской системы - отсутствие "удвоенных" (долгих) согласных.

Поскольку в хурритском качество смычных зависит от позиции, т.е. фактически различие в звонкости не фонематично и различается только "редуплицированные" и "нередуплицированные" согласные, а в урартском, напротив, смычные различаются по качеству, но не редуплицируются, - постольку соотношение между хурритскими и урартскими смычными довольно сложно. Именно это обстоятельство вызывает кажущуюся незакономерность хуррито-урартских соответствий в этой области.

Полагая, что урартская система в основном сохраняет качественный характер первоначального смычного согласного, а хурритская - его первоначальное количество, мы можем представить хуррито-урартские соотношения смычных в следующем виде (табл.I):

Хурритское ff, видимо, не более как фонетический вариант v или w, возникающий в условиях редупликации или анлаута. В урартском имеется поэтому только один звук /v/; глухому хурритскому окончанию -(a)ff[27] в показателе I-го лица субъекта действия переходного глагола соответствует в урартском графическое -bi/e (читай /-ve/).

Возможно, таково же положение с хурритскими звуками $\bar{s}\bar{s}$ и $\bar{z}$[28].

---

26. Ни одно слово, кроме имен собственных, не начинается с r (ср. урартское имя Rusa, но в аккадской передаче Ursâ!). После r графически допускается разрыв слогов, что соответствует введению после r звука /ʔ/.

27. Однако действительно ли здесь в хурритском глухой согласный?

28. Впрочем, в хурритском $\bar{z}$ и $\bar{s}$ различаются и в анлауте.

Хуррито-урартские соответствия смычных

Исходная форма	Хурритская форма	Урартская форма	Примеры
*b	b/p	b	ур. baba(ni/e) 'гора' хуррит. paba(n) 'гора'.
*ṗ	*b/p	*ṗ	?
*p	b/p	p	хуррит. par- 'брать' ур. par- 'забирать'*
*bb	pp	b	ур. baba(ni/e) 'гора' хуррит. pappa/ena 'гора' (диалектный вариант)
*ṗṗ	*pp	*ṗ	?
*pp	*pp	p	?
*d	d/t	d	ур. dur-b- 'восставать' хуррит. turubi 'мятеж', 'беда', 'беспорядок'; ур. Dadi и.с. хуррит. tad- 'любить'; ур. Diau(e)-ḫe, хуррит. *T(i)aw-ḫe греч.
*ṭ	d/t	ṭ	ур. ṭeae 'великий'** хуррит. teae 'большой'

---

* Хуррит. u/orb-ar- 'резать', 'закалывать' соответствует ур. urb/pu 'жертва', но качество звука в урартском здесь неясно.

** УКН,I27,У,79: D Ù^{meš}-li ṭé-a-e É-G A L^{meš} 'построил большие крепости'. Прилагательные на -ae не имеют множественного числа, или форма -ae заменяется во множественном числе другой формой.

Исходная форма	Хуррит. форма	Урарт. форма	Примеры
*t	d/t	t	ур. суффикс -itu , хуррит. -ido; ур. tan- 'совершать', 'завершать', хуррит. tan- 'делать'; ур. ḫut- 'обращаться', хуррит. ḫud- 'отмечать', 'записывать'(?)
*dd	d/t	d	ур. суффикс -di/e, хуррит. -tta;
*t̤t̤	tt	t̤	?
*tt	tt	t	?
*g	g/k	g; j.	ур. ag- 'вести', хуррит. ag-; ур. суффикс -ujar-, хуррит. -ugar-;
*q	g/k// ḫ?	q	ур. qi/ewra 'земля', хуррит. ḫawr-(?), ср.хуррит. варианты keẖki, keẖḫi, ḫeẖki, ḫeẖḫi 'кресло', 'престол'.
*k	*g/k	*k	?
*gg	*kk	*g	?
*qq	*kk	*q	?
*kk	*kk	*k	?

Оба имеют в урартском, - по крайней мере графически, - одно соответствие, хорошо засвидетельствованное большим количеством

примеров, а именно: хуррит. $\bar{s}\bar{s}$, $\bar{z}$ ур. š (/s/): хурритские суффиксы -$\bar{s}\bar{s}$e и -$\bar{s}$(ō) дают оба в ур. -še; глагольный суффикс -št- > ур. -št-; хуррит. šawala (вероятно, = $\bar{s}$awala) > ур. šali/e; хуррит. šue 'далекий' > ур. šui-; в то же время хуррит. ḫa$\bar{z}$- 'слышать', ур. ḫaš-; хурритский суффикс -$\bar{z}$a > ур. -še, и т.д. Разумеется, хурритский суффикс -a$\bar{z}$-ta > -ašta дает ур. -ašte; хуррит. a$\bar{s}$ḫ- 'жертвовать(?)' дает ур. ašḫ- 'устраивать, устанавливать ритуальный порядок'.

Имеется одно сомнительное исключение: хуррит. šala (= /$\bar{s}$ala/? или = /šala?/) 'дочь' дает, по-видимому, в урартском sila (что, по Н.Я.Марру, надо было бы читать šila) . Вообще неясно, чему соответствует урартское графическое s, которое, видимо, имело шипящий характер. Не исключена возможность, что соотношения между хуррит.$\bar{s}$, $\bar{z}$ и ур. š, s были более сложными, подобно тому как это наблюдается в отношении смычных; например, $\bar{z}$ в анлауте могло давать $\bar{z}$ в хурритском и s (/š/?) в урартском, а в других случаях и $\bar{s}$ и $\bar{z}$ давали в урартском š (/s/).

Следует отметить, что в хурритском изредка встречается удвоенное zz, также, по-видимому, соответствующее ур. s; так, хурритское окончание прилагательных -(u)zzi, -(z)zi, видимо, соответствует урартскому окончанию -usi/e.

В целом, помимо того что хуррит. $\bar{z}$ и $\bar{s}$ обычно соответствуют ур. š, пока трудно сказать что-либо вполне определенное в отношении группы переднеязычных щелевых.

Хурритские ḫḫ и ḫ соответствуют урартскому графическому ḫ, в частности в известном окончании притяжательных прилагательных ур. -ḫi/e; в хурритском, возможно, было два окончания с примерно одинаковым значением: -ḫḫe и -ḫe(?)[29].

Хурритская аффриката s (/ts/) соответствует урартской аффрикате ṣ (/ts/), что видно из хуррит. pis- 'ликовать', ур. pis-u-še 'ликование'.

---

29. Хуррит. ḫ, чередующееся с k, может, по-видимому, соответствовать и ур. q.

Соответствует ли хуррит. z ур. z, пока неясно.

Хурритские плавные сохраняются и в урартском: хуррит. mann- 'быть' - ур. man-; хурритские суффиксы -ol-, -l-, -lla - ур. -ul-, -l-, -li/e; хуррит. ar- 'давать' - ур. ar-, и многие другие.

Хурритское /j/ соответствует такому же урартскому звуку: хуррит. (j)iža 'я' - ур. ješe; хурритское отрицание uja 'нет' - ур. uje, uj(i) 'не'; хурритское притяжательное местоимение 3-го лица -ija- - ур. -ija-, -(i)je-. Неясна причина, по которой хуррит. allaj 'господа', по-видимому, соответствует ур. alaw-ini/e 'господский'.

Сложнее обстоит дело с урартским соответствием хурритскому w (u̯). Этот звук сохраняется в анлауте - по крайней мере слова с начальным w- знает как урартский, так и хурритский, хотя до нас пока не дошло примеров одного и того же слова с таким началом в обоих языках, но, как правило, w элидируется между гласными. При этом может произойти стяжение (хуррит. šawala 'год' > ур. šali/e, хуррит. tiwe 'слово', 'дело' > ур. ti- 'говорить'), или его может и не произойти (хуррит. tiwa - вариант к tiwe > ур. tija- (вариант к ti-)); хуррит. awež 'где?', 'когда?', ур. aiše(i) 'где-нибудь' - но awje 'где?', 'куда?', 'куда-нибудь'; хурритское окончание родительного и дательного падежей -we, -wa дает в урартском -e(/-e/) не только после гласного -i/e, но и после гласного -a или -u .

Но при образовании зияния (встрече гласных -ai/e, -ie, -ue, -i/ea и т.п.) в урартском языке имеется тенденция вставлять неслогообразующий звук (чаще всего -j-, реже, по-видимому, -w-): tarae 'большой' > taraje, ebani/e-edi > ebanijedi; ṣue читалось, видимо, /ʦowe/, ср. арм. ṣov.

Имеется единичный случай сохранения w между гласными: родительный и дательный падежи звучат по-урартски во множественном числе -we (хуррит. -we, -wa) - повидимому, для различения от форм единственного числа.

В целом можно сказать, что, несмотря на отдельные инновации (утрата редупликации, редукция конечных гласных, облегчительные согласные в случаях зияния), урартский язык по своей фонетике, видимо, значительно ближе к языку-основе, чем хурритский. В урартском наблюдается также значительно меньше ассимиляций и других комбинаторных звуковых изменений, чем в хурритском[30].

МОРФОЛОГИЯ

Мы не будем в настоящем очерке рассматривать всех частей речи хурритского и урартского языков, а ограничимся рассмотрением имени с его падежными показателями, возникшими из послелогов; глагола и местоимения, причем из практических соображений местоимение будет рассмотрено после имени и глагола, так как исследование последних позволит лучше выявить как самое наличие в текстах местоимений, так и их судьбу в урартском.

ИМЯ

Прежде всего следует отметить совпадение основных словообразовательных принципов и формантов в хурритском и урартском. Основа как в хурритском, так и в урартском большей частью односложная (типа ar-, d/tad-, ḫa-, ḫaž-, значительно реже типа batq-, aš̄ḫ-, ḫawr-, причем в последнем случае можно думать, что конечный согласный основы представляет остаток какого-либо древнего морфологического форманта). Встречаются основы редуплицированные (ур. ḫarḫar-) и сокращенно-редуплицированные (ур. qabq-, вероятно, *qab-qab-) и основы, которые следует счи-

---

30. Например,хуррит. *Šalgamiš-uš-lla 'Гильгамеш их...' > Šalgamišul, *Miz(i)r-ne > Mizirre (Mizir 'Египет'); *kul-i-l-i/e 'пусть ты скажешь' > kulli/e; *šawala-na > šawalla (šawala 'год'); *Ḫupellure-na (бог Ḫupellure) > Ḫupellurra и многие другие; ур. *par-itu > partu, *šid-(i)št-itu-li/e > šidištuli/e, *tur-u-li/e > tuli/e и т.д.

тать результатом словосложения /хуррит. tarš̄uwa(nne), ур. tarš̄ua(ni/e) 'человек'/.

Широко применяется расширение основы при помощи особых модифицирующих элементов, которые еще шире применяются с глагольными основами, почему мы их и рассмотрим ниже в связи с глаголом.

Большинство имен оканчивается в обоих языках на тематический гласный, чаще всего -i/e, реже -a (см. стр. 370 и сл.), еще реже -u/o.

Прилагательные образуются нередко при помощи суффиксов. Так, притяжательные и этнонимические прилагательные образуются в обоих языках при помощи -oḫḫe, -ḫḫe, -ḫe (хуррит.), -uḫi/e, -ḫi/e (ур.): хуррит. aš̄toḫḫe 'женский', turoḫḫe 'мужской', ḫurroḫḫe 'хурритский', erwi-š̄-ḫe, ewri-š̄i-ḫe 'относящийся к царской повинности', lula-ḫe 'луллубейский', ḪlbḲ (в Рас-Шамре, чит. /ḫalbaɣe/) 'алеппский', ninuari (чит. /ninuaɣe/) 'ниневийский'; ур. tarai-uḫi/e 'относящийся к Великому' Minua-ḫi/e-ni/e 'Минуин (сын)', Sarduri-ḫi/e-ni/e 'сардуриев', Diau(e)-ḫi/e-ni/e 'диаухец, член (или вождь) племени Диаухе' и т.д.

Для выражения притяжательных прилагательных хурритский применяет также формант -ne (-inne, -unne, -onne), а урартский -(i)ni/e: хуррит. aš̄ḫ-ož̄-i-kk-onne 'жертвователь'(?), ур. Mana-(i)nie ebani/e 'Маннейская страна'; 'Aza-ini/e ebani/e; Ḫaldi-(i)ni/e-li/e šešti-li/e 'Халдиевы ворота'

В урартском притяжательные прилагательные часто употребляются вместо имен существительных в родительном падеже; в хурритском это явление также наблюдается, хотя и реже.

Другой формант прилагательных: хуррит. -ae, ур. -ae, -aje: хуррит. te-ae, te-ol-ae 'большой', nir-ae 'слабый', fah(i)re < *fahr-ae (или pah(i)re, *pahr-ae ('хороший', ker-ae 'длинный'; ур. ṭe-ae 'большой', ter-a(j)e 'установленный' (также ter-a-ini/e, ter-a-ḫi/e-ni/e), tar-a(j)e 'великий' и т.п.[31]

---

31. Наряду с этим существует и специфические для того и другого языка форманты, например хуррит.- b, встречающийся, впрочем, преимущественного в составных собственных именах.

Образование глагольных имен мы рассмотрим ниже.

Как в хурритском, так и в урартском имя имеет два числа: единственное и множественное. В хурритском множественное число выражается показателем -až[32], который в урартском встречается только пережиточно. В урартском каждое имя имеет две основы - для единственного и для множественного числа, различающиеся тематическим гласным (для множественного числа тематический гласный -a-). Абсолютный падеж (падеж субъекта состояния, т.е. субъекта непереходного и объекта переходного глагола) выражается в урартском во множественном числе суффиксом -li/e, присоединяемым к основе единственного числа. Это, очевидно, хурритское энклитическое личное местоимение абсолютного падежа 3-го лица множественного числа -lla; данная форма, несомненно, восходит к коллективному множественному (которое в обоих языках передается формой единственного числа) и первоначально употреблялась предикативно.

Падежные отношения выражаются в хурритском при помощи особых полусамостоятельных элементов, находящихся на пути превращения из послелогов в падежные окончания. Они помещаются после основы, но также после соотносительной частицы -ne-, -na- и энклитических притяжательных местоимений и даже (в случае "стативного" падежа) после предикативной частицы -n.

Так же выражаются падежные отношения и в урартском. Некоторые падежные показатели обнаруживают свое происхождение из послелогов. Речь идет о показателе -edi. Если другие падежные показатели повторяются при аттрибутах и прилагательных определениях (явление согласования), то -edi употребляется нередко лишь раз при комплексе определяемое-определение как послелог (Babilu-ni/e ebani/e-jedi 'в страну Вавилона'). Как послелог выступает и edi + окончание аблатива и локатива (edi-ni/e, edi-a).

---

32. Помещается после энклитических притяжательных местоимений.

Семь падежей имеют общие показатели в хурритском и урартском; кроме того, в хурритском зарегистрирован один падежный показатель (комитатива или совместно-сравнительного падежа -ra), не обнаруженный в урартском, а в урартском известны три падежных показателя, не обнаруженных в хурритском (иллатив -še, аблатив -ni/e, а также направительный показатель -edi, существующий в хурритском, а отчасти и в урартском, в качестве самостоятельного слова).

Система общих для обоих языков падежей такова (см.табл.2).

Таблица 2

Падежные показатели
общие для хурритского и урартского языков

Падеж	Хурритский	Урартский	
	Единственное число[1]	Единственное число	Множественное число
Субъекта действия (эргатив)	-š	-še	-še
Субъекта состояния (абсолютный)	-	-	-li/e[3]
Родительный (генитив)....	-we	-e(-je)[4]	-we
Дательный (датив)	-wa	-e[5] /-eʃ	-we/-weʃ
Местный (локатив)	-(j)a[6]	-a[6]	-a[7]
Качественный (статив)[2] ..	-a[8]	-a[8]	?
Направительный (аллатив).	-t/da	-[9]	-aš-te[10] /-aš-teʃ

23.Ср. ур. ebani/e-uki/e-edi 'к моей стране', nap-aḫ-ija-i 'к его усмирению(?)'; ulg-u-š(e)-ija-ni/e edi-ni/e 'ради его жизни', šar(i)-je-ni/e 'от его оружия'; также e-ú-ri-i-e, E N-gi-e надо в ряде случаев понимать как ewr(i)-ij(a)-e 'его господину', ср. идеографически E N-ŠÚ (например, УКН, I49,I); ср. хуррит. ḫn atjnpš (Рас.Шамра) = *ene attaj-ne-iff(u)-š 'боги предков моих'; šin-ija-(a)ž-(w)e 'их двух'.

[1] Падежные показатели во множественном числе испытывают в хурритском значительные фонетические изменения и вместе с показателем множественного числа -až звучат: эрг. -(a)žuš, абс.-až, ген. -(a)že, дат. -(a)ža, лок. -(a)ša, аллат. -ašta.

[2] Статив выражает качество или состояние, в которое приведен данный предмет или понятие, а также материал и т.п.: ḫiaruḫḫ-a nakkas-a '/из/ кованого золота'; urḫe-n pal-a kul-i-ja-ma pali-man urḫ-a kul-i-ja-ma '/что/ истина /есть/ ложью (в качестве лжи) он не объявит, ложь же истиной он не объявит'; aštі-nn-a 'в качестве жены /есть/'.

[3] Первоначально энклитическое местоимение; употребляется с основой единственного числа.

[4] Также -i (< -e, особенно после основ на -a и отчасти на -i). Ср. и в хуррит. -we > -e в таких случаях, как *edi-ija-we >edije, *-až-we > -aže.

[5] При основах на -a > *-a, сливающееся с тематическим гласным основы. Формы на -(i)je следует обычно рассматривать как сочетание падежного окончания -e (/-ə/) с энклитическим местоимением 'его' -ija-.

[6] Без поглощения предыдущего гласного: хуррит. ewr(i)-ne ḫawr-ne-ja 'царь в стране'; ур. ebani/e-a 'в стране'.

[7] С поглощением предыдущего гласного: ур. ebana 'в странах', Biaina 'в стране Биаинили' (Biainili - plurale tantum).

[8] С поглощением предыдущего гласного: хуррит. pala 'в качестве лжи'; ур. gunuša 'в состоянии битвы (при pali, gun-u-še), b/pura ašt-u-bi 'в раба обратил'.

[9] Заменяется показателем -edi, возникшим из послелога (хуррит. edi 'ради').

[10] -aš- здесь пережиток хурритского показателя множественного числа (ItH, § 74). Форма -ašte (< *-až-ta) употребляется в урартском в ограниченном числе случаев, главным образом в застывших идиоматических выражениях, чаще же заменяется показателем -idi (< -edi).

Характернейшей для хурритского чертой является "перенос падежных окончаний": падежное окончание определяемого повторяется при определении и т.п., например: en(e)-na-(a)ž-uš atta(j)-ne-we-na-(a)ž-uš 'боги (ene-...-až в эргатив.пад. -š) отца (род.

пад. attaj-...-we)'. В урартском это явление если и встречается, то лишь пережиточно /в застывшем идиоматическом выражении ḫuti-a-di/e... ina-(a)šte[34] Biain(ae)-ašte 'я обратился ... к бо-

---

34. В урартском слово 'бог', 'боги' всегда пишется идеограммой D I N G I R, D I N G I R^{meš}, но судя по фонетическому комплементу -na, во множественном числе ^{d}Ḫal-di-i ku-r/ú-ni D I N/G I R^{meš}-na ku-ru-ni 'Халдий силен(?), среди богов силен(?)', это слово, как и в хурритском, звучало *eni/e, *ini/e (основа мн.ч. *ena, *ina). Это обнаруживается, по-видимому, также из производных слов *ineri 'божественный', откуда ineri-ḫi/e-(ni/e), 'относящийся к божественному', ineri-še (D I N G I R -ri-še), ineri-a-še 'божественность', ina-ini/e 'принадлежащий к богам, божество': iu ḫaldi-še masi/e ineri-a-še (с детерминативом божества: ^{d}i-ni-ri-a-še) u-št-u-ni iu ina-we (D I N G I R^{meš}-ú-e) tar'ai (!) šure-li/e zaš-u-a-li/e... 'когда Халдий собственную божественность явил, когда для богов великих вселенную (государство) он укрепил...' (I28, A 4,I-4); в перечислении жертв: ḫaldi-ni(-e) ineri-a-še G U D 2 U D U ḫaldi-ni(-e) alsui-ši-e G U D 2 U D U 'Халдиевой божественности - бык (и) 2 барана, Халдиеву величеству - бык (и) 2 барана' (27,I2 и ср.52); aše ḫaldi-e aše ḫaldi-e aš-(a)št -u-l-i/e ḫaluli/e ḫaldi-(i)na šešta ineri-ḫi/e-ni/e tini/e alu-še ḫaluli/e gu-di G Ù B-di at-u-l-ije did-u-l-i/eni/e urb-u-l-i/eni/e ḫaldi-(i)na šešta K Ú-ni 'когда для Халдия будут устраивать праздничные жертвы в Халдиевых воротах - относящиеся к божественному /будет их/ имя; тот кто жертвы справа /или/ слева /т.е. по-соседству/ стал бы есть, - будет ли /он/ разделять(?), будет ли /он/ жертвовать, - в Халдиевых воротах он должен находиться' (96, 2-4). Наконец, известная формула проклятия: tur-ini-ni/e Ḫaldi-še Teišeba-še Šiwini-še ina-še (D I N G I R^{meš}-še) ma-ni, armuzi, zil(i)bi(je) šiwini-ni/e

гам страны Биаинили', которое, впрочем, можно толковать и иначе/[35].

Как для хурритского, так и для урартского характерна соотносительная частица -ni/e (в хурритском множественное число -na).

По происхождению эта частица восходит, видимо, к указательному элементу, выделяющему данное слово как единичное (а не часть неопределенной массы), а поэтому определенное. Отсюда она используется как словообразовательный элемент для образования притяжательных прилагательных (со значением "один определенный из данной категории", "...-ский") и для выражения единичности.

При имени эта частица может выражать тот факт, что на этом слове предложение не закончено и что это слово уточняется дальнейшим (или предыдущим) содержанием контекста. Так, в хурритском определение и определяемое связываются между собой путем введения после основы того и другого имени (или только определения) соотносительной частицы. Эта же частица связывает определение и перенесенный с определяемого падежный показатель[36]. См., например: хуррит. ḫaw(u)r-(u)ne 'земной'; ma-ne 'он один, он именно'; tiwe-na /'отдельные/ слова'; aš̄ḫ-oz̄-i-kk-onne 'жертвователь' /'тот один определенный, который устраивал жертвы (aš̄ḫ-) в прошлом (-oz̄-) часто и помногу (-kk-)'/.

Далее: NN, ew(e)r(i)-ne ḫaw(u)r-(u)n(e)-ne 'такой-то, царь /этой/ земли' (собственно 'земной'). Здесь -ne, по-видимому, вы-

---

pe(i)-ni/e mi arḫi/e uruliani mi ina-ini/e mi nara awje ul-u-l-i/e 'да уничтожит Халдий, Теишеба, Шивини /и другие/ боги его /самого/, род (?) /и/ семя /его/ из-под солнца; ни..... .., ни божество, ни человек никуда не уведут /его от этого/.

35. 'К богам биаинским', рассматривая biain(a)-aše как прилагательное множественного числа.

36. При прилагательных на -ḫḫe и в некоторых других случаях частица -ne- необязательна: Tugriš-ḫe ew(e)r(i)-ne 'царь Тугриша'.

ражает тот факт, что это именно тот царь, который назван выше по имени (NN), т.е. является частицей, связывающей приложения. В случае šu-we-ne edi-(i)ff-we 'ради меня' (собственно 'меня -род.пад. -ne-отношение-мое-род.пад.') -ne связывает определение с последующим уточнением его содержания. В случае же NN, ew(e)r(i)-ne Lullu-ne-we повторенное -ne- выражает связь определяемого с определением. См. также Miṣir-re-we[37] omin(i) -ne-we allaj 'Египта страны госпожа'; tuppe niḫar(i)-re-we ar-ož-aff-še-ne-we 'список приданого, которое я дал' (ar-ož-aff 'я дал', -še — номинализирующая частица при глаголе придаточного предложения, -we — перенесенный падежный показатель); eže-ne-we-ne-š allai-š 'небес госпожа'. Здесь одно -ne- связывает определяемое с определением, второе - определение с перенесенным падежным показателем.

В урартском языке частица -ni/e тоже существует, но ее обычно ошибочно считают за падежное окончание второго абсолютного падежа (падежа субъекта состояния и объекта действия)[38]. Действительно, применение ее в урартском далеко не столь широкое, как в хурритском, и применяется она обычно с абсолютным падежом, но лишь в тех случаях, когда имя, стоящее в этом падеже, определено как конкретное, известное, единичное или имеет логическую связь с какой-либо иной частью предложения (например, прямо определено прилагательным). Так, -ni/e всегда употребляется при конкретном, известном слушателю подлежащем непереходного глагола (ḫaldi-ni/e u-št-a-bi/e 'Халдий выступил') и объекта (ḫa-u-bi/e Mana-ni/e ebani/e 'покорил страну (das Land) Мана'[39],

---

37. Здесь -re- < -ne- под влиянием -r.

38. При этом остается неясным, почему в языке могут существовать два падежа с одним и тем же значением.

39. Это выражение можно толковать и как ḫa-u-bi/e Mana-(i)ni/e ebani/e 'покорил Манейскую страну'.

ḫa-itu ^{URU}Mešta-ni/e 'покорил (подразумевается город, die Stadt) Мешту'/; при имени, определенном отчеством или иначе /Argišti-ni/e Minua-ḫi/e 'Аргишти Минуин /сын/'; Utupurši-ni/e Diaue-ḫi/e 'Утупурши диаухец'/. Частица -ni/e обычно отсутствует, если имя определено родительным падежом или указательным местоимением: ini/e pulusi/e kuj-itu 'эту стелу надписали'; ḫa-itu Parša-i ebani/e 'покорили Паршуи страну'. Также, если речь идет о не определенном точнее общем понятии, частица -ni/e не применяется: 'aše lutu par-u-bi/e Biaina-idi 'мужчин и женщин забрал в Биаинили'; mi ina-ini/e, mi nara awje ul-u-l-i/e 'ни божество, ни человек никуда не уведет'; alu-še niribi ḫa-u-l-ije 'тот, кто мелкий скот захватил бы'.

Во множественном числе соотносительная частица в урартском, по-видимому, не применяется /формы типа ḫuradi-ni/e-li/e 'воины' и т.п. следует, возможно, производить от прилагательного на -(i)ni/e /.

Но, хотя эта частица употребляется, по-видимому, почти исключительно с абсолютным падежом, однако, как кажется, имеются и исключения. К таким исключениям, возможно, относятся следующие случаи: 4 ereli/e inani/e apti-ni/e ṣu-ini-a-/ni/e I9/ ereli/e išani/e apti-ni/e ṣu-ini-a-ni/e ^{KUR}babani-a kuruni/e ... aš̌g-u-bi/e '4 царей с (-ni/e) этой (inani/e) стороны (apti) в (-a) озерной /стране/ (ṣu-ini/e прилагательное от ṣue 'озеро'), I9 царей с той стороны в озерной /стране/ (и) в (-a) горах могучих ... я захватил'.

Здесь конечное -ni/e в слове ṣuiniani/e не может быть ничем иным, кроме соотносительной частицы, определяющей это прилагательное, как относящееся к опущенному слову ebani/e 'страна', так как падежное окончание к этому слову мы уже имеем в окончании -a (ṣuini-a, ср. babani-a!).

Нередко двойной показатель -(i)ni/e-ni/e нужно рассматривать либо как аблатив, либо как соотносительную частицу, присоединенные к окончанию притяжательного прилагательного: ḫa-u-bi/e

(ebani/e) Etiḫ-(i)ni/e-ni/e 'завоевал этивскую (страну)'; однако в таких выражениях, как inuka-ni/e esi/e-ni/e-ni/e 'с этого места', где одно -ni/e - аблатив, другое -ni/e не может быть ничем иным, кроме соотносительной частицы.

Своеобразно употребление соотносительной частицы с окончанием прилагательных на -ḫi/e. Здесь соотносительная частица вводится перед всеми падежными показателями, кроме абсолютного[40]. Ср. особое положение этого показателя также в хурритском.

Частица -ni/e может, по-видимому, связывать имя с послелогами: ali/e nara(-ni/e?) šur(i)-je-ni/e kai-ni/e kulu-ar-(a)š -(a)-ibi/e... zaš̌g-u-bi/e 'людей, которые (ale) перед (собственно 'от-перед'-послелог kai с отложительным -ni/e) его (божества) оружием бежали ... я убил'.

Здесь частицу -ni/e после слова šur(i)-je (хотя эта частица стоит и не там, где она стояла бы в хурритском), может быть, следует рассматривать как соотносительную частицу, а не как показатель аблатива: послелог kai вовсе не требует этого падежа, ср. Argišti/e kai 'перед Аргишти'; так же анализируются случаи Šiwini-ni/e pe-ni/e 'из-под солнца', me-ši-ni/e pe(i) 'под дань' наряду с Minua pe(i) 'под Минуей'. Соотносительная частица в других случаях, кроме тех, когда она служила формантом определенности при именах в абсолютном падеже, по-видимому, вымирала, отсюда колебания в ее употреблении при послелогах[41]. Впрочем, эти последние случаи неясны, и вообще вопрос о частице -ni/e нуждается в дальнейшем исследовании; для уточнения ее зна-

---

40. Исключение составляет текст I30,I9 (ошибка?), а также случай с абсолютным падежом с послелогом kai: Argišti/e kai Minua-ḫi/e-ni/e, I27, IV,69.

41. Мне непонятно, почему Г.А.Меликишвили считает -ni/e в случаях Šiwini-ni/e pe-ni/e, ulg-u-š(e)-ija-ni/e edi-ni/e аблативом, а в случаях pulusi/e-ni/e kai, me-ši-ni pe(i) вторым абсолютным ("именительным") падежом.

чения следовало бы учесть все случаи ее употребления, отделив ее при этом от сходных по звучанию формантов: показателя притяжательных прилагательных (таковым может оказаться -ni/e, например, в комплексе Mana-ni/e ebani/e - 'Маннейская страна'?) и показателя аблатива.

Помимо "падежных показателей", отношения имени могут уточняться предлогами и послелогами; число их в хурритском, по-видимому, невелико; в урартском послелоги играют важную роль /kai[42] 'перед', kai-ni/e 'от', pe(i) 'под', pe-ni/e 'из-под', edi-ni/e 'из', 'за', 'из-за', edi-a 'к', ašdu 'для(?)' или 'подобно тому как(?)', bedi-ni/e 'от'; может быть, также ašta-ni/e, apti-ni/e и др./[43]. Большинство из них требует абсолютного падежа, иногда абсолютного падежа с соотносительной частицей (или, как полагает в этих случаях Г.А.Меликишвили, аблатива); послелог edi-a, как это ни странно, требует формы -a-we - т.е. дательного падежа множественного числа. Имеются также предлоги kai 'перед', pari/e 'до'; последний требует то абсолютного(?), то локативного, то дательного падежей.

Все послелоги и предлоги, несомненно, именного происхождения как в хурритском, так и в урартском.

ГЛАГОЛ

Как хурритский, так и урартский глагол может быть переходным и непереходным, но не имеет активного и пассивного залогов. Наш пассивный залог выражает действие с точки зрения объекта, как субъекта наступившего состояния, и тогда субъект действия рассматривается только как орудие; но то же действие может быть выражено активным залогом с точки зрения субъекта действия, и тогда субъект состояния рассматривается только как объект. В хурритском же и урартском глаголе отражены сразу обе точки зрения,

---

42. Ср. хурритский предлог ai.

43. Ištini/e мне представляется не послелогом, а наречием.

поэтому падеж субъекта действия (эргатив) не является инструментальным, а падеж субъекта наступившего состояния (абсолютный) - винительным (объектным). Отношение к объекту как к таковому в глаголе не выражено: выражается, с одной стороны, субъект состояния (который лишь с нашей точки зрения для переходного глагола является объектом, а для непереходного остается субъектом) и, с другой стороны, субъект действия. Поэтому в глаголе могут отражаться лица обоих субъектов, но активного и пассивного залогов не имеется.

Одна и та же основа может служить и для непереходного и для переходного глагола, в последнем случае глагол носит характер каузатива к непереходному.

Общая структура х у р р и т с к о г о глагола такова.

В составе глагольной формы мы находим:

I) основу,

2) модифицирующие элементы трех категорий:

а) собственно модифицирующие элементы: -an-, -and-[44], -ar-, -až-, -p/b-, -t/d-, -ill-, -m-, -oḫ- (-aḫ-), -ol-, -(u)ppa-, -ugar-[44]; иногда их может быть по два и более при одной основе; возможно, они выражают направление или характер действия и т.п.[45]

б) Показатели времен[45] или видов: ∝) будущего (несовершенного) - -ed-[47] - для переходных, -ed-t- - для непе-

---

44. Так по Э.Шпейзеру; по-видимому, состоит из двух элементов: -an- и -d(i)-; -ug- и -ar-.

45. Например, pis-an-d(i)- 'радоваться' (также pis-), paššar-'посылать' (также paššar-); urḫ-ub-d- 'соблюдать верность', tupp-ub-(?); t/dad-oḫ-il-, t/dad-ug-ar 'любить' (также t/dad-); ḫiš-uḫ- 'притеснять', šil-aḫ-(?), mazz-aḫ-(?), ag-ug-ar- 'посылать', ḫaž-ill- 'слушать внимательно' и многие другие.

46. Так по Э.Шпейзеру; более вероятно, что хурритский, как и другие древневосточные языки, не знал времен в собственном смыс-

реходных и для безличных форм и β) прошедшего (совершенного) - -oš- - для переходных, -oš-t- - для непереходных.

в) показатели -št- и -imbu-. Первый, возможно, указывает на экстентивность действия(?).

3) Показатели переходности (-i-) и непереходности (-o-, -u-)[48];

4) показатели: отрицания (-wa-, -we-) и подтверждения или итеративности (-kk-);

5) показатели первой группы наклонений: пожелания или убеждения -l- и других, еще неясных, но близких по содержанию наклонений[49];

6) показатели второй группы наклонений: условия или возможности (-ewa-)[50] и косвенного приказания (юссива-герундива) (-ae-);

Показатели второй группы могут применяться как самостоятельно (и в этом случае без показателей переходности и непереходности), так и в сочетании с показателями наклонений первой группы (условно-пожелательное, -l-ewa-, косвенно-пожелательное или целевое -l-ae- и другие наклонения); следует отметить, что конкретное содержание хурритских наклонений еще слабо выяснено.

ле и речь идет о показателях видов, хотя и получающих временной оттенок.

47. Также -id-.

48. Для причастий показатель -i- выражает причастие действия переходного глагола, показатель -u/o- - причастие состояния переходного глагола, -a- - причастие непереходного глагола.

49. Шпейзер полагает, что здесь надо видеть форманты -il-, -in-, -ir- для переходных глаголов, -ol-, -on-, -or для непереходных; но -i-, -o- здесь не что иное, как указанные выше самостоятельные показатели переходности и непереходности.

50. Употребляется, например, после "кто-либо" и т.п.

7) Показатели субъекта состояния (для непереходных глаголов) и субъекта действия (для переходных глаголов).

Показатели субъекта состояния следующие:

	Единственное число[51]	Множественное число
I-е лицо	-tta	-t/dilla
3-е лицо	-	-lla

Показатели субъекта действия могут относиться к одной из двух серий. Серия I употребляется в изъявительном наклонении, серия II - в императиве, а также с показателями отрицания, утверждения и итеративности и показателями нереальных наклонений первой группы. Наклонения второй группы, по-видимому, не изменяются по лицам.

Показатели субъекта действия следующие:

	Единственное число[52]		Множественное число
	I серия		
I-е лицо	-af(f) (или -av?)	I-е лицо	-av-ž̄a
3-е лицо	-i(j)a[53], -a[54]	3-е лицо	?
	II серия		
I-е лицо	-e/i	I-е лицо	?
3-е лицо	- (или -en)[55]	3-е лицо	-ido-[56]...(-en),-ž̄a[57]

---

51. Под большим сомнением показатели 2-го лица: -ru(??) для единственного числа, -re/až̄(??) для множественного.

52. Известны также формы 2-го лица субъекта действия единственного числа: -u/o - для I серии, -i - для II серии.

53. В повествовательной форме.

54. В будущем и прошедшем времени.

55. Показатель 3-го лица во II серии нулевой или совпадает с I-м лицом; -(e)n является, собственно, предикативной связкой, наличие которой необязательно, а иногда, по-видимому, местоименной энклитикой, выражающей 3-е лицо объекта.

За показателем субъекта действия в переходном глаголе может следовать показатель субъекта состояния (т.е. объекта действия), который совпадает с показателями субъекта состояния непереходного глагола /показатель объекта 3-го лица - нулевой или -(e)n/. Однако показатель объекта действия может и не входить в глагольную форму; он может быть вынесен вперед и присоединен к одной из именных частей предложения. В этом случае показатель 3-го лица объекта звучит -ne (или -na).

8) В определенных случаях глагольная форма может завершаться прономинально-предикативным элементом -n[58].

В большинстве случаев к спрягаемой форме глагола присоединяются энклитические союзы (-an, -na, -nan, -dan и т.д.)[59].

Из глагольных имен нужно отметить:

I) Абстрактное имя на -s̄s̄e. Этот же элемент, присоединяясь к спрягаемой форме глагола-сказуемого придаточного предложения, номинализирует ее и позволяет присоединить к ней "падежные" показатели (послелоги), играющие роль подчинительных союзов.

2) Имя действия на -um (в эргативе -umme/i).

---

56. Показатель -ido- занимает в цепочке формантов место показателя переходности. По Шпейзеру, показатель -ido-встречается и в непереходных глаголах, и даже в именах, выражая первоначально интенсивность в оптативных конструкциях и лишь позже множественное число.

57. В наклонениях косвенного приказания (юссиве-герундиве) и косвенного пожелания. Имеется также неясный показатель -e$\bar{z}$.

58. Этот элемент весьма неясен. В ряде случаев можно предполагать, что -n выражает 3-е лицо субъекта состояния (объекта).

59. Ср. также союз -mmaman 'и в особенности', употребляемый обычно при именах и частицах.

3) Герундий на -ae. Это окончание, однако, имеет и более широкое причастное значение, а также применяется для образования прилагательных.

4) Причастия: действия на -i, состояния на -u/o, непереходное на -a.

К причастиям (и, по-видимому, в некоторых случаях к герундию) могут присоединяться различные частицы: -z̄, -b/p, -d/t и др.

Причастия и другие глагольные имена образуются от основы вместе с модифицирующими ее элементами, включая показатели времени, и, по Шпейзеру, могут также принимать объектные показатели (играя также роль безличных глагольных форм?). По Гетце, формы на -i, -oz̄-i, -oz̄-i-lla и т.д. являются медиальными спрягаемыми формами глагола.

Шпейзер различает еще безличную финитную форму, в которой субъектный показатель заменяется формантом -o.

У р а р т с к и й глагол несколько проще, но обнаруживает принципиально те же группы показателей. Здесь мы находим:

1) основу,

2) модифицирующие элементы (те же, что и в хурритском)[60].

---

60. А именно: -an-: ked-an 'посылать', uš̱-an- 'даровать', tan-an-(?).

-ar-: qabq-ar-ul-, qabq-ar-š-ul- 'осаждать', tub-ar-d- 'вручать', (?), ub-ar-d- 'повелевать(?)'; может быть an-ij-ar-d-. См. также ug-ar-.

-az̄-(?): qabq-aš- 'осаждать', ḫarḫar-(a)š- 'преодолевать', 'разрушать' и kul-u(j)ar-(a)š- 'бежать' (-r-aš- > -rš-); может быть ir-b- 'отбирать' и zir-b-.

-p/b-: -

-t/d-: ʾal-d- 'подчинять', aš-d- 'предназначать', nul-d- 'овладевать(?)', sui-d- 'отодвигать', 'отражать', zel-d- 'притеснять(?)' ter-d-(?). Кроме того, в эту же группу попадают оты-

В хурритском, как мы видели, в состав модифицирующих элементов входят также показатели времен или видов, - для непереходных глаголов и безличных переходных форм с прибавлением специального показателя -t-. В урартском показатель совершенного вида, по-видимому, отсутствует. В связи с этим стоит, вероятно, то обстоятельство, что простая повествовательная спрягаемая форма глагола (глагольная форма без временных показателей) имеет в хурритском значение настоящего времени, а в урартском большей частью пере-

---

менные глаголы, - словосложения с глаголом d(u)- 'делать', - типа atqana-d- 'делать жертву', wedia-d- 'оскоплять', собственно 'делать женщиной'.

-m-: taš-m- 'полонить'.

-oḫ-, -aḫ-: nap-aḫ- 'усмирять', 'вредить(?)'; может быть также ip-ḫ- 'разбивать, ломать', tam-ḫ- 'удалять', -ul-ḫ- 'приказывать', 'внушать(?)', at-ḫ- находить(?). Сюда ли aš-ul- 'покидать' (при варианте aš-)? 'находить(?)'.

-ol-: aš- ~ -ul- 'покидать', mak-ul- 'кидать', 'стрелять', qabq-ar-ul- 'осаждать', sui-d-ul- 'отодвигать', 'отражать', ter-ul- 'ставить (на ноги)', tiš-ul-d-(?).

-ug-: išp-uj- 'усилять (?)', lak-uj- 'портить', -ug-ar-kul-u(j)-ar-š- 'бежать', šep-uj-ar- 'портить', arn-uj-ar- 'приходить на помощь'.

Кроме того, -št- (возможно, вытеснивший сходно звучавшую форму показателя совершенного вида): ai-št- 'прыгнуть', am-(a)št- 'сжечь', aḫ-(a)št- 'устроить', 'упорядочить' (в ритуальном смысле), nul-(u)št- /или n(u)-ul-(u)št-/ 'овладеть', sul-(u)št- 'пасть ниц', šid-(i)št- 'построить', ul-(u)št- 'предшествовать', uš-t- (< un-št-?) 'выступать'.

Для многих из этих глаголов имеются параллельные формы без модифицирующих элементов: tan- 'совершать', 'завершать', ḫarḫar-; kul- 'губить', ir- 'изменяться', aš- 'оставаться', 'оставлять', at- 'есть', 'разорять', ul- 'идти', ter- 'ставить'.

водится как прошедшее; вообще можно думать, что в урартском нет категории времени. Что касается показателя несовершенного вида -ed-, -ed-t-, то он в урартском существует, но имеет только одну форму -i/ed- (после r, согласно общему правилу , > -d-), так как удвоения согласных в урартском не допускается[61].

Показатель -$\bar{s}$t-, указывающий на экстенсивное действие (?) имеется и в урартском[62]; может быть, именно он вытеснил показатель совершенного вида, если он существовал в урартском.

3) После основы (и модифицирующих элементов, если они есть) в урартском, как и в хурритском, помещается показатель переходности (-u-, -i-) и непереходности (в большинстве глаголов -a-, как в хурритском непереходном причастии, но при глаголе man- 'быть' сохраняется форма -u, читается /-o/), а также показатель непереходного глагола с косвенным объектом (-ia-, -i'a-?).

Как и в хурритском, в урартском эти показатели употребляются не со всеми глагольными формами. В хурритском, как мы видели, они употребляются с отрицательным, утвердительно-итеративным показателем и с показателем наклонений первой группы, т.е. в большинстве форм П серии, а также в причастиях; в прошедшем и будущем времени их заменяет специальный показатель непереходности -t-.

---

61. Например: D U B ^{te}... ali/e ir-u-l-ie, luruq-u-l-ie, šuḫi/e batq-i/ed-u-li/e-ni/e (I00, 3-7) 'надпись... которая изменится, разрушится... заново пусть реставрируют'; É mure -li/e ali/e ^{LÚ} A D-še /za/d-u-a-li/e, awje kui kulmi/e man-id-u (I55, 27-28) 'тайники, которые отец (и) дед /его/ сделали, где ... богатство бывало'; nips-id-u-li/e-ni/e 'пусть приносят' (о жертвах); aše pili/e nik-id-u-li/e 'когда канал будет разливаться'.

62. См. стр. 398 , прим. 60.

Из-за отсутствия времен в урартском показатели -u- и -a- (-o-) употребляются и в повествовательных формах I серии.

4) Отрицательный показатель -wa-, по-видимому, как и показатель итеративности -kk-, в урартском отсутствует[63].

5) - 6) Показатели наклонения первой и второй группы; они в урартском отделяются не столь четко, как в хурритском. К ним относятся показатели: -l- пожелательного наклонения и условного будущего из первой группы, а также форманты -i/e(j)a- для наклонения намерения, -a(i)- для наклонения долженствования из второй. Имеются и сочетания показателей обеих групп, как и в хурритском: -l-i/e(j)a- // -l-i/e(j)e выражает наклонение допущения, -l-a- (следуя за показателем переходности -i- вместо -u-) - наклонение цели (герундивное). Имеется также наклонение возможности (-ala-) и некоторые неразъясненные формы. Наклонения в урартском языке и их сравнение с хурритским - один из наиболее слож-

---

63. См. прим. 75 и 81.

64. В глаголе "быть": man-u 'он был'.

65. В остальных глаголах Г.А.Меликишвили (УКН, стр. 275 и сл.) выделяет еще категорию непереходных глаголов с показателем -i-: suluštibi 'пал ниц', aištibi 'прыгнул', kuluaršibi 'бежал', допуская, что это вариант косвенно-объектных глаголов с показателем -ia-, причем в форме uluštaibi он видит метатезу из *uluštiabi (и отсюда более обычная форма uluštibi). Нам такая метатеза представляется маловероятной и форма uluštaibi кажется первоначальной. Эта форма, с нашей точки зрения, анализируется как ul-ušt-a-ibi и аналогично *sul-ušt-a-ibi, *ai-št-a-ibi, *kul-uar-š-a-ibi > suluštibi, aištibi, kuluaršibi наряду с uluštabi и т.п.

Поэтому показателем 3-го лица субъекта в непереходном глаголе мы считали бы не -bi, а -(i)bi. Происхождение этого показателя неясно.

ных сравнительно-грамматических вопросов, и на нем мы остановимся ниже отдельно.

7) Показатели лица субъекта состояния; в урартском непереходном глаголе они почти совпадают с хурритскими:

	Единственное число	Множественное число
I-е лицо	-di (читается /-de/)	?
3-е лицо	- [64]	-li (читается /-le/)
	-(i)bi [65]	

Сложнее обстоит дело с личными показателями в переходном глаголе. В хурритском объектные показатели отделимы; в урартском они составляют вместе с субъектными один неразделимый субъектно-объектный комплекс.

Сложность еще усугубляется тем, что, хотя разделение на I и II серию субъектных показателей сохраняется (в частности, императив образуется совершенно так же, как в хурритском), но ряд форм перешел из серии II в серию I, а частица -en вошла окончательно в систему личных показателей, играя роль объектного показателя[66].

Соотношение между хурритским и урартским можно представить в виде таблицы, причем, кроме хурритских и графически засвидетельствованных урартских форм, в нем приведены и этимологически реконструируемые исходные для урартского формы (см. таблицы 3 и 4).

---

66. Однако безобъектной формы для 3-го лица единственного числа субъекта действия нет, поэтому ḫa-u-ni/e означает не только 'он завоевал его', но и 'он завоевал'. В формах II серии -ni/e /как и хуррит. -(e)n/ в ряде случаев является, однако, как надо думать, не всегда объектным, но в ряде случаев субъектным показателем.

Таблица 3

I серия личных показателей

	Хурритские формы			Реконструируемая этимология урартских форм			Урартские формы		
	без объекта	его	их	без объекта	его	их	без объекта	его	их
Я	-af(f) (-av?)*		-af-lla (-av-lla?)	-və		-(v)lə**	-bi/e	объектной частицы нет	-li/e -v-li/e
ОН	-ja -a*		-a-lla	-	-(e)-nə	-a-lə	—***	-ni/e	-a-li/e
ТЫ	-ai-z̄a* (-av-z̄a?)		-af-z̄a-lla (-av-z̄a-lla?)	-v-šə		-v-ša-lə	-šə	?	?
ОНИ	?		?	-ito-***	-ito-...-(e)n	-ito-lə	-itu	-itu-ni/e	-itu-li/e

*Объектного показателя нет, но применяется прономинально-предикативная частица -n.

**Существование этой формы, установленной нами теоретически, подтверждается текстами: U R U šuḫi/e ištini šat-u-v-li/e (šá-tú-ú-li, 28I,I3) 'селения заново здесь я заселил (дослов-

но: 'взял', - ср. аккад. *ālâni ana eššūti aṣbat* с тем же значением). В параллельном контексте 276, об.2 читаем: U R U^{meš} iš-ti-ni šá-tú-ú-li. Другой пример: É.G A L^{meš} šid-u-v-li/e (ši-du-ú-ú-li) šure-li/e (^{KUR}šu-ri-/e-/li-i) išp-uj-u-bi/e aš̮ur-ini ḫuradi-ni/e(?) ebani/e-uki/e aššu 'крепости построил-я-их, государство усилил ассирийскими воинами, как /людьми/ моей страны'. Следует также отметить обилие полногласных написаний для форм I-го лица субъекта действия переходного глагола типа ši-du-ú-bi = šid-u-ve, šá-tú-ú-li = šat-u-v-le.

***Безобъектная форма сама по себе не встречается. С прямым объектом I-го лица единственного числа ожидалась бы форма типа *ḫa-u-di. Такие формы действительно имеются /ulḫudi, I58,28; audi (?) 268,24; 30I,3/, но значение их сомнительно, и нет полной уверенности в том, что это именно 3-е лицо субъекта действия переходного глагола с объектом I-го лица единственного числа.

В переходном и косвенно-объектном непереходном глаголе отражается также I-е лицо единственного числа косвенного объекта: ar-u-me 'дала мне', ḫaš-ia-l(e)-me 'прислушались ко мне'.

****Форма перешла из I серии.

Таблица 4

II серия личных показателей*

	Хурритские формы	Урартские формы		
		без объекта	его	их
я	-i/e -**	-i/e	-i/eni/e**** -ni/e****	-(i/e-)li/e -li/e**
он	(-en)****	-i/eni/e	-i/eni/e-ni/e	?
они	-id(o).....(-en)	-ti/eni/e	-ti/eni/e-ni/e	?

*Форма I-го лица множественного числа не засвидетельствована.

xx В условном наклонении на -ewa, в косвенно-приказательном на -ae и в производных от них личный показатель I-го лица нулевой.

xxx -en (ур. -ni/e), вероятно, для переходного глагола - объектный показатель, для непереходного - прономинально-предикативная частица.

Перейдем теперь к анализу урартских наклонений в сравнении с хурритскими.

Показатели наклонений в урартском еще мало изучены. Можно сказать с уверенностью, что в урартском нет соответствий хурритским показателям наклонений -n-, -r-, показателя утверждения-итеративности (-kk-) и, по-видимому, показателя отрицания (-va-).

Что касается других наклонений, то, как мы помним, в хурритском (для 3-го лица) имеются следующие формы:

	Единственное число	Множественное число
Пожелания	-i-l-e(-en)[67]	-ido-l(-en)
Допущения или условного пожелания	-i-l-ewa(-en)[67]	-ido-l-ewa(-en)
Условия	-ewa(-en)	-id(o)-ewa(-en)
Долженствования	-ae(-en)	-a(e)-žа
Косвенного приказания	-i-l-ae-(-en)[67]	-i-l-a(e)-žа[67]
Императив	-e(-en)	-id(o)-en)

Принимая во внимание фонетические изменения, мы ожидали бы в урартском, соответственно этому, следующие формы (для 3-го лица):

	Единственное число	Множественное число
Пожелания	*-u/i-l-e(-ni/e)	*-itu-l-e(-ni/e)
Допущения или условного пожелания	*-u/i-l-eja, *-u/i-l-eja-ni/e	*-itu-l-eja(-ni/e)

67. Для непереходного глагола -o-l(-en), -o-l-ewa(-en), -o-l-ae(-en), -o-l-ae(-žа).

Условия	-ea, -eja, -eje(-ni/e)	-it(u)-e(j)a(-ni/e)
Долженствования	-ae, -aje, -a(e-ni/e)	-a(e)-še
Косвенного приказания	-u/i-l-a(e-ni/e)	-u/i-l-a(e)-še
Императив	-e(-ni/e)	-itu, -itu(-i/e) -it(u)-(e)ni/e

Почти все эти формы мы и находим в действительности.

В различных урартских текстах засвидетельствованы следующие формы глагола в различных нереальных наклонениях (в 3-м лице)[68]:

-uli/e, -uli/eni/e, -uli/eje, -uli/ejali/e, -i'ali/e, -ujali/e, -(u)jani/e, -(id-)ijani/e, -alani/e, -(ul-)ani/e, -(id-)ilani/e, -ilani/eni/e, -ilati/eni/e, -ili/eni/e, -ti/enani/e, -ini/e, -ini/eni/e, -iti/eni/e, -(u)ti/eni/eni/e.

К сожалению, большинство этих форм встречается в единичных случаях и в недостаточно ясных контекстах, поэтому по значению определяется лишь часть из них.

Форма -uli/e обычно рассматривается как будущее время, а форма -uli/eni/e рассматривается А.Гётце и Г.А.Меликишвили как повелительное наклонение страдательного залога. Это было бы неожиданно, но толкование этих авторов небесспорно. Основное и первоначальное значение обеих форм - пожелательное, причем форма -uli/eni/e употребляется при отсутствии определенно выраженного субъекта действия (безлично): ter-u-ni/e ardi-še: (такую-то жертву) ḫaldi-e nips-i/ed-u-l-i/e-ni/e 'установил приказ(?): такую-то жертву Халдию пусть принесут' /досл.: 'пусть некто,кто либо (нем. man), принесет-ее'/; D U B^{te}... šuḫi/e batq-i/ed-u-l-i/e-ni/e 'надпись... заново пусть /кто-то/ реставрирует'; aše niqa-li/e šid-u-li/e tan-u-l-i/e-ni/e (aini) urbu-a-še ḫaldina šešta 'когда создадутся[69] niqale, пусть совершат

---

68. Во 2-м лице известен императив, образуемый в точности так же, как в хурритском (по типу R-i/e).

/что-либо/ в жертву в Халдиевых воротах'; ulḫ-u-di/e Melitea-ni/e qabq-ar-u-l-i/e-ni/e 'приказал мне (??) (бог?): 'Мелитея пусть будет осаждена' (или: 'пусть ты осадишь ее').

Такой же пожелательный оттенок имеет форма ul-u-l-i/e в известном проклятии: mi inaini/e, mi nara awje ululi/e 'ни божество, ни человек никуда /пусть/ не уведут'.

Однако в урартском форма -uli/e, -uli/eni/e имеет и более широкое значение, кроме простого пожелания. Она играет роль своего рода будущего времени, особенно с aše 'когда'[69]: aše ḫaldi-je aš̌ḫ-(a)št-u-l-i/e ḫaluli/e 'когда Халдию будут устраивать праздники'; aše uldi/e tan-u-l-i/e 'когда виноград поспеет' (букв.: 'сделается'); aše pili/e nik-i/ed-u-l-i/e 'когда канал будет разливаться'.

Здесь нужно отметить следующее: I) известные нам формы на -u-l-i/e, по-видимому, все относятся к предложениям состояния, т.е. к непереходному глаголу, даже при основах, которые обычно употребляются в переходном смысле[70], 2) будущее время, выражаемое ими, часто носит характер известной нереальности (состояние может наступить, а может и не наступить): D U B^{te}... ali/e ir-u-l-i/e, luruq-u-l-i/e - šuḫi/e batq-i/ed-u-l-i/e-ni/e 'надпись, которая изменилась бы, разрушилась бы, заново пусть исправят /ее/'.

Поэтому будущее время может быть, по-видимому, выражено и простой повествовательной формой изъявительного наклонения: in(i/e)-a-še mi tini/e mi armuzi/e mi zil(i)bi/e qi/ewra-idi kul-etu-ni/e[71] 'боги ни имени, ни рода(?), ни се-

---

69. Aše в отличие от iu означает 'когда' в отношении события, которое наступит или может наступить в будущем.

70. Поэтому -u- здесь, в ряде случаев, возможно, надо читать как показатель непереходности -o-.

71. kul-etu-ni/e = kul-itu-ni/e. Можно было бы, однако, предполагать здесь форму, заменившую ожидаемое от *kul-u-li/e

мени на земле не оставят'; alu-še ḫaluli/e gu-(i)di G Ù B=(i)di at-u-l-ije, did-u-l-i/e-ni/e urb-u-l-i/e-ni/e Hald(i)=in(i/e)-a šešt-a K Ú-ni/e 'если кто праздничные жертвы справа /и/ слева (т.е. 'по-соседству') стал бы есть, - пусть он разделяет(?), пусть он жертвует (т.е. 'разделяет(?) ли он, жертвует ли он'), - в Халдиевых воротах он будет находиться'[72]. Ср. также в "мусасирском" варианте надписи Мехер-капусы (УКН, 27, 91-93) urb-u-a-li/e 'он(кто-либо, нем. man) принесет их в жертву' параллельно nipsidi'ali/e в строке 3 и 35.

Формы на -uli/e, -uli/eni/e соответствуют хурритским формам на -i-l-i/e(-en) и, вероятно, -o-l-i/e(-en) для непереходных глаголов.

Форму -ulije (с объектом 3-го лица множественного числа -uli(j)ali/e) обычно смешивают с формой -uli/e. Однако, по-видимому, здесь два разных наклонения. Форма -uli/e графически передается -Ru[73]-li, -Ru-li-e, реже -Ru-ú-li, но никогда не *Ru-li-i-e. Форма -ulije графически передается -Ru-li-e, -Ru-li-i-e (реже с полногласным написанием u) и лишь в редчайших случаях -Ru-li.

Употребление формы -uli/e(j)e ограничено в известных нам текстах предложениями, вводимыми alu-še 'тот, кто'. Значение формы —

множественное число *kul-itu-li/e, где -li/e по аналогии было отнесено к 3-му лицу множественного числа объекта и при объекте единственного числа заменено на -ni/e. Или же от *kul-u-l-i/e по аналогии с I серией образовалось множественное число *kul-u-li/e-(i)tu-(-ni/e) откуда kul-etu(-ni/e) в результате стяжения. Для решения подобных вопросов материал слишком ограничен.

72. К U-ni/e может, впрочем, быть и формой наклонения долженствования с окончанием -ani/e т.е. 'он должен будет находиться'.

73. Ru в нашей передаче означает слоговой знак с любым согласным.

допущение возможности, условное предположение: alu-še ini/e D U B^{te} tulie /< *tur(-u)-l-eje/, alu-še pit-u-l-ie, alu-še esi/e-ni/e suj-i/ed-u-le (sic!), alu-še qi/ewra mep-u-l-ije, alu-še A^{meš} huš-u-l-ie, alu-še uli/e-še ti-u-l-ie "ješe z/ṣad-u-bi/e", alu-še tini/e-ni/e tulie masi/e tini/e teli/ej /< *ter(-u)-l-eje; написание te-li-i вместо *te-li-i-e вероятно, гаплология под влиянием следующего e-a-i/, e'i biaini/e-še, e'i lulu-ini/e-še... 'тот, кто эту надпись уничтожил бы, тот, кто разбил бы, тот, кто с места сдвинул бы, тот, кто в земле бы зарыл, в воду бы бросил, тот, кто имя /это/ бы уничтожил, /а/ свое имя поставил бы, - и урарт, и чужак...'

Конечный гласный в этой форме редуцированный. Какой именно здесь был гласный, выясняется при присоединении показателя объекта 3-го лица множественного числа: alu-še paḫani/e-li/e ištini/e-ni/e ši-u-l-i/ea-li/e, alu-še ḫuliali/e[74], alu-še niribi/e ištini/e-ni/e ḫa-u-l-i/eje 'тот, кто коров отсюда увел бы (-их), тот, кто похитил бы их, тот, кто мелкий скот отсюда похитил бы...". Таким образом, форма -uli/eje, -uli/eja- точно соответствует хурритскому наклонению допущения или условного пожелания -i-l-ewa-.

Группа окончаний -(u-)iani, -(i/e)d-iani/e, -ul-ani/e и некоторые другие должны, по-видимому, рассматриваться вместе. Они выражают долженствование или возможность; в нескольких случаях окончания встречаются с запретительной частицей mi, но это не обязательно должно означать, что здесь перед нами особое запретительное наклонение[75], как полагает Г.А.Меликишвили, так как с частицей mi мы встречаем и форму множественного числа kuletuni/e, которую трудно отнести к одному и тому же спряжению с формой единственного числа kuldiani/e. Примеры:

---

74. ḫuliali/e = ḫoliale < *ḫa-u-l-i/eja-li/e.

75. Т.е., что -ia- хуррит. -i-wa-. В этом случае, например, kuldiani/e было бы *kul-(e)d-i-wa-(e)n.

Ini/e É.G A L mi kul(u)-d-ia-ni/e, mi šep-ujar-(e)d-ia-ni/e 'Эту крепость он не должен /вознамериться/ оставлять, не должен портить(?)'; mi jei in-a-ni/e arniu-ši-n-a-ni/e lak-uja-ni/e[76] 'чем-либо этим сооружениям он не должен /вознамериться/ вредить'; mi ašei piurtani/e ḫa-id-ia-ni/e teri-ḫi/e-ni/e Sardur(i)-ini/e tini/e Sardur(i)-ine-i udule-i 'никогда... не должен /вознамериться/ отнимать сардуриева имени, установленного (teriḫeni/e) для сардуриева виноградника'; Tata-še ...M Í N.T U R ... ir-b-u-ni/e uj ... ar-ia-ni/e 'Тата ... девушку захватил /и/ ... не хочет отдавать' (неизданная таблетка из Кармир-блура).

Ср. также: U R U ... ali/e uje aiše ainei qabq-ar-(a)š-ul-alani/e, ar-u-ni/e ḫaldi-še Minua(-i)... ḫa-u-bi/e 'город... который никогда никто не мог осадить, отдал Халдий Минуе ... /и/ я его завоевал'; É mure-li/e ... ali/e uj aišei erel-a-še ḫai-alani/e... ješe I00 É mure ḫa-u-bi/e 'Тайники(?)... которые никогда цари не могли завоевать... я I00 /этих/ тайников(?) завоевал'; mi ali/e ebana šeri/e-du(i)tu, iu É.G A L^{meš} aš^{u}lani/e 'кроме того, что отделили в странах, когда он должен был оставить крепости'; inani/e ereli-e nun-a-bi/e; mi ali/e LÚ$_{A.S}$ I^{meš}-še par-(i)tu, šeri/e par-(i)tu, iu ebani/e aš^{u}ulabi/e 'это /то/, что пришло царю, кроме того, /то/, что захватили воины, они отдельно захватили, когда я должен был оставить страну'.

Biḫura-ni/e asuni-ni/e KUR$_{B}$amni/e ḫarḫaru murumuriaḫi/e-ni/e nani[77] pari ^{d}U T U, ješe KUR$_{B}$amni/e ḫarḫar-š-a-bi/e, ješe Biḫura-ni/e ḫa-u-bi/e 'От области Бихуры гора Бамни .... до солнца, я же гору Бамни должен был (смог?) преодолеть[79](?), я Бихуру завоевал' (I27,VI,20).

---

76. Из *lak-uja(r-a-)ni/e, *lak-uja(r-ia-)ni/e?

77. Разделение на слова здесь сомнительно.

78. ḫarḫar-š-, по-видимому, как аккад. nabalkūtu, означает не только 'разрушать', но и 'преодолевать'.

Г.А.Меликишвили рассматривает формы на -ani,-(ul)ani как формы несовершенного вида, а форму -alani - как форму сослагательного наклонения прошедшего времени. Последнее предположение во всяком случае неприемлемо, так как глагол придаточного предложения, в том числе и после союзов ali/e и iu, очень часто стоит в урартском языке в простой повествовательной форме изъявительного наклонения, например: mi ali/e ^{LU}A.S $I^{me\check{s}}$-še par-(i)tu; ali/e me-še ter-u-bi/e '[вот] дань, которую я установил'; ali/e-mi/e ḫaldi-še ar-u-ni/e 'которого Халдий мне дал'; iu Biḫura-ni/e qaḫq-ar-ul-u-bi/e 'когда я осадил Бихуру'; iu Aldi-kai Ardini/e-di nun-a-bi/e 'когда он пришел пред Халдия к Мусасиру' и т.д. По-видимому, сослагательного наклонения в урартском не было.

Как видно из предложенных нами выше переводов, вряд ли есть основание и для того, чтобы переводить формы -abi/e, -ani/e как несовершенный вид; в частности (хотя этот контекст малопонятен), несомненно, что в примере I27,VI,20 (ḫarḫar-š-a-bi/e) несовершенный вид не подходит.

Нам кажется, что во всех приведенных случаях следует видеть формы наклонения долженствования (-a-ni/e[79], -a-bi/e), возможности (-al-a-ni/e) и намерения (-ia-ni/e).

Весьма загадочными кажутся формы на -(u)jali/e: ali/e-li/e ereli/e-li/e arnujali/e diau-ḫi/e-ni/e... ḫa-u-bi/e "царей, которые пришли на помощь диаухцу... я завоевал'; в одном случае такая форма стоит вместо ожидаемой формы на -uli/eje: alu-še jei inani/e I N I $M^{me\check{s}}$-ni/e šepujalie alu-še ini/e D U B^{te} tuleje 'тот, кто в чем-либо эти дела испортил бы, тот, кто надпись уничтожил бы...'

Загадка, однако, разрешается при сравнении другой формы того же глагола, что и в первом из этих двух примеров: ini/e É.G A L

---

79. -ul- в a$\check{M}$-ul-a-ni/e - модифицирующий основу элемент, -i/ed- в ряде форм - показатель несовершенного вида.

...mi šer-ujar-(i/e)d-ia-ni/e 'эту крепость ... он не должен портить (?)'. Мы имеем здесь дело с модифицирующим элементом -ujar-, соответствующим хуррит. -ugar-; поскольку гласный после -r-, по общему правилу, выпадает с ассимиляцией -r- последующему -l-, то наш пример анализируется следующим образом: alu-še jei inani/e I N I $M^{meš}$-ni/e šer-uja(r-u-)l-ie alu-še ini/e D U B^{te} tu(r-u-)l-ie... Точно так же и во втором примере: arn-uja(r-a-)li/e, где -li/e - обычный показатель субъекта непереходного глагола.

В формах -a-ni/e, -a-bi/e,мы видим соответствие хурритским герундивным формам на -ae, -a(e)-(e)n. Следует отметить, что это наклонение, по-видимому, принимает в урартском личные субъектные показатели I серии. В хурритском форма на -ae практически не меняется по лицам; вероятно, поэтому в урартском она вторично приняла личные показатели I серии по аналогии[80].

Форму на -iani/e (и -i'ali/e?) мы рассматриваем как соответствие хурритским формам наклонения условия или намерения -ewa[81], однако с изменившимся значением (условное долженствование, намерение). Показатель -li/e здесь мог бы быть объектным. Может быть с этим же формантом связан и урартский показатель косвенно-объектных непереходных глаголов -ia-.

Форма -i'ali/e засвидетельствована только в одном контексте надписи Мехер-капусы (УКН,27,3 и 35): ter-u-ni/e ardi-še... 6 U D U.M Á Š.T U R ḫaldi-e nips-i/ed-i'a-li/e 'он установил приказ (?)...: 6 козлят Халдию должны приносить(?) в жерт-

---

80. Иначе говоря возможно, аналогия возникла лишь для 1-го лица -bi/e под влиянием совпадающего для урартского в I и II серии окончания -ni/e в 3-м лице.

81. Или, если видеть здесь вслед за Г.А.Меликишвили запретительное наклонение, то следует рассматривать это -ia- как соответствие хурритскому показателю -wa- после показателя переходности -i-.

ву'. Г.А.Меликишвили считает эту форму 3-м лицом множественного числа пассива оптативного наклонения, связывая ее с формантами -ilani, -ilatini. Это кажется нам маловероятным. Как мы уже указывали, -i'ali/e параллельно форме -uali/e. Можно было бы видеть здесь непереходный косвенно-объектный глагол в изъявительном наклонении с показателем -ia- и с показателем 3-го лица множественного числа субъекта состояния -li/e ('6 козлят Халдию будут приноситься в жертву'). Как мы знаем, простая повествовательная форма, по-видимому, может передавать содержание будущего времени; с другой стороны, -i'ali/e может быть формой упомянутого наклонения намерения, хотя это хуже подходит к контексту.

Изолированная форма на -alani/e не поддается объяснению. Возможно, что это урартское новообразование.

Следующую группу форм, связанных с наклонениями, представляют формы -ilani/e, -ilani/eni/e, -ilatini/e. Они выражают наклонение цели: ali/e me-še... diau-ḫi/e-ni/e-(e)di ter-u-bi/e M U.M U-ni/e ar-(i/e)d-ilani/e 'вот дань... которую на диаухца я наложил, ежегодно чтобы он приносил'. Ср. также: Minua-še ... ini/e É barzu-di bid-u-ni/e z/ṣad-u-ni/e "Minua-i É barzu-di bid-u-ni/e" tini/e... man-ini/e išti/ni Mi/nua ardi-še: ali/e ḫaldin/a-we(?) ḫu/radi-e T A G-e... šuini/e-ni/e barz-ani zel/di/e Mi/nua ḫaldi-še uṣ-u-ni/e ina-še zeldi/e išṭini-ni/e erela-we (или ereli/e-li/e) uṣ-i/ed-i-l-a-tini/e isi ibira-ni/e Minua-ini/e barzu-di bid-u aš-u-li/e-ni/e 'Минуа этот дом возвращенного к свободе (?) сделал, "Минуи дом возвращенного к свободе" имя /его/ ... да будет здесь Минуи приказ (?): жертвы, которые халдиеву воинству... должен освободить (?); (как) угнетение (?) для Минуи Халдий устранил (?), (так) боги угнетение отсюда /отныне/ царям чтобы устраняли, навсегда (?) /праздник/ минуиного возвращения к свободе (?) пусть устраивают /в порядке ритуального праздника/'.

Перевод этого отрывка более чем сомнителен, и отдельные слова переведены здесь совершенно условно - только для того, чтобы дать понятие о грамматической конструкции.

Прочие контексты еще более неясны, но, по-видимому, как и считает Г.А.Меликишвили, -ilani/eni/e та же форма -ilani/e с объектом -ni/e.

В свете изложенного эти формы легко анализируются: первая из них соответствует хурритским формам косвенно-пожелательного или целевого наклонения -i-l-a(e)(-en). Неясно, почему в данном случае сохранился хурритский показатель переходности -i- вместо обычного урартского -u-. Быть может, это связано со стремлением избежать смешения с какой-либо другой глагольной формой.

Множественное число от этой формы в хурритском образуется на -ža. В урартском, видимо, произошла замена по аналогии с другими формами П серии. Поэтому, хотя -ito- здесь и не на месте, форму -ilati/eni/e, если это действительно множественное число, нужно анализировать как *-i-l-a(e-i)t(o)-en.

Изолированные формы qabqarilin /e, mušitinani/e не поддаются пока объяснениям.

Императив в урартском, как и в хурритском, имеет формант -i/e во 2-м лице, -ini/e (хуррит. -en) в 3-м лице единственного числа: alu-še ti-u-l-i/eje: uli/e, turi/e 'тот, кто сказал бы: "Пойди, уничтожь"'; inani/e su(w)e Rusa-ḫi/e-n-a-we ḫuri/e-š(e)-ḫi/e man-ini/e 'это озеро для Русахинили поящим (?) да будет'; ini/e pulusi/e Argisti-še... kuj-u-ni/e, ulg-u-š(e)--ija-ni/e edi-ni/e man-ini/e 'эту стелу Аргишти написал, за жизнь его (она) да будет'.

3-е лицо единственного числа императива переходного глагола получает двойное окончание: -ini/e-ni/e, где второе -ni/e, вероятно, объектное[82]: alu-še ḫa-u-l-ie... ar-ini/e-ni/e 1

---

82. -u- между основой tur- и окончанием имеет здесь фонетическое происхождение. Подобные вставные гласные появляются иног-

wid-u-še S U.P A 'тот, кто захватил бы, (тот)... да даст одно ... '; alu-še ḫa-u-l-ie tur-ini/e-ni/e ḫaldi-še и т.д. 'тот, кто похитил бы - да уничтожит его Халдий' и т.д. Наличие одновременно объектного показателя в глаголе и выраженного именем объекта в предложении - обычное явление в урартском.

Множественное число 3-го лица императива имеет формант -iti/eni/e или, с объектным показателем, -iti/eni/e-ni/e: aše sali/e meš-u-l-ie kamni/e-ni/e zana-ni/e-ni/e ḫa-iti/eni/e ḫaldina šesta aš̌-(a)št-iti/eni/e 'когда sale принесет плоды (?), да заберут kamni из zana-(i)ni/e, в Халдиевых воротах да устроят (?)'; in(i/e)-a-še turu-(i)ti/eni/e-ni/e[83] ma-ni/e e'i zilibi/e qewra-ni/e edi-ni/e 'боги да уничтожат его и потомство с земли'.

Таким образом, мы находим в урартском (кроме неясных) следующие формы наклонения:

	Единственное число	Множественное число
Пожелательное или условное будущее	-u-l-i/e(-ni/e)	(как в единственном)
Наклонение допущения	-u-l-i/eje	
С объектом 3-го лица множественного числа	-u-l-i/eja-li/e	тоже
Наклонение намерения	-ia-ni/e	тоже
Наклонение долженствования	-a-ni/e	тоже
Наклонение возможности	-alani/e	тоже

да после -r- и -l-, например: 'aldubi/e > 'aladubi/e, alsuini/e > alasuini/e, kul(e)diani > kuludiani/e . Согласно общему правилу для основ на -r ожидалась бы форма *tur-ti/eni/e-ni/e.

83. Г.А.Меликишвили, напротив, принимает -inini за показатель 3-го лица единственного числа императива, а форму manini рассматривает как результат стяжения.

Наклонение цели (герундивное)	-i-l-a-ni/e(-ni/e)	-i-l-a-t-i/eni/e
Императив (2-е лицо)	-i/e	
(3-е лицо)	-ini/e(-ni/e)	-it-ini/e(-ni/e)

Из глагольных форм в урартском сходны с хурритским причастия на -i (переходный глагол) и -u (= [=o]) - (непереходный глагол)[84]; как обычно в подобных случаях, это, собственно, наиболее общая первоначальная форма глагольного имени; от него образуется герундив-инфинитив путем присоединения направительного послелога -(e)di[85].

Имена абстрактные образуются на -še[86], но к образованию придаточных предложений этот формант в урартском отношения не име-

---

84. Ср. Ср. 19,24: [niri]bi/e [e]guruḫu ḫa-i-ni/e ḫa-u-[li/e?] 'мелкий скот свободный - уносящий пусть уносит', аккад. bîbu kî paŝri na[šû] na]š; также z/ṣad-i(-ni/e) в 143,8; inuka-ni/e edi-ni/e azibi/e ḫarari/e aṭu; что aṭu здесь причастие видно из параллельного текста 127, I,2: ini/e edi-ni/e azibi/e ina/ini/e tera[je]'вследствие этого благополучие божественное было установлено'. См. также agun-u-ni/e man-u 'укрепленным был'. В подобных оборотах соотносительная частица -ni/e может присоединяться и к связке man-u: mi apsi/e ba-u-še bedi/e man-u-ni/e (268,23; 276 об., 10,17), ср. ali/e tašm-u-še bedi/e man-u bed-u-ni/e 'полбн, который вернувшимся [ко мне] был, я вернул [ему]'. Эти формы нередко дают наречия, например: bedi/e 'опять', 128, А 2, II; 169,7 и др.

85. Ср. формы aredi/e 'чтобы давать', ḫaidi 'чтобы унести', nap-aḫ-(i)ja-idi 'чтобы усмирить его'.

86. Обычно с сохранением показателя переходности: izi-d-u-še 'повеление(?)', piṣ-u-še 'ликование', gun-u-še 'сражение', 'война', ulg-u-še 'жизнь', ba-u-še 'дело', 'слово'; по-видимому, эта форма характерна вообще для отглагольных образований с -še, независимо от переходности глагола. Может быть, здесь под -u-

ет. Как уже сказано, глагол придаточного предложения в урартском не имел, по-видимому, никакого специального оформления.

Имеют ли имена прилагательные на -ае характер глагольных имен, не вполне ясно[87].

Существуют также специфически урартские причастия совершенного вида (или стативно-результативные формы) на -uri (переходный глагол) и -auri (непереходный глагол)[88].

МЕСТОИМЕНИЕ

Самостоятельные личные местоимения нам плохо известны в урартском, несколько лучше в хурритском.

	Единственное число		
		Хурритские	Урартские
I-е лицо	эрг.пад.	iža-ē(< jiža-ē?)	ješe /< *ješ(e)-še/
	абс.пад.	ište(-n)	ješe
	род.пад.	šu-we	?
	дат.пад.	šu-wa	šuki/e (??)[89]

скрывается как /-u-/, так и /-o-/. Сюда же отнести и zaše 'сила' < *zaš-u-še. Показатель -a- встречается много реже, например, uše-a-še 'могущество(?)'.

Абстрактные имена могут образовываться и от имен: alsui-še 'величие' при alsui-(-ni/e) 'великий', šuri-š-ḫi/e 'оружейный' от *šuri-še при šuri/e 'оружие'; сюда же, вероятно, относится išp-uj-še 'крепость', 'сила(?)' и ardi-še 'приказание(?)'.

Форма на -še может обозначать и коллектив: taše-u-še 'пленные', ar-še 'юноши(?)', awer-a-še 'полководцы(?)'. Имеется образованное от формы на -še наречие bidujaše 'на обратном пути' < *bid-uja(r-u-)še .

87. Это вероятно в отношении формы tera(j)e 'установленный'.

88. О них подробно см. A.Götze, MHA, 24, p.266 sq.

89. Эта форма сомнительна; большинство исследователей переводят šuki 'как'. Возможно, из šu-ka(i).

2-е лицо	эрг.пад.	we-š	неизвестен
	абс.пад.	?	-
	род.пад.	we-we	-
	дат.пад.	we-wa	-
3-е лицо	эрг.пад.	?	?
	абс.пад.	ma(-ne)[90], me	ma-ni/e

Наряду с самостоятельными личными местоимениями имеются и энклитические. В хурритском они совпадают в абсолютном падеже с показателями субъекта состояния в глаголе; 3-е лицо единственного числа выражается при помощи -ma, -me, если стоит при имени, и -(e)n, если стоит при глаголе.

В урартском энклитические личные местоимения известны в абсолютном и дательном падежах и могут стоять при имени ⌈Ḫaldi-š(e)-mi/e 'Халдий мне'⌋, при местоимении ⌈alu-š(e)-mi/e 'тот, кто мне', alu-š(e)-ni/e 'тот, кто ее'⌋ и при глаголе (ar-u-mi/e 'дал он мне'). Энклитические личные местоимения в абсолютном падеже при глаголе и есть объектные показатели.

Притяжательные местоимения бывают также самостоятельными и энклитическими.

Из самостоятельных известно урартское местоимение "его","его собственный", образованное по типу прилагательных от ma- 'он': masi/e (< *ma-usi/e), masi/e(-ni/e). К нему может прибавляться еще и энклитическое местоимение: masi/e-ni/e-(i)ja-ni/e 'от его собственного', причем энклитическое местоимение присоединяется через посредство соотносительной частицы -ni/e.

Гораздо употребительнее энклитические притяжательные местоимения:

---

90. Отсюда образован, по-видимому, глагол: хуррит. mann-; ур. man- 'быть'.

	Единственное число		Множественное число	
	Хурритские	Урартские	Хурритские	Урартские
I-е лицо	-iff (-iv?)	-uki/e (< -uka)[91]	-iff-až	?
2-е лицо	-v (?)	?	?	?
3-е лицо	-i(j)a[92]	-i(j)a, -je[92a]	-i(j)-až	?

Примеры: хуррит. in atj-n-p-š (Рас-Шамра), читается ene attaj-n(e)-iff-uš 'боги отца моего'; še-e-ni-iw-wu-ú-ul-la-an, читается žen-iff-u(š)-lla-an 'и брат мой их...'; še-e-na-pa-an читается žena-v(?)-an 'и брат твой'; žen-iff-uzzi 'братский' (букв. "относящийся к моему брату'); šin-ijaž- 'их двое'; tupp(i)-ijaž 'их таблетка' и т.д.

Ур.: ebani-uki/e 'моя страна'; ebani-uki/e-(j)edi 'к моей стране', ebani-uka-ni/e 'из моей страны'; Išlub/pura-ni/e Ubarda-l(i/e)-ḫi/e ḫa-u-bi/e eban(i)je (пишется KUR e-ba-ni--i-e) Irdua-ni/e patari/e L U G Á Ln-usi/e ḫa-u-bi/e 'Ишлубуру, /вождя/ убурдцев, я покорил, страну его /и/ Ирдуа, царский город, я покорил'; ulg-u-š(e)-ija-ni/e edi-ni/e 'ради его жизни'.

Остальные местоимения целесообразно рассматривать вместе, так как при общих основах они часто имеют различное значение в хурритском и урартском.

В хурритском указательный характер носят местоимения andi[93], anni, agu, akku. В урартском указательные местоимения образуются от основы ini/e[94], откуда также inani/e 'тот', in(i/e)-uki 'этот мой', 'этот близкий'; вероятно, также in(i/e)-uka-ḫi/e 'вот этот', in(i/e)-usi/e 'такой'. Основа in- известна и в хур-

---

91. Происхождение этой формы неясно. Нельзя ли ее рассматривать как -(u)v-ka(i), собственно 'перед моим(?)'.

92. Шпейзер приводит еще сомнительную форму -di.

93. Ср. ур. anda-ni/e(??).

94. Множественное число ineli/e. Ср. ina 'в этом', ina-ni/e иногда 'из этого'(?). Cp. išani/e 'тот /с другой стороны/'.

ритском, но в другом значении: inu 'как', 'поскольку'. Ср. также хуррит. inna- 'вот'. Для основы akk- ср. ур. ak-uki.

Относительное местоимение в хурритском ija, je, известное нам и как притяжательное местоимение 3-го лица в обоих языках[95]. В урартском относительное местоимение ali/e[96] (в эргативе alu-še) 'который', 'тот который','вот который', 'вот какой'[97]. Но есть неопределенное местоимение je(i) 'что-нибудь', 'какой-нибудь'. 'Иной' в хурритском и урартском выражается одинаково: oli (uli/e).

Г.А.Меликишвили видит в ур. šui имя, заменяющее в хурритском обобщающее местоимение: šuwa, šue 'совокупность'.

Отметим также хуррит. awe$\bar{e}$ 'где?', 'когда?' и ур. aiše(i), aše(i) 'где-нибудь', 'куда-нибудь' и относительное aše 'когда'; хуррит. awenne 'кто-нибудь' и ур. aine(i) с тем же значением; также ур. aw(j)e 'где', 'куда', 'куда-нибудь', может быть, связанное с хуррит. awe[98].

В целом, если в области фонетики урартский оказался более архаичным, то в области морфологии он кажется более продвинутым, чем хурритский.

ВЫВОДЫ

Из наших сопоставлений вытекает, что хурритский и урартский не только родственные, но очень близко родственные языки, не-

---

95. Чаще встречается бессоюзное подчинение.

96. Ср. ali/e-ke... ali/e-ke... 'одних ... других' и т.п.

97. Оно же, как нам кажется, вводит прямую речь (как аккад. ummā), причем имя говорящего ставится в эргативе.

98. Число известных нам местоимений и частиц местоименного характера в хурритском значительно; см. ḫejarunna 'всякие', išt̄ani 'друг друга'(?), nuwe, undu-, au 'вот', 'о!' šukko 'затем' и др.

смотря на то что при поверхностном взгляде на хурритский и урартский тексты бросаются более в глаза различия, чем сходство.

Это внешнее различие объясняется прежде всего синтаксическими причинами. Синтаксис урартского языка отличается значительно большей простотой и ясностью по сравнению с хурритским.

1. Порядок слов в урартском довольно свободный, в хурритском - более строгий; но о б ы ч н ы й порядок слов в урартском и хурритском неодинаков; так, для хурритского характерно положение определения до определяемого, в урартском его положение колеблется. Переходный глагол, однако, и в урартском имеет тенденцию занимать последнее место в предложении, как это неизменно происходит в хурритском.

2. Своеобразным синтаксическим явлением хурритского языка, отсутствующим в урартском, является номинализация придаточных предложений при помощи частицы -ӗe, на которую потом нарастают падежные показатели, играющие роль подчинительных союзов, и различные частицы.

3. Синтаксическая связь в хурритском поддерживается, помимо порядка слов, соотносительными частицами, перенесенными падежными показателями, прономинально-предикативными элементами и бесчисленным множеством энклитических частиц и союзов. Все они, кроме сильно выветрившейся соотносительной частицы, отсутствуют в урартском, где господствует либо бессоюзное сочинение, либо употребление обычных самостоятельных союзов (e'i и др.). Между тем именно все эти частицы придают хурритскому тексту настолько своеобразный характер, что в богатстве различных, часто неясных формантов тонут знакомые по урартскому языку лексика и морфология. Впечатление сумбурности, которое создает хурритский текст, столь непохожий на размеренную однообразность урартского, усиливается еще аккадской слоговой орфографией, совершенно не приспособленной к хурритскому языку.

Ср., например, хурритские предложения: ^{m}Ma-ni-e-el-la-ma-an pa-aš-ši-id-ḫi-we[99]-uš we-ru-u-ša-a-al-la-a-an ma-a-na šu-e-ni ti-we-e-e-na ta-a-nu-ša-a-uš-še-na [Mane-(s̄-)lla-man pas̄s̄i-ed-ḫe-v-(u)s̄ wur-oz̄-a-lla-an ma-na s̄uwe-ne tiwe-na tan-oz̄-af-s̄s̄e-na]. 'Мане (эрг.пад.) их-же посыльный-твой-(эрг. пад.)знал-их-и их,все дела сделал-я-которые' ('Мане, твой посол, знал все те дела, которые я сделал'). К сожалению, мы не знаем урартских соответствий для употребленных здесь хурритских слов; но, используя те же корни и лишь употребляя урартские грамматические форманты, чтобы показать разницу конструкции, мы получили бы следующую "урартскую" фразу: *Mani/e-še *pašidḫi/e ali/e *ti-li/e šuini-li/e tan-u-li/e *ur-u-a-li/e. Отсюда видно, что даже при одних и тех же корнях иная синтаксическая конструкция в урартском создает впечатление большого различия в языках.

Или взять такие хурритские выражения, как ennaz̄us̄ attannewenaz̄us̄ z̄arras̄eḫewenaz̄u 'боги [одного из] предков царственного'; tuppe niḫarrewe arož̄affs̄enewe 'таблетка приданого,которое я дал'; jallenin z̄eniffus̄ tubenaman s̄u(w)allaman kebanoz̄as̄s̄ena 'которые-они-поистине брат-мой-(эрг.пад.)письма-же все-они-же послал-он-которые' ('все же письма, которые брат мой действительно послал'); tuppubadallaman ain ewre(n)naz̄us̄ paldubadae 'принимали(?)-ли-их-же (tupp(u)-bad-ae - герундий с подтвердительной частицей -bad-, управляемый эргативом?) ли цари(-эрг.пад.)справедливо' ('принимали ли их цари справедливо'); S̄awus̄ka-bae 'истинно [богиня] Шавушка'. Внешне эти выражения не имеют ничего общего с урартским текстом, и лишь анализ показывает нам наличие уже известных нам урартских слов i/eni/e 'бог', ar- 'давать', šui- 'все(?)', ewri/e 'господин' и известных урартских грамматических формантов: соотносительной частицы

---

99. Знак we может читаться wa, we, wi, wo, wu.

-ni/e, падежных показателей -še, -we, показателя абстрактных имен -še, герундивного показателя -ae, личных показателей в глаголе: -bi/e, -a-, -li/e.

Различия между урартским и хурритским создаются также многочисленными комбинаторными фонетическими изменениями, имеющими место в особенности в хурритском.

Несомненно также, что, несмотря на близкую степень родства между ними, урартский - самостоятельный язык, восходящий к общему с хурритским языку-основе, а не поздний хурритский диалект, как иногда предполагали исследователи. На это указывает самостоятельный характер его фонетического строя и некоторые черты морфологии, не возводимые к хурритскому (например, особая основа множественного числа имени)[100].

Однако близость этих языков такова, что при скудости наших источников теперь уже нельзя исследовать один язык без другого, так как сравнение помогает анализу форм, а также установлению значений слов, и тем самым облегчает комбинаторное определение как лексических, так и морфологических элементов из контекста.

Чисто комбинаторный метод исследования, единственно законный при первоначальном изучении неизвестного языка, позволил установить закономерные соотношения между обоими языками; теперь этимологическое исследование не будет уже ложно-этимологическим и может идти рука об руку с комбинаторным, что позволяет надеяться на плодотворность дальнейшего изучения и того и другого языка.

Следовало бы поставить вопрос о наименовании обнаруживаемой таким образом новой языковой семьи (или ветви какой-то бо́льшей

---

100. Показатель направительного падежа во множественном числе -aše может считаться заимствованием, попавшим из хурритского через ритуальные и культовые формулы и тексты.

семьи). Носители одного языка назывались хурритами, субарейцами, может быть матиенами; носители другого - биаинцами, урартами, алародиями; общего названия у них, по-видимому, не было. Может быть, подходящим был бы термин "аларолийские языки". Он ранее предлагался для всех древневосточных языков неизвестной лингвистической принадлежности, которые в действительности не могут, вероятно, быть сведены в одну семью. Но в таком значении этот термин не привился, и, надо полагать, применение его специально к хурритскому и урартскому не вызовет недоразумений.

Н. Б. ЯНКОВСКАЯ

ЮРИДИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРРАПАХИ В СОБРАНИЯХ СССР

В клинописных фондах Государственного Эрмитажа и Государственного музея изобразительных искусств им.А.С.Пушкина хранится больше ста неизученных и неопубликованных документов, дошедших полностью и во фрагментах. В инвентарях указано, что все эти документы найдены на территории Керкука - иракского нефтяного центра. В действительности же часть документов обнаружена в 10 милях от него, близ деревни Тархалан.

Датируются документы указанных собраний серединой второго тысячелетия до н.э. - временем, когда на месте Керкука находился политический и религиозный центр страны Аррапхи, который имел два названия: Город богов (Алилани) и собственно Аррапха. Близ нынешней деревни Тархалан в то время был расположен г.Нуза.

Аррапха была непосредственно связана с торговым путем, идущим по Тигру, так как размещалась в бассейне его притока Адема. Основу хозяйства Аррапхи наряду со скотоводством составляло ирригационное земледелие. Ее материальная культура соответствует эпохе высокоразвитой бронзы, так же как и в других странах Передней Азии этого времени. При таком уровне развития производства в Аррапхе должны были существовать общественные отношения, типичные для первой фазы рабовладельческой формации, что и подтверждается архивными материалами.

Население Аррапхи было смешанным: на три четверти хурритским (народ, родственный урартам) и на одну - аккадским.

Все документы Аррапхи составлены на аккадском языке с заметным влиянием хурритского (см. примечания к документам № I, IO и др.), который был разговорным языком почти всего местного населения главного города страны, Алилани, и других поселений.

Ранее было известно меньше ста документов, найденных в Алилани; большая часть их находится в Британском музее (RA, XXII) и в Лувре (TCL, IX). Луврская коллекция аналогична нашей по объему и сохранности, но отдельные типы документов у нас представлены полнее. Алилани систематическим раскопкам не подвергался, так как места находок в Керкуке расположены на заселенной территории города, и попытки местных жителей докопаться до главного источника табличек были причиной обвала в одном из зданий.

В результате раскопок, которые проводились американцами (при участии Иракского музея) на территории древнего поселения Нуза в 1925 г., было найдено около 4 тыс.документов, наполовину из официальных, наполовину из частных архивов - материал их охватывает период деятельности пяти поколений. Эти нузийские архивы находятся в Америке (в Чикаго и Харварде). Публикация чикагских документов не закончена, харвардские изданы полностью, - причем большая часть только в транскрипции и автографиях, без переводов и комментариев.

В нашем собрании представлены все основные типы документов частных архивов. В семи из этих документов (№ 5,29,37,38,49,57 и 68) Алилани и Нуза упоминаются непосредственно, остальные 94 документа удалось отнести к архивам из Алилани и Нузы по содержанию и по форме табличек, включая их особый почерк.

Особенности юридических документов из Аррапхи были предметом чрезвычайно оживленной дискуссии в течение 17 лет, начиная с 1928 г., когда вышла в свет монография П.Кошакера, посвященная сравнительному анализу правовых норм Аррапхи и современной ей Ассирии[1]. Эта работа П.Кошакера является основополагающей.

I. См.: NKRA.

Полное отсутствие в Аррапхе прямых отчуждений недвижимости автор объясняет отсутствием права частной собственности на землю из-за ограничений, диктовавшихся наличием семейной или родовой общинной организации (стр.54). Наиболее широко распространенное оформление передачи недвижимости через усыновление покупателя (**mārūtu**) с точки зрения П.Кошакера, представляет обход существовавших правовых норм и фактически скрывает сделки купли-продажи недвижимости (стр.55 сл.).

В ходе конкретного анализа, отклоняясь от этого своего тезиса, П.Кошакер вводит другое объяснение тому же явлению, - воспринятое в дальнейшем научной традицией, - предполагая причину неотчуждаемости земли в том, что все упоминаемые в документах наделы были ленными владениями.

Главным аргументом в этом построении служит изредка встречающееся в документах указание на повинность **ilku**. Обычно специальной оговоркой в них отмечается, кто из контрагентов обязан будет нести эту повинность с момента передачи земли. Как правило, обязанность нести **ilku** закрепляется за прежним владельцем надела (за усыновителем), но в двух случаях обязанность нести **ilku** берет на себя новый владелец надела (усыновленный). К толкованию этого термина мы вернемся ниже, здесь напомним лишь, что в большинстве документов эта повинность не упоминается вовсе - уже по одному этому нельзя все отчуждаемые наделы объявить ленными; тем самым отпадает и возможность использовать указание на эту повинность в качестве объяснения отсутствия прямых отчуждений недвижимости.

Рассматривая состав свидетелей, перечислявшихся в конце документа, П.Кошакер возвращается к мысли о наличии общины в Аррапхе. Привлечение группы свидетелей **mušelwū**, контролирующих определение размеров и границ отчуждаемого надела, автор сопоставляет с индийской практикой, засвидетельствованной в Артхашастре Каутильи, где для отчуждения надела необходимо сначала опросить родственников и соседей владельца этого надела, не пре-

тендуют ли они на этот участок, на покупку которого они имели право приоритета (стр.68-69).

Наличие сделок по отчуждению недвижимости, оформленных через принятие покупателя в братья продавца (a͡hḫūtu), П.Кошакер объясняет существованием общин типа фратрий, в которых, однако, действительные родственные связи фактически уже не обязательны (стр. 88). Сопоставление с аналогичными фактами в истории права других обществ автор приводит достаточно широко, но смысл сохранения термина "братство" там, где фактически его уже нет, остался для него, как он сам писал, непонятным (стр.89). Связь между разными формами отчуждения недвижимости (mārūtu, a͡hḫūtu, mārtūtu, a͡hātūtu и др.) для П.Кошакера также остается неясной (стр.90).

Автор рассматривает эти организации с узко юридической точки зрения, не предполагая, что отдельная семейная община или объединение патриархальных семей - фратрия, представляют форму простейшей кооперации, в которой права и обязанности членов были освящены традицией, и в связи с этим принятие как в ту, так и в другую сразу же ставило нового члена в определенные взаимоотношения с остальными представителями этой организации. Указание на характер членства снимало необходимость перечисления прав и обязанностей адоптанта в тех случаях, где его принимали на общих правах. Если же в такую организацию вступал привилегированный член, каким обычно являлся ее кредитор, влияние которого на дела общины она имела возможность ограничить, лишь точно оговорив, то в документе все его привилегии специально отмечались. Такие документы есть, но их сравнительно немного.

П.Кошакер полностью отрицает наличие в брачных контрактах элементов купли-продажи (стр.87), хотя, как он сам отмечает, формами отношений, которые выработались в семейном праве (удочерение, взятие в сестры, брак), пользовались при оформлении сделок купли-продажи недвижимости, в частности, несмотря на то, что по нормам имущественного права женщины исключались из числа наследников (стр.84). Причина такого использования норм семейного пра-

ва и указанного ограничения имущественных прав женщин, как нам кажется, полностью объясняется господством патриархальной общинной организации, которой фактически уже известна частная собственность на землю.

Автор указывает на необходимость строго различать браки свободных и рабов (стр.82 и сл.); последовательность же этого разделения нарушается в одном случае наличием сделки, оформленной как брак полноправных граждан, но фактически заключенной сыном раба (стр.85). Автор произвольно исключает эту сделку из числа браков между полноправными гражданами, относя ее терминологию за счет ошибки писца (прим.3). На деле вопрос этот значительно сложнее. В данном случае мы сталкиваемся с особой категорией рабов из числа запутавшихся в долгах аррапхитов, которым удалось сохранить свои земельные владения ценой самозаклада в рабство. В Аррапхе гражданские права связывались с обладанием земельным наделом, поэтому указанная категория рабов, утративших право на свободу, тем не менее, по нормам обычного права, сохраняла имущественные и семейные права. Юридическая практика Аррапхи дает целую группу документов, подтверждающих это положение, характерное для ранних этапов развития рабовладельческих отношений. Существование этой категории рабов все время оказывается камнем преткновения для изучающих положение рабов в Аррапхе[2].

Особенность другого типа аррапхских юридических документов tidennūtu, в отличие от среднеассирийских залоговых сделок, П.Кошакер видит в том, что в них по существу представлены сделки купли-продажи, так как за должником остается лишь право, но не обязанность выкупить залог по истечении срока займа (стр.135). П.Кошакер безусловно прав, когда он отрицает возможность рассматривать tidennūtu как арендные договоры (полемика с Э.Кюком, прим.3).

---

2. См.: NKDS, p. 74,80

Случаи самозаклада П.Кошакер считает временным рабством и отличает их от постоянного рабства, называя заложников полусвободными (стр.136), но не вдаваясь в разъяснение того, какие именно права за ними сохранялись, так как, очевидно, полагает, что разница эта проявляется только в возможности снова стать полноправным гражданином после уплаты долга. П.Кошакер не видит существенной разницы между тем, что заложник отрабатывает в доме кредитора проценты долга, и тем, что кредитор использует недвижимость в счет процентов по займу. Автор так мало придает значения этой группе документов, что выносит свои замечания о ней в сноску (стр.137, прим.1). На деле этот факт имеет огромное значение и заслуживает специального рассмотрения. Особая ценность рабочей силы заключается в ее способности создавать прибавочный продукт, который составляет единственный источник накопления, в то время как концентрация земель представляет лишь одну из предпосылок расширения производства, хотя и значительную, но далеко не решающую.

Э.Шпейзер в монографии, посвященной семейному праву Аррапхи, сводит свое объяснение особой формы отчуждения недвижимости к тому, что над всей деловой практикой аррапхитов тяготел "дух семейственности"[3]. Работа Э.Шпейзера построена почти целиком на материалах двух частных архивов (Зике и Илану). По наблюдениям автора, эти архивы содержат в основном документы действительных усыновлений, в отличие от изданного до них архива Техиптиллы, который содержит преимущественно сделки продажи недвижимости в форме усыновления (стр.14). Э.Шпейзер принимает для второго типа усыновлений термин **sale-adoption**, также считая их сделками купли-продажи (стр.4-5,7).

Пункты формуляра действительных усыновлений наглядно показывают особенности этих сделок. Э.Шпейзер рассматривает их с точки

---

3. См.: **NKDFL.**

зрения конкретной юридической практики. Здесь отклонения от нормы весьма показательны.

Первый пункт формуляра представляет название сделки с именами усыновителя (А) и усыновленного (В). Второй пункт содержит указания на размеры и местоположение построек и земель, которые А передает В.

В третьем пункте оговариваются права усыновленного (В) по отношению к правам детей усыновителя (А): получает двойную долю, как главный наследник, как правило, взрослый родной сын А; если же его не будет, то В распоряжается всем наследством (стр.7-10).

Четвертый пункт содержит указание на обязанности усыновленного в отношении усыновителя, которого он должен почитать на протяжении всей его жизни.

В пятом пункте отмечается, что усыновитель (А) не имеет права усыновлять другого постороннего человека помимо В.

Шестой пункт содержит формулу штрафа (мина золота и мина серебра) за нарушение условий договора любой из сторон.

В последнем, седьмом пункте указывается, что документ написан после официального объявления о заключении сделки. Оглашение сделки, по мнению Э.Шпейзера, давало возможность выявить претендентов на объект сделки (стр.120).

Причину опущения некоторых пунктов в документах этого типа автор видит частично в том, что они сами собой разумелись, частично в небрежности писца (стр.9).

Документы, в которых речь идет о продаже-усыновлении, по наблюдению автора, никогда не имеют четвертого пункта, указывающего на обязанности усыновленного по отношению к усыновителю, в то время как при действительном усыновлении нарушение этого пункта ведет к разрыву родственных отношений, который сопровождается для непочтительного сына лишением права наследования (стр.11).

Автор считает, что прямые продажи недвижимости не санкционировались законами Аррапхи, поэтому и возникла необходимость отчуждения недвижимости обходным путем через использование наибо-

лее подходящих норм семейного права (стр.13-14). С точки зрения Э.Шпейзера, ради маскировки запрещенной продажи земли цену ее называют "подарком" (стр.14). Шпейзер принимает объяснение П.Кошакера относительно причины возникновения запрета (стр.14), с той только разницей, что термин ilku он рассматривает как синоним хуррит. erwišši/a 'царская служба' (от erwi 'царь'), произвольно дополняя к этому значение feudal tasks (стр.14 и 16, прим. 28). Первоначально ограниченное использование продажи через усыновление Э.Шпейзер объясняет воздействием общественного мнения, которое могло заклеймить такую сделку как неэтичную, но постепенно эта процедура вошла в привычку и заняла свое место как признанная форма продажи (стр.14).

Э.Шпейзер считает, что брачные договоры первоначально в Аррапхе были сделками купли-продажи, а затем постепенно развились в институт, признававший женщину не только объектом, но и субъектом договора (стр.23). Автор декларирует необходимость строго различать браки свободных и рабов (стр.22), но в ходе изложения все время сбивается на подробный пересказ ряда документов, так как фактически оказывается, что провести это разделение довольно трудно.

Особенность категории свободных в Аррапхе, как уже отмечалось выше, заключалась в том, что в результате имущественной дифференциации из низших слоев свободных граждан непрерывно формируется группа кабальных рабов, сохраняющих гражданские права, пока они не утрачивают самый объект своих имущественных прав. Наличие этой социальной группы и приводит к разнообразию брачных сделок, которое определяется, таким образом, отнюдь не растущей эмансипацией женщин, как полагает автор (стр.23).

Реконструкция полной схемы сделок tidennūtu в работе Э.Шпейзера[4], посвященной этой второй наиболее разработанной в литературе группе документов, не менее интересна.

---

4. NKDST.

Первый пункт этих сделок содержит название документа, имена контрагентов, размеры и местоположение земли и срок узуфрукта. Во втором пункте указывается размер и характер займа. В третьем пункте - оговорка относительно права должника на свой надел по истечении указанного срока, если он погасит заем. В четвертом - указание на обязанность должника "освободить поле от вещного иска", если таковой возникнет. В пятом - оговорка относительно права кредитора задержать узуфрукт, если долг будет возвращен после того, как он успеет подготовить поле для нового посева. В шестом - условие о неизменяемости границ поля в случае, если оно окажется меньше или больше указанных в документе размеров. В седьмом - запрещение отнимать у должника определенную часть на этом поле (см. ниже о термине kaśka). В восьмом - формула штрафа за нарушение условий сделки (наиболее распространенный вид штрафа в этих сделках - один вол; стр.366). В девятом - указание на то, что документ написан после официального объявления о заключении сделки.

Автор считает характерным специально для этого типа документов пункты 1-3, 5 и 7. Перечисляя объекты сделок, Э.Шпейзер,так же как и в первой своей работе, не выделяет рабочей силы, а лишь отмечает, что одна сторона отдает землю, членов семьи или рабов и получает в обмен на это золото, бронзу, медь, свинец, зерно, скот, шерсть, ткани и т.п. (стр.355). По словам автора, здесь "имущество балансируется валютой"; в подтверждение этого суждения автор совершает решительно ничего не доказывающий экскурс в историю денег, относящийся к периоду отсутствия всеобщего эквивалента (прим.22). Фактически же в данном случае мы имеем дело с кредитным обращением, преобладание которого вызвано слабым развитием товарного производства. Роль всеобщего эквивалента в Аррапхе играло серебро, так же как и в международной торговле того времени.

Э.Шпейзер начинает анализ документов tidennūtu с утверждения, что один из контрагентов этой группы сделок всегда является

должником (А), второй - кредитором (В). Следовательно, практически автор видит, что разбираемые им сделки - это отнюдь не договоры эквивалентной меновой торговли, а средство кредитного обращения; к тому же, как он сам отмечает выше, кредита по преимуществу натурального.

В ходе полемики с П.Кошакером относительно толкования этих сделок автор вводит понятие разделенной собственности (кредитора и должника) на узуфрукт (стр.356), возражая против понимания этих сделок как закладных (стр.357).

Специально для тех случаев, где долг обеспечивается заложником, к которому термин "узуфрукт" неприменим, автор предлагает для определения права кредитора понятие владения в отличие от собственности (стр.360).

Э.Шпейзер полагает, что в результате продления займа при доплате кредитором до полной цены узуфрукта сделка фактически превращалась в продажу (стр.362).

Анализ седьмого пункта сделок **tidennūtu** представляет абсолютно оригинальную часть работы Э.Шпейзера. В результате подробного разбора форм термина **kašša** (синоним **niksa**) во всех контекстах, и привлечения библейских аналогий (**pe'ā**) автор приходит к убеждению, что этот термин обозначал часть земли должника, которая оставалась первоначально для нужд обслуживания культа его домашних богов; с изменением же социальных условий эта часть надела стала источником обеспечения нуждающихся членов общины (стр.365). Э.Шпейзер полагает, что при отсутствии этого пункта в документе часть поля, о которой идет речь, оставалась по обычаю в распоряжении должника (стр.366).

Десять лет спустя установившаяся традиция в толковании документов была поколеблена выходом в свет монографий Х.Леви[5]. Автор совершенно правильно начинает с разделения текстов по характеру залога на документы передачи недвижимости и документы пере-

---

5. Первая из них - **TtN**.

дачи человека (стр.313). Этот новый подход к сделкам дает возможность Х.Леви выяснить, что в нескольких случаях они фиксируют обмен квалифицированной рабочей силы (ремесленников, садовода) на неквалифицированную (стр.318).

Автор считает все вообще сделки эквивалентными на том основании, что в отдельных случаях за одного квалифицированного заложника кредитор дает несколько рабов (стр.315). В качестве общего доказательства существования денежного обращения Х.Леви ссылается на факты существования в Аррапхе денег в функции масштаба цен (стр.317), хотя это всего лишь доказывает общеизвестное положение о наличии товарного производства и обращения вообще - безотносительно к его конкретным формам. Автор совершенно забывает о том, что tidennûtu, будучи долгосрочными по преимуществу договорами, все-таки всегда содержат указания на обратный "обмен", который должен произойти по истечении срока действия договора. Наличие такого условия немыслимо в меновой торговле, одинаково натуральной и денежной, но вполне уместно при натуральном кредитном обращении.

Что же касается обмена квалифицированной рабочей силы на неквалифицированную, то из этого наблюдения Х.Леви можно сделать следующее заключение общего порядка: обособление ремесленников-профессионалов в особую зависимую социальную группу шло под влиянием кредитного обращения через вынужденный отрыв их от земледельческого хозяйства.

Иногда в случае выдачи займа под заложника в документах указывается, что за каждый день, пропущенный заложником на работе кредитора, он обязан заплатить 1 мину меди. Автор рассматривает этот штраф как цену рабочей силы заложника за день, и произвольно уравнивает с этой суммой ежедневную выработку заложника, которая идет в погашение якобы ссуды, а на деле только процентов займа, так как заложник освобождается лишь после уплаты всей суммы долга независимо от отработки. Даже если считать, что ссуда погашается работой заложника и при этом штраф - это и есть

цена рабочей силы за день, все-таки, чтобы высчитать доход кредитора, ссуду (деленную на срок займа) сравнивать нужно не с ценой рабочей силы заложника в день, а с ценой продукта его труда за вычетом цены рабочей силы и издержек производства. Цена рабочей силы во все периоды общественной истории ниже, чем стоимость производимой ею продукции, - это главное и постоянное условие развития общественного производства. Разница же между общим количеством продукта труда заложника минус то, что идет на возмещение издержек производства и на воспроизводство рабочей силы заложника, и представляет тот самый прибавочный продукт, который достается лишь кредитору, получившему в обмен на любую ссуду рабочую силу - особый наивыгоднейший товар. Недаром ссуды под заложника достигают небывалого при других залогах срока - 50 лет.

В случае выдачи займа под заложника Х.Леви полагает, что лицо, которое мы здесь называем кредитором, на деле было работодателем (стр.322). Сюда же автор относит такие сделки, как передача в залог сына несостоятельного должника (**HSS**, IX,I5) и самозаклад несостоятельного должника (**AASOR**, XYI,29), который, по мнению Х.Леви, предпочел остаться для работы в доме работодателя. Уговор при передаче заложника относительно замены его в случае, если он умрет до истечения срока договора, автор расценивает как право семьи заложника возобновить договор(!).

Во второй части работы, посвященной операциям с недвижимостью, автор выясняет, что в некоторых случаях должник продолжает обрабатывать поле, отданное им по документу tidennūtu, а кредитор получает ежегодно готовый урожай (стр.326-5). Х.Леви делает вывод, что контрагенты этой группы документов представляют также две равно заинтересованные стороны, из которых одна - это работодатель (стр.327). Строго придерживаясь своей концепции, автор целиком отрицает очевидную истину, а именно, что tidennūtu являются документами кабального кредита.

Последняя большая монография, посвященная интересующей нас теме, вышла в свет в 1943 г.[6] и принадлежит Ф.Стилу.

Очень обстоятельным - вторым разделом работы Ф.Стила, где в отдельных параграфах дана вся терминология и метрология аррапхских документов, можно пользоваться как исчерпывающим справочником.(иссл.см.у D.Cross,Movable Property in the Nuzi doc.New Haven, 1937).

Бо́льшую часть введения занимает полемика Ф.Стиля с Х.Леви[7]. Х.Леви утверждает, что сделки mārūtu являются договорами между представителем феодальной администрации Аррапхи и держателем лена и обеспечивают возврат ленной земли короне. ḳīštu 'подарок' с точки зрения Х.Леви представляет подарок царя, который выдается держателю лена для облегчения начала обработки пожалованного надела.

Ф.Стил отмечает шесть примеров употребления по отношению к земле вместо термина ḳīštu 'подарок' непосредственно термина šīmu 'цена': усыновление, залоговую и четыре судебных процесса по усыновлениям. Один судебный процесс автор разбирает подробно в доказательство того, что "подарок" фактически рассматривался как цена земли (стр.14).

Ф.Стил, как и Э.Шпейзер, считает, что вся земля в Аррапхе принадлежала царю, а его вассалы держали пожалования, за право пользования которыми они должны были нести царскую службу. Передавать ленные наделы разрешалось, по мнению автора, только непосредственным родственникам (стр.15). Причиной возникновения практики продаж-усыновлений автор считает распад этой системы.

Во второй части, определяя терминологию различных видов земли, автор устанавливает среднюю норму урожая в 10 имеров зерна и 10 вязанок соломы с 1 имера поля (стр.25) и дает примерную

---

6. NRET.

7. H.Lewy, The Nuzian feudal system, Or. XI, 1942.

таблицу цен (в серебре) на все виды натуральной платы за землю (металлы, живой инвентарь, зерно - стр.34).

Для доказательства главного своего тезиса, состоящего в том, что все формы передачи недвижимости в Аррапхе по существу представляют сделки купли-продажи, автор подробно исследует в третьей части работы соотношение между изменением ценности kīštu и размерами и характером передаваемого надела. Полученную норму соответствия Ф.Стил сравнивает с ценой земли в Вавилонии и Ассирии (стр.36), считает близость этих соотношений основным аргументом в пользу своей гипотезы.

Отклонения от средней нормы цены, наглядно показанные в графике 3^a (стр.72), Ф.Стил объясняет разницей в качестве земли (стр.38). Среднюю цену 1 имера земли (16,2 тыс.$м^2$, см. § 29) он определяет в сумму от 10 до 12 сиклей серебра, т.е. примерно в стоимость 8 имеров ячменя[8] (410 л., см.§ 25), что составляет меньше годового урожая. Стоимость среднего урожая оценивается примерно в 16 сиклей серебра с одного имера. Интересно, что превышение средней нормы годового дохода над ценой земли колеблется около нормы ссудного процента, составляющего 30%[9].

По вычислениям Ф.Стила, орошаемая земля ценится почти вдвое выше неорошаемой, садовые участки в 3-4 раза выше полевых. Дороже всех прочих наделов ценятся застроенные или усадебные(стр. 42,43).

В четвертой части работы Стил анализирует документы tidennūtu, и относит их к категории займов. Подробно рассматривая толкования термина tidennūtu,автор возвращается к этимологии,предложенной Э.Шпейзером (от корня dnn), резонно заявляя, что решаю-

---

8. NRET, p.39.

9. См. стр.46.Меньше или больше, очевидно, в зависимости от доли участия кредитора и должника в издержках производства (ср.стр.441 и 456 - 467).

щим в определении характера этих документов остается не анализ их названия, а выяснение их содержания (стр.46). По его мнению, при займах, не обеспеченных залогом, процент должен был идти в виде вычета из основной суммы займа при ссуде (если процент не отмечался в документах); при гарантированных же займах - в форме пользования залогом (стр.47).

Достаточным доказательством того, что сделки tidennūtu - не продажи недвижимости, а займы под залог недвижимости, автор считает незначительные размеры ссуды по сравнению с величиной залога, который в среднем обычно расценивается в несколько раз дороже, чем сумма займа (стр.49).

Автор не придает особого значения интереснейшим и важнейшим наблюдениям своим и Дабберстайна (стр.58) относительно периодических изменений цен на землю. Как известно, цена земли обратно пропорциональна высоте ссудного процента[10], определяющейся в конечном счете нормой прибавочного продукта. При знании основных особенностей развития производства, исходя из этого соотношения, всегда можно установить характер развития экономики, который на каждом данном этапе и является определяющей причиной периодического изменения цен на землю.

Обобщение очень ценных наблюдений, уже сделанных по материалам Аррапхи предшествующими исследователями, дает возможность реконструировать происхождение и смысл наиболее спорных по толкованиям типов документов в следующем виде.

Для деловой практики Аррапхи характерно отчуждение недвижимости под установление между продавцом и покупателем определенных отношений родства. Если это делалось в форме усыновления (или принятия в братья), то покупатель надела, по-видимому, должен был стать членом патриархальной общины[11] продавца (или объе-

---

10. См.: К.Маркс, Капитал, т.Ш, М., 1950, стр.790.

11. Dimtu, см. примечание 2 к документу № 3 нашего издания.

динения таких общин); если же в форме удочерения (или передачи в сестры), то дочь (или сестра) продавца переходила в общину покупателя на правах и с обязанностями его дочери или сестры.

Очевидно, в интересах покупателя чаще, чем все остальные, использовалась форма усыновления. По такому документу усыновленный получал исключительное право передавать весь наследуемый надел своим потомкам в том случае, если у приемного отца не было взрослого родного сына; если же он был, то покупатель получал право на часть имущества за вычетом доли этого сына[12].

Форма же принятия в братья, очевидно, предполагала участие в наследовании имущества из общего хозяйства братьев. По женской линии наследство, как правило, не передавалось, и законность выдачи надела женщине, переданной в удочерение или в сестры, могла, по нормам обычного права, оспариваться. Вероятно, во избежание встречающихся в практике Аррапхи тяжеб с родственниками по мужской линии подобных сделок старались не заключать.

Обычное усыновление предполагало обязательное соблюдение приемным сыном определенных условий, при нарушении которых он лишался права наследования. Усыновленный был обязан почитать, кормить и одевать своих приемных родителей, разыскивать их в случае пропажи (очевидно, с целью спасения от работорговцев); после их смерти совершить обряд погребения[13].

Начиная со второго поколения аррапхитов (от них до нас дошла основная масса таблеток) широкое распространение приобретает новая форма усыновления, по которой все эти обязанности с приемного сына снимаются специальной оговоркой или вовсе не упоминаются. Вместо этих пунктов появляется точное описание наследуемого надела, переходящего в распоряжение усыновленного немедленно после заключения контракта. В сделке, кроме того, предусматри-

---

12. См. стр. 430.

13. См. стр. 430.

вается пункт, по которому усыновитель при свидетелях получает от усыновленного подарок (kīštu). Стоимость подарка изменяется пропорционально размерам и качеству земли[14].

При составлении этих документов (продаж-усыновлений) контрагенты сознательно избегают термина "цена" по отношению к земле. Это наблюдение общеизвестно, однако до сих пор оно еще не получило в литературе достаточно убедительного истолкования. Между тем этот факт можно объяснить аналогией с Шумером, где с древнейших времен было в обычае цену за землю передавать представителю семейной общины, а в индивидуальное пользование поступали только подарки, предназначенные лицам, при заключении сделки перечисленным поименно[15]. Видимо, в Аррапхе благодаря обозначению всей платы как подарка продавец получал на нее право личной собственности.

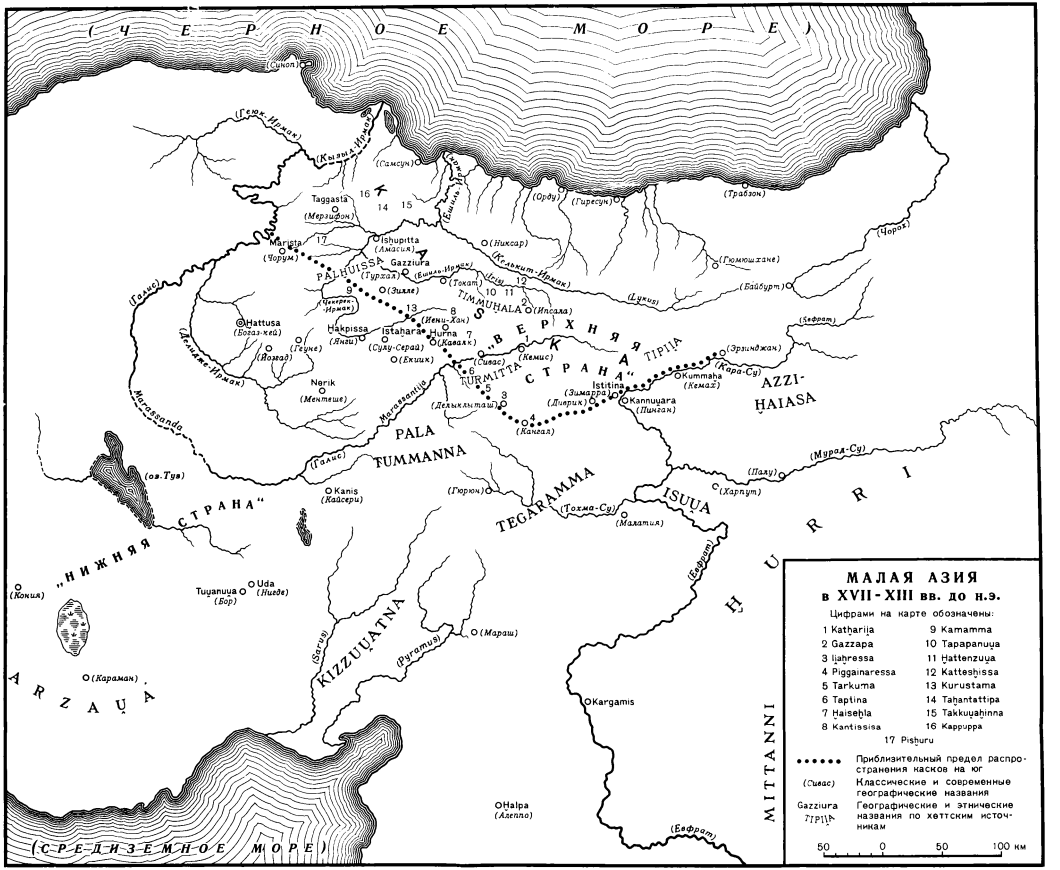
Приобретение земельного надела в Аррапхе было сопряжено с возложением на нового владельца традиционных обязанностей по отношению к сельской общине (ālu)[16]. Эти обязанности заключались в несении общинных повинностей (ilku), которые упоминаются в документах только в том случае, если обязанность нести эти повинности целиком остается за прежним владельцем (в нашем издании №№ 33,30,29 - за братом владельца) или целиком перекладывается на нового владельца. Очевидно, чаще всего обязанность несения этих повинностей распределялась по установившемуся обычаю между всеми членами семейной общины, включая адоптантов, поэтому в большинстве случаев специально не упоминалась.

Для периода деятельности второго поколения аррапхитов характерно также широкое распространение практики займов под залог

I4. См. стр. 37

I5. См.: И.М.Дьяконов, Купля-продажа земли в древнейшем Шумере и вопрос о шумерской общине, ВДИ,I955, № 4, стр.20,27, и др.

I6. Ср. в Ассирии ilku ša ālājūte,(PBOA, стр.I32-I33).



МАЛАЯ АЗИЯ
в XVII - XIII вв. до н.э.

Цифрами на карте обозначены:

1 Katḫarila	9 Kamamma
2 Gazzapa	10 Tapapanuya
3 Ḫaḫressa	11 Ḫattenzuya
4 Piggainaressa	12 Katteshissa
5 Tarkuma	13 Kurustama
6 Taptina	14 Taḫantattipa
7 Haiseḫla	15 Takkuyaḫinna
8 Kantisisa	16 Kappuppa

17 Pishuru

Приблизительный предел распространения хасков на юг

(Сивас) Классические и современные географические названия

Gazziura TIPIJA Географические и этнические названия по хеттским источникам

50 0 50 100 км

недвижимости (№ 10-15,17,19,22,24-27), самого должника, его рабов или его родственников. Известны три типа залога недвижимости. Чаще всего, по-видимому, обработка заложенного надела приходилась частично на должника, частично на кредитора - по традиционному для родовой общины распределению обязанностей. Иногда обработка заложенной земли велась только должником или в редчайших случаях только кредитором (№ 12). Поскольку такая практика была исключением из обычного правила, это всегда особо оговаривается в контракте. Проценты на ссуду во всех случаях покрывались доходом кредитора с пользования залогом. С увеличением доли участия кредитора в обработке надела, кроме того, возрастал, по-видимому, срок ссуды[17].

Из всех залоговых сделок наибольший интерес представляют ссуды под заложника, обязанного отрабатывать в доме кредитора проценты по займу до наступления срока платежа, который иногда доходил до 50 лет, а часто и вовсе не указывался, т.е. по-видимому, зависел от произвола кредитора (срок ссуды под залог недвижимости, напротив, почти всегда указан - он длится обычно от трех до пяти лет; за такой срок, очевидно, возмещался обычный ссудный процент). В одном таком займе указано, что заложник является ткачом. Исходя из этого факта, можно предположить, что группа ремесленников-профессионалов, целиком оторванных от земледельческого хозяйства, пополнялась в первую очередь и в основном из среды кабальных должников, поскольку ведущей формой обмена было кредитное обращение.

Если должник оказывался несостоятельным и при этом заложников не было и ..оручителя для него не находилось, то он попадал в пожизненное долговое рабство. Документ № 51 эрмитажного собрания дает возможность судить о том, что происходило в случае несостоятельности должника с его заложниками (других данных от-

---

17. CNRE, p.83 - о сроках займа в Ассирии и Аррапхе.

носительно этой стороны дела до сих пор не было). Из решения суда следует, что несостоятельность должника к моменту платежа давала кредитору право наложить на заложника особое клеймо. По сообщению завещания (HSS,$\underline{У}$,73; AASOR,$\underline{Х}$ 20), это клеймо ставилось на ногу, а не на лоб, как рабам. Человека, имеющего такое клеймо, судя по записи судебного процесса харвардской коллекции (HSS,$\underline{У}$ 35), нельзя было продать за пределы Аррапхи, - очевидно, потому, что он сохранял право наследования в своей родовой общине. Таким образом, заложник попадал в особую категорию зависимого гражданства, но рабом в полном смысле слова не становился.

Документы судебных процессов, которых вообще известно сравнительно мало, дают наиболее яркий материал для характеристики нравов Аррапхи. Документ № 50 нашего издания содержит единственный раз встречающуюся и очень показательную оговорку относительно применения ордалии (испытания перед богами). В этом документе говорится о том, что контрагенты провели канал и тем самым отмежевались от остальных земель общины. Во избежание споров они взаимно поклялись не поднимать иска по отношению друг к другу и к остальным и не доводить дела до ордалии; если же любой из участников сделки нарушит эту клятву, то, по уговору, подвергнуться ордалии должен не ответчик, а истец - против обычного правила. Эта оговорка гарантирует стороны от злонамеренной исковой претензии, так как во всех случаях, как это видно из протоколов судебных процессов, когда дело доходило до ордалии, ни один из ответчиков не решался ее пройти, будь он даже заведомо прав, и тем самым всегда проигрывал процесс. Угроза применения ордалии по существу была средством запугивания ответчика, в положении которого обычно оказывался должник, лицо заведомо неимущее, а не представитель знати - скупщик земли или ростовщик.

Обломок таблетки эрмитажной коллекции под № 53 содержит часть записи судебного процесса, по-видимому, относительно раздела

имущества, состоящего из рабов, полей, домов, волов и пр. Очевидно, главное действующее лицо этого судебного процесса Тармитилла - не кто иной, как сын Эннамати, брата Техиптиллы - известного скупщика земель. Если это так, то наш документ относится к периоду деятельности третьего поколения аррапхитов.

Тяжба, насколько можно понять из сохранившихся обрывков строк, в основном касается одной рабыни. Здесь упоминается поселение под названием Бизатум, по всей вероятности очень небольшое, типа хутора, откуда один из спорщиков увел эту рабыню.

Бизатум упоминается в архивах Аррапхи один только раз в харвардском документе (AASOR,XVI,4) - в сходных обстоятельствах, но не как название местности, а как собственное имя женщины, очевидно, хорошо известной в Аррапхе. Наименование поселений по именам известных аррапхитов, которые имели земли и дома на их территории, - явление обычное[18].

Харвардский документ, в котором упоминается Бизатум, входит в серию записей на допросах некоего Кушшихарбе - "хазанну" (градоначальника, старосты) города Нуза, обязанного следить за порядком и охранять общественное имущество, а вместе этого злоупотреблявшего своим служебным положением. Его подчиненные дошли до того, что стали похищать свободных граждан с целью получения выкупа от их родственников. В ходе допросов открылись связи Кушшихарбе с "хазанну" другого поселения, также замешанным в этих злодеяниях. Американский семитолог Э.Шпейзер, опубликовавший эту серию документов, отмечает в предисловии разбойничью организацию Кушшихарбе, тесно связанную с правительственными органами, как "поразительный анахронизм".

Бизатум помогла Кушшихарбе в одном из его похождений, поселив в своем доме некую Хумерелли. Двое нузийцев вызвали ее оттуда посреди ночи, по-видимому, с ведома хозяйки, и, по прика-

---

18. Например, ^{al}Ennamati, ^{al}Tainšuḫ.

зу "хазанну", отвели ее к нему в хозяйственную половину дворца, где жили рабы. Оба нузийца дают показания на очной ставке с Кушшихарбе, отрицавшим это обвинение с особенным упорством.

До сих пор никто не пытался систематически придерживаться принципа изучения деловой практики аррапхитов от поколения к поколению. Между тем такой подход к материалу позволил бы воссоздать в общих чертах направление общественного развития и, в частности, кредитного обращения, которое представляло главную форму обмена в Аррапхе.

Счет поколений в основном ведется по именам писцов. Из 13 писцов второго и третьего поколений, имена которых встречаются в наших документах, особенно хорошо известны двое: Акийа сын Шумулибши (см. индекс), внук Шамашпари, отец и дед которого также были писцами в Аррапхе, и Синшадуни сын Амуррушарилани (см. индекс) - отец его составил старейший из документов, найденных в Нузе, для отца того самого Пухишенни[19], с которого начинается счет поколений аррапхитов.

По архивам Аррапхи до сих пор было известно всего до семи тыс. имен (из них в наших двух коллекциях встречается 94 имени), по которым удалось определить 213 из общего числа 359 имен наших документов, в том числе 57 относящихся к первому поколению, 86 - ко второму, 65 - к третьему и 5 - к четвертому.

Из ста наших документов определены все целые тексты и часть фрагментов. К периоду деятельности второго поколения относится 21 документ[20], третьего - 11[21], четвертого - 3[22].

---

19. См. стр. 511-512.

20. № 11,12,25,29,32,35,50,51,68,84 и, по-видимому № 4,9,15, 46,48,65,73,79,80 и 100; № 47 возможно относится ко времени первого поколения.

21. № 1,2,10,28,49 и 83 - бесспорно и № 9,17,36,45,47 - по всей видимости.

22. № 30,56 и 57.

Общий счет поколений облегчается тем, что родовая знать Алилани и Нузы была связана между собой не только деловыми интересами, но и непосредственно отношениями родства.

Первое место среди знати Аррапхи занимает род Пухишенни, в особенности его второе поколение: Техиптилла и его младший брат Вуллу. Старший брат жил в Нузе - его дом находился вне городских стен, на отдельном холме. Младший брат жил в Алилани - место, где был расположен его дом, не исследовано, так как оно находится на заселенной территории Керкука.

До сих пор было известно всего 13 документов Вуллу: 11 в Британском музее, 2 - в Лувре. В нашей коллекции есть 3 документа Вуллу (см.индекс), которые содержат новые подробности относительно концентрации земель в его руках. По двум из наших документов выясняется, что Акийа сын Турари (см.индекс) и Аршулихе сын Пуйа (см.индекс), - постоянные свидетели сделок Вуллу, - были его должниками. Имя нузийца Акийа встречается в качестве свидетеля усыновлений Техиптилла, старшего брата Вуллу, 27 раз. Для документов дома Пухишенни характерен постоянный круг свидетелей: несколько раз повторяются, кроме названных, имена Утхапше сына Итхишты, Аккуленни сына Шатлампэ, Талтаэ сына Эннайа, Тулпийа сына Киннузи и других (сравни ссылки индекса). Таким образом, сам подбор свидетелей из фактически зависимых от контрагента лиц предопределял решение суда в пользу сильного.

Для изучения обмена в Аррапхе документ № 1 дает единственное пока указание на высоту ссудного процента в период деятельности третьего поколения. Если со временем удастся найти соответствующие величины для зерновых ссуд в период первого и второго поколений, то из сравнения их можно будет выяснить влияние роста производительных сил на ссудный процент и тем самым открыть движущие факторы концентрации земель, резко усилившейся ко второму - третьему поколению и почти прекратившейся к третьему - четвертому. От периода деятельности второго поколения, мне удалось пока найти два указания на высоту процента, но только

для денежных ссуд (свинец, - RA,XXIII,67 и HSS,IX,95), которые дают в обоих случаях 50% роста, и одно упоминание процентной ставки в займе кирпича от четвертого поколения (RA,XXIII,65), которое дает такой же процент. По нашему документу № 1 заем ячменя, сделанный перед урожаем, дает 30% роста.

Кредитное обращение, кроме общеизвестной отрицательной стороны - неизменно сопутствующего ему ростовщичества, имеет также и свою положительную сторону, которая в исследованиях нередко игнорируется: при помощи кредита процесс производства форсируется до крайних пределов, и более того, кредит прорывает имманентные оковы данного характера производства[23], что мы и видим на примере формирования рабовладельческой формации в Аррапхе.

Время деятельности второго поколения было периодом особенно успешного роста крупных рабовладельческих хозяйств. Представители родовой знати скупали, получали в долгосрочный и даже бессрочный залог (антихрезу) общинные наделы сотнями, подчиняя себе мелких и средних землевладельцев через систему ростовщических ссуд.

Размах ростовщической деятельности крупных хозяйств[24] можно представить по уникальной долговой расписке № 3, хранящейся в Эрмитаже. Если Паишерри, составивший этот документ, это тот самый сын Ханику, имя которого встречается в качестве свидетеля в двух документах архива Вуллу (HSS,IX,8, строки 19,26 и RA,XXIII 51, строка 27, печать), то наш документ можно отнести к периоду деятельности второго поколения аррапхитов. Имя Паишерри очень редкое, - кроме этих двух упоминаний, оно известно только из одного документа, по которому Паишерри выдал зерно под процент.

---

23. Ср.: К.Маркс, Капитал, т.III, М., 1950, стр.448-454, - о роли кредита (гл.27).

24. Ср. размах скупки земель этими хозяйствами: известно свыше ста сделок продаж-усыновлений Техиптиллы сына Пухишенни. (JEN, vol.I и отдельные документы других изданий).

Возможно, что Пашерри был распорядителем в хозяйстве Вуллу, и расписка из нашей коллекции относится к хозяйству Вуллу. Если судить по внешнему виду документа, то он составлен во всяком случае, не раньше периода деятельности второго поколения. Расписка, о которой идет речь, фиксирует погашение(?) долга в 220 имеров зерна (больше 9 тонн), занятого семейно-родовой общиной Туккитилла. Упоминание о займах зерна в пределах тонны, гарантированных круговой порукой односельчан, встречаются довольно часто, но такой крупный заем, да еще сделанный целой общиной - явление чрезвычайно редкое. Таким образом, кредитом пользуются не только мелкие разоряющиеся землевладельцы, но и целые общины.

С точки зрения двойственной роли кредита весьма показательны перипетии, пережитые хозяйством среднего землевладельца Ипшахалу сына Хаманну (см.индекс), известного по одному документу Британского музея(относящемуся к периоду деятельности второго поколения), как один из пяти аррапхитов, связанных круговой порукой,- они получают процентную зерновую ссуду до ближайшего урожая. По двум другим документам того же музея, более поздним, Ипшахалу, напротив, получает поле на пять лет в залог за бронзу, медь и овец и заключает соглашение с сыновьями Турари о передаче ему хозяйственных построек за зерно, вола и одежду. Возможно, что Ипшахалу был вынужден прибегнуть к займу из-за невозвращенной ему своевременно ссуды, о которой упоминается в эрмитажном документе № 10. Этот документ содержит запись о перезакладе поля, которое Ипшахалу получает от сына своего должника за невозвращенный долг, составлявший 6 имеров зерна (около 250 кг).

Кризис общинного землевладения вызван, по-видимому, коренной перестройкой экономики Аррапхи, втянутой в хозяйственную систему значительно более развитой Вавилонии. Ускоренное развитие экономики страны проходило главным образом через развитие кредитного обращения, которое привело к значительному укрупнению хозяйств за период деятельности всего одного поколения. К следую-

щему, третьему поколению, темп процесса концентрации резко снизился.

Из документов, найденных в Алилани, до сих пор было известно всего семь документов Акаватила, сына Вуллу (см.индекс): один в Лувре, остальные - в Британском музее. В четырех документах речь идет о разделе имущества Нашвы между тремя сыновьями и дочерью Вуллу. Нашва - тесть Вуллу - усыновил своего зятя, чтобы Вуллу имел право наследовать ему, несмотря на то, что был всего лишь его свойственником. Из остальных документов Акаватила один представляет ростовщическую ссуду, второй - сделку по обмену наделами, а третий содержит лаконичную, но выразительную запись судебного процесса. Акаватил обвиняет некоего Аккуленни сына Муштеа в нецензурной ругани по его, Акаватила, адресу. Аккуленни целиком отрицал возведенное на него обвинение, но был изобличен показаниями трех свидетелей, которые в один голос заявили, что он в их присутствии обругал Акаватила гораздо сильнее, чем тот показал на суде. Свидетели приводят полный текст чрезвычайно крепкого высказывания обвиняемого. Судьи решили отобрать у Аккуленни вола в виде штрафа.

Аккуленни сын Муштеа известен, кроме того, по участию в тяжбе с отцом Акаватила, которая, очевидно, предшествовала только что рассмотренной. Вероятно, ругань Аккуленни касалась той же самой темы. Дело в том, что в свое время Аккуленни отдал Вуллу свою дочь в удочерение. При заключении сделок такого рода обычно родной отец девушки терял на нее права. Право выбора мужа для нее целиком получал приемный отец, который мог ее выдать за любого из своих сыновей или на сторону, как ему было угодно. За родным отцом иногда оставалось право на получение платы за свою дочь при выдаче ее замуж. По-видимому, такое право по договору Аккулени сохранил или считал, что сохраняет, так как он требовал от Вуллу плату за выдачу своей дочери замуж. Первый процесс Аккуленни проиграл, но на этой несправедливости по отношению к себе не успокоился и обругал Акаватила сына Вуллу, который, су-

дя по смыслу высказывания Аккуленни, играл в этой распре главную роль.

В нашей коллекции есть только один документ Акаватила - это отличной сохранности сделка обмена землями (№ 49).

От нузийской ветви третьего поколения дома Пухишенни в нашем собрании есть три документа; фиксирующие одну залоговую (№ 28) и две процентные ссуды зерна (№ 1,2), происходящие из архива Шуркитиллы сына Техиптиллы (см.индекс'). Шуркитилла известен всего по 14 документам чикагской коллекции, большая часть которых также представляет записи процентных ссуд, и по одному документу лондонской коллекции, изданному в 1896 г. Этот документ, опубликованный самым первым из всех, представляет запись о зерновой ссуде троим аррапхитам под залог их земель, которые они должны были обрабатывать, отдавая весь урожай Шуркитилле, пока он жив.

Из архива Зике сына Шуркитиллы, правнука Пухишенни (IУ поколение - см.индекс), в нашей коллекции есть одно усыновление (№ 30) и один фрагмент записи судебного процесса (№ 57). От четвертого поколения сделок этого дома до сих пор было известно всего семь: по одной в Чикаго, Харварде, Париже и четыре в Британском музее. Харвардский документ фиксирует брачный договор относительно сестры царевича Шильватешупа. Тем самым архив этого царевича, относящийся к числу наиболее значительных, датируется третьим-четвертым поколениями.

Архивы Аррапхи в целом еще очень слабо изучены, несмотря на свою популярность в зарубежной востоковедческой литературе. Никто, кроме автора первой монографии П.Кошакера, не пытался проникнуть в сущность формального своеобразия этих документов и дать общую характеристику материала. Все последующие исследования шли по линии детальной разработки отдельных вопросов изолированно, путем привлечения широких аналогий из истории всех времен и стран, по большей части целиком стирающих специфику материала.

Документы ленинградской и московской коллекций по-новому освещают отдельные стороны деятельности родовой знати Аррапхи и по ценности содержащихся в них конкретных сведений не уступают ранее опубликованным зарубежным коллекциям.

В настоящей публикации дана транскрипция и автография 101 документа. Из комментированного перевода исключены все фрагменты (№ 68-100) и часть текстов, неудобопереводимых из-за лакун, - материал большинства этих текстов использован во введении.

В подыскании ряда необходимых аналогий, например при анализе kIštu и при довольно трудном переводе документа № 50 (прим. 31) неоценимую помощь оказал мне И.М.Дьяконов, участвовавший постоянно также во всех моих поисках, включая досадные, бесплодные искания, на которые, как известно, времени уходит больше всего. Разумеется недочеты в этой работе целиком следует относить за счет автора.

СПИСОК ДОКУМЕНТОВ ПО ТИПАМ СДЕЛОК

I. Займы	№ 1-9
2. Залоги	№ 10-28
3. Усыновления	№ 29-32; 34-44; 53
4. Принятие в братья	№ 33 (?)
5. Удочерения	№ 45,65(?)
6. Передачи в сестры	№ 46-47
7. Брачный контракт	№ 48
8. Обмен	№ 49
9. Судебные процессы	№ 50-52; 54-57
I0. Хозяйственные документы	№ 58-64; 66-67
II. Фрагменты	№ 68-I00

МЕРЫ И ВЕС

Меры длины

ammatu 'локоть' - около 0,5 м

Меры площади

awe̯aru 'плуг' - 1/10 имера

imēru 'осел' - дневная норма работы осла на пашне (или же, по норме посевного зерна, - ослиная ноша. См.: F.R.Steele, NRET, № 13).

Меры веса

šiqlu (SU) - 1/60 мины

MA.NA. - около 0,5 кг

bīltu 'ноша'(= таланту) - 60 мин

Меры ёмкости

qa /ка/ - 1/100 имера

imēru/имер/ - свыше 40 л

---

1. (I5393)

(1) [4 имера ячменя Шуркитилла]Арипарни [.....] под процент взял, а по[сле] урожая вместе с процентом его (5) 5 имеров 20 ка ячменя Шуркитилле вернет.

4 имера ячменя Шуркитиллы Паитэ сын Хаманна под процент взял, а после урожая вместе с процентом его 5 имеров 20 ка ячменя Шуркитилле вернет.

(10) Поручитель Арипарни и Паитэ - Акиа сын Му(?).....]а (?).

8 имеров ячменя Шуркитиллы Нихритилла и Тишехи сын Шехлиа под процент взяли[1], а по[сле] (15) урожая вместе с процентом его 10 имеров 40 ка ячменя Шуркитилле вернут. Поручитель Ни[хритиллы] и Тишехи - Ва[нти...](из) поселения Эннама[ти].

(20) 8 имеров ячменя [Шуркитиллы [.....]шу и [.....] то [же ?] [Ва]нти[шарри сын Тайя

(конец записи разрушен)

(Печати): Вантипшарри, Пуитае, Зини [- писец].

---

[1] Здесь вместо множественного числа писец поставил единственное число. Аррапхиты под влиянием своего разговорного языка (хурритского) пишут по-аккадски с одними и теми же ошибками, особенно характерными в системе спряжения глаголов, резко различающейся в хурритском и аккадском (см.: AASOR XVI, appendix B и IHu).

2. (I5374)

(I) 4 имера ячменя Шуркитилли Акийа сын Ханиа [под] процент взял, а [после] урожая вместе с процентом [его x имеров ячменя] (5) Шуркатилле [вернет].

3 имера ячменя [Шуркитиллы] Урхитешуп [сын .....] под процент взял, а после урожая вместе с процентом его x имеров ячменя] (I0) Шуркитилле вернет].

8 имеров ячменя [Шуркитилли] Иккиа [сын .....] под процент взял, а после урожая вместе с процентом его x имеров ячменя (I5) Шуркитилле вернет].

(Печати:) [Упайа, Хутипканари, Эгигирль].

3. (4I57)

(I) Относительно 220 имеров ячменя - долга общины[2] Туккитилла[3] (5) Документы взял Паишэри и зерно принял[4] (?).

(Печать:) Паишэри.

---

[2] Термин "община", предложенный нами для перевода dimtu, подразумевает группу родственных патриархальных семей, объединенных культом предков, и общими владениями. В Аррапхе dimtu иногда сохраняла название по родоначальнику, хотя внутри нее возникли уже отдельные поселения (ālu) и новые dimtu. Очевидно, под влиянием торговли и фискальных сборов закрепилась специализация отдельных dimtu на ткачестве, торговых делах и земледелии.

Перевод dimtu словом "башня", первоначально принятый для наших документов, восходит к текстам из Ассирии первого тысячелетия, где большесемейная организация перестала быть основной, поэтому термин сохранился лишь для названия постройки. Последнее уточнение в толкование dimtu внес Э.Шпейзер: вместо значения "область", принятого П.Кошакером и Э.Кьера, на основании нового документа (AASOR XVI, I) он предложил видеть в dimtu податную феодальную организацию.

[3] Название общины стоит в хурритском родительном падеже на -ше (IHu p.I09).

[4] supumma Ipuš - гибридный оборот из 3-го лица единственного числа аккадского вспомогательного глагола 'pš и неизвестного хурритского глагола в инфинитиве (см. IHu p.I29).

4. (15380)

(x тысяч 140 кирпичей Зике взято вторично перед старейшинами под процент до месяца жатвы.

Место сделки - поселение Зизза.

(Свидетели:) Эннамати, Артешуп сын Кенни, Туккитилла сын Зинайа. Рука писца Унаптешупа.

(Печати:) Артешупа, Туккитиллы, Эннамати, Унаптешупа.

5. (15384)

(Заем 10 имеров зерна гарантирован круговой порукой должников. Обеспечить возврат долга целиком обязан тот, кто будет к сроку платежа на месте. Сделка заключена в поселении Нуза.

Вторая запись, подобная первой, сбита.)

6. (8395)

(Процентный заем зерна до месяца жатвы, гарантированный участием поручителя.)

7. (1715)

(Процентный заем зерна до месяца жатвы, гарантированный круговой порукой должников.)

9. (15396 + 8408)

(Процентный заем зерна до месяца жатвы, гарантированный круговой порукой должников. В начале текста идет речь о каких-то операциях с рабами в связи со страной луллубеев Нуллу[5].)

---

[5] Главную причину особого спроса на рабов-луллубеев А.Саарисало видит в том, что они были жителями гор (район Сулеймании) и благодаря более здоровому климату, чем в долинах Тигра и Евфрата, отличались большей физической силой (по аналогии с багдадскими грузчиками, см.: NRDSS.67). Мне кажется, что значительно важнее для аррапхитов было то обстоятельство, что их соседи луллубеи были родом из враждебной страны, очень слабо развитой политически, так что с их стороны не могло предполагаться ника-

10. (15392)

(1) Речь Хулукка сына Шехлиа; перед старейшинами так он сказал: "в прошлом 1 имер поля общины[2] Малхатэ, выше поля Кипаленни, (5) ниже поля Вуртурука - мой отец Шехлиа отдал[6] в обеспечение[7] Ипшахалу сыну Хаманна и взял у Ипшахалу 6 имеров ячменя. (10) Теперь же[8] я сам то же самое поле отдал[6] Ипшахалу".

Когда 6 имеров [ячменя] Хуллука вернет [Ипшахалу - поле свое] (15) возьмет. Ес[ли поле] им[еет] иск[9] - [Хулукка] освобод[ит и] от[даст Ипшахалу].

ких претензий на проданных в рабство, в отличие от соседних дружественных Вавилонии или Митанни и даже враждебной Ассирии, жители которых, попав в рабство, всегда могли воспользоваться изменением политической обстановки в пользу их родины.

Той же причиной можно объяснить и пример А.Саарисало из брачного контракта, по которому супругу, при бесплодности новобрачной, разрешается взять себе наложницу только из луллубеек (S.22). Это условие, с моей точки зрения, защищает договаривающихся от возможных имущественных претензий со стороны родственников наложницы (здесь они иноземцы!), дети которой, при бездетности хозяйки дома, становились полноправными наследниками имущества своего отца.

[6] В первом случае вместо 3-го лица единственного числа в тексте употреблена форма 1-го лица единственного числа, во втором - наоборот.

[7] В результате филологического анализа термина tidennūtu и широких аналогий Э.Шпейзер пришел к заключению, что этот термин восходит к корню dnn 'быть крепким', а не ndn 'давать', как предполагалось раньше (NKDST, p. 358-359). О толкованиях этого термина см.: F.Steele, NRET, p.44.

[8] Писец пользуется систематически аккадским союзом ù вместо энклитики -ma (строка 6, 10, 13 - очевидно, во избежание путаницы с созвучным хурритским именным суффиксом, см.: Inu p.186). В строках 6-10 эта замена искажает смысл текста, так как по нормам аккадского языка смену подлежащего дает энклитика, а не союз, см.: союз ù в документе № 29.

[9] Т.е. если имеется вещный иск относительно поля.

(Свидетели:) Атайа, Хилу, Зике, Тармийа, Артийа сын Балтуа, Шекайа сын Вантимуша.

Рука Хашиптешупа сына Нашвы, писца.

(Печати:) Шекайа, Хулукка, Атайа, Артийа, Тармийа, Зике, Хулукка, Хилу, Хашиптешупа - писца.

11. (15391)

(1) [Документ обеспечения [..... сына] Шешви [x .....поля] в общине[2] [.....] в обеспечение (5) [.....] Итхишшарри [на x лет отдал, [а Итхишшарри отдал [..... x имеров ячменя и 5 мин бронзы; и когда (10) исполнится [x лет .....] вернет Итхишшарри [x имеров ячменя] (и) 5 мин бронзы и возьмет свои поля.

(Свидетели:) Нихрийа сын Итхишшарри, Алкийа сын Пайа, Умпийа сын Хутийа, Хуптешуп сын Шукрийа, Эннапали сын Элхишшарри, Шешвика сын Акийа, Шеллапа сын Халутта, Кипаррашхи - писец.

(Печать:) Нихрийа, Шеллапаи (!), Шешвика, Килийа, Умпийа, Хуитешуп.

12. (15390)

(1) Документ обеспечения относительно поля Аршулихе сына Пуйа. 1 имер поля в Паккату[10], в общине[2] Хулматийа, (5) он дал обеспечением Вуллу, а Вуллу отдал Аршулихе обеспечением же 5 имеров зерна. Урожай поля снимет[11] Вуллу. Аршулихе 5 имеров зерна (10) вернет и возьмет свое поле.

---

[10] Это наименование местности встречается в TCL IX, 41, строка 13, в форме $^{\check{s}ad}$Pa-ak-ka-an-te. Судя по детерминативу, речь идет о горной местности, где были владения и других общин, кроме Хулматийа, так как надел, упомянутый луврским документом, принадлежал общине Зинатэ.

[11] Букв.: 'голову поля обреет Вуллу'. Анализ этой формулы см.: NKRA, S.132, ff. и AASOR XVI, p.108.

(Свидетели:) Упайа сын Ханику, Утхаппэ сын Мтхишта - два эти человека, огораживающие[12] поле <суть>; Матиа сын Наниа. [Рука .....] писца.

(Печати:) Утхаппэ, Матиа, Упайа.

13. (15348 + 8371)

[Документ обеспечения. Техиттешуп и Муштешуп отдали в качестве обеспечения Урхитешупу 1 имер поля за некие ценности, принятые ими в поселении Таиншух. Гарантирует возврат долга тот из них, кто уцелеет к сроку платежа. После возврата долга они могут взять свое поле.

Документ составлен после оглашения сделки в воротах города[13].]

---

[12] Такой перевод термина mušelwū, отличающийся от принятого в научной традиции ('землемеры') основан на следующем суждении: глагол (mdd) 'обмеривать' известен писцам Аррапхи, но употребляется ими только в виде исключения (в частности, для целины в степи, см.: PM.Purves.ES, p.167). Часто в сделках особо отмечается, что ни прибавлять, ни уменьшать передаваемого надела нельзя (см. № 25-27), а если и разрешается прибавить, то из своего dimtu (см.: HSS-XIII,332, выше стр.426).

Очевидно, эта оговорка оберегает интересы как других членов большесемейной общины, так и соседних общин. Обе эти заинтересованные стороны известны в составе mušelwū (F.Steele, NRET, p.322). Следовательно, аналогии П.Кошакера с практикой Индии и Александрии подтверждаются (NKRA, S.68-9). Затем в архивах Аррапхи есть сводные перечни участков, огороженных(!) за долги (ana ḫubullī; HSS-XIII, 363 и AASOR XVI, SMN 903); иначе в данном случае этот термин не переведешь (ср.также строки 15-16 документа № 38).

При общинном землевладении, сохраняющем практику регулярного передела земель (NKRA, S.80), такое выделение заложенных земель необходимо, и процедура эта гораздо важнее, чем точный обмер надела.

[13] Место расположения рынка - между городскими и дворцовыми воротами. Эта процедура упоминается во всех сделках, которые

имеют последствием изменение статуса личности, и при всех операциях с собственностью для выявления претендентов из числа кредиторов или наследников (см. NKRA, S. 79, прим.1).

14. (15357 + 8414)

(Документ обеспечения. Эништаз сын Ап(?)тэни отдал Урхишарри 2 имера поля в поселении Эннамати на 3 года. В случае возникновения относительно поля вещного иска Эништаз должен освободить поле и отдать Урхишарри.)

(Печати: Нихри, Архаманна, Хаишукри, Ихлитешуп, Турари и др.)

15.(15354)

(Лакуна, лицевая ст.)] 1 им[ер .....]; 1 имер по[ля] обес[печением.] Поле ⟨А⟩иттара сын Уттули взял у (5) Пухишенни сына Зике для ....ew(i)ru[14] поселения Аршали; 1 имер поля для[...][15] (Лакуна, оборот) Аиттара отдал[16] Пухишенни [.....]..... (От)[17] Пухишенни - Апушка.

(Печати:) Апушка, Аиттара.

16. (8411)

(Заклад поля под 5 имеров ячменя.)

17. (15381)

(Документ обеспечения Шуркитиллы сына Итхапу на 3 имера общинной[2] земли.

(Печати: Турари, Ти....., Элхиптилла, Шуркитилла.)

---

[14] a-na kál-al-ti í-wi-rù $^{\bar{a}l}$Ar-šá-li-be: iw(i)ru(хурр.) - земельный фонд поселения Аршали (конечное be = we - хурр.родительный падеж). Относительно iwru см. ВДИ 1959, 1 стр.38.

[15] Сбит один знак-идеограмма, за которым следует показатель множественного числа meš.

[16] Префикс 1-го лица вместо 3-го лица (см.прим. 1 к документу № 1).

[17] В смысле "представитель" (?). В тексте относительное местоимение ša.

18. (15343)

(Вторичная передача недвижимости в залог под невозвращенный долг.

Среди свидетелей - страж городских ворот.)

19. (8377)

(Закладная. Среди свидетелей - огораживающие поле.)

20. (8383)

(Заем под залог недвижимости (?) до месяца жатвы.)

21. (8392)

(Под залог недвижимости(?) Урхитешуп получает в числе других вещей ханаанскую пурпурную ткань[18] в 2 локтя длиной и 3 локтя шириной и плащ.)

24. (15638)

(Сын Техиптиллы получает поле в обеспечение ссуды, в составе которой 1 талант (?) металла и 5 овец.)

25. (8385)

(Заклад поля с условием, если оно окажется бо́льших размеров, чем указано в документе, то не урезать; если меньше - не прибавлять.

В числе свидетелей глашатай. Часть свидетелей из поселения Зизза.)

---

[18] Ткань kinaḫḫu см.: AASOR,XVI, p.121-122, прим.к документу № 77. Упоминание пурпурных тканей наряду с расшитыми (birmu) плащами есть также здесь в документе № 64. Термин birmu семитического происхождения, образован от того же корня, что и общесемитское brm 'быть пестрым'. Этот корень имеет в аккадском два значения: 'ткать(?) из разноцветных нитей' и 'оттискивать печать'. Если судить по этим двум значениям, то можно заключить, что речь идет не столько о тканье разноцветными нитями, сколько о вышивке, фактура которой сходна с узорным оттиском резной печати (см.: Muss -Arnolt, HW,Bd.I, S.191,192, Berlin, 1908).

26.(8372)

(Два брата(?) отдают в залог поле с условием не урезать,если оно окажется больших размеров, чем указано в документе, и не прибавлять, если окажется меньше. Обязанность погашать вещные иски относительно передаваемого надела остается за братьями.)

27. (9387)

(Заклад поля на 6(?) лет, с условием не урезать надел, если оно окажется больше, чем указано в документе, и не прибавлять, если окажется меньше. Вещные иски относительно поля должен погашать должник-владелец надела.

Контрагенты: Тармитилла и Шуркитилла.)

28. (8399)

(Заклад недвижимости(?) сроком на пять лет. Контрагенты: Шуркитилла и Элхипшарри (?).

Среди свидетелей Убаршени сын Та ....., Шильватешуп сын ... ..., Инникайа, писец - Зини сын Кианнипа.)

29. (1657)

(1) Документ усыновления Аршуаха сына Кенненна - он сделал для усыновления Вуллу сына Пухишенни. (5) Аршуах: 'все, что из моих полей в общине^{2} Хулматиа, моих домов внутри города Аррапха; все, что из усадебных(?) земель[19] - (10) мой надел в верхней части по меже(?)[20] Аррапхи, в качестве его надела я отдал Вуллу; а Вуллу талант 9 мин бронзы, 2 баранов, (15) 4 имера зерна в качестве его подарка отдал Аршуаху . Аршуах: 'все, что из моих полей - моего надела в общине^{2} Шуани (20) и в общине^{2}

---

[19] См.: F.Steele, NRET, p.27 (II,22). Садовый участок (?).

[20] i-na ṣí-ri-ti i-na ka-ad-di-ru-ti. Для ina ṣiriti см.: AASOR, X,16 строка 5; kaddirūtu, по-видимому, от kudurru 'межевой камень'.

Шехленни в качестве его надела Муштеа сыну Кенненни и отдал; все, (касающееся) (25) моей повинности несет Муштеа, а Вуллу не несет'. Муштеа: 'все, (касающееся) повинности Аршуаха, я сам несу'. (30) Если поля и дома Аршуаха <имеют иск>, то Муштеа освободит и отдаст Вуллу. Тот из них, кто нарушит (договор), добавит 1 мину серебра, (35) 1 мину золота.

(Свидетели: Ханайиа, Хулукка сын Кенненна, Тулпийа сын Киннузи, Уттулпа сын .....тат, Паишарри, Талта сын Эннайа, Аккуленни сын Пайа. Эти семь человек свидетели отдавшего серебро.)

(Печати: Хулукка, Тулпийа, Паишарри, Аршуах, Ханайа, Уттулпи, Талтае - владелец поля.)

30. (15368)

(1) Документ усыновления Эшукри - он сделал для усыновления Зике сына Шуркитиллы, [x] имеров 1 авехару поля в [.....] поселения Турша, ни[же .....] (5) выше поля Ари[.....] золота в качестве до[ли ....., а] Зике 3 имера 50 ка зерна в качестве подарка его [отдал] Эшукри. Если поле имеет [иск, (то) Эшукри (10) освободит и] отдаст Зике. [Повинность поля] несет [Эшук-<ри>; Зике не несет. Кто из] них нарушит (договор) - добавит 1 мину [серебра, 1 мину золота.]

(Дальше обрывки слов о месте заключения сделки у городских ворот.

Свидетели: разрушено) - люди огораживающие поля; (в конце текста:) рукою Зике опечатан.

(Печати:) [Акипташенни - писец, сын Шукрийа; Пухишенни.

31. (15387)

(Документ усыновления x , сына Турари - он сделал для усыновления Ханайа сына Шуркитиллы. 5 авехару поля около (?) дороги (дальше разрушено).

(В конце списка свидетелей - указание на передачу при них ячменя и эммера за поле.)

(Печати: Ханайа, Тупкитилла, Техиптилла, Итхипшарри, Тункайа и др.)

32. (15394)

(1) Документ усыновления Акийа сына Турари - он сделал(его) для усыновления Вуллу сына Пухишенни (5) 7 авекару поля около поля ....[.....], около [.....] Акийа в качестве надела [своего] отдал Вуллу; а Вуллу в качестве (10) подарка его отдал ему 12 мин .[.....] Тот, кто нарушит (договор), добавит 1 мину серебра и 1 мину золота. (15) Если поле имеет иск, то Акийа должен освободить.

(Свидетели:) [Арихарм[, ...]- па(?)тешуп[,...] Аршулих[,] Хулукка сын Кенненна, Артешуп - писец.

(Печати:) Акийа, Арихарбэ(!); писец.

36. (15376)

(Передача через усыновление поля(?) за свинец и 30 баранов: Часть свидетелей выделены как свидетели отдавшего свинец (в смысле "плату").)

38.(8367)

(Документ относительно недвижимости, переданной через усыновление(?)

Свидетели поселения Нузы выделены как люди, огораживающие спорные[21] поля.

Печати: Тупкитилла, Упатешшуп, Вантише, Зини, Хутийа.)

45. (15377)

(Шехал [.....] отдает свою дочь, Ирашу, в удочерение, обязуясь не предъявлять на нее прав и освобождать ее от всех исковых претензий. Удочеритель имеет право выдать ее замуж. В составе платы за девушку 10 сиклей серебра.

---

[21] Ср. прим.12 к документу № 12.

Свидетели: Хутийа, Ушшука, Тешшуйа, Хуразzи, Интара, Шакумшени, Арзи....., Шар....., Паэ; Рука (писца) Зилийа.

Печати: Шакумшени, Хурразzи, Ушшука, Зилийа.)

46.(15389)

(Передача некоей женщины в сестры кредитору за ссуду в 30 мин свинца (?). Сделка оформлена с участием поручителя.

Свидетели: Ирвишарри - сын Шукрийа;Нуллу, сын Ханатушинни; Хэрши сын Шашиватила; Синшадуни - писец, сын Амуршарри.

Печати.)

49. (1658)

(1) Документ обмена, принадлежащий Акаватилу сыну Вуллу и Пуитаэ сыну Ихлипа[пу] - между ними приусадебное(?) поле (5) ка[22] приусадеб[ную] целину[23], в общине Угниппа[24] обмениваются. Акаватил приусадебную целину 20 локтей длины и 8 локтей ширины (10) отдал Пуитаэ; а Пуитаэ то, чем(из) приусадебных полей Пуитаэ владеет[25], Акаватилу отдал (15). Если приусадебная целина Акаватила имеет иск, Акаватил освободит и отдаст Пуитаэ; а если целина (20) Пуитаэ имеет иск - Пуитаэ освободит и отдаст Акаватилу. Тот, кто из них нарушит (договор) - дом за[22] (25) дом отмеряет[26]. Документ этот после дворцового оглашения в городе богов у больших ворот написан.

(30) Акаватил: 'во дворе моего надела (место в) два локтя шириной, также в общине Угниппа[24], я [осво]бодил для Пуитаэ'.

---

[22] **kIma** 'подобно'.

[23] **qaqqaru paihu** см. документ № 29 с прим. 19

[24] Название общины стоит в хурритском родительном падеже(**-we**) ср. документ № 3, прим.3.

[25] **inaḫuzzi qāt-zu ša mPuitae** дословно: 'схвачено ею(!) - рука его, (а именно) Пуитаэ'. Здесь обычная ошибка писца-хуррита под влиянием разговорного, хурритского, языка: суффиксальное местоимение -**šI** передает субъект действия вместо объекта.

[26] В тексте вместо **i-ma-da-ad** ошибочно **i-ša(!)-da-ad.**

(Свидетели:) Нихрийа, Каништарри, (и др.). Рука Акийа, писца.
(Печати:) Нихрийа, Нан....., Каништарри, Акийа-писца, Пуитаэ.

50. (1652)

(1) Относительно(?) 1 имера 5 авехару посевной[27] (земли) - среди полей Акапдугги сына Мунатэ - принадлежащей Итхиштарри сыну Мулуйа (и) Таука сыну Аркапинни. (5) (?) Таука: 'для Итхиштарри мы прорыли (канал)[28], и между собою мы поклялись'. Они: 'К суду и ордалии мы не обратимся'[29].

Если Таука (10) в остальные поля Акапдугги Таука (!) вторгнется[30], (то), как полагается[31], выполнение ордалии, Таука для Итхиштарри исполнит; а если Итхиштарри поднимет иск[32] на Тауку (15) относительно 1 имера 5 авехару полей, (то) как полагается[31] выполнение ордалии Итхиштарри для Тауки исполнит.

(Свидетели:) Турари сын Пайа; .....ма сын Шамайа; Шаштвикка (?) сын Балтуйа; Тауука сын Нукутта; Нихриа сын Итхиштарри; Таука сын Арикани; Киппаррапхи - писец.

(Печати:) Таука сына Аркапинни; Таука сына Нукутта; Нихрийа ; Киппаррапхи - писца.

51.(15386)

(1) Шекайа сын ....., с Кулахуби сыном .....,обратились к правосудию перед судьями.

---

27 eqli i-na zēri.

28 3-е лицо множественного числа претерита от корня ḫr'- 'рыть (канал)' с обычной для писцов Аррапхи передачей субъекта действия через суффиксальное местоимение, выражающее в аккадском объект.

29 досл.: 'не пойдем'.

30 qrb досл.: 'приблизится'.

31 kīma zi-me-e Ср.: A.Ungnad, Babylonische Briefe aus der Zeit der Hammurapi-Dynastie (VAB), Leipzig, 1914, S.56,57; N 62, 10-15.

32 i-na arkī ṭ.abāsī.

Кулахуби: 'Документ мой для клеймления[33] (5) Упайа сына Шекайа, мне сделали и документ этот подобно моему документу[34], находится у Шекайи - я потребовал, но он не отдал'.

Судьи спросили Шекайа.

(10) Шекайа: 'Тот[35] документ, который Кулахуби для Упайа - сына моего, написал, находится у меня'.

Судьи этот самый документ у Шекайа потребовали - (15) Шекайа документ этот перед судьями принес и прочел; а Кулахуби тогда[36] к Упайа, чтобы сделать клеймо[33], (20) как Кулахуби [..... Тогда[36] [.....]Упайа .....]судьи[.....] у Шекайа .... взяли (?) и](25) для клеймления[33] .....]отдали его Кулахуби.] Упайа[.....]..

(Печати:) Акийа и др. (разбито).

Рука Акийа - сына Шу[улиши.

58.(4158)

(1) 9 (?) овец .....[37], 14 овец ....., 3 овцы ..... стриженые, 6 овец [.....] трижды стриженных, (5) 1 баран дважды стриженный, 6 баранов один раз стриженных, 2 овцы раз стриженные, 3 козы ....., 1 козел ..... (10) - всего 39 голов мелкого рогатого скота поручено Шакумше, в текущую стрижку[38].

(Печать:) Шакумше.

---

33 abbūtu 'клеймо', см.: HSS V, 35:7; 73:22; HSS IX, 12:13 (A.Saarisalo, NKDRS, S.1; ср. E.A.Speiser, AASOR, X, p.11).

34 Очевидно, речь идет о документах относительно двух последовательных сделок.

35 anina- указательное местоимение, см.: HSS V,33 (JAOS, vol. 53, № 1, 1933. Комментарии к документу № 16).

36 undu- хурритская частица, см.: IHu, p. 89 сл.

37 Текст полустёрт.

38 ša ana qāti ša Š.ina buqquni ša Irubu досл.: 'которые в распоряжении Š. - в текущую стрижку.

59. (4159)

(1) 1 бык .....[39], 6 коров перерост ков (?)[40], 2 коровы (5) прошлогодние, 3 коровы этого года, 1 бык (10) этого года - всего 13 голов крупного рогатого скота находится [у .....] ханни.

53. (8410)

(Вултешуп и Кушше вдвоем[41] передают поле некоему Шаттира(?) за 6 имеров ячменя, полученных ими в качестве подарка. Усыновители обязуются освобождать передаваемую недвижимость от вещных исков. За нарушение сделки - штраф в 2 мины серебра и 2 мины золота.

Документ составлен после объявления в воротах города.

Среди печатей оттиск Шаттира,)

63. (15379)

(1) 10 коз [.....,] 6 коз[.....,] 7 козлят[.....] - это[.....] (5) он задержал(?); 6 козлят[.....,] которые родились .....] и коз[.....] - остаток [.....] (10) сосчитал[.....] и отдал в] руки [Шакумше(?)] для [....]

(Печать:) Ша[кумше(?).]

I. (15393)

(1) /4 imēr še'i^meš ša ^mŠur-ki-/ti/l-la/ (2) ^mA-ri-pa/r-n/i/...../ ul a-/...../ (3) a-na ṣipti^ti il/-qi/ù ina

---

39 Zillunnu- хурритский эпитет.

40 ú-tu хурритский термин, см.: F.Steele, NRET p.14 (№ 34).

41 Аналогичная ситуация в документах № 33 (8374) и 35 (15358). В первом из них четверо усыновителей (?), возможно, что там идет речь о принятии в братья; в отличие от № 35, где сохранилась часть вводной формулы, указывающей, что в роли усыновителей выступают именно два контрагента.

ar/kī/ (4) ebūri^{ri} ka$_4$-du ṣipt/ti^{ti}-šu (5) šimer 20 qa še'i^{meš} a-na ^{m}Šur-ki-til-la ú-ta-ar

---

(6) 4 imēr šē'i^{meš} ša ^{m}Šur-ki-til-la (7) ^{m}Pa-i-te mār Ḫa-ma-an-na a-na ṣipti^{ti} (8) il-qi ù ina arkī ebūri^{ri} /ka$_4$/-du ṣipti^{ti}-šu (9) 5 imēr 20 qa šē'i^{meš} a-na ^{m}Šur-ki-t/il-l/a ú-<ta>-ar.

---

(10) ma-ḫi-iṣ pu-ti ša ^{m}A-ri-par-n/i ù/ (11) ša ^{m}Pa-i-te ^{m}A-ki-ia mār M/u?-...-.../...-a(?)

---

(12) 8 imēr šē'i^{meš} ša ^{m}Šur-ki-til-l/a/ (13) ^{m}Ni-iḫ-ri-til-la ù ^{m}Ti-/še-ḫi mār Še-i/ḫ-li-ia (14) a-na ṣipti^{ti} il-qi(!) ù in/a arkī/ (15) ebūri^{ri} ka$_4$-du ṣipti^{ti}-šu (16) 10 imēr 40 qa šē'i a-na ^{m}Šur-k/i-til-la ú-ta-ar-ru/ (17) ma-ḫi-iṣ pu-ti ša ^{m}Ni-/iḫ-ri-til-la/ (18) ù ša ^{m}Ti-še-ḫi ^{m}Wa-a/n-ti-.../ (19) ša ^{āl}Gn-na-m/a-ti/

---

(20) 8 imēr šē'i$^{m/eš}$ ša^{m}Šur-/i-til-la (21) ^{m}/....-...-.../-šu ù /^{m}....-/..-ri-bu-..../...../ (22) KI./MIN?/ (23) /^{m}Wa-/an-ti-i/p-šarr/i mār Ta-a-a/.../ (24) /^{m}Pu-/i-ta-e/.....-../.-ú-be/.../ (25) /...-...-/..zi.../-.....?k/i pí-i /.../ (26) /../Zi-ni /tupšarru/^{rù}

(Печати:) aban ^{m}Wa-an-ti-ip-šarri, aban ^{m}Pu-i-ta-e, aban ^{m}Zi-ni/.../.

2. (I5374)

(1) 4 imēr šē'i^{meš} ša ^{m}Šur-ki-/til-la/ (2) ^{m}A-ki-ia mār Na-ni-ia /a-na/ (3) ṣipti^{ti} il-qi ù i/na arkī/ (4) ebūri^{ri} ka$_4$-du ṣipti^{ti}/-šu x imēr šē'i^{meš}/ (5) a-na ^{m}Šur-ki-til-la /ú-ta-ar/

---

(6) 3 imēr šē'i ^{meš} ša ^{m}/Šur-ki-til-la/ (7) ^{m}Ur-ḫi-te-šup/mār ...../ (8) a-na ṣipti^{ti} i/l-qi ù ina arkī/ (9) ebūri^{ri} ka$_4$d/u ṣipti^{ti}-šu x imēr šē'i^{meš}/ (10) a-na ^{m}Šur-ki-til-/la ú-ta-ar/

(II) 8 imēr šeʾi^{meš} [ša ^{m}Šur-ki-til-la] (I2) ^{m}Ik-ki-a mā[r?... - ...] (I3) a-na ṣipti^{t}[i] il-qi ù ina arkī[] (I4) [ebūri^{ri} ka$_4$-du ṣipti^{ti}-šu x imēr šeʾi^{meš}] (I5) [a-na ^{m}Šur-ki-til-la ú-ta-ar]

(Печати:) ^{aban} ^{m}[Ú]pa-a-a, ^{aban} ^{m}Ḫu-ti-ip-ka$_4$-na-r[i], ^{aban} ^{m}E-gi-gi-[el(?)].

3. (4I57)

(I) ša 2 ma-ti 20 imēr šeʾi^{meš} (2) ša ḫubullī (3) ša dimti (4) Tu-uk-ki-til-la-we (5) dup-pa-tu$_4$ ^{m}Pá-i-še-ri (6) il-qi ù šeʾu (7) sú-pu-um-ma (8) i-pu-uš

(Печати:) ^{aban} ^{m}Pá-i-še-ri

4. (I5380)

(лиц.ст.) (I) [..... x li-mu I ma]-at 40 libnā[ti^{meš}] (2) [.....il(?)]-qi pa-na-šu [.....]-ku (3) [...]-šu [.....? t]e-e-m[a ?....]-te-e[.....] amēlūti ši-bu-ti (4) [.....]. .....[...]qi (5)in[a(?)....] arki [e]būri^{ri} [....] (6) [.....]ṣipti-šu [...x] li-mu I ma-at 40 libnāti^{meš} (7)[.. .....]^{arah}š[é-i]ḫ-li ša Zi-iz-za (8) [...]...-...a-na Zi-gi (9) [? ú-t]a-ar (I0) [.... x] li-mu I ma-at 40 libnāti^{meš} (II) [.....] mār [.....]-ga (I2) [..... (?)du]p-pí li-bi-ri (I3) [.....]...-...-ni

(оборот:) (I4) maḫar En-na-ma-ti mār Ta-[...(?)-]... (I5) [maḫar] Ar-te-šup mār Ki-ne-[n]i (I6) [maḫar T]ùk-ki-til-la mār Zi-na-a-a (I7) [qāt] Ú-na-ap-te-šup tupšarru

(Печати:) ^{aban} ^{m}Ar-te-šup, ^{aban} ^{m}Tùk-ki-til-la, ^{aban} ^{m}En-na-ma-ti, ^{aban} ^{m}Ú-na-ap-te-šup

5. (I5384)

(I) [.....]. I0 imēr[....] (2) [.....]...šu-ma ^{m}[(?).....] (3) [.....]ša i-na^{āl}Nu[-zi(?).....] (4)

[...(?)umal]lu^{ú} (5) [ma-nu-u]m-me-e i-na libbi^{bi} ..[.....] (6) [.....]ù 10 imēr še'i^{meš} a-n[a.....] (7) [.....il-]te-qí ú-ma-al-la [.....]

---

(8) [.....im]er še'i^{meš} ša il-te-qí ú(?)....[.....] (9) u[š(?).....] (10) m[a(?).....] (11) ...[.....]

6. (8395)

(оборот:) (1) [.....]ku-ú ša [.....] (2) [...ma-ḫi]iṣ pu-ti [.....] (3) [.....]-ra(?) i-na libba^{ba} [(?).....] (4) [.....]^{meš}-šu-nu ù (5) [.....]-nu-ia ap-pa-tù ù še'i^{meš} [.....] (6) [.....a]-na ṣipti^{ti} ^{m}Ak-ku-li-en-ni (7) [.....]-ia ^{m}I-in-a-bi-ta (8) [.....] ù i-na arkī ebūri^{ri} 15 imēr še'i^{meš} [.....] (9) [.....šanāti a-na ṣipti^{ti} ^{m}A-...[.....] (10) [.....i]-na arkī ebūri^{ri} 3 i[mēr.....] (11) [..... (?)šanāti a-na ṣipti^{ti} [.....] (12) [.....] ù i-na [.....] (13) [.....]na [.....]

(с лиц.ст.) (1) [.....]ta-ḫi (2) [.....] E-en-šúk-ru (3) [.... . ?A]r-te-ia.

7. (1715)

(лиц.ст.) (1) [.....?d]uk-ka$_4$ (2) [....?]-tu$_4$-we (3) [.....?] -ú-še (4) [.....]-še-en-ni (5) [...]-ri-ru (6) [.....]-ti (7) [.....]qí (8) [.....].....-ri (9) [.....]ut-túl-ta-e (10) [.....a]rkī ebūri (11) [.....?]-me (12) [.....]-lu (13) [.....] a-na amēlūti^{meš} (14) [.....]-e (15) [....am]elūti^{meš} an-nu-ti (16) [.....]-a-bi

(оборот:) (1) [.....]mār [.....] (2) [.... Pu-]ḫi-še-ni (3) [.....]qi..... (4) [.....]-ti (5) [.....] a-ši-ib (6) [.....]...-ši-pa-pu mār A-kap-še-en-ni

(Печать:) [.....]-ia

8. (15397)

(1) i[?.....] (2) 1 imē[r.....] (3) il-qì[.....]

(Печать:) aban ^{m}Úm-pí-i[a(?)], aban ^{m}Ú-pá-a[.....], aban ^{m}Pá-i-še-ri, aban ^{m}[.....].

9. (15396 + 8408)

(лиц.ст.) (1) 1 amat ša ^{m}Nu-..[.....] (2) ša ^{m}Šúr-ki-til-la[....] (3) ša ^{māt}Nu-ul-lu...[.....] (4) ma-la ú-..[.....] (5) a-na ^{m}Ḫa-....[.....] (лакуна) (6) [.....]^{m}Zi[-gi...] (7) [.....] warad ^{m}[i-gi...] (8) [.....]-mu qātē-ia a-na[.....] (9) [.....i]l-te-qú-ú ina ark[ī.....] (10) [.....ka]$_4$-du ṣipti^{ti} šē'i^{meš} (11) [..... a-]na ^{m}Tup-ki-til-la-we (12) [..... -]nu-ti ú-ta-ar-r[ū] (13) [..... a]mēlu a-na amēli (14) [.....]ma-an-nu a-ši-ib (15) [..... ú]ma-al-la

---

(оборот:) (16) [.....]....-ar-ni mār Šu-a-..[.....] (17) [..... -til]-la mār Ḫu-ti-ia...[.....] (18) [.....ka]$_4$-du ṣipti-šu ina...[.....] (19) [a-na ^{m}Tup-ki-til-la]we ú-ta-[ar]

(печать:) ^{kunuk}E-n[i-iš?-t]a ^{kunuk} Zi-gi ^{kunuk}[.....]-ur-ri [....] za(?)-...[..]

10. (15392)

(лиц.ст.) (1) lišān-šu ša ^{m}Ḫu-lu-ka$_4$ mār Š[e-iḫ-]li-ia (2) a-na pa-ni amēlūti^{meš} ši-bu-ti ki-am [iq-ta-bi] (3) i-na pa-na-nu 1 imēr eqli a-šar dīmti Ma-al-ḫa-te (4) i-na e-li-en eqli ša ^{m}Ki-pa-li-en-ni (5) i-na šu-pa-al eqli ša ^{m}Wu-ur-tù-ru-uk (6) ù a-bu-ia ^{m}Še-iḫ-li-ia (7) a-na ti$_4$-de$_4$-en-nu-ti a-na Ip-ša-ḫa-lu (8) mār Ḫa-ma-an-na at-ta-din 6 imēr šē'i (9) a-šar Ip-ša-ḫa-lu il-li-qì (10) ù i-na-an-na a-na-ku eqla ša-šu-ma (11) a-na Ip-ša-

ḫa-lu it-ta-din (I2) im-ma-ti-me-e 6 imēr ⌈šē'i⌋ (I3) ù ^{m}Ḫu-lu-uk-ka$_4$ a-n⌈a Ip-ša-ḫa-lu⌋ (I4) ú-ta-ar-ru ù ⌈eqel-šu⌋ (I5) i-liq-qi šum ⌈-ma eqlu⌋ (I6) pí-ir-ka$_4$ i⌈r-ta-ši ^{m}Ḫu-lu-uk-ka$_4$⌋ (I7) ú-za-a⌈k-ka$_4$ ù a-na Ip-ša-ḫa-lu⌋ (I8) i⌈t?-ta-din⌋

(оборот:) (I) ⌈maḫar A-⌋t⌈a-a mār.....⌋ (2) maḫar Ḫi-lu..⌈.....⌋ (3) maḫar Zi-g⌈i.....⌋ (4) maḫar Tar-mi-ia⌈.....⌋ (5) maḫar Ar-ti-ia mār Ba-al-t⌈ù-ia⌋ (6) maḫar Se-ka$_4$-a-a mār Wa-an-ti-mu-⌈šá⌋ (7) qāt Ḫa-ši-ip-te-šup mār Na-aš-wa tupšarru

(Печати:) aban$_{Se-ka_4-a-a}$, aban$_{Ḫu-lu-uk-ka_4}$, aban$_{A-ta-a}$, aban$_{Ar-ti-ia}$, aban$_{Tar-mi-ia}$, aban$_{Zi-gi}$, aban$_{Ḫu-lu-uk-ka_4}$, aban$_{Ḫi-lu}$, aban$_{Ḫa-ši-ip-te-šup}$ tu⌈pšarru⌋

II. (I539I)

(лиц.ст.) (I) ⌈dup-pí ti$_4$-⌋de-en-nu-ti (2) ⌈.....⌋ ^{m}Še-eš-wi (3) ⌈.....i-⌋na dimti (4) ⌈.....⌋a-na ti$_4$-de$_4$-en-nu-ti (5) ⌈.....⌋ It-ḫi-ip-šarri ⌈a-na⌋ (6) ⌈.....it-ta-⌋ti-in (7) ⌈^{m}It-ḫi-ip-š⌋arri a-na (8) ⌈.....i⌋mēr šē'i^{meš} 5 MA.NA ērī^{meš} (9) ⌈.....ù ⌋im-ma-ti-me-e (I0) ⌈.....⌋im-ta-lu-ú (II) ⌈I imēr šē'i⌋^{meš} 5 MA.NA ērī^{meš} (I2) ⌈a-na ^{m}⌋It-ḫi-ip-šar-ri ú-ta-ar-ma (I3) ù eqlēti ^{meš}-šu i-li-iq-qú

(оборот:) (I4) maḫar Ni-iḫ-ri-ia mār It-ḫi-ip-šarri (I5) maḫar Al-ki-ia mār Pa-a-a (I6) maḫar Um-pí-ia mār Ḫu-ti-ia (I7) maḫar Ḫu-i-te-šup mār Šúk-ri-ia (I8) maḫar En-na-pa-li mār El-ḫi-ip-šarri (I9) maḫar Še-eš-wi-ka$_4$ mār A-ki-ia (20) maḫar Še-el-la-pa mār Ḫa-lu-ut-ta (2I) maḫar Ki-pá-ar-ra-ap-ḫi tupšarru

(Печати:) kunuk ^{m}Ni-iḫ-ri-ia, kunuk ^{m}Še-el-la-pa-i, kunuk ^{m}Še-eš-wi-ka$_4$, kunuk ^{m}Kí-li-ia, kunuk ^{m}Um-pí-ia, kunuk ^{m}Ḫu-i-te-šup

12. (15390)

(лиц.ст.) (1) dup-pí ti_4-de_4-en-nu-ti ša eqli (2) ša ^{m}Ar-šu-li-ḫi mār Pu-ia (3) 1 imēr eqli i-na Pa-ak-ka-ti (4) i-na Ḫu-ul-ma-ti-ia (5) a-na ^{m}Wu-ul-lu a-na ti_4-de_4-en-nu-ti iddin^{in} (6) ù ^{m}Wu-ul-lu a-na ^{m}Ar-šu-li-ḫi (7) 5 imēr šē'i a-na ti_4-de_4-en-nu-ti-te(sic!)-ma iddin^{in} (8) ša eqli ^{m}Wu-ul-lu qaqqad-sú ú-ka-la-ab-ma (9) ^{m}Ar-šu-li-ḫé 5 imēr šē'i (10) ú-ta-ar-ma eqel-šu i-li-iq-qì

---

(11) maḫar ^{m}Ú-pa-a-a mār Ḫa-ni-ku (12) maḫar ^{m}Ut-ḫap-še mār It-ḫi-iš-ta (13) 2 amēlūti an-nu-tu$_4$ na-šal-wu-ú eqli (14) ⌈maḫar⌉ ^{m}Ma-ti-ia mār Na-ni-ia (15) ⌈qāt ^{m}..... tu⌋p-šarru

(Печати:) kunuk ^{m}Ut-ḫap-še, kunuk ^{m}Ma-ti-ia, kunuk ^{m}Ú-pa-a-a

13. (15348 + 8371)

(лиц.ст.) (1) ⌈dup-pí ti_4-de_4-en⌋-nu-ti (2) ⌈ša ^{m}Te-ḫi-it-te-šup (3) ⌈..... ù ^{m}⌋Mu-uš-te-šup (4) ⌈a-na ^{m}Ur-ḫi-te-šup .....⌋-pí-ia 1 imēr eqli KI.MIN it-t⌈a-ad -n⌋u (5) ⌈.....⌋i-na ^{āl}Ta-i-in-šu-uḫ ⌈..... ⌋ (6) ⌈..... a⌋-na ti_4-de_4-en-nu-ti ⌈.....⌋ (7) ⌈..... ^{m}Mu⌋-uš-te-šup ⌈..... ⌋ (8) ⌈.....⌋-ia ⌈.....⌋ (лакуна) (9) ⌈.....^{m}Te-ḫi⌋-it-te⌈-šup .....⌋ (10) ⌈..... ^{m}⌋ Mu-uš-te-šu⌈p ....⌋ (11) ⌈.....it-ta⌋-din im-ma-ti-me-e ⌈....⌋ (12) ⌈.....⌋...-la an-nu ša šu-ul-mu⌈-us-sú⌋ (13) ^{m}Te-ḫi-it-te-šup (14) ù ^{m}Mu-uš-te-šup (15) a-na ^{m}Ur-ḫi-te-šup (16) ú-ta-ar-ru ⌈--- --- ---⌋an-ti ⌈.....⌋ (17) ù eqel-šu ⌈... ... ...⌋

(оборот:) (18) ⌈.....⌋el (19) ⌈dup-pu an-nu i-na ar⌋kl^{ki} (20) ⌈šu-du-ti i⌋-na abulli (21) ⌈.....⌋ ša-ṭì-i⌈r⌋

14. (15357 + 8414)

(лиц.ст.) (1) dup-pí ti_4-de_4-en-nu-ti ša (2) ^{m}E-ni-iš-ta-e mār Ap(?)-te-ni (3) 2 imēr eqli i-na ^{āl}En-na-ma-ti-we (ле-

куна) (4) a-na 3 šan⌊āti ^{meš}⌋ (5) im-ma-⟨ti⟩-me-e 3 šan⌊āti ^{meš}⌋
(6) im-ta-lu-ú ^{m}E-ni-i⌊š-ta-e⌋ (7) ...-mu-....-....-....⌊....
....⌋ (лакуна)

(оборот:) (1) ir-ta-ši ^{m}E-(?)n⌊i-iš-ta-e eqel-šu⌋ (2) ú-
za-ak-ka$_4$-m⌊a a-na .....⌋ (3) ^{m}Ur-ḫi-šarri ⌊iddin⌋ (4)
šum-ma b⌊i-ri-šu-nu.....⌋ (5) a-n⌊a(?).....⌋

(Печати:) Ni-iḫ-r⌊i-.....⌋...šu-rum(?)⌊.....⌋....-a-
an⌊.....⌋ Zu-nu-te, kunuk⌊.....⌋kunuk⌊....⌋-ti-....-
ti-šarri, kunuk ^{m}Ar-ḫa-ma-an-na, aban ^{m}Ḫa-i-šúk-r⌊i(?)⌋,
aban$_{Iḫ}$-li-te-šup, aban ^{m}Tù-ra-ri

15. (15354)

(лиц.ст.) (лакуна) (1) 1 im⌊ēr.....⌋áš(?) ⌊.....⌋ (2)
1 imēr eq⌊li a-⌋-na ti$_4$-d⌊e$_4$-en-nu-ti⌋ (3) eqel⟨A⟩-i-it-t⌊a⌋-ra
(4) mār Ut-tù-li a-šar (5) ^{m}Pu-ḫi-še-en-ni mār Zi-gi (6)
a-na kál-al-ti í-wi-rù ^{āl}Ar-šá-li-be (7) il-te-qí 1 imēr
eqli ⌊a-na....⌋^{meš} (лакуна)

(оборот:) (1) ^{m}A-i-it-t⌊a-ra⌋ (2) a-na ^{m}Pu-ḫi-še-en-ni
(3) a-na-an-din (4) ^{m}⌊ ? z⌋u-du-ga(?) ^{m}A-pu-uš-ka$_4$
(5) ⌊š⌋a ^{m}Pu-ḫi-še-en-ni

(Печати:) ⌊A-pu-u⌋š-ka$_4$ ⌊A- i-it-ta-⌋ra

16. (84II)

(1) ⌊.....⌋wa⌊?.....⌋ (2) ⌊.....⌋ ^{m}Ta-ú-⌊.....⌋
(3) ⌊.....ti-⌋ da$_4$-en-nu-ti ⌊.....⌋ (4)⌊?....⌋ 5 imēr
še'i^{meš} a-na(?)⌊.....⌋ (5) ⌊.....⌋ at-ta-di-in ⌊.....⌋
(6) ⌊.....a⌋-na še'i^{meš} ⌊.....⌋

17. (15381)

(лиц.ст.) (1) dup-pí ti$_4$-de$_4$-en-nu-ti (2) ša ^{m}Šur-ki-til-
⌊la⌋ mār It-ḫa-pu (3) 3 imēr eqli ⌊i-na⌋ dIštar....⌊.....⌋
(4) ⌊i⌋-na e⌊-li-en(?).....⌋-iš ti$_4$-d⌊e$_4$-en-nu-ti....
....⌋ ša ^{m}Ut-⌊.....⌋

(Печати:) aban ^{m}Tù-ra-ri, aban ^{m}Ti-....[.....], aban ^{m}El-ḫi-ip-til-la, aban ^{m}Šur-ki-til-la, aban....[.....]

18. (I5343)

(лиц.ст.) (1) [.....^{m}]Ip-šá-ḫa-lu (2) [.....]amēlūti^{meš} (3) [.....?]-te iq-ta-bi (4) [.....]..ša ti_4-de_4-en-nu-ti [....] (5) [.....]a-a mār Ú-ru(?)-um (6) [.....a-]a-ku (7) [.....ša-]a-šu (8) [.....]...-ša-a-šu (9) [.....]ma-ri [.....] (10) [.....]dup-[(?) .....]

(оборот:) (1) [.....]-pu (2) [.....m]a-sar abulli

(Печать:) kunuk ^{m}Ut(?)-li

19. (8377)

(лиц.ст.) (1) [.....]^{meš} (2) [.....]-ar-pu (3) [... ti_4?]-de_4-en-ni (4) [.....]...-pá-la (5) [...ú-za-a]-ka_4 te-[.....]

(оборот:) (1) [.....]...-šu-uḫ (2) [.....]-wa (3) [.. ....] Zi-li-ia (4) [.....] mār Zi-ka_4-an-ta (5) [.....] tupšarru^{ru} (6) [.....]ma-an-na (7) [.....]an-nu (8) [.... .an-n]u-tu mu-[še-el-wu]

(оттиск) [.....]an-[.....]

20. (8383)

(оборот:)(1) [.....? i]s a-n[a.....] (2)[...ti_4-de_4-en-n]u-ti (3) [.....]^{m}Bal-te- [.....] (4) [.....ara]ḫ še-iḫ-li[.....] (5) [.....ú-ta]-ar-ma

21. (8398)

(1) ša....[.....] (2) i-na ú-šal-[.....] (3)^{m}Te-ḫi-it-te-šu[p.....] (4) a-na ^{m}Ur-ḫi-te[šup.....] (5) i-na-an-ti-nu..... (6) il-te-nu-tù ....[.....] (7) damqa^{ga} za-zu-.. [.....] (8) ša ki-na-aḫ-[ḫi?.....] (9) 2 am-ma-ti[š/i?.....] (10) ù ru-bu-u[š-su?..] (11) 3 am-ma-ti ..[...

..] (I2) ḫu-ul-la-a[n-nu...] (I3) a-na ti_4-de_4-e[n-nu-ti] (I4) a-na ti_4-de_4-[en-nu-ti]

22. (8388)

(I) [...]a-a i-na eqlēti^{meš} [.....] (2) [.....]-qí ni-pá-....-.....[...] (3) [.....ti_4-te_4-en-nu-ti a-na 5 (..?) SU[....] (4) [.....]a lā i-dù-ra....[.....]

23. (84I2)

(I) [.....]a-[a.....] (2) [.....]nu kaspi[?.....] (3)[.....]-ta-an$_x^{āl}$[.....] (4) [.....?]-ni im-ta-ḫa-aṣ [.....] (5) [.....]-(?)a-ri-ma i-na-an-[a.....] (6) [.....]a a-na ti_4-de_4-en-n[ù-ti] (7) [.....]iš-ta-an-...[.....] (8) [.....] 5(?) SU.....[.....] (9) [.....]-na[.....]

24. (I5638)

(I) eqlu ša [.....] (2) mār Te-ḫi-i[p-til-la...] (3) šum-ma ^{m}[.....] (4) I(?) bilti [.....] (5) ù 5 immēre ^{m}[eš..?.....] (6) [.....]mār Te-ḫi-ip-til-[la] (7) [.....?] ù eqel-šu i[?-liq-qi....] (8)[.....]..la.. [.....]

25. (8385)

(лиц.ст.) (I) [.....še'i]^{meš}-šu (2) [.....]pa(?) (3) [.....]uš (4) [...šum-ma eqlu mād lā i-na-ak-ki-]su (5) [šum-ma eqlu mīṣ lā ú]-ra-at-tu

(оборот:) (I) [.....]-te-šup na-gi_5-rù (2) [.....] En-na-ma-ti (3) [.....] Ak-ku-li-en-ni (4) [.....]ar-ku maḫar Te-ḫi-ia mār Te-e[š-šu-ia(?)] (5) [.....] Ki-li-ia mār Ak-k[ù-.....] (6) [.....]... 2 amēlūti^{meš} ša$_x^{āl}$[.. .....] (7) [.....]a-na ^{āl}Zi-i[z-za] (8) [.....]-nu-ti

26. (8372)

(лиц.ст.) (I) [.....] Ur-ḫi-te-šup m[ār?..] (2) [.... ....]-šu ša eqli ^{m}Še(?)-.....] (3) [še]-iḫ-ri-ia na-[...

.....] (4) [.....] ^{m}Ur-ḫi-te-šup..[.....] (5) [šum-ma] rabū eqlu lā i-na-[ak-kiš] (6) [šum-ma] ṣiḫru eqlu lā u-r[ad-di] (7) [.....m]a-an-nu-um-me-e i-na [.....]

(оборот:) (8) [.....] 2 aḫḫē^{meš} aš-bu (9) [.....eq]la ú-za-ak-ka$_4$ a-na ^{m}[.....] (10) [.....ma-n]u-um-me-e i-na [bi-ri-]šu-nu (11) ibbalkatu ^{tu_4} 1 MA.NA kaspi 1 MA.NA ḫurāṣi umallā[]

27. (8387)

(1) [.....]^{m}Tar-mi-til-la (2) [.....?] 6 šanāti^{meš}.ti (3) [.....] Šur-ki-til-la (4) [.....-t]i ù (5) [....] ša-a-šu (6) [.....]al šum-ma (7) [eqlu rabū lā i-na-ki]-is ù šum-ma (8) [eqlu ṣiḫru lā uraddī.....] Ipuš^{uš} (9) [šum-ma eqlu pi-ir-ka] i-ra-aš-[ši] (10) [.....ma eq]li

28. (8399)

(1) [.....] Ú-bár-še-ni mār Ta-[.....] (2) [....] Ši-il-wa-te-šup mār [.....] (3) [.....]In-ni-ka$_4$-a-a^{amēl} [.....] (4) [qāt] Zi-nimār Ki-an-[ni-pa(?)] (5) [.....]an-nu-tu ša ^{m}Šur-[ki-til-la] (6) [....] ki-me-e 5...[.....] (7) [.....E]l-ḫi-ip-šar[ri.....]

29. (1657)

(лиц.ст.) (1) dup-pí ma-ru-ti ša (2) ^{m}Ar-šu-a-aḫ Ki-en-ni-en-na (3) ù Wu-ul-lu mār Pu-ḫi-še-en-ni (4) a-na ma-ru-ti i-te-pu-uš (5) um-ma ^{m}Ar-šu-a-aḫ-ma (6) mi-nu-um-me-e eqlēti^{meš}-ia (7) i-na dimtu-ul-ma-ti-ia (8) bītāti^{meš}-ia i-na libbi^{bi} ^{āl}Ar-ra-ap-ḫé (9) mi-nu-um-me-e qa-aq-qa-ru^{meš} pa-i-ḫu (10) zitti-ia i-na ṣí-ri-ti (11) i-na ka-ad-dì-ru-ti i-na ^{āl}Ar-ra-ap-ḫé-ma (12) ki-ma zitti-šu a-na ^{m}Wu-ul-lu (13) at-ta-din ù ^{m}Wu-ul-lu (14) 1 bilāt 9 MA.NA ērī^{meš} 2 ṣēnī^{meš} (15) 4 imēr še'i^{meš} ki-ma qišti-šu (16) a-na ^{m}Ar-šu-a-aḫ iddinu^{nu} (17) um-ma ^{m}Ar-šu-a-aḫ-ma (18) mi-nu-

um-me-e eqlēti^{meš}-ia (I9) zitti-ia i-na dimit$_{Šu}$-a-ni (20) ù i-na dimit$_{Še-iḫ-li-en-ni}$ (2I) ki-ma zitti-šu

(оборот:) (22) a-na ^{m}Mu-uš-te-ia (23) mār Ki-en-ni-en-ni (24) at-ta-din mi-nu-um-me-e (25) il-ki-ia ^{m}Mu-uš-te-ia (26) na-ši ù ^{m}Wu-ul-lu lā na-ši (27) um-ma ^{m}Mu-uš-te-ia-ma (28) mi-nu-um-me-e il-ki-šu (29) ša ^{m}Ar-šu-a-aḫ ù a-na-ku na-ša-ku-mi (30) šum-ma eqlēti^{meš} bītāti^{meš} ša ^{m}Ar-šu-a-aḫ pirka irtaši (3I) ù ^{m}Mu-uš-te-ia ù-za-ak-ka$_4$-ma (32) a-na ^{m}Wu-ul-lu i-na-an-din (33) ma-an-nu-um-me-e i-na bi-ri-šu-nu (34) ša ibbalkattu^{tu} I MA.NA kaspi (35) I MA.NA ḫurāṣi ù-ma-al-la

(36) maḫar Ḫa-na-a-a [.....]en (37) maḫar Ḫu-lu-uk-[ka$_4$ mār Ki]-en-ni-en-na (38) maḫar Túl-pí-i[a(?)mār Ki-in-]nu-zi (39) maḫar Ut-túl-p[í-e mār .....]at? (40) maḫar Pa-i-šar[ri mār.....] (4I) maḫar Ta-al-ta-e mār En-na-a-a (42) maḫar Ak-ku-li-en-ni mār Ša-at-la-am-pí (43) maḫar Šúk-ri-ia mār Pa-a-a (44) tupšarru^{rum} 7 amēlūti^{meš} an-nu-ti (45) ši-bu-ti na-ti-na-nu(!) ša kaspi.

(Печати:) aban ^{m}Ḫu-lu-uk-ka$_4$, aban ^{m}Túl-pí-ia, aban ^{m}Pa-i-šarri, aban ^{m}Ar-šu-a-aḫ, aban ^{m}Ḫa-na-a-a, aban ^{m}Ut-túl-pí, aban ^{m}Ta-al-ta-e bēl eqli.

30. (I5368)

(ЛИЦ.СТ.) (I) dup-pí ma-ru-ti ša ^{m}E-šúk-r[i.....] (2) [^{m}]Zi-gi mār Šur-ki-til-la a-na m[a-ru-ti Ipuš] (3) [...] imēr I GIS$_{awe}$ari eqli i-na [.....] (4) [.....] ^{āl}Túr-šá i-na šu-pa-[a.....] (5) [i-n]a e-li-en eqli ša ^{m}A-ri-[.....] (6) [.....]-GUŠ.KIN^{na} ki-ma zi[tti.....] (7) [.....]Zi-gi 3 imēr 50[qa] (8) [.....]qīšti-šu a-na ^{m}E-[.....] (9) [..... pí-ir-]ka ir-ta-ši ^{m}E-[.....] (I0) [..... ...] Zi-gi i-na-an-[din il-ki] (II) [ša eqli ^{m}E-]šúk-<ri> na-ši ^{m}[Zi-gi lā na-ši] (I2) [ma-nu-]um-me-e i-na [bi-ri-

šu-nu ibbalkatu[(13) [I MA.NA] kaspi I MA.NA [ḫurāṣi umal-lā] (14) [.....]ma-ru-ti-ma [.....] (15) [.....] mār Šur-ki[til-la.....] (16) [.....] i-n[a.....] (лакуна)

(оборот:) (1) [.....]ki...[.....] (2) [..... du]-pu an-nu-[.....] (3) [.....] abulli...[.....] (4) [.....].-ni mār A-bal-(?)[.....] (5) [.....]-iš-ta-e mār Bi-[.....] (6) [.....] mār A-gi-gi-el-l[I?] (7) [.....]-a-an-ta mār Ḫa-ip-šarri (8) [.....]-li-ia mār Ki-wi-ia (9) [amēlū]ti^{meš} eqlēti^{meš} mu-šal-wu-ú-šu (10) [...]-na qāt ^{m}Zi-gi im-ta-šar

(Печати:) aban[A-kip]-ta-še-en-ni tupšarru mār Šuk-ri-ia. aban ^{m}Pu-ḫi-šḫ?-en-ni]

30^{a}. (8403)

(лиц.ст.) (1) [..... Ar-t]e-e-a (2) [.....eq]li ki-ma zitti-š[u] (3) [.....]qì 3 imēr še'i 50 qa (4) [.....] a-na ^{m}Ar-te-e-a (5) [.....] Ar-te-e-a u[.] (6) [.....]eqli (7) [.....]pí-ir-ka ir-ta-[ši

(оборот:) (1) [.....]ú (2) [.....]ḫa-a-a (3) [..... eq]li-ia

31. (15387)

(лиц.ст.) (1) dup-pí ma-r[u-ti.....] (2) mār Tu-r[a-ri.....] (3) ^{m}Ḫa-na-[.....] (4) ^{m}Šur-k[i-til-la.....] (5) a-na ma-r[u-ti Ipuš.....] (6) 5 ^{GIS}[we-ḫari.....] (7) ḫarrānu^{nu}....[.....] (8) i-na [..... .....] (9) i-na...[.....] (10) ù m[a?-.....] (11) ki-m[a.....] (12) ù ^{m}[.....] (13) ^{m}...[.....] (14) ù [.....]

(оборот:) (1) mār ^{m}Ḫa[l?-.....] (2) maḫar Ḫa-n[a-.....] (3) maḫar Gi-... [.....] (4) maḫar Pá-i-[.....] (5) maḫar Mu-uš-[.....] (6) maḫar Ur-ḫi-ia [.....] (7) maḫar Tup-ki-t[il-la] (8) maḫar Tar-mi-t[e-šup] (9) maḫar ^{d}Nabū-il[i .....] (10) qāt ^{d}Sin-na-d[in?] (11) an-nu-tu$_{4}$ amē[lūtu...

..] (I2) eqla i-na šep[e.....] (I3) še'i^{meš} ku-ni-šg[....
..] (I4) i-na qātē^{meš}-šu...[...]

(Печати:) aban ^{m}Mu-uš-..[.....], aban[H]a-na-a-a, aban ^{m}Tup-[ki-til-la], aban[.....]-ar-ni, aban ^{m}Te-ḫi-ip-til-la, aban ^{m}It-ḫi-ip-šarri, aban ^{m}Tup-ki-ia.

32. (I5394)

(лиц.ст.) (I) dup-pí ma-ru-ti (2) ša ^{m}A-ki-ia mār Tu-ra-ri (3) ^{m}Wu-ul-lu mār Pu-ḫi-še-en-ni (4) a-na ma-ru-ti i-pu-uš (5) 7 aweḫari eqli i-na li-it eqli (6) ḫa-ar-..... ša li-it [.....] (7) ^{m}A-ki-ia a-na ^{m}Wu-ul-lu (8) ki-ma zitti-[šu] it-ti-na-aš-šu] (9) ù ^{m}Wu[-ul-lu ki]-ma (I0) qišti-šu I2 MA.NA ..[...] (II) it-ti-na-aš-šu (I2) ma-an-nu ša ibbalkatu^{tu}4 [..] (I3) I MA.NA kaspi I MA.NA [ḫurāṣi](I4) ú-ma-al-la

(оборот:) (I5) šum-ma eqlu pá-qi-[a-na] (I6) ir-ta-ši ù ^{m}A-k[i-ia] (I7) ú-za-ak-ka$_4$

(I8) [maḫar A-]ri-ḫar-me-[e?] (I9) [maḫar^{m}...]pa(?)-ta-šup [.....] (20) maḫar Ar-šu-li-ḫ[é.....] (2I) maḫar Ḫu-lu-uk-ka (22) mār Ki-en-ni-en-na (23) maḫar Ar-te-šup tupšarru

(Печати:) kunuk ^{m}A-ki-ia, kunuk ^{m}A-ri-ḫar-be, kunuk ^{m}tupšarru.

33. (8374)

(лиц.ст.)(I) k[i.....] (2) ^{m}Ri[-.....] (3) iddina^{na} [.....] (4) 4 amēlūti^{me} an-[nu-ti.....] (5) a-na ^{m}Ur-ḫi-te-šup[...]an-[.....] (6) ša eqli an-ni-ú ^{m}Te-ḫi-i[a(?) il-ki] (7) ^{m}A-ri-iḫ-ḫa-ma-an-na[na-ši] (8) ù ^{m}Ur-ḫi-te-šup lā [na-ši] (9) ma-an-nu-um-me-e i-n[a...] (I0) 4 amēlūti^{meš} an-nu-ti [.....]... (II) ù eqla ú-za-ak-ka$_4$-m[a.....]

34. (8380)

(лиц.ст.) (I) [dup-]pí ma-ru-ti ša..[.....] (2) mār Ip-ša-ḫa-[ú?...] (3) ú-sap ḫa-[.....] (4) ma-ru-[.....]

(5) 2 M[A.NA?...] (6) a-na[.....] (7) ḫ[a-.....]

(оборот:) (1) mar N[u?.....] (2) a-na....[.....]

35. (15358)

(1) dup-pí ma-ru-t[i.....] (2) mār Ḫi-ik-ru [.....] (3) ša ^{m}A-ri-ma-a[t-ka.....] (4) 2 amēlūti^{meš} an-na[-ti.....] (5) ^{m}Zi-li-ia mā[r.....] (6) a-n[a ma-ru-ti īpušu] (7) ^{m}A-[.....]

(печати:) ^{aban}...[.....], [aban]^{m}Še-el-wa-a-a, [bêl(?)] eqli ^{m}Ša-aḫi-rabī, [.....]mār A-da-aš-ši

36. (15376)

(лиц.ст.) (1) [.....] SU anaki^{meš} (2) [.....-/ri (3) [.....] 30 immāre^{meš}

(оборот:) (1) [.....]..-pa mār...[.....] (2) [.....] Ḫa-ši-ip-til-la mā[r.....] (3) [.....]Ta-i-ka$_4$ tupšarru [.....] (4) [..... an-nu]-tu$_4$ amēlūtu^{me} šibūtu (5) [..... na-]ti-na-nu ša anaki^{meš}

(Печати:) ^{aban} ^{m}Še-el-[.....].., ^{aban}E[(?)-.....],[aban m.. ..-]a-a, ^{aban} ^{m}Um-[.....], [aban ^{m}Iḫ-]$_{\downarrow}$ li-pa-pu

37. (15373)

(лиц.ст.) (1) [dup-pí m]a-ru-ti ša (2) [.....]mār Ḫa-na-a-a (3) [.....] mār Te-ḫi-ip-til-la (4) [..... ..b]i-ri-šu-nu (5) [.....]eqli i-na e-li-nu (6) [..... ...]-ia i-na pa-ni (7) [..... Ḫa]-na-a-a (8) [.....] bît ku-pá-a-tum...[.....] (9) [.....]iddin^{in} (10) [.. .....]a-na aš-gi(11).[i-l]i-iq-qi (12) [.....?] ù (13) [.....-]iš-še (14) [.....]Wa-an-ti-iš-še (15) [.....] ^{m}Wa-[.....]

(оборот:) (1) [.....-p]a-pu (2) [.....-]a (3) [.....]... mār (4) [.....-]an-na (5) [.....^{m}Iḫ(?)-l]i-pá-pu (6) [.... ....? m]ār A-ri-pá-ap-ni (7) [.....]tupšarru^{ru} (8) [..... ...]ša ^{āl}Zi-iz-za (9) [.....]-an-ni-pu (10) [.....-] bi [.....] (11) [.....]a-bi-ia[.....] a-na(?)[.....](12)

38. (8367)

(лиц.ст.) (1) [...]...-... ki-ma[...] (2) [...]qí-ma [...] (3) [...]na ^{m}Tù-ra-ar-te[-šup...] (4) [...]...-mi ù ^{m}Tù-r[a-ar-te-šup] (5)[...]?i[l-ki ša ^{m}Pu-ḫi-še-en[-ni ma-ší] (6) [...] 1 imēr šē'i^{meš} i-na w[ū(?)-.....] (7) [...i-ša-a]s-sí ù [.....]

(оборот:) (1) [.....]i-na[.....] (2) [.....] Pu-ḫi-še-en-ni....] (3) [.....]ù ...[.....]

[.....]Ḫu-ti-ia mār ..... (13) [....] Ú-pá-te-eš-šup māru ar-ku (14) [.....?4] awēlūtu^{meš} ši-bu-tu$_4$ šā^{āl}Nu-zi (15) [.....an]-nu-tù amēlūtu^{meš} eqlēti^{me} KI.BA.AL.LU-ma (16) [.....mu]-še-el-mu-ú

(Печати:) aban ^{m}Tup-ki-til-la, aban ^{m}Ú-pa-te-eš-šup, aban ^{m}Wa-an-ti-še, aban ^{m}Zi-ni, aban ^{m}Ḫu-ti-ia.

39. (8397)

(лиц.ст.) (1) [.....]ša (2) [....] An-nu-ki-en-[ni...] (3) [.....]-a mārāt[.....] (4)[....]ab-bu-[.....] (5) [....]ina ^{āl}...-[.....] (6) [.....]bītu ša ^{m}A-r[i?... ...] (7) [.....] GIŠ$_{kiru}$ ša ^{m}[.....] (8)[.....]na šal-ša la-a[....] (9) [.....]a-a ki-ma qīšt[i... ...] (10) [?mār]āt 3 MA.NA. [.....] (11) [.....]i-din šum-ma [.....] (12) [....]ṣab-....-an bīt[i?.....] (13) [... ....]a i-na-an-n[a] (14) [....]ù lā i[-.....].

40. (8401)

(1) [.....i-t]e-pu[uš...] (2) [....]imēr eqli[..... ..] (3) Ta-i-še-ni mā[r?.....] (4) ša ^{m}Še-el-[.....] (5) ù i-na ^{āl}[?.....] (6) a-na ^{f}Ša[-la-...-.....] (7) ^{f}Ša-la-..[.....] (8) ki-ma qīš[ti .....] (9) it-ta-di[n .....] (10) ^{m}Ḫu-še-e[n?-.....] (11) ^{f}Ša-la[.....]

41. (8415)

(1) [.....]ma[....] (2) [.....]-til-[.....] (3) [... .....] zitti[-.....] (4) [.....]sí...[....] (5) [.....

MA.NA kaspi (6) [.....ú-ma-al-la.....] (7) [.....]-šu tu$_4$[.....] (10) [.....]il-kí na-š[i?...] (11)[.....]ul ta-n[a(?).....]

42. (15344)

(1) [.....]li-ik-ti (2) [.....]ú (3) [.....]ti-ḫi il-te-ku-ú (4) [.....]...-...-pa-aš-ḫi (5) [.....]ql i-na ^{ā}Tur$_4$-ri (6) [.....]pa-a-a il-te-ql (7) [.....]a-an-zu (8) [.....]....i-te-pu-uš (9) [.....]a-ḫi-ra-nu (10) [.....(?)]a-šar-we il-te-ql (11) [.....]-ni ša āli (12) [.....]..-ql (13) [.....]-li[....]...nu-.....-...-,, (14) [....]....-....-....il-kí (15) [.....]zi-gi (16) [.....]... ..ut-te-ir

43. (15616 + 8392)

(1) [.....A (?)-r]i-ma-at-kal$_4$ mār.....] (2) [..... Ta(?)]-an-ki-ia mā[r.....] (3) [....-(?)r]a-a-pu mār Ki-...-. [.....] (4) [.....]gi mār A-gi-...-.[.....] (5) [.....] an-nu-tu ^{m}Zi-...[.....] (6) [....]-ú a-na ma-ru-[ti Ipuš] (7) [.....] imēr eql[i...].

44. (15350)

(1) A-ri[-iḫ(?).....] (2) a-na še-[.....] (3) ^{m}Šur-ki-til-[la.....] (4) ú-še-ri-[.....] (5) ši-ip-[....] (6) i-pu-uš [.....] (7) BAL^{tù}[.....] (8) i-pa-la-a[ḫ?.....] (9) ^{m}Šur-ki-til-[a.....] (10) a-šar ^{m}Ha-[.....] (11) ^{m}A-ri-i[ḫ?.....]

(оттиск печати) tupšarri^{ri}

45. (15377)

(1) [.....]-uš-š[e.....] (2) [.....] ^{m}Še-ḫal-[.....] (3) [.....]ḫé a-na mār[tūti.....] (4) [.....]^{f} I[r-ra-šu mārāt[.....] il-te-ql ù i-na-an-n[a...] (5) [..... it-ta-]din 10 SU kaspi.....te[...] (6) [.....]...-šu uš-te-[.....] (7) [.....]mārtūti^{ti} [.....]ul i-ša-[as-sí (8)

[.....i]t-ta-din...[.....] (9) [.....id]-din-šu (10) šum-m[a i-ša-as]-si[?.....] (11)pí-i[r-ka ir-ta-ši ù] ^{m}Še[-ḫal-....] (12) ú-za-[ak-ka$_4$] (13) ^{f}I-r[a-šu(?) i-n]a-an-[din (?)....] (14) ù ^{f}I-ra-šu mār[āt... ....] (15) ú-lum šum-ma lā [.....] (16) a-na aššā[ti iddin (?)]

(оборот:) (1) ša....[.....] (2) maḫar Ḫu-ti-i[g?.....] (3) maḫar Ú-[uš-šu-ka$_4$] (4) maḫar Te-eš-šu-[ia ?.....](5) maḫar Ḫu-ra-az-z[i.....] (6) mār Ku-pí-ia[.....] (7) maḫar In-ta-ra[.....] (8) maḫar Ša-kum[še-ni] (9) maḫar Ar-zi[.....] (10) qāt ^{m}Zi-l[i-ia] (11) maḫar Ša-a[r(?)-.....] (12) maḫar Ta-e mār[.....]

(Печати:) aban Ša-kum-še-ni, aban Ḫu-ra-az-zi, aban Ú-uš-šu-ka$_4$, aban Zi-li-ia

46. (I5389)

(лиц.ст.) (1) a-ḫa-tù-ti a-na ia-[.....] (2) ù a-na-ku 30 MA.NA an[ki...] (3) a-šar ^{m}Zi-lip-til-la ^{f}...[.....] (4) a-na ma-ḫi-iṣ pu-ti [(?)-.....] (5)[....?-ḫu-uḫ-ḫé (?) mā[.....]

(оборот:) (1) [.....]-ti (2) [.....]-pí-ia mār Ar-p[u-...-....] (3) maḫar Ir-wi-šarri mār Súk-ri-ia-m[a?] (4) maḫar Nu-ul-lu mār Ḫa-na-tù-ši-ni-i[m(?)] (5) maḫar Ḫé-ir-ši mār Ša-ši-wa-til (6) maḫar ^{d}Sin-šadū-ni tupšarru mār A-mur-še[rri]

(Печати:) aban ^{m}Te-ḫi(?)-....], [aban ^{m}.....]-lu, aban[.....], aban Ku-..[.....]

47. (I5346)

(лиц.ст.) (1) um-ma ^{f}...[.....] (2) mārāt ^{m}...[.....] (3) ^{m}Šur-ki-ti[-la....] (4) a-ḫa-ti š[a(?).....] (5) i-te-p[u-uš...] (6) ^{m}Súk-[ri.....] (7) a-na 5 [(?).....] (8) ina arḫi[bi(?).....] (9) a-na [.....] (10) ù[.....]

(оборот:) (1) maḫar ⌈.....⌋ (2) maḫar.....⌈.....⌋

(Печати:) kunuk ^{m}A-be-....⌈.....⌋, kunuk ^{m}Al-ki-ia(?), ⌈kunuk⌋ ^{m}It-ḫi-⌈.....⌋, kunuk ^{m}Ḫa-na-ak-ka$_4$, ⌈kunuk⌋ ^{m}Bal-te-e.

48. (15342)

(лиц.ст.) (1) dup-pí ri-ik-⌈a-ti ...⌋ (2) ⌈.....-⌋an-na

(оборот:) (1) maḫar ⌈.....⌋ (2) maḫar...⌈.....⌋ (3) maḫar Ip-⌈.....⌋ (4) maḫar Ur-⌈.....⌋ (5) maḫar Ši-mi ⌈-ka$_4$-ri⌋ (6) maḫar A-ri-ip⌈-.....⌋

(Печати:) aban ^{m}Ši-mi-ka$_4$-ri, aban$_{Zi-li-pa-pu}$, aban$_{tupšarru^{ri}}$

49. (1658)

(лиц.ст.) (1) dup-pí šu-pè-ul-ti ša (2) ^{m}A-ka$_4$-wa-til mār Wu-ul-lu (3) ù ša ^{m}Pu-i-ta-e mār Iḫ-li-pa-⌈pu⌋ (4) i-na bi-ri-šu-nu eqlu pa-i-ḫu (5) ki-ma qaqqarī^{meš} pa-i-ḫu-ma i-na dīmti (6) Ug-ni-ip-pa-we uš-pè-i-lu-ú (7) ù ^{m}A-ka-wa-til qa-aq-qa-ru pa-i-⌈ḫu⌋ (8) 20 i-na am-ma-ti mu-ru-uk-šu (9) 8 i-na am-ma-ti ru-pu-uz-zu-nu (10) a-na ^{m}Pu-i-ta-e it-ta-din (11) ù ^{m}Pu-i-ta-e mi-nu-um-me-e (12) eqlēti^{me} pa-i-ḫu i-na-ḫu-uz-zi (13) qāt-zu ša ^{m}Pu-i-ta-e (14) a-na ^{m}A-ka$_4$-wa-til it-ta-din (15) šum-ma qa-aq-qa-ru pa-i-ḫu (16) ša ^{m}A-ka-wa-til pí-ir-ka$_4$ (17) ir-ta-ši ⌈...⌋ ^{m}A-ka-wa-til (18) ú-za-ak-ka$_4$-ma a-na ^{m}Pu-i-ta-e (19) i-na-an-din ù šum-ma qa-aq-qa-ru (20) ša ^{m}Pu-i-ta-e pí-ir-ka$_4$ (21) ir-ta-ši ^{m}Pu-i-ta-e (22) ú-za-ak-ka$_4$-ma a-na ^{m}A-ka-wa-til

(низ:) (23) i-na-an-din ma-nu-um-me-e (24) i-na bi-ri-šu-nu ša ibbalkatu^{tu} (25) bītu ki-ma bīti-ma i-ma(!)-ad-dá-ad

(оборот:) (26) dup-pu an-nu-ti i-na arkī^{ki} (27) šu-du-ti ša ēkalli (28) i-na āl-ilāni^{meš} a-šar abulli rabī (29) ša-ṭ̀l-ir

(30) um-ma ^{m}A-ka-wa-til-ma (31) i-na tar-bá-ṣí zitti-ia (32) 2 i-na am-ma-ti ru-pu-uz-zu (33) i-na dīmti Ug-ni-ip-pa-we-ma (34) a-na ^{m}Pu-i-ta-[e un-te-]eš-ši-ir

---

(35) maḫar Ni-iḫ-ri-i[a .....] (36) maḫar Ka$_4$-ni-ša[r-ri.....] (37) maḫar Ba-ar-[.....] (38) maḫar [.....] (39) maḫar Na-an-[....] (40) qāt ^{m}A-k[i-.....]

(Печати:) aban ^{m}Ni-i[ḫ-ri-ia], aban ^{m}Na-an-[....], aban ^{m}Ka-ni-...-....., aban ^{m}A-ki-ia tupšarru, aban ^{m}Pu-i-ta-e

50. (1652)

(лиц.ст.) (1) [1 imē] 5 ^{GIŠ}aweḫāri^{meš} eqli[i-n]a zēri (2) [libbi]^{bi} eqlēti^{meš} ša ^{m}A-kap-dug-gi mār Mu-na-te (3) ša[^{m}It-]ḫi-ip-šarri mār Mu-lu-ú-ia (4) [ù ^{m}Ta-]ú-ka$_4$ mār Ar-kà-pí-in-ni (5) [....] um-ma ^{m}Ta-ú-ka$_4$-ma (6) a-na ^{m}It-[ḫi-ip]-šarri iḫ-ri-ú-ni-nu-mi (7) ù i-na[bi-ri]-ni ni-it-ta-ta-am-am-mi (8) um-ma šu-nu-ma a-na di-ni ù a-na ḫur-ša-an (9) la ni-la-ak-mi šum-ma ^{m}Ta-ú-ka$_4$ (10) i-na ri-e-ḫé-ti eqlēti^{meš} ša ^{m}A-kap-dug-gi (11) ^{m}Ta-ú-ka$_4$ i-qì-ri-ib ki-i-m[a zi-mi]-e (12) mu-ul-lu-ú ša ḫur-ša-an ^{m}Ta-[ú-ka]$_4$ (13) a-[na ^{m}]It-ḫi-ip-šarri ú-ma-al ù šum-ma (14) [It-]ḫi-ip-<šarri> i-na ar-ki ^{m}Ta-ú-ka$_4$ (15) [aš]-šu-um 1 imēr 5 ^{GIŠ}aweḫāri eqlēti^{meš} i-ša-sí ki-i-ma zi-mi-e (16) [m]u-ul-lu-ú[š]a ḫur-ša-an ^{m}It-ḫi-ip-šarri (17) a-na [^{m}T]a-ú-ka$_4$ ú-ma-al-la

---

(оборот:) (18) [maḫar Tu-ra-]i mār Pa-a-a (19) [maḫar.....]-ma mār Ša-ma-a-a (20) [maḫar Šeš(?)]-wi-ik-ka$_4$ mār Ba-al-tu-ia (21) [maḫar Ta-]ú-ka$_4$ mār Nu-kut-ta (22) [maḫar Ni-]iḫ-ri-ia mār It-ḫi-ip-šarri (23) maḫar Ta-ú-ka$_4$ mār A-ri-ka$_4$-ni (24) maḫar Ki-pa-ar-ra-ap-ḫi tupšarru^{ru}

(Печати:) kunuk ^{m}Ta-ú-ka$_4$ mār Ar-ka$_4$-pí-in-ni, kunuk ^{m}Ta-ú-ka$_4$ mār Nu-kut-ta, kunuk ^{m}[Ni-]iḫ-ri-[ia], kunuk ^{m}Ki-pa-ar-ra-ap-ḫi tupšarru.

51. (I5386)

(I) [m]Še-ka$_4$-a-a mār.....it-ti [m]Ku-la-ḫu-bi mār..... ... (2) i-na di-ni a-na pa-ni daḫiānī[meš] (3) i-te-lu-ma um-ma Ku-la-ḫu-bi (4) ...dup-pí-ia a-na ab-bu-tú(?) (5) a-na [m]Ú-pá-a-a mār Še-ka$_4$-a-a (6) [i]-pu-ša-an-ni-mi ù dup-pu [ša-a-šu-nu(?) (7) ki-ma (?)]dup-pí-ia a-na [m]Še-ka$_4$-a-a a-ši-[ib] (8) [ù]e-ir-ri-iš-ma-mi ù lā i-na-a[n-din] (9) [ù] daḫiānū[meš] [m]Še-ka$_4$-a-a iš-ta-lu-uš (I0) [umma] [m]Še-ka$_4$-a-àma a-ni-na (II) [dup-pá(?) š]a [m]Ku-la-ḫu-bi a-na [m]Ú-pá-a-a (I2) māri-ia [i]-il-ṭù-ru a-na maḫ-ri-ia (I3) a-ši-ib [ù] daḫiānū[meš] dup-pu ša-a-šu-nu (I4) a-šar [m]Še-ka$_4$-a-a i-te-ir-šu ù (I5) [m]Še-ka$_4$-a-a dup-pu ša-a-šu-nu (I6) a-na pa-ni daḫiānī[meš] uš-te-li (I7) ù il-ta-si ù [m]Ku-la-ḫu-bi (I8) [ú]-un-du-ú a-na [m]Ú-pa-a-a (I9) a-na ab-bu-ti i-te-pu-uš (20) ki-me-e [m]Ku-la-ḫu-bi [.....] (2I) [ú-]un-du-ú a-[na.....] (22) [...][m]Ú-pá-[a-a(?)..... .....] (23) [ù]daḫiānū[meš] [..... .....] (24) [a]-šar [m]Še-ka$_4$-[a-a..... ..] (25) a-na ab-bu-[ti a-na [m]Ku-la-ḫ]u-bi (26) it-ta-ad-[di-nu-uš] (27) [m]Ú-pá-a-a [.....].....

(Печати:) aban [m]A-ki-ia, [aban m....(?) a]-šarri, aban [m]Šú-g[i(?)....], [.....] mār...-...-še-e[n-ni (?)], qāt [m]A-ki-ia mār Šu[mu-li]-ši

52. (I537I)

(лиц.ст.) (I) ù ...[.....] (2) šarru [.....] (3) um-ma [m][.....] (4) ɪ amti-i[a?] (5) [m]Tar-mi-ti[-la] (6) ɪ warad-...[...] (7) iš-tu$_4$te[(?)-.....]ša [.....] (8) [m]Tar-mi-til-la a-n[a.....] (9) ú-ka$_4$-al 2 a[mēlūti(?).....]

(I0) [m]Tar-mi-til-la a-n[a .....] (II) ú-ka$_4$-al-šu-nu-t[i(?) ..] (I2) lā i-na-an-din-šu-[.....] (I3) i-na eqlēti[meš]-ia i-n[a.....] (I4) za-az bīte^{e}-a a-[.....] (I5) alpē[meš]

-ia a-ng[.....] (16) tibnē^{meš}-ia [.....] (17) a-na(?)[.....]

(оборот:) (1) [.....-]ar? [.....] (2) [.....il(?)-]ki a-na [.....]

---

(3) mi-nu-um-me-e [.....] (4) za-ri-a-an-nu iš-[.....] (5) ^{al}Bi-za-tum ša-ši[?.....] (6) ^{m}Tar-mi-til-la iš-[.....] (7) uš-te-sí-ma...[.....] (8) e-ir-ri-iš-m[a.....] (9) i-na šatti^{ti} ù [.....] (10) ša lim-nu-su iš-[.....] (11) bīti^{ti} na-a[k-mi?...] (12) lā ú-ta-a[r.....] (13) i-na-an-na a[.....] (14) ri-šu-te....[.....] (15) [i]t-ti [.....] (16) [.....]nu[.....]

53. (8410)

(лиц.ст.) (1) [....]-te-ma Wu-u[l-te-šup.....] (2) ša ^{m}Ša-at-ti-ra [.....] (3)a-na ^{m}Ur-ḫi-te-šup mār [.....] (4) un-ta-eš-ši-ir-š[u?.....] (5) ù 6 imēr šē'i^{meš}[.....ki-ma] (6) qišti-ia a-šar [.....] (7) el-te-q[l[.....] (8) ^{m}Wu-ul-te-šup [.....] (9) ù ^{m}Ku-uš-še [.....](10) šum-ma eqlēti^{meš} ù...[.....] (11) ša pi-i dup-pí an-n[i .....] (12) pa-ki-ra-na ir-t[a-ši ^{m}Wu-ul-te-šup ù.....] (13) ^{m}Ku-uš-še ú-za-a[k-ka$_4$.....] (14) ù a-na ^{m}Ur-ḫi-te-šu[p.....] (15) i-na-an-ti-šu-nu [.....]

(оборот:) (16) ša ibbalkatu^{tù} 2 MA.[ÑA kaspi.....] (17) 2 MA.ÑA ḫurāṣi [ú-ma-al-lu] (18) dup-pu an-nu [i-na arkī^{ki}] (19) šu-du-ti [i-na bāb abulli] (20) ša ^{āl}[.....ša-ṭi-ir]

---

(21) maḫar A-[.....]

(сбоку:) kunuk ^{m}Š[a-at-ti-ra]

54. (8368)

(1) [.....] ^{m}Šūmu-l[b-ši?.....] (2) Tú-ra-ri mā[r?.....] ^{m}Tu-šu-ia (3) [.....]ù daiiānī^{meš} (4) [.....i]š-ta-lu-uš (5) [.....t]u-ra-ri (6) [.....iq-]ta-bi (7) [.....un-te-]eš-ši-ir (8) [..... (?) Tu-re]-ri

55. (I534I)

(I) ^{m}[.....] (2) ^{m}..[.....] (3) ^{m}A-[.....] (4) ^{m}Ak-[.....] (5) ^{m}A-ri-[.....] (6) ^{m}Šûk-ri-[.....] (7) ^{m}A-kap-ni-[.....] (8) I0 amēlūti^{meš} an-[nu-ti.....] (9) a-na daḫānī^{meš}... [.....] (I0) ù iq-ta-bu-[.....] (II) ša ^{m}Ta-a-a-šarri (I2) ù I6 imēr eqli [.....] (I3) ù daḫānī^{meš} [.....] (I4) a-na ^{m}Ḫa-ši-ib-[til-la] (I5) iq-ta-bu-ú [.....] (I6) am-mi-ni I6 imē[r eqli] (I7) ša ^{m}Ta-a-a-šar[ri.....] (I8) a-šar i[(?)-.....] (I9) ša al[-.....] (20) um-ma[.....]

(Печать:) kunuk ^{m}[.....]

56. (8394+84I3)

(I) [.....]ni a-na pa-[.....] (2) [.....?] II immēre-šu um-ma [.....] (3) [.....]^{meš}-ia a-na ^{m}B[a ? .....] (4) [..... it]ta-din ù[.....] (5) [.....da]ḫānī^{meš} ^{m}Šûk-r[a-.....] (6) [.....? I]I immēre^{meš}-šu ša ^{m}[.....] (7) [.....]ir-da-pu-zu [.....] (8) [.....].....-a um-ma.....[.....] (9) [.....?ḫ]u-ra-pu immēre^{meš}[.....] (I0) [.....]ma an-ni... [.....] (II) [.....] amēl UR.PA. a[r-.....] (I2) [.....]....-šu ša ^{m}....[.....] (I3) [.....]ni daḫānū ....[.....] (I4) [.....]...a[r-.....]

57. (8400)

(ЛИЦ.СТ.) (I) [..... Šur-ki-t]il-la (2) [...../]-ti mār Ar-ta-am-na (3) [.....daḫānī^{meš} ša ^{āl}Nu-zi (4) [...um-]ma ^{m}Zi-gi-ma [...] (5) [...../].-a at-ti-d[in?] (6) [...../i-a-am aq-q[i?] (7) [...../]ša i-mu-tú...[...../] (8) [...../]ù a-na pa-ni[.....] (9) [.....a]-nu-ti-mi šum-ma [.....] (I0) [...]-na pa-ni-ia ku-[.....] (II) [.....]lā aš-ba-ku-mi[.....] (I2) [.....]i-na-a[n?-...]

(оборот:) [.....]-gi

(Печать:) [.....tu]šarru^{rú}

58. (4I58)

(I) 9 (?) immēr$\check{e}^{me\check{s}}$..... (2) I4(?) immēr$\check{e}^{me\check{s}}$..... ...-ma (3) 3 immēr$\check{e}^{me\check{s}}$ [$\check{s}$a]....-.... bá-ak-na-tu$_4$ (4) 6 immēr$\check{e}^{me\check{s}}$ [..... $\check{s}$a(?)] 3 bá-ak-na-tu$_4$ (5) I immēr$^{NITA\check{H}}$ $\check{s}$a 2 bá-ak-nu (6) 6 immēr$\check{e}^{NITA\check{H}}$ $\check{s}$a I bá-ak-na-tu$_4$ (7) 2 immēr$\check{e}^{SAL}$ $\check{s}$a I bá-ak-na-tu$_4$ (8) 3 ka$_4$-lu-mu^{SAL} $\check{s}$a za-ri-pu (9) I ka$_4$-lu-mu$^{NITA\check{H}}$ KI.MIN (I0) napḫar 39 ṣēnī$^{me\check{s}}$ (II) $\check{s}$a a-na qāti $\check{s}$a (I2) $\check{S}$a-ku-um-$\check{s}$e (I3) i-na bu-kú-ni (I4) $\check{s}$a(!) i-ru-ub.

(оттиск:) aban m$\check{S}$á-ku-um-$\check{s}$e

59. (4I59)

(I) I alpu zi-il-lu-un-nu (2) 6 littī$^{me\check{s}}$ (3) $\check{s}$a ù-tu (4) 2 littī$^{me\check{s}}$ (5) $\check{s}$a $\check{s}$a-at-da-ag-da (6) 3 littī$^{me\check{s}}$ (7) $\check{s}$a $\check{s}$atti^{ti} an-ni-ti (8) I alpu$^{NITA\check{H}}$ (9) $\check{s}$a $\check{s}$atti^{ti}-ma (I0) an-ni[-ti.....] (II) n[aḫ]ar..... I3[alpē$^{me\check{s}}$] (I2) [.....] ....[ḫa-an-ni] a$\check{s}$-bu

60. (8402)

(I) [...]ḪU-lu-uk-ka$_4$ mār zi-[i](?)-.....] (2) [..... imē]r $\check{s}$e'i a-na zi-e-ri-qú[.....] (3) [.....ṣēnī$^{HA.me\check{s}}$ ^{m}Ḫu-lu-uk-ka$_4$.....] (4) [.....i]mēr $\check{s}$e'i zi-e-ri-qú [.....] (5) [.....(?)ṣēnī]$^{me\check{s}}$ ^{m}Um-ki-ia amēl$_{rē'i}$ [..... ...] (6) [.....]$\check{s}$e'i zi-e-ri-qú...[.....] (7) [.....A]k-ku-li-en-ni ki-[i]-am.....] (8) [.....] a-na ṣēnī$^{HA.me\check{s}}$ (9) [.....a-]a z[i-e-ri-qú.....]

6I. (I5369)

(лиц.ст.) (I) [....]bur.... (2) [.....]-šu-[i]?....]

(оборот:) (I) [.....]-ba...[.....] (2) [.....]^{m}E-t[e](?) -...] (3) [....] ṣēnī$^{me\check{s}}$ a-na ^{m}[.....]

(Печати:) [...]^{m}Tú[l-pi](?)-ia

62. (I5375)

(лиц.ст.) (1) [.....]...^{SAL}meš (2) [.....] ḫu-ra-pu

(оборот:) aban ^{m}Ka$_4$at-nu, aban ^{m}ḪU-ip-til-la, aban ^{m}Bi-il-li-ia
печати:

63. (I5379)

(1) 10 en-zu[.....] (2) 6 en-zu [.....] (3) 7 urIṣI[.....] (4) an-nu-tu$_4$[.....] (5) ú-ka$_4$-a[ī(?).....] (6) 6 urIṣI^{NITAḪ}[.....] (7) ša wa-al-[du(?).....] (8) ù en-zu [.....] (9) ri-ḫu-tu$_4$ [.....] (10) ú-up-pa-lu [.....] (11) ù i-na-aḫ-din..(?)...] (12) qāt ^{m}[.....] (13) a-na [.....]

(Печать:) ^{m}Š[a-ku-um-še(?)...]

64. (I5378)

(1) [.....]ù[.....] (2) ù ki-na-aḫ-ḫu (3) a-na 4 ta-pa-li (4) bi-ir-mi ša (5) ḫul-la-an-ni (6) ^{m}Gi-li-ip-šarri (7) ù ^{m}Wa-aḫ-ri-še-ni (8) il-ku-ú (9) il-t[e-qí-]ú (10) [.....i]mēr (11) [.....]-ta-we (12) [.....]-lu

65. (I705)

(лиц.ст.) (1) 12(?) SU ḫurāṣ[i.....] (2) SAL$_{I}$-ra-šu mārāt[.....] (3) ^{m}Tar-mi-ia mār Š[u(?)-....] (4) a-na ši-mi i-n[a-an-din(?)] (5) [šum-]na pá-kí-r[a-na ir-ta-ši] (6) [.....] a-na-an-/din(?)/

(Печати:) ^{aban}tupšarru, ^{aban} ^{m}A-[.....].

66. (8393)

(лиц.ст.) (1) ^{f}Ki-ir-ru-[....] (2) ^{f}Aš-zi-[....] (5) ^{f}Su-a-li-[...] (4) ^{f}Wi-in-[....] (5) ^{f}Ḫa-ši-i[p-...] (6) ^{f}Mi-en-[.....] (7) ^{f}[...]-ni-[.....] (8) ^{f}[.....] (9) ^{f}[.....]

(оборот:) (I) ^{f}[.....] (2) ^{f}A-[.....] (3) ^{f}Gi-li-[.....] (4) ^{f}It(?)-ri-k[a?] (5) ^{f}Ia-ma-[.....] (6) ^{f}A-li-i-[.....] (7) ^{f}Ḫu-zi-[.....] (8) ^{f}[.....] (9) ^{f}An-nu-pa-[.....] (I0) napḫar.....sinniš̆atī[.....] (II) a-na qāti^{ti}.. [.....] (I2) ù [.....]

67. (I5349)

(лиц.ст.) (I) ^{m}Mu-š̆[u(?).....] (2) ^{m}...[.....]

(оборот:) (I) ^{m}[.....] (2) ^{m}Ḫu[-.....] (3) napḫar 3[9?. ....] (4) ipre^{meš} a-na šatt[i(?).....]

68. (I709)

(лиц.ст.) (I) arkī^{ki}-šu 1[ā i]-ša-[aṣ-si] (2) ma-an-nu-um-me-[e...] (3) i-na bi-ri-šu-nu ibbalkatu^{tu_4} (4) I MA.NA.kaspi I MA.NA ḫurāṣi....] (5) dup-pī i-na arki^{ki} šu-[du-ti. ...] (6) i-na bé-ab a-bu-ul-l[i....] (7) ša ēl-ili ša-aṭ-ṭi[r(?)] (8) maḫar Šuk-ri-ia mār Ta-a-a[....] (9) maḫar Zi-lip-til-la mār Tup-p[i(?)-til-la] (I0) maḫar Tu$_4$-ra-ri mār Wa-ri-[..... .....] (II) maḫar Ḫi-ir-šit-ta-ta mār E-[.....] (I2) maḫar Ak-ku-li-en-ni mār [.....] (I3) qāt ^{m}Na-ah-na-daḫ.

69. (8406)

(лиц.ст.) (I) [.....-ti]-la[.....] (2) [.....-]qa an[-.....] (3) [.....] a-na[.....].-ti (4) [.....š̆]um-ma ^{f}[.....] (5) [pi-ir-ka ir]-ta-ši ^{m}[Ḫa-ši]-ip-k[arri..] (6) [.....-]ma a-na ^{m}Ur-ḫi-te-šup [.....] (7) [.....] ma-an-nu-um-me-e (8) [i-na bi-r]i-šu-nu ša ibbalkatu^{tu_4} (9) [I MA.NA] kaspi I MA.NA ḫurāṣi [ú-ma-]al-la

---

(оборот:) [.....]-til-la

70. (8389+I5372)

(I) [.....]^{meš} i-na ^{āl}[.....] (2) [...(?)dup-]pī arah$_{Gi}$.[.....] (3) [.....] ša ku-un-[.....] (4)

[.....]..-...-tu$_4$ [.....] (5) [.....]māš[.....]-lu (6) [maḫar] A-ki-ia mār Ša-aḫ-lu [.....] (7) [maḫar] ^{m}Ku-la-ḫu-bi mār (8) [.....] Ba-i-bu-ur-ni (9) [maḫar] ^{m}[Ḫa-ri-te-šḫ]p mār .....]-ma..... (10) [maḫar] ^{m}[I-na-bi-ḫ]..... (11) [.....]a-an-nu a-...-[.....] (12) [.....]-ḫi-til-la mār [.....] (13) [.....]i-te mār Zi-n[i-...] (14) [.....]uš-ni mār ^{d}Šin(?)-.....] (15) [.... im-]ma-ti-m[e.....]

71. (I5363)

(лиц.ст.) (1) ù [....] (2) ša ^{m}[.....] (3) ki-mu...[.....] (4) ^{m}Ú-..[.....] (5) ^{m}Ur-ḫi-[.....] (6) ^{m}Ki-pí-[.....] (7) ^{m}Pá-i-[.....] (8) ^{m}N[a(?)-.....] (9) ù ^{m}Z[i?-.....] (10) a-na ^{m}Šu-u[r(?)-.....] (11) ù I3 i[ḫer.....] (12) ^{m}Šu-ur-[.....] (13) it-ta[-diu.....] (14) ù-ka$_4$-[al.....]

(Печать:) kunuk ^{m}Ut-...[.....], kunuk [.....]

72. (I5370)

(лиц.ст.) (1) ^{m}Šur-ki-ti[l-la.....] (2) it-ti ^{m}[.....] (3) i[na(?).....] (4) i-[.....] (8) [.....]-te(?)-...-ia

(оборот:) (1) [.....]-ša-ti an-n[a.....] (2) [.....]šu-nu iḫ-te-p[í(?).....] (3) [.....]^{meš} a-ta-ka-al [.....] (4) [.....a-n]a di-ni ^{m}Šur-ki-[til-la uš-te-li(?)..... (5) ù da[i]ānī^{meš} [.....] (6) ki-i liš[ān-šu [.....] (7) a-na 3 bīti ù..[.....] (8) a-na mu-ul-te-[.....] (9) a-na ^{m}Šur-ki-til-l[ā.....] (10) i-na al-du-[.....] (11) ša ^{m}Šur-ki-til-la [.....] (12) a-na libbi^{bi} qa[.....] (13) ù ri-iḫ-su[.....] (14) I MA.NA ḫurā[ṣi(?).....]

(Печать:) aban ^{m}Aš-šu-[.....]

73. (15356)

(лиц.ст.) (1) [.....-t]-šup-ma iš-ku-nu (2) [.....-] ú (3) [.....-]ú (4) [.....dai̯i̯]āni^{meš} (4) [.....]^{NI}-TAH̯^{meš}.

(оборот:) (1) [.....-]šu[.....] (2) [.....]ù .. ..^{meš} (3) [.....(?) Pu]-ḫi-še-ni (4) [.....]Zi-gi (5) [.....Te-ḫi-ip]-til-la ši-bi (6) [.....(?)-g]a mār Mu-uš-te-ia (7) [amēlūti^{meš}an-]nu-tu$_4$ ša ^{m}Šur-ki-til-la (8) [.... ....]ša uš[.....]

74. (15385)

(лиц.ст.) (1) [.....]ka$_4$[.....] (2) [.....]ta-din[..... ...] (3) [.....]SU kaspi[.....] (4) [.....il]-te-qì-mi[.. .....] (5) [.....il]-te-qì-mi (6) [.....-]te-ri-iš[.....] (7) [.....]dai̯i̯ānī^{meš} [.....]

(оборот:) (1) [.....]SU[.....] (2) [.....]aš-b[ū(?).. ..] (3) [.....]lā i-[.....] (4) [.....(?)u]m-ma...[... ...] (5) [.....]ar [.....]

75. (8404)

(лиц.ст.) (1) [.....dup-]pí (2) [.....(?)]ut-tu$_4$-ur (3) [.....]^{meš} (4) [.....(?)i]n-šú

(оборот:) (1) [.....(.?)]ir-ta-ši (2) [.....]šē'i^{meš} ...-ar (3) [.....(?)]-ri-bi-en-ni (4) [.....]te-mi ù a-na-ku (5) [.....]... uš-te-sí-mi (6) [.....]a-qà-i (7) [.....]-ni-we (8) [.....(?)]mār Zi-ka$_4$-a-a (9) [.....] mārē^{meš}(?) ^{m}A-ri-ka$_4$-n[a.....] (10) [....-(?)n]a-mu-ši

76. (8407)

(лиц.ст.) (1) [.....]a-na ^{m}A-kam-mu-uš-[ni....] (2) [.... .....] it-ta-din ù (3) [.....]A-kam-mu-uš-ni-ma (4) [.... ..]-in ù i-na (5) [.....]lā a-ša-as-sí

(Печати:) [....]^{kunuk} ^{m}Te-eš-šu-ia mār Ut-ḫi-ia

77. (I5365)

(I) [illegible](?)ṭ[illegible]e-ia(?) [illegible] (2) [illegible]-g[illegible]i-el-m[illegible](?)... [illegible] (3) [illegible] T[illegible]-ra-ḫé(?)[illegible] (4) [illegible]ḫa-ni-ku [illegible]... [illegible] (5) [illegible]eqli lā i-šá-as-sí [illegible] (6) [illegible]... [illegible] i-na bi-r[illegible]i-šu-nu.....[illegible]

78. (I5352)

(лиц.ст.) (I) [illegible]ù(?)-.....[illegible]na-ra-...- [illegible] (2) ^{m}Ut-tú[illegible]-ta-e[illegible] (3) ù ^{m}zi-g[illegible]i(?).....[illegible] (4) 3 (?) amēlūti (?) NAM[illegible](?).....[illegible] (5) i-na eq[illegible]i.....[illegible] (6) ù d[illegible]p(?)-pu .....[illegible] (7) um-ma [illegible]

(оборот:) (I) a-n[illegible]a.....[illegible] (2) i-na ...[illegible] (3) ù š[illegible]i-bu-ti.....[illegible] (4) a-na 20[illegible](?).....[illegible]

(Печать:) kunuk..[illegible]

79. (I5345)

(лиц.ст.) (I) [illegible] (?)[illegible]a-aḫ ša aš-te[illegible](?)....[illegible] (2) [illegible]... .....[illegible]...-...-... a-na-ku (3) [illegible]-tù

(оборот:) (I) [illegible]ki-til-la m[illegible]ār.....[illegible] (2) [illegible] .[illegible]ge-e mār Pu-ḫ[illegible]i-.....[illegible] (3) [illegible](?)Še-[illegible]en-na-a-a mār El-ḫi-ip-ti[illegible]i-la[illegible] (4) [illegible](?)T[illegible]ar-ri-ri tupšarru

(Печати:) [illegible](?)Š[illegible]e-en-na-a-a, ^{aban}Ú-še-li-pu

80. (I5359)

(I) na-ti-n[illegible]a-nu.....[illegible] (2) maḫar Ša-g[illegible]š(?)-.....[illegible] (3)qāt ^{m}En-na[illegible]-ma-ti.....[illegible]

(Печати:) ^{aban}Tàk-[illegible], ^{aban} m[illegible]š[illegible]a(?)-....[illegible]

81. (8390)

(I) [illegible].....[illegible]š[illegible]a.....[illegible] (2) [illegible].....[illegible]-ma i-pu-uš (3) [illegible].....[illegible]....ú-qa-aš-ša [illegible].....[illegible] (4) [illegible].....[illegible]...ša ^{m}A-ri-ka$_4$-n[illegible]a(?)-.....[illegible] (5) [illegible].....[illegible]pí ù ^{m}Šúk-ri-te-[illegible]šup.....[illegible] (6) [illegible].....[illegible]it-ti il-t[illegible]a-.....[illegible] (7) [illegible].....[illegible]... ^{m}Šúk-ri-te-šup [illegible].....[illegible] (8) [illegible].....Šúk[illegible]-ri-te-šup-ma [illegible]....[illegible]

82. (I7II)

(I) [.....]ša ^{m}A-ri-zi-ka$_4$-ni mār...-... (2) [.....] A-ri-zi-ka$_4$-ni (3) [.....]...-...-pa (4) [....i-te-p]u-uš (5) [.....] ^{m}Ti-li-ip-pu-ur-ši (6) [....Ti-li-]ip-pu-ur-ši (7) [.....]ša šu-pa-te (8) [.....]ša-šu maḫrāte^{meš} (9) [.....dup]-pa-ti maḫrāte^{meš} (IO) [.....]..ú

(Печати:) [.....]^{m}A-ki-ia, [.....]^{d}Adad-šá-ki, [.....] pu.

83. (8386)

(лиц.ст.) (I) um-ma ^{m}[.....] (2)...[.....]

(оборот:) (I) [.....]ra [.....] (2) mār Tup-ki-til-l[a.....] (3) maḫar Bal-tù mār [.....] (4) maḫar Tù-ra-ri mār T[e(?)-.....] (5) maḫar Ip-ša-ḫa-lu tupša[rru(?)]

(Печати:) ^{aban}Tú-ra-ri, ^{aban}Te-ḫu-i[(?).....]

84. (8384)

(I) [.....]mār ....[.....] (2) [.....]mār En-[.....] (3) [.....]mār A-[x]p(?)-.....] (4) [.....]-wa-ar mār A-[.....] (5) [....]-te-šup mār Šúk-ra-[.....] (6) [.....]ra-a-pí mār Tu-[.....] (7) [(?) Šúk-r]a-a-pu mār Ḫu-ti-[la(?)..] (8) [... an-nu-tí amēlūtu^{meš} ša āl...[.....] (9) [.....]-te-šup mār I-ri-[.....] (IO) [.....]. ...-be mār Mu(?)-uš[-.....] (II) [.....]-til-l[a.....]

85. (8381)

(оборот:) (I) du[p(?)-pu (?).....] (2) qāt Na-[(?).....] (3) ša P[é(?)-.....] (4) maḫar P[í(?)-.....] (5) maḫar [x]a(?) -.....] (6) mār z[u(?)-.....] (7) maḫar T[é(?)-.....] (8) maḫar A-[.....] (9) maḫar P[é(?)-.....] (IO) maḫar z[u(?)-....] (II) arah[.....]

86. (I7I6)

(лиц.ст.) (I) [.....]-...-a ar-pu-...(2) [.....]mār Te-ḫi-ip-til-la (3) [.....] ^{m}It-ḫi-til-la (4) [.....]l-te-qu-ú (5) [.....]i-na dIMit

(печати:) (I) aban ^{m}Ut-../...../ (2) aban ^{m}Um-pí-ia, aban ^{m}Gi-ra-ar-til-la, /aban/ ^{m}Pu-ḫi-še-ni

87. (I5388)

(I) maḫar A-kam-mu-uš-n/i(?)..../ (2) maḫar El-ḫi-ip-til-/la...../ (3) mār It-ḫi-til-la/...../ (4) maḫar Ak-ku-li-e/-ni...../ (5) mār I-il-/...../ (6) /maḫar Bal-/...../ (7) /maḫar..... /.....

88. (I5360)

(лиц.ст.) (I) ^{m}Ur-ḫi-te-šup /...../ (2) it-ti ^{m}Ut-tul-/...../ (3) i-na di-ni ../...../ (4) um-ma /..... ../ (5) ^{m}Ut-tu/-...../ (6) i-na/...../ (7)a/-na(?)... ..../

(Печати:) aban ^{m}Ar-ta-še-e/n-ni.../, /aban/ ^{m}An-ta-ra-ri, /aban m...../-ur-še

89. (I5355)

(I) /...../ša-šu mārāt Ša-aš-.../...../ (2) /..... mār/āt-su ša Uk-ka-.../...../ (3) /...../ti an-nu-ti ki-/...../ (4) /Ḫ/i-lip-til-la mār../...../

(Печати:) /aban/ ^{m}Til-pí-ia /?.../, aban ^{m}Hé-/ir/-ši-te-šup

90. (I535I)

(I) /...../uš-te-šup mā/r...../ (2) /...../ki-wa-ar (3) /...../ni mār Zi-/i...../ (4) /...../na BAL.BAL-te (5) /...../ni-ia mār Be-bi(?)-.../

(оттиск печати)

9I. (I708)

(I) /...../... (2) /.....ki-/am (3) /...../mu-ia mār/...../ (4) /...../up-pí (5) /...../ni-šu (6) /...../../..-ši (7) /...../šu

(Печать:) aban ^{m}Hé-el-ti-pa/-pu/

92. (8376)

(1)..... (2) [.....]na n[i(?).....] (3) [.....] ti$_4$-de$_4$[en-nu-ti(?)] (4) [.....]...-še-en-ni (5) [.....] ...-ar-te-[.....] (6) [.....] Ar-šá-l[i(?)-be(?)...] (7) [il-te]-qì ...-šu [.....]

93. (15364)

(Печати:) kunuk ^{m}Zi-ni-ia, kunuk ^{m}Ak(?)-[.....]

94. (15366)

(1) ^{m}Tar[(?)-.....] (2) [.....]-ra ..[.....] (3) [.....]Zi- [.....] (4) [.....(?)t]e-ia

95. (15395)

(Печати:) (1) [.....]...-ir-ḫa-an[(?).....] (2) [.....]Ḫa-ni-ú

96. (1712)

(Печати:) [aban (?)]-ni-ra-ri, aban ^{m}Ḫa-š[i-.....]

97,(8416)

(Печати:) [aban m]Tup-ki-til-la dai[i]a[nu.....], [aban m.... ....]-ḫi-šarri

98. (15362)

(1) [.....]-ba-[.....] (2) [.....].nu.[.....] (3) [... ..]..-tu (4) [.....(?)]il-li

99. (15347)

(Печати:) [kun]uk ^{m}Til-la-a-a .[.....]-ni-ia, kunuk ^{m}Še-en-na-ri

100. (15383)

(Печать:) Ša-aḫi^{ḫi}-rabī

A-a-li-im [.....]

31: печать.

A-be-..[.....]

47: печать.

^{d}Adad-šá-ki

82: печать:

TCL IX 15:5.

A-da-aš-ši, отец.

35: печать.

A-gi-gi-el-li, отец.

30:23.

A-i-it-ta-ra

15:3,8.

A-kam-mu-uš-ni

76:2,4; 87:1.

A-ka$_4$-wa-til, сын Wu-ul-lu.

49:2,7,14,16-17,22,30.

RA XXIII 16:2,11; 28:1,4,8,12,17,19,32,34; 46:4,5; с братьями: Naširtilla, Puitae, Šukritešup с сестрой Akapšušše- RA XXIII 5:3,12,17; с братьями: RA XXIII 6:1,7; 7:3, печать; TCL IX 19:5,6.

A-[ka$_4$-wi-ia(?)], отец [Kip-ke-]wa-ar.

84:4

AASOR XVI 23:30; 25:35.

A-ki-ia

82: печать.

A-ki-ia, писец.

49:40, печать.

(?) HSS V 24:14; AASOR XVI 70:34.

A-ki-ia, сын M[u(?)-.....]a.

1:10

A-ki-ia, сын Na-ni-ia.

2:2.

(?) писец: : RA XXIII 10:37.

A-ki-ia, сын Ša-aḫ-lu-[.....]

70:2.

A-ki-ia, отец Še-eš-wi-ka$_4$.

11:19.

A-ki-ia, сын Šumu-liḫ-ši.

51: печать.

TCL IX 19:25,29; 12:33; RA XXIII 7:24, печать; 15:41; 46:22, печать; 48:41; печать; 49:16, печать.

A-ki-ia (=Akiptilla), сын Tu-ra-ri.

32:2,7,16, печать.

JEN 487:24; AASOR XVI 61:37; JEN 4:21,27; 12:18; 22:23; 34:23,28; 37:21; 45:22,30; 54:23,29; 55:17; 400:34; 409:18; 419:16; 420:20; 425:24,28; 426:17,35; 584:24; 585:22; JENu 96; 173;289;313;362;686;941;943;1163;1169;285.

A-ki[p(?)-.....], отец.

84:3.

A-kap-še-en-ni, отец [...]..-ši-pa-pu

7: печать.

A-kip-dug-gi, сын Mu-na-te.

50:1,10, печать.

[A-kip-]ta-še-en-ni, сын Sûk-ri-a, писец.

30:28-9.

RA XXIII 36:30.

A-ku-[.....]

34:1.

Ak-ku-li-en-ni,

6:6; 60:6; 87:4.

Ak-ku-li-en-ni

68:11.

Ak-ku-li-en-ni, отец [K]e-li-ia.

25:8,10.

JEN 19:2; 236:10; RA XXVIII 3:2.

Ak-ku-li-en-ni, СНН Ša-at-la-am-pí.

29:42.

TCL IX 8:21,27; RA XXIII 51:30, печать.

^{f}A-li-t[u(?)]

66:14.

(?) JEN 505:7.

Al-ki-ia

47: печать.

Al-ki-ia, СНН Pa-a-a.

11:15.

A-mur-šarri (= ^{d}Amurru-šar-ilāni), отец ^{d}Sin-šadū-ni, писца.

46:6

HSS IX 22:39; SMN 3103; 3601.

^{d}AN.NA-..., отец [.....]..-na-nu

36:4.

^{f}An-ni-pa-[.....]

66:17.

An-nu-ki-en[-ni(?)]

39:2.

An-ta-ra-ri

88: печать.

A-pu-uš-ka$_4$

15:11,13.

Ar-ḫa-ma-an-na

14: печать.

A-ri-iḫ-ḫa-ma-an-na

33:8.

A-ri-ḫar-me-e

32:8, печать.

A-ri-ka$_4$-n[a-ri(?)]

75:9; 81:3.

A-ri-ma-a[t-ka$_4$(?)]

35:2,7(?).

A-ri-ip-[....]

46:6.

A-ri-par-ni

1:1,9.

A-ri-pá-ap-ni, отец.

37: об. 6.

A-ri-zi-ka$_4$-ni

82:1.

Ar-ka$_4$-pí-in-ni, отец Ta-u-ka$_4$

50:23.

Ar-šá-li-be

15: лиц. 6.

Ar-šu-a-aḫ, сын Kí-en-ni-en-na.

29:2,5,16,17,29,30, печать.

Ar-šu-li-[ḫé(?)]

32:20.

Ar-šu-li-ḫi, сын Pu-ia.

12:2.

RA XXIII 10:36; 38:23; 39:28; 40:26; 41:29.

Ar-ta-am-na, отец [.....]ti

56:2.

Ar-ta-še-e[n-ni]

88: печать.

Ar-te-e-[.]

30^a:5,6.

Ar-ti-ia, сын Ba-al-t[i]-ia(?)

10:23, печать.

Ar-te-šup, писец.

32:23, печать.

Ar-zi-[.....]

45:27.

^{f}Aš-zi-..[....]

66:2.

A-ta-a

10:19, печать.

Ba-al-t[illegible]-ia(?), отец Ar-te-ia.

10: об.5.

Ba-al-tu-ia, отец [illegible]-wi-ik-ka$_4$

50:20.

Bal-te-[.....]

47: печать.

Bal-te-e

20: об.4.

Bal-tù

83: об.3.

Be-el-li-ia

62: печать.

E-gi-gi-...

2: печать.

(?) судья: JEN 666:50; 671:35.

El-ḫi-ip-šarri

28:7.

El-ḫi-ip-šarri, отец En-na-pa-li

11:18.

El-ḫi-ip-til-la

17: печать.

El-ḫi-ip-til-la

87:2.

El-ḫ[illegible]i-ip-šarri, отец [illegible]en-na-ia

79: об. 7.

(?) AASOR XVI, 44:17.

En-[.....], отец.

84:2.

En-na-a-a, отец Ta-al-ta-e

29:41.

TCL IX, 8.

En-na-ma-ti

25:7.

En-na-/ma-ti/, писец.

80: 3 об.

(?) JEN 40; 49;I9I,379,40I,482,546; JENu 597,6I3;

HSS V,49; AASOR XVI,7I.

En-na-ma-ti, СНН Ta-/ú-ḫé/(?)

4:I4.

(?) JEN 6I:32,40.

En-na-pa-li, СНН El-ḫi-ip-šarri.

II:I8.

E-en-šúk-ru

6:2.

E-šúk-ri/.....

30[a]:I,8,IO.

E-ni-iš-ta-e, СНН ....-te-ni

I4:2,3.

E-ri-te-...

8I:4,6.

Ḫab-bi-ta

89: печать.

Ḫa-i-bir-/....

I4: печать.

Ḫa-ip-šarri, отец / .... /..-a-an-ta.

30:24.

Ḫa-lu-ut-ta, отец Še-el-la-pa.

II:20.

Ḫa-ma-an-na, отец Ip-ša-ḫa-lu.

I0:8.

RA XXIII 26:8; 50:4,I4; I7:2; JEN 252:35; дед [f]Umea

RA XXIII 33:3.

Ḫa-ma-an-na, отец Pa-i-te <-šup>

I:7.

Ḫa-na-a

31:3,17.

Ḫa-na-a-a

29:36, печать.

Ḫa-na-a-a, отец.

37:2,7.

Ḫa-na-ak-ka$_4$

47: печать.

Ḫa-na-tù-ši-ni-.[...], отец Nu-ul-lu.

46: об.4.

Ḫa-ni-ku, отец Ú-pa-a-a

12:11.

(?) отец U-te(!)-ia AASOR XVI 25:28.

Ḫa-š[i-.....]

96: печать.

^{f}Ḫa-ši-...[.....]

66:5

(?)RA XXIII, 82.

Ḫa-ši-ip-til-la

55:14; 36:2.

[Ḫa-ši-ip(?)]-til-la, СЫН Ḫu-ti-ia.

9:17.

AASOR XVI 84:11; JEN 310:35; HSS V 73:47.

Ḫa-ši-ip-te-šup, СЫН Na-aš-wa, писец.

10:25, печать.

Ḫé-ir-ši, СЫН Sa-ši-wa(?)-til.

46: об.5.

Ḫé-ir-ši-te-šup

89: печать.

Ḫé-el-ti-pa-⟨pu⟩

91: печать.

(?)AASOR XVI 51; SMN 523; 789; 3191.

Ḫi-ik-ru

35:2.

Ḫi-lu

10:20, печать.

Ḫi-ir-šit-ta-ta, сын E-[.....]

68:11.

Ḫ[(?)-.....]

85: печать.

Ḫu-ip-til-la

62: печать.

Ḫu-i-te-šup, сын Šuk-ri-ia.

11:17, печать.

Ḫu-lu-uk-ka$_4$, сын Ki-en-ni-en-ni

29:37, печать; 32:21-22.

Ḫu-lu-uk-ka$_4$, сын [Še-iḫ-]i-ia

10:1,13,14, печать.

RA XXIII, 19:9.

Ḫu-lu-uk-ka$_4$, сын Zi-l[i-na-a-a(?)]

60:2,9.

JEN 78:7,23; 281:30,40; 308:27,32; 415:42[a]; 510:9; 525:25; 605:30; 617:21; 670:30; JENu 1003.

Ḫu-ra-az-z[i]

45:23, печать.

(?) сын Ennaia = HSS V 25,69; брат Puḫišenni = HSS V 29; 80; без отчества = AASOR XVI, 62.

Ḫu-ti-[....]

45:20.

Ḫu-ti[-ia(?)], отец [Šuk-r]a-a-pu

84:6.

(?) JEN 90:12; 289:25; 586:39; HSS V 64:20.

Ḫu-ti-ia

37: об. 12, печать.

Ḫu-ti-ia, отец [Ḫa-ši-ip-]til-la

9:17.

(?) AASOR XVI, 84:II; JEN 310:55; HSS V 73:47.

Ḫu-ti-ia,отец Um-pí-ia

II:I6.

TCLIX, 40:7.

Ḫu-ti-ip-ka$_4$-na-ri

2: печать.

(?) RA XXIII 58: печать.

^{f}Ḫu-zi-ri

66:I5.

(?)HSS IX II0:7; жена Abeia HSS V, 68:3,9,I8,2I.

Ḫu-zi-...⌈....⌋, отец ⌈.....⌋...-pí-ia

46:8.

^{f}Ia-ma-a⌈š(?)-tu(?)⌋

66:I3.

(?) SMN I04;359;625.

⌈Iḫ-ḫi-pa-pu

36: печать.

Iḫ-li-pa-pu, отец Pu-i-ta-e

49:3.

TCLIX II:4,7.

Iḫ-li-te-šup

I4: печать.

I-in-a-bi-ta

6: об.7.

(?) CHH Ennapali SMN 3656, CHH Nuzza JENu 220, SMN3596.

Ik-ki-ia

2:I2.

Il-ḫi-⌈....⌋, отец ⌈.....⌋

34:2.

Il-ḫi-ip-šarri

3I: печать.

In-ni-ka$_4$-a ^{amēl} ⌈manzaduḫlu(?)⌋

28:3.

(?) JEN 324:53.

In-ta-ra-[...]

45:25.

Ip-ša-ḫa-lu

18:1; 34:2.

Ip-ša-ḫa-lu, писец.

83: об.4.

(?) JEN 402:36; HSS V, 28:22,26; IX 30:8.

Ip-ša-ḫa-lu, сын Ḫa-ma-an-na.

10:7,8,9,11.

RA XXIII,17:2; 26:7,9,23; 33:3,11,12; 50:3, 14,17,21,26;

JEN 252:35.

Ir-ḫa-...[....]

95: печать.

^{f}I-ra-ma

45:16,17.

^{f}I-ra-šu-...[.....]

65:2.

(?) TCL IX, 3:2.

I-ri-[ri-til-la(?)], отец [(?)Aš-tar-]te-šup

84:9.

(?) JEN 179:2.

Ir-wi-šarri, сын Šuk-ri-ia.

47:9.

^{f}Iš-ri-..[.....]

66:12.

It-ḫa-pu, отец Šur-ki-til-la.

17:2.

It-ḫi[.....]

48: печать.

It-ḫi-ip-šarri, сын Mu-lu-ú-ia.

50:3,13,16.

It-ḫi-ip-šarri, отец Ni-iḫ-ri-ia.

11:5,7,12,14.

It-ḫi-ip-til-la, отец.

24:7; 87:3.

It-ḫi-til-la

86:3.

It-ḫi-iš-ta, отец Ut-ḫap-še

12:12.

TCLIX, 8:15.

Ka$_4$-ad-nu

62: печать.

Ka$_4$-ni-šarri

49:36, печать.

Ki-an-n/i-pa/, отец Zi-ni, писца.

28:4.

CT II 21:29.

Kí-li-ia

11: печать; 19:9(?).

/K/í-li-ia, сын Ak-ku-li-en-ni

25:3,5.

JEN 99:9,12; 236:10; RA XXVIII, 3:2,14,17,20; брат Aḫuia JEN 19:1, 11,14,18.

Kí-li-ip-šarri

64:6.

(?) RA XXIII 36,29.

Ki-ne/(?)-...../, отец /...../-ri-te-šup

4:15.

^{f}Ki-in-n/i-ia(?)/

66:4.

(?) JEN 505:8.

Kí-en-ni-en-na, отец Ar-šu-aḫ.

29:2.

Kí-en-ni-en-na, отец Ḫu-lu-uk-ka$_4$

29:37; 32:22.

Ki-en-ni-en-na отец Mu-uš-te-a.

29:22.

JEN 223:21; RA XXIII, 38:22; 39:30, печать.

Ku-la-ḫu-pí

51:8,14,17; 70:3.

Ki-pa-li-en-ni

10:4.

(?) RA XXIII, 18:2; сын Atana'ilu JEN 79:2.

Ki-pá-ar-ra-áp-ḫi, писец.

11:21; 50:23, печать.

(?) сын Taiauki, брат Tultukka u Ilanu=HSSIX 109:22.

Kí-ra-a[r(?)]-til-la.

86: печать.

[Ki-ir-ru-...[....]

66:1.

Kí-wi-ia, отец [.....]li-ia.

30:25.

Ku-pí-ia, отец ḫu-ra-az-zi(?).

45: об.6.

Ku-uš-še

53:9, 13.

Ma-ti-ia(= Mattešup), сын Na-ni-ia.

12:14, печать.

JENu 854; AASOR XVI 23:23; 25:30.

M[ú(?)-....]a отец A-ki-ia.

1:11.

Mu-u[ḫ(?)-.....]

54:2.

Mu-lu-ú-ia, отец It-ḫi-ip-šarri.

50:3.

Mu-na-te, отец A-kip-dug-gi.

50:2.

Mu-ši-i[a(?)]

75:10.

Mu-šu[ia(?)]

67:1.

Mu-uš-te-ia, отец

73:11.

Mu-uš-te-ia, сын Kí-en-ni-en-ni.

29:22,25,27,31.

JEN 223:21; RA XXIII 38:22; 39:30, печать.

Mu-uš-te-šup

13:2,6; 13[a]:2,3,7; 90:1.

[d]Nabū-ili-..[.....]

31:24.

Na-i-še-ri (Pá-i-še-ri(?))

3:5, печать.

Na-an-na-daḫ писец.

68:13.

HSS IX,108:48; 11:41; V 7:47,51; 43:42; 60:33; 67:52;

JEN 618:37,43; JENu 84; 190;785.

Na-an[.....]

49:39, печать.

N[a(?)-.....], писец.

85:2.

Na-ni-ia, отец A-ki-ia.

2:2.

(?) RA XXIII 10:37.

Na-ni-ia, отец Ma-ti-ia (= Mattešup)

12:14.

JENu 854; AASOR XVI, 23:23; 25:30.

Na-aš-wi, отец Ḫa-ši-ip-te-šup'a, писца.

10:7.

Ni-iḫ-ri-ia, сын It-ḫi-ip-šarri.

11:14, печать; 50:21, печать.

Ni-ih-ri-til-la

1:12,16; 49:35, печать.

Nu-kut-ta, отец Ta-ú-ka$_4$

50:21.

Nu-ul-lu, сын Ha-na-tù-ši-ni-..[..]

47:10.

Pa-a-a, отец Al-ki-ia.

11:15.

Pa-a-a, отец Sûk-ri-ia.

29:43.

JEN 132:2,5,14.

Pa-a-a, отец Tu-ra-ri.

50:18.

JEN 246:20; HSS V, 105:3; SMN 6.

Pa-i-šarri, сын [.....]...

29:40, печать.

Pá-i-še-ri

3: печать.

Pa-i-te- < šip >, сын Ha-ma-an-na.

1:6,10.

Pár-[hé-na-tal-(?)], отец [E-teš-še]-en(?)-ni

70:10.

(?) RA XXIII 72:12.

Pu-ia, отецAr-šu-li-hé.

12:2.

RA XXIII 10:36; 39:28; 38:23; 40:26; 41:29.

Pu-hi-ia

30: печать.

Pu-hi-še-en-ni

38:5,9.

Pu-hi-še-ni

86: печать.

Pu-hi-še-en-ni, отец Nu-ul-lu

32:3.

RA XXIII 11:3; 14:2; 21:3; 34:3; 35:1; 37:2; 38:3;
39:3; 40:2; 41:5; 51:3; TCLIX 8:4; 44:3.

Pu-ḫi-še-en-ni, СНН Zi-gi
15:5.

JEN 608:39; HSS IX, 96:31; RA XXIII, 57:5,7,10,12.

Pu-i-ta-e
1:23, печать.

Pu-i-ta-e, СНН Iḫ-li-pa-pu.
49:3,10,11,13,18,20,21,34, печать.

TCL IX, 11:4,7.

^{d}Sin-na -...[.....]
31:25

^{d}Sin-šadū-ni, СНН A-mur-šarri, писец.
46 : об.6

HSS IX, 22:39; SMN 3103; 3601; HSS V 6:28; RA XXIII, 70:
печать.

Še[.....]
63: печать.

Ša(?)[.....], отец.
84:1

Ša-aḫ-lu-[.....], отец A-ki-ia.
70:6.

Ša-aḫi-ribi
35: печать; 100: печать.

Ša-kum-še-ni
46:26, печать.

Ša-ku-um-še
58:11, печать.

^{f}Šá-la-a-[a(?)]
39:8; 40:6,7.

(?) SMN 127; 1185;1203; RA XXIII, 82:6.

Ša-ma-a-a, отец [.....]ma
50:18.

Ša-at-la-am-pí, отец Ak-ku-li-en-ni.

29:42.

TCL IX, 8:21,27; RA XXIII, 50:30, печать.

Ša-a/r(?)-...../

45:29.

Ša-aš-/...../

80:2.

Ša-ši-wa(?)-til,отец Še-ir-ši

46:об. 5.

Ša-at-ti-ra

53:2, печать.

Ša-ḫal-/te-šup/

45:3.

/Še-iḫ-Ži-ia,отец Ḫu-lu-uk-ka$_4$.

10:6.

RA XXIII, 19:9.

/Še/-iḫ-li-ia,отец Ti-še-ḫi.

1:13.

/Še-/iḫ-ri-ia

26:2,3.

Še-ka$_4$-a-a, отец Ú-pa-a-a

51:2,4,6,7,11,12,21.

Še-ka$_4$-a-a (= Šekartilla),сын Wa-an-ti-mu-š/a/

10:24, печать.

RA XXIII, 46:20, печать; R I 309:12,14,19,20,22;

JEN 635:1,26.

Še-el-/...../

40:4.

Še-li-pu

79: печать.

Še-el-la-pa-i,сын Ḫa-lu-ut-ta

11:20, печать.

/Še-el/-lu-pa, сын Šuk(?)-ra-pu(?)/

36:1.

(?)HSS V 11:34,38.

Še-el-wu-a-a

35: печать.

Še-en-na-ia

99: печать.

Še-en-na-a-a, сын El-ḫ/i-ip-šarri/

79: об. 7, печать.

(?) AASOR XVI 44:17.

Še-eš-wi-ka$_4$, сын A-ki-ia.

11:2,19, печать.

/Še-eš(?)/-wi-ik-ka$_4$, сын Ba-al-tu-ia.

50:19.

Ši-il-wa-te-šup

28:2.

Ši-mi-ka$_4$-ri

48:5,7.

Šu-a-n/i(?)/, отец /.....-/ar-ni

9:11.

(?) JEN 471:16.

Šu-a-li-/ia(?)/

66:3.

(?) JEN 505:4.

Šumu-lîb-ši, отец A-ki-ia, писца.

51: печать.

TCL IX, 12:33; 19:25,29; RA XXIII,7:24, печать; 15:41;

46:22, печать; 48:41, печать; 49:16, печать.

Šuk-ra/-pu(?)/, отец /ar-/te-šup.

84:5.

JEN 329:33; 391:28.

/Šuk-r/a-a-pu, сын Ḫu-ti-/ia/

84:6.

(?) JEN 90:12; 289:25; 586:39; HSS V, 64:20.

Šúk-ri[.....]

47:6.

Šúk-ri-ia, отец [A-kip]-ta-še-en-ni, писца.

30:28,29.

RA XXIII, 36:30.

Šúk-ri-ia, отец Ḫu-i-te-šup

II:17.

Šúk-ri-ia, отец Ir-wi-šarri.

46: об.3.

Šúk-ri-ia, СНН Pa-a-a, писец.

29:43.

JEN 132:2,5,14; 295:25.

Šúk-ri-ia, СНН Ta-a-a.

68:8.

(?) HSS V 68:29,40.

Šúk-ri-te-šup

81:5,7,8.

Šur-ki-til-la

9:2; 27:3; 31:4; 44:3,9; 47:3; 72:4,9,11,

15; 73:12.

Šur-ki-til-la, СНН It-ḫa-pu.

17:2.

Šur-ki-til-la, [СНН Tehiptilla]

1:1,4,5,8,11,15,19; 2:1,5,6,10,11,15;

28:5. Он же отец Zike 30:2,15; 56:1.

JEN 333:1,4,19,23,26,28,33,64,65,81,83; 659:1,9;15,23,27,

33; 662:[17],25,26,45,46,57,69,70,80; CT II 21:2,8,18. Он

же отец Zike JEN 538:8; 626:9; HSS IX, 24:36; RA XXIII,

64:5; 65:2; 74:5; 80:2; TCL IX, 31:3.

Ta[.....], отец Ú-bár-še-ni.

28:1.

Ta-a-a, отец Šúk-ri-ia.

68:8.

Ta-a-a, отец Wa-an-ti-ip-šarri.

I:23, печать.

(?) JEN 642:I.

Ta-/(?)ú-ḫ/é, отец En-na-ma-ti

4:I4.

(?) JEN 6I:32,40.

Ta-a-a-šarri

55:II,I7.

Ta-e,

45:30.

Ta-i-ka$_4$, писец.

36: об.3.

Ta-i-še-ni,

40:3.

Ta-al-ta-e, сын En-na-a-a.

29:4I, печать.

TCL IX, 8:20, печать; I4:2; RA XXIII, II:2; 39:2; 5I:28.

/Ta(?)/-an-ki-ia

57:2.

Tar-mi-ia

I0:22, печать; 65:3.

Tar-mi-te-/šup/

3I:23.

Tar-mi-til-la

52:6,9,II,24.

Tar-ri-ri, писец.

79: об.4.

Ta-ú-/..../

I6:2.

Ta-ú-ka$_4$, сын Ar-ka$_4$-pí-in-ni

50:4,5,8,9,I4,I7,22,24.

Ta-ú-ka$_4$, СНН Kí-ri-ip-ki-.../.../

50:II.

Ta-ú-ka$_4$, СНН Ku-kut-ta

50:20, печать.

Te/-et-ti-ia/, отец Tu-ra-ri

83: об.4.

Te-ḫ/i-...../

46: печать.

Te-ḫi-i/a/

33:7.

Te-ḫi-ia (= Teḫiptilla), СНН Te-e/š-šu-ia/.

25:об. 4.

JEN 3I4:40,44; 402:34; UCP IX I2:55.

Te-ḫi-ip-til-la

3I: печать.

Te-ḫi-ip-til-la, отец.

24:2,6; 37:3; 86:2.

Te-ḫi-it-te-šup

I3:5; 2I:2.

Te-ḫu-.../../

83: печать.

Te-eš-šu-/...../

45:22.

Te-e/š-šu-ia/, отец Te-ḫi-ia(= Teḫiptilla)

25: об.4.

JEN 3I4:40,44; 402:34; UCPIX, I2:55.

Te-eš-šu-ia, СНН Ut-ḫi-ia

76: печать.

Til-la-a-a

99: печать.

Ti-li-ip-pu-ur-šI

82:5,6.

Ti-še-ḫi[, сын (?) Še-]ḫ-li-ia.

1:12,17.

Tu-[.....], отец [.....-]ra-a-pí

84:6.

Tuk-[.....]

61: печать.

Tùk-ki-til-la, сын Zi-na-ia

4:16.

Túl-pí-ia

61: печать; 89: печать.

Tul$_5$-pí-ia, отец Ḫu-ra-az-zi

45: об.6.

(?) сын Ḫaniu HSS V,70.

Túl-pí-ia, сын Ki-in-nu-zi

29:38, печать.

JEN 487:28; RA XXIII, 51:29; TCL IX, 8:14,25.

Tup-ki-ia

31: печать.

Tup-ki-ia amēl$_{rē'ū}$

60:4.

Tup-ki-til-la

83: об. 2.

Tup-ki-til-la

9:6,19; 31:22; 37: печать; 97: печать.

Tup-ki-[til-la(?)], отец Zi-li-ip-til-la

68: об.3.

Tù-ra-ri

14: печать.

Tù-ra-ri

17: печать.

Tu-ra-ri, отец A-ki-ia(= Akiptilla)

32:2.

AASOR XVI, 61:37; JEN 4:21,27; 12:18; 22:23; 34:23,28; 37:21; 45:22,30; 54:23,29; 55:17; 400:34; 409:18; 419:

16; 420:20; 425:24,28; 426:17,35; 584:24; 585:22; 487:24;
JENu 96; 173;285;289;313;362;686;941;943;1163;1169.

Tu-ra-ri, CHH Pa-a-a.

50:18, печать.

JEN 246:20; HSS V 105:3, SMN 6.

Tŭ-ra-ri, CHH T/e(?)-et-ti-ia(?)/

83: об.3.

(?) JEN 601:23,34.

Tû-ra-ar-te-šup

38:3,4.

Ú-bár-še-ni, CHH Ta-/.....7

28:1.

Uk-ka-a

89:2.

Um-pí-ia (? = Tup-pí-ia)

8: печать; 86: печать.

Um-pí-ia ((?)= Tup-pí-ia), CHH Ḫu-ti-ia

11:16, печать.

TCL IX, 40:7

Ú-na-ap-te-šup, писец.

4: об.17, печать.

Ú-pá-a

8: печать.

Ú-pá-a-a, CHH Ḫa-ni-ku.

72:11, печать.

(?) U-te(!)-ia AASOR XVI,25:28.

Ú-pa-a-a, CHH Še-ka$_4$-a-a

51:2.

Ú-pa-te-eš-šup

37: об. 13, печать.

Ur-ḫi-/....7

71:5.

Ur-ḫi-ia

31:21.

Ur-ḫi-šarri

14:7.

Ur-ḫi-te-šup

2:7.

Ur-ḫi-te-šup

13:7; 21:3; 26:2,5; 33:6,9; 53:3,14;
69:6; 88:1.

Ú(?)-ru-um отец[.....]a-a

18:5.

Ú-še-li-pu

79: печать
(?) Šelebu, СНН Turari JEN 23:28,44.

Ú-u[š-šu-ka$_4$(?)]

45:21. печать.

Ut-...[.....]

86: печать.

Ut-ḫ[ap-...]

88: 2,5.

Ut-ḫap-še, СНН It-ḫi-iš-ta.

12:12.

TCL IX, 8:15.

Ut-ḫi-ia, отец Te-eš-šu-ia.

76: печать.

Ut-tù-li

15:4.

Ut-túl-pí, [.....]-ta

29:39, печать.

Ut-túl-ta-e

7:8; 78:4.

Wa-aḫ-ri-še-ni

64:7.

Wa-an-ti-mu-ša, отец Še-ka$_4$-ia. (= Šekartilla)

10: об.6.

RA XXIII, 46:20; R 1309:2,14; JEN 635:2,5.

Wa-an-ti-ip-šarri, СЫН Ta-a-a,

I :17, 21, печать.

(?) JEN 642:1.

Wa-an-ti-iš-še.

37:14,15, печать

Wu-ul-lu СЫН Pu-ḫi-še-en-ni

12:5,6,8; 29:3,12,13,26,32; 32:3,7,9.

Он же отец Akawatil'a 49:2.

RA XXIII, 11:3, 14:2; 21:3; 34:3; 35:1; 37:2; 38:3; 39:3; 40:2; 41:5, 51:3, TCL IX,8:4; 44:3.

Wu-ul-te-šup

53:1,8.

(?) SMN 347;518.

Wu-ur-tù-ru-uk

10:5.

Zi-gi

9: печать; 42:15; 78:3.

Zi-gi

4:8; 10:21, печать.

Zi-gi, отец [.....]i-te

70:9.

Zi-gi, отец Pu-ḫi-še-en-ni

15:5.

JEN 608:39; HSS IX, 96:31; RA XXIII, 57:5.

Zi-gi, СЫН Sur-ki-til-la

30:2,7,10,11,14,27; 57:4.

JEN 538:8; 626:9; 662:[1],25,26,45,46,57,69,70,80; HSS IX, 24:36; RA XXIII, 64:5; 65:2; 74:5; 80:2; TCL IX, 31:3.

Zi-ka$_4$-a-a, отец.

75: об.9.

Zi-ka$_4$-an-ta, отец.

19: об.4.

Zi-li-[ip-ka-na-ri(?)], отец [tu-ri-še-]ni.

90:3.

(?) JEN 651; JENu 244.

^{f}Zi-li-i[a(?)]

66:1.

Zi-[i-ia(?)], писец.

45:28, печать.

Zi-li-ia, отец.

19: об. 3.

Zi-li-ia

35:5.

Zi-li-pa-pu

48:8, печать.

Zi-lip-til-la

46:4.

[Zi-l]i-ip-til-la

89:4.

Zi-lip-til-la, СНН tup-ki-[....]

68:9.

Zi-na-a-a, отец tuk-ki-til-la

4:16.

Zi-ni, писец,сын Ki-an-n[i-pu]

1:24, печать; 28:4.

CT II 21:29,30.

Zi-n[i(?)]

43:3.

Zi-ni

37: печать.

Zi-ni-ia

93: печать.

Общины (dimtu)

Ḫu-ul-ma-ti-ia

I2:4; 29:7.

Ma-al-ḫa-te

I0:3.

Še-iḫ-li-en-ni

29:20.

Šu-a-ni

29:I9.

Tu-uk-ki-til-la

3:4.

Ug-ni-ip-pa

50:6,33.

Поселения (ālu)

Āl-ilāni (Ar-ra-ap-ḫa)

50:28; 68:7; 29:8,II.

Bi-za-tum

5I: об. 5.

En-na-ma-ti

I:I8; I4:3.

Nu-zi

5:3; 29:38; 37: об.I3; 3Ɛ:I4;57:3.

Ta-i-in-šu-uḫ

I3:5.

Tur_4-ri

42:5.

Túr-šá

30:4.

Zi-iz-za

4:7; 25:I2; 37: об.8; 4I:9; 52:9.

Опись документов по № настоящего издания

1 - I5393
2 - I5374
3 - 4157
4 - I5380
5 - I5384
6 - 8395
7 - I7I5
8 - I5397
9 - 8408 + I5396
I0 - I5392
II - I539I
I2 - I5390
I3 - 837I + I5348
I4 - 84I4 + I5357
I5 - I5354
I6 - 84II
I7 - I538I
I8 - I5343
I9 - 8377
20 - 8383
2I - 8398
22 - 8388
23 - 84I2
24 - I5638
25 - 8385
26 - 8372
27 - 8387
28 - 8399
29 - I657
30 - I5368
30[a] - 8403
3I - I5387
32 - I5394
33 - 8374
34 - 8380 + I5367
35 - I5358
36 - I5376
37 - I5373
38 - 8367
39 - 8397
40 - 840I
4I - 8415
42 - I5344
43 - I56I6 + 8392
44 - I5350
45 - I5377
46 - I5389
47 - I5346
48 - I5342
49 - I658
50 - I652
5I - I5386
52 - I537I
53 - 84I0
54 - 8368
55 - I534I
77 - I5365
78 - I5352
79 - I5345
80 - I5359
8I - 8390
82 - I7II

56 - 8394 + 8417
57 - 8400
58 - 4158
59 - 4159
60 - 8402
61 - 15369
62 - 15375
63 - 15379
64 - 15378
65 - 1705
66 - 8393
67 - 15349
68 - 1709
69 - 8406
70 - 8389 + 15372
71 - 15363
72 - 15370
73 - 15356
74 - 15385
75 - 8404
76 - 8407

83 - 8386
84 - 8384
85 - 8381
86 - 1716
87 - 15388
88 - 15360
89 - 15355
90 - 15351
91 - 1708
92 - 8376
93 - 15364
94 - 15366
95 - 15395
96 - 1712
97 - 8416
98 - 15362
99 - 15347
100 - 15383

Опись документов по № музеев

а. Государственный музей изобразительных искусств им.Пушкина

1652 - 50 (наст.изд.)
1657 - 29
1658 - 49
1705 - 65
1708 - 91
1709 - 68
1711 - 82
1712 - 96
1715 - 7
1716 - 86

4157 - 3
4158 - 58
4159 - 59
8367 - 38
8368 - 55
8371 - 13 + 15348
8372 - 26
8374 - 33
8376 - 92
8377 - 19
8380 - 34 + 15367
8381 - 85
8383 - 20
8384 - 84
8385 - 25
8386 - 83
8387 - 27
8388 - 22
8389 - 70 + 15372
8390 - 81
8415 - 41
8416 - 97
8417 - 56 + 8394
15341 - 55
15342 - 48
15343 - 18
15344 - 42
15345 - 79
15346 - 47
15347 - 99
15348 - 13 + 8371
15349 - 67
8392 - 43 + 15616
8393 - 66
8394 - 56 + 8417
8395 - 6
8397 - 39
8398 - 21
8399 - 28
8400 - 57
8401 - 40
8402 - 60
8403 - 30[a]
8404 - 75
8406 - 69
8407 - 76
8408 - 9 + 15396
8410 - 53
8411 - 16
8412 - 23
8417 - 56 + 8394
8414 - 14 + 15357
15370 - 72
15371 - 52
15372 - 70 + 8389
15373 - 37
15374 - 2
15375 - 62
15376 - 36
15377 - 45
15378 - 64
15379 - 63
15380 - 4
15381 - 17

15350 - 44

15351 - 90

15352 - 78

15354 - 15

15355 - 89

15356 - 73

15357 - 14 + 8414

15358 - 35

15359 - 80

15360 - 88

15362 - 98

15363 - 71

15364 - 93

15365 - 77

15366 - 94

15367 - 34 + 8380

15368 - 30

15369 - 61

15383 - 100

15384 - 5

15385 - 74

15386 - 51

15387 - 31

15388 - 87

15389 - 46

15390 - 12

15391 - 11

15392 - 10

15393 - 1

15394 - 32

15395 - 95

15396 - 9 + 8408

15397 - 8

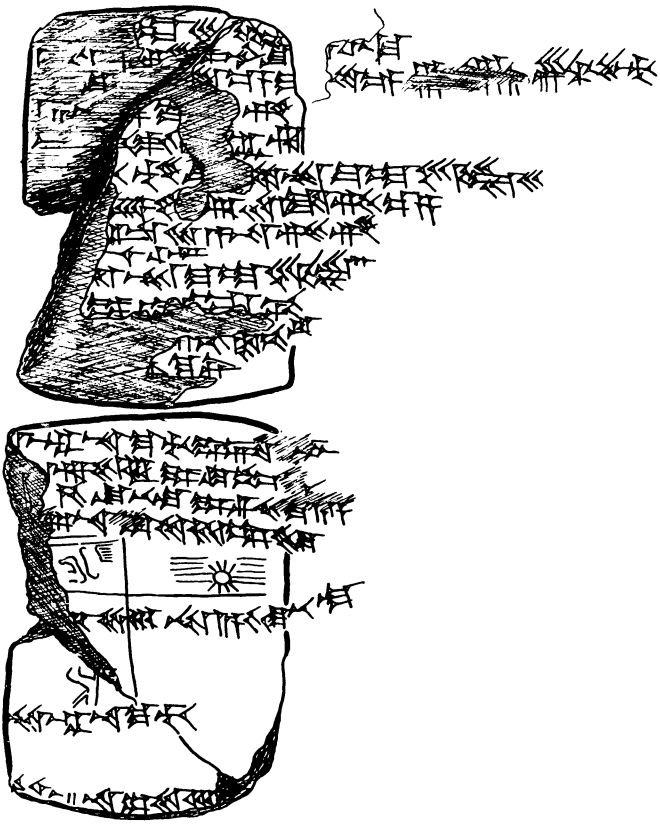
15616 - 43 + 8392

15638 - 24

I=15393

2=15374

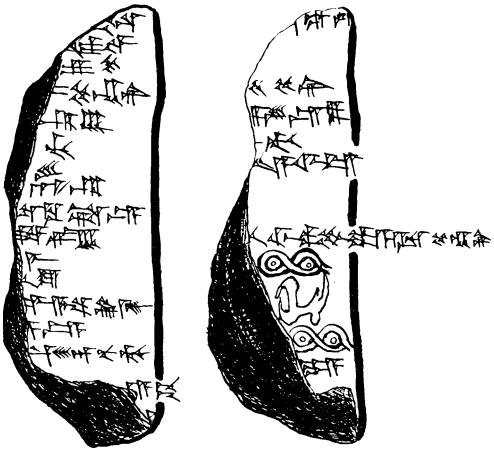
3=4157



4=I5380

5=I5384

6=8395

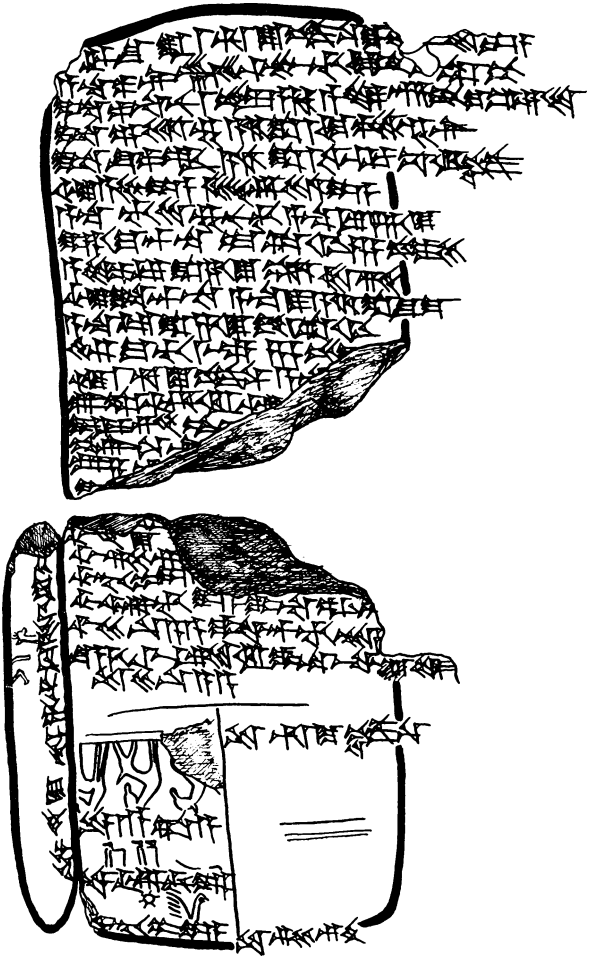


7=I715

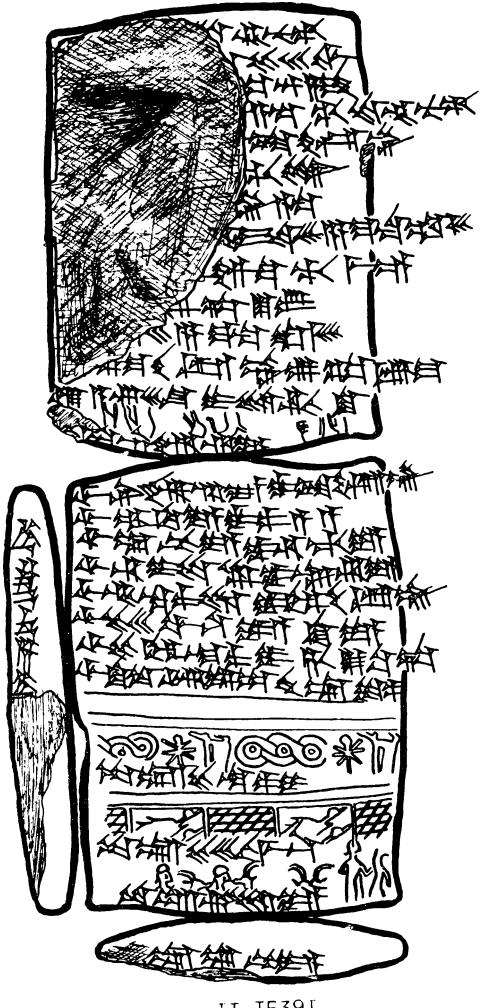
8=I5996

9=I5396

9^{a}=8408

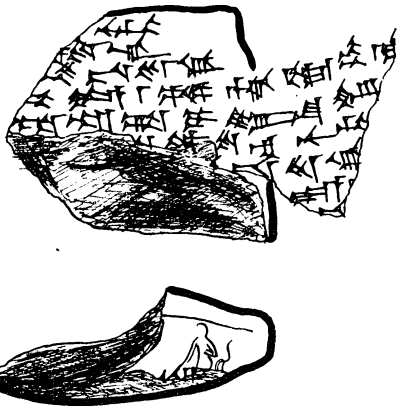


IO=I5392

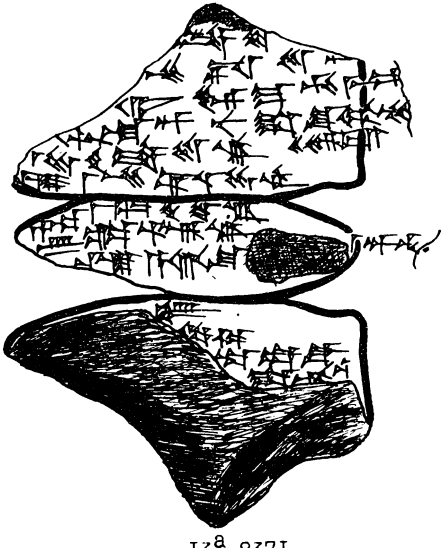


II=I5391

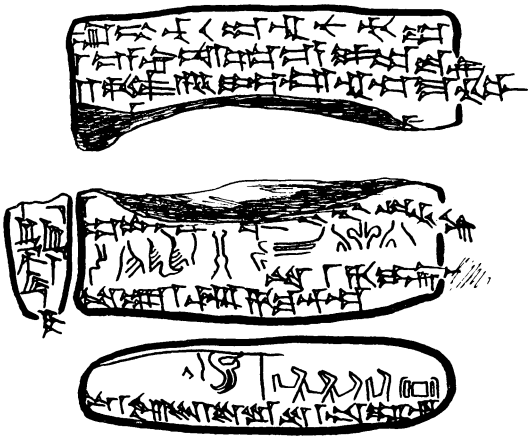
I2=I5390



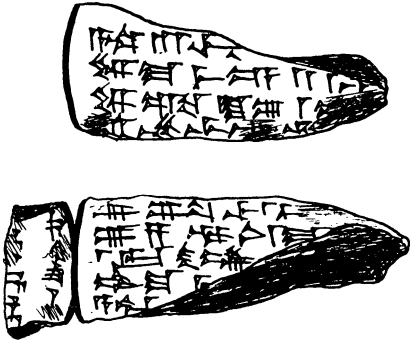
I3=I5348



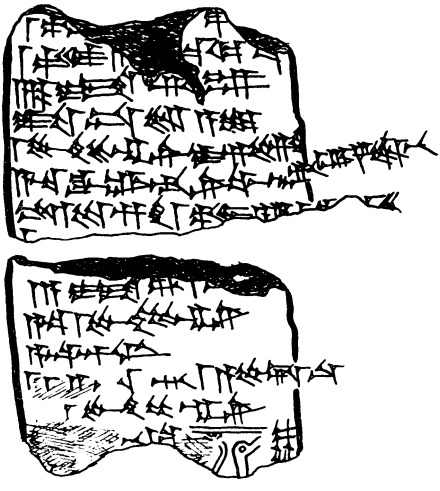
I3[a]=837I



I4=I5357

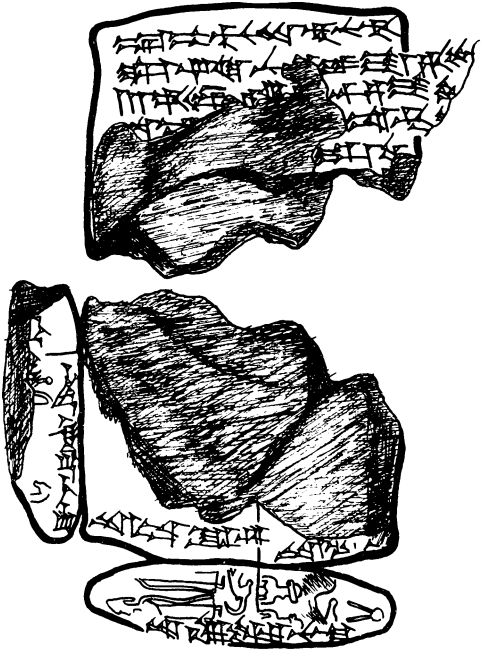


I4a=84I4



I5=I5354

I6=84II



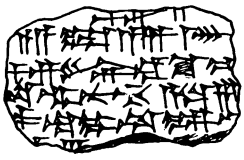
I7=I538I

I8=I5343

I9=8377

20=8383

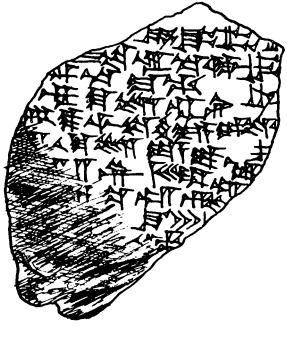
2I=8398



22=8388

26=8372

23=84I2



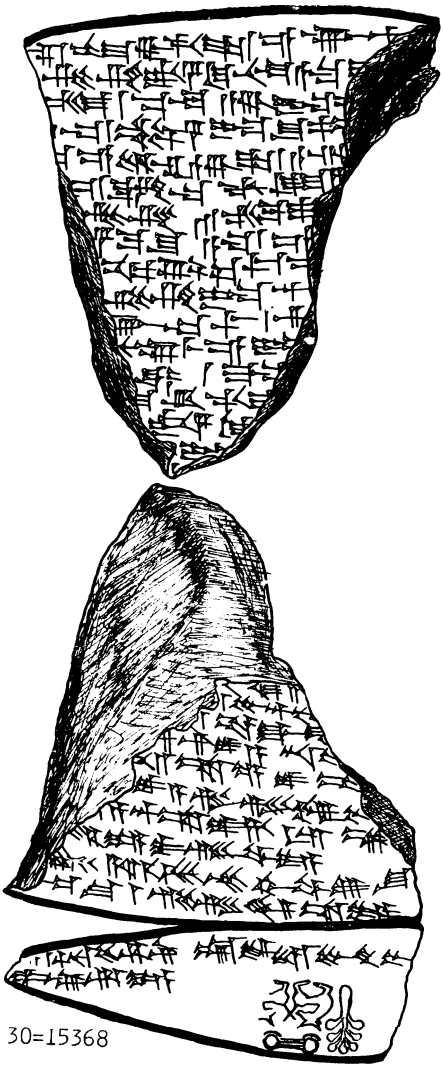
25=8385

24=I5638

27=8387

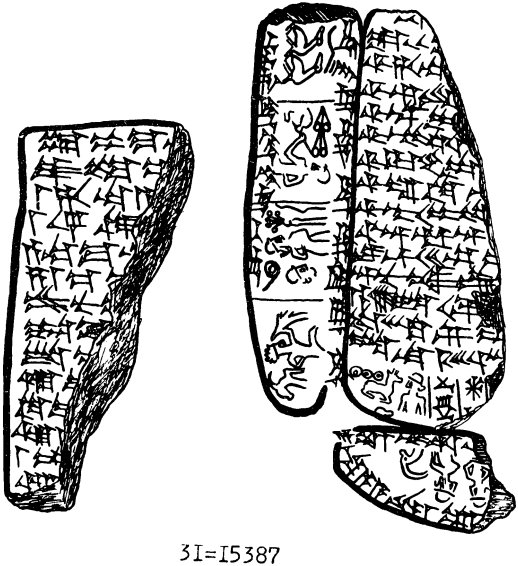
28=8399

29=1657

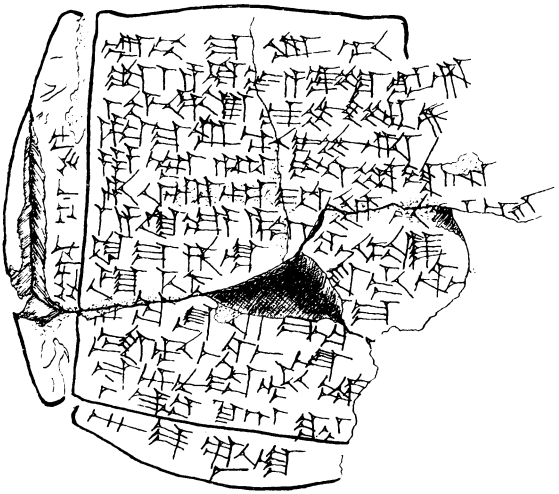


30=15368

30[a]=8403



31=15387

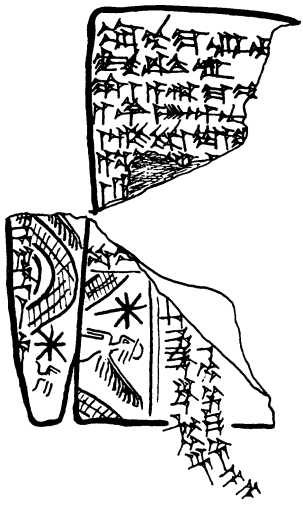


32=I5394

33=8374

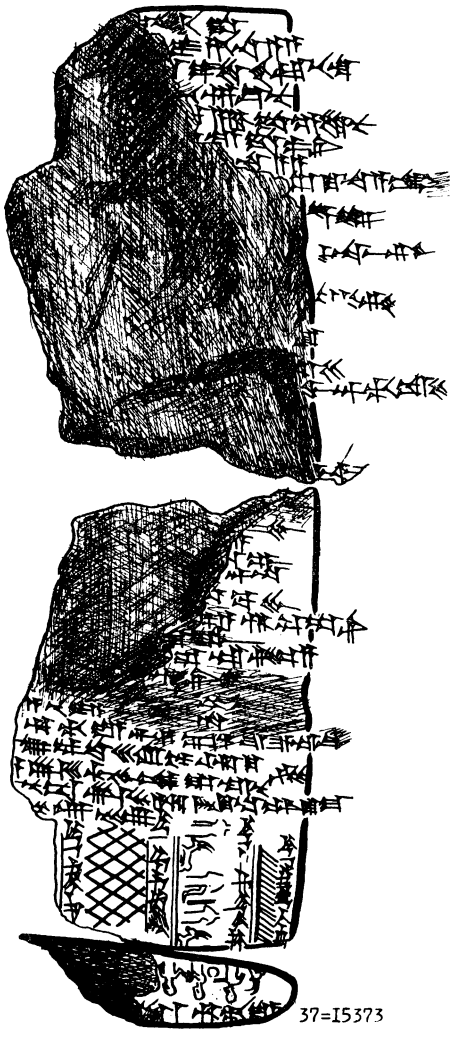
34=8380

34^{a}=15367

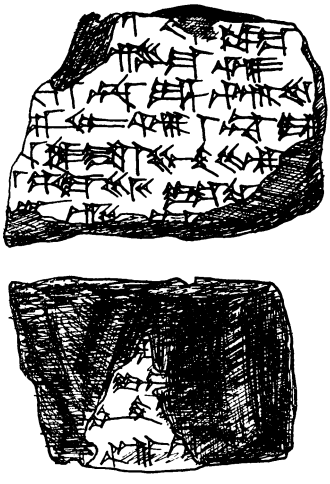


35=15358

36=15376



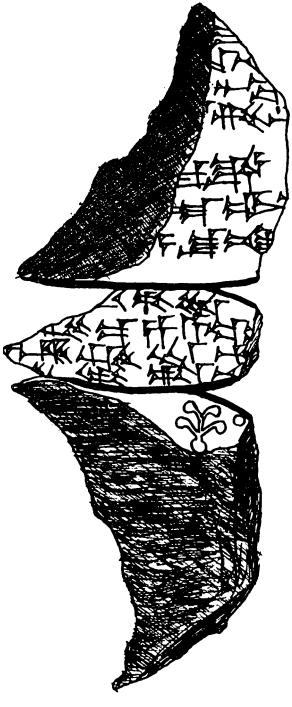
37=15373



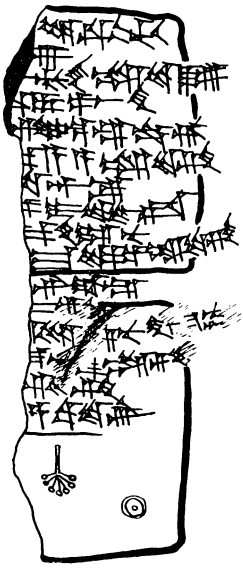
38=8367

39=8397

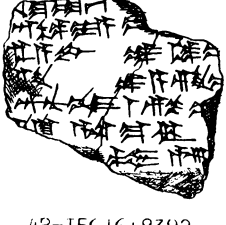
40=8401



41=8415



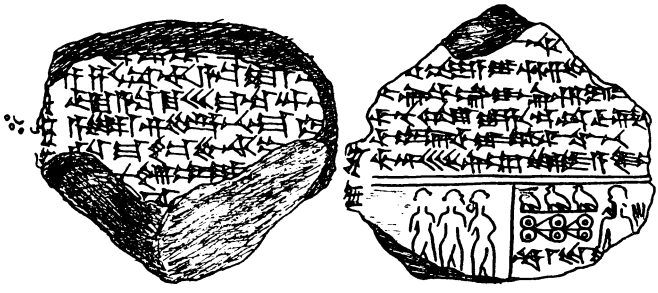
42=15344



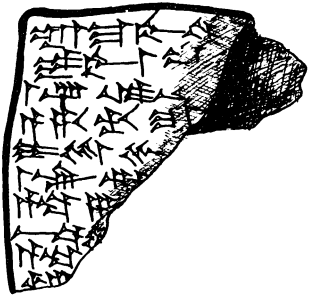
43=15616+8392

44=15350

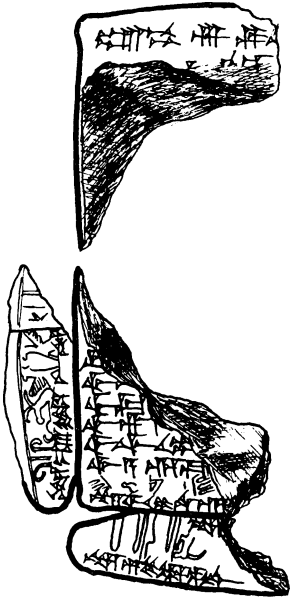
45=I5377



46=I5389



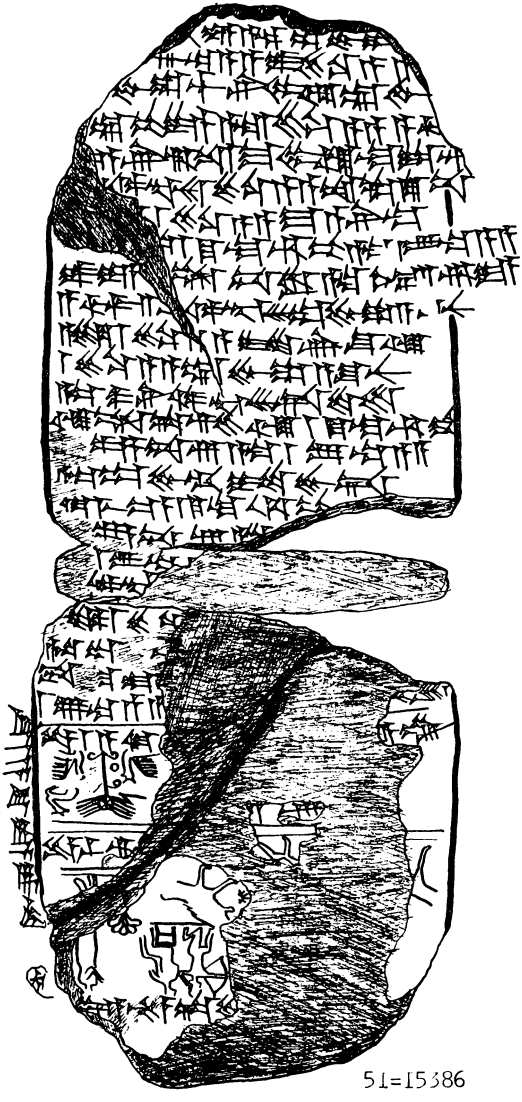
47=I5346



48=I5342

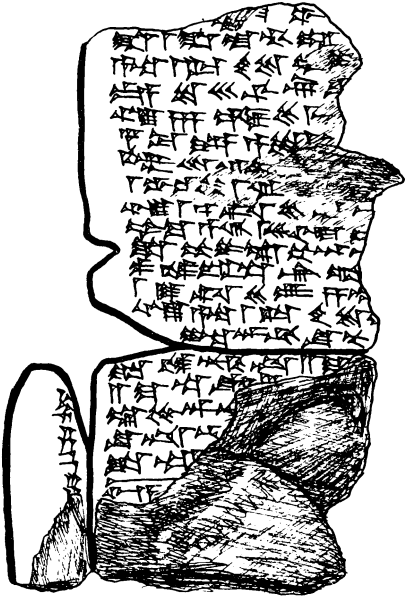
49=1658

50=1652

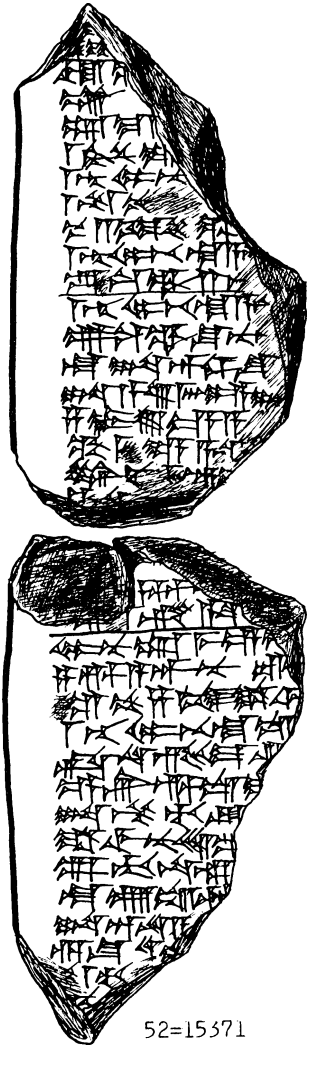


560

51=15386



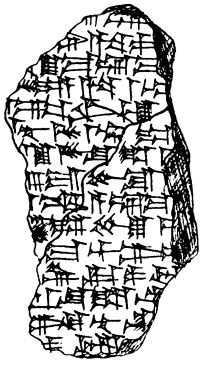
53=8410



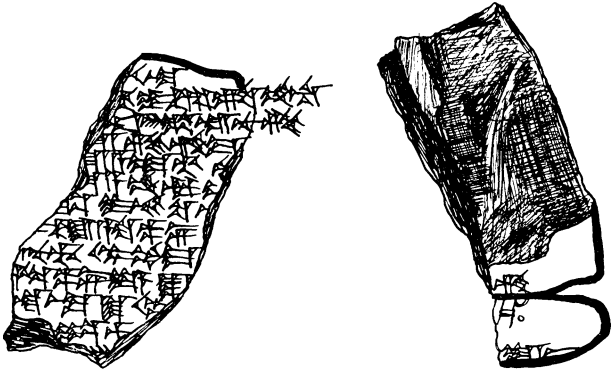
52=15371

54=8368

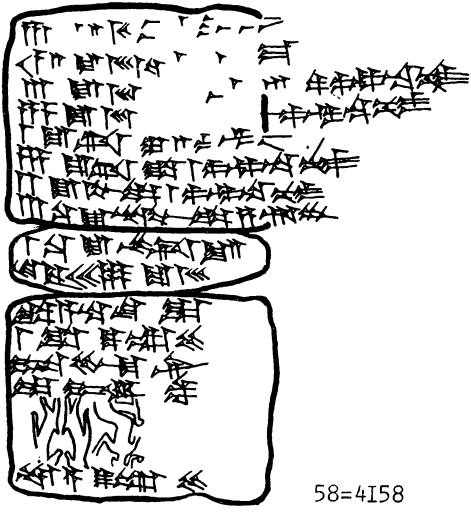
55=[53?]



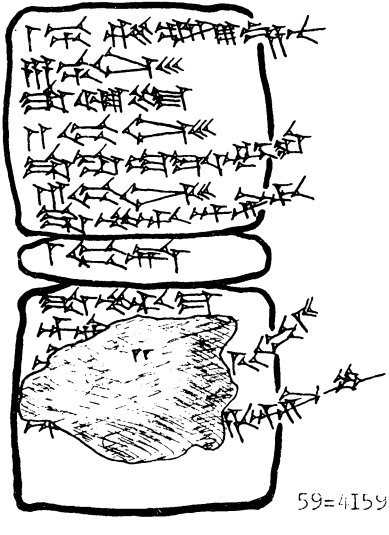
56=8394+8417



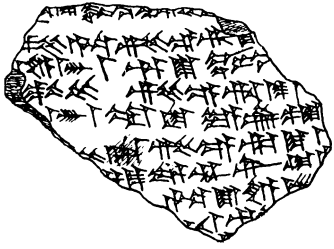
57=8400



58=4I58

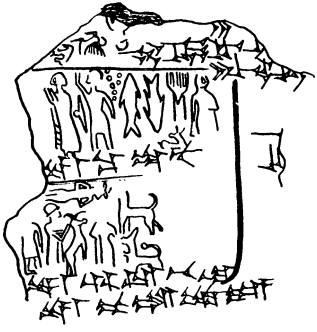


59=4I59

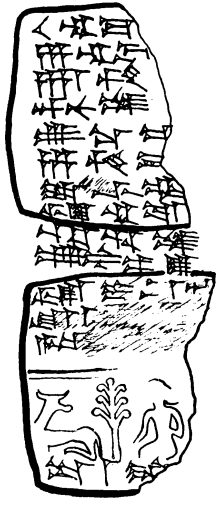


60=8402

61=I5369

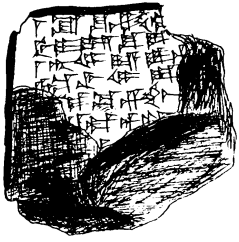


62=I5375

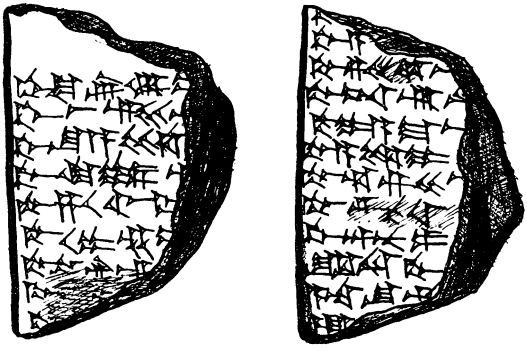


63=I5379

64=I5378

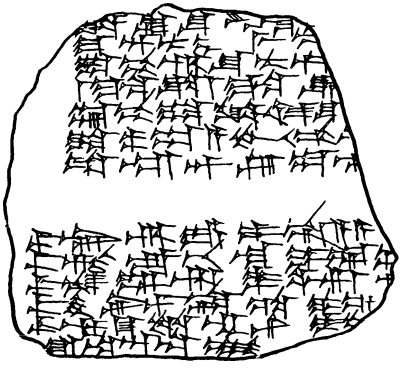


65=1705



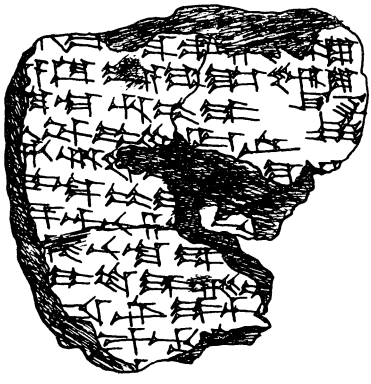
66=8393

67=I5349

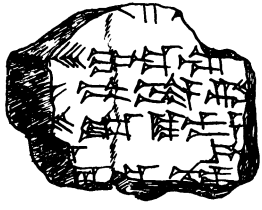


68=I709

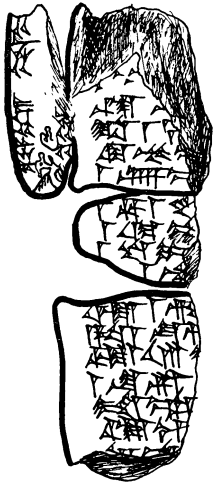
69=8406



70=I5372



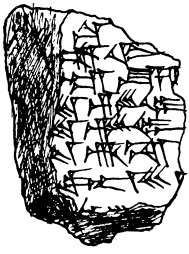
70[a]=8389

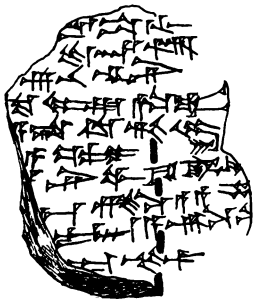


7I=I5363

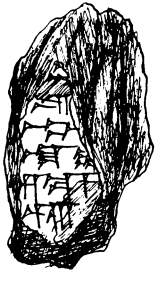
72=I5370

73=I5356

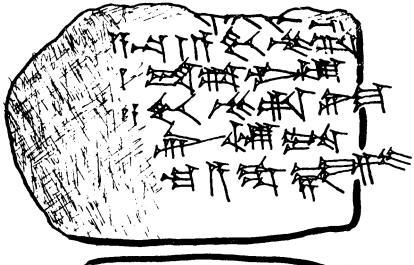


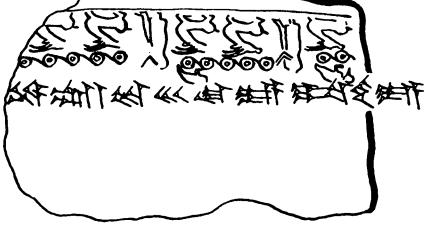


75=8404



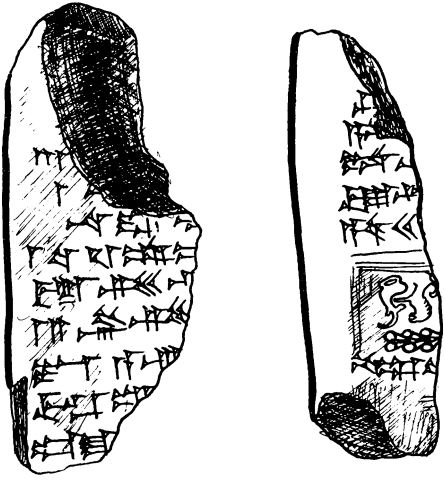
74=I5385



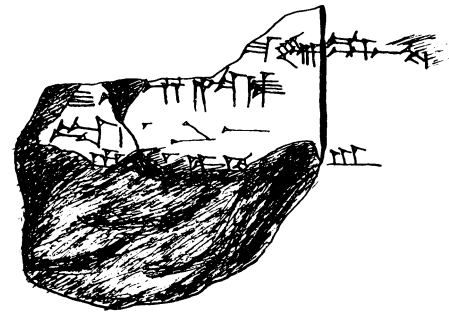


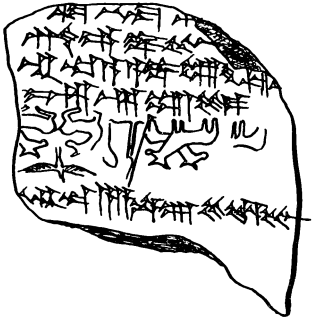
76=8407

77=I5365



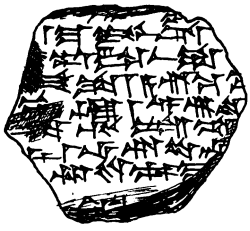
78=I5352



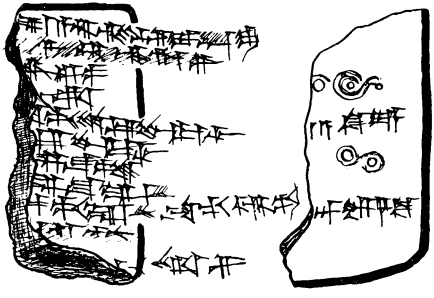


79=I5345

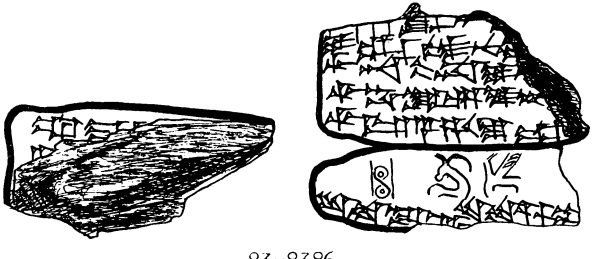
80=I5359



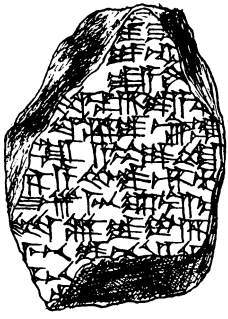
81=8390



82=I7II



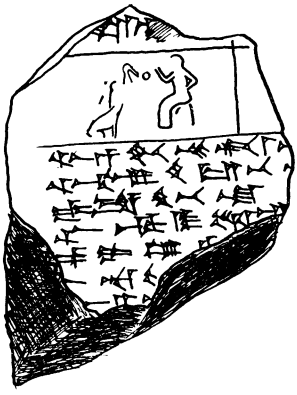
83=8386



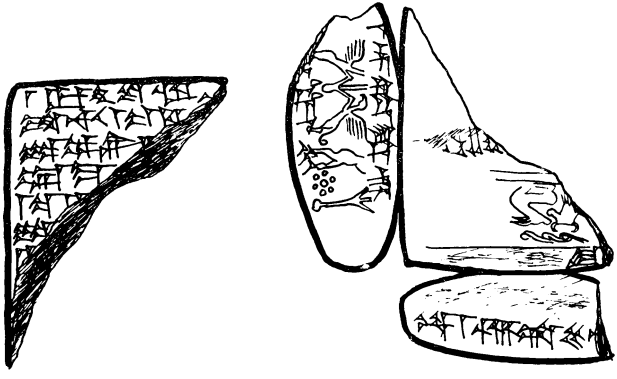
84=8384

85=8381

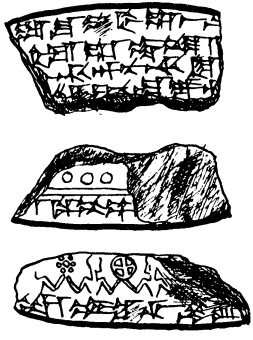
86=1716



87=I5388

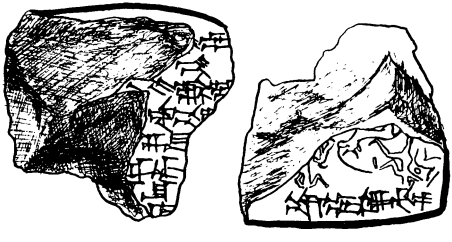


88=I5360



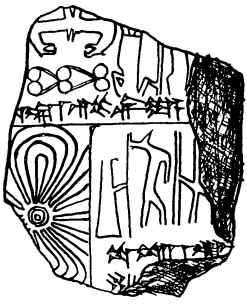
89=I5355

90=I535I



9I=I708

92=8376

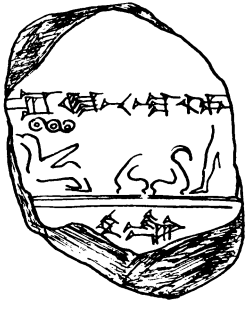


93=I5364

94=I5366

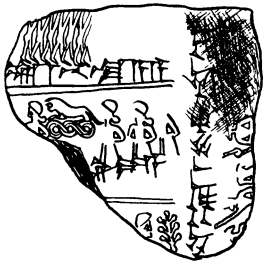
96=I712

95=I5395



97=8416

98=I536.2



99=15347

100=15383

S U M M A R I E S

E. A. MENABDE

ON SLAVERY IN THE HITTITE KINGDOM

Slavery in Hatti is to be considered as the main factor defining the character of the Hittite social organisation.

I. The sources of slavery in Hatti were: a) war, b) insolvency, c) punishment for some kinds of crime, d) trade, e) marriage with a slave, f) theft or kidnapping.

The phrase parnaššea šuwaizzi cannot be interpreted as an indication of a special source of slavery, for it only means that the offender delivered his composition directly to the house of the victim of the offence.

We must distinguish hereditary, life-long and temporary slavery.

2. The slave in Hatti was the property of his master who could kill him at will; the slave could be bought or sold or accepted as compensation for an inflicted damage. The provisions of the Hittite Laws stipulating punishment for the murder or mutilation of a slave aim not at the protection of his life, but rather at safeguarding the property of the slave-owner.

The responsibility for a crime perpetrated by a slave was borne, as a rule, by his master.

But the slave preserved some elements of legal personality and could figure in certain (very limited) cases as a subject of law.

3. Hittite society knew three categories of slaves, viz. state slaves, temple slaves and private slaves.

The state slaves who represented the bulk of the enslaved population of Hatti were under the authority of the "Seal-house" (Ì R É.Z Á) or of the governors (Ì R D U M U.L U G A L). The "Seal-house" (É.Z Á) was the administration of the crown lands and settlements and all the royal property (movable and immovable) on the territory of Hatti proper. The same functions were carried out by king's deputies in conquered areas.

The term N A M.R A denoted people captured in war (including appantes, i.e. prisoners of war taken as combatants). Later on the term N A M.R A obtained apparently a social meaning and denoted a slave captured in war, a foreign slave.

The organisation twikkanz united the state slaves hipparas who were employed mainly in work of state importance (construction of roads, fortifications, building of palaces, temples and possibly also irrigation works).

Apart from this, among the state slaves there were farmers (LÚ.MEŠ$_{U\ R\ U_4}$.L A L), shepherds (LÚ.MEŠ$_{S\ I\ P\ A.G\ U\ D}$ and LÚ.MEŠ$_{S\ I\ P\ A.U\ D\ U}$), artisans (LÚ.MEŠ$_{BE-EL\ QA-TI}$), maid-servants (LÚ$_{AMĀTU}$), warriors (LÚ.MEŠ$_{sarikuwas?}$), concubines, etc.

The position of the temple slaves differed apparently very little from that of the slaves belonging to the king.

The law did not interfere, as a rule, with the relations between the slave and his private owner.

4. The class struggle in Hatti had both a passive form (flight from the master) and an active one (insurrection).

I. M. DUNAJEVSKAJA

PRINCIPLES OF THE VERBAL STRUCTURE IN HATTIC (PROTO-HITTITE)

The interpretation of the Hattic verb meets with considerable difficulties. The unilingual texts defy so far all attempts at their interpretation. The Hattic versions of the Hat-

tic-Hesite bilingual texts are somewhat easier to approach but they also remain obscure in many respects.

As a result of the analysis of the Hattic-Hesite bilingual texts by E.Forrer, J.Friedrich, E.Laroche, A.Kammenhuber and others the sense of about 150 Hattic words has been made clear, among them ca. 30 verbs and some verbal affixes have been identified. In this paper some additional interpretations of verbal stems are proposed.

The analysis of Hattic verbal forms shows that both prefixes and suffixes may be present in them. The prefixed part may consist of one or several prefixes. The suffixed part is less transparent. It seems to consist of no more than two suffixes (possibly, but seldom, more). The function of the suffixes remains obscure. The prefixes are predominant, most verbal forms having no suffixes. Verbal forms without prefixes are rare.

In this paper, on the basis of the confrontation of different verbal forms with prefixes (mostly taken from bilingual texts, although unilingual texts are also made use of), it is shown that the prefixes occupy certain constant places in a more or less regular chain-order in relation to one another and to the verbal stem. According to their place in the chain, seven groups of prefixes can be indentified. In each individual verbal form not more than two or three groups are usually represented,which tends to confuse the picture.

The prefixes can be classed into several types: I) consonant +vowel+consonant (only prefixes of negation); 2) consonant+vowel; 3) vowel+consonant. (In these last the quality of the vowel depends in many cases on the vowel of the preceding cuneiform sign and may thus be left out of account as having no independent phonetic significance. On the other hand, one cannot be sure that the vowel of the prefixes is in all cases devoid of significance being dependant solely on its graphic or, at best, its phonetic surroundings. Some prefixes display a cer-

tain constancy in their vowels); 4) in a few cases where the vowel does not seem to depend on the peculiarities of cuneiform writing a prefix consisting of one vowel only may perhaps be identified.

In the other prefixes the bearer of the main sense is the consonant which (as it seems, and as in the case of the prefix of negation it can be proved by bilingual texts) may be combined with any vowel. So far it is difficult to ascertain if these vowels have a grammatical value, and if they have, what that value may be. In some cases it is even hard to decide if the combinations of one particular consonant with different vowels represent one prefix or several.

The analysis of bilingual texts shows the following values of some of the prefixes to be the most probable: t+vowel+š (i.e. taš-, teš-, tiš-, tuš-) - negation (possibly this is not a prefix but a separate particle); te-, tu- - mood; ḫ- and probably n- - object (possibly also subject of the /intransitive?/ verb); š- (i.e. -aš-, -eš-, -iš-, -uš-) - possibly number of the object (plural); ta-, še-, ka- - locative and dimensional prefixes.

Taking into consideration the order of the prefixes according to their respective groups, we may provisionally identify the value of the different prefixal groups of the Hattic verb (the first group is the one nearest to the verbal stem):

7	6	5	4	3	2	1
Negation	Mood		Object (also subject?)	Locative	?	Object (also subject?)
taš-, teš- etc.	te-, tu-,	-te-, -tu-	-ḫ-, -š-, -pi?-, -wa-?	-ta-, -za-, -ka-, -ša-? -še-, -ši-?	-a-, -ya-	-ḫ-, -n-

The chain-principle in the order of the prefix groups in the Hattic verb has a great structural similarity to the correspon-

ding principle in Caucasian languages, for instance, in Adyghean (Circassian)[1]; it is not impossible that a genetic affinity will ulteriorly be found to exist. The problem should be taken up by specialists in Caucasian linguistics.

G. G. GIORGADZE

ON THE LOCALIZATION AND THE LINGUISTIC STRUCTURE OF THE ETHNIC AND GEOGRAPHICAL NAMES OF THE KASKEANS

The localization of the "Upper Country" is of great importance in the determination of the position of the eastern and southeastern regions of the Kaskean territory. The "Upper Country" covered an area extending from the Southeast regions of modern Tokat and the environs of modern Sivas to Erzincan. The southern regions of the "Upper Country" reached apparently the line Delikli-taş - Divrik.

By the name "Upper Country" the Hittites occasionally designated all the "countries" (tribes) and different points situated to the Northeast of the Hittites. In such cases the name "Upper Country" was used in its broad sense. This term was also used in a narrower sense, designating one specific region (province) - the "Upper Country" proper. In the vast territory of the "Upper Country" (in the broad sense of the term) were situated many settlements, most of which formed the tribal union of the Kaskeans. Among the important regions of this area should be mentioned: the "country" Tipiia, situated in the immediate

---

[1] A chain of prefixes which can be classed into groups according to their place in relation to the stem, two and more groups for prefixes of object, change of the order of the groups according to voice or transitiveness of the verb are among the similarities.

neighbourhood of Azzi-Ḫaiasa, Kaṯḫaidduṯa (the border between Tipiḫa and Azzi-Ḫaiasa ran along the line Kemah - Erzincan, - along the Karasu river, to the west of which Tipiḫa was situated); the "countries" Istitina, Kannuṯara, Zazzisa (at the site of Zimarra, south of Tipiḫa), Ḫaspina, Parduṯata, Takkumita (west of Tipiḫa), Kaṯḫariḫa, Gazzaṗa (not far from the region of modern Kemah, approximately in the environs of modern Kemis), Turmitta (in the upper valley of the Halys river, in the environs of modern Sivas), Ḫalila, Dudduška - "the main contries" of the Kaskeans (westward of Turmitta), Tuḫuppiḫa and many others.

In the extreme Southeast of the Kaskean territory were apparently situated Piggainaressa and Iḫḫaressa (northward from modern Kangal, roughly on the line Delikli-taş - Divrik) These two points were connected by a long military road which started in Ḫarana (Arana of Ptolemaeus, on the ancient route Melitene - Sebasteia) and, running through many townships, ended in Ḫattusa.

In the central part of the Kaskean territory were situated Gazziura, which is usually located near modern Turhal, Kurustama (to the Southeast of Gazziura), Taskuriḫa (east of Gazziura), etc.; Timmuḫala (Southeast of modern Tokat), in the direction toward Gazzaṗa) and a number of townships around it were possibly connected with the "Upper Country". The road, starting in Timmuḫala, joined at Ḫurna (at the site of modern Kavalk) the road which, starting in the western regions of the Kaskeans, reached the Marassantiḫa (the upper Halys). Among the largest provinces of the western area of the Kaskean territory should be mentioned the "country" Išḫupitta (westward of Gazziura, approximately at the site of modern Amasya), Pišḫuru (south of Amasya), which was immediately connected with Palḫuissa (the regions south of Amasya), the "country" Taggasta (near modern Marsîvan), the "country" of the Kummesmaḫa river (either the Kelkit-ırmak or the Yeşilırmak) and many others.

x x x

The endings of the Kaskean geographical names reveal a certain similarity with those of the geographical names of Asia Minor of the Hittite period in general. The suffixes -anda, -iia, -ka (-ga), -na, -pa, -ra, -sa, -ssa, -ua (-uua), -ta (itta < <-inta < -nd < -t), etc., which occur in the Kaskean onomastics, correspond to the endings of the geographical names of ancient Asia Minor, viz. -iia, -ka, -na, -pa, -ra, -s, -ss (-σσ-), -ua, (-uua), -t /-at, -it, -ut and, as a result of nasalisation, -ant (-anda), -int (-inta), -unt (-unta)/, etc. Kaskean onomastics have preserved all the suffixes familiar in the nomenclature of Asia Minor of the Hittite period. A number of Kaskean geographical names contain some prefixes attested in Hattic, e.g. the nominal prefix aš-, the prefixes ḫa-, ti-, the plural prefix le-, etc.

Some features of the Kaskean names show definite Hattic characteristics, e.g. the use of -n as a mark of the Genitive, the formation of feminine names(?) by the element -ḫ, the absence of r- in the beginning of a word, etc. The root-reduplication attested in the Cappadocian tablets and Hattic texts often occurs in Kaskean names.

The major part of the Kaskean geographical names represent derivatives of Hattic words. The name Kaska itself may be etymologically interpreted on the basis of Hattic kasku "moon".

All this may be accounted for, if we assume that the Kaskean territory was inhabited by tribes closely related to the aboriginal population of ancient Hatti.

TH. V. GAMKRELIDZE

THE CONSONANTAL SHIFT (LAUTVERSCHIEBUNG) IN HITTITE (NESITE)

The system of obstruents in Hittite differs considerably from that which can be reconstructed for Proto-Indo-European.

It is a well established fact that Hittite phonemes resulting from IE voiceless plosives were denoted by doubling the sign for the corresponding consonant where the cuneiform syllabary made it possible.

The double writing of a consonant indicates, according to E.H. Sturtevant, lack of voice. The distinction between voiced and voiceless plosives was represented, in his opinion, by single and double writing of a consonant. This conclusion is based on the fact that the phonemes representing IE voiced plosives and voiced aspirates were consistently written single. The signs for voiced and voiceless plosives were interchanged without any regularity. This law, however, does not hold when we consider how the reflexes of voiced plosive plus laryngeal are represented in the Hittite cuneiform script. The clusters of voiced plosive plus laryngeal yield in Hittite phonemes represented by double writing of the corresponding consonant. Thus the reflexes of the clusters of voiced (and voiceless) plosive plus laryngeal patterned in the orthographic system of Hittite just as the phonemes resulting from the corresponding IE voiceless plosives. This conflicting evidence in representing IE voiced plosives is best accounted for, if we assume the phonemic identity of the reflexes of IE voiceless plosives in Hittite with the phonemes resulting from the clusters of corresponding IE voiced and voiceless plosives plus laryngeal. On the other hand, we cannot assume that the clusters of voiced and voiceless plosives plus laryngeal produced pure voiceless plosives in Hittite. The fact is that IE *t plus laryngeal yields in Hittite a phoneme which is not subject to assibilation before i or e, while the phoneme representing pure voiceless plosive *t becomes /ts/ in this position. This fact can only be accounted for on the assumption that the cluster of *t plus laryngeal yielded in Hittite a phoneme which was phonetically different from the pure voiceless plosive /t/. Otherwise it would have necessarily become /ts/ before the palatal vowels, for the

law of assibilation was still operating in Hittite after the fusion of laryngeals with preceding plosives.

One of the main ideas of the laryngeal theory is the origin of the Indo-Iranian voiceless aspirates from the clusters of corresponding voiceless plosives plus laryngeal. The same holds true for Indo-Iranian voiced aspirates which in some forms must be analysed as the reflexes of IE voiced plosives plus laryngeal. The same development of the clusters of plosives plus laryngeal may be assumed for Hittite. This can account for the lack of assibilation in the phoneme /th/ resulting from the cluster of *t plus laryngeal. The aspiration of /th/ prevented its assibilation.

The identity in the representation of the reflexes of IE voiceless plosives and the phonemes resulting from the clusters of IE plosives plus laryngeal necessitate the inference that the IE voiceless plosives yielded in Hittite corresponding aspirates.

In some Hittite forms the voiceless velar spirant /ḫ/ represents IE *k and *ḱ. Such a development of IE *k, *ḱ in Hittite is due not to palatalization of these IE phonemes as formerly explained, but to the shift of IE *k, *ḱ in Hittite to the aspirate /kh/ which yielded in some cases the voiceless velar spirant /ḫ/. To the aspirated character of /kh/ is due the alternation of the signs for k/g and ḫ attested in Hittite.

The Egyptian transliteration of Hittite names as well as the representation of foreign words in Hittite suggest the voicelessness of the phonemes written single. This assumption accounts for the fact that the pairs t:d, p:b, k:g are frequently interchanged in writing without any distinction between them. IE voiced plosives coincided in Hittite with IE voiced aspirates. Hittite distinguishes only between IE voiceless plosives, which produced corresponding aspirates, and IE voiced plosives and voiced aspirates which yielded corresponding voiceless plosives. The correlation of IE obstruents 'voiceless : voiced : (voiced) aspirates' changed in Hittite to the correlation 'aspirates : non-aspirates'. The

three-plosive system of Proto-Indo-European was reduced in Hittite to a two-plosive system in which the pairs of obstruents were differentiated by aspiration.

The shift of IE voiceless plosives to corresponding aspirates must be assigned to the period of independent development of Hittite, as this process was antedated by the assibilation of *t, this being a feature peculiar to Hittite. It follows that the consonantal shift operated independently in Hittite. This conclusion is supported by the different development of *di and *ti in Hittite as opposed to the development of these sequences in related Anatolian languages.

The consonantal shift may have originated in Hittite under the influence of Hattic which did not distinguish between voiced and voiceless plosives. The Hattic substratum caused the loss of aspiration and voice in IE voiced aspirates and voiced plosives. This process resulted in a shift of voiceless plosives to corresponding aspirates in the phonemic system of Hittite, owing to the tendency of the language to preserve the inherited system of correlation of IE obstruents.

x x x

The conclusion that double writing of a plosive designates the corresponding aspirate poses the question as to the origin of this method of indicating aspiration in the Hittite cuneiform script.

The Hittite syllabary must be traced back to a form which antedates the Old Babylonian script. Certain similarities between the Hittite and Hurrian syllabary lead some scholars to the conclusion that the Hittites borrowed the Hurrian system of writing and modified it to suit the requirements of their language. This assumption, however, involves certain difficulties of an orthographic-phonetic and chronological character. Some features of the Hittite syllabary cannot be accounted for, if we assume the Hurrian origin of the Hittite script. On the other hand, these

difficulties can be overcome on the assumption that the Hittite script is a direct adaptation of an Akkadian system of writing which goes back to the Old Akkadian syllabary.

The most probable source of the Hittite script seems to be the Akkadian system of writing which spread in Northern Syria at the end of the IIIrd millenium B.C. Common features of the Hittite script and the Akkadian writing from Alalakh (characteristic peculiarities in the writing of sibilants, absence of the signs for emphatics, indiscriminate use of the signs for voiced and voiceless plosives, etc.), as well as chronological considerations, lead to the conclusion that the Hittite system of writing was borrowed from the Akkadian of Northern Syria in the beginning of the IInd millennium B.C.

As the Akkadian syllabary of Northern Syria failed to distinguish between a voiced plosive and its voiceless counterpart, the two series of obstruents in Hittite (aspirates : non-aspirates) could not be differentiated by the signs for voiced and voiceless plosives respectively (or vice versâ). Under such circumstances double writing of a plosive was used as a means to designate the aspirate which is characterized phonetically by a more intense and prolonged articulation as compared with the corresponding non-aspirate.

In the Hurrian syllabary, which apparently goes back to the same source, the double writing of a plosive was used, independently of Hittite, to differentiate between a voiceless plosive and its voiced counterpart.

V. V. IVANOV

ON THE HISTORY OF SOME INDO-EUROPEAN WORDS IN CUNEIFORM HITTITE

In the present article some Hittite words of Indo-European origin are studied in their relation to non-Indo-European ele-

ments of the Hittite vocabulary. The article consists of two parts. The first one is consecrated to the semantic field of "dream" in the Hittite language. Methods of internal reconstruction are applied to Hittite šuppariia- "to sleep" and other words of the same type to show that šuppariia- was formed from a heteroclytic noun. This hypothesis is supported by comparison with other Indo-European languages. It is suggested that the old Indo-European heteroclytic name for "dream" must have disappeared in the Hittite language after the Hattic ("Proto-Hittite") word zaš(z)hi-/teššа- "dream" had been borrowed. The Hattic origin of the word is proved by phonetic analysis (cf. the Hattic name of a god Taššapuna - , Zaššapuna - , Zahpuna - with a similar phonetic structure). Since many Hittite sacral terms are Hattic loanwords, the borrowing of the word teššа-/zaššhi- may be connected with the religious significance of the word used in different Hittite texts as a designation for the "dream as a revelation of the will of gods". After the old name for "dream" had disappeared other words of the same root (*swep-, *sup-) were rarely used. Instead of them the Hittite verb šeš- (originally meaning "to be quiet", cf. Vedic sas-) and cognate words became the normal terms for the notion "to sleep". Thus the borrowing of the Hattic word led to transformation of the whole semantic field of "dream" in the Hittite language.

The second part of the article is consecrated to Hittite words formed from the base *dieu-. Anatolian *diu-ot "the Sun-god, god fo daylight" found in Cuneiform Hittite, Hieroglyphic Hittite, Luwian and Palaic is cognate to Old Indian dyut "shine". The identity of the Hittite compound aššu-šiuatt- "good day" and Vedic su-dyut is particularly significant. The old meaning of Hittite words formed from the root *dei- may have been preserved in the Urartean loanword Šiuini "Sun-god", cf. Hittite šiun(i)- "god", šiuatt- "day", Luwian Tiuatt- "Sun-god", Palaic Tiiaz "Sun-god". The meaning of Hittite šiuatt- shifted to the general

notion of "day" because as a special religious term for the "Sun-god" the Hattic loanword Ištanuš is used. The shift in meaning was reflected in the change of the gender. The Old Anatolian *diu-ot was a noun of the animated gender. The gender of the noun was in accordance with the mythological conceptions, cf. Luwian tatiš tiuaz "the father Sun-god". After the Hattic name of the Sun-god Eštan > Ištan(uš) had been borrowed by the Hittite language the word šiuatt "day" tended to become a noun of the inanimate (neutral) gender.

I. M. DIAKONOFF

HITTITES, PHRYGIANS AND ARMENIANS

The question of the origin of the Armenians and the Armenian language belongs to the most intricate problems of the history of Transcaucasia. The difficulty consists in the fact that the territory of the Indo-European Armenian language was surrounded by territories of Caucasian languages and has been formerly occupied by speakers of Hurrian and Urartean. Thus it is obvious that the original speakers of the Armenian language must have been newcomers in this area. It has to be shown, when and how they arrived there.

G.A.Kapantsian has developed a theory according to which the Armenians, or Hay-kh, are descended from the inhabitants of the country of Hayasa mentioned in Hittite texts as situated in the region south of Erzincan. But the onomastic and toponymic material from Hayasa has, on the evidence of G.A.Kapantsian himself, no connection with the Indo-European Armenian language. On the other hand, the latter does not belong to the Old Anatolian or to the Iranian branch of the Indo-European family. It has been suggested that the Indo-European Armenian language belongs to a Thraco-Phrygian branch; this is also the opinion of the author. It is corroborated by the following evidence:

I.-E. ē;ō;ā > Thr. e, ie; u, iu; a; Phr. e (ī?); u (ū?); a (ā?); Arm. i;u;a; I.-E. p;t;d Thr. p,ph; t,th; t; Phr. p,ph;

t,th; t; Arm. h,w (< *ph); th,h; t; I.-E. bh; dh > Thr., Phr., Arm. b; d; I.-E. k'; g'; g'h > Thr., Phr. s (ʃ); z (δ); Arm. s; c;dz; ('z' in Thracian and Phrygian may be the transcription of an affricate); I.-E. k^w; g^w; g^wh Thr. k (kh?);?;g; Phr.k?; b (< $*g^w$); g; Arm. kh; k (< $*k^w$, g^w); g, dz; etc. Phrygian otu 'eight' < *ottō and Armenian uth < *ōtō < *ottō are also a common trait of these two languages opposed to all other I.-E. forms of the word 'eight' which reflect a prototype *ok'tō. Cp. also the evolution of the initial s>h>0 in Phrygian and in Armenian, and other similar phenomena.

The identical reflections of several I.-E. phonemes in Thracian, Phrygian and Armenian constitute a system, while similarities in the reflexion of the same I.-E. phonemes between any one of these languages and other Indo-European languages are sporadic.

On the other hand, the Armenian language could not have been an offspring of Phrygian, though both languages must have had a common origin; there are, for instance, different reflexions of I.-E. k^w in Phrygian (b) and in Armenian (k).

The augment e- is found only in Greek, Phrygian and Armenian (and, in the form a-, in Indo-Iranian).

The declension of the noun has some similar traits in the Anatolian languages and in Armenian (Dative: Anat. -iya, Arm. -i, -y < *-iya; Genitive: Arm. -c < *-sk, which is originally an ending of possessive adjectives; cp. the loss of the Genitive and its replacement by an ending of possessive adjectives in all Anatolian languages with the exception of Hittite-Nesite). But generally the declension of the noun in Armenian is defferent from the Anatolian type. What the declension of Thracian and Phrygian nouns was like we do not know, apart from the fact that they retained the old Genitive -os and the Dative -e, -i; the Armenian forms of these two cases are obviously an innovation.

Our knowledge of Thracian and Phrygian vocabulary is very limited, so it is no wonder that we can find but few words common to these two languages and the Armenian language, which has lost a great part of its original I.-E. vocabulary. Still, we recognize the Armenian words hayr 'father' (< *phatir), mayr 'mother' (< *mathir), ēš 'ass' (< *esw), ǰerm 'hot' (< germ-) sayl 'two-wheeled cart', the verbal roots ber- 'to bear' and tu- (in tu-r-kh 'a present') - 'to give, to present' in the Phrygian (and Mysian) p(h)ater-, mater-, matar-, in the Thracian esb 'horse', in the Thracian and Phrygian germ- 'hot', in the Phrygian satilla 'chariot' and ber- 'to bear' and (according to D.Dečev) in the Thracian tō-/tū- 'to give'. In the Anatolian languages all these roots (with the exception of the Lycian[1] esb 'horse', perhaps borrowed) are absent or phonetically divergent. According to G.A.Kapantsian, several deities were common to Armenians and Phrygians.

Thraco-Phrygian tribes were unknown to Hittite documents of the IId millenium B.C., but the Phrygians arrived in central Asia Minor at some time after the fall of the Hittite Kingdom; in the VIIIth century B.C. a Phrygian kingdom was here prospering; a number of inscriptions has come down to us. The Greek tradition that the Phrygians were originally a Thracian tribe, and that the Armenians spoke a language similar to Phrygian, is well known. The Assyrian and Urartean documents call the Phrygians Muški. It is commonly thought that the term is identical with the Greek Μοσχοί and the Georgian mesx- (name of a Georgian tribe). But the identity of ethnic terms does not necessarily imply identity of language, as can be shown by several examples, and there is no evidence of a Georgian language in the area of the habitation of the Muški.

---

[1] The phonetically different word for 'horse' in Hieroglyphic Hittite (aśuwas) cannot, of course, be the prototype of Arm. ēš.

There are two groups of these latter mentioned in cuneiform documents: one, to the east of the Taurus, is mentioned by the inscriptions of the VIIIth and the VIIth centuries B.C. and is evidently identical with the Phrygians. The other, mentioned by the inscriptions of the XII-IXth centuries, inhabited since the beginning of the XIIth century a region on the Euphrates north of the sources of the Tigris, and probably lived also, together with the 'Hieroglyphic Hittites', in the different districts of Armenia Minor. The reason why this group of the Muški does not appear in the inscriptions after the IXth century is probably that the major part of them was incorporated in the kingdom of Urartu after 800 B.C., and the others were indiscriminately called 'Hittites' by the Assyrians and the Urarteans.

There are good reasons to think that the Armenians must have existed as a separate ethnic unit in Armenia Minor and in the western part of Armenia Major before the VIth century B.C., when we for the first time meet with the name 'Armenians' in the inscriptions. These Pre-Armenians may be provisionally identified with the eastern group of the Muški. Thus, the speakers of the Pre-Armenian language arrived on the upper Euphrates in the beginning of the XII century B.C., being the first wave of the Thraco-Phrygian infiltration into Asia Minor, of which the Bithynians were the last.

This does not imply, however, that the present day Armenians are direct descendants of the older group of the Muški; physically and culturally they are the descendants of the Hurrians and Urarteans, who must have changed their language in the course of the VII-V centuries B.C.

The name Hay-kh, by which the Armenians now designate themselves, is derived from *hat^{h}ios, *hathyos, a rendering of hati-, 'Hittite', a name given by the population of Urartu to the inhabitants of Armenia Minor. A similar change of name has given origin to the ethnic designation 'French'.

A COMPARATIVE SURVEY OF THE HURRIAN AND URARTEAN LANGUAGES

After the work done in this field by several eminent Western and Soviet scholars the affinity between Hurrian and Urartean can raise no doubt. This paper aims at giving a first provisional survey of these two languages from the point of view of comparative grammar.

I. The phonetic values of the cuneiform renderings of Urartean sounds can be ascertained by a comparison of Akkadian, Armenian and Greek transcriptions of Urartean proper names. The main difference between Hurrian and Urartean in their phonetic structure lies in the system of plosives. While Hurrian distinguishes only 'single' and 'double' plosives (or, possibly, aspirated and non-aspirated plosives), Urartean distinguishes voiced, 'emphatic' and voiceless plosives. The author puts forward a hypothesis according to which the parent language of Hurrian and Urartean knew voiced, 'emphatic' and voiceless plosives both in a 'single' and a 'double' (respectively aspirated and non-aspirated) variant.

This hypothesis and some other deliberations have allowed the author to reconstruct the following scheme of phonetic correspondences between Hurrian and Urartean:

2. The five main vowels a, e, i, o, u are identical in Hurrian and Urartean, but in some cases (mostly in a final position) the vowels are reduced to -e (written 'i') in Urartean. On the other hand, Urartean retains some final vowels lost in Hurrian (mostly in morphological elements).

3. The correspondence between consonants can be represented as follows: (see p. 599).

The Hurrian semivowels i, u (or y, w) correspond to identical phonemes in Urartean, but in the latter 'w' is dropped between vowels; the hiatus may be filled up by a 'y' (Hurr. šawala 'year', Ur. šale; Hurr. tiwe-, tiwa- 'word', Ur. ti-, tiya- 'to say').

Plosives:

Parent language:	p	pp	ṗ	ṗṗ	b	bb	t	tt	ṭ	ṭṭ	d	dd	k	kk	ḳ	ḳḳ	g	gg
Urartean:	p	p	ṗ	ṗ	b	b	t	t	ṭ	ṭ	d	d	k	k	ḳ	ḳ	y(g)	y(gg)
Hurrian:	p/b	pp	p/b	pp	p/b	pp	t/d	tt	t/d	tt	t/d	tt	k/g	kk	k/g, h?	kk?	k/g	kk

Fricatives, etc.

Urartean:	b /=v/	b /=v/	m	s	z	s /=š/	š /=s/	š̄	l	l	r	n	ḫ	ḫ /=γ/		
Hurrian:	ff	v	m,mm	s /=ts/	z	zz?	s̄s̄	z̄	ll	l	r,rr	n,nn	ḫḫ	γ		

(The correspondence Hurr. z = Ur. z /=dz?/ and Hurr. zz = Ur. s is dubious).

The 'w' is retained in Urartean in the Genitive and Dative ending of the Plural (-a-wə) but lost in the Singular, where the ending becomes -yə after a vowel.

On the basis of this reconstruction of phonetic correspondences between Hurrian and Urartean, the comparative morphology of the two languages can now be considered.

4. The structure of the noun-stem is identical in Hurrian and Urartean. The stem may be extended by certain modifying elements, basically identical in both languages. The suffixes of the adjectives (Hurr. -oḫḫe, -ḫḫe, -ʃe, -ne, -ae; Ur. -uḫə, -ḫə, -(i)nə, -a(y)e), and the suffix of the abstract noun (Hurr. -šə, Ur. -šə) are also identical.

5. The plural of the noun is in Hurrian indicated by the element -až-, which survives in Urartean only in the plural of the Allative case (Ur. -aštə, Hurr. -až-ta). In Urartean there exists a separate form of the noun stem for the Plural (ending in -a). The Plural of the 'Absolute' case is in Urartean indicated by the ending -lə added to the noun stem of the Singular (or collective); this ending is identical with the Hurrian predicative pronoun of the 3d person Singular -lla.

6. The declension of the noun, apart from a few case-forms peculiar to each of the two languages, is identical in both:

	Hurrian	Urartean
Ergative	-š	-šə
Absolute	-	-
Genitive	-we	-(y)ə (Pl. -wə)
Dative	-wa	-(y)ə (Pl. -wə)
Locative	-(y)a	-a
Stative	-a	-a
Allative	-t/da	replaced by -edi, which is in Hurrian a separate particle. Plural -aš-tə

7. The Hurrian relative particle -ne- is also known in Urartean, although in a more limited use (mostly in the Absolute case).

8. The structure of the verb is identical in both languages. It consists of a chain of elements, including 1) the verbal stem with modifying elements (the latter identical in both languages);

2) indicators of tense or aspect: Hurr. -ed- (transitive verbs), -ed-t- (intransitive verbs) for the imperfective aspect, -ož- (transitive verb), -ož-t- (intransitive verb) for the perfective; Ur. -(i/e)d- for the imperfective aspect, no indicator for the perfective (-uš- and, probably, -št- as survival); 3) indicators of transitiveness and intransitiveness (Hurr. -i- and -o- or -u- respectively; Ur. -u- and -a- or -o- respectively); 4) indicators of negation or affirmation (or iteration?); absent in Urartean; 5) indicators of mood, first group: Hurr. -l-, also -r-, -n-; Ur. -l-; 6) indicators of mood, second group: Hurr. -ewa, -ae, Ur. -i/eye-, -a(i)-; 7) indicators of the subject of the intransitive verb (Hurr. 1 p. Sg. -tta, 3 p. Sg. -0, 1 p.Pl. -t/dilla, 3 p. Pl. -lla; Ur. 1 p. Sg. -de, 3 p. Sg. -be or -0, 3 p. Pl. -le) or of the subject of the transitive verb. There are two series of pronominal elements expressing the subject of the transitive verb: Series I for the indicative mood, Series II for Imperative, the irreal moods and for the negative and affirmative (iterative) forms.

The object of the transitive verb is in Hurrian expressed by detachable pronominal particles identical with the pronominal elements of the subject of the intransitive verb (3 p. Sg. is -en); in Urartean they are fused with the pronominal elements of the subject of the transitive verb into one morphological complex:

Series I:

	1 p. Sg.	3 p. Sg.	1 p. Pl.	3 p. Pl.
Hurrian	-aff (or -av)	-i(y)a, -a	-av-za	?
Urartean: (no object)	-bi [-və]	(not in use)	-(v)-šə	-ito[x]
(object 3p.Sg.)	(no objective particle)	-nə	?	-ito-nə
(object 3p.Pl.)	-w-lə	-a-lə	?	-ito-lə

x) This form belongs originally to Series II.

Series II:

	1 p. Sg.	3 p. Sg.	3 p. Pl.
Hurrian	-e/i, -0[x]	(-en)[xx], 0	-ido-...(-en)-za
Urartean (no object)	-i/e	-i/ene	?
(object 3p.Sg.)	-i/e-nə	-i/ene-nə	-(i)t-ene-nə
(object 3p.Pl.)	-nə ? -lə	?	?

x) Verbal forms with the suffixes -ewa, -ae have no subject-elements in the Singular.

xx) The suffix -en is originally an objective suffix.

9. It can also be shown with some degree of certainty that the system of moods is identical in both languages.

10. The same applies to the pronominal system and to several other grammatical categories.

11. New translations of some obscure passages in Urartean texts are proposed.

LEGAL DOCUMENTS FROM ARRAPḪA IN THE COLLECTIONS OF THE USSR

This paper is a publication of one hundred cuneiform tablets and fragments dating from the middle of the II millennium B.C. and originating from clandestine excavations at the old Ḫurrian sites of Arrapḫa (Kerkuk) and Nuzu (Yorghan-Tepe). The tablets are preserved at the Hermitage (Leningrad) and at the A.S.Pushkin Museum of Fine Arts (Moscow).

Beside hand-copies and transcription of all documents, twenty of the best-preserved documents are published in translation with commentary. Among the published documents there are 10 loans, 19 tidennūtu-deeds, 16 mārūtu-deeds, 2 mārtūtu-deeds, 2 aḫātūtu-deeds, 1 marriage-contract (riksu), 1 deed of barter (šupe'ultu), 7 records of lawsuits and 9 administrative documents.

The greater part of the documents belong to the second generation of the Arrapḫites. Of an especial interest are the documents from the archives of Wullu (No.12, tidennūtu; No.No.29,32 mārūtu) and of his son Akawatil (No.49, šupe'ultu) - a branch, residing at the metropolis, of the family of Puḫišenni, one of the greatest families of Arrapḫa and Nuzu. From two of these documents it is apparent that Akia, son of Turari, and Arḫuliḫe, son of Puya, who acted habitually as witnesses to Wullu, were his debtors. The document No.3, a receipt for a loan of 220 imērū of grain (> 11 tons), borrowed by the dimtu (family community) Tukkitilla from Paišeri, administrator of the estates of Wullu, shows the scope of the usurious activities of the Puḫišenni family. The document No.1, originationg from the archives of Šurkitilla, son of Tehiptilla, indicates an interest of 30% on a loan of grain. This enables the author to consider the problem of the fluctuations of the rate of interest.

The document No.50 mentions a guarantee against the misuse of the ordeal by the contracting parties. The contents of No.51, the record of a lawsuit, seems to be a controversy between creditor and debtor concerning the marking of the latter's son by the slave-brand (? - abbūti epēšu).

An introduction to the published documents gives a summary of the social structure of Ḫurrian Arraphe in connection with the legal practice. Viewing the society of Arraphe as a system of patriarchal family communities in the process of being disorganized by the rich slaveholders who acted by means of usury, the author arrives at an interpretation of the legal practice of Arraphe substantially differing from the interpretation of the legal practice of Arraphe proposed by other scholars.

Содержание

Стр.

От редакции 3

Список сокращений 5

Э.А.Менабде, О рабстве в Хеттском государстве II

И.М.Дунаевская, Принципы структуры хаттского (протохеттского глагола 57

Г.Г.Гиоргадзе, К вопросу о локализации и языковой структуре каскских этнических и географических названий I6I

Т.В.Гамкрелидзе, Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке 2II

В.В.Иванов, Из истории индоевропейской лексики клинописного хеттского языка 292

И.М.Дьяконов, Хетты, фригийцы и армяне 333

И.М.Дьяконов, Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков 369

Н.Б.Янковская, Юридические документы из Аррапхи в собраниях СССР 424

Клинописные тексты 452

Summaries 581

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК
Вопросы хеттологии и хурритологии
*
Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР
*
Редактор издательства В.В. Иванов
Технический редактор Т.А. Волченкова
Корректор М.К. Киселева
*
Сдано в набор 14/ XII 1960 г.
Подписано к печати 6/ VII 1961 г.
А-05764 Формат 60x92 1/16 Печ.л. 38+0,5
Усл. п. л. 38,5 Уч.-изд.л. 31,71
Тираж 1000 экз. Зак. 76
Цена 1 р. 75 к.
*
Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2
*
Ротапринтный цех Издательства восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

1p.75K